

ББК 63.3(0)4
К 65

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la publication Pouchkine
avec le soutien du Ministère des Affaires Etrangères français et de l'Ambassade
de France en Russie

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин»
при поддержке Министерства иностранных дел Франции
и посольства Франции в России

Издание выпущено при поддержке Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса) в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»

The edition is published with the support of the Open Society Institute
within the framework of «Pushkin Library» medaproject

Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:

Н. С. Автономова, Т. А. Алексеева, М. Л. Андреев, В. И. Бахмин, М. А. Вдняяпина,
Е. Ю. Гениева, Ю. А. Кимелев, А. Я. Ливергант, Б. Г. Капустин, Ф. Пинтер, А. В. Полетаев,
И. М. Савельева, Л. П. Репина, А. М. Руткевич, А. Ф. Филиппов

«University Library» Editorial Council:

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev, Vyacheslav Bakhmin,
Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva, Yuri Kimelev, Alexander Livergant, Boris Kapustin,
Frances Pinter, Andrei Poletayev, Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich,
Alexander Filippov

Контамин Ф.

К 65 **Война в Средние века / Пер. с фр. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского,
М. Ю. Некрасова; под ред. Ю. П. Малинина. - СПб.: Ювента, 2001. — 416с. —
(Историческая библиотека)**

ISBN 5-87399-140-5

Книга известного французского медиевиста Филиппа Контамина посвящена истории средневековых войн. Автор исследует не только формы военных конфликтов, но и сопутствующие политические ситуации, эволюцию вооружения и представлений средневекового общества о войне. Издание изобилует увлекательными подробностями, ранее не известными российскому читателю.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(0)4

ISBN 5-87399-140-5

© Presses Universitaires de France, 1980
© Ю. П. Малинин, А. Ю. Карачинский,
М. Ю. Некрасов, пер. 2001
© Н. А. Ионов, оформление, 2001
© ООО Издательский Дом «Ювента», 2001

ФИЛИПП КОНТАМИН И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

Филипп Контамин, родившийся в 1932 г., принадлежит к старшему поколению французских историков, продолжающих традиции того направления во французской историографии, которое иногда называют «новой исторической наукой». Основателями этого направления были хорошо известные ученые Марк Блок и Люсьен Февр, но здесь нелишне напомнить, что их вдохновителем являлся Анри Берр, основатель школы исторического синтеза и автор философско-исторического и методологического труда «Синтез в истории», изданного в 1911 г. Исходя из принципа плюрализма, то есть множественности факторов исторического развития, в отличие от характерного для марксизма монистического взгляда на историю с выделением одного определяющего фактора - экономического, он полагал, что историческое исследование должно было охватывать самые разные стороны жизни общества. Правда, его мечта о некоем всеобъемлющем историческом синтезе оказалась нереализуемой на практике, но важно то, что стремление к такому синтезу, пусть даже и в ограниченных масштабах, стало характерной особенностью историков нового направления.

Предлагаемая читателю в русском переводе книга Ф. Контамина «Война в Средние века» - это не просто история военного дела, а история войны как важнейшего фактора жизни средневекового западноевропейского общества в самых разных ее проявлениях и последствиях. Многие исследователи обращались к событиям военной истории Средневековья, но никто не пытался дать комплексный анализ войны как феномена социально-политической и духовно-религиозной жизни. Именно поэтому труд французского ученого уникален, его книгу переводят на разные языки, а теперь с ней сможет познакомиться и русскоязычный читатель.

Используя огромное количество самых разнообразных источников, Ф. Контамин осуществил исторический синтез по двум основным направлениям. Он представил богатый материал по истории войн в европейских странах и проанализировал многие связанные с этим проблемы. В книге дается и классический материал по истории оружия, и оригинальный анализ средневековой тактики и стратегии, которыми прежде историки военного дела всегда пренебрегали, считая, что, по сравнению с античностью, их практически не было в Средние века. Ф. Контамин обращается и к таким редким, но важным

темам, как «история мужества», считавшегося главной добродетелью воина, как проявления войны в церковной и религиозной жизни. Иначе говоря, его труд охватывает и сугубо военные, и социальные, и политические, и духовно-религиозные аспекты войны в Средние века.

Интерес к феномену войны в широком историческом плане возник у Ф. Контамина неслучайно. Будучи прежде всего исследователем позднего Средневековья, т. е. XIV-XV вв., он долгое время занимался изучением Столетней войны между Францией и Англией. Круг проблем, которые рассматривались в его работах, посвященных этой эпохе, очень широк. Как говорил сам Контамин, в его книгах предстает «отнюдь не Франция крестьян и деревень, не Франция клириков и монахов, купцов и ярмарок, ремесленников и цехов, но Франция, также очень реальная, войны и дипломатии, государства и его слуг, знати и власть имущих». Ученого особенно интересовала история дворянства, оставшегося «ферментом свободы» и «главной или по крайней мере центральной фигурой на социально-политической шахматной доске». В связи с этим он обращается и к эволюции рыцарства в позднее Средневековье, полагая, что говорить о его неизбежном закате в XIV-XV вв. во Франции, как обычно делают историки, преждевременно.

Привилегированное место среди тем, которыми ранее занимался Ф. Контамин, принадлежит истории повседневной жизни во Франции и Англии в эпоху Столетней войны, преимущественно в XIV в. После всестороннего анализа условий и средств существования в обеих странах Контамин пришел к выводу, что по образу жизни, мировосприятию, социальной организации и другим «параметрам» эти народы были очень близки. И их родство, по мысли исследователя, отчасти объясняет, хотя и не оправдывает, завоевательные амбиции королей. Занимаясь историей XIV-XV вв., которые, в отличие от классического Средневековья, не пользовались вниманием историков-медиевистов, Ф. Контамин поставил вопрос, можно ли отнести эти столетия к «настоящему» Средневековью, или следует внести коррективы в периодизацию. Характерно, что веские аргументы в пользу своих выводов о том, что речь должна идти о продолжении Средневековья, он находит благодаря внимательному анализу идейных основ войны и мира.

Впрочем, Ф. Контамина всегда больше интересовала война как важнейший фактор человеческого существования в Средние века. Итогом его многолетних научных изысканий и стала написанная в 1980 г. книга «Война в Средние века».

Ю. П. Малинин

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние годы появились великолепные обобщающие исследования на французском языке о войне как явлении, армиях как античности¹, так и Европы в Новое время². О Средневековье подобных работ не существует, и первой задачей этой книги стали заполнение лакуны и, в соответствии с правилами серии «Новая Клио», предоставление в распоряжение читателей достаточно богатой библиографии, раскрытие общих черт военной истории Средневековья, наконец раскрытие некоторых тем более конкретно, поскольку они либо стали предметом современных исследований, либо, по нашему мнению, достойны более пристального внимания.

Конечно, тяжкий труд - пытаться охватить сразу, в одном томе, период свыше десяти веков, на протяжении которых война заставляла почувствовать свое присутствие. Мы охотно приняли бы на свой счет замечание одного исследователя: «Ни один ученый не может надеяться на то, что он освоит все источники о столь просторном предмете на протяжении тысячелетия»³. Тем более, что средневековая война представляла собой целый мир, в котором сочетались как каноническое право, так и заступнические надписи на мечах, как техника конного боя, так и искусство лечить раны⁴, как использование отравленных стрел⁵, так и питание, рекомендуемое бойцам⁶. Одним словом, предмет требует рассмотрения с разных сторон, если мы хотим осмыслить его в полном объеме: воинское искусство, вооружение, набор в армию, состав и жизнь армий, моральные и религиозные проблемы войны, связи между феноменом войны и социальной, политической и экономической средой. И при этом необходимо соблюдать хронологию (понимаемую скорее как различие «до» и «после», чем как последовательную цепь событий), которая, как нам кажется, значит для истории столько же, сколько перспектива в классической живописи.

¹ Problèmes de la guerre en Grèce ancienne / Sous la dir. de J.-P. Vernant. Paris; La Haye, 1968; Problèmes de la guerre à Rome / Sous la dir. J.-P. Brisson. Paris; La Haye, 1969; Harmand J. La guerre antique, de Sumer à Rome. Paris, 1973; Garland Y. La guerre dans l'Antiquité. Paris, 1972.

² Corvisier A. Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. Paris, 1976.

³ Smail R. C. Crusading Warfare [286]. T. V.

⁴ Chauliac G. de. La grande chirurgie / Ed. E. Nicaise. Paris, 1890. P. 15-16.

⁵ Monstrelet E. de. Chroniques / Ed. L. Douët d'Arcq. Paris, 1857. Vol. 1. P. 105; Gay V., Stein H. Glossaire archéologique [554]. Vol. 1. P. 721.

⁶ Les douze de Robert Valturin touchant la discipline militaire. Paris, 1555.

Но как можно ограничить поле исследования? Как, в частности, не начать с начала, т. е. с исчезновения Западной Римской империи и образования варварских государств? Как не закончить концом, т. е. первыми постоянными армиями, ландскнехтами, артиллерией, бастионными фортификациями?

Отметим, однако, что исследование будет иметь определенные географические рамки: не только византийский и мусульманский мир будут оставлены в стороне, но в границах самого латинского христианства наше внимание будет сосредоточено на Франции, Англии, Германии, Италии и Иберийском полуострове. Сходным образом в книге не будет затронута война на море, рассказ о которой был бы уместен в истории кораблей и флота.

Определенная таким образом тема все равно остается пространной, слишком пространной. Нужно было выбирать, часто указывать только на основные тенденции, ограничиваться то здесь, то там простым обзором. Автор примирился с такой постановкой вопроса, стараясь только, чтобы краткое изложение, скорее смелое, чем оригинальное, и часто болезненные сокращения не помешали читателю охватить тему во всем ее многообразии.

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОБЩИЙ ВЗГЛЯД.
ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ
ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ГЛАВА I

ВАРВАРЫ (V-IX вв.)

После вторжения германских народов в период с IV по VI в. и образования королевств варваров сложились новые институты власти, а наряду с новой организацией общества утвердились и новые жизненные ценности. При этом неизбежно изменились представления как о самой войне, так и о способах ее ведения. Последствия этих перемен будут ощущаться на протяжении столетий и даже, в некоторых отношениях, до конца Средних веков. Как, почему, в какой степени то, что можно назвать военным искусством варваров, превзошло военное искусство римлян?

1. ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: ВОЕННАЯ ПРОБЛЕМА

«Во-первых, следует знать, что злобный вой племен отовсюду тревожит Римскую империю, и коварные варвары, спрятавшиеся в естественных укрытиях, осаждают ее границы со всех сторон»¹. Так неизвестный автор трактата «О военном деле» (*De rebus bellicis*) описывает положение Римской империи (*Romania*) к 366-375 гг. Судя по посланию св. Иеронима, при жизни следующего поколения ситуация еще более ухудшилась: «Я не могу без содрогания перечислять все бедствия нашего столетия. Вот уже более двадцати лет на землях между Константинополем и Юлиановыми Альпами каждый день льется римская кровь. Скифия, Фракия, Македония, Дардания, Дакия, Фессалия, Ахайя, Эпир, Далмация и обе Паннонии стали добычей готов, сарматов, квадов, аланов, гуннов, вандалов, маркоманов, которые их опустошают, терзают и грабят»².

Падение Рима было отсрочено на полвека благодаря победам над западными и восточными варварами во второй половине III в., уходу из Дакии и Декуматских полей, сокращению *границы* (*limes*) Северной Африки и реформам

¹ Thompson E.-A. Roman Reformer... [674]. R 97.

² Цит. по: Courcelle P. Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris, 1948. P. 14.

Диоклетиана. Но с середины IV в. рейнская граница трещит под напором франков, аламаннов и саксов. Следует признать, что Юлиану (в сражении при Аргенторате в 357 г.) и Иовину (в сражении при Скарпоне в 366 г.) удалось стабилизировать ситуацию, но они не смогли помешать франкам окончательно обосноваться к югу от устья Рейна, в Токсандрии. Затем, с 407 г. войска Империи покинули Британию, оставив бриттов жить «по их собственным обычаям, не подчиняясь римскому праву»¹, и в одиночку отражать нападения саксов, пиктов и скоттов. Начиная с 413 г. вестготы, которые в 376 г. переправились через Дунай и заняли Балканы, а потом двинулись в Италию, прочно осели на юго-западе Галлии, в районе Нарбонны, Тулузы и Бордо. В 418 г. патриций Констанций заключил с ними мирный договор, дав разрешение поселиться здесь. После 409 г. значительная часть Испании ненадолго оказалась под властью аланов и вандалов хасдингов и силингов, но прежде всего гораздо дольше здесь господствовали свевы. В то же время аламанны поселяются на территории современных Эльзаса и Пфальца. Между 429 и 442 г. вандалы захватили самую богатую, восточную часть Северной Африки. При жизни одного поколения, с середины V в. по 484 г., вестготы подчинили себе всю Испанию, за исключением королевства свевов на северо-западе, а также юг Галлии, в то время как натиск франков, бургундов и аламаннов уничтожил остатки римского владычества в остальной Галлии. И, наконец, Италия, пережив в 476⁹³ гг. иго Одоакра, покорилась королю остготов Теодориху.

Падение Римской империи не везде было окончательным. В 533 г. Юстиниану удалось вернуть часть Северной Африки; эти земли были утрачены только в начале VIII в., на этот раз захваченные арабами. В Испании борьба за возвращение территорий ограничилась лишь районами Кадиса, Кордовы, Малаги и Картахены. Впрочем, с 629 г. последние признаки византийского владычества там исчезли. Между 536 и 554 г. к византийским владениям вновь была присоединена Италия, но уже с 568 г. вторжение лангобардов привело к падению римского мира. К концу VI в. Восточная империя еще контролировала там узкую полосу территорий от Равенны до Рима, надвое разделявшую полуостров, а также Сицилию, Сардинию, Корсику и обширные владения в Южной Италии. В конечном счете лангобарды так и не смогли завладеть всем полуостровом, и только в XI в. норманны окончательно вытеснили византийцев из Калабрии и Апулии.

Процесс, который повлек за собой падение римского владычества на Западе, не был быстрым и необратимым: различные события прерывали и оттягивали его завершение. Происходили неоднократные «приливы и отливы». Тем

¹ Цит. по: *Musset L. Les invasions: les vagues germaniques. Paris, 1965. P. 155.* - На самом деле массовое переселение ютов, англов и саксов на восточное и южное побережье Британии началось только в конце V в.

не менее неумолимый натиск варварских племен относительно редко прерывается крупными сражениями и продолжительными осадами. Чаще всего собственно римские войска отказывались вступать в открытые столкновения с вражескими силами, постепенно разлагались изнутри.

Причины этого разложения отчасти раскрывает отрывок из Прокопия Кесарийского. Рассказав о том, как вестготы захватили Испанию и часть Галлии к западу от Роны, он добавляет: «Другие римские воины были поставлены там для охраны в крайних пределах Галлии. У этих солдат не было никакой возможности вернуться в Рим, они отказывались покориться врагам-арианам и со всеми знаменами и страной, которую они издавна охраняли для римлян, сдались арборихам и германцам; потомкам они передали все обычаи своих предков, свято храня их и теперь [в середине VI в.]. Римских воинов легко можно узнать по номерам тех легионов, в которых в прежнее время они несли боевую службу; и в бой они идут, неся перед собой те знамена, которые у них были, и всегда применяют законы своей родины»¹.

Действительно, войска императорского Рима на протяжении долгого времени внешне выглядели прекрасно. Между 324 и 337 г. Константин придал армии более четкую структуру, исходя из общей стратегической концепции. В отличие от Диоклетиана, который в конце III в. стремился оберегать границы и сосредоточил там большую часть войск, Константин существенно усилил боеспособность и численность мобильной армии за счет регулярного изъятия людей из частей прикрытия, а также за счет новых кавалерийских и пехотных полков. Тем самым обозначилась взаимодополняемость - но вместе с тем и противопоставление - *мобильной армии* (comitatenses), с одной стороны, *пограничников* (limitanei), *береговой охраны* (ripenses) и *крепостных гарнизонов* (castellani) - с другой. Позже, с раздроблением Империи и ростом внешних угроз, мобильная армия разделилась на отдельные отряды, каждый из которых, в принципе, был прикомандирован к какому-либо большому району, тогда как в личном распоряжении императора, или императоров, помимо собственно *телохранителей* (scholae), оставались элитные отряды *палатинов* (palatini).

Римские воины должны были подчиняться суровой дисциплине и проходить безупречную подготовку. Солдаты и офицеры служили на протяжении долгого времени. Это были настоящие профессионалы, которые регулярно получали приличное *натуральное* (annonae) - хлеб, мясо, вино, масло - или денежное довольствие, размеры которого зависели от занимаемой должности в армейской иерархии. Войска снабжались однотипным наступательным и защитным вооружением, изготовленным и хранящимся в государственных

¹ Цит. по: Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. Кондратьева. М., 1996. С. 60-61.

мастерских (*fabricae*): При необходимости даже лошадей для римской конницы поставляло государство⁵. Все это позволяло солдатам вести привольный образ жизни и иметь семью, многие из них владели рабами. Постоянным местом пребывания пограничных отрядов являлись *крепости* (*castella*), укрепленные лагеря и башни. Внутренние части римской армии иногда размещались в казармах, но чаще всего жилище и (если не по закону, то фактически) мебель, дрова, освещение им должны были предоставлять горожане. Солдаты пользовались различными налоговыми льготами (были освобождены от уплаты *поголовного налога* (*capitatio*)). После 20 лет службы в армии они *получали почетное увольнение* (*honesta missio*), после 24 лет - увольнение с *пенсией за выслугу лет* (*emerita missio*). В этом случае они не только сохраняли налоговые льготы, но и получали денежную сумму, которая позволяла начать торговлю или приобрести участок, правда, чаще всего целинной земли вместе с небольшим пекулием, семенами для засева и парой волов.

Для обороны пограничных рубежей надо было создавать и содержать в порядке стратегические дороги, рвы и оборонительные укрепления, крепости. Из одного документа начала V в. мы узнаем о существовании 89 крепостей вдоль Дуная, 57 - на восточной границе, простирающейся от Черного до Красного моря, 46 - в Африке от Триполитании до Тингитании, 23 - в Британии и 24 - в Галлии⁶. Специалисты, тем не менее, считали, что этого недостаточно: «Безопасность рубежей будет обеспечена гораздо лучше линией крепостей с крепкими стенами и очень мощными башнями, возведенных на расстоянии тысячи шагов друг от друга [т. е. через каждые 1500 м]»⁷. Во всяком случае, римские императоры призывали своих подданных к выполнению этой задачи с расчетом на будущее. Об этом свидетельствует письмо Валентиниана I, направленное в июне 365 г. дуксу Прибрежной Дакии (*Dacia Ripensis*): «Высокородный муж, на доверенной тебе границе ты должен не только восстанавливать укрепления, пришедшие в негодность, но также каждый год возводить новые башни в местах, которые для этого пригодны. Если ты ослушаешься моего приказа, то по истечении срока твоей власти тебя вызовут на границу, и укрепления, которые ты забудешь построить при помощи армейских рабочей силы и средств, тебе придется возводить за свой счет»⁸.

⁵ На территории Империи находилось около 40 мастерских, где работали оружейники (*fabricenses, barbaricarii*), зачисленные на военную службу

⁶ Лошади поставлялись *начальником конюшен* (*comes stabuli*) или из императорских, или провинциальных конных заводов за счет специального налога.

⁷ *Notitia dignitatum utriusque imperii* / Hrsg. O. Seeck. Berlin, 1876.

⁸ *Thompson E.-A. A. Roman Reformer...* [674]. P. 105.

⁹ Цит. по: *Piganiol A. L'Empire chrétien (325-395)*. Paris, 1947. P. 173.

Между тем, римская армия имела серьезные недостатки, значительно умалявшие ее достоинства. Уже тогда общая стратегия, на основе которой создавалась армия, подвергалась критике. Так, Зосим противопоставляет Диоклетиана, расположившего армию в фортах на границе Империи, Константину, «отозвавшему оттуда большую часть солдат, чтобы поместить их в города, не нуждавшиеся ни в какой защите»¹⁰. Следствием этого были упадок городов, отягощенных воинским постоем, и потеря боеспособности войск. Конечно, это суждение язычника о первом императоре-христианине пристрастно. Несомненно, политика Константина, впрочем, начатая уже Галлиеном в III в., была наилучшей; его преемники не смогли предложить никакой другой. Во всяком случае, части мобильной армии, удаленные от непосредственной опасности, рисковали потерять боеспособность; более того, они легко превращались во внутренние гарнизоны, теряли всякую подвижность, втягивались в решение задач охраны и поддержания общественного порядка.

Столь же важен вопрос о комплектовании войск Империи и их численности. Регулярная армия, за исключением федератов, о которых речь пойдет дальше, пополнялась за счет следующих источников:

а) сыновья солдат, физически пригодные к военной службе, должны были наследовать ремесло своих отцов, так как во времена поздней Империи был широко распространен принцип наследования профессии;

б) существовал ежегодный рекрутский набор: один или несколько собственников, в зависимости от размера имущества, должны были выставять человека из своих владений или купленного у торговцев солдатами; такая повинность называлась *поставкой новобранцев* (*praebitio tironum*), от нее можно было откупиться, выплатив в казну определенную сумму денег (*augum tironicum*);

в) добровольцы принимались и вербовались в армию при соблюдении некоторых условий: не допускали слабых и калек, рабов и некоторых кононов (за исключением кризисных периодов), представителей ряда профессий, считавшихся позорными. Напротив, варвары могли поступать в армию в индивидуальном порядке (так или иначе, они служили в смешанных подразделениях либо в частях, состоявших преимущественно из представителей одного народа или этнической группы, но командный состав оставался, хотя бы отчасти, римским).

Казалось бы, этих источников комплектования армии должно было хватать; на практике же во многих регионах Империи римские граждане не испытывали никакого влечения к тяготам и опасностям военной службы, надолго, если не навсегда, отрывавшей человека от привычной жизни. Лишь самые бедные, за неимением лучшего, соглашались подчиниться строгостям воен-

ной дисциплины. Властям приходилось все чаще прибегать к услугам варваров, что усугубляло разрыв между населением Римской империи (Romania) и ее армией.

Общую численность набранной таким образом римской армии определить довольно сложно. Согласно современнику Юстиниана Иоанну Лидийцу, почерпнувшему сведения из архивов префектуры претория, где он работал, армия Диоклетиана составляла 435 266 человек, из которых 389 704 служили в сухопутных войсках, а 45 562 - на флоте. Агафий, тоже писавший в VI в., считал, что некогда численность армии доходила до 645 000 человек. Но самые достоверные сведения предоставляет знаменитый «Список всех гражданских и военных должностей и административных постов Востока и Запада» (*Notitia dignitatum et administrationum omnium tam civilium quam militarium in partibus Orientis et Occidentis*). Этот документ, дошедший до нас в нескольких рукописях XV и XVI вв., - в свою очередь сделанных по «Шпейерскому кодексу» (*Codex spirensis*) IX в., ныне утраченному, за исключением одного листа, - несомненно был составлен одним из *первых секретарей* (*primicerium notariorum*) Западной Империи в начале V в. Последняя запись в той части документа, которая касается Восточной Империи, сделана в 408 г., тогда как записи, посвященные Западной Империи, велись, правда, в неточном и отрывочном виде, вплоть до 423 г." Даже если признать эти даты достоверными, то остаются два неясных момента: с одной стороны, имперская администрация, по-видимому, присоединяла по мере формирования новые войсковые части; с другой стороны, численность разных воинских соединений. Фердинанд Лот не принял на веру этот «Список», увидев в нем чистую «фантазмагорию»¹². Другие историки придерживаются приблизительной цифры в 600 000 человек, подтверждающей предположение Агафия. Анонимный автор трактата «О военном деле» высказывает противоречивое суждение: к утверждению, что у Империи было очень много солдат, оплачивавшихся слишком дорого и «засиживавшихся» надолго в армии, он добавляет, что войны и дезертирства, вызванные отвращением к солдатской жизни, опустошили войско¹³. Быть может, сведения, предоставленные «Списком», имеют главным образом фискальное значение и соответствуют прежде всего общей сумме расходов, требующихся для армии. Тогда следовало бы рассматривать список личного состава и его географическое размещение как теоретические (карта 1).

¹² Jones A. H. M. *The Later Roman Empire, 284-602. A Social, Economic and Administrative Survey*. Oxford, 1964. Т. III. P. 347-358; Hoffmann D. *Das Spättrömische Bewegungsheer* [164].

¹³ Loi F., Pfister C., Ganshof F. L. *Les destinées de l'Empire en Occident de 395 à 768*. Paris, 1940. P. 19.

¹⁴ Thompson E.-A. A. *Roman Reformer...* [674]. P. 112-113.

Империя	Пограничные войска			Мобильные войска			Телохранители	Общая численность
	Конница	Пехота	Общая численность	Конница	Пехота	Общая численность		
Восточная Империя	112 000	138 000	250 000	21 500	78 500	100 000	3500	353 500
Западная Империя	29 500	105 500	135 000	23 500	89 500	113 000	2500	250 500
В целом	141 500	243 500	385 000 = 63 %	45 000	168 000	213 000	6000	604 000

Общая численность конницы - 186 500 человек = 30%.

Общая численность пехоты - 411 500 человек = 68%.

К этим регулярным формированиям добавлялись, особенно с конца IV в., силы федератов, т. е. варварских народов, главным образом германцев, сражавшихся под командованием своих вождей и получавших от Рима при поступлении на службу общую сумму в качестве платы за службу и расходов на содержание. Часто доходило до того, что эти федераты составляли определенную часть армий, пытавшихся дать отпор захватчикам. Даже в эпоху Юстиниана, особенно после великой чумы 541-543 гг., роль федератов становится главенствующей, по меньшей мере в действующей армии, так что «временами римские войска, вероятно, были такими же римскими, как армия Франко во время гражданской войны 1936-1938 гг. была испанской»¹⁴.

Итак, контраст между внешней мощью военного аппарата и его слабой эффективностью поразителен. Теоретически римская армия была огромным безупречно налаженным механизмом, а вот в действительности его колеса «заедало» все больше и больше. Даже императоры - а среди них встречались энергичные люди - не смогли использовать преимущества - простоту коммуникаций, изобилие данных, быстроту передачи приказов. Более того, бюрократия, поддерживавшая их усилия, была немногочисленной, она часто не успевала справляться с делами и пренебрегала ими, надеялась в основном на отсрочки, легко соглашалась на уступки. Окружение императора было склонно тешить себя иллюзиями. Если верить Аммиану Марцеллину, эта склонность не иссякла и в 376 г., когда вестготы попросили у Валента разрешения на переправу через Дунай. Их просьбу «приняли скорее с радостью, чем со страхом. Поднаторевшие в своем деле льстецы преувеличенно превозносили счастье императора, которое предоставляло ему совсем неожиданно столько

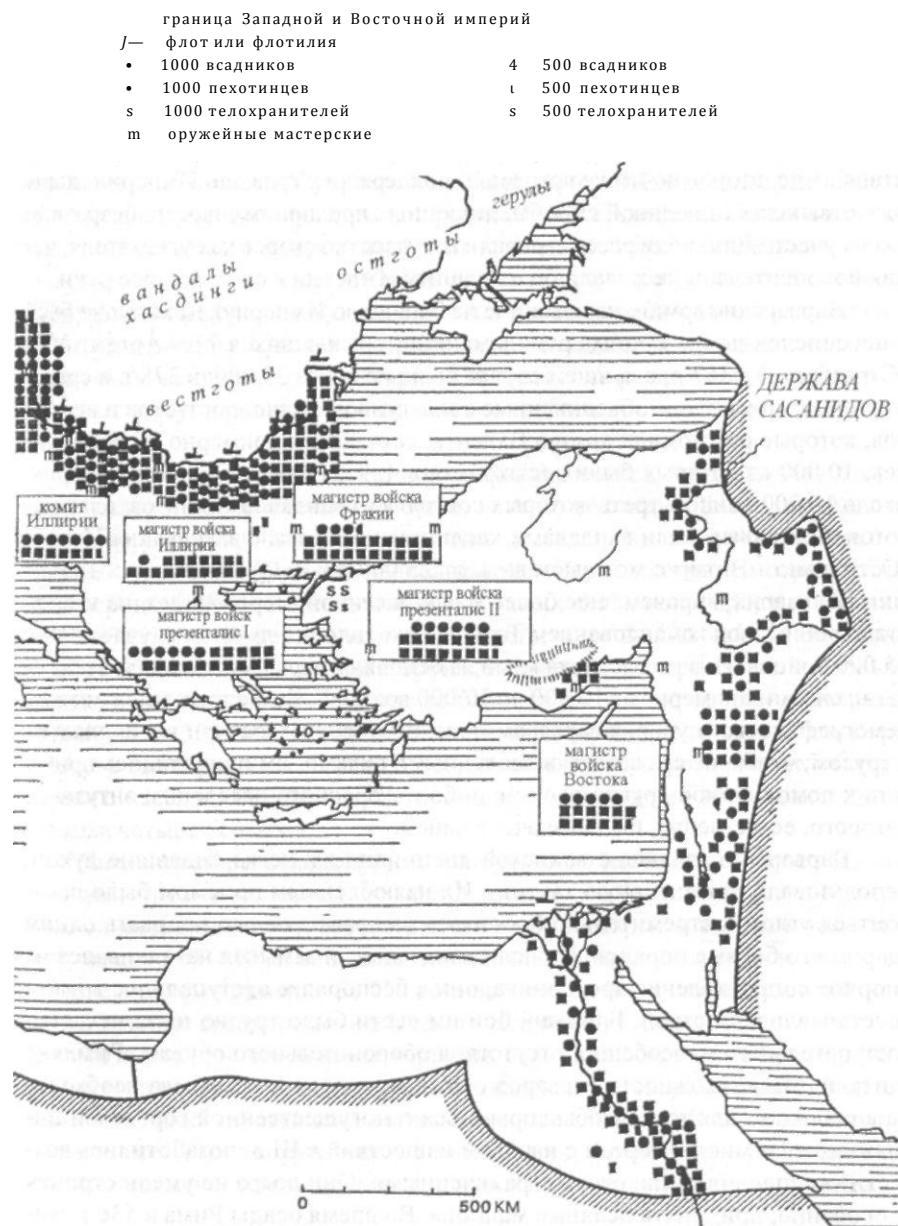
¹⁴ Teall]. L. Barbarians... [176]. P. 312.

Фигуры на карте обозначают отряды мобильных (palatini, comitatenses) и пограничных (limitanei) войск, из расчета по 1000 человек на легион в мобильной армии и 3000 человек в пограничных отрядах. Численность других контингентов (Vexillationes, Auxilla, Pseudo-comitatenses, Alae, Cohortes, Cunel, Milites, Numeri) примерно равнялась 500 бойцам.

(По: Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284-602 / A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964)

Карта 1. Теоретическое размещение римской

армии в начале V в. (По: Notitia dignitatum)

рекрутов из отдаленнейших земель, так что он может получить непобедимое войско»¹⁵. Вне всякого сомнения, смысл этой странной политики кроется в напрасной надежде смирить, романизировать варваров, разрешив им поселиться на землях Империи, чтобы набирать из них солдат, если и не совсем безопасных и верных, то вполне боеспособных. Это тем более вероятно, что действия императоров почти не встречали поддержки у граждан Империи, давно уже отвыкших от военной службы, лишенных предприимчивости, безразличных к участи Рима; они рассматривали государство скорее как угнетателя, чем как покровителя, и не желали брать защиту Империи в собственные руки.

Варварские армии, нападавшие на Западную Империю, никогда не были многочисленными: к примеру, аламаннов, сражавшихся при Аргенторате (Страсбурге) в 357 г., в лучшем случае было не более 25 000; в 378 г. в сражении при Адрианополе объединенные силы гуннов, аланов, остготов и вестготов, которые разгромили армию Валента, составляли примерно 18 000 человек, 10 000 из которых были вестготами; в 429 г. Гензерих привел в Африку около 16 000 воинов, треть которых состояла из вандалов силингов, аланов и готов, остальные были вандалами хасдингами. В начале завоевания Италии Юстинианом Витигис мог выставить от 25 000 до 30 000 воинов против армии Велизария, впрочем, еще более малочисленной. Через 20 лет, на втором этапе войны, под командованием Тотилы находилось в лучшем случае только 25 000 бойцов. Иначе говоря, каждый из основных варварских народов располагал силами примерно от 10 000 до 30 000 воинов¹⁶. Более того, из-за низкого демографического уровня варварам не хватало солдат, потери восполнялись с трудом; чтобы не сражаться ослабленными силами, им приходилось прибегать к помощи либо других племен, либо покоренного населения, энтузиазм которого, естественно, был незначительным.

Варвары, не знавшие воинской дисциплины и легко падавшие духом, использовали примитивную тактику. Их излюбленным приемом было построиться углом и стремительно броситься на врага с целью прорвать одним ударом его боевые порядки. Но если изначальный замысел наталкивался на упорное сопротивление противника, они в беспорядке отступали и с трудом восстанавливали строй. Ближний бой им вести было трудно из-за нехватки наступательного и, особенно, оборонительного оружия. Римляне считали, что возможности варваров осаждать города (осада была необходима в основном для того, чтобы справиться с могущественной городской цивилизацией - многие города с началом нашествий в III в. позаботились возвести укрепления) были очень ограниченными. Они долго не умели строить и, особенно, применять осадные машины. Во время осады Рима в 536 г. Ви-

¹⁵ Цит. по: Аммиан Марцелин. Римская история, XXXI, 4.

¹⁶ Может быть, у бургундов было только 5000 воинов.

тигис приказал построить деревянные башни на колесах, которые тащили быки. Но продвижение этих сооружений было быстро остановлено римскими лучниками, перебившими быков. Военные вожди вестготов, остготов или франков отлично понимали, что нужно делать, но обычно были неспособны довести до конца свои планы. Животрепещущей была и проблема снабжения продовольствием. У варваров не было ничего похожего на сложную и хорошо продуманную организацию римского интендантства. Гонимые голодом, они часто были вынуждены бродить, разделившись на маленькие, очень уязвимые отряды, по крайней мере до тех пор, пока оборона на местах не была полностью дезорганизована. Положение варваров осложнялось также и тем, что они были вовсе не армиями, а кочующими народами: повозки, кладь, скот, женщины, дети и старики, которых они везли с собой, ограничивали быстроту передвижения их войск и требовали постоянного надзора и защиты¹⁷.

Немногочисленные армии, примитивная тактика, почти полное отсутствие тылового обеспечения. Из этого, однако, не следует делать вывод, что победа варваров необъяснима. Отметим сначала разницу между военными силами германцев и римлян в период нашествий на позднюю Империю: с одной стороны, варвары использовали в военных целях всех взрослых мужчин с 14-16 лет, т. е. четвертую или пятую часть всего народа, до тех пор, пока силы не оставляли их; с другой стороны, в Империи, где проживало несколько десятков миллионов человек, можно было набрать, и то ценой чрезмерных усилий, лишь 500 000 или 600 000 солдат, из которых две трети или даже три четверти были фактически не в состоянии воевать, т. е. соотношение солдат и мирного населения теоретически составляло сотые доли, практически же - порядка четырех сотых.

Численное превосходство императорских войск было тем более сомнительным, что в зависимости от обстоятельств римское государство должно было одновременно противостоять нескольким варварским народам: так, в период между 407-410 гг. войска вестготов, вандалов, аланов, свевов, насчитывающие в целом примерно 60 000 воинов, едва ли были малочисленней, чем все мобильные армии римлян в Италии, Испании и Галлии.

Хотя военное снаряжение варваров было в целом весьма несовершенным, тем не менее, некоторые германские народы, благодаря контактам со степными кочевниками, стали замечательными наездниками. К тому же некоторые предметы их вооружения - длинный меч, франциска - были великолепны в техническом отношении, тогда как у римлян не было подобного

¹⁷ Ср. *Laclance. De mortibus perscutorum* / Ed. J. Moreau. Paris, 1954. Vol. I. P. 88. - «Варвары имеют обыкновение отправляться на войну со всем, чем они владеют, обремененные множеством людей и своим имуществом».

оружия. Незрелость искусства осадной войны у варваров являлась бы серьезной помехой только в том случае, если бы города активно оборонялись: на самом деле одни из них были захвачены внезапно, в результате измены или более-менее продолжительной осады, другие сами открыли ворота в надежде на пощаду (*sub spe pacis*) (Рим, 537-538 гг.). Лишь немногим удавалось сдерживать противника так долго, чтобы в случае необходимости римская армия могла собраться и подойти на помощь¹⁸. Другими словами, действия римлян были успешными, только если население проявляло волю к самозащите. В силу различных причин, которые так или иначе выходят за рамки военных вопросов, эту волю оно проявляло весьма редко.

Репутация варваров была такова, что весть об их приближении вызывала панику и сковывала волю к сопротивлению. Тексты того времени соперничают в описании их дерзости, жестокости и кровожадности. Аммиан Марцеллин пишет о гуннах: «Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями»; Веллей Патеркул - о лангобардах: «Народ более свирепый, чем самые свирепые германцы»; Исидор Севильский - о франках: «Они так названы по причине кровожадности их нравов»; Сидоний Аполлинарий - о саксонских пиратах: «Это самый свирепый из всех врагов». Он же писал, что салические франки «с детства питают к войне такую же страсть, какую другие - в зрелом возрасте. Если случается, что противник превосходит их числом или их позиция невыгодна, только смерть, но не страх, может их одолеть. Они остаются недвижими и неодолимы, и их мужество живет, если можно так выразиться, до последнего вздоха»¹⁹. Что делать с этими людьми, способными впадать в «воинский экстаз»²⁰, как противостоять *тевтонской ярости* (*furore teutonicus*)? Объяснение св. Иеронима, что «это наши грехи придают силу варварам, наши пороки ослабляют римскую армию»²¹, можно принять, если рассматривать его как религиозную трактовку состояния духа римлян: повсеместный упадок общественного сознания, отсутствие гражданского чувства были тем более тягостны, что поражали власть имущих в большей степени, чем бедняков. «Они предвидели рабство и не боялись его. Эти грешники были лишены страха, чтобы принять какие-либо меры предосторожности. Поэтому, когда варвары оказывались почти на виду у всех, граждане не испытывали страха и оставляли города без защиты»²².

¹⁸ Однако были и исключения - например, почти легендарная оборона городов Северной Галлии во время нашествия Аттилы (св. Луп защищал Труа, св. Эньян - Орлеан, св. Жгневьева - Париж).

¹⁹ Аммиан Марцеллин. Римская история, XXXI, 2; Веллей Патеркул. Римская история, II, 106; Isidoros. Etymologiae; Apollinaris Sidonius. Carmina, V, 5; Epistolae, VIII, 6.

²⁰ Выражение Ф. Альтхейма: Altheim F. Die Krise der alten Welt. Berlin, 1943. S. 110.

²¹ Цит. по: Courcelle P. Op. cit. P. 14.

²² Salvien de Marseille. Œuvres / Ed. G. Lagarrigue. Paris, 1975. Vol. II. P. 413-415.

2. ВОЙНА И ОБЩЕСТВО В ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕВСТВАХ (VI-VII вв.)

Политические, социальные, религиозные условия, характерные для разных варварских королевств, начиная с первой половины V в. заметно отличались друг от друга. Прежде всего, можно противопоставить народы, вторгшиеся на незанятые или малонаселенные территории, - это были завоеватели Британии англы, юты, саксы или аламанны, бавары, тюринги - народам, захватившим власть над областями, население которых не было изгнано и где, стало быть, победители составили более или менее существенное меньшинство: так произошло с бургундами, вестготами, остготами, свевами, вандалами, лангобардами, франками, хотя последние в некоторых областях на севере Галлии, вероятно, все же были в большинстве. Также нужно отличать королевства, просуществовавшие на протяжении недолгого времени (королевства бургундов на юго-востоке Галлии, вандалов в Африке, остготов в Италии, свевов и вестготов в Испании, лангобардов в Италии), от государств с многовековой судьбой - франков и англосаксов. Кроме того, некоторые народы, сделавшись оседлыми, прекратили всякую экспансию и быстро перешли к обороне (остготы и вандалы), тогда как другие надолго сохранили в себе дух завоевателей (франки и лангобарды). Таким образом, в VI—VII вв. имело свою военную историю каждое германское королевство Западной Европы: они сталкивались с разными опасностями, вступали в конфликты то с соседними германскими королевствами или народами, то с внешними противниками, такими, как византийцы и арабы. Однако их представления о войне и принципы ведения военных действий имеют достаточно много общих черт.

Действительно, в любом случае речь идет об обществах, принципиально ориентированных на войну, где большинство общепризнанных ценностей были воинскими, где институты общества и армии были тесно и органично взаимосвязаны, где свободный человек естественно являлся воином и обязанностью короля было «ведение войны» {нем. Heerkönigtum), где король считался «зачинщиком завоеваний», где война - «образ жизни, а равно средство выживания и экспансии»²³, где многие события общественной и частной жизни, не относящиеся к военной сфере, легко принимают военную окраску: когда Хильперик отдал в жены вестготскому королю Реккареду свою дочь Ригонту, он отправил с ней свиту в 4000 солдат; майордом Бургундского королевства Бертоальд, получив приказ инспектировать *фиски* (fisci) вдоль Сены, привел с собой 400 воинов. «Цивилизация, рожденная великими переселениями, была цивилизацией войны и агрессии»²⁴. Вездесущность войны нашла отражение

²³ Wallace-Hadrill J. M. Early Germanic Kingship in England and on the Continent. Oxford, 1971. P. 151.

²⁴ Duby G. Guerriers et paysans... [158]. P. 60.

и в германской ономастике, распространившейся в Галлии VII в. среди потомков галло-римлян: Бодри (Bald-Rik: смелый-могущественный), Ришар (Rik-hard: могущественный-отважный), Арман (Heri-man: человек войны), Роже (Hrot-gar: славное копье), Вильгельм (Wile-helm: воля-шлем), Жерар (Ger-hard: сильное копье), Ожье (Adal-gari: благородное копье), Гертруда (Gaire-trudis: надежное копье), Матильда (Macht-hildis: могучая на войне), Сибур (Sige-burgis: защита путем победы), Людовик (Chlodo-wed, Hlodovicus: славный бой), Лотарь (Chlot-ari: знаменитая война), Герберт (Chari-bercht: блистающий в войне), Гунтрамн (Gund-chramm: ворон битвы), Клотильда (Chlote-hildis: славное сражение), Брунгильда (Brune-hildis: панцирь-битва). Среди германских заимствований из латинского языка также преобладают термины, связанные с войной: война (guerre), стража (garde), дозор (guet), маршал (maréchal), сенешаль (sénéchal), ранить (blesser), подстергать (épier), начищать оружие (fourbir), ранить (navrer), посвящать в рыцари (adouber), длинный меч (estoc), шлем (heaume), маленький круглый щит (targe), поддоспешник (gambeson), стремя (étrier), шпора (éperon), штандарт (étendard), стяг (bannière), хоругвь (gonfanon).

Одной из характерных черт новых форм военной организации варварского мира является решительный отказ от военной системы римлян. Римская военная организация предусматривала наличие постоянной армии из профессиональных солдат, содержавшейся за счет регулярного натурального и денежного налогообложения остального населения. Частью этой системы была военная и гражданская бюрократия, распоряжавшаяся архивами и широко использовавшая различные документы. Принципиальной задачей армии была защита всей римской территории, где должен был поддерживаться мир, поэтому у населения не возникало необходимости носить оружие, насилие считалось незаконным и обращение в суд являлось привычным способом разрешения любых споров.

В целом варварские монархии не имели регулярных армий; число чиновников, им служивших, резко сократилось; ее средства и сфера деятельности были очень ограничены. Прямое налогообложение значительно снизилось, во многих регионах даже исчезло совсем; косвенное налогообложение, сохранившись лучше, уменьшилось вследствие ослабления торговых связей; денежное обращение сократилось, и деньги все чаще стали копить в качестве сокровищ; ресурсы государств расходовались по большей части на личные траты королей и их приближенных; понятие границы почти исчезло, поэтому повсюду стало небезопасно, каждый регион мог подвергнуться нападению; любой человек, любая социальная или семейная группа должны были сами заботиться о собственной безопасности и защищать свои права и интересы с помощью оружия; его ношение, первоначально дозволенное только завоевателям, распространилось среди всего населения, в то же время

происходило этническое, правовое и культурное слияние победителей и побежденных; стерлось различие между публичной и частной войной, между вендеттой - кровной мстью - и войной, которую король ведет во имя своего народа. Даже вергельд как способ остановить наступление и насилие выглядит в некотором отношении выкупом, возмещением ущерба пострадавшей стороне.

Однако несколько фактов стирают грани этих отличий:

а) Со времен поздней Империи воинский аспект императорских обязанностей значительно усилился. Кое-какие обычаи римляне позаимствовали у варваров, о чем свидетельствует, например, случай, когда римские *α* идаты приветствовали грохотом щитов поднятого на большом щите императора Юлиана (360 г.). В окружение императора входило много военных, часто германского происхождения. Начиная с эпохи правления Константина, военные командиры стали настолько независимы от префектов претория, викариев, проконсулов и наместников провинций, что главнокомандующие конницей и пехотой (*magistri equitum et magistri peditum*), дуксы, комиты подчинялись теперь только императору: прежний принцип «оружие да уступит место тоге» (*cédant arma togae*) перестал действовать, гражданская власть утратила главенствующее положение. Даже служба в гражданских учреждениях рассматривалась как *военная служба* (*militia*), правда, отличная от *службы в армии* (*militia armata*), но предусматривавшая ношение формы и военного пояса (*cingulum*). Что касается «римского мира» (*pacis romanae*), то во многих областях Империи он существовал только в воспоминаниях или как пережиток; постоянные волнения и народные восстания, как, например, восстания багаудов в Галлии, циркумцеллионов в Африке, проникновение и закрепление в Империи небольших групп варваров, даже до начала великих нашествий, привели к его окончательному исчезновению. Со своей стороны, власть имущие в своих владениях вели себя уже как сеньоры; их *виллы* (*villae*), защищенные башней, стали выглядеть как укрепленные дома. Либаний в своей речи «О патронате» уделяет особое внимание военному характеру этого института.

б) Варварские монархи, напротив, стремились как можно лучше использовать в своих интересах остатки военной организации поздней Империи. Именно так поступал остготский король Теодорих. Чиновники Константинополя рассматривали его как римского военачальника (*magister utriusque militiae*), которому передали в управление Италию. Таким образом, Теодорих на законном основании возглавил римскую армию, состоявшую, правда, исключительно из германцев, поскольку все римляне были изгнаны оттуда. Офицеры этой армии носили римские титулы дуксов, комитов, трибунов, префектов. Часть войск, размещенных в крепостях пограничных провинций (Реции, Паннонии, Далмации, Савии), можно считать преемниками пограничных отрядов поздней Империи, тогда как *комиты городов* (*comités civitatum*), поставленные во главе

внутренних гарнизонов готов, и *дуксы провинций* (*duces provinciarum*), которым было поручено пресекать разбой, являлись наследниками командиров мобильной армии прежней эпохи. Подобно тому как императоры окружали себя телохранителями ради собственной безопасности, Теодорих имел свою личную охрану. Некоторые мастерские поздней Империи продолжали функционировать, сохранилась и практика *денежных подарков* (*donativum*) солдатам и морякам. По крайней мере, во время военных действий в войсках раздавали жалованье деньгами и натурой; таким образом, готские солдаты жили не только за счет трети земель, которые получили на основании *режима гостеприимства* (*hospitalitas*) после победы над Одоакром. Возможно, что не прекращали действовать и некоторые положения римского военного законодательства. Даже запрещение римлянам²⁵ носить оружие может рассматриваться не как мера безопасности с целью обезопасить германское меньшинство от всякой попытки восстания, а как сохранение предшествующего римского законодательства.

Вследствие того, что на территории других германских королевств распад военных институтов Империи зашел дальше, чем в Италии, они унаследовали очень небольшую часть военной организации поздней Империи. Заметим, однако, что бургундам, вестготам и франкам был известен институт графа города, «одновременно военного предводителя, хранителя общественного порядка, судьи, сборщика налогов, администратора»²⁶, что являлось результатом слияния римской и германской традиций.

В соответствии с кодексом Рацесвинта, в городах и крепостях вестготского королевства существовали лица, ответственные за снабжение армии, которых называли «раздатчиками довольствия» (*erogatores annonae, dispensatores annonae, annonarii*). В одном из источников, правда, позднем: «Житии св. Авита», епископа Сарлата в Перигоре, - есть правдоподобное сообщение о денежных подарках, которые король Аларих II якобы раздавал своим войскам накануне битвы при Вуйе (507 г.). Еще в VII—VIII вв. лангобардские короли оставались верны римской пограничной стратегии и защищали свои владения с помощью сети *пограничных укреплений* (*clusae, clusurae Italiae*). Известно также, что они использовали средства своей казны для раздачи денежных подарков войскам; термин *sculca*, обозначавший отряды воинов, которые выполняли в действующей армии особые задания, был общим для византийцев и лангобардов.

²⁵ См.: Anonymus Valesianus // Ammianus Marcellinus / Ed. et trad. J. C. Rolfe. London; Cambridge, Mass., 1939. Т. III. Р. 560: «А также ни одному римлянину не разрешается пользоваться оружием, даже и пажам».

²⁶ Tessier G. 25 décembre... le baptême de Clovis. Paris, 1964. Р. 257.

Набор в армию в варварских королевствах был основан на одном и том же принципе: всякий свободный человек обязан, пока у него есть силы²⁷, подчиниться призыву короля и служить в течение всей кампании (*expeditio*), самостоятельно заботясь о своем содержании и экипировке. Любое уклонение влекло за собой наказание, чаще всего тяжелый штраф. Так, статья 21 эдикта Ротари (643 г.) гласит: «Тот, кто отказывается присоединиться к армии или отряду, должен заплатить 20 солидов королю или его дуксу». О том же повествует Григорий Турский, рассказывая об осаде Комменжа войсками короля Гунтрамна (585 г.): «После этого королевскими судьями было дано распоряжение, чтобы те, кто пренебрег походом, были наказаны»²⁸. В дополнение можно привести главу 51 «Законов Инэ» короля Уэссекса (688-694 гг.): «Если *gesith* (*gesith*), по рождению владеющий землей, не исполнил военной службы, то должен выплатить 120 шиллингов и его земли конфискуют; тот, у кого нет земли, должен 60 шиллингов; и *кэрл* (*ceorl*) - 30 шиллингов».

Однако применение этого общего правила не могло не вызывать затруднений. В частности, возникает вопрос - связано ли это обстоятельство с конкретным человеком, или оно зависит от его имущественного положения? Как взыскать штраф, часто очень большой, с уклоняющегося от воинской службы или с дезертира, не имеющего никакого имущества? Как добиться эффективной службы от человека, слишком бедного, чтобы достать себе вооружение?

Еще важнее понять, в какой мере римское население было отстранено от военной службы. Степень его участия варьировалась в зависимости от времени и места. Военная служба в королевстве остготов формально сохранялась за готами. В результате своеобразного раздела сфер деятельности за римлянами были закреплены гражданские профессии и ремесла, тогда как на германцев, *варваров* (*Barbari*), длинноволосых (*capillati*), как их еще называли, была возложена миссия защиты общества. «Воюя, они защищают интересы всего общества. Они принимают на себя ратный труд ради общего блага. В то время как готская армия воюет, римлянин может жить мирно» (Кассиодор). Тем не менее, некоторым «почетным готам» было позволено сражаться. Косвенным образом и римляне участвовали в военных действиях - они возводили укрепления; оруженосцы и слуги могли быть римлянами по происхождению; в критические моменты - как, например, в правление Тотилы - варвары прибегали к помощи коренных италиков.

По-видимому, у вандалов дела обстояли иначе: за сто лет пребывания в Северной Африке этот народ не ассимилировался с местными жителями; до самого конца своего владычества вандалы обращались с ними как с побежденными и во время наступления византийцев не смогли добиться от них никакой помощи и военной поддержки. В Бургундском королевстве ситуация была несколько

²⁷ «Пока он здоров», как сказано в «Вестготской правде» (*Lex Wisigothorum*).

²⁸ Григорий Турский. История Франции / Изд. подг. В. Д. Савуковой. М., 1987. С. 124.

иной: там короли придерживались политики примирения, о чем свидетельствует «Бургундская Правда», старались использовать военную помощь галло-римлян, которые участвовали, по крайней мере, в одном походе на Овернь.

В вестготском королевстве разрешение смешанных браков между римлянами и готами в правление Леовигильда (567-586 гг.), обращение в католичество Реккареда в 587 г., исчезновение персонального права и обнародование «Судебника» (*Liber iudiciorum*, 654 г.), общего для всех подданных, устранили юридические препятствия, которые могли помешать испанским римлянам вступать в армию. Действительно, если в текстах более старых вестготских законов середины V в. слова «гот» (*Gotus*) и «воин» (*miles*) были синонимами, то с правления Алариха II, в начале VI в., в рядах его армии сражались, по меньшей мере, несколько римлян. С течением времени их число только увеличивалось, и в царствование Вамбы (672-680 гг.) усилия монархии были направлены на распространение воинской повинности на все население, которое всячески сопротивлялось этому.

В Галлии события развивались по аналогичному сценарию. Если во времена Хлодвиги присутствие галло-римлян во франкских войсках было, несомненно, эпизодическим, то во времена правления его сыновей и внуков ситуация все же изменилась: галло-римляне не только могли нести военную службу, но теоретически обязаны были это делать.

Наконец, лангобарды, чье положение было шатким, дольше противостояли общей тенденции уравнивания потомков победителей и побежденных в правах и обязанностях, и несомненно, только в VIII в., в правление Айстульфа, римляне смогли беспрепятственно вступать в армию²⁹.

Кроме различий этнического характера, существовали различия по юридическому статусу и положению в обществе. В принципе, ни клириков, ни монахов нельзя было принуждать к военной службе. Тем не менее, в источниках иногда встречаются упоминания о священнослужителях, участвующих в военных действиях. Чаще всего речь идет о добровольном участии священников в войне, не связанном с какой-либо военной повинностью. В вестготском королевстве IV Толедский собор специально занимался священниками, которые по собственному желанию намеревались взяться за оружие для участия в мятеже или уже сделали это; собор осудил их поведение. Однако королям случалось призывать к оружию и священнослужителей: 1 ноября 673 г. по возвращении из похода в Септиманию вестготский король Вамба издал закон, по которому, в частности, суровое наказание несли те, кто не встал на защиту страны от басков и франков в районах, подвергшихся нападению; этот закон, действовавший также в случае мятежа, распространялся даже на священников. В лангобардской Италии известен случай, когда епископ

Лукки Вуальпранд, по его собственному признанию, должен был прибыть в армию «по приказу господина нашего, короля Айстульфа» (*ex iussione domini nostri Aistulfi regis*)³⁰.

Непохоже также, чтобы служба в армии была обязательной только для богатых. Григорий Турский рассказывает, что Хильперик потребовал взывать с крестьян и молодых служителей кафедральной церкви и базилики штраф за неучастие в походе, «хотя у них не было в обычае нести какие-либо государственные повинности»³¹. С чем связано это освобождение от повинности: с их службой в церкви, с возрастом, с экономическим положением? Из другого отрывка Григория Турского³² становится ясно, что первая версия - служба в церкви - является наиболее правдоподобной. Известны попытки принудить к военной службе купцов - людей, несколько обособленных от общества: одна из статей закона Айстульфа (750 г.) говорит о людях, занимающихся торговлей, которые должны были иметь вооружение в зависимости от размера их состояния (самые богатые - доспехи, лошадей, щит, копье; менее богатые - лошадей, щит, копье; самые бедные - лук и колчан со стрелами)³³.

Вероятно, во франкском обществе воинскую повинность несли и полусвободные, или *пиды* (*lidi*), возможно - с ограничениями³⁴.

Даже рабы (*servi, mancipia*), принадлежавшие либо римлянам, либо германцам, не избежали военной службы. «Бургундская Правда» содержит упоминание о *военных и походных рабах* (*servi ministeriales sive expeditionales*). Более ясно об этом говорит следующий отрывок из одного из законов Эрвигия (680-687 гг.): «Особым распоряжением мы указываем, чтобы всякий человек, гот или римлянин, являясь в армию, брал с собой в поход одного из каждых десяти своих рабов³⁵ и чтобы они были не безоружны, но обеспечены различными видами оружия, и чтобы часть тех, кого приведут в армию, имела бы доспехи, а у большинства были бы щиты, мечи, скрамасаксы, копья и стрелы»³⁶. Эрвигий жаловался, что владельцы рабов не приводят даже одного из двадцати. Эгика (678-702 гг.) требовал несения воинской повинности от королевских вольноотпущенников и их потомков. В VII в. самая большая часть вестготского войска состояла из рабов, присланных их владельцами³⁷. Лангобарды прибегали к другому способу - увеличивали численность армии, пополняя ее освобожденными рабами³⁸.

³⁰ Ibid. P. 75.

³¹ Григорий Турский. Указ. соч. С. 137.

³² Там же. С. 214.

³³ Beyerle F. *Leges Langobardorum* 643-866. Göttingen, 1962. S. 360.

³⁴ Zöllner E. *Geschichte der Franken*. München, 1970. S. 115.

³⁵ Некоторые рукописи говорят о половине рабов, не более 50 человек.

³⁶ IX, 2, 9.

³⁷ Thompson E. A. *The Goths in Spain*. Oxford, 1969. P. 318.

³⁸ Paule Diacre. *Historia Langobardorum*. I. 13.

С точки зрения географии, основа для комплектования армии была достаточно обширной. В поход против бретонцев Хильперик посылает жителей Тура, Пуатье, Байе, Мана, Анжера³⁹. Против пуатевинцев Гунтрамн использовал людей из Тура и Берри⁴⁰. В V в., когда вестготский король задумал предпринять военный поход, он разослал своих рабов в качестве *уполномоченных* (*servi dominici, compulsores*) по всей стране. Каждый гот должен был быть призван индивидуально, а рабу запрещалось принимать от него какое-либо имущество или деньги за освобождение от службы. Воины объединялись в отряды под началом целой иерархии *военачальников* (*prepositi exercitus*), которые командовали подразделениями численностью в 10, 100, 200, 500 или 1000 человек соответственно, последнее подразделение подчинялось графу города. В VII в. должностное лицо, называемое *thiufadus*, являлось, как долгое время считали, не тысяцким (*millenarius*), а «начальником слуг» (от *thius* - слуга), т. е. несвободных⁴¹.

Видимо, учитывались и этнические различия. В армии, которую Альбоин привел в Италию, наряду с лангобардами были представители и других народов, сохранявшие сплоченность и этническую однородность: гепиды, паннонцы, свевы, тюринги. Эта ситуация зафиксирована еще в «Хронике» Фредегара: «На четырнадцатом году царствования Дагоберта, когда гасконцы серьезно взбунтовались и совершали многочисленные грабежи в королевстве франков, которым правил Хариберт, Дагоберт приказал собрать армию со всего Бургундского королевства, назначив командовать ею рефендария по имени Хадоинд <...>. Тот явился в Гасконь с десятью герцогами и их армиями, а именно Аримбертом, Амальгером, Левдебертом, Вандамаром, Вальдериком, Эрменомом, Баронтом и Хераардом из племени франков, Хармнеленом из племени римлян, Айгиной из племени саксов, так же как и многими графами, которые не находились под командованием герцогов»⁴².

Тем не менее, принцип всеобщего набора в армию не соблюдался. На практике предпочитали призывать скорее *богатых* (*robustiores*), чем *бедных* (*populus minus, inferiores, pauperes*). Пример вестготской Испании показывает, что германская аристократия заняла прочные позиции. Действительно, помимо массового заселения, настоящей колонизации захватчиками кастильской Месеты, по всему полуострову произошло усиление элиты (которая постепенно присвоила себе политическую и военную власть) - *готских сеньоров* (*seniores Gothorum*), магнатов, живших более или менее замкнутыми группами, - и «весьма процветающего народа готов», о котором повествует Исидор

³⁹ Григорий Турский. Указ. соч. С. 137.

^{*} Там же.

⁴¹ Claude D. Millenarius und thiuphadus // ZSSRG. Germ. Abt. 1971. N 88. S. 181-190.

⁴² The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar / Ed. et trad. J. M. Wallace Hadrill. London; Paris; New York, 1960. P. 65.

Севильский в начале VII в.: всего, может быть, порядка пятисот семей магнатов (*primates*), которые со своими клиентами, свободными или несвободными слугами, приверженцами составляли прочный костяк вестготской армии, и набор солдат в провинциях положения вещей существенно не менял⁴³. Военному окружению магнатов придавалось особое значение: рядом с королем находились «телохранители» (*gardingi*), рядом с сеньорами - «пожиратели сухарей» (*buccellarii*), которые, в соответствии с кодексом Эриха, получали оружие от патрона и при переходе на службу к другому господину должны были его вернуть. Что касается *сайонов* (*saiones*), то они также часто встречаются у вестготов, как и у остготов. В последнем случае это были люди, которые должны были собирать армию, обеспечивать перевозки и снабжение, вербовать людей, реквизировать деревья для военного флота, а также контролировать поступление налогов и бесперебойную работу почты. В государстве лангобардов *фараманны* (*faramanni*), члены семьи (*fara*), обосновавшиеся в крепостях (*castrum, castellum*) или каком-либо стратегическом пункте и группировавшиеся вокруг герцогов, отличались от *ариманнов* (*arimanni*), которые в VIII в. стали скорее «верными» людьми, зависимыми от короля, чем солдатами как таковыми⁴⁴.

Положение *гезитов* в англосаксонских королевствах было неодинаковым: одни находились на нижних ступенях иерархической лестницы и походили на «едоков хлеба» (*hlafaeten*), которые получали от своего лорда (*hlaford* - «тот, кто дает хлеб») еду и одежду, другие были более независимы, обладали собственным имуществом или землей, пожалованной им господином во временное или постоянное пользование.

И наконец, во Франкском королевстве короля окружали *антрустионы* (*antrustions*) - (слово *trust* из языка салических франков комментаторы переводят как «помощь, поддержка» (*adjutorium*), тогда как для обозначения людей из окружения магнатов использовали самые разнообразные слова, похожие по смыслу: *спутники* (*satellites*), *убийцы* (*sicarii*), *юноши* (*pueri*), *сильные мужи* (*virii fortes*), *друзья* (*amici*), *ликторы* (*lictiores*)). Отчетливо виден контраст между членами *небольших групп* (*scara, scariti*), всегда готовыми к любым действиям, прежде всего к войне, и *армией* (*exercitus*) из *жителей пагов* (*pagenses*), которые созывались под предводительством графов. Впоследствии антрустионов стали называть лейдами (*leude*), чья роль раскрыта в двух отрывках из «Хроники» Фредегара. Один отрывок относится к периоду правления Сигиберта, «который приказал всем лейдам Австразии присоединиться к армии; когда Сигиберт переправился через Рейн со своей армией, люди из

⁴³ D'Abadal i de Vinyals R. A propos du legs visigothique en Espagne // Caratteri del secolo VII in Occidente. Spoleto, 1958. Т. II. Р. 541-585.

⁴⁴ Toubert P. La liberté personnelle au haut Moyen Age et le problème des arimanni II MA. 1967. N 73. Р. 127-144.

графств всего его королевства за Рейном присоединились к нему»; другой отрывок - ко временам правления Дагоберта, который, чтобы обеспечить мир при вступлении во владение наследством, «приказал всем лейдам, которыми он управлял в Австразии, прибыть в армию»⁴⁵.

3. СИЛА И СЛАБОСТЬ КАРОЛИНГСКОЙ АРМИИ (VIII-IX вв.)

В VII в. Меровингская монархия оказалась в глубочайшем кризисе: ее охватил своего рода паралич, вызванный как возвышением аристократии, так и междоусобицами и гражданскими войнами. Упадок прекратился только после того, как Пипин II Геристальский, победивший нейстрийскую армию при Тертри, был признан майордомом всего королевства (687 г.). Тогда стали возможны походы против соседних народов - аламанных, фризов, саксов, - которые угрожали пограничным франкским территориям и отказывались подчиняться франкам даже символически.

Это было всего лишь начало. К тому же политический и военный кризис после смерти Пипина 11 в 714 г. едва не свел на нет все перспективы возрождения. Однако незаконнорожденный сын Пипина по имени Карл (будущий Карл Мартелл) сумел занять место своего отца, разбив нейстрийскую армию сначала при Амблеве, недалеко от Мальмеди (716 г.), а затем при Венси, близ Камбре (воскресенье 21 марта 717 г.).

С тех пор Карл Мартелл почти ежегодно совершал военные походы в том или ином направлении.

В свою очередь, Пипин III Короткий проявил такую же активность, как и его отец: за 28 лет правления он совершил один поход против мусульман, два - против аламанных, два - против баваров, два - против лангобардов, три - против саксов и восемь - против аквитанцев. Иногда на один год приходилось два похода: так, в 745 г. Пипин направил часть франкских войск против герцога аламанных Теобальда, тогда как его брат Карломан сражался с саксами; а в 767 г. за первым походом в Аквитанию, начавшимся в марте и отмеченным взятием Тулузы, Альби и Родеза, последовал второй, когда армия, собравшаяся в Бурже, совершила переход до Гаронны. Правда, ежегодный ритм войн иногда прерывался; один из продолжателей хроники Фредегара указывает, что после похода 749 г. против баваров «земля отдыхала от сражений два года»⁴⁶ - такой же «отдых от войны» повторился, по свидетельству того же источника, в 757-758 гг.⁴⁷

⁴⁵ The Fourth Book of the cronicle of Fredegar... P. 47, 73.

⁴⁶ Ibid. P. 102.

⁴⁷ Ibid. P. 108.

В течение практически всего правления Карла Великого военные действия велись столь же интенсивно. Годы, когда походы не совершались, были настолько редки, что всегда отмечались в анналах. Так, и в 790, и в 792 г. основной нарративный источник «Анналы Франкского королевства» (*Annales regni Francorum*) отмечает: «В тот год не было никакого военного похода (*iter exercitale*)»⁴⁸. Однако завоевание Фрисландии, подчинение Баварии и Саксонии, борьба с аварами и бретонцами, поход за Пиренеи, разгром, а затем и присоединение Лангобардского королевства требовали регулярного созыва и систематического использования франкских войск, которыми чаще всего командовал сам король⁴⁹.

По истечении столетия войн успех династии Каролингов был неоспорим: владея первоначально лишь Австразией, она сумела не только вернуть Нейстрию и снова присоединить огромную Аквитанию, но и достигла юга Ютландского полуострова и, кроме того, контролировала земли к западу от Заале и Эльбы, продвинулась до Каринтии, завладела Апеннинским полуостровом до герцогства Сполетского включительно, заняла Барселону и Памплону. За пределами официальных границ протекторат Каролингов распространялся на земли лужичан, моравов, аваров и хорватов, герцогство Беневентское и область между Испанской маркой и р. Эбро. Несомненно, большая часть завоеваний осуществлялась постепенно, шаг за шагом, без молниеносных побед, которые несколько поколений назад отмечали экспансию арабов, но тем ярче они свидетельствуют как об упорной воле вождей, так и о качестве военной машины, которой они располагали.

Проводя активную завоевательную политику, Каролинги столкнулись с немалыми трудностями. В частности, нередко они были вынуждены сражаться вдали от материальных баз, составлявших их мощь, вдалеке от центра своих владений, расположенных между Рейном и Маасом. Им приходилось сталкиваться с народами, воинские обычаи которых сильно отличались друг от друга, и приспосабливаться к каждому противнику. Правда, франки имели численное превосходство в людях и средствах; к тому же политические образования, на которые они нападали, часто были непрочными, ослабленными распрями; трудно было бы объяснить внезапное исчезновение лангобардской монархии, не принимая во внимание ту борьбу, которую уже давно вели лангобардские короли со своими герцогами; именно интриги мусульманских правителей Испании, не желавших подчиняться кордовскому эмиру, позволили Карлу Великому распространить франкское влияние к югу от Пиренеев; завоевание Саксонии стало возможным в результате раскола саксов на два лагеря:

⁴⁸ *Annales regni Francorum* / Hrsg. von G. H. Pertz und F. Kurze. Hannover, 1895. S. 87, 92.

⁴⁹ Главные военные капитулярии: *Capitularia regnum Francorum* / Hrsg. von A. Boretius und V. Krause. Hannover, 1883 und 1897. 2 Bd. 807 (I, 134-135), 808 (I, 136-138), 811 (I, 166-167), 825 (I, 324-325), 846 (II, 65-68), 866 (II, 94-96).

с одной стороны, господствующий класс, почти сразу же признавший власть Карла, а с другой - люди низших сословий, свободные и полусвободные, ненавидевшие иноземных завоевателей. Наконец, в процессе экспансии дипломатия иногда играла не менее значительную роль, чем собственно военные действия.

Наряду со слабостью противников и сложной политической игрой успеху экспансионистской политики франков способствовали и личные качества трех государей: если ничто не доказывает, что Карл Мартелл, Пипин Короткий и Карл Великий были гениальными и вдохновенными стратегами, то отрицать их незаурядную физическую и моральную силу, истинное военное рвение у нас нет никаких оснований. Кроме того, они умели увлекать за собой людей, использовать собственную клиентелу и знать, которые более или менее охотно или оказывая сопротивление, постепенно втягивались в политическую систему Франкского государства.

Благодаря капитуляриям, мы обладаем более точными сведениями о военной системе Каролингского государства на рубеже VIII—IX вв. и, прежде всего, о наборе войск: каролингский монарх обладал властью приказывать, запрещать и карать, которая называлась *бан* (*bannum*), давала ему, в частности, право призывать в армию всех своих подданных, включая жителей только что покоренных областей; практически же поголовный призыв в армию становился необходимым только в случае вражеского вторжения и лишь в той части королевства, которой непосредственно угрожала опасность. Этот всеобщий призыв к оружию (*lantweri*) предполагал смертную казнь в случае уклонения, если вторжение действительно произошло.

В течение долгого времени формулы призыва на воинскую службу оставались очень нечеткими - несомненно потому, что в случае необходимости на зов откликалось довольно много людей. Но уже с 806 г. формулировки становятся более строгими: проводится различие между простыми свободными людьми, обязательства которых ограничены, и вассалами, подчиненными прямо или косвенно королю, епископами, аббатами, аббатисами, графами и сеньорами, на которых само их положение накладывало очень строгие обязанности. К примеру, постановление 807 г. предписывает, чтобы «все живущие по ту [западную. - *Примеч. пер.*] сторону Сены несли воинскую службу. В первую очередь в войско должен прибыть тот, кто владеет бенефициями. Затем должен прибыть в войско всякий свободный человек, владеющий пятью мансами. Таким же образом должны поступать и те, кто владеет четырьмя и тремя мансами. Если же будут два человека, каждый из которых владеет двумя мансами, то один из них должен снарядить другого, и пусть наиболее способный прибывает в войско. Что касается людей, которые владеют половиной манса, то пятеро таких людей снаряжают шестого. А те, кто считаются бедными и не имеют ни раба, ни собственной земли, стоящей [лакуна] солида, должны пятером снарядить шестого <...>. И каждому шестому вышеуказанные пятеро беззе-

мельных бедняков совместно должны выдать 5 солидов»⁵⁰. Эта система «снаряжающих» (*aidants*) и «воюющих» (*partants*), которые, как предусматривалось, могли меняться местами, при всей ее сложности оставалась в силе при Людовике Благочестивом и даже была введена в Италии в годы правления Лотаря I (капитулярий 825 г.).

Отсутствие списков, в которых, согласно акту Людовика Благочестивого от 829 г., по всем графствам должны были перечисляться люди, подлежащие призыву на воинскую службу, делает невозможным точный подсчет количества воинов, которые могли быть мобилизованы. Г. Дельбрюк, Ф. Лот и Ф. Гансхов сошлись во мнении, что даже в зените своего могущества Каролинги могли иметь в распоряжении в лучшем случае только несколько тысяч воинов, при этом наиболее приемлема цифра 5000⁵¹. Ж. Ф. Вербрюгген был более щедрым: крупная армия могла насчитывать от 2500 до 3000 всадников и примерно от 6000 до 10 000 пехотинцев. Размеры армии допускали ее разделение на несколько корпусов по региональному или этническому признаку, последние могли потом сливаться и сообща выполнять стратегическую задачу⁵². К. Ф. Вернер, рассматривая вопрос в общем виде, показывает недостатки выводов Ф. Лота и настаивает на протяженности земель, обитатели которых призывались в войска Карла Великого". Он предлагает два метода подсчета, которые, хотя и опираются на разные базы данных, дают сходные результаты. Статистическая опись по *королевствам* (*régna*), составляющим каролингскую империю, позволяет выдвинуть предположение о существовании не менее 200 дворцов (*palatia*), 600 фисков (*fisci*), 500 аббатств (*abbates*) (200 из них находились в непосредственной зависимости от короля) и 189 городов (*civitates*) или епископских резиденций, 140 из которых были настоящими крепостями (*castra*). Итого примерно 1500 населенных пунктов, напрямую зависевших от королевской власти; кроме того, вся Империя включала в себя не меньше 700 областей (*pagi*), 500 из которых управлялись графами. Естественно, при таких условиях цифра в 5000 всадников слишком занижена. Если предположить, что каждое графство выставило до 50 всадников, то количество бойцов, собранных со всей Империи, возрастает до 35 000. Можно исходить также из количества прямых вассалов, которые находились в распоряжении Карла Великого: 100 епископов, около 200 аббатов, 500 графов и, по приблизительным подсчетам, около 1000 *королевских вассалов* (*vassi dominici*), итого 1800 человек. Если предположить, что каждый из них приводил в королевское войско 20 всадников, набранных среди своих вассалов, то получается 36 000 конных воинов.

⁵⁰ Ibid. Bd I. S. 134.

⁵¹ Delbrück H. Geschichte der Kriegswesen [3]; Lot F. Art militaire [6]; Ganshof F. L. L'armée sous les Carolingiens [159].

⁵² Verbruggen J. F. L'armée et la stratégie de Charlemagne [177].

⁵³ Werner K. F. Heeresorganisation und Kriegsführung... [214].

Заметим, что число 20 не кажется *à priori* слишком завышенным; к примеру, в правление Людовика Благочестивого аббат Корвейского монастыря использовал для собственных нужд 30 вассалов, освобожденных от службы в королевской армии; во многих графских актах часто встречаются подписи трех десятков вассалов. Таким образом, по мнению К. Ф. Вернера, в 800-840-х гг. империя Каролингов могла выставить порядка 35 000 хорошо экипированных всадников, не считая пехотинцев и вспомогательных отрядов, численность которых, возможно, доходила до 100 000 человек. Часть этих предполагаемых сил действительно использовалась для таких крупномасштабных операций, как поход 796 г. против аваров, во время которого все войска Карла Великого, двигавшиеся несколькими колоннами, вероятно, насчитывали 15-20 тысяч всадников.

Может быть, К. Ф. Вернер чрезмерно завысил эти цифры, но он сделал важный акцент на протяженности территорий, подчиненных Карлу Великому и Людовику Благочестивому. В соответствии с тем, насколько государи были способны, при их методах управления, навязывать свою волю или хотя бы передавать приказы⁴⁴ в своих огромных владениях, они могли собирать довольно многочисленные армии, даже если каждая областьставляла лишь скромный отряд, по сравнению с общим количеством юридически военно-обязанного населения. Кроме того, выводы К. Ф. Вернера показывают, что, по крайней мере, в начале IX в. ядро каролингской армии формировалось из людей, прочно связанных с сувереном, и эта связь носила либо публичный характер, как в случае с графами, либо личный, - как в случае с вассалами.

Существование четких правил набора в армию наводит на мысль о том, что зачастую власти боялись недобрать бойцов. Конечно же, добровольцев, привлеченных жаждой приключений и добычи, было недостаточно. Не следует забывать, что сохранение воинской повинности преследовало также экономическую и фискальную цели. Ведь уклонение от службы каралось *большим штрафом* (*heribannum*); так, например, в 805 г. неявившиеся по призыву в королевское войско, владея движимым имуществом (золото, серебро, доспехи, скот, одежда), оцененным в 6 ливров, должны были заплатить большой штраф в размере 60 солидов; соответственно тот, кто владел имуществом на 3 ливра, платил 30 солидов, и тот, кто владел имуществом на 2 ливра, - 10 солидов⁴⁵. Взимание штрафов и набор в армию часто возлагались на одних и тех же людей, исполнявших обе функции одновременно. Держателей мансов принуждали снабжать войска *скотом* (*carnaticus*), в первую очередь овцами, в качестве продовольствия, а также изымали у них *волов* и *повозки* (*hostilense* или *hostilium*).

⁴⁴ Ср. «ужасный приказ» (*terrible Imperium*), о котором говорится в письме архиепископа Трирского Гетти епископу Туля Фротхарду (*Recueil des historiens des Gaules et de la France*. Vol. VI. P. 395).

⁴⁵ *Capitularia regnum Francorum*. Vol. I. P. 125.

Сама по себе важность, которую каролингское законодательство придавало проблемам снабжения войск, указывает на то, что силы, участвовавшие в военных кампаниях, вряд ли были небольшими: в одной капитулярии, датированной последними годами царствования Карла Великого, каждому графу предписывается сохранять 2/3 лугов в его графстве для нужд войска. В послании аббату Фульраду, написанном, без сомнения, в 806 г., Карл Великий, указав место и дату их встречи, приказывает адресату запастись повозками, нагруженными различными инструментами, провиантом на три месяца, оружием и одеждой на полгода. Что касается королевских доменов, то они должны были поставлять повозки стандартного размера, обтянутые кожей, которые можно было переправлять через реки.

Долгое время каролингские войска вели по преимуществу наступательные кампании, время начала которых, а иногда и длительность могли определяться заблаговременно. Тем не менее, власти стремились ускорить процесс мобилизации. По крайней мере с 790 г. она происходила в два этапа: сначала местные власти (графы, епископы, аббаты и аббатисы, крупные королевские вассалы) получали от *государевых посланцев* (*missi*) приказ о боевой готовности; и в таком случае они могли составить список «воюющих» и «снаряжающих», перепроверить имеющееся снаряжение, запастись провизией; когда наконец приходил приказ присоединиться к королевской армии, все было готово для немедленного выступления, которое, согласно одному из актов Людовика Благочестивого, следовало начать в течение 12 часов.

Помимо воинов палатинов, подчиненных непосредственно королю, в армию входили отряды из различных крупных областей или королевств, на которые была разделена Империя. Так, по свидетельству «Анналов Франкского королевства», в армии, которую Карл Великий повел на Сарагосу в 778 г., находились уроженцы Бургундии, Нейстрии, Баварии, Прованса, Септимании и даже отряд лангобардов. Такие большие армии, сформированные одновременно по этническому и административному принципу, включали в себя целый ряд более или менее самостоятельных подразделений.

Существовали и иные формы военной деятельности, предполагавшие участие других людей. Это прежде всего - принудительные работы по ремонту и постройке крепостей в пограничных зонах (*marcae*). Защита крепостей возлагалась либо на местное население (*warda, wacta*), либо на профессиональных воинов. Последние иногда образовывали настоящие военные колонии и составляли костяк тех небольших ударных групп, выполнявших отдельные, четко определенные задания, которые в источниках называются *scarae* (от нем. *Schar* - военный отряд), их члены назывались *excariti* или *scariti homines*.

При всей их ограниченности, военные успехи франков на протяжении всего VIII в. никоим образом не предвещали поражений следующего столетия. По правде сказать, в период правления Людовика Благочестивого (814-

840 гг.) защита границ Империи была более или менее налажена; предпринимались попытки захватить Бретань; удалось удержать датскую границу (*limes danicus*). Нашествия болгар в 827 и 829 гг., так же как и проникновение сарацин в Испанскую марку (826-827 гг.) и постепенное отторжение Корсики, Сардинии и Балеарских островов, не имели серьезных последствий. Трудно определить, почему Франкская держава тогда устояла, благодаря ли своему престижу, все еще эффективной системе обороны, или слабой внешней агрессии.

Однако с 840-х гг. сарацинские пираты усилили натиск на Средиземноморье, Апеннинский полуостров подвергся нападению со всех сторон и прибрежные города оказались под властью мусульман (иногда на долгое время).

Но самой серьезной опасностью, угрожавшей Империи, были викинги. За первые двадцать лет правления Карла Лысого норманны добились значительных военных успехов и собрали самую богатую добычу. Впоследствии, когда франки смогли организовать сопротивление, норманны изменили тактику и, кроме того, цель своих вторжений: беспорядочные грабежи сменились продуманной эксплуатацией побежденного населения, а потом и постоянным поселением на территории, которая была признана их владением; именно так с 878 г. развивались события на северо-востоке Англии (будущая «область датского права» - *Danelaw*) и с 911 г. - в области Ко, графствах Руана, Эвре и Лизьё, которые Карл Простоватый оставил Роллону. После этого первая волна скандинавской экспансии схлынула, и приблизительно на полвека наступило относительное спокойствие.

Не стоит искать причину побед норманнов в их численном превосходстве: отряды викингов, состоявшие обычно из нескольких сотен бойцов, были вооружены не лучше, чем франки, в частности, они нередко пользовались мечами каролингских земель; правда, их собственная большая двуручная датская секира была чрезвычайно эффективна в массовом рукопашном бою. По свидетельству Аббона⁵⁶, готовясь к осадной войне, норманны ограничились тем, что с помощью перебежчиков скопировали осадные орудия своих противников. Зато их главным козырем была необычайная мобильность: используя то корабли, «основной инструмент викингского империализма»⁵⁷, то коней, захваченных у врага, норманны вели смешанные боевые действия, одновременно на суше и на воде, и им легко удавалось застигнуть противника врасплох, причем сами никогда не попадали в западню. Впоследствии норманны несколько утратили способность к быстрому перемещению: превратившись в «полуоседлых флибустьеров»⁵⁸, они стали возводить укрепленные лагеря с ва-

⁵⁶ *Abbon de Saint-Germain-des-Prés. Le siège de Paris par les Normands. Poème du IXe siècle / Ed. et trad. H. Waquet. Paris, 1942.*

⁵⁷ Выражение д'Эненса: *D'Haenens A. Les invasions normandes... [156].*

⁵⁸ *Bloch M. La société féodale [99]. Vol. I. P. 47.*

лами и бревенчатыми частоколами, подобные тем, что сооружались в Скандинавии, и использовали их для хранения провизии, оружия и награбленного добра. Наконец, эти дьявольские язычники и святотатцы были выходцами из чисто военного общества, где каждый с отрочества до самой смерти не расставался с оружием. Современники считали их способными на любую жестокость, коварство или дерзость.

В первый период норманнских набегов, приблизительно в 840-865 гг., франки, явно растерявшиеся, сопротивлялись очень слабо. Многие епископы и графы спасались бегством, бросая население на произвол судьбы. Все, как могли, уклонялись от участия в долгой и невыгодной войне и предпочитали дать себе отсрочку, выплачивая большие компенсации. Даже хорошо укрепленные города не умели обороняться. Короче говоря, царил полный хаос, с которым Карл Лысый при всем желании ничего не мог поделать. Позднее удалось организовать сопротивление в отдельных областях, конечно, слишком пассивное, но сравнительно эффективное. На территориях от бассейна Луары до Рейна по инициативе короля или других лиц начинаются повсеместное строительство укрепленных мостов (таких, как в Питре на Сене), крепостей и замков, реставрация городских стен и подготовка монастырей к обороне. Хроники приводят даже несколько примеров участия в борьбе простолюдинов.

Однако нельзя утверждать, что достигнутые результаты были связаны с усилиями франков, а не с некоторым ослаблением агрессии викингов. Когда викинги снова вторглись в Империю в 879-887 гг., франки сопротивлялись немногим лучше, чем прежде, часто ограничивались выплатой дани в обмен на их уход. Если норманны смогли осесть в Галлии навсегда, то сарацины, столкнувшиеся с активным противодействием Лотаря I (846 г.) и Людовика II (поход на Беневент в 866 г., возвращение Бари в 871 г.), упорным сопротивлением местного населения и методичными контратаками византийцев (начиная с 885 г.), недолго смогли удерживать лишь небольшие плацдармы в Италии.

В конечном счете успехи норманнов следует объяснять главным образом отсутствием всякого «братства и согласия» между потомками Людовика Благочестивого, стремительным упадком центральной власти, вследствие чего правители, особенно западной области Франкского государства (*Francia occidentalis*), а также и центральной области Франкского государства (*Francia media*), оказавшись под давлением *знати* (*proceres*), одновременно лишились большей части войска и средств. Конечно, Карл Лысый мог повторять в своих капитуляциях распоряжения славных предков, но боевые действия были только ширмой, прикрывавшей жалкие остатки былого могущества.

ГЛАВА II

ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА (начало X - середина XII в.)

Смерть Людовика Благочестивого в 840 г. ознаменовала решительный поворот в истории Каролингской империи: ее прежние территориальные границы никогда больше не восстанавливались надолго; однако правил по-прежнему император, причем его авторитет вызывал зависть, а различными частями Империи все еще управляли короли из династии Каролингов. В правление Карла Толстого на миг могло показаться, что все наследие Каролингов вновь и надолго попало в руки одного человека. Однако это была только иллюзия, которую рассеяли события 887-888 гг. Они свидетельствовали об окончательном крушении каролингской мечты. В новых политических условиях военные действия в Западной Европе принимают иной облик.

1. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

В результате сражения при Лехфельде в 955 г. угроза со стороны венгров была устранена, завершились последние набеги викингов и сарацин (начало XI в.), и Западу, вышедшему из состояния обороны, удалось в течение нескольких поколений существенно расширить сферу своего влияния. После христианизации Польши, Венгрии и скандинавских королевств, господство латинского христианства распространилось на север и восток; удалось оттеснить и ислам: в Испании - благодаря Реконкисте, в Средиземноморье - после захвата Сицилии и основания латинских государств на Ближнем Востоке. В то же время, в результате как военного, так и экономического и демографического подъема, за Эльбой складывалось новое германское государство. В столкновениях со своими врагами, соседями или соперниками, воины Запада добивались все новых успехов.

Эта экспансия тем более примечательна, что она произошла в эпоху ярко выраженной раздробленности власти. Несомненно, в X-XII вв. существовали и появлялись большие государства, сравнительно сплоченные, как королевство Англия, нормандское королевство в Южной Италии, Кастилия, но Франция, как и Империя, несмотря на сохранение старых политических институтов, была разделена на многочисленные герцогства, маркграфства, графства, баронства или простые сеньории, которые представляли собой по-

литические образования, пользующиеся определенной самостоятельностью и даже неким подобием суверенитета. Для того явления, которое называется феодализмом, раздробленность характерна даже больше, чем личные связи, ритуалы оммажа и вассальной зависимости. Каждое из десятков и сотен больших и малых княжеств стало центром независимой военной системы, обладавшей, помимо особых средств нападения и защиты, правом и полномочием объявлять войну, вести ее и заключать мир. Отсюда и обилие зачастую незначительных стычек, осад, грабежей, поджогов, схваток и сражений, повествование о которых - повседневный хлеб тогдашних анналистов и хронистов. Преобладали мелкие войны, хотя случались и крупные походы¹, в которых участвовали армии и целые народы и королевства, даже весь западно-христианский мир.

В эпоху феодализма почти повсюду основную роль стал играть тяжело-вооруженный всадник с копьем и мечом, защищенный коническим шлемом и кольчугой. В «Истории Франции» Рихера, написанной в самом конце X в., мы обнаруживаем выражение «воины и пехотинцы» (*milites peditesque*), которое подтверждает, что *воин* (*miles*), солдат по преимуществу, был конным бойцом. Тот же автор не делает различия между *сословием всадников* (*ordo equestris*) и *сословием воинов* (*ordo militaris*)¹. Монополизировав военное дело и воинский престиж, *воины* (*milites*) стали не только профессиональными военными, но и господствующим сословием в обществе. Однако даже если они составляли, вслед за собственно *знатью* (*nobiles*), настоящую аристократическую группу, их среда оставалась сравнительно открытой и в нее мог попасть всякий, кто независимо от своего происхождения и состояния был способен проявить воинские качества.

В то же время низшие слои общества более или менее регулярно были лишены права участвовать в военных действиях или же играли в этой сфере лишь роль, несомненно, полезных и необходимых, но презираемых вспомогательных войск. С этого времени крестьян стали называть *невоинственной*, или *безоружной*, *чернью* (*imbelle, inerme vulgus*), в отличие от *военной элиты* (*ugnatores*). Поскольку в большей части Западной Европы города были редкими, бедными, чуждыми окружающему их сельскому миру, то ополчение, которое составляли их жители, едва ли было способно обеспечивать самооборону под защитой крепостных стен и не особенно вмешивалось в боевые действия.

Впрочем, города были далеко не единственными укрепленными центрами. В это время действительно появляется много замков, представлявших собой примитивные постройки, во многих областях чаще из дерева, чем из камня, возведенные на искусственных холмах или природных скалах и защищен-

¹ Richer. Histoire de France (888-995) / Ed. et trad. R. Latouche. Paris, 1937. Vol. II. P. 180.

ных рвом и палисадом. Эти крепости, служившие жильем и средством защиты, были также центрами той нервной системы, которая позволяла контролировать - в политическом и военном отношении и эксплуатировать - в хозяйственном отношении - сельские местности. Там размещались (во всяком случае, могли размещаться) отряды воинов.

Почти везде деньги были редкостью; правители и магнаты обладали ограниченными, постоянно иссякающими денежными ресурсами; служба воинов оплачивалась по преимуществу пожалованием земель, фактически в наследственное владение, в обмен на некоторые обязательства военного характера. Безусловно, наем солдат за плату полностью не исчез, но оставался второстепенным, побочным явлением, во всяком случае менее важным, чем содержание гарнизона замка за счет богатого магната, сеньора.

Наконец, действия и образ мышления воинов находились под более или менее сильным влиянием Церкви, которая предлагала или предписывала новый идеал христианского воина: стремилась то прославлять военные добродетели, когда он сражался против неверных, то, наоборот, ограничивать и облагораживать их, когда речь шла о междоусобной борьбе.

Это общая картина; но у каждой страны имелись особенности, которые заслуживают отдельного анализа.

2. СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Св. Бернар писал о Священной Римской империи: «Ваша земля изобилует доблестными мужами; известно, что она населена могучими юношами; весь мир вас превозносит, и молва о вашей отваге обошла всю землю»¹.

Со времени создания самого могущественного государства Запада - Священной Римской империи - наиболее многочисленными и грозными военными силами могли похвалиться римские императоры и германские короли Саксонской, позже Салической династии. Правда, их задача была весьма сложной: они одновременно должны были: сражаться в Германии в *гражданских войнах* (*bella civilia*) против владетельных князей, стремившихся освободиться от центральной власти или потеснить ее, отражать набеги датчан, покорять заальбские славянские племена вендов и лужичей, распространять свое влияние на Польское и Венгерское королевства, а также на Чешское княжество, защищать или расширять границы Империи на западе и, наконец, подчинить германской власти Итальянское королевство. В этом смысле Отгоны и импе-

¹ Saint Bernard. Ep., 363. - По словам Готье Мапа, Людовик VII говорил о том же следующее: «У римского императора [т. е. у императора Священной Римской империи. - Примеч. пер.], которую называют „германским“, есть люди, умеющие воевать, и боевые кони» (Map G. De Nugis curialium / Ed. M. R. James. Oxford, 1914. P. 225).

раторы Салической династии, которые защищали, поддерживали мир или расширяли обширную территорию, а также почти ежегодно проводили военные походы в том или ином направлении, являются преемниками Каролингов. К тому же многие немецкие государи, такие, как Отгон Великий, Генрих II, Конрад II и Генрих IV, были прославленными военачальниками.

К числу их исключительно важных военных успехов нужно отнести победу, одержанную над венграми, или мадьярами. Этот народ, родственник гуннам, аварам и протоболгарам, обосновался в конце VIII в. в низовье Дуная, в местностях, которые позже станут областями Бессарабии, Молдавии и Валахии. Несомненно, сами венгры были вынуждены тронуться в путь под натиском других народов, прежде всего печенегов. Византийский император Лев VI (886-912 гг.) использовал венгров в борьбе против болгар; но когда последние объединились с печенегами, венгры были вынуждены продолжить свое движение на запад и пересечь Карпаты (895 г.). Они вышли на Паннонскую равнину, изгоняя или подчиняя населяющие ее малочисленные народности. С этого замечательного плацдарма и началась серия набегов на Запад. В период с 899 по 955 г. насчитывается 33 набега. Подверглись нападению Франция и Италия, сильно пострадала Германия.

Венгры создали своеобразную «военную республику»¹, объединившую несколько племен. Политические права имели только мужчины, умеющие пользоваться оружием. Каждое племя избирало себе вождя (*венг.* *hadnagy*; *лат.* *dux*) из одной и той же семьи. В свою очередь вожди выбирали князя (*princeps*), из рода Арпадов (в период набегов). Народное собрание у венгров созывалось для решения важных вопросов, например о военном походе. Венгерские всадники, вооруженные мечом, копьем и луком, были только слабо защищены неким подобием войлочной куртки. Их боевой клич (*hui, hui*, о котором рассказывает Лиутпранд²) часто вызывал панику. Венгров считали ужасными уродами. Еще в XII в. епископ Бамберга, Отгон Фрейзингенский, проезжавший через Венгрию на пути в Святую землю, писал: «Нужно восхищаться терпением Господа, отдавшего столь приятную землю не скажу людям, но неким чудовищам в человеческом облике»³. Подозревали, что венгры пьют кровь своих врагов. Их тактика была такой же, что и у степных народов: внезапная атака, сопровождаемая ливнем стрел, затем притворное бегство с целью спровоцировать противника на преследование; и когда последние ломали свой строй, венгры разворачивались и набрасывались на них. Свои лагеря они окружали для

¹ Fasoli G. Le incursioni ungare in Europa nel secolo X. Firenze, 1945; Fasoli G. Points de vue sur les invasions hongroises en Europe au Xe siècle // Cahiers de Civilisations médiévales. 1959. N 2. P. 17-35; см. также: D'Haenens A. Les incursions hongroises dans l'espace belge // Cahiers de Civilisations médiévales. 1961. N 4. P. 423-440.

² Liutprand de Crémone. Antapodosis / Hrsg. E. Dümmler. Hannover, 1877.

³ Otton von Freising. Chronica / Hrsg. A. Schmidt und F. J. Schmale. Berlin, 1965. S. 192.

защиты повозками. Когда венгры оказывались в сложном положении, они отказывались от битвы. В течение долгого времени у них не было осадных машин; им также крайне редко удавалось захватывать замки и укрепленные города. Венгры либо ограничивались тем, что сжигали предместья, либо устраивали более или менее плотную блокаду. На Западе восхищались их сплоченностью в битве: они всеми силами старались вернуть пленников и сжигали тела своих товарищей, погибших в сражении, с тем чтобы доставить их прах на родину.

«Хроника венгров» (*Chronica Hungarorum*) так представляет их силы: «Они разделились на семь армий, каждая из которых имела собственного военачальника, и выбрали сотников и десятников на обычный манер; в каждой армии было 30 857 бойцов <...>, т. е. всего 216 000 человек из 108 племен, притом что каждое племя выставляло 2000 воинов»⁴. Цифры фантастические, но они, во всяком случае, дают представление о численности подлежащих мобилизации венгров, бравшихся за оружие для защиты родных мест. Впрочем, было высказано мнение, что набеги венгров были делом аристократического меньшинства, - делом, которое превратилось для них в стиль жизни; это меньшинство сильно отличалось от народных масс, довольно быстро ставших оседлыми и мирными крестьянами⁵.

Сложно увидеть в нападениях венгров серьезный политический замысел; в отличие от норманнов и сарацин, они даже не стремились надолго закрепиться в регионе, городе или крепости. Правда, если венгры покидали свои земли по обыкновению в первые дни весны, чтобы вернуться обратно с добычей к концу осени, то порой им случалось зимовать на христианской территории, как это произошло в 937-938 гг.

Вместе с тем венгры умели извлекать выгоду из обстоятельств. Иногда они были довольно хорошо осведомлены о положении стран, на которые собирались напасть. По словам Льва VI: «Они с наибольшей заботой выбирают удобный момент». А Лиутпранд указывает, что великому нашествию 899-900 гг. предшествовала фаза разведки. Планам венгров явно благоприятствовали несовершеннолетие правителя, регентство, гражданская война, и им случалось получать поддержку внутри страны. Однако главным козырем венгров была внезапность нападения. Их вторжения не имели каких-либо политических или военных причин. Внезапно появляясь, неуловимые маленькие отряды, «эти похотливые гадюки», как их называет составитель «*Chronicon Ebes pengense*», при первой возможности брали под контроль дороги и перевалы и не давали властям времени подготовиться, выработать какой-либо план защиты.

⁴ *Thwrocj. de. Chronica Hungarorum*. Frankfurt, 1600. Bd II. S. 7.

⁵ *Török G. Die Bewohner von Halimba im 10. und 11. Jahrhundert // Archaeologica Hungarica*. 1962. N 39.

Как и во времена норманнов, реакция Запада запаздывала. Население регионов, которым грозило нападение, предпочитало укрываться в городах и замках или даже прятаться в лесах и на болотах. Пытались также заплатить венграм за уход. Удавалось достигнуть перемирий, иногда длительных. В конце концов в Германии поняли, что захватчики уязвимы. Более высокое положение заняли духовные вожди: аббат Фульды - в 915 г., аббат Санкт-Галленского монастыря - в 926 г. Во времена правления Конрада I (911-918 гг.) немецкие герцоги и графы тоже доказали свою решимость. Наследник Конрада Генрих I Птицелов (919-936 гг.) сначала соглашался платить дань, но затем коренным образом реорганизовал военную систему, увеличив количество городов и обеспечив им защиту. «Он отобрал каждого девятого из числа военных поселенцев и поселил их в городах, с тем чтобы каждый выстроил за остальных своих сотоварищей по восемь домов, собирал и сохранял третью часть всего урожая, а остальные восемь чтобы сеяли и собирали урожай для девятого и сохраняли его в своих определенных местах». Король также обратился с призывом к саксонскому крестьянству, которое имело определенный военный опыт, полученный в столкновениях со славянами, и даже к бандитам, преступникам - последних он использовал как наемников и поселил в предместье Мерзебурга (*legio Mesaburgium*). Одержав несколько побед над славянами, Генрих I решил, что отныне располагает армией, достаточно привычной к конным сражениям; ядро ее составляли *вооруженные всадники* (*milites armati*), о которых упоминает Видукинд Корвейский. С согласия магнатов он отказался платить венграм за мир. Позднейшая легенда даже допускает, что вместо требуемой дани король послал им собаку, у которой приказал отрубить уши и хвост. Ответ не заставил себя ждать: венгры захватили Саксонию; Генрих I Птицелов отважился выступить против них и одержал победу (сражение при Альштедте 15 марта 933 г.).

В 955 г. сыну Генриха I, Отгону Великому, предстояло закрепить этот успех. Вступив в Швабию, венгры осадили Аугсбург (8 августа). Город был окружен каменной стеной, но невысокой и без башен. В то время как рыцари епископа вышли из города, чтобы сдержать первый натиск, население лихорадочно укрепляло городские стены. На следующий день подошли венгры с осадными машинами. Узнав о подходе Отгона и его отрядов из швабов, чехов, саксонцев, франконцев и баварцев, они прервали свои маневры, чтобы дожидаться противника. Согласно обычаю, 9 августа немецкие воины постились. Утром следующего дня у Лехфельда они поклялись друг другу в мире и взаимной помощи. Армия Отгона включала в себя 8 отрядов кавалерии (*legiones*). После первой неудачной стычки Отгон развернул свои войска в боевой поряд-

• Sander E. Die Heeresorganisation Heinrichs I [208].

• Цит. по: Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Пер. Г. Санчука. М., 1975. С. 146.

док (*acies*). Лобовая атака тяжелой кавалерии немцев обратила венгров в бегство, большинство из них не имели ни щитов, ни шлемов, ни кольчуг. Преследование было успешным. Чтобы надолго ослабить своих врагов, Оттон приказал казнить их пленных вождей. Расчет оказался верным: судя по анналам Германского королевства, только в 1030 г. государь вновь повел большую армию против венгров¹⁰.

Итальянский поход (*expeditio italica*), который называют также «походом за Альпы» (*expeditio ultra Alpes, trans Alpes*) и начиная с 1135 г. «римским походом» (*expeditio romana*), был другой важной военной акцией. Конечно, он включал в себя не только воинский аспект. Главной целью германского короля, когда он по восшествии на престол переходил через Альпы, было венчаться короной лангобардских королей и добиться от папы императорского венца. Став правителем Италии, Оттон должен был управлять, администрировать, вести переговоры. Но одного присутствия довольно часто было недостаточно для того, чтобы сразу подчинить мятежников или непокорных; поэтому приходилось применять силу и против них, и против других врагов - византийцев и норманнов. Во всяком случае, в течение своего похода, часто затягивавшегося на несколько лет, императорский двор выглядел как военный лагерь, где жили германские князья и рыцари, всегда готовые к бою. С момента вступления на престол Отгона Великого в 936 г. до смерти Лотаря Супплинбургского в 1137 г. было совершено двадцать итальянских походов, не считая почти одиноким путешествием Генриха IV в 1076-1077 гг., известного по эпизоду в Каноссе. Обычно войска, сбор которых происходил в Аугсбурге или Регенсбурге, проходили через перевал Бреннер, реже - через перевалы Сен-Готард и Мон-Сени. В большинстве случаев переход через Альпы начинался в августе или сентябре, но иногда - в начале весны и даже в ноябре, декабре или феврале. Перейдя Бреннер, армия собиралась на Ронкальской равнине, где проводился подсчет численного состава. «Обычай франкских и германских королей на самом деле таков: каждый раз, когда они с рыцарством переходили Альпы, чтобы взять корону Римской империи, они останавливались на вышеупомянутой равнине. Там рыцари подвешивали щит на деревянный шест, и придворный герольд призывал вассалов нести караульную службу около короля в следующую ночь. Князья с их свитой с помощью герольдов вызывали своих вассалов. На следующий день имя того, кто накануне отсутствовал, вновь оглашалось в присутствии короля, князей и магнатов, и всех вассалов, оставшихся дома без согласия своих сеньоров, лишали их фьефов». Возвращение часто происходило в теплое время года, с мая по сентябрь, но могло иметь место и в середине зимы.

¹⁰ Leyser K. The Battle at the Lech [67]; *Id.* Henry I and the Beginnings of the Saxon Empire [201].

¹¹ Otton von Freising. *Chronica*... S. 304.

Чтобы собрать войска, необходимые для защиты страны, итальянских походов, борьбы с народами, жившими на восточной границе, германский король обычно прибегал к праву бана. Оно было юридической основой «декрета короля», или «эдикта короля», с которым тот мог обратиться ко всему населению в случае крайней опасности. В этом случае речь шла о «зове отечества» (*clamor patriae*). Сопротивлявшимся, которых рассматривали как *военных дезертиров* (*desertores militiae*), грозило жестокое наказание, хотя, по крайней мере с конца XI в., во всей Германии был провозглашен общий мир. Нередко принимали участие и крестьяне, иногда в коннице, но чаще в пехоте. Один австрийский маркграф созвал против Чехии всех - вплоть до волопасов и свинопасов. В Саксонии против Генриха IV восстали народные массы, «более привычные к сельскому труду, чем к конным сражениям», замечает с характерным презрением Ламберт Герсфельдский¹². В некоторых областях, например, во Фрисландии, а особенно к северу от Эльбы, не существовало четкого различия между свободным крестьянством, держателями аллодов и *рыцарским сословием* (*Ritterstand*). Иногда армии пополнялись за счет купцов и горожан.

В зависимости от обстоятельств эти вспомогательные отряды были то полезными, то обременительными. Фактически же главную силу королевской армии составляла прежде всего тяжеловооруженная кавалерия: *избранные воины* (*milites electi*), *вооруженные всадники* (*milites armati*) и *кольчужные воины* (*milites loricati*), - к которой присоединялись части, экипированные гораздо хуже; они известны нам под разными наименованиями: *щитоносцы* (*clipeati milites*), *оруженосцы* (*scutiferi, scutarii, armigeri*). Все эти формирования составляли «войсковой щит» {нем. Heerschild} отдельной области, князя или аббатства.

У короля был свой «войсковой щит» - придворные отряды, находившиеся в его прямом подчинении (*palatini milites, privati milites*). К королю присоединялись светские и духовные князья (князья, герцоги, графы, аббаты и епископы). Ни один поход не мог быть успешным без содействия или преданности этих магнатов. Если же они нарушали присягу и не являлись на зов, то королю не хватало войск для организации похода. Так произошло в 1124 г. во время вторжения во Францию Генриха V: «Он не привел с собой много людей, ибо немцы неохотно сражаются против иноземных народов»¹³. Каждый магнат приводил отряд, численность которого определялась приблизительно (согласно обычаю). Например, Польша и Чехия должны были выставить по крайней мере 300 рыцарей для участия в римском походе. В целом

¹² *Lamperl von Hersfeld. Annales* / Hrsg. A. Schmidt und W. D. Fritz. Berlin, s. d.

¹³ *Ekkhard! von Aura. Chronica* / Hrsg. F. J. Schmale und I. Schmale-Ott. Darmstadt, 1972 S. 368.

военная служба в Италии была менее обременительной: так, договор феодального типа, заключенный между архиепископом Трирским и графом Арлона, предусматривал, что последний должен выставить 40 *щитоносцев* (scutati) по эту сторону Альп и 20 - за Альпы.

Ценные сведения предоставляет нам уникальный для того времени документ: «Indiculus loricatorum» - список тяжеловооруженных всадников, созданных в 981 г. Оттоном II для итальянского похода. За год до этого император уже сформировал одну армию, которая к этому времени сражалась с сарацинами в Южной Италии. На этот раз речь шла о новом наборе, от которого освобождались, в частности, саксонские войска - либо потому, что они уже находились в Италии, либо потому, что их оставили на месте для защиты Германии от славян. Документ содержит 47 имен светских лиц, епископов и аббатов, каждый из которых должен был прислать (mittere) или привести (ducere) определенное количество кольчужных воинов: например, Эркенбалд, епископ Страсбургский, был обязан прислать 100 человек, аббат Мюрбаха - 20, граф Ансфред - 10. Общее число тяжеловооруженных всадников достигло примерно 2080. Если произвести экстраполяцию этих данных, можно предположить, что епископства к северу от Альп, зависимые от императора, должны были выставить 1822 тяжеловооруженных всадника, а королевские аббатства - 1200 всадников. Можно предположить, что силы, выставленные светскими лицами, были в два раза больше. Помимо *придворных воинов* (milites aulici) Оттона II, ядро которых составляла его личная охрана славянского происхождения, они включали в себя отряды герцогов, маркграфов (последних было особенно много в Саксонии и Баварии, где они занимали высокое положение), пагов (pagi), королевств; наконец, прямых королевских вассалов, не имевших титулов герцогов, маркграфов и графов. В итоге общая численность кольчужных воинов достигла 6000, из которых 1400 прибыли из Баварии, 900 - из Аламании, 1100 - из Лотарингии, 800 - из Франконии и, по крайней мере, 1500 - из Саксонии. Одновременно Оттон II мог располагать силами Итальянского королевства (regnum Italiae), которые обычно использовались в самой Италии, а также, хотя и реже, за Альпами - против Франции, Чехии и Венгрии. В списке 981 г. не названы беневентские князья - в данном случае они поддержки не оказали. Все это позволяет утверждать, что причина поражения Оттона II 13 июля 982 г. у мыса Колонна заключалась вовсе не в малочисленности войск. Источники единодушно подчеркивают значительность императорских потерь. Примечательно, что Оттон не признал себя побежденным и довольно быстро подготовил реванш: это свидетельствует о том, что воинские ресурсы, находящиеся в его власти, позволяли ему восполнять потери¹⁴.

¹⁴ Werner K. F. Heeresorganisation und Kriegsführung... [214].

Некоторые из кольчужных воинов несли государственную службу франкского типа, другие служили ради *бенефиция* (*bénéficia*), который получали в качестве платы за *ратные труды* (*labor militaris*); многие принадлежали к категории несвободных, и их называли министриалами (*лат. ministeriales*; *фр. chevaliers-serfs*; *нем. Dienstleute*). Они встречаются со времени правления Конрада II. По своему правовому статусу министриалы полностью зависели от магнатов, на службе у которых они состояли прежде всего в качестве воинов. Сеньор жаловал им земли, но часто случалось, что их содержали в доме как привилегированных слуг.

В одном документе, касающемся министриалов архиепископа Кельнского, уточняются условия их службы: если земле архиепископа что-либо угрожало, все министриалы, независимо от того, владели они леном или нет, должны были следовать за своим господином в границах его владений, чтобы защищать их с оружием в руках; за пределами этих владений они уже не были обязаны что-либо предпринимать, кроме как по собственной воле или за вознаграждение, выплачиваемое архиепископом. Министриалы должны были также сопровождать архиепископа на коронацию императора за Альпы, эта служба относилась прежде всего к министриалам, получившим от архиепископа лен, доходы от которого достигали 5 марок. Их сеньор обязывался предоставить каждому из них 10 марок и 40 локтей сукна для экипировки, а также выючное животное с упряжью, два дорожных мешка, 4 подковы и 24 подковных гвоздя из расчета на двух министриалов. Более того, как только они достигали Альп, архиепископ должен был выплачивать каждому министриалу по марке в месяц на протяжении всей поездки. Предусматривался сложный ритуал на случай, если эта сумма не будет регулярно выплачиваться: потерпевший министриал обретал свободу. Министриалы, получавшие менее 5 марок, могли при желании остаться дома, выплатив отступное (*лат. herstura*; *нем. Heersteuer*), равное половине дохода с их лена. В любом случае архиепископ должен был объявить о походе по меньшей мере за год и один день до выступления".

Хотя лен все больше и больше становился основой военной службы, ни король, ни магнаты не имели права требовать от своих свободных или несвободных вассалов бесплатной и бессрочной службы¹⁶. Тем или иным образом им нужно было платить, и есть даже несколько примеров использования настоящих наемников (*solidarii, stipendarii milites, conducti milites*)¹⁷. Подобная практика была особенно распространена в западных областях Империи и в Италии.

¹⁵ Цит. по: *Frauenholz E. von. Entwicklungsgeschichte des deutsche Heerwesens* [110]. Bd I. S.248-253.

¹⁶ Это не значит, что рыцарям не нужно было тратить: в 968 г. Милон, сын поверенного Рамбсра, отдал монахам Сен-Ванна в Вердене церковь Сен-Рсми в Мон-Сен-Ванн, получив взамен деньги, «в которых очень нуждался перед уходом в Италию с лотарингской армией».

¹⁷ Иногда их называют также уроженцами Гельдерна (*Gelduni*).

В конце XI в. один итальянец, Бенцоне из Альбы, даже убеждал Генриха IV заменить феодальную службу налогом, который позволил бы ему набирать наемников. Подобный совет английский король Генрих I дал своему зятю Генриху V после неудачного похода против Франции в 1124 г.

Традиция обязывала короля лично руководить любым важным походом. Возраст здесь не имел значения: Отгону III исполнилось 11 лет, когда он повел свою армию против саксонцев (991 г.), а Генрих IV в 13 лет участвовал в войне с венграми (1063 г.). Однако иногда происходила передача командования; по каролингскому обычаю король доверял свою власть одновременно двум лицам: мирянину - герцогу и священнику - епископу.

Даже если структура армии была вполне феодальной, то крупные формирования, входившие в ее состав, создавались на территориальной или даже этнической основе: в каждом королевстве (*regnum*) формировался свой отряд под командованием герцога. Наконец, важный элемент военного механизма представляли собой замки, вверенные попечению комендантов (*Burgmannen*, или *castellorum custodes*), крепости охраняли границы от датчан, славян и венгров. Немецкий термин *Burgward*, которым их обозначали, относился не только к самому замку, но и ко всей подконтрольной ему округе.

В Итальянском королевстве (*regnum Langobardorum*, *regnum italicum*) нашествие лангобардов, а затем каролингское завоевание почти полностью разрушили римские политические традиции. В IX в. власть монарха была представлена там графами франкского происхождения. Граф назначался в каждые епархию и город. В самых опасных регионах графства объединялись в более крупные военные округа - марки, управлявшиеся маркграфом. Когда династия Каролингов прекратила свое существование, графы, по-прежнему оставаясь государственными чиновниками, стали также вассалами короля Италии.

Воспользовавшись смутами, которые потрясли королевство главным образом с 888 по 915 г., графы и маркграфы сумели сделать свои должности не только пожизненными, но и наследственными. Более того, согласно правилам наследования феода в лангобарде ком праве, после смерти владельца феода делился по числу наследников. В первой половине X в. известны, например, два маркграфа Ивреи, а в 1014 г. титул маркграфа Лигурии носили три или четыре человека. В результате - все большая раздробленность, скорее земельная, чем политическая. Она была причиной бесконечных военных столкновений и насилиия, и наряду с венгерской угрозой и ослаблением королевской власти, способствовала сложному процессу, который итальянские историки называют *строительством системы крепостей* (*incastellamento*). Некоторые из этих замков были построены королем, другие - графами и маркграфами на территории их «должностных феодов» и крупными аллодистами; чтобы защитить города, более многочисленные, чем на Западе, король доверил епископам опе-

ку (*tuitio*) над населением, т. е. дал им графскую власть. В течение X в. епископы постепенно заняли свое место в феодальной системе; некоторые епископства стали даже настоящими сеньориями, например, три истрийских епископства (Триест, Пола и Паренцо) и Аквилейская патриархия, особо подверженные внешним угрозам. Эта «феодализация» высшего духовенства еще более усилилась в годы правления императоров Саксонской династии, которые выбирали епископов среди верных им людей и опирались на них в борьбе против светской аристократии, гораздо более независимой и укрепившейся на своих землях. Оттон I доверил графскую власть над городом и его окрестностями на 3-4 мили епископам Пармы, Асти и Реджо Эмилии; Оттон II поступил так же с епископами Лоди, Аквы и Тортон; Оттон III продолжал ту же политику в отношении епископов Пьяченцы, Кенеды, Равенны и Брешии.

К 1000 г. ситуацию можно схематически представить следующим образом: маркграфы и графы владели лишь небольшим количеством городов - Миланом, Павией, Туринном, Мантуей, Вероной и Тревизо. В других местах они были вытеснены из городских центров и их ближайших окрестностей епископами. Большую часть времени маркграфы и графы проводили в сельских скальных крепостях (*госса*) или замках (*castello*), в окружении дружины (*masnata*) воинов, которым впоследствии начали жаловать феоды. Кроме того, графы и маркграфы могли рассчитывать на ополчение местных жителей (*pedites*, *homines*, *habitatores*), чьей обязанностью была *защита родины* (*defensio patriae*) в границах их области. Властителями городов были епископы, которых короли-императоры возводили в сан, вручая посох и кольцо. У них было свое военное и административное окружение, прежде всего их *непосредственные вассалы* (*primi milites*, или *milites majores*), среди которых находились поверенные, видамы, «капитаны народа» или капитаны привратной стражи; затем *младшие вассалы* (*secundi milites*, или *milites minores*), которые являлись вассалами второй ступени (*vavassores*) по отношению к епископу и вассалами третьей ступени (*vavassini*) по отношению к королю Италии. Если граф мог воспользоваться помощью местного ополчения, то епископ, в случае необходимости, мог призвать на защиту города всех горожан. Именно так поступил в начале XI в. архиепископ Милана Ариберт, создав «всех обитателей прихода св. Амвросия... от мужиков до воинов, от бедного до богатого»¹⁸.

Теоретически король Италии мог располагать всеми этими силами, которые формально составляли *воинство королевства* (*militia regni*). Практически же помощь, которую он получал от светских и духовных феодалов, была очень ненадежной и зависела от постоянно изменявшихся политических обстоятельств.

3. ФРАНЦУЗСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

В отличие от германского государства, Франция эпохи феодализма была гораздо лучше защищена от внешней угрозы в силу своего географического положения. В целом у нее было гораздо меньше сухопутных границ. Там не было ничего похожего на те военные округа, или марки, которые составляли периферию Империи: с севера на юг марка Биллунгов, Северная саксонская марка, Лужицкая, Мейсенская марки, Восточная марка (будущая Австрия), марки Штирия, Каринтия и Крайна; там не происходило ничего, подобного великим итальянским походам. Другими словами, к западу от Мааса, Соны и Роны воинские силы активно развивались в замкнутом пространстве, хотя в некоторых крупных экспедициях, таких как завоевание Англии, крестовые походы, Реконкиста, участие «французов» было решающим.

Несмотря на то, что вплоть до царствования Филиппа Августа (1180-1223 гг.) капетингские короли были вынуждены придерживаться ограниченной политики, добрую часть своего правления им приходилось сражаться. Об этом свидетельствуют военные анналы времен Людовика VI Толстого (1108-1137 гг.). Еще при жизни своего отца Филиппа I (1060-1108 гг.) Людовик проявил себя главным образом в военной сфере, поскольку он был предводителем армии (*dux exercitus*) и «защитником королевства» (*defensor regni*). Людовику исполнилось 16 лет, когда он впервые принял участие в военных действиях 1097 г. во время конфликта с Вильгельмом Рыжим, королем Англии и герцогом Нормандии. В 1098 г. Людовик осуществляет многочисленные набеги на Берри, Овернь, Бургундию и Понтье. В 1101 и 1102 гг. он осаждает Монморанси и в ходе кампании против Дрё де Муши сжигает его замок. В том же 1102 г., собрав свои силы в Реймсе, он два месяца подряд сражается с Эблем II, графом де Руси. В 1103 г. театр военных действий перемещается: Людовик захватывает донжон Мен-сюр-Луар и сжигает церковь по соседству, затем успешно обороняет замок Монтегю на Эне. После перерыва он организует поход против Монлери (1105 г.), захватывает Гурней в 1107 г., но терпит неудачи под Шеврезом, Монлери и Бретанкур-ром. В 1108 г. Людовик совершает поход в Берри, чтобы прекратить грабежи Гумбо, сеньора Сен-Севера. После восшествия на престол, 3 августа, он вынуждает к капитуляции город Ла Ферте-Але.

После этого война принимает новый размах: речь идет о конфликте не с простыми сеньорами, а с королем Англии Генрихом I. В 1109 г. Капетинг собрал королевское войско, куда вошли отряды Роберта II, графа Фландрии, Тибо IV, графа Блуа, Гийома II, графа Невера, Гуго II, герцога Бургундии, а также отряды многих архиепископов и епископов. Разграбив земли Роберта III, графа Мелана, армия Людовика VI встретила с войсками его главного соперника при Планше, около Нофль-Сен-Мартен. Король Франции послал вызов Генриху I, предложив ему поединок, от которого тот отказался. Но через

день англо-нормандцы потерпели поражение в стычке около ворот Жизора. В конце 1109 г. был захвачен Мант, на следующий год пал Мелан. Борьба прекратилась только после заключения мира в марте 1113 г.

В то же время не утихала мелкомасштабная война против местных «тиранов»: в 1109 г. происходит осада Жерминьи-л'Экзан; в 1111 г. в первый раз был осажден Пюизе, донжон которого был захвачен и замок сожжен; в 1112 г. Капетинг был разбит около Тури коалицией, объединившей, среди прочих, силы графа Блуа и Рауля де Божанси. Спасаясь бегством, королевская армия была вынуждена укрыться в Орлеане, Этампе и Питивье. Компенсацией этой неудачи послужила вторая осада Пюизе (1112 г.).

Можно ли предположить, что противники устали от частых сражений? В любом случае боевые действия возобновились только в марте 1115 г.: были захвачены Креси-сюр-Серр и Нувьон-л'Аббессе. Во время штурма амьенского замка был ранен сам Людовик VI; он покинул поле боя, но организовал осаду, продолжавшуюся в течение двух лет до сдачи замка.

В 1116 г. возобновилась война против Генриха I. На этот раз король Франции мог рассчитывать на поддержку графа Анжуйского Фулька V и графа Фландрии Балдуина VII. Военные действия разворачивались в Вексене, а также в Пикардии, Бри и в окрестностях Шартра. Было много осад, внезапных захватов (Гасни, Маласси, Л'Эгль, Лез Андели, Дангю, Шатонеф-сюр-Эпт) и, прежде всего, настоящее сражение при Бремюле 20 августа 1119 г., когда Людовик VI потерпел серьезное поражение. Последовала мощная ответная реакция - король Франции попытался захватить Бретей. Для осуществления своих планов Людовик VI приказал епископам присоединиться к нему с ополчением их епархий. Современный хронист Ордерик Виталий утверждал даже, что по этому случаю были проведены массовые наборы в войско, объединившее отряды из Бургундии, Берри, Оверни, Сенонэ, Паризи, Орлеанэ, Вермандуа, Бовези, Ланнэ; Перонн, Нель, Нуайон, Лилль, Турне, Аррас, Гурней и Клермон также прислали своих воинов. Но это был напрасный труд, так как Бретей успешно оборонялся. В декабре 1120 г. между двумя королями был заключен мир, условия которого предусматривали, среди прочего, возвращение замков и освобождение пленных. Эта развязка очень напоминает финал шахматной партии, мода на эту игру как раз начала распространяться на Западе.

С этого времени растет размах военных действий: в 1122 г. Людовик VI собирает в Бурже крупную армию при участии графов Анжу, Бретани, Неве-ра; в 1124 г. по случаю немецкого нашествия Людовик поднимает королевское знамя в Сен-Дени; в 1126 г. происходит вторая экспедиция в Овернь, в 1127—1128 гг. - два похода во Фландрию, в 1137 г. - кампания в Аквитании под командованием будущего Людовика VII.

Одновременно с этим все реже проводятся мелкие локальные операции (в 1128 г. захват и разрушение замка Ливри; в 1130 г. попытка захвата Кона;

в 1132 г. неудача под Ла-Фером; в 1133 г. сожжение Бонневаля; в 1135 г. захват и сожжение замка Сен-Бриссон-сюр-Луар, что было последней военной акцией Людовика VI).

В целом, несмотря на то что большинство столкновений произошли на довольно ограниченной территории (около 40 000 кв. км), крупные сражения случались гораздо реже, чем осады, количество участников чаще всего было небольшим, кампании короткими, риск и потери очень небольшими, а разрушения сравнительно незначительными, - для Людовика VI, его окружения и вассалов война, тем не менее, была постоянным занятием и повседневной реальностью.

Манеру ведения войн в эту эпоху можно объяснить прежде всего политической раздробленностью, которая с конца IX в. так или иначе затронула территорию Галлии.

В эволюции раздробленности выделяют несколько этапов. В период с 888 по 920 г. в королевстве возникают периферийные княжества, ведущие свое происхождение от крупных областей, управление которыми Карл Лысый некогда доверил нескольким магнатам. Именно такими были Фландрия, Бургундия, Аквитания, к которым можно причислить Нормандию Роллона и Бретань под властью Алена Кривобородого. Каждое из этих княжеств, управление которыми передавалось по наследству, представляло собой «настоящее государство, где князь пользовался властью, некогда принадлежавшей королю»²⁹. Каждое княжество состояло из нескольких областей, некоторые из них напрямую зависели от владетельного князя, тогда как над другими контроль был слабее.

В течение второго периода, примерно с 940 по 970 г., графы, держатели одного пага (*pagus*), воспользовались борьбой между Каролингами и Робертинами (предками Капетингов), чтобы превратиться в независимых князей: это произошло в Анжу, Маконнэ, Оксерруа, Нивернэ. То же наблюдалось на юге: если в 900 г. всей южной Францией, к югу от Луары, правили 12 семей, то к 975 г. она была поделена между 150 линиями графов и независимых виконтов³⁰.

Затем, начиная с конца 975 г., даже графства, какими бы маленькими они ни были, не смогли сохранить свою целостность. В их границах стали появляться новые политические образования - шателенства, держатели которых обладали баном, т. е., в частности, правом военного командования. Например, в графстве Макон замки, которые граф доверил своим верным людям или вассалам, стали центрами практически независимых небольших ячеек; в то же время монастыри Турню и Ключи, кафедральная церковь Макона взяли на себя особую сеньориальную власть, при этом также практиковали право бана.

²⁹ Dhondt. Etudes sur la naissance des principautés territoriales en France. Bruges, 1948. P. 254, Об этой эволюции см. также: Lemerignier J.-F. La France médiévale, institutions et société. Paris, 1970. P. 109-125.

³⁰ Lewis A. R. Development of Southern French and Catalan Society... [200].

Но эта новая форма раздробленности имела место не везде. Некоторые местные князья, например, в Нормандии и Фландрии, рано или поздно оказали ей сопротивление. После периода раздробленности наступил период нового объединения, который затронул как Шампань, так и Бургундию и Иль-де-Франс.

Этот двойственный процесс не обошелся без войн и соперничества. Ничто не сдерживало амбиции многочисленных соперничающих династий угнетателей и эксплуататоров. Даже если не всегда буквально воспринимать жалобы монастырских хронистов, все-таки кажется, что выражение «феодалная анархия», долгое время считавшееся классическим, но сознательно отвергнутое многими современными медиевистами, отчасти соответствует реальности.

В бесконечных военных столкновениях, сопровождавших политические акции, значительную роль играли замки. Феодалная Франция была Францией укрепленных замков. Именно в это время расцвела великая «цивилизация камня»²¹.

Несомненно, в отдельных регионах, особенно в таких гористых, как Овернь, в меровингскую эпоху уже существовали укрепления (*castella*, *munitiones*, *castra*). Григорий Турский использует одно из этих выражений для обозначения защищенного природой местечка в Шастель-Марлак - изолированного плато площадью около 40 га, без укреплений, но окруженного отвесными скалами высотой около 30 метров²². В правление Пипина и Карла Великого франкские войска осаждали не только старые города, окруженные городскими стенами в период поздней Империи, но и собственно сельские крепости, простые укрепленные лагеря, во многих из них население укрывалось в случае опасности. Кроме того, и дворцы, которые были административными и общественными центрами владений знати и короля, имели какие-нибудь защитные укрепления. Постройки располагались на территории в 1-1,5 гектара, окруженной земляным валом со рвом, иногда усиленным сооружением из балок, кольев, плетней (*haia*, *plessis*). Собственно дворец был защищен вторым таким же, только более широким, укреплением, неравномерный контур которого охватывал сады и хозяйственные участки. Все вместе представляло собой слабую систему укреплений, растянутую, лишенную фланговых прикрытий и даже оборонительных постов, которая была весьма уязвима в случае правильной осады, тем более, что число защитников было невелико. Правда, существовали и сооружения, защищенные более основательно, со стенами, башнями, военными машинами: такой дворец приказал возвести близ Кобленца св. Ницетий, епископ Трирский²³.

²¹ Boutruche R. Seigneurie et féodalité [102]. Vol. II. P. 39.

²² Fournier G. Le château dans la France médiévale... [788].

²³ Venance Fortunat. Opera Poetica. Livre III, chant XII.

В X-XI вв. появился новый тип укреплений, с характерным холмом (*motta, agger, dunio*) или возвышением в форме усеченного конуса. Размеры среднего холма: 30 м в диаметре внизу и 10 м у вершины, при высоте 5-6 м. Однако встречались и более крупные холмы - диаметром 60 м в основании, 20 м у вершины высотой 10 м. Площадь одного холма достигала от 7 до 30 аров в основании и от 3/4 до 3 аров платформы на вершине. У основания холма находился ров, на вершине - бревенчатый частокол. Существует следующее классическое описание укрепленного холма во Фландрии: «В обычае у всех самых богатых и благородных людей округа <...> возводить, насыпая землю, холм такой высоты, на какую они способны; вырывать вокруг него ров - как можно более широкий и глубокий; укреплять этот холм по границе всей площадки на вершине частоколом из очень тесно пригнанных брусьев в виде стены; снабжать его по окружности, насколько это возможно, башнями; за частоколом, в центре, возводить дом или скорее крепость, главенствующую над всем, расположив ее так, чтобы входная дверь вышеупомянутого жилища была доступна только через мост, который, начинаясь у наружной стороны рва и опираясь на ряд столбов, поставленных по два или даже по три и расположенных в желаемых местах, постепенно поднимался бы и пересекал ров, следуя склону таким образом, что, достигая уровня вершины холма, заканчивался бы как раз напротив двери»²⁴. Многие замки были возведены в местах, защищенных самой природой (скала, плато, одинокий холм); но даже в этом случае наносили еще земли, без сомнения, необходимой для постройки на холмах деревянной башни.

К описанному выше общему характеру укреплений добавим несколько деталей.

а) Речь могла идти о замках, возведенных в местах, ранее не застроенных; однако встречались также замки, построенные на месте старых дворцов. В этом случае строительство велось по-разному: иногда, когда всем жертвовали ради военных нужд, прежняя постройка полностью уничтожалась с целью создания более подходящего монолитного сооружения; иногда достаточно было построить рядом с имеющимся сооружением искусственный холм, возведенный в самом удобном месте. На примере двух осад Пюизе в 1111 и 1112 гг. видно, как в силу необходимости сеньор начала XII в. переходил от второго типа сооружений к первому²⁵.

б) С политической точки зрения замки делились на три категории: сначала те, которыми владел держатель публичной власти (герцог, граф или простой сеньор с правом бана); затем замки, которые тот передал, обычно в виде

²⁴ La Kontiere C.-M., Contamine Ph., Delort R., Rouche M. L'Europe au Moyen Age. Documents expliqués. Vol. II: Fin IXe siècle - fin XIIIe siècle. Paris, 1969. P. 152.

²⁵ Fournier G. Le château du Puiset... [789].

фьефа, своим воинам, родственникам, верным людям и вассалам; и наконец - частные крепости, которые были возведены незаконно или без ведома владетельного князя главным образом магнатами, или, возможно, авантюристами.

в) Даже когда расположение замков отвечало стратегической задаче (контроль над рекой, дорогой, местностью), многие из них не входили в сеть тех укреплений, которые создавались для защиты границ политического образования, так как назначение замков заключалось одновременно в предоставлении укрепленного убежища его обитателям и в контроле за местным населением. Замок был средоточием власти и могущества, местом укрытия, центром окрестных территорий (*mandamentum, salvamentum, potestas, districtus, territorium*).

г) Хотя отсутствие данных в письменных источниках и неполный характер археологических исследований не позволяют сделать точные подсчеты, ясно, что количество замков, хотя никогда не было слишком большим, постоянно увеличивалось. В Пуату насчитывалось 3 замка перед нашествием норманнов и 39 замков в XI в.; в Турени - 9 замков в конце IX в. и 26 замков в середине XI в.; в Мэне до X в. не было ни одного замка, зато 11 замков в 1050 г. и 62 замка в 1100 г.; в Оверни - 8 замков накануне 1000 г. и от 21 до 34 к 1050 г.; в Нормандии количество герцогских замков возросло с 12 в 1035 г. до 20 в 1100 г. В районе Шартра в XII в. на территорию в 6000 кв. км приходилось 20 замков. Однако в некоторых регионах собственно замки появились довольно рано, как в Маконнэ, где, как это можно установить благодаря, возможно, более подробной документации, к 1000 г. было уже 16 замков, к которым до 1050 г. добавился еще один. Тем не менее, этот список довольно обманчив, поскольку он содержит сведения только о самих замках, а не обо всех более или менее укрепленных домах, которые могли находиться в сельской местности. Подробное исследование Ле Сенгле, небольшой области в Нижней Нормандии, представляющей собой изолированное плато к западу от Орны, к востоку от Лезы и к северу от места слияния этих двух рек, размером приблизительно 12х20 км (т. е. 240 кв. км), где сегодня насчитывается 40 коммун, позволяет установить, что наряду с тремя-четырьмя каменными замками там находились 28 земляных укреплений; следы 20 из них еще сегодня видны на местности (13 холмов, а также 7 окружных стен - называемых археологами простым укреплением - со рвом, насыпью и частоколом, внутри которого находились одна или несколько жилых построек)²⁶.

Эта разница между типами укреплений проявляется, помимо прочего, в 4-й статье «Обычаев и прав» (*Consuetudines et Justicie*) - нормандском документе 1091 г., который восходит ко временам Вильгельма Завоевателя. Эта статья гласит: «Никто в Нормандии не может ни вырывать ров на ровной местности, кроме такого, со дна которого земля выбрасывалась бы без помощи

²⁶ Fixoi M. Les fortifications de terre... [784].

лестницы, ни возводить там более одной линии частокола, да и то без редана и дозорного пути. Никто не может строить укрепление на скале или острове, и никто не может возводить замок в Нормандии, и никто в Нормандии не может отказать предоставить свой замок сеньору Нормандии, ежели тот пожелает взять его в свои руки»²⁷.

д) В появлении каменных замков, главным зданием которых являлся донжон (долгое время кубической формы, потом цилиндрической и начиная с конца XI в. призматической), были заинтересованы представители высшей власти, самые богатые и могущественные светские и духовные князья. Строительство замков шло медленно, в зависимости от обстоятельств и регионов (раньше всего в Средней Франции, позднее во Фландрии); несомненно, первый донжон был построен в Ланже, вероятно, в 994 г., хотя некоторые авторы оспаривают эту дату, затем, около 1000 г. - в Со около Сен-Бенуа-дю-Со в Берри. В то же время из-за тяжести каменных построек часто исчезают земляные возвышения.

Политическим вождям, обладавшим всей или почти всей полнотой королевских прав, недостаточно было иметь в своем распоряжении один или несколько замков. Им требовались права, позволяющие заставлять своих подчиненных строить замки и поддерживать их в хорошем состоянии, набирать постоянных или временных солдат для их защиты, а также для нападения на своих противников и соперников, для боевых действий на открытой местности.

Особенно важны были бои на открытой местности. В этом случае воин должен быть преимущественно тяжеловооруженным всадником. Возникла необходимость в людях, которые были бы наготове в любой момент и имели бы опыт конного боя. Где, как найти профессионалов, обязательно свободных от работ и забот? Прежде всего в семейном кругу магната. Кроме того, среди тех домашних слуг, которые, исполняя считавшиеся престижными обязанности, становились боевыми соратниками сеньора. С сеньором они жили под одной крышей и от него получали воинское снаряжение (*arma militaria*), с ним их связывала клятва верности, или, скорее, *оммаж*. И, наконец, обеспеченные вассалы, наделенные бенефицием или *фьефом*, которым иногда передавали замок.

Вплоть до начала XI в. уровень народонаселения, экономическая пассивность, раздробленность власти, нехватка денежных ресурсов у магнатов способствовали тому, что количество воинов, участвовавших в боевых действиях, было небольшим. Положение вещей изменилось примерно к 1050 г., одновременно с демографическим ростом, перераспределением власти, дальнейшим углублением феодальных отношений.

Однако в силу заинтересованности сеньоров и особенно вассалов, которые служили за *фьеф*, условия военной службы (*militare obsequium*) постепенно уточнялись и, как следствие, ограничивались. Если признать подлинность

²⁷ Haskins C. H. Norman Institutions. Cambridge. Mass.. 1918. P. 281-284.

«кутюм», которые к 1025-1030 гг. Бушар, граф Вандома, издал по поводу несения сторожевой службы в замке города, то получается, что этот сеньор сам обязался обеспечить своими силами охрану в апреле, мае, июне, июле и августе: два первых месяца за счет графской казны (т. е. речь идет о наемниках), три остальных - за счет налога (*gaitagium*), взимаемого с населения бурга (*burgus*) Вандома. Затем семеро вассалов (по крайней мере, двое из них жили в Вандоме) охраняли замок каждый в течение месяца за земли, которые они держали. Это была довольно тяжелая служба, поскольку в течение каждой ночи было предусмотрено пять караулов: три на постоянном месте (два из них - у ворот) и два дозорных обхода вокруг замка. Подобные распоряжения регламентировали военную и походную службу²⁸. В начале XII в. иногда создавались большие армии. Вспомним, например, Людовика VI: в 1124 г., чтобы дать отпор Генриху V, Капетинг воспользовался поддержкой «такого количества рыцарей и пехотинцев, что можно было принять их за саранчу, скрывающую от глаз всю поверхность земли - не только долину вдоль течения реки, но также и горы и долины». Армия Людовика VI была уже разделена на части: авангард, включавший отряды герцога Бургундии и графа Невера; правое крыло, где находился Рауль, граф Вермандуа, двоюродный брат короля; левое крыло, люди из Понтье, Амьенуа и Бовези; затем четыре боевых корпуса (*лат. acies; фр. нар. «échelles»*): люди из Реймса и Шалона, Лана и Суассона, Орлеана, Этампа и Парижа, с отрядом из Сен-Дени, о чем не преминул упомянуть Сугерий, наш информатор; наконец, рыцари Тибо, графа Шартра, Блуа и Бри, и Гуго, графа Труа и Шампани. В арьергарде королевской армии находился также граф Фландрии Карл Добрый. Прибыли даже герцог Аквитании и графы Бретани и Анжу, но с менее значительным сопровождением²⁹.

Несомненно, «зов Франции», по выражению Сугерия, в этих критических обстоятельствах вызвал необычайный порыв энтузиазма со стороны вассалов и верных людей Капетинга, хотя их обязанности оставались строго ограниченными. Так, в начале XII в. Филипп I заключил договор с графом Фландрии Робертом, по которому последний освобождался от военной службы (*auxilium*) своему сеньору и суверену при условии его участия в королевских походах в сопровождении только 20 рыцарей. Расследование 1113 г. о фьефах епископа Байе включало в себя, в частности, ответ Роберта, графа Глостера, сына Генриха I Боклерка, барона церкви Нотр-Дам в Байе и ее наследственного знаменосца: граф признавал, что держит от епископа в качестве фьефа владение Эверси, куда входят фьефы десяти рыцарей, но он должен был предоставлять одного рыцаря на 40 дней для службы королю Франции и двух рыцарей на тот же срок герцогу Нормандии и королю Англии, если бы пришлось

²⁸ Cartulaire de la Trinité de Vendôme / Ed. C. Métais. Paris, 1893. Vol. I. P. 6-8.

²⁹ Suger. Vie de Louis VI le Gros / Ed. et trad. H. Waquet. Paris, 1929. P. 218-230.

сражаться в пределах провинции. Все его силы привлекались только в случае общевойскового призыва в преддверии «большой войны» (*proelium*), которая могла закончиться генеральным сражением. Тот же документ добавляет, что все епископские вассалы второй ступени, владеющие 50-60 акрами земли или более того, обязаны службой герцогу Нормандии, если он созовет свои войска на *битву*¹⁰.

Иными словами, результаты призыва на военную службу варьировались в зависимости от обстоятельств. По различным причинам множество людей участвовало в завоевании Англии и первом крестовом походе, это влекло за собой проблемы обеспечения. Но когда предстоящая операция была не по нраву, в ход шли любые предлоги, чтобы не подчиняться ни «просьбам», ни «приказам».

Пример сбора войск в 1124 г. показал, что пехота, несмотря на свою вспомогательную роль, вовсе не исчезла. Возможно даже, что численно пехотинцы составляли большинство. Кроме того, они вполне могли быть людьми подневольными, поскольку всеобщая воинская повинность никогда полностью не отменялась. Крестьяне обязаны были не только строить крепости, снабжать их провиантом и транспортными средствами, но и сражаться со своим примитивным оружием на местах. В графстве Анжу свободные люди созывались в случае общей войны (*proelium generale*) и для защиты королевства и государя (*pro defensione regni et principis*). В Пуату, когда сеньоры основывали монастыри, они безусловно сохраняли за собой исключительные военные права по отношению к людям, которые прежде находились в зависимости от них. Во Фландрии граф обладал правом привлекать все мужское население из каждого шателенства на работы по ремонту или постройке замков (*balfart*). Помимо этого призыва (*Landesbanwehr*), существовал и призыв в *военное ополчение* (*Landwere*), делившееся на наступательные и оборонительные части.

В заключение вспомним о знаменитом договоре, который показывает, насколько были точны договоры начала XII в. Речь идет о договоре, заключенном в Дувре 10 мая 1103 г. между Робертом, графом Фландрии, и Генрихом I Английским. Роберт обязывался помогать Генриху в защите английского королевства против «всех не на жизнь, а на смерть» при условии, что это не будет нарушением верности, обещанной им Филиппу, королю Франции. В частности, если Филипп захочет захватить королевство Англию, Роберт постарается разубедить его, но только своими «просьбами», а не с помощью денежных даров или дурного совета. Если же Филипп будет упорствовать в своем намерении, то Роберт, естественно, как вассал будет его сопровождать, но с самыми незначительными силами, достаточными тем не менее для того, чтобы не быть обвиненным в преступлении против своего сеньора. В случае надобности король Англии пошлет письма с призывом к графу Фландрии; тот

в течение 40 дней (эта отсрочка часто использовалась в Средние века) должен будет собрать 1000 всадников (*équités*) или рыцарей (*milites*), готовых к отправке в Гравелин или Виссан на кораблях, посланных Генрихом I, причем каждый рыцарь имел право провезти с собой трех лошадей. Таким образом, в экспедиционный корпус должны были входить до 3000 лошадей и столько же людей, поскольку каждый рыцарь имел в своем распоряжении двух помощников, один из которых был оруженосцем. Роберт сам возглавит отряд, по крайней мере, если не будет сильно болен или если его не призовут в войско короля Франции или императора, вассалом которого по некоторым землям он также являлся. Все время, что они проведут в Англии, Генрих I будет их содержать и возмещать потери так, как он обычно делает это в отношении своего собственного окружения.

В том же договоре предусматривается и другой театр военных действий - Нормандия. В этом случае Роберт должен будет предоставить Генриху I подкрепление в том же размере, которое будет обязано служить за свой счет в течение первых восьми дней похода; если же Филипп Французский вознамерится захватить Нормандию, Роберт будет сопровождать его только с 20 рыцарями, остальные 980 рыцарей останутся «на службе и сохраняют верность» Генриху I. Была предусмотрена возможность и третьего театра действий - Мэн. В этом случае граф Фландрии должен был выставять только 500 рыцарей не более одного раза в году, которые на протяжении целого месяца будут причислены к окружению короля-герцога [Генрих I был одновременно королем Англии и герцогом Нормандии. - *Прішеч. пер.*].

В ответ на два эти обязательства Генрих I обеспечивал безопасность «жизни и тела» Роберта, обязывался освободить его в случае пленения и даже выплачивать графу 500 фунтов в английских пенсах ежегодно⁵¹.

4. АНГЛИЯ

В отличие от других германских народов, осевших на континенте, англосаксы во время завоевания Британии создали достаточно много королевств, каждое из которых обладало собственным войском, хотя при случае они действовали сообща против северных и западных кельтов.

Процесс объединения шел очень медленно: в конце VIII в. король Мерсии Оффа (757-796 гг.), который именовал себя «королем всей страны Англо-в» (*rex totius Anglorum patriae*), прямо или косвенно контролировал большую часть Англии. Затем главенство перешло к Уэссексу, король которого Эгберт (802-839 гг.) к концу своего правления владел не только южной Англией, но и Мерсией,

⁵¹ Vercauteren F. *Actes des comtes de Flandre, 1071-1128*. Bruxelles, 1938. Перевод см.: Bouiruche R. *Seigneurie et féodalité* [102]. Vol. II. P. 412-414.

Восточной Англией и Нортумбрией. Это положение сохранилось в период правления его внука, Альфреда Великого (871-899 гг.), вопреки натиску норманнов, которые вынудили его (по договору 886 г.) оставить всю северо-восточную Англию по рубежу, идущему от устья Темзы до устья Ди. После смерти его справедливо называли «королем всего английского народа, за исключением подвластного датчанам». Его наследникам Эдуарду Старшему (899-924 гг.) и Ательстану (924-939 гг.) удалось не только сохранить политическое единство английского народа, но и сбросить датское владычество. Даже последовавшие бедствия, эпизод с Кнутом Великим и возвращение англосаксонской династии с Эдуардом Исповедником, не нарушили целостности королевства, воплощавшегося в единстве армии, подчинявшейся королю. Не существовало ничего подобного княжествам в Восточном и Западном королевствах франков.

Несмотря ни на что, скудные источники позволяют получить представление о военных институтах англосаксов в VIII—IX вв. Во времена правления Оффы появились три тяжкие для народа (folc) повинности: «извозная служба, постройка мостов и постройка крепостей» (*expeditio et pontis arcisque construction*) Иными словами, каждый, кто владел землей - единица налогообложения: *gaiida* (hide), *плуг* (*carruca*)³², - должен был нести военную службу, участвовать в постройке мостов и крепостных стен населенных пунктов, называемых бургами (*burns, boroughs*), и содержать их в порядке. Существовал и другой тип укреплений - линейного характера: к этому типу принадлежат вал Оффы и ров под названием *Wat's Dyke*, военная и политическая граница между англосаксами и кельтами.

Привилегией свободного человека было право сражаться. Этот суровый принцип наиболее ясно представлен в ритуале освобождения раба, когда его бывший господин вкладывал ему в руки оружие свободного человека, символ его нового положения. Однако начиная с этого времени крестьянское ополчение уже не составляло ударную часть англосаксонских армий. Решающая роль принадлежала королевским дружинникам.

Накануне нормандского завоевания снова появляется народное ополчение - *фирд* (*fyrð*) - проводится всеобщая мобилизация свободных людей для защиты, к примеру, *графства* (*shire*), прибрежной местности, населенных пунктов. Помимо него существовало и *малое ополчение*, в которое от каждых пяти гайд³² или шести плугов в области датского права призывался один человек. Этот институт, сходный с каролингской системой «снаряжающих» и «воюющих», упоминается в следующем отрывке о Беркшире в эпоху Эдуарда Исповедника (1042-1066 гг.): «Если король пошлет войско в какую-либо область, туда отправится один воин от пяти гайд, и на его содержание,

³² *Гайда*. земля одной семьи (*terra unius familiae*) по определению Беды, была англосаксонским эквивалентом каролингского манса и германской *хуфы* (*Hufe*).

или оплату, каждая гайда выделит 4 шиллинга на два месяца. Эта сумма уплачивается не королю, а воинам»³³. Отобранные подобным образом воины могли быть обыкновенными крестьянами (*ceorls, geburs*), но также, и чаще всего, *тэнами* (*thegns*, или *thanes*) - категорией людей благородного происхождения, состоявшей на службе короля, магнатов и церкви, занимавшей то же положение, что и гезиты в прошлом веке. Со всего королевства в малое ополчение можно было набрать до 20 000 воинов этого типа, но к ним добавлялись конные воины (*radcnihts, radmanni*) и местное ополчение, собранное путем всеобщей мобилизации.

Тот же механизм действовал и на военном флоте: помимо особых повинностей для некоторых прибрежных городов (в англо-нормандскую эпоху - *пять портов*: Гастингс, Ромни, Дувр, Хайт и Сандвич), предусматривалось, что от каждых 300 гайд выставляется экипаж одного судна из 60 воинов-гребцов с кольчугами, шлемами, мечами, боевыми «датскими» секирами и щитами.

Двух месяцев неоплачиваемой службы часто хватало, чтобы удачно завершить кампанию. По прошествии этого времени король мог содержать армию за счет земельного налога, впервые появившегося в 991 г. и изначально предназначавшегося для выплаты дани скандинавским захватчикам, - датских денег; к ним прибавлялись замены или откупы от службы, конфискации, штрафы, один из которых взимался за отсутствие в фирде (*fyrdwite*).

В IX в. в англосаксонском государстве в широком обращении были серебряные монеты. Они использовались в торговле, а также для платы наемникам (*hired-men, lithsmen, butsecarls*) и прежде всего королевским телохранителям (*housecarls*), которые появились в 1018 г. при Кнуте Великом, их насчитывалось около тысячи.

Ничто не подтверждает несовершенства военной системы англосаксов, способных, к примеру, одерживать победы над викингами (так, победа при Стамфордбридже 25 сентября 1066 г. была реваншем - норвежцы победили 20 сентября при Фульфорде). Но, с одной стороны, армия англосаксов состояла из пехотинцев, не обладавших мобильностью на поле боя; с другой стороны, укрепления в Англии оставались довольно примитивными: перед нормандским завоеванием там не встречаются замки на возвышениях, за исключением тех, что начиная с 1050 г. возводили нормандцы из окружения Эдуарда Исповедника (Клаверинг в Эссексе, Дувр в Сассексе)³⁴.

Накануне продолжительного похода 1066 г. (7 месяцев), который можно назвать «самой значительной операцией с римских времен»³⁵, герцогство Нормандское уже добрых полвека испытывало ощутимый демографический

³³ La Roncière C.-M., Contamine Ph., Delort ft, Rouche M. L'Europe au Moyen Age. Vol. II. P. 50-51.

³⁴ Hollister C. W. Anglo-Saxon Military Institutions... [192].

³⁵ Beeler J. H. Warfare in England... [25].

и экономический подъем. Более того, после победы, одержанной при Вальде-Дюн в 1047 г. над своим соперником Ги Брионским, Вильгельм Незаконнорожденный смог реорганизовать и даже навести порядок в своем герцогстве. На собрании светских и духовных вассалов в Кане он в свою пользу провозгласил «мир, который обычно называют перемирием Божьим»³⁶. Те сеньоры, которые не собирались его соблюдать, принуждались к изгнанию и к возмещению причиненных убытков. Вильгельм увеличил количество феодальных пожалований за счет своего домена и грабежа церквей. Тем не менее, поход 1066 г. не был феодальным в прямом смысле этого слова: к нормандскому рыцарству присоединились добровольцы из Бретани, Фландрии и даже из более отдаленных мест (Шампани, Южной Италии). Таким образом, армия, которая 14 октября 1066 г. одержала победу при Гастингсе, была разношерстной и в географическом, и в военном отношении (около 7000 человек, из них половина рыцарей, половина пехотинцев и лучников). После неудачной попытки сотрудничества с коренным населением Завоеватель, ценой безжалостной резни и значительных опустошений, подавил восстание англосаксов (1067-1070 гг.). Старая аристократия была уничтожена или бежала, множество земель оказалось свободными, а тысячи победителей ожидали своей награды.

Чтобы контролировать страну, Вильгельм и его бароны стали строить замки на возвышенностях, для чего достаточно было привлечь землекопов и нескольких плотников. Размещение этих замков зависело от общей стратегии: защиты портов Ла-Манша, контроля за переправами через реки, заметной концентрации замков вокруг Лондона и Ковентри - двух основных узлов сообщения средневековой Англии.

Возникла необходимость в войсках для охраны замков и формировании армии. Англо-нормандский король роздал держания приблизительно 180 светским баронам и выделил земли, также при условии несения воинской службы, епископам и аббатам. В целом, он мог рассчитывать на *обязательную службу* (*servitium debitum*) 5000 - 6000 рыцарей, вынужденных бесплатно служить два месяца во время войны и 40 дней в мирное время, не считая несения службы по охране замков.

Для того чтобы выполнить предписания, непосредственные вассалы короля обращались то к жившим в их домах рыцарям, то к наемникам, набираемым в зависимости от обстоятельств, то к рыцарям, которым они предварительно пожаловали фьеф. Таким образом, слово «воин» (*miles*) соответствует в эту эпоху определенному типу бойца, а не однородному социальному слою. Процесс феодализации быстрее проходил во владениях епископов, аббатов, нежели у светских феодалов. Во всяком случае, он значительно ускорился

к 1100 г. Хроника Абингдонского монастыря, расположенного вверх по течению Темзы от Лондона, повествует о том, что Ательгельм, монах нормандского монастыря Жюмьеж, по приказу Вильгельма Завоевателя поставленный во главе аббатства Абингдон, «посчитал необходимым в начале своего аббатского правления никогда не передвигаться без отряда вооруженных рыцарей, ибо в условиях заговоров, которые вспыхивали почти каждый день против короля и королевства, он был вынужден принять меры для своей личной безопасности. В то время для безопасности королевства в Уоллингфорде, Оксфорде, Виндзоре и других местах были возведены замки, и король приказал этому аббату предоставить рыцарей для охраны Виндзора. Наиболее подходящими для выполнения этой задачи посчитали рыцарей, прибывших в Англию с континента. Несмотря на все эти волнения, сеньор аббат сохранил свой сан, который был ему дан благодаря находившемуся в его распоряжении сильному рыцарскому войску. Сначала он использовал наемников. Затем, когда беспорядки прекратились, по приказу короля в хронике было отмечено, сколько рыцарей будет затребовано от епископств и аббатств для защиты королевства в случае необходимости. Поэтому аббат, снова получив земли, прежде ему отданные, передал их в маноры держателям от Церкви и объявил, какие обязанности будут на них возложены. Эти владения раньше принадлежали людям, называемым тэнами, которые были убиты при Гастингсе»³⁷.

Обязательная служба обеспечивала внушительные готовые к бою силы. В отношении их численности можно согласиться с мнением Ордерика Виталия, который писал, что Вильгельм «распределил земли между рыцарями и организовал их отряды таким образом, что английское королевство всегда могло располагать 60 000 рыцарями, выступавшими непосредственно по его приказу в случае необходимости»³⁸. Однако тот же король и его сыновья Вильгельм Рыжий и Генрих I использовали и наемные отряды, которые охотно набирали на континенте, особенно Вильгельм Рыжий, имевший репутацию покупателя воинов (*militum mercator et solidator*). Более того, есть доказательства, что в течение нескольких десятилетий система малого ополчения продолжала существовать и даже использовалась на континенте. Напротив, группа королевских телохранителей не пережила смерть Гарольда: у англо-нормандских королей была только скромная охрана из лучников под командованием констеблей. Сам же Вильгельм Завоеватель пользовался необычайной воинской репутацией: в 1074 г. распространились слухи, что он вот-вот захватит Ахен, чтобы стать императором; в 1082 г. поверили, что его сводный брат Эд, епископ Байе,

³⁷ "Chronicon monasterii de Abingdon / Ed. J. Stevenson. London. 1858. Т. II. Р. 3. - В 1084 г. монастырь пожаловал 31½ фьефа, хотя обязан был поставлять только 30 рыцарей на обязательную службу.

³⁸ The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis / Ed. M. Chibnall. Oxford, 1969. Т. II. Р. 266.

собирается захватить папский престол, тогда как другой нормандец, Роберт Гвискар, станет владыкой Константинополя³⁹.

5. НОРМАНДСКИЕ КОРОЛЕВСТВА В ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

В Англии правил герцог, ставший королем спустя несколько месяцев после начала военного похода, имелась значительная по тем временам армия, победители получили огромную добычу, произошло быстрое и массовое перераспределение земель, главным образом в военных целях. В Южной Италии нормандские авантюристы, покинувшие родные края, чтобы избежать подчинения княжеской власти, представляли собой небольшую группу, которая, активно включившись в сложную политическую игру, выросла, как снежный ком, и добилась для своих вождей официальных титулов и власти, в том числе и королевского достоинства, правда, только спустя столетие.

По рассказу монаха Амато Салернского из Монте-Кассино, составленному в конце XI в., в 1016 г. группа нормандских паломников, ездивших поклониться Гробу Господню в Иерусалим, на обратном пути прибыла в Салерно, тогда осажденный мусульманами. Эти мирные путешественники, получив у правителя города оружие и лошадей, одержали победу, были вознаграждены и получили приглашение остаться защищать христиан. Они отклонили предложение, но по возвращении в Нормандию рассказали об этом событии, таким образом подав мысль другим нормандцам поехать им на смену.

В начале XI в. ситуация складывалась следующим образом:

а) Сицилия была отобрана у византийцев мусульманами из Африки в 827-969 гг. С этого времени ее поделили на множество эмиратов, и эмиры набирали наемников, часто при посредничестве военных предводителей, которые вместо денежного вознаграждения принимали земельное пожалование, называемое «икта» (iqta');)

б) Византия контролировала оконечность Апеннинского полуострова: Апулию и Калабрию, которые образовали лангобардскую фему (Langobardia), под управлением катапана, находившегося в Бари;

в) в принципе под византийским господством снова оказались маленькие автономные герцогства: Амальфи, Сорренто, Неаполь, и Гаэта;

г) существовали три лангобардских княжества: Беневент, Салерно и Капуя.

В течение второй четверти XI в. нормандцы добились признания за ними графств Аверса и затем Апулии. В 1059 г. папа Николай II обратился к одному из них, Роберту Гвискару, как к «герцогу Апулии и Калабрии милостью Божьей и святого престола». Тот же Роберт Гвискар стал в 1073 г. правителем гер-

³⁹ Hollister C. W. The Military Organization of Norman England [195].

цогства Амальфи и в 1076 г. - княжества Салерно. Одновременно по инициативе его брата Рожера с 1060 г. началось завоевание мусульманской Сицилии, завершившееся тридцатью годами позже. И если завоевательные планы в отношении Византийской империи потерпели неудачу, то, напротив, на Апеннинском полуострове нормандское господство упрочилось. В 1129 г. Рожер II (1127-1154 гг.) прибавил к своим владениям Капуанское княжество. В следующем году он добился от антипапы Анаклета II титула «короля Сицилии и герцогств Апулии и Калабрии», который окончательно будет признан папой Иннокентием II. В середине XII в. Рожер II добился признания северных границ своего королевства, которые не изменялись до 1860 г.

Как и в англо-нормандской Англии, в Южной Италии в интересах нормандцев, а также некоторых представителей старой лангобардской аристократии начался последовательный процесс феодализации. Можно различить три категории феодалов: графы, власть которых распространялась на города; бароны, в чьих руках были замки; и воины, среди которых нужно отличать *владельцев феодалов* (feudati) от тех, кто «ничего не держал». Тогдашний список баронов, первая редакция которого составлена в последние годы правления Рожера II, представляет собой повсеместную, за исключением Сицилии и Калабрии, регистрацию военных повинностей. Фьефы в нем перечислены либо по графствам, либо по коннетабльствам. В целом получается 3453 фьефа, от которых выставлялось на службу 8602 рыцаря и 11 090 сержантов. Если к этому добавить силы Сицилии и Калабрии, то получается очень внушительная цифра, тем более что в этот период еще существовали рыцари, жившие по лангобардскому праву и не подлежавшие учету⁴⁰. Более того, суверены могли обратиться с призывом ко всему населению и потребовать у прибрежных городов, особенно в Сицилии, предоставления кораблей для морских боевых действий, участвовавших в годы правления Роберта Гвискара и Рожера II. Использовались и мусульманские наемники: пехотинцы, конные лучники и знатоки способов ведения осадной войны.

6. ИБЕРИЙСКИЙ МИР И РЕКОНКИСТА

Испанское общество VIII—XIII вв. было «организовано для войны»⁴¹. Борьба с мусульманами, война одновременно завоевательная и религиозная, сформировала социальные структуры.

После событий 711г. волна мусульман за несколько лет не только достигла Пиренеев, но и, хлынув через них, наводнила Септиманию. Однако вестготы сумели сохранить свою независимость в Астурии и Кантабрийских

⁴⁰ Catalogus baronum / Ed. E. Jamison [216]: Cahen C. Le régime féodal... [234].

⁴¹ Lourie E. A Society Organized for War... [121].

горах. Около 718 г. астурийская аристократия избрала королем Пelayo. В правление Альфонса I (739-757 гг.) войска мусульман вынуждены были оставить Порто, Брагу, Леон, Симанку, Осму, Саламанку, Авилу и Сеговию. Вся Галисия была отвоевана. Но из-за нехватки людей невозможно было длительное время удерживать незаселенные земли к югу от Кантабрийских гор, где постоянно шли сражения между христианами и мусульманами. В восточном направлении к югу от Пиренеев, несмотря на неудачу под Сарагосой и поражение при Ронсевале (778 г.), Карл Великий смог организовать марку, столицей которой стала Барселона, захваченная в 801 г. Границей этой марки после взятия Таррагоны в 808 г. стала р. Эбро.

После периода внутренних разделов, который длился до середины XI в., Реконкиста возобновилась в правление Альфонса II (866-911 гг.). Основывались города-крепости (Бургос). В Астурийском королевстве столицей выбрали находившийся далеко от центра Леон (начало X в.). Появились новые политические образования: сформировавшаяся вокруг Бургоса Кастилия стала независимым графством к 950 г., Наварра со столицей Памплоной в 925 г. превратилась в королевство. В начале XI в. мусульманская Испания разделилась на множество эмиратов («*reyes de taifas*»), блиставших в культурном отношении, но неспособных противостоять единым фронтом натиску христиан. В то же время Иберийский полуостров стал открытым для христианского мира. Многочисленные паломники посещали могилу апостола Иакова в Компостеле. Тогда же появились первые франкские рыцари, желавшие схватиться врукопашную с неверными, атмосфера уже предвещала крестовый поход, об этом свидетельствуют и первые героические песни.

Инициатива перешла к графству Кастилии, которое в 1035 г. стало королевством и затем объединилось с Леоном. Изменился темп Реконкисты, она стала более быстрой и систематичной. В 1085 г. христиане достигли Тахо и захватили Толедо. Вырисовываются индивидуальные черты Португалии, ставшей графством в 1071 и королевством в 1143 г. Арагон, ставший королевством в 1035 г., столетие спустя объединился с Каталонией. В середине XII в. добрая половина полуострова к северу от линии Лиссабон-Толедо-Тортоса оказались под властью христиан. Эта освобожденная Испания была разделена на четыре королевства: Португалию, Кастилию и Леон, Наварру, Арагон.

Борьба с мусульманами поглощала отнюдь не весь военный пыл христиан. Между ними неоднократно разгорались внутренние конфликты, разногласия, распри. Между маврами и христианами никогда не заключалось общее и длительное перемирие на всей границе - только отдельные, всегда непрочные примирения и соглашения. Реконкиста представляла собой не необратимый, неотразимый и непрерывный натиск, а движение «туда-обратно», состоявшее из наступлений и отступлений, отличавшихся и дерзкими рейдами, и драматическими поражениями для той и другой стороны.

Отступление мусульман происходило в течение долгого времени, но это вовсе не свидетельствует о том, что военная система Кордовского халифата не имела достоинств и сплоченности. Вблизи христианского мира создавались военные территории (*thughur*), отличавшиеся от внутренних областных округов. В X в. Сарагосская марка была обращена к Пиренеям для наблюдения и блокирования Арагона и Наварры; другая марка, на западе, центром которой был Мединасели, сдерживала Леон и Кастилию.

Мусульманская армия состояла из довольно немногочисленных постоянных отрядов (главным из них была дворцовая охрана эмира или халифа, расквартированная в Кордове и пополняемая за счет рабов иноземного происхождения), воинов, обязанных служить за земельные пожалования, наемников, набираемых на время за пределами Испании, малопригодного в военном отношении андалусского ополчения; наконец, из добровольцев, которые стремились во имя священной войны, по крайней мере в течение своей жизни, выполнить канонический долг джихада (*djihad*). Несмотря на добычу, содержание войска требовало значительных денежных сумм: в частности, жалование выплачивалось отрядам, регулярно вносившимся в списки «дивана» (*diwan*).

За исключением периодов перемирия, мусульмане ежегодно отправлялись в военные походы. Приготовления начинались в июне. Месяцем позже армия, в которой всадники явно превалировали над пехотинцами, собиралась в просторном лагере к северу от Кордовы, где присутствовал и халиф. Знамена командующих раздавались в большой мечети, куда их возвращали на обратном пути. Целью похода были грабеж, захват крепостей и пленников: крестьян, женщин для гаремов, юношей для удовлетворения гомосексуальных склонностей мавританских вождей. Часть добычи поступала государству, а дележ остального производился в зависимости от военного и социального положения воинов⁴².

Что могли противопоставить северные христианские королевства, грубые и примитивные, этим объединенным силам, обладавшим поддержкой хорошо организованного государства, не испытывавшим недостатка ни в людях, ни в денежных ресурсах? Заметен разрыв между институтами эпохи вестготов и королевства Астурии в VIII в. Источники больше не упоминают о герцогах, графах, войсковых командирах (*prepositi exercitus*) и о воинах, которых ранее называли *thiufadi* и *gardingi*. Система снабжения деньгами и натурой исчезла. Отныне не говорят о *государственных походах* (*publice expeditiones*), но о *fonsado*, или *fossato*, это термин народного происхождения, причем есть три варианта его этимологии. Оно может происходить: а) от *fossa* - ров, тактический прием, который эффективно применялся в войне против мусульман в 816 и 825 гг.;

⁴² Lévi-Provençal E. Histoire de l'Espagne musulmane. Paris, 1953. Vol. III: Le siècle du califat de Cordoue. Paris, 1953.

б) от глагола *fossare* - пронзать (врага); в) от слова *fosa*, т. е. линия или граница. По крайней мере, ясно, что *fossato* обозначает крупную наступательную кампанию под командованием короля или могущественного магната. *Fossatoria*, *fonsadera* представляет собой компенсацию, выплачиваемую теми, кто не участвует в кампании, хотя юридически они обязаны это делать.

Королю надлежало созывать армию, и он как военный предводитель играл, естественно, основную роль. Опасность была настолько близка, что всем свободным людям приходилось служить в армии. Перед походом король, у которого могла быть собственная военная дружина, собирал в своем дворце магнатов. Каждый *граф* в сопровождении *майордома* (*maior domi* или *majorini*) приводил свой отряд и командовал им. В течение долгого времени важное значение имела пехота, т. е. множество крестьян, мелких свободных собственников или владельцев земель по долгосрочному договору, живших общинами, которые должны были участвовать прежде всего в оборонительных сражениях: защите городов, замков, деревень. Затем, когда опасность исчезала, основными формами боевых действий становились разрушительные рейды, стремительные вылазки. Это приводит к быстрому развитию кавалерии. Однако вооружение всадника стоит дорого: в X в. цена лошади колеблется от 4 до 10 быков, от 40 до 100 овец, от 40 до 100 мюидов зерна, стоимость кольчуги достигает 60 овец⁴¹. Король мог требовать такого снаряжения или такой службы только от тех, кому был пожалован фьеф (*prestamo*, *prestimonium*), или от тех, кто получал плату на содержание. Поэтому появилась тенденция к упразднению всеобщей воинской повинности. Пехота утратила свое преимущество в пользу кавалерии, которую составляли города, а также магнаты и состоятельные люди (*nobiliores*, *proceres*, *locupletes*, *richi homines*), получившие от короля владения (*honores*) в полную собственность и окруженные своими *верными людьми* (*fidèles*), *телохранителями* (*satellites*), *вассалами* (*vassali*) и *людьми* (*homines*). Многие всадники были легко вооружены и мобильны: в отличие от рыцарей остальной Европы, прочно сидевших в глубоком седле, они ездили верхом на маленьких лошадках (*jinete*), используя короткие стремени, довольно низкие седла и удила специальной формы. Эти всадники (*исп. хинетес*) прибегали к тактике «нападение-отступление» (*torna - fue*), которая напоминает тактику мусульман (*кагк-ва-фатт*).

К 1050 г. в Кастилии и Леоне использовались следующие воинские части:

а) *инфансоны*, или *рыцари идальго* (*caballeros hidalgos*), которые участвовали в крупных походах за счет своих фьефов или за плату;

б) *рыцари вилланы* (*caballeros villanos*), особенно многочисленные в долине Дуэро, - своего рода народная кавалерия, роль которой возрастает после

⁴¹ В XI в. в центральной Франции верховая лошадь стоила от 2,5 до 8 быков, кольчуга - от 10 до 16 быков.

1080 г. Они были родом как из городов, так из сельских местностей (их можно сравнить с незнатными гражданами итальянских коммун, обязанными конной службой в силу своего экономического положения);

в) отряды городских *пехотинцев* (*pedones*), служивших в соответствии с их *статутами* (*fuegos*).

В целом воинские повинности варьировались в зависимости от типа военных действий. Кажется, что *guerra* по преимуществу обозначала междоусобную борьбу магнатов, в отличие от *bellum* - войны с мусульманами. *Hueste* представляла собой большое наступление под командованием короля или его наместника, *fonsado* - ограниченные кампании, развязанные прежде всего городами, *apellido* - массовый сбор в случае нашествия. Наконец, практиковались набеги на вражескую территорию (*cavalgada*, *algara*, *corredura*, *azaria*). В одной хронике XII в. этот тип войны описывается следующим образом: «Каждый день из замков выезжают большие отряды рыцарей, которые на нашем языке называются альгарадами, и, рассыпаясь направо и налево, грабят окрестности Севильи, Кордовы и Кармоны, предавая всю эту землю огню»⁴⁴.

7. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И ЛАТИНСКИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОКА

Начавшись с призыва Урбана II на Клермонском соборе (27 ноября 1095 г.), достигнув кульминационной точки - взятия Иерусалима (15 июля 1099 г.), завершившись сражением при Аскалоне (12 августа 1099 г.), первый крестовый поход был самым великим событием эпохи феодализма. Сами участники прекрасно осознавали размах своих достижений. Выслушаем Ансельма де Рибемона, написавшего епископу Реймскому Манассии в конце ноября 1097 г., сразу после начала осады Антиохии, следующее: «Да будет вам доподлинно известно, что мы завоевали для Господа две сотни городов и замков. Пусть же возрадуется наша мать Западная Церковь, породившая людей, которые прославили ее имя и столь чудесным образом помогли Восточной Церкви»⁴⁵.

Накануне первого крестового похода Византийская империя в течение примерно полувека переживала более или менее заметный упадок. Она не только утратила свои владения и опорные пункты в Италии, но и не смогла противостоять натиску турок-сельджуков. В 1071 г. они разбили и пленили при Манцикерте императора Романа Диогена, взяв таким образом под контроль Малую Азию. Вслед за потерей этой провинции, тем более необходимой для

⁴⁴ Цит. по: *Torres A. P. Contribucion al estudio del ejército en los estados de la Reconquista* [288].

⁴⁵ *Epistulae et chartae ad historian! primi belli sacri spectantes quae supersunt aevo acquales et genuinae*/Ed. H. Hagenmeyer. Innsbruck, 1901. S. 145-146.

Империи, что в ней набирали большое количество солдат, в 1085 г. последовала утрата Антиохии. С 1081 г. новый император Алексей I Комнин, человек способный и проницательный, стремился защитить Константинополь от высадки турецкого десанта на Балканах и, если представится случай, вернуть Малую Азию и Северную Сирию. Византия не испытывала финансовых затруднений: но остатки ее национальной армии были не способны предпринять успешное контрнаступление. Возникла необходимость в наемниках. В этом отношении подходящими наемниками могли стать латиняне, при условии что их будет не слишком много и они легко подчинятся политическому контролю со стороны нанявшего их.

Турки-сельджуки одержали значительные победы в правление султанов Алп-Арслана (1065-1072 гг.) и Малик-Хана (1072-1092 гг.). Их главным военным достоинством была мобильность: вооруженные легче, чем рыцари Запада, турецкие всадники были способны беспокоить своих противников, окружать их, обходить с флангов, заставить врасплох и, изобразив бегство, вынуждать нарушать боевые порядки противника. Турецкие всадники осыпали врага несколькими залпами стрел, что было возможно при помощи «турецких луков», и использовали его ослабление или смятение, чтобы броситься врукопашную. Два текста, правда, более поздние, позволяют представить тактику, которую они использовали во времена первого крестового похода: «Они [турки] окружили нас со всех сторон и выпустили такое большое количество стрел и дротиков, что они затмили свет сильнее, чем дождь и град, и многие из наших людей и лошадей были ранены. Когда первые ряды турок опустошили свои колчаны, выпустив все стрелы, они отступили назад и вперед вышли другие, еще более многочисленные, отряды, которые ранее стояли сзади. И они начали еще более плотный обстрел»⁶⁶. За этой подготовительной операцией последовал решающий бой: «Турки, увидев, что наши люди и лошади сильно изранены и нам нанесен большой урон, перекинули луки за спину и, освободив правые руки, бросились на нас со всей свирепостью, вооруженные мечами и булавами»⁶⁷.

Итак, если эта тактика была безусловно хорошо известна византийцам, которые могли предупредить о ней латинян, прежде чем те переправились через рукав св. Георгия (Brachium Sancti Georgii), то у последних, в лучшем случае, были лишь теоретические знания. Однако некоторые крестоносцы, которые ранее уже совершали паломничество в Иерусалим, имели некоторое представление о стране и военных обычаях ее обитателей, тогда как другие воевали в Испании, где мавры использовали очень похожую тактику.

Цит. по: *SmailR. C. Crusading Warfare...* [286]. P. 76, n° 9.

Ibid. P. 82, n° 4.

Турки сражались на земле, где они жили уже в течение целого поколения, в привычном климате. Правда, их людские ресурсы были ограничены из-за частых столкновений между различными племенами, которые не сумели вовремя объединиться перед лицом завоевателя, о чьих амбициях турки ничего не знали. К тому же в Сирии местные эмиры вели весьма независимую политику, а южная Палестина только что перешла, по крайней мере частично, под власть фатимидского Египта.

Мы ничего не знаем о политических целях Урбана II: хотел ли он добиться только свободной *дороги в Иерусалим* (via hierosolymitana) или же вновь завоевать для папства израильскую землю, которая, как он знал, некогда была частью Римской империи. Больше известно о средствах, которые Урбан II рассчитывал использовать для осуществления похода: предполагалось собрать армию из нескольких тысяч испытанных воинов, добровольцев, набранных в основном в Южной Франции. Духовное и политическое руководство этим войском возлагалось на папского легата Адемара Монтейского, епископа Пюи, и его помощника - пятидесятилетнего Раймунда V Сен-Жильского, графа Тулузы, человека опытного и благочестивого. Возможно, папа надеялся, что этот экспедиционный корпус, сходный по составу с войском, собранным тридцатью годами ранее Вильгельмом, герцогом Нормандским, для захвата Англии, сможет получить необходимое снаряжение и подкрепление от византийских войск. В действительности же «воинство Божье» только отчасти соответствовало этому плану. С одной стороны, в крестовом походе участвовали вожди с сиюминутными политическими, а вовсе не религиозными амбициями; с другой стороны, рыцари из многих регионов Запада так быстро отзывались на проповедь, что появилось много других армий: армия нормандцев из Южной Италии и Сицилии; армия Северной Франции под командованием Роберта Коротконового, герцога Нормандии, Стефана, графа Блуа, и Роберта II, графа Фландрии; армия под командованием Готфрида Бульонского, или лотарингская армия, состоявшая из валлонов, французов, фламандцев и немцев, к которой можно причислить маленький отряд Гуго Великого, графа Вермандуа, брата французского короля Филиппа I. Более того, к движению примкнули «народные» массы: часть простолюдинов направилась к Константинополю раньше официального выступления (назначенного на август 1096 г.) и начала поход, прозванный «народным», под руководством Петра Отшельника и Вальтера Голяка, часть присоединилась к настоящим армиям. Эти отряды простолюдинов были одновременно подмогой и помехой: разумеется, их присутствие было обременительным для армии, так как замедляло ее продвижение, затрудняло поддержание дисциплины и постоянно создавало трудности со снабжением продовольствием, но они являлись вспомогательными силами, пехотинцами, которые часто были необходимы. В «народном» крестовом походе (и том, что от него осталось, после того как большинство его участников были уничтожены турками осенью 1096 г.) участвовали не только *безо-*

ружные (*inermes*), но даже дети и женщины; именно из этих бедняков был сформирован отряд *тафуров* (*tafurs*), которые, словно одержимые, без копий и щитов противостояли туркам в первых рядах. Рассчитывавшие только на свои физические силы и вооруженные простыми палками, они наводили ужас на противников (турки считали их пожирателями трупов). Однако бедняки выполняли не только военные задачи; с помощью низшего духовенства им удавалось поддерживать дух крестового похода, оживлять его, когда после завоевания Антиохии и Сирии религиозное рвение грозило угаснуть. Без их действий предводителям, быть может, все наскучило бы и они могли бы отказаться от высшей цели.

Армии крестоносцев (*exercitus Dei*) подразделялись в основном на три группы: франков, провансальцев, нормандцев Южной Италии, - хотя в силу обстоятельств на поле битвы они умели действовать слаженно. Символом их единства был кресты из ткани, нашитые на одежду, которые защищали их и напоминали об их двойной миссии - священной войне и паломничестве⁴⁸.

Было ли у крестоносцев численное превосходство? В источниках не сохранилось никакого неоспоримого свидетельства на этот счет: поведава о неисчислимых толпах, составлявших армию крестоносцев, напротив, упоминают, что ей угрожала опасность быть сметенной еще более многочисленными язычниками. Тем не менее, надо полагать, что если вспомогательные отряды были довольно большими, то число рыцарей, напротив, достигало лишь нескольких тысяч, и иногда только несколько сотен из них имели лошадей, чтобы участвовать в массовой атаке⁴⁹. Кроме того, вопреки щедрым обещаниям, помощь от византийского императора оказалась довольно скромной: отряд под командованием Татикия, оружие и немного продовольствия. Это повлекло за собой серьезные проблемы снабжения и вооружения. Чтобы пополнить резерв лошадей, приходилось прежде всего рассчитывать на добычу.

С другой стороны, примечательно, что в течение 2 лет и 4 месяцев, пока длился поход, крестоносцы не получили практически никакой помощи с Запада. Из-за дезертирства, смертей, болезней и ранений их мощь постоянно уменьшалась. Они оставили более или менее крупные отряды в завоеванных городах и крепостях. Армия, победившая при Аскалоне, была значительно слабее армии, одержавшей победу при Дорилее⁵⁰. Впрочем, некоторую помощь смогло оказать и христианское население, жившее на Востоке. По крайней мере, действия английской и генуэзской флотилий и пирата Ги-

⁴⁸ О Раймунде Сен-Жильском писали, что он со всех сторон был «защищен знаком креста», так же как граф Фландрии и коннетабль Боэмунда Роберт (*Histoire anonyme de la première croisade* / Ed. L. Bréhier, Paris, 1924. P. 36, 72, 84).

⁴⁹ Prawer J. *Histoire de royaume latin de Jérusalem* / Trad. G. Nahon. Paris, 1969. Vol. I. P. 204. - Здесь говорится о 4500 рыцарях перед началом похода, 30 000 пехотинцев и довольно большом количестве невоенных людей.

⁵⁰ Быть может, 1200 рыцарей и 12 000 пехотинцев при осаде Иерусалима (*Ibid.* P. 225).

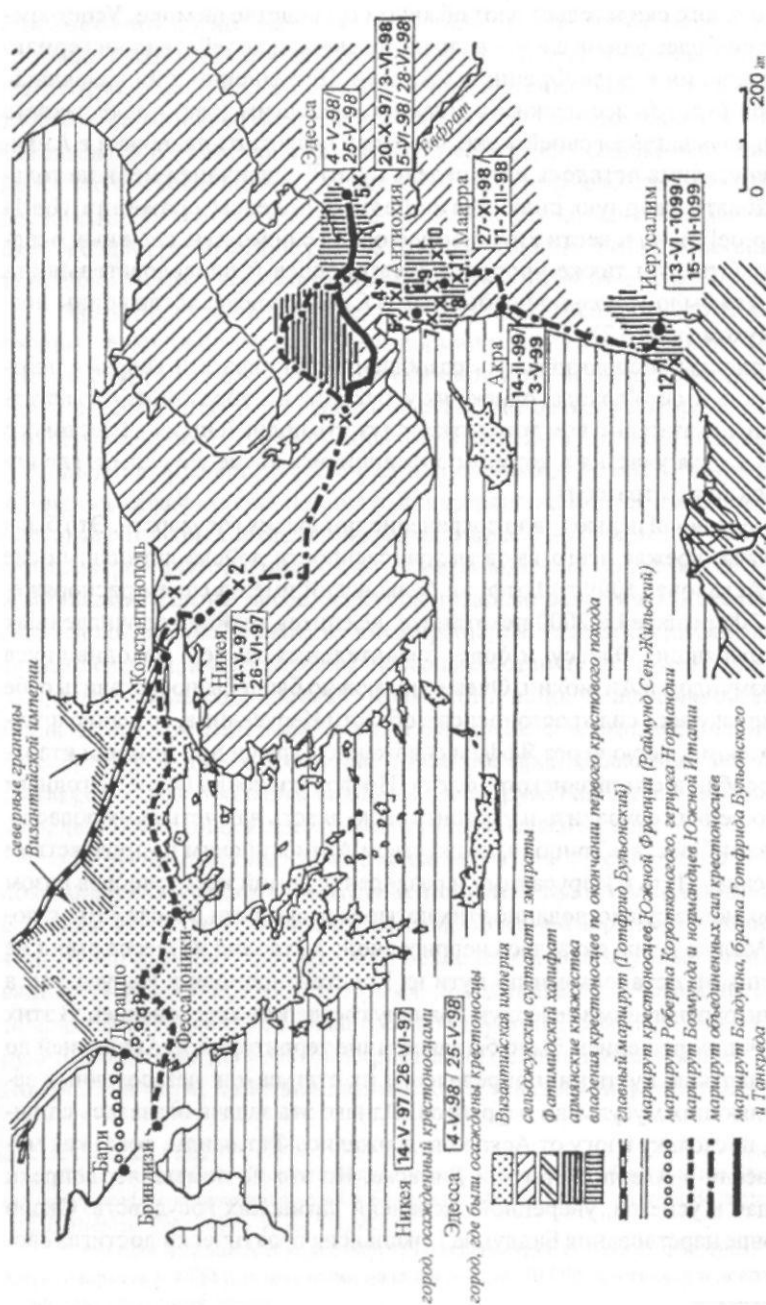
немера Булонского свидетельствуют об явном господстве на море. Успех крестоносцев тем более удивителен - ведь им не оказали содействия ни германский император, ни короли Франции и Англии. Несомненно, они надеялись, что их поход будет более легким и, главное, недолгим (так, после захвата Никеи граф Блуа написал своей жене, что, если не считать задержки в Антиохии, до Иерусалима осталось пять недель пути)⁵¹. Латиняне умели не только использовать ударную силу для победы в полевом сражении (*bella campestra, proelia*), но и вести хитроумную осаду с помощью сложных осадных машин. Отметим также упорство крестоносцев и последовательность их усилий, что было довольно необычным в Средние века, когда воины легко падали духом (карта 2).

Крестоносцы воспользовались разобщенностью врага и вовремя осознали опасность своего похода, однако их успех никоим образом не согласуется с фактами: доказательством того может служить полный провал крестового похода 1101 г., для участия в котором объединились такие же силы и где использовалась та же стратегия.

Отныне главной целью стало сохранение заморских государств. Это была трудная задача, прежде всего из-за малочисленности войска латинян: после битвы при Аскалоне (1099 г.) Готфрид Бульонский имел в своем распоряжении только 300 рыцарей и 2000 пехотинцев, не считая крайне малочисленных отрядов, охранявших Эдессу, и более значительных частей, находившихся вместе с Боэмундом в Антиохии. Очевидно, можно было бы представить себе перегруппировку всех сил крестоносцев в области Иерусалима, создание плацдарма с выходом к морю через Яффу и снабжением армии при помощи итальянского, в особенности пизанского, флота. Но франки сочли более выгодным во всех отношениях сохранить и укрепить свою власть над четырьмя областями: графствами Эдесса и Триполи, княжеством Антиохийским и королевством Иерусалимским. Путь к Иерусалиму и разделение армий крестоносцев разом оказали влияние на существование этих четырех государств. После 1101 г. дорога через Малую Азию оказалась непригодной: Антиохия и Эдесса стали не промежуточными остановками по пути из Константинополя в Иерусалим, а аванпостами, охранявшими северную границу государств крестоносцев. В этих условиях лучшим решением было бы завоевание территорий за Антиохией до Аскалона вплоть до пустыни и определение их статуса как незаселенных земель, разделяющих мусульман и франков. Однако эта задача оказалась слишком трудна, поскольку к югу от Аскалона держались Фатимиды, тогда как мусульмане засели в Алеппо, Хомсе и Дамаске. Но это не помешало, вопреки череде неудач и успехов, уверенной экспансии латинских государств. Около 1118 г., в конце царствования Балдуина I, экспансия практически достигла сво-

⁵¹ Epistulae et chartae... P. 139-140.

Карта 2.

Первый крестовый поход (1096-1099)

Битвы первого крестового похода: 1 — Никея (21 мая 1097 г.), 2 — Дорилея (1 июля 1097 г.), 3 — Гераклея (9 сентября 1097 г.), 4 — Железный мост (через р. Оронт) (20 октября 1097 г.), 5 — Харран (середина ноября 1097 г.), 6 — Антиохия (29 декабря 1097 г.), 7 — битва с мусульманами из Алеппо и Дамаска, (31 декабря 1097 г.), 8 — Антиохия (9 февраля 1098 г.), 9 — Антиохия (6 марта 1098 г.), 10 — Антиохия (28 марта 1098 г.), 11 — битва с Кербогой (28 июня 1098 г.), 12 — Аскалон (12 августа 1099 г.)

его апогея, и к 1135 г., в правление Балдуина II, положение латинских государств казалось прочным.

Каким образом удалось достигнуть этой консолидации? Прежде всего и главным образом за счет феодалов Святой земли, получивших, купивших или захвативших фьефы и обязанных своему непосредственному сеньору или сюзерену военной службой, гораздо менее ограниченной во времени и пространстве, чем в Западной Европе, подвергавшейся меньшей опасности. Готфрид Бульонский содержал рыцарей непосредственно при своем доме или уступал им «в виде фьефа ренту с доходов от рынков, городов или портов», а его наследники, Балдуин I и Балдуин II, создали «основы феодализма: графства, баронии, шателенства, рыцарские фьефы, ставшие базовыми единицами воинской службы»⁵². Приблизительный правдоподобный расчет дает следующие цифры: за недолгий период своего существования графство Эдесса могло располагать не более чем сотней рыцарей, графство Триполи - несомненно в два раза большим количеством, княжество Антиохийское - 700 рыцарями и королевство Иерусалимское - 1000 рыцарями. В целом получается 2000 рыцарей, тогда как король Англии Генрих I мог рассчитывать на количество, в три раза большее. Кроме того, все эти воины никогда не участвовали в кампании одновременно. К рыцарям присоединялись пешие сержанты, пехотинцы, выставаемые церковными и городскими общинами. Их было довольно много, поскольку, согласно одному документу, правда, более позднему, «в случае великой нужды в королевстве Иерусалимском» патриарх Иерусалима, каноники Св. Гроба Господня и городские общины Иерусалима и Акры должны были прислать по 500 сержантов. Таким образом, можно предположить, что в распоряжении королевства Иерусалимского находилось 5025 сержантов; эту цифру, следует удвоить, если прибавить силы трех остальных государств.

Крестоносцы могли рассчитывать также на помощь отрядов из коренных жителей (туркополов), особенно значительную после 1150 г., на вооруженных паломников из Западной Европы, наконец на военные ордены, сохранявшие могущество вплоть до второй половины XII в.⁵³

⁵² Boutruche R. *Seigneurie et féodalité* [102]. Vol. II. P. 346.

⁵³ О военных орденах см. с. 87-91.

ГЛАВА III

АПОГЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(середина XII - начало XIV в.)

В течение длительного промежутка между 1150 и 1300 г. мир на обширных территориях воцарялся гораздо чаще, чем в более ранний период, благодаря чему ускорилось демографическое и экономическое развитие. Так было и во многих французских землях, за долгие десятилетия серьезно пострадавших от больших и малых военных походов и, конечно, более частых междоусобных войн, размах которых короли или князья постепенно стали ограничивать. В этом отношении Бретань, где за полвека, с 1250 по 1300 г., произошла только одна недолгая война между Жаном де Ру и Оливье де Клиссоном в 1254-1261 гг., не является исключением. За 56 лет правления Генриха III, короля Англии (1216-1272 гг.), войны велись только в течение двадцати лет: шесть лет на континенте (1225, 1230, 1242-1243, 1253-1254 гг.); пять лет в Уэльсе (1223, 1228, 1231, 1245, 1253 гг.), два года на границе с Шотландией (1224 и 1255 гг.), на территории самой Англии столкновения продолжались в течение всего шести лет (1216-1217, 1224, 1233, 1264-1265 гг.). Даже соперничество между итальянскими сеньориями и коммунами, довольно часто перераставшее в военные конфликты, только отчасти отразилось на повседневной жизни населения. В отличие от раннего Средневековья, отныне большинство государей уже не проводили ежегодные военные походы. Филиппу Августу при Бувине, а Людовику Святому на протяжении большей части своего правления больше не приходилось периодически собирать армию и обрекать себя на тяготы и опасности военных походов. Таким образом, узы, связывающие их с войной, сильно ослабли.

Конечно, западное рыцарство вовсе не утратило своего пыла и кипучего стремления к экспансии. На Иберийском полуострове мусульмане, потерпев поражение при Лас Навас де Толоса (1212 г.), потеряв Кордову (1236 г.) и Севилью (1248 г.), отступали все дальше и дальше. К 1230 г. граница Португалии достигла своих современных пределов. В то время исламское владычество ограничивалось своего рода плацдармом вокруг Малаги, Гранады и Альмерии. Несмотря на эфемерные успехи, заморские крестовые походы и прочие сопутствующие экспедиции по-прежнему продолжались. В третьем крестовом походе (1190-1191 гг.) приняли участие три великих суверена За-

падной Европы: Филипп Август, Ричард Львиное Сердце и Фридрих Барбаросса. Четвертый крестовый поход (1202-1203 гг.) привел к созданию латинской империи на Востоке, которая, слабея с каждым днем, просуществовала на протяжении двух поколений (с 1204 по 1261 г.). Следующие крестовые походы, в ходе которых военные действия сочетались с дипломатическими маневрами, хотя и не смогли помешать сначала ослаблению, а затем и падению латинской империи на Востоке и потере в 1291 г. Акры, - последнего франкского владения на азиатском побережье, тем не менее доказали, что часть военной аристократии, привлеченной на государственную службу, не отказалась сражаться за Святую землю. В балтийских землях и Пруссии германская экспансия, предпринятая по инициативе тевтонских рыцарей, приняла форму священной войны.

Однако серьезные военные действия вскоре развернулись в пределах самого христианского мира. Северная и Центральная Италия стала театром бесконечных войн, развязанных германскими императорами с целью установить или восстановить свое господство над этими областями. В свою очередь, воцарение анжуйской династии в королевстве Сицилии и тяжелое положение, в котором она оказалась после Сицилийской вечерни (1282 г.), повлекли за собой другие конфликты. К тому же, в течение всего периода на региональном и местном уровнях не прекращалось противостояние гвельфов и гибеллинов. Короче говоря, амбиции иностранцев (немцев, французов, арагонцев), политическая раздробленность, торговое соперничество, особенно острое в этом центре экономического возрождения, привели к тому, что в Италии в XII—XIII вв. уровень военной активности был очень высок. Именно в Италии произошли некоторые из крупных сражений этого времени: Леньяно (1176 г.), Кортенуова (1237 г.), Парма (1247 г.), Монтаперти (1260 г.), Беневент (1266 г.), Тальякоццо (1268 г.), Роккавиони (1275 г.).

По различным причинам и в самой разной форме сталкивались интересы главных фигур в политической игре в Германии - городов и городских республик, простых сеньорий и княжеств, наконец, королевской власти, что приводило к конфликтам. И даже «земский мир» (*нем.* Landfriede) только отчасти мог их остановить или ограничить. Несколько раз германские императоры были вынуждены бороться с повсеместными восстаниями. Возникшее в 1250 г. «великое междоусобице» способствовало значительному усилению военной анархии.

Если ситуация во Франции и Англии покажется более спокойной, вспомним о тяжелой борьбе Капетингов и Плантагенетов, которая достигла кульминации в 1214 г., после побед Филиппа Августа при Ла Рош-о-Муан и Бувине. Альбигойский крестовый поход и его последствия за одно поколение коренным образом изменили ситуацию в части Южной Франции. К концу этого периода возобновление военных действий между французами и англичанами,

завоевание Уэльса Эдуардом I и его походы против Шотландии, интриги Филиппа Красивого против фламандцев породили конфликты, предвосхитившие великие династические и национальные войны позднего Средневековья.

1. ВОИНЫ И ВООРУЖЕНИЕ

«Вероятно, лишь немногие искусства столь подвержены традиции, как военное искусство»¹. Рыцари, одновременно социальная и военная среда, по-прежнему составляли костяк армий. Большинство князей могли бы отнести на свой счет следующее замечание Фридриха II: «Престиж Империи и наше могущество зависят от множества рыцарей». Еще в конце XIII в. было широко распространено представление, что сто рыцарей равноценны тысяче пехотинцев.

В уставе ордена тамплиеров уточняется обычное снаряжение рыцаря: кольчуга, ножные доспехи, шлем или железный шишак, наплечники, обувь, гербовая котта поверх кольчуги (*фр.* «jureau d'armes»), щит; наступательное оружие состояло из копья, меча, «турецкой палицы», кинжала². «Пусть каждый, кто держит рыцарский фьеф, имеет кольчугу, шлем, щит и копье», - объявлялось в ассизе о вооружении, обнародованной Генрихом II в 1181 г.³ В 1260 г. во Флоренции от рыцарей требовали следующего вооружения: панцирь или кольчуга, латы, защищающие ноги (*stivaletti*), стальной наголовник, пластины или кираса, дополнительно защищающие торс, копье, щит, называемый экю, тарч или большой щит (*tabolaccio*) (*tabolaccium* - большая доска)⁴.

В XIII в. рыцарю надлежало иметь хотя бы три лошади, но, вероятно, намечалась тенденция к увеличению их числа. Именно о трех лошадях упоминается в уставе ордена тамплиеров, но иногда, с разрешения магистра, можно было завести четвертую лошадь. По соглашению, заключенному с Григорием IX в 1239 г., Венеция обязалась выставить для похода «три сотни рыцарей и обеспечить каждого рыцаря боевым конем, двумя вьючными лошадьми и тремя вооруженными оруженосцами»⁵. В том же году Раймонд VII, граф Прованса, обещал служить папе и Церкви на территории Апеннинского полуострова с 40 рыцарями и 10 конными арбалетчиками за свой счет: предусматривалось, что в распоряжении каждого рыцаря будет, по крайней мере, 5 лошадей. Булла Урбана IV, уточнявшая условия, на которых Карл

¹ Powicke M. Military Obligation... [127]. P. 26.

² Curzon H. de. La règle du Temple [217].

³ La Roncière C.-M. de. Contamine Ph., Delort R., Rouche M. L'Europe au Moyen Age. Documents expliqués. Vol. II: Fin IXe siècle - fin XIIIe siècle. Paris, 1969. P. 53.

⁴ Paoli C. Il libro di Montaperti... [223]. P. 373-374.

⁵ Pieri P. Federico II di Svevia... [274]. P. 120.

Анжуйский должен был добиваться королевства Сицилии, указывает, что каждый рыцарь из войска этого брата Людовика Святого должен иметь при себе не менее 4 лошадей⁶.

Однако в среде рыцарства равенство не было правилом. Некоторые были лучше экипированы, имели лучших лошадей. Рыцари, принадлежавшие к более богатым родам, имели более дорогое оружие, роскошно украшенное и крепко сработанное, лучше снаряженную свиту, больше лошадей. Уже заметное в XII в. различие между *рядовыми рыцарями* (*milites gregarii*), или *рыцарями-простолюдинами* (*milites plebei, milites rustici*), и *знатными рыцарями* (*primi milites*), которых также называли «отважными рыцарями» (*strenui milites*), в какой-то мере узаконивается с появлением во Франции при Филиппе Августе и Англии в первые годы правления Генриха III рыцарей-баннеретов, которые были выше по положению рыцарей-башельеров, или рыцарей щита. Эту категорию можно сравнить с «однощитными рыцарями» (*нем. einschildig Ritter*), занимавших низшую ступень в иерархической пирамиде немецкого войскового порядка (*нем. Heerschildordnung*). В 1269 г. Людовик IX, желая, насколько возможно, снизить издержки на транспортные средства для будущего крестового похода, приказал каждому рыцарю-баннерету привести с собой 2 лошадей и свиту из 5 человек, тогда как простой рыцарь, названный в этом случае «бедным человеком», имел право прибыть только с 1 лошадью и 2 помощниками.

Эти помощники, роль и подготовка которых были далеко не одинаковыми, назывались по-разному. Три наименования встречаются чаще: слуга (*лат. valletus; нем. Knecht*); мальчик (*лат. garscio, puer; нем. Knabe, Knarre*); оруженосец (*лат. armiger, scutifer*). Каждый рыцарь ордена тамплиеров также имел при себе оруженосца. В 1253 г. Матвей Парижский считал само собой разумеющимся присутствие оруженосца или мальчика возле любого рыцаря⁷. В 1283 г. Карл Анжуйский приказал своим казначеям выплатить жалованье некоторым солдатам, находившимся под командованием рыцаря Може де Бюссьера, который, вооруженный надлежащим образом, должен был иметь четырех лошадей и трех помощников: знатного оруженосца и двух «мальчиков», снабженных шлемом-черепником, наплечниками, железным нашейником, мечом и кинжалом⁸. Эти помощники не только добывали провизию, прислуживали своему господину и ухаживали за лошадьми, но и в сражении играли свою роль. В 1237 г. *оруженосцы рыцарей* (*armigeri militum*) Фридриха II брали в плен и связывали упавших на землю врагов. В уставе ордена тамплиеров предусматривалось, что когда рыцари вступают в бой, часть слуг, мальчиков или ору-

⁶ Berger E. Histoire de Blanche de Castille. Paris, 1895. P. 306-308.

⁷ Matthieu Paris. Historia major / Ed. H. R. Luard. T. V. P. 398.

⁸ Bouard A. de. Documents français des archives de Naples (règne de Charles Ier). Vol. II: Les comptes des trésoriers. Paris, 1935. P. 286.

женосцев остается в тылу с вьючными лошадьми; другие сопровождают рыцарей, неся копья, но, когда начинается схватка, они присоединяются к аррьергарду, чтобы не занимать места.

Те, кто назван в текстах рыцарями или воинами, далеко не всегда были рыцарями в социальном смысле этого термина. Фридрих II, пообещав папе содержать в Палестине в течение двух лет 1000 рыцарей, направил для их вербовки в Германию магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца. Его инструкции, содержащиеся в письме от 6 декабря 1227 г., довольно показательны: «Мы послали магистра Тевтонского ордена, чтобы нанять рыцарей, и предоставили ему возможность, если он этого пожелает, обдуманно набрать людей смелых, которым он будет платить за их личные заслуги»⁹. Иначе говоря, некоторые из этих солдат могли быть набраны и не из *рыцарского* класса, а лишь за воинское умение и при наличии снаряжения.

Напротив, владельцы рыцарских, или кольчужных, фьефов (*feoda loricae*) по разным причинам, главным образом экономическим, на протяжении XIII в. все чаще и чаще стали отказываться от посвящения в рыцари, избегая, таким образом, почестей и тягот рыцарской службы. Эта тенденция была особенно ощутима в Англии конца XIII в., где примерно на 1250 рыцарей (включая графов и баронов), из которых, может быть, человек 500 были готовы прибыть на военную службу по приказу монарха, приходилось 1750 человек, не являвшихся рыцарями, хотя они и имели доходы и фьефы, позволявшие им при желании получить это звание¹⁰. Напрасно королевская власть неоднократно старалась принудительным образом (*англ. distrains of knighthood*) - можно насчитать 26 попыток в 1224-1272 гг., - посвятить в рыцари всякого владельца либо рыцарского фьефа, либо земли доходностью в 20 фунтов стерлингов¹¹.

Получается, что в большинстве случаев всадники, не получившие *рыцарский пояс* (*cingulum militiae*), составляли более низкую категорию бойцов, по-прежнему играя ту же самую роль в военных столкновениях. В текстах их называют *конными сержантами* (*servientes équités*), *кольчужными сержантами* (*servientes loricati*), *домочадцами* (*famuli*), *оруженосцами* (*scutiferi*), *конными и в охранителями* (*satellites équestres*), *клиентами* (*clientes*), *сержантами*, *вооруженными как рыцари* (*servientes armati ut milites*).

В ордене тамплиеров братья сержанты имели право только на одну лошадь; им не полагался оруженосец; по внешнему виду их можно было с первого взгляда отличить от братьев рыцарей, поскольку те носили гербовые котты и плащи белого цвета с красным крестом, а братья сержанты имели право

⁹ Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst... [3]. Bd III: Mittelalter.

¹⁰ Denholm-Young N. Feudal Society... [238].

¹¹ Powicke M. R. Distrain of Knighthood... [278].

только на черные гербовые котты и плащи черного или коричневого цвета; однако существовало различие и в самой экипировке: у простых сержантов вместо полной кольчуги была малая кольчуга без рукавиц («manicle»^{*}), вместо шлема - железный шишак, железные ножные латы без поножей.

Появление в последние десятилетия XII в. конных сержантов имеет двойное значение: сначала военное, поскольку увеличение веса полного рыцарского вооружения привело к его сосредоточению в руках состоятельной и родовитой элиты; затем социальное, так как одновременно с восхвалением рыцарского идеала, расцвет которого приходится на XIII в., человека, не прошедшего обряд рыцарского посвящения, отказывались называть рыцарем. В этих условиях стало необходимо использовать новое выражение, чтобы обозначать всадников, которым темное происхождение или превратности судьбы помешали стать рыцарями.

Отсюда разнородное социальное происхождение этой группы бойцов. Разумеется, среди них были простолюдины, дюжие малые, которых князья делали конными солдатами в надежде на преданную службу. Но были также владельцы сержантских фьефов, вассалы второй ступени, те, кто в Англии получал ренту в размере от 10 до 15 фунтов. Примечательно, что почти повсюду начиная с 1250 г. термин «конный сержант» заменяется на «юный дворянин», «оруженосец», «конник», «вооруженный человек». Например, кавалерия Эдуарда I, одержавшая победу в сражении при Фалькирке (1298 г.), состояла из 111 рыцарей-баннеретов, примерно из 600 рыцарей-башельеров и 1700 «вооруженных людей» (*homines ad arma, armati*), называемых также оруженосцами, слугами и прислужниками (*scutiferi, valletti, servientes*)¹².

В отдельных случаях какая бы то ни было связь с социальным происхождением могла отсутствовать вообще. Если в 1290 г. по договору, заключенному с Флоренцией, Амори Нарбоннский обязался служить ей с 30 *снаряженными* (*de conredo*) и искусными в военном деле рыцарями, 420 обычными рыцарями (причем и те, и другие должны были иметь трех лошадей: боевого и парадного коней, а также вьючную лошадь) и, наконец, 170 оруженосцами, или юными дворянами, с двумя лошадьми (боевым конем и вьючной лошадью), то в 1277 г. в соглашении между той же флорентийской коммуной и провансальским авантюристом Энгилезом Сен-Реймским говорится только об одном отряде из 100 всадников, снабженных всего сотней боевых коней и 30 вьючными лошадьми (между тем, только их предводитель имел право на трех)¹³.

^{*} Manicle - кольчужная рукавица или перчатка для защиты кисти (Примеч. авт.).

¹² Denholm-Young N. History and Heraldry, 1245 to 1310. A Study of the Historical Value of the Rolls of Arms. Oxford, 1965.

¹³ Waley D. P. The Army of the Florentine Republic... [295].

Ни по своей тактике, ни по экипировке эти всадники все-таки не были настоящей легкой кавалерией. Между тем, разные типы такой кавалерии уже существовали в XII—XIII вв. К ним относились, например, туркополы в Святой земле, умело использовавшие турецкий лук в конном строю. Гиральд Кембрийский в известном пассаже из «Завоевания Ирландии» (*Expugnatio Hibernica*) рекомендовал применять такие же мобильные отряды против ирландцев. Он писал: «Если армии собираются на равнине, сложные и тяжелые доспехи, сработанные из кожи и железа, прекрасно защищают и украшают рыцарей, но если придется сражаться в горах, лесах или на болоте <...>, легкие доспехи подходят гораздо лучше. Ибо против людей без доспехов, которые побеждают или проигрывают в первой же схватке или немного позже, будет достаточно применить менее громоздкое оружие <...>. В полном же вооружении, с высокими и изогнутыми седлами, будет трудно спешиться, вскочить на лошадь, но еще труднее передвигаться пешком, если потребуется»¹⁴.

К этой категории можно отнести сарацинских конных лучников, которых Фридрих II разместил в Апулии, в Лучере и неоднократно использовал в нескольких итальянских походах¹⁵, *всадники на легких лошадях* (*homens a cavall alforrats*) противопоставлялись *всадникам на лошадях в броне* (*homens a cavall armats*) из каталонских армий, использовавшим короткие стремена, и хобеларам (*hobelers*), принимавшим участие в английских походах в Уэльс.

Последний тип всадников представляют конные арбалетчики. Иоанн Безземельный вербовал их, причем часто они имели по несколько лошадей. В 1200 г. отряд из 84 арбалетчиков включал в себя 26 человек с тремя лошадьми, 52 человека - с двумя лошадьми и 7 человек - с одной лошадью. Филипп Август со своей стороны поступал так же, и присутствие *конных арбалетчиков* (*balistarii equitēs*) в армиях французских королей зафиксировано до 1280-х гг. В 1238 г. Фридрих II приказал прибыть из Венгрии отряду конных арбалетчиков. В следующем году папа принял на службу арбалетчиков графа Прованса, каждый из которых имел четырех лошадей. В середине XIII в. Ломбардская лига обязалась выплачивать жалованье не только контингентам городского ополчения, но и регулярному отряду из 600 всадников: из них 400 воинов обладали каждый тремя лошадьми, в том числе *боевой* и *вьючной* (*equus armigerus et coopertus*), 100 воинов - двумя лошадьми; остальные 100 человек, также имевшие двух лошадей, были арбалетчиками¹⁶.

Арбалет, различные типы которого использовались со времен античности, после периода относительного забвения¹⁷ вновь становится популярным начиная с последних десятилетий XI в. Анна Комнина в своей «Алексиаде»

¹⁴ *Giraldm Cambrensis. Opera* / Ed. J. S. Brewer, J. F. Dimock, G. F. Warner. T. VI. P. 395-397.

¹⁵ *Fieri P. I Saraceni di Lucera...* [275].

¹⁶ *Pieri P. Federico II di Svevia...* [274]. P. 121.

¹⁷ Описание арбалета см. в кн.: *The Carmen de Hastingsae Proelio of Guy Bishop of Amiens* / Ed. C. Morton. H. Müntz. Oxford, 1972. P. 112-115.

описывает его как новшество: «Это - варварский лук, совершенно неизвестный эллинам. Пользуясь им, не нужно правой рукой оттягивать тетиву, а левой подавать вперед лук; натягивающий это орудие, грозное и дальнометное, должен откинуться чуть ли не навзничь, упереться обеими ногами в изгиб лука, а руками изо всех сил оттягивать тетиву. К середине тетивы прикреплен желоб полуцилиндрической формы, длиной с большую стрелу; пересекая тетиву, он доходит до самой середины лука; из него-то и посылаются стрелы. Стрелы, которые в него вкладываются, очень коротки, но толсты и имеют тяжелые железные наконечники. Пущенная с огромной силой стрела <...> насквозь пробивает и щит, и толстый панцирь и летит дальше <...>. Таким образом, кажется, что из этого лука стреляет сам дьявол»¹⁸.

Не одни византийцы считали арбалет дьявольским изобретением. Папство придерживалось той же точки зрения, и поэтому II Латеранский вселенский собор (1139 г.) пригрозил анафемой всем, кто будет использовать арбалет (а также лук) в войнах между христианами. Уже в 1097-1099 гг. Урбан II осудил действия арбалетчиков и лучников против христиан¹⁹. Естественно, этот запрет соблюдался не всегда, в зависимости от обстоятельств, места и времени. Например, в 1138 г. Людовик VII содержал небольшой отряд лучников и арбалетчиков²⁰. Неизвестно, распустил ли он их после постановления собора. Во всяком случае, долгое время арбалет использовался мало, по крайней мере во Франции, и Гийом Бретонский свидетельствует, что его практически не знали до тех пор, пока в 1185 г. Ричард Львиное Сердце вновь познакомил с ним французов²¹.

С конца XII в. арбалет получил широкое распространение в сухопутных войсках и на флоте, как у всадников, так и у пехотинцев, чаще при осадах, чем в полевых сражениях, причем на юге Франции он встречается чаще, чем на севере. Вот некоторые примеры его повсеместного применения: в 1199 г. Ричард Львиное Сердце был смертельно ранен арбалетной стрелой при осаде замка Шалю в Лимузене. В начале XIII в. в описи запасов оружия, хранившегося в 32 крепостях домена Капетингов, перечисляются, помимо 265 960 арбалетных стрел, 278 арбалетов, рассортированных в зависимости от использованного материала (из рога или дерева) или способа натяжения тетивы (при помощи стремени, блока или двумя ногами). К 1250 г. было решено, что в гарнизон Сафета в Святой земле войдут, помимо прочих, 300 арбалетчиков. В договоре о восстановлении Ломбардской лиги зафиксировано обязательство собрать, кроме 3000 всадников и 10 000

¹⁸ Анна Комнина. Алексиада / Пер., вступ. статья и комм. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 281-282.

¹⁹ Vismara G. Problemi storici [961]. P. 436.

²⁰ Audouin E. Essai sur l'armée royal au temps de Philippe Auguste [226]. P. 36, n° 1.

²¹ Ibid. P. 67.

пикинеров, 1500 пеших арбалетчиков. В письмах, предоставляющих вольности городу Сен-Флорантен в 1231 г., Тибо, граф Шампани приказал, чтобы «каждый из моей коммуны Сен-Флорантен, кто достигнет 21 года, имел в своем доме арбалет и 5 стрел»²². По соглашению между Гийомом Пьером де Ла Маром и Филиппом Красивым по поводу боевого оснащения галер в Провансе предусматривалось, что каждое судно будет укомплектовано 60 арбалетами и 6000 стрел. В 1314 г. в арсенале Венеции находился 1131 арбалет²³. Даже военачальники не брезговали стрелять из них: во время осады Гайона предводитель наемников Кадок ранил арбалетной стрелой Ричарда Львиное Сердце; в 1218 г. при осаде Тулузы граф Комменжа тяжело ранил из арбалета Ги де Монфора²⁴.

При всей своей важности арбалетчики были не единственным родом пехотных войск. Были также лучники, известные в Италии и Англии, где их роль существенно возросла с середины XIII в., а с распространением *большого лука* (long bow) во времена уэльских войн это традиционное оружие получило настоящую вторую жизнь. К концу правления Эдуарда I английская пехота почти полностью состояла из лучников. Длительный временной промежуток между двумя выстрелами, затрачиваемый на перезарядку арбалета, привел к созданию нового отряда - павезьеров, которые при необходимости прикрывали арбалетчиков большими щитами, или павезами. Во время похода на Монтперти в 1260 г. Флоренция наняла 300 павезьеров для защиты 1000 своих арбалетчиков. Кроме того, чтобы прокладывать дорогу армиям, насчитывавшим от 15 000 до 20 000 человек, возводить или разрушать укрепления, подрывать экономическую мощь противника, требовались довольно многочисленные подразделения техников, минеров, саперов, «опустошителей» (guastatores). Большинство пехотинцев были вооружены либо длинными копьями, чтобы остановить напор кавалерии, либо оружием ближнего боя: гви-зармами, боевыми косами и вилами, годендагами, мечами и т. д.

Среди пехотинцев многие были защищены по меньшей мере широко распространенными железным шишаком, или черепником, нашейником, щитом, а также малой кольчугой, вместо которой они часто надевали грубо выделанный и более дешевый поддоспешник. Неимущие пехотинцы сражались вообще без доспехов. «Плохо вооруженные и почти нагие» - так часто представляли городские ополчения²⁵. Чтобы иметь возможность легко передвигаться, доспехами сознательно пренебрегали профессиональные пехотинцы, такие как английские и валлийские копейщики и лучники, и альмогавары в королевстве

²² Longnon A. Documents relatifs au comté de Champagne et de Brie (1172-1361). Vol. II: Le domaine comtal. Paris, 1904. P. 33.

²³ Mas-Latrie L. de. Note des armes existant à l'Arsenal de Venise... [646].

²⁴ La chanson de la croisade albigeoise / Ed. et trad. E. Martin-Chabot. Paris, 1973. Vol. III. P. 18.

²⁵ Gaier C. Art et organisation militaires... [112]. P. 162.

Арагон. Это слово произошло от арабского *mugâwir*, обозначающего пешего гонца, который в латинских текстах называется «поджигателем» (*incensor*). Отряды альмогаваров родом с арагонских и каталонских гор, имели легкое снаряжение, сделанное из кожи, что напоминает об их пастушеских корнях: туника («*gonella*», «*cassot*», «*camisa*»), кожаные гетры, сандалии на кожаной подошве, кожаная шапка, иногда защищенная стальной сеткой, кожаный заплечный мешок для провизии. Каталонский хронист Бернат Деклот описывает их следующим образом: «Людей, которых называют альмогаварами, кормит только их оружие, и проживают они не в городах и деревнях, а в лесах и горах. Они ведут постоянную войну против сарацин: они проникают в сарацинскую землю на один или два дневных перехода, грабя, захватывая добычу, и приводят с собой много пленников и много другого добра. Они живут за счет этой добычи <...>. Это очень сильные, стремительные и подвижные люди, легкие на подъем и скорые на преследование»²⁶.

Однако рассказ о воинах этой эпохи будет неполным, если представить их только в двух классических типах - рыцаря и пехотинца коммуны. По крайней мере в некоторых регионах: на Иберийском полуострове, в Ирландии, Шотландии, Швейцарии - жили крестьяне или пастухи, которые в силу определенной обстановки и сложившейся исторической ситуации могли стать, несмотря на плохое вооружение, опасными противниками, которые успешно использовали знание территории, соседскую, клановую, племенную солидарность, общие образ жизни и язык против лучше экипированных «регулярных» армий.

2. РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНЫ

Военно-религиозные ордены, состоявшие, в принципе, из добровольцев, вступавших в них на всю жизнь, и в большинстве своем возникшие в начале XII - начале XIII в., по способу вербовки, организации, использованию бойцов представляют собой совершенно особый тип воинских сил.

Первый орден был рожден крестовыми походами и проникнут их духом, это - орден тамплиеров, по образцу которого, правда, не без изменений, были впоследствии созданы другие ордены.

Тамплиеры, братья воинства Храма (*fratres militiae Templi*), появились в Святой земле около 1118 г. Это была кучка благочестивых и набожных рыцарей, собравшихся под руководством бургундца Гуго де Пейена и фламандца Жоффрау де Сент-Омера. Их основная цель заключалась в обеспечении безопасности дорог в новых латинских государствах, по которым паломники направлялись к Святому городу. Это небольшое братство вскоре упрочило свою

организацию и свою миссию, дав тройной обет целомудрия, бедности и послушания и обещав по мере возможности присутствовать на канонической службе в церкви Иерусалимского Храма, возле которого их поселил король Балдуин II. Таким образом они стали монахами, стремившимися к совершенствованию²⁷. Желая увеличить набор в орден, остававшийся еще довольно скромным, Гуго де Пейен отправился в Западную Европу для того, чтобы набрать добровольцев. На соборе 1128 г. орден получил свой устав, созданный под влиянием св. Бернара, который произнес по этому случаю «Хвалу новому рыцарству» (*De laude novae militiae*). Там были сформулированы «теологические принципы нового образа жизни, в котором должны быть слиты воедино обязанности монашеского и военного состояния» (Ж.-М. Канивэ).

Бернар Клервоский начинает с очень жесткой, почти всеобъемлющей критики светского рыцарства, или «мирского воинства», представители которого находились, если можно так выразиться, в безвыходной ситуации: либо они убьют и тем самым совершат смертный грех, либо сами будут убиты и, не имея времени подготовиться к смерти, не обретут вечное спасение. Таким образом, следствием войны «может быть только смерть или грех». Но даже если рыцарь умрет, никого не сразив, он тем не менее останется убийцей, ибо он сражался, чтобы убивать. Обычная война является смертным грехом для души прежде всего потому, что она мотивируется то просто боевым настроением, вкусом к приключениям, то яростью, то стремлением к суетной славе, то жаждой завоеваний.

После этого довольно общего и риторического анализа св. Бернар подчеркивает новизну начинания тамплиеров, «какой мир не знал доселе». Известно, что, с одной стороны, уже долгое время монахи напрягают свои душевные силы в духовной борьбе с пороком, злом и дьявольскими соблазнами; с другой стороны, нет ничего необычного в том, что люди используют все свои телесные силы, чтобы сражаться со зримым врагом. Что же касается тамплиеров, то эти новые люди, которыми св. Бернар «безмерно восхищается», намереваются вступить в битву одновременно плотью и разумом. И эта битва справедлива, ибо ведется во имя Христа и для Него. Ее цель - победить «врагов креста Христова». Убивая злодеев, тамплиеры уничтожают зло и, следовательно, не являются убийцами. Конечно, убийство - это всегда зло, но «в существующих условиях» нет другого средства помешать язычникам притеснять верующих и праведных людей, которые в случае порабощения были бы ввергнуты в беззаконие. Как же назвать членов этого нового воинства: монахами или рыцарями? «По правде, они заслуживают как того, так и другого».

²⁷ Заметим, однако, что братья военных орденов были не столько монахами, которым позволяли сражаться и проливать кровь, сколько светскими рыцарями, жившими по религиозному уставу.

Их битва узаконена не только вследствие чистоты их намерений - сама манера ее ведения, образ жизни делают из тамплиеров образцовых воинов: послушание и дисциплина в сражении, умеренность и аскетизм в жизни, отказ от жен и детей, жизнь в общине. Они живут под одной крышей, получают от своих предводителей одежду и пищу, не имеют никакой собственности. Тамплиеры не проводят время в праздности: если они не сражаются, то выполняют черную работу, чинят свое оружие и одежду. Их иерархия основана не на родовитости, а на заслугах. Тамплиеры отвергают удовольствия и престиж, присущие современному светскому рыцарству: не любят роскошно украшенное оружие, не ухаживают за телом и прической, их не привлекают игра, охота, буффонады жонглеров и труверов. «Бедные соратники Христа» (*Pauperes commilitones Christi*) - это название нового ордена свидетельствует о том, что он основан на принципах бедности, общинной жизни и преданности Христу.

Идеал тамплиеров - двойное подчинение *воинской и монашеской дисциплине* (*disciplina militaris et disciplina regularis*)²⁸ - сразу же стал пользоваться успехом: увеличились не только пожертвования со стороны знати, пожелавшей участвовать в духовных деяниях ордена, но и приток новобранцев. Это привело к тому, что первоначальная миссия защиты обернулась вооруженной борьбой против неверных. Отныне история тамплиеров была связана воедино с историей латинских государств. Нужно подчеркнуть, что тамплиеры дорого заплатили за участие в поражениях, интригах и авантюрах времен крестовых походов: не раз большинство их рыцарей погибало в крупных сражениях, другие попадали в плен. За одно столетие пять магистров ордена тамплиеров погибли с оружием в руках.

Орден госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского возник около 1070 г. из приюта для паломников, созданного в этом городе. События первого крестового похода только способствовали усилению его роли и влияния. По-видимому, некоторые госпитальеры впервые участвовали в боях на Иберийском полуострове. Начиная с 1137 г. они стали исполнять воинские обязанности и в Святой земле. Госпитальеры, чей устав был близок к правилам каноников св. Августина, стали соперниками и, зачастую, противниками тамплиеров.

В свою очередь, борьба с мусульманами на Иберийском полуострове привела к возникновению множества военных орденов, связанных с цистерцианцами: ордена Калатравы (1158 г.), ордена св. Юлиана Пуарьерского (1156-1176 гг.), ставшего воинством Алькантара с 1220 г.; воинства св. Бенедикта ордена цистерцианцев (*militia sancti Benedicti cisterciensis ordinis*),

²⁸ *Anselme de Havelberg. Dialogues. I: Renouveau de l'Eglise / Ed. et trad. G. Salet. Paris, 1966. P. 98-100.*

основанного под покровительством португальского короля Альфонса Завоевателя в 1162 г., в 1187 г. ставшего воинством Ависы и, начиная с 1213 г. попавшего в подчинение к ордену Калатравы; ордена св. Иакова Меченосца, изначальной миссией которого была защита паломников, ставшего, собственно говоря, военным орденом с 1175 г.; воинств Тургеля, Монте-Фраго и Св. Марии; наконец, орденов Монтеза и Христа, преемников тамплиеров на Пиренейском полуострове.

Что касается Тевтонского ордена (*Domus hospitalis sanctae Mariae Teutonicorum*), то он возник около 1128 г. в Иерусалимском королевстве как приютская конгрегация; его превращение в военный орден произошло в конце XII в. Активное участие немцев в пятом крестовом походе (1217 г.) и крестовом походе Фридриха II (1228 г.) усилило позиции рыцарей Тевтонского ордена в Святой земле, где они владели крепостями (официальная резиденция их магистра находилась в Акре). Но только в Балтийском регионе ордену было суждено обрести свое основное поле деятельности. Четвертый магистр ордена Герман фон Зальца (1210-1239 гг.) был убежден, что франкское господство в Святой земле не скоро удастся восстановить. Поэтому он стремился найти более благоприятное место для военных действий. После неудачи в Трансильвании он добился в 1230 г. передачи хельминской территории, которую ему уступили первый епископ Пруссии Христиан и князь Мазовецкий Конрад, последние незадолго до этого пытались подчинить пруссов с помощью нового ордена, «рыцарей на службе Господней в Пруссии», утвердившихся в Добжине (отсюда и пошло их название «братья из Добжина»). Тевтонцам удалось то, что не смогли осуществить их предшественники. Более того, в 1237 г. орден получил поддержку ордена меченосцев (*ensiferi*), основанного в 1200 г. епископом Рижским Альбертом и узаконенного в 1204 г. Иннокентием III; именно при их посредничестве к прусским владениям Тевтонского ордена были присоединены Ливония и Курляндия.

Этот общий обзор показывает, как с начала XII в. светские и духовные власти надеялись использовать военные ордены как одно из самых действенных средств для покорения язычников и неверных. Некоторые ордены были обречены владеть жалкое существование и быстро исчезли, но другие пришли им на смену и продержались несколько веков.

Как и другие религиозные конгрегации Средневековья, военные ордены получали щедрые дарения от верующих. И они сумели с пользой распорядиться своими богатствами. Многие ордены (тамплиеров, госпитальеров, тевтонцев) занимались банковскими и коммерческими операциями. Опираясь на сеть командорств, располагая солидным тыловым снабжением и регулярными доходами, они превратили свои военные отряды в настоящие регулярные армии, которые включали в себя не только рыцарей, но и конных сержантов и даже пехотинцев. Источники не позволяют точно подсчитать их численность;

предположительно, в середине XIII в. военные ордены Святой земли, Балтики, Кастилии и Португалии в совокупности были в состоянии ввести в бой от 5000 до 10 000 воинов, 1500 из которых были рыцарями.

3. ВОИНСКИЕ ПОВИННОСТИ И ОБЯЗАННОСТИ

Человеческие сообщества и их правители стремились как можно эффективнее и экономнее собрать для ведения войны необходимые им в количественном и качественном отношении военные силы. Первым шагом стало решение опереться на свои собственные ресурсы и как можно шире использовать комплекс воинских повинностей.

Первый тип воинских повинностей, как и в предыдущую эпоху, основывался на ленно-вассальной системе. На Западе десятки тысяч людей - богатых и бедных, мужчин и женщин, молодых и старых - были обязаны нести различные воинские повинности у своих сеньоров за фьефы. Такая же ситуация сложилась и в Иерусалимском королевстве. Согласно Иерусалимским ассизам, представлявшим собой «компиляцию юридических текстов с конца XII до второй трети XIII в.»²⁹, вассалы должны были прибыть «на службу верхом и с оружием» по зову своего сеньора «во всех районах королевства»³⁰. Одни служили в качестве рыцарей, другие были сержантами; но для всех служба было исключительно долгой (1 год), так что в крайнем случае вассал мог всю свою жизнь провести с оружием в руках. По сведениям Жана д'Ибелина, в Иерусалимском королевстве 675 рыцарей состояли на обязательной службе. В ассизах Романьи зафиксировано, что каждый вассал обязан лично служить до 60 лет; затем его заменяет сын или, за его отсутствием, какой-нибудь рыцарь, вместо которого могут служить 2 оруженосца; время службы составляло 4 месяца в замке, 4 месяца на границе, тогда как остаток года можно было провести дома.

В Германской империи король, получив согласие князей на рейхстаге, созывал рыцарей в императорский поход (*Reichsheerfahrt*) по эту сторону Альп или в Италию. В первом случае, согласно «Саксонскому зеркалу» и «Швабскому зеркалу», между призывом и выступлением соблюдался интервал в 40 дней; во втором случае интервал увеличивался до одного года шести недель и трех дней (410 дней): срок удивительно долгий, впервые зафиксированный в середине XII в. в «Установлении о римской экспедиции» (*Constitutio de expeditione romana*), соблюдался, по крайней мере, несколько раз, и о римских походах (*Romfahrt*) Генриха VI и Генриха VII было объявлено соответственно 10 августа 1189 г. и 15 августа 1309 г., а начался первый из них 21 сентября 1190 г., второй - 1 октября 1310 г.

Boultruche R. Seigneurie et féodalité [102]. Vol. II. P. 348.

» Ibid. P. 454.

Между тем, все большее ослабление императорской власти не замедлило проявиться в различных ограничениях воинских обязанностей. Согласно «Privilegium minus» 1156 г. герцоги Австрии добились права участвовать только в тех императорских походах, которые велись в пределах провинций Империи и соседних королевств. В XIII в. маркграфы Бранденбурга были обязаны безусловной военной службой королям Германии только в Саксонии и Тюрингии. Начиная с 1212 г. Чехия была освобождена от участия в римских походах в обмен на обычную денежную выплату. В «Саксонском зеркале» провозглашается, что «<...> служба должна осуществляться в пределах Тевтонской земли, входящей в состав Римской империи. Все, наделенные землями к востоку от Заале, служат в Польше, Словакии и Богемии. Шесть недель должен ленник служить своему господину за счет господина»³¹. В том же сборнике упоминается, что «<...> все другие, держащие имперские лены <...>», должны принять участие в римском походе; однако им позволено откупиться от этой обязанности, выплатив десятую часть годового дохода с этого имущества. Это - значительное послабление, по сравнению с серединой XII в., когда не явившийся в армию подлежал штрафу, равному половине дохода с его фьефа. Даже обязанности прислуги (Dienstleute) постепенно смягчались.

Правда, к службе королю прибавлялись более частые и обременительные повинности владетельным князьям, несмотря на схожую тенденцию к их ограничению во временном и пространственном отношении и возможности откупиться деньгами.

Не было еще полностью забыто и старинное каролингское правило о трех месяцах неоплачиваемой службы: в 1234 г. папа Григорий IX предупредил германских князей, готовых появиться в Италии, что в течение трех месяцев, помимо времени на переезд, они будут служить за свой счет³².

В Италии же система феодальных обязанностей вовсе не пришла в упадок. Так было в Сицилийском королевстве и в северных княжествах (графстве Савойе, маркграфстве Монферратском и др.). В Папском государстве в XIII в. бароны, бывшие вассалами св. Престола, должны были «соблюдать мир и вести войну против всех»; в 1212 г. Иннокентий III пожаловал Аццо д'Эсте Анконскую марку в обмен на службу 100 рыцарей в течение одного месяца каждый год³³.

Кризис феодальной системы обнаружился даже в самых могущественных и организованных государствах. В Англии, пережившей сумятицу гражданской войны между сторонниками императрицы Матильды и Стефана Блу-

³¹ Ibid. P. 432. Цит. по: Саксонское зеркало. М., 1987. С. 120.

³² Huillard-Bréholles A. Historie Diplomatica Frederici II. T. IV. P. 513; T. VI. P. 576, 939.

³³ Waley D. P. Papal Armies... [294].

аского, Генрих II, спустя несколько лет после своего восшествия на престол приказал провести опрос главных держателей фьефов (1166 г.), в ходе которого им были заданы четыре вопроса: сколько они имели вассальных рыцарей до смерти Генриха I в 1135 г.? скольким рыцарям, жившим в доме сеньора, были пожалованы фьефы? сколько рыцарей получили во фьеф собственно земельное владение? каковы были имена рыцарей, получивших фьефы? (Эти сведения должны были позволить королю обнаружить тех рыцарей, кто не принес ему клятву верности). Ответы были занесены в знаменитые «Книги баронов» (*Cartae baronum*): 283 главных держателя заявили в общей сложности о 6278 ⁷/₈ рыцарских фьефах. Итак, обязательной *службе* подлежали только приблизительно 5000 рыцарей. Оставшаяся тысяча рыцарей, скорее всего, представляла собой некий резерв из малолетних, стариков, калек и больных. Например, в феодальной зависимости от монастыря св. Эдмунда находились 50 рыцарей, тогда как обязательной службе подлежали только 40; во владения Абингдонского монастыря, который должен был королю 30 рыцарей, входили 33 *воинских феода* (*feoda militum*).

Обязательная служба включала три повинности: первая - походная служба, игравшая второстепенную роль, исчезла почти полностью; вторая - сторожевая служба, неоднократно упоминавшаяся, по крайней мере, до начала XIII в., чаще всего заменялась денежным взносом. Например, Жослен Бракелондский засвидетельствовал, что в конце XII в. каждый из 50 рыцарей монастыря св. Эдмунда выплачивал аббату 29 пенсов в течение 20 недель, когда ему полагалось в порядке очереди нести сторожевую службу; затем этот же автор показал, как благодаря настойчивости аббата Самсона размер взносов увеличился до 3 шиллингов, тогда как длительность службы снизилась до четырех месяцев³⁴.

Остается войсковая служба, в правление первого Плантагенета ставшая гораздо менее обременительной: продолжительность службы уменьшилась на одну треть, с 60 до 40 дней, и добиться ее несения за Ла-Маншем стало практически невозможно, даже если речь шла о защите континентальных владений английских королей. Более того, во второй половине XII в. распространяется, под названием *щитовых денег* (*scutagium*), откуп от службы за плату 6 пенсов за день, т. е. 240 пенсов или 1 фунт стерлингов за 40 дней. Монархия не только сознательно шла на подобные действия, но и позволила главным держателям поступать так же по отношению к их собственным вассалам, при одном условии - соблюдении фиксированной квоты обязательной службы. В то же время взимание щитовых денег, гораздо более систематичное и распространенное, чем во Франции и Германии, можно объяснить демилитаризацией

³⁴ Jocelin de Brakelond. *Cronica de rebus gestis Samsonis abbatis monasterii Sancti Edmundi* / Ed. H. E. Butler. London, 1949. P. 65-68.

некоторых вассалов, увеличением денежного обращения и появлением рыцарей: либо из коренного населения, либо иностранцев, готовых служить за плату в течение неограниченного времени. Использовался и другой метод, напоминающий систему «снаряжающих» и «воюющих» каролингской эпохи: король созывал только часть своего войска, требуя от тех, кто остался, снаряжать, либо прямо, либо косвенно, в виде налога, собранных воинов. В 1157 г. Генрих II собрал только треть людей, которые должны были нести обязательную службу; так же поступил и Ричард I в 1191 и 1194 гг.; в 1197 г. он предложил всем английским держателям снарядить 300 рыцарей для службы в Нормандии и платить им в течение года; в 1205 г. Иоанн Безземельный приказал своим главным держателям, чтобы девять рыцарей снаряжали десятого и выплачивали ему по 2 шиллинга в день на содержание.

Проблемы, омрачившие последние годы правления короля Иоанна, малолетство Генриха III, продолжительные периоды мира в его правление, политический кризис 1258-1265 гг. повлекли за собой еще большее ослабление феодальной системы. Сложные сделки между монархией и главными держателями (последние действовали скорее в индивидуальном, чем в коллективном порядке, радея за свои личные интересы) привели к резкому уменьшению квот. К началу правления Эдуарда I количество фьефов обязательной службы в подчинении аббатов и епископов сократилось до 132,5, в подчинении мирян - от 300 до 500 фьефов: таким образом, количество военнообязанных уменьшилось на 90%. Приведем несколько примеров: в 1231 г. родной брат Генриха III Ричард Корнуэльский получил во владение Уоллингфорд (Беркшир), где 100 вассальных рыцарей платили щитовые деньги и только 3 рыцаря подлежали призыву; Гуго де Куртене ранее выставял 92, теперь 3 рыцарей, граф Винчестерский - соответственно 66 и 3,5. Как это часто случается, менее знатные оказались в более тяжелом положении - им не удалось добиться таких серьезных послаблений. По первым призывам царствования Эдуарда I (1277 г.) удалось набрать только 228 рыцарей и 294 сержанта, причем если исходить из того, что два сержанта считались равноценными одному рыцарю, то его силы были эквивалентны 375 рыцарям. Новое послабление произошло в 1300 г., когда Эдуард I по феодальной службе получил только 40 рыцарей и 366 сержантов. Известно, что в тот год некий Вильям де Кантилуп, рыцарь-баннерет, с 3 рыцарями и 8 сержантами, за плату принял участие в двухмесячном походе; для выполнения своей обязательной службы, которую он должен был нести за половину рыцарского фьефа, он выставил одного из своих сержантов на восемь дней. Так как суточное жалование одного рыцаря составляло 2 шиллинга, а одного сержанта - 1 шиллинг, то феодальный призыв 1277 г. обошелся в 1500 фунтов стерлингов, тогда как каждый год в период между 1294-1298 гг. Эдуард I сто раз тратил подобную сумму для оплаты своих военных операций.

Во Франции события развивались похожим образом. По свидетельству «Книги о феодах» (*Scripta de feodis*) и прилагающихся к ней документов, Филипп Август после своих блестящих завоеваний, вероятно, располагал войском в несколько тысяч рыцарей. Такая опись, датируемая 1210-1220 гг., указывает, что французский Вексен должен был выставять 30, Понтье - 60, шателенства Сен-Кантен, Мондидье и Руа - соответственно 40, 40 и 50 рыцарей. Если сравнить эти относительно небольшие округа со всей территорией капетингского домена, можно получить представление о значительных людских ресурсах. Кроме того, владетельные князья прибывали на королевский зов с достаточно большими отрядами. Например, в 1236 г. 19 герцогов и графов были призваны «натри недели с Троицына дня в Сен-Жермен-ан-Ле для несения службы»; список, в котором перечислены их имена, намекает и на службу епископов; также в нем упомянуты «орлеанская королева», т. е. вдова Филиппа Августа Изамбура Датская, которая получила Орлеан во владение в качестве вдовьего наследства, - «и все те, кто, обладая доходом с земли в 60 ливров или больше, находятся у нее в подчинении и должны служить за свой счет». Зафиксировано также, что при посредничестве бальи военной службы требовали от рыцарей в бальяжах Вермандуа, Орлеана, Санса, Жизора и остальной Нормандии. Количество рыцарей шателенства Мелена с доходом в 60 ливров достигает 75. В списке того же типа шателенства Корбей перечисляются 40 рыцарей. Если другие регионы, на которые распространялись королевские призывы, соответственно выставляли столько же рыцарей, можно представить себе, какими значительными силами мог располагать Людовик IX в течение 40 дней службы рыцарей за свой счет³⁵.

Сборник кутюм, традиционно называемый «Установлениями Людовика Святого», составленный в Турени - Анжу около 1270 г., действительно уточняет, что бароны и люди короля должны служить в его войске 40 дней и 40 ночей. По прошествии этого времени, когда, вероятно, не устанавливались географические границы службы, вассалы остаются только по своей воле; иногда, если платил король и речь шла о защите королевства, они должны были продолжать нести службу, но освобождались от нее, если нужно было сражаться за пределами королевства, даже при условии выплаты жалованья.

Несовершенство системы полностью проявилось при созыве войска Филиппом III в Туре (1272 г.) для незначительного похода против мятежного вассала - графа де Фуа. Благодаря трем спискам стал частично известен механизм набора отрядов: первый содержит имена призванных, от кого король ждал службы; во втором перечислены те, кто на самом деле появился в Туре и, воспользовавшись случаем, уточнил условия службы, которую он должен был нести; третий, появившийся несколькими неделями позднее, дает перечень действительно

³⁵ Recueil des historiens des Gaules et de la France. Vol. XXIII. P. 725-726, 686-689.

выступивших частей и указывает дни фактической службы. Он особенно ясно показывает разницу между надеждами короля, отраженными в феодальных и административных документах, хранившихся в его канцелярии, и тем, чего ему удалось добиться на деле. Приведем случай с бальяжем Котантена. Оттуда ожидали 80 рыцарей либо денежный откуп за 3200 дней, учитывая 40 дней безвозмездной службы; прибыли же только 55 рыцарей, которые служили всего 2165 дней. Серьезная, но не катастрофическая потеря. Если исходить из размеров поденной платы рыцарям в то время, то откуп за службу из одного Котантена приносил 811 турецких ливров. И если допустить, что в Котантене набиралась пятидесятая часть воинских ресурсов короля Франции, то получается, что монархия могла рассчитывать на службу, по крайней мере, примерно 2750 рыцарей сроком на 40 дней или денежный эквивалент - 40 550 турецких ливров. Но исследование других нормандских бальяжей (Ко, Кан, Руан и др.) показало, что там отдача была гораздо ниже. Тем не менее, вероятно, что Нормандия с ее сильными административными традициями, сохранившимися со времен Плантагенетов, откликалась на королевский зов активнее, чем другие провинции. Фактически, третий список засвидетельствовал прибытие только 672 рыцарей. Даже если предположить, что к ним прибавились отряды с юга, чему нет письменного подтверждения, впечатление создается неблагоприятное. Кроме того, большинство вассалов хотело состоять на жалованье у короля или сражаться только в пределах своей провинции; другие же настаивали на том, что служат исключительно по доброй воле, отвергая всякую узаконенную обязанность. Добавим, что количество тех, кто выставил вместо себя замену, было довольно большим - примерно 40%.

Филипп III был сильно разочарован. Королевская администрация постаралась исправить положение, вменив за неявку штрафы в размере 50% жалования баронам, баннеретам, рыцарям, оруженосцам, к которым добавлялась, естественно, оплата за 40 дней обязательной службы; например, с одного барона, обязанного служить 40 дней, взимался штраф в 300 турецких ливров: 100 турецких су дневного жалования и 50 су штрафа, и все это увеличивалось в 40 раз (1274 г.). Такие меры, конечно же, не увенчались успехом, и одни наемники приняли участие не только в крестовом походе на Арагон, но и в других экспедициях. Правда, это было обычным делом, поскольку речь шла о службе за пределами королевства, и даже во время своих кампаний против фламандцев Филипп Красивый не смог прибегнуть к традиционному феодальному ополчению. Списки призывов конца XIII - начала XIV в. очень сильно отличаются от списков призывов 1272 г., что объясняется преобладанием другого типа набора. К 1300 г. система традиционной обязательной службы во Французском королевстве практически распалась³⁶.

³⁶ В августе 1294 г. по призыву в Плоермеле в войско герцога Бретонского обязались прибыть только 166 рыцарей и 17 оруженосцев.

Среди многочисленных причин, которые спровоцировали ее распад, вне всякого сомнения, самое важное место занимают территориальные ограничения, признания которых вассалы добились почти повсеместно: так, в 1272 г. тулузцы считали, что должны служить за свой счет только в графстве Тулузском; в 1315 г. шампанцы потребовали права служить по королевскому призыву только «в границах Шампани» и к тому же получать от короля жалование; за пределами графства они должны служить королю только «полностью за его счет»³⁷. Тот же феномен наблюдается и в княжествах: если иногда во время кризиса герцог Гиенский просил у своих гасконских подданных военной службы в регионах, расположенных вне территориальных границ, определенных их привилегиями, эта просьба сопровождалась, как в случае пуатевинской кампании 1242-1243 гг., письмом с заверениями о сохранении их прав; действительно, обычно пуатевинцы должны были нести военную службу к югу от Луары, гасконцы - в области между пиренейскими ущельями и Гаронной (*inter portus et Garonam*), жители Борделэ - в границах епархии Бордо, население Аженэ - в пределах епархии Ажена³⁸.

В XII-XIII вв., вследствие торговой революции, роста ремесленного производства, изменений, произошедших в управлении, администрации, даже в интеллектуальном развитии людей, имел место ускоренный рост городских поселений и вольных городов. Подсчет, конечно, приблизительный, несомненно, пессимистичный, позволяет предположить, что накануне 1300 г. на христианском Западе насчитывалось не менее 5 городов с населением, превышающим 50 000 человек, около 30 городов с населением от 20 000 до 30 000 и 56 городов с населением от 10 000 до 20 000³⁹. Городов же с населением менее 10 000 человек можно насчитать сотни или даже тысячи⁴⁰.

Городские центры, независимо от размеров, благодаря своим крепостным стенам (хотя некоторые из них не имели укреплений) или замку, возле которого они часто строились, людским ресурсам, денежным и оружейным запасам, представляли собой военные опорные пункты.

Король и князья не пренебрегали их помощью, часто решающей, побуждая их обеспечивать собственную защиту, поставлять людей, воинское снаряжение и провизию. Более того, некоторые города Северной и Цент-

" Поэтому монархия старалась добиться того, чтобы географические ограничения отменялись, когда король лично возглавлял поход. См.: Список «герцогов, графов, баронов, оруженосцев и других, кто должны служить королю в любом месте, если он лично прибывает на войну» (*Bibl. Nat., Paris, lat. 9016, n° 41*).

³⁷Chaplais P. Le duché-pairie de Guyenne: Thommage et les services féodaux de 1259 à 1303 // *Annales du Midi*. 1957. Vol. 69. P. 14.

³⁸ Genicot L. Les grandes villes d'Occident en 1300 // *Economies et sociétés au Moyen Age. Mélanges offerts à Edouard Perroy*. Paris, 1973. P. 199-219.

⁴⁰ По традиции считается, что в конце Средних веков в Германии было 3000 городов.

ральной Италии, Фландрии, рейнской Германии являлись городами-государствами, что заставляло их прибегать к сложной игре с воинскими повинностями.

Многие города располагали своей военной организацией, подконтрольной муниципальным властям. Жители объединялись в отряды или по кварталам, или по профессиям. Прежде всего они были обязаны иметь воинское снаряжение в соответствии со своим положением и состоянием, обеспечивать общественный порядок в определенном округе, участвовать в постройке, ремонте и охране укреплений. Например, в Лондоне насчитывалось 24 сторожевых отряда; если в мирное время они ограничивались лишь более или менее внимательными сторожевыми обходами, то в период войны каждый отряд под командованием своего *олдермена* защищал отдельный участок стены. Во время походов городским ополчением по традиции командовал комендант замка Бернарда - крепости, расположенной в городе около Темзы.

Начиная с правления Филиппа Августа, французская монархия широко использовала ресурсы вольных городов и коммун. Об этом, в частности, свидетельствует знаменитый «Список сержантов» (*Prisia servientum*, или *Prisie des sergens*), восходящий к 1194 г. и использовавшийся в 1204 г. В этом списке указывается количество сержантов (а также повозок), которые должны были предоставлять различные аббатства, города и коммуны, причем некоторые из них вместо предоставления людей выплачивали деньги. В общем получалось 7695 сержантов, 138 повозок и 11 693 парижских ливра. По-видимому, продолжительность их воинской службы составляла три месяца. Итак, поскольку жалование сержанта в ту эпоху составляло 8 денье в день или ливр в месяц, выходит, что, если не считать повозок, король, согласившись на полное денежное возмещение, мог каждый год, когда он требовал военной службы, получать 35 048 ливров. Если он предпочитал набирать людей, то мог собрать отряд численностью в 11 683 сержанта. Добавим, что эта сумма соответствует расходам на службу 2920 рыцарей в течение 40 дней. Кроме того, в некоторых случаях вклады городов могли быть более значительными: по королевскому акту 1188 г. горожане Турне должны были в случае призыва выставить 300 хорошо вооруженных пехотинцев; та же цифра действительно зафиксирована в «Списке сержантов»; но в акте уточнялось, что если королевская армия двинется на Арруэз, то вся коммуна Турне будет обязана направиться в это или в любое другое место, находящееся на том же расстоянии⁴¹.

На протяжении XIII в. было принято обращаться к вольным городам. Например, в 1253 г. Людовик IX собрал в Иссудене отряды из разных коммун -

⁴¹ " Delaborde H.-J. Recueil des actes de Philippe Auguste roi de France. Vol. I: 1179-1194. Paris, 1916. P. 224.

всего 3100 сержантов, - а также войска из следующих городов: Кагора, Фижака, Рокамадура, Сарлата, Мартеля, Периге, Лиможа, Брива и Сен-Жюньена. Еще в начале XIV в. многие города присылали очень большие отряды конных и пеших воинов, которым король не обязан был платить, по крайней мере в первые 40 дней кампании.

Помощь городов была более серьезной и в том случае, когда речь шла о войнах в защиту их собственных интересов. Тогда объявлялась настоящая всеобщая мобилизация, причем не только во время осады - как это было в Тулузе в период альбигойского крестового похода, - но и в случае военного похода. В них должны были участвовать все во Флоренции: мужчины от 15 до 70 лет, в Перудже - от 14 до 60 лет. Считается, что к середине XIII в. Флоренция могла выставить от 3000 до 5000 бойцов, максимум 6000. В 1340 г. в Брюгге с населением 35 000 способно было мобилизовать 7000 человек⁴². В 1338 г. в Венеции, согласно «Хронике Юстиниана» (*Chronicon Justiniani*), 30 000 мужчин в возрасте от 20 до 60 лет были в состоянии носить оружие, а во Флоренции, согласно Джованни Виллани, - 25 000 человек в возрасте от 15 до 70 лет⁴³.

Однако городские общины, особенно когда речь шла о том, чтобы оказать помощь высшей власти (королю или владетельному князю), стремились, как и все держатели фьефов, оспорить и уменьшить свои обязанности. Чтобы ограничить численность отряда, уменьшить продолжительность бесплатной службы, ограничить перемещения отряда и добиться замены службы денежной помощью, использовались все возможные способы давления. Возьмем случай с Папским государством в XIII в.: Камерино, город Анконской марки, должен был предоставлять папе все свои силы в своем округе, 5 всадников в пределах Анконской марки и только 2 за ее пределами. Папская Читта должна была 6 дней служить за свой счет, если военные действия разворачивались поблизости, и 3 дня - в более отдаленных местностях. Фано же ничем не был обязан за пределами Анконской марки⁴⁴. То же самое происходило в заальпийских землях: в 1203 г. Тибо I, граф де Бар, освободил свой город Сен-Тьебо-су-Бурмон на 10 лет от «экспедиций и армий»; по истечении этого срока его подданные должны были появляться в его войске везде, где он захочет, но служба за свой счет сокращалась до двух дней⁴⁵. В 1272 г. по случаю призыва против графа де Фуа мэр и горожане Руана объявили, «что будут служить в войске только при условии, что вечером смогут возвращаться к себе».

⁴² De Smet J. L'effectif des milices brugeoises et la population de la ville en 1340 // *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. 1933. N 12. P. 631-636.

⁴³ Herlihy D. The Population of Verona in the First Century of Venetian Rule // *Renaissance Venice* / Ed. J. R. Hale. London, 1973. P. 92-93.

⁴⁴ Waley D. P. Papal Armies... [294].

⁴⁵ Arch. dep. Meurthe-et-Moselle, E 491, η" 1.

Не уменьшались воинские повинности для держателей фьефов и городских общин. Почти повсюду власти различными способами старались привлечь на службу жителей сельской местности.

Их повинности были схожи с обязанностями городов: в «Списке сержантов» некоторые населенные пункты, обязанные выставить 10, 15 или 20 сержантов, на самом деле являлись деревнями. Даже аббатства, чтобы набрать свои отряды, наверно, должны были прибегать к услугам крестьян. Картулярный аббатства Сен-Жермен-де-Пре провозгласил: «Мы обязаны послать королю Франции, когда он собирает войско, 150 сержантов, 4 повозки с 4 лошадьми и одну вьючную лошадь ценой 17,5 парижских ливров. Если же он не захочет принять сержантов, повозки с лошадьми и вьючную лошадь, то мы будем должны выдать ему за каждого сержанта 60 парижских су, однако стоимость повозки с лошадьми и вьючного животного входят в эту сумму. И если он примет сержантов, повозки с лошадьми и вьючную лошадь, то мы обязаны содержать их за свой счет только в течение 40 дней»⁴⁶.

Хартии и административные расследования свидетельствуют о том, что множество французских населенных пунктов должны были нести войсковую и походную службу у своего сеньора.

В «Установлениях Людовика Святого» сформулирован наиболее общий принцип, согласно которому люди шателенств обязаны служить баронам в их походах под угрозой штрафа в 60 су, и та же сумма взыскивается с тех, кто не явился в войско⁴⁷. Филипп де Бомануар в «Кутюмах Бовези» упоминает о военных обязанностях довольно многочисленной во Франции XII—XIII вв. категории крестьян - госпитов. Он считает, что в случае необходимости любой сеньор может использовать госпитов для защиты себя или своего дома, но только «в пределах фьефа, которому принадлежат гостизы; за его пределами госпит может следовать за своим сеньором только по своей воле и за привычную плату - 8 денье для пехотинца и 2 су для всадника. К этой службе частного характера прибавляется публичная служба графу: Бомануар уточняет, что когда граф созывает своих людей (т. е. вассалов) и приказывает им привести с собой в определенное место их госпитов, то ни вассалы графа, ни их подчиненные не могут отказаться»⁴⁸.

Доказательства того, что иногда действительно проводились настоящие мобилизации, содержатся в административных расследованиях Людовика Святого, где упомянуты штрафы, выплаченные людьми, обязанными нести служ-

⁴⁶ Guérard B. Polyptyque de l'abbé Irminon, ou dénombrement des manses, des serfs et des revenus de l'abbaye de Saint-Germain-des-Près sous le règne de Charlemagne. Vol. I, 2, partie. Paris, 1844. P. 65, n° 21.

⁴⁷ / tollet P. Les établissements de Saint Louis. Paris, 1881. Vol. I. P. 94-95, 97.

⁴⁸ Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Beauvaisis / Ld. A. Salmon. Paris, 1899. Vol. I. P. 492-493.

бу, но не явившимися⁴⁹. Также в сентябре 1284 г. П. де Шеври, аббат Сен-Морде-Фоссе, созвал людей из этого поселения и, несомненно, из других подвластных ему населенных пунктов, чтобы провести смотр их оружия на соседней равнине Ла Варенн-Сент-Илер; каждый предъявил снаряжение в соответствии со своим состоянием: 12 подданных аббатства, владевшие по меньшей мере 60 ливрами, имели полную или малую кольчугу, железный шишак, меч и кинжал; 53 других, обладавшие по крайней мере 30 ливрами, имели котту, набитую волосом, или поддоспешник, железный шишак, меч и кинжал; тем, чье состояние оценивалось более чем в 10 ливров, нужно было прибыть с железным шишаком, мечом и кинжалом; остальным же достаточно было предъявить луки, стрелы и кинжалы⁵⁰.

В Германии для сохранения общего мира требовалась повсеместная мобилизация: в «Саксонском зеркале» упоминается *обязательная служба* (Folgerpflicht), от которой освобождены только женщины, пастухи, клирики и служители церкви. По австрийскому земельному праву (Landrecht) 1237 г. «все жители страны должны содействовать ее защите».

Города-государства Италии больше не отказывались от людских ресурсов своих округов. Перуджийский округ должен был поставлять лошадей, оружие, зерно и людей⁵¹. В 1292 г. Сиенский округ выставляет 3000 пехотинцев, а в 1318 г. - 7000 пехотинцев. Чтобы облегчить набор, эта территория была поделена на военные округа - викариаты: в 1310 г. их насчитывалось 9, объединявших 289 общин; каждый из них должен был набрать отряды из своих людей, не прибегая к услугам наемников⁵². Во время военных действий при Монтаперти (1260 г.) во Флорентийском округе было набрано 3000 саперов и 5000 пехотинцев, составлявших половину армии.

В Шотландии в период войн за независимость, помимо феодальной службы, существовало также и *общинное войско* (communis exercitus), или *служба скоттов* (servitium scoticum).

Нововведения Филиппа Красивого во Франции коснулись и воинских повинностей. С одной стороны, монархия добивалась службы от всех держателей фьефов, были они прямыми вассалами короны или нет, по праву королевского бана; с другой стороны, по крайней мере начиная с 1302 г, после поражения при Куртре, король пожелал собирать, по праву арьербана, всех, кто был в состоянии держать оружие.

Понятие *арьербан*, которое тогда было распространено почти повсюду и все чаще использовалось, не было, однако, новшеством. Этот термин, являвшийся, вероятно, семантической деформацией каролингского герибана,

⁴⁹ Recueil des historiens des Gaules et de la France. Vol. XXI. P. 154, n° 649; 249, n° 1893.

⁵⁰ BEC. 1848-1849. N 10. P. 68.

⁵¹ Galletti A. I. La società comunale... [250].

⁵² Bowsky W. M. City and Contado... [492].

время от времени появлялся в XII—XIII вв. В хартии Людовика VII от 1141 г. говорится о земле, владельцы которой обязаны присылать четырех сержантов в королевское войско по арьербану (*in exercitu regis ad retrobannum*). В эпоху Иоанна Безземельного упоминается нормандский арьербан (*retrobannum Normandie*), подразумевающий либо сбор всех свободных людей, либо вассалов, которые уклонялись от службы в войске по праву бана; так, епископ Лизьё должен был поставлять в войско герцога 20 рыцарей, тогда как 10 других из предместий Лизьё оставались охранять город до тех пор, пока их не призывали в арьербан⁵³. В то же время, расследование по поводу прав графини Шампанской показало, что «все люди, живущие в Шато-Тьерри, независимо от своего положения должны служить в войске госпожи, за исключением призываемых по арьербану»; далее, в том же документе сообщается, что «жители Рувруа и Аннуа обязаны госпоже службой по арьербану раз в году»⁵⁴. В ордонансе Симона де Монфора для альбигойцев от 1 декабря 1212 г. говорится, что «в случае обычной, частной войны, или для оказания помощи осажденному графу, или по арьербану, все бароны и рыцари низкого и высокого ранга обязаны откликнуться на призыв»⁵⁵. Термин «арьербан» встречается и в литературных источниках: у Филиппа Муске, Жуанвиля, в «Романе о лисе», «Песне о Жираре Руссильонском»⁵⁶. Филипп Красивый в драматической ситуации после поражения при Куртре воспользовался понятием, которое, несмотря на его расплывчатость, довольно хорошо знали, и попытался распространить принцип всеобщей воинской повинности на всех подданных. Несомненно, в этом видели главным образом средство налогообложения; действительно, чаще всего объявление арьербана превращалось в сбор новой подати, но имеются и доказательства того, что в некоторых случаях проводилась если не полная мобилизация, немислимая в техническом и военном отношении, то, по крайней мере, набор во многих сельских или городских общинах отрядов разной численности.

Последовательное и эффективное внедрение принципа всеобщей воинской повинности впервые началось в Англии. Превосходство Англии в этой области можно объяснить одновременно сохранением старых англосаксонских традиций, прекрасной государственно-административной организацией в XII в. и общинным сознанием, гораздо более распространенным и глубоко укоренившимся в этом королевстве раньше, чем в других странах Запада.

Инициатива в этой области принадлежала Генриху II Плантагенету, который, собрав свой двор в Мане на Рождество 1181 г., в присутствии архи-

⁵³ Powicke F. M. *The Loss of Normandy*. London, 1913.

⁵⁴ Lognon A. *Documents relatifs au comté de Champagne et de Brie*. Paris, 1904. Vol. II. P. 1, 4.

⁵⁵ Devic C, Vaissete L. *Histoire générale de Languedoc*. Toulouse, 1879. Vol. VIII. P. 625-635, n° 165.

⁵⁶ Mouskei Ph. *Chronique rimée* / Ed. F. de Reiffenberg. Bruxelles, 1836. Vol. I. P. 223, 271, v. 5540 и 6845; Contamine Ph. *Guerre, Etat et société* [457]. P. 26.

епископа Бордо, других прелатов и баронов этой провинции, обнародовал эдикт, действительный для всех его континентальных владений. В этом эдикте не предусматривался сбор армии, не закреплялись собственно военные обязанности его подданных, но указывалось вооружение, которым они должны располагать в соответствии с размером своего состояния. Различались три категории подданных:

а) те, кто обладал движимым имуществом стоимостью в 100 анжуйских ливров (равноценны 100 турецким ливрам или 25 фунтам стерлингов); они должны были иметь рыцарское вооружение, включая коня;

б) те, кто обладал движимым имуществом стоимостью от 25 до 40 анжуйских ливров; они должны были иметь короткую кольчугу, копье и меч;

в) самые бедные; они могли ограничиться поддоспешником, железным шишаком, копьем, мечом или луком со стрелами⁵⁷.

Нам ничего не известно о практическом применении этого эдикта, но поскольку акцент сделан на движимом имуществе, можно предположить, что Генрих II Плантагенет хотел вооружить прежде всего жителей городов.

Несколькими днями позже тот же Генрих II обнародовал знаменитую ассизу о вооружении, на этот раз действительную для Англии. Этот документ, гораздо более обстоятельный, чем предыдущий, предусматривал, что каждый владелец рыцарского фьефа должен иметь рыцарское снаряжение; он предписывал также, чтобы всякий свободный мирянин, получающий ренту или владеющий имуществом стоимостью 16 марок стерлингов (что равноценно 40 анжуйским ливрам), имел полное рыцарское вооружение; всякий свободный мирянин, владеющий 10 марками (т. е. 25 анжуйскими ливрами), имел короткую кольчугу, железный шишак и копье; остальные горожане и свободные общинники имели поддоспешник, железный шишак и копье. Все должны хранить это вооружение для службы королю.

Таким образом, главной целью ассизы было увеличить запасы оружия и помешать их дальнейшему расходованию: предусматривались меры, запрещавшие продавать, отдавать в заклад, вывозить оружие.

Ясно также, что монархия почти не заботилась о вооружении бедных, и она освободила зависимых людей, попросту умолчав о них, от выполнения требований этой ассизы; монархию интересовали только две категории, поскольку они располагали некоторыми средствами, а также могли быть источником смут и угрожать общественному порядку: с одной стороны - рыцари, а с другой - «свободные и почтенные» люди; только они должны были подвергнуться переписи в рамках бургов и сотен и дать клятву верности королю⁵⁸.

⁵⁷ La Roncière C.-M. de. Contamine Ph., Rouche M., Delort R. L'Europe au Moyen Age. Documents expliqués. Vol. II: Fin IXe siècle - fin XIIIe siècle. Paris, 1969. P. 52-53.

⁵⁸ Ibid. P. 53-55.

Впоследствии система продолжала совершенствоваться и изменяться. В 1205 г. Иоанн Безземельный прибег к всеобщей мобилизации, собрав горожан в отряды бургов и горожан и сельских жителей - в отряды по сотням и деревням. В 1212 г. шерифы получили приказ передать графам, баронам, рыцарям, а также свободным людям и сержантам, которые могли носить оружие и принесли оммаж, или клятву верности государю, отправиться в Дувр, чтобы защитить короля, самих себя и английскую землю; неявившиеся низводились до положения сервов или полусвободных. Эта акция увенчалась успехом: за несколько дней наплыв был такой, что пришлось отослать (не хватало продовольствия) тех, кто был хуже вооружен, оставив только рыцарей, сержантов, свободных людей, лучников и арбалетчиков.

Начиная с 1230 г. зависимые люди (они в это время составляли большинство) насильно включены в систему военных обязательств. В этот год проводится разделение низших сословий на две группы: владельцы движимого имущества стоимостью в 40 шиллингов должны были иметь железный шишак и камзол; владельцы движимого имущества стоимостью в 20 шиллингов обязаны были приобрести секиру и копье.

Новый этап начался в 1242 г., когда в коротком королевском указе тех, кто должен был нести охранную службу, объявили «присягнувшими оружию» (*jurati ad arma*). Среди них в первый раз появились лучники из землевладельцев с доходом в 40 шиллингов.

В 1264 г. набор проводится открыто: каждая деревня (*vill, villata*) должна была выбрать 4, 6 или 8 пехотинцев, прославившихся особенно храбрыми, вооруженных копьями, стрелами, луками, арбалетами и мечами; эти люди, поделенные на десятки и сотни, передавались под командование знаменосцев (*standardarii*) и конных констеблей.

Эдуард I еще более усовершенствовал систему набора, учредив военные комиссии, которые контролировали и иногда сами руководили отбором лучших бойцов. Вследствие полного упадка обязательной вассальной службы, король вознамерился потребовать конной службы от всех своих подданных, получавших доход в размере от 20 до 40 фунтов стерлингов; но, кроме того, он воззвал к преданности и верности магнатов для того, чтобы они прибыли по его зову с наибольшим количеством воинов; эта попытка расширить базу набора совпадала с аналогичными мерами его современника Филиппа Красивого.

Однако если в течение XIII в. на всем Западе воинские повинности, связанные с вассально-сеньориальными отношениями, постепенно смягчались и вскоре стали играть второстепенную роль, то из этого не следует делать вывод, что власти перестали требовать помощи от феодального рыцарства - эту поддержку они все чаще получали за денежное вознаграждение (значение которого будет рассмотрено ниже). Остальная часть населения, потомки «безоружных» XI в., не знала системы воинской повинности, которую государство

Нового времени разработают в конце XVIII в., благодаря своим потрясающим возможностям в сфере принуждения и обеспечения кадрами, национализму и массовому повышению производительности труда. Однако на эту категорию населения зачастую возлагались довольно обременительные повинности по обороне, что, таким образом, заставляло и ее в полной мере участвовать в войнах своей эпохи. В основном это были горожане, но сельское население также не оставалось в стороне.

4. ДЕНЬГИ, ПЛАТНАЯ СЛУЖБА И НАЕМНИЧЕСТВО

Деньги - почти обязательный посредник между властью и воинами. По свидетельству самих современников, их роль возрастает с середины XII в. В источниках постоянно упоминаются состоявшие на жалованье (*solidarii*), наемники (*stipendiarii*), призывы служить за деньги (*summonitiones ad denarios*), жалованье (*vadia*), дары (*donativa*). Около 1150 г. Петр Достопочтенный, аббат монастыря Ключни, обвинив своего предшественника Понса де Мельгей в растрате монастырской казны на жалованье солдатам, заявил: «Я понял, что все соседи, рыцари, шателены, графы и сам герцог Бургундский подстрекают меня взяться за оружие, словно привлеченные запахом денег»⁵⁹. Ричард Фитц-Нигел в «Диалоге о необходимом почтении к палате Шахматной доски» (*De necessariis observantiis Scaccarii dialogus*), написанном между 1176 и 1178 г., отметил: «Деньги необходимы не только во время войны, но и во время мира... Во время войны их расходуют на укрепление замков, жалованье солдатам и по другим поводам, в зависимости от природы людей, получающих плату за защиту королевства»⁶⁰. В начале XIII в. в «Книге об Абаке» (*Liber Abaci*) знаменитый пизанский математик Леонардо Фибоначчи дал несколько примеров подсчета платы наемникам. С 1140 г. на Запад из мусульманского мира проникает и начинает распространяться приписываемый Аристотелю труд «Секрет секретов» (*Secretum secretorum*), которому суждено было пользоваться огромной популярностью в правящих кругах: в нем находится рисунок в форме круга, который ясно показывает связь между королем, армией и деньгами. Согласно «Большим французским хроникам», Филипп Август хранил казну в разных местах и жил скромно, считая, что некогда короли Франции потеряли много земель, потому что ничего не могли дать своим рыцарям и сержантам в случае необходимости.

⁵⁹ *Duby G.* 27 juillet 1214. Le dimanche de Bouvins [244]. P. 100.

⁶⁰ *Ibid.*

Очевидно, распространение денег напрямую было связано с тем, что называли «коммерческой революцией»⁶¹. В военной области она проявилась в развитии *денежной экономики* (Geldwirtschaft) в ущерб *натуральному хозяйству* (Naturwirtschaft). Отныне на Западе стало гораздо больше драгоценных металлов, монетное обращение оживилось и захватило почти все слои общества. Однако не следует слишком преувеличивать их значение: даже в предшествующие столетия рыцари пользовались деньгами (а не обменом), чтобы купить боевого коня и вооружение; ведь не все вознаграждали кузнеца, отковавшего им оружие, взяв его на службу, дав ему землю или несколько мешков зерна; и в больших походах воины обеспечивали себя не только грабежом, реквизицией или потреблением продуктов из своих личных сельскохозяйственных запасов. Кроме того, вместе с ростом количества денег короли и князья смогли столь же быстро, если не быстрее, увеличить свои денежные средства тремя основными способами: благодаря постоянно растущим домениальным ресурсам; государственной налоговой системе, ставшей сильной и разнообразной; наконец, благодаря замене воинской службы денежными платежами.

В качестве примеров этой замены можно привести упомянутый выше щитовой налог или случай, когда в 1202-1203 гг. все города, обязанные службой в войске Филиппа Августа, прислали не сержантов, а деньги. В 1227 г. Фридрих II, готовясь к крестовому походу, приказал, чтобы в Сицилийском королевстве «каждый вассал дал за каждый фьеф восемь унций золота и чтобы от восьми фьефов выставили одного рыцаря»: иначе говоря, от каждых восьми фьефов император-король хотел получить одного рыцаря и 64 унции золота, что по ценам того времени составляло примерно годовое жалованье⁶². Начиная с 1255 г. некоторые коммуны Папского государства предпочитали платить, а не служить.

Таким образом, собранные и имеющиеся в распоряжении деньги, - если бы не боязнь допустить анахронизм, их можно было бы назвать общественными деньгами, в первую очередь использовались для оплаты различного рода воинских служб, одновременно позволяя консолидировать эти службы, а временные и пространственные ограничения их выполнения - устранить.

В XIII в. в Перудже, как и во Флоренции, коммунальному ополчению платили с первого дня похода: 5 сольди пехотинцу, 10 сольди всаднику с лошадей, 15 сольди всаднику с двумя лошадьми (в Перудже); 3 сольди арбалетчикам, 2 сольди 8 денаро лучникам, 2 сольди 6 денаро павезьерам, 2 сольди простым пехотинцам (во Флоренции). В Англии с 1193 г. 500 пеших сержантов из Виндзора получили жалованье за 40-дневную службу; со времен Генриха III установилось правило требовать службу от народного ополчения за пре-

⁶¹ Lopez R. S. La révolution commerciale dans l'Europe médiévale. Paris, 1974.

⁶² Riccardo di San Germano. Cronica / Ed. C. A. Garufi. Bologna, 1937. P. 149.

делами родного графства только за плату. Во Франции (даже если многие города по-прежнему должны были бесплатно служить королю) отряды, которые посылали города, оплачивались за их счет.

Тот же феномен проявился в службе ленников: многие из них получали жалованье не только за службу сверх срока, но с некоторых пор с самого начала службы. Например, в 1240 г. Фридрих II приказал судьям Сицилийского королевства выбрать в своих округах отважных рыцарей (*milites strenui*), которым надлежало прибыть в определенное место; один судья должен был выставить 15, другой - 60, третий - 40 рыцарей. Отобранным таким образом рыцарям было назначено жалованье до 10 унций золота за два месяца. В одном из списков времен Людовика Святого (несомненно, 1242 г.) после перечисления некоторых епископов, крупных сеньоров и рыцарей, вероятно, призванных для выполнения бесплатной военной службы, упоминаются «два призыва на службу за деньги в Альбижуа рыцарей с несколькими всадниками и коммун, чтобы те прислали некоторое количество пехотинцев»⁴³. Развитие конной службы при Эдуарде I и Филиппе Красивом стало возможным только при условии выплаты жалованья. Несомненно, это была юридическая уступка со стороны монархов, что не преминул подчеркнуть Пьер Дюбуа в «Возвращении Святой земли» (*De recuperatione Terre Sancte*), написанном в 1305-1307 гг.: «Сеньор король Филипп Красивый должен также принуждать каждого из своих вассалов, герцогов, графов, баронов, шателенов, рыцарей и всех тех, кто обязан ему определенными службами, появляться и выполнять их без обмана или послабления; он не должен уступать или отказываться от своих требований, поскольку это в ущерб всем тем, кто должен быть созван только по арьербану. Однако рассказывают, что сеньор король, не приняв в расчет то, что было раньше, и, доверив свою персону и власть советникам, взял за привычку иногда призывать на войну за жалованье графов, баронов, рыцарей и оруженосцев, которые, будучи обязаны воинской службой, должны сражаться за свой счет и расплачиваться этим за свои фьефы»⁴⁴. Вероятно, в действительности советники Филиппа Красивого отлично сознавали, что делают, когда отказывались от прав, которые теоретически у них были: они полагали невозможным в психологическом и материальном отношении держать вместе небольшой отряд вассалов, весьма неохотно выполнявших 40-дневную службу, и толпу рыцарей и оруженосцев, имевших одинаковый социальный статус и происходящих из одной местности, получавших ежедневное жалованье от казначеев и служащих короля.

Один тип фьефа был, тем не менее, связан гораздо дольше, чем другие, с бесплатной военной службой. Это фьеф-рента, или денежный, «палатный» фьеф. В самом деле, в этом случае выплата в деньгах своеобразной годовой

⁴³ Recueil des historiens des Gaules et de la France. Vol. XXIII. P. 728.

⁴⁴ Contamine Ph. Guerre, Etat et société [457]. P. 49.

пенсии (фьеф-рента предшествовала королевским и княжеским пенсиям, которые приобретут огромное значение с конца XIV в.) конкретному человеку представляет собой подобие аванса в преддверии будущей и вероятной службы, тем более, что вопреки условиям многочисленных хартий, предоставляющих фьеф-ренту, на практике она не была наследственной или даже пожизненной: чаще всего ее получали несколько лет, а затем, в силу разных причин, договор расторгался.

Случай с Фернандо де Хуаном является примером фьеф-ренты, предусматривавшей бесплатную службу. По акту 1277 г. этот кастильский рыцарь перешел от короля Кастилии на сторону короля Франции. От своего первого сеньора он получал 300 турских ливров в год; французский король Филипп III пожаловал ту же сумму на удобный ему срок или пожизненно; взамен Фернандо принес тесный оммаж против всех, за исключением племянников Филиппа III, сыновей его сестры Бланки и Фердинанда Кастильского; более того, новый вассал обязался бесплатно служить королю Франции в течение 40 дней ежегодно вместе с 10 рыцарями и появляться со своим отрядом спустя 6 недель после призыва (однако он должен был сражаться только на землях королей Арагона, Кастилии, Португалии, в королевстве Наваррском, в Гасконии и графстве Тулузском). По истечении 40 дней французский король мог использовать Фернандо и его людей за ежедневное жалованье в 7 су 6 турских денег, но не возмещая потери верховых животных⁶⁵.

Другие фьеф-ренты были менее выгодными для власти, как, например, та, которую Филипп Красивый в 1294 г. даровал Гуго Бургундскому, рыцарю Бургундского графства: ежегодно, в день Очищения Пресвятой Девы Марии, тот должен был получать в парижском Тампле 300 турских ливров. За эту сумму, в теории пожизненную и даже наследственную, Гуго принес королю Франции клятву верности и тесный оммаж, обязавшись в случае войны с королем Англии или другими врагами служить ему со своими людьми, замками, крепостями и, по крайней мере, 60 вооруженными всадниками. Пока он находится в своих владениях, он ничего не получает. Филипп Красивый предоставит жалованье и возместит возможные потери лошадей только в том случае, если вызовет Гуго⁶⁶. Несомненно, условия этого соглашения можно объяснить политическими обстоятельствами: Филипп Красивый любой ценой искал союзников, чтобы предотвратить угрозу со стороны Эдуарда I.

Вот другой пример, на этот раз касающийся набора бойцов для крестового похода. Актом 1249 г. Альфонс Пуатевинский объявил, что нанял Гуго Черного, графа Ангулемского, с 11 рыцарями за плату на год для участия

⁶⁵ *Anelier Guillaume. Histoire de la guerre de Navarre en 1276 et 1277 / Ed. Francisque-Michel. Paris, 1856. P. 642, n° 1.*

⁶⁶ ** Arch nat., J 622, n° 33.*

в крестовом походе. Но одного этого жалования Гуго Черному было мало, чтобы согласиться на это предложение, - в самом деле, он добился, чтобы сверх того ему пожаловали в наследственное владение фьеф-ренту в 600 пуатевинских ливров ежегодно, и даже, под видом ссуды в рассрочку на 4 года, 4000 турских ливров для экипировки его отряда.

Можно только удивляться тому, что в этих условиях власти постоянно заботились о том, чтобы поддерживать, если не укреплять, систему обязательств, так как она все чаще была связана с выплатой жалования и различных компенсаций. Непонятно, почему они не прямо перешли, по словам П. Шмиттхеннера, от *ленной военной системы к свободному найму, сэкономив на доплате ленникам*?⁴⁷ Многие причины сыграли свою роль, и прежде всего характер жалования: если знать его сумму, например в Англии с середины XII в. и во Франции с начала XIII в., то получается, что часто оно было не настоящей платой для профессионалов, а скорее своеобразным возмещением убытков в походе, позволяющим временным воинам оплатить дополнительные расходы по участию в военных походах. По этой причине жалование обычно было ежедневным, что характерно для коротких военных кампаний, продолжительность которых нельзя было рассчитать. Так обстояло дело в Англии и во Франции, где жалование двух основных категорий: рыцарей и простых пехотинцев - прошло следующую эволюцию (см. табл.).

Англия		
Дата	Ежедневное жалование (в стерлингах)	
	рыцаря	пехотинца
1150-1160 гг.	6 пенсов	
ок. 1165 г.	8 пенсов	1 пенс
ок. 1195 г.	1 шиллинг	
ок. 1215 г.	2 шиллинга	2 пенса
ок. 1250 г.	2 шиллинга	
ок. 1300 г.	2, 3 или 4 шиллинга (в чистом серебре: 31,12 г; 49,69 г или 62,24 г)	2 пенса (в чистом серебре: 2,6 г)
Франция		
Дата	Ежедневное жалование (в турских ливрах)	
	рыцаря	пехотинца
1202 г.	7 су 6 денье	10 денье
1295 г.	10 су, 12 су 6 денье или 15 су	12 денье
	(в чистом серебре: 33,48 г; 41,85 г или 50,22 г)	(в чистом серебре 3,34 г)
⁴⁷ Schmitthenner	P. Das freie Söldnertum... [1311.	

Сохранившаяся документация не позволяет точно узнать, могла ли сумма жалованья полностью покрыть расходы. Однако с этим можно согласиться, даже если военные платили за все, что потребляли, - а это, естественно, происходило далеко не всегда. В противном случае было бы непонятно, как наемники соглашались служить за такие деньги. Жалованье английского пехотинца около 1300 г. находилось на том же уровне, что и обычная плата поденщика; вероятно, так же обстояло дело во Франции и Флоренции. Косвенное доказательство позволяет предположить, что жалованье рыцарей было недостаточным - речь идет об отрывке из хроники Матвея Парижского, где тот вспоминает о голоде в Гаскони в 1253 г.: «В те дни в войске короля в Гаскони начался голод, так что одну курицу продавали за 6 пенсов, кусок сыра - за 20 шиллингов, сетье вина - за 2 или более шиллингов, и один фунт хлеба - за 2 или 3 пенса, так что один рыцарь с трудом мог нормально прокормить себя, своего оруженосца, слуг и лошадей за 2 серебряных шиллинга». Если учесть, что в это время 2 шиллинга были ежедневным жалованьем рыцаря (на что можно было купить от 8 до 12 фунтов хлеба), то даже в этих критических обстоятельствах его хватало только на то, чтобы не ослабеть; правда, если принять эти цифры, то пехотинец со своими 2 пенсами в день мог купить лишь треть фунта хлеба!⁶⁸

Таким образом, система воинских повинностей пережила исчезновение бесплатной службы вовсе не благодаря жалованью и его дневной норме, а благодаря вкладу со стороны воинов. В самом деле, с помощью уловок воинских призывов власти получали в свое распоряжение не только полностью вооруженных конных бойцов, но бойцов, с юности проходивших тренировку и необходимое обучение воинскому ремеслу, ибо, как это утверждает, наряду с другими, Роджер Ховден, «если заранее не научишься воинскому искусству в играх, то его не обретишь тогда, когда дело дойдет до настоящей войны»⁶⁹.

Итак, за счет фьефа его владелец и сыновья располагают досугом и доходами, необходимыми для того, чтобы жить на широкую ногу в воинском обществе - с его охотами, военными играми, квинтаной, бугуртом, джострой и особенно турнирами, которые с 1150 по 1350 г. представляли собой почти настоящие сражения, где сталкивались, не без риска, две группы бойцов⁷⁰.

Но прежде всего власти ждали от владельцев фьефов или любого, движимого или недвижимого, имущества, чтобы те постоянно имели в своем распоряжении лошадей и рыцарское снаряжение.

Matthieu Paris, Chronica Majora. T. V. P. 398.

Roger de Hoveden. Chronica / Ed. W. Stubbs. T. II. P. 166.

Denholm-Young N. The Tournament in the 13th Century [239].

Итак, хотя количественные данные до конца XIII в. скудны, ясно, что уже одно снаряжение было очень дорогим: около 1200-1250 гг. в Генуе шлем (*barberia*) стоил от 16 до 32 сольди, кольчуга - от 120 до 152 сольди; если к этому прибавить поножи и прочие принадлежности, то выходит приблизительно 200 сольди, равных 10 генуэзским лирам или 800 г серебра⁷¹. Кроме того, нужно было приобрести оборонительное оружие и более простое воинское снаряжение для оруженосца, а может, и для слуги. Несомненно, что около 1250 г. цену снаряжения рыцаря и его свиты в 1400 г серебра, равную месячному или полуторамесячному жалованью, нельзя считать завышенной⁷².

Лошади стоили еще дороже. Если, согласно подсчету, цена лошадей нескольких рыцарей, находившихся в 1242 г. на жалованье у Альфонса Пуатевинского, колеблется от 5 до 60 турецких ливров, то 30 ливров - средняя цена за лошадь⁷³.

В 1269 г. различные боевые лошади, купленные для крестового похода Людовика Святого на ярмарках Шампани и Бри (Бар-сюр-Об, Ланьи, Провен), стоили в среднем 85 турецких ливров, но это, вероятно, были очень ценные животные, иногда привозимые из Испании и Апулии⁷⁴. Роберт II, граф Артуа, перед походом на Фландрию в 1302 г., во время которого он находился на жалованье у короля с 26 мая по 15 июля, приказал закупить для себя и своей свиты лошадей. Их цена нам известна: 5 «больших коней» (один из Испании) - в среднем 280 парижских ливров, 8 обычных коней - в среднем 115 парижских ливров, 2 парадных коня - в среднем 50 парижских ливров, один скакун - 60 парижских ливров, 14 упряжных лошадей - в среднем 34 парижских ливра и 3 маленьких упряжных лошади - в среднем 12 парижских ливров. Общая стоимость боевого, парадного и упряжного коней для рыцаря составляла 470 турецких ливров; правда, объявление о походе на фламандцев должно было взвинтить цены, и в это время счетная монета подверглась полной девальвации, поскольку серебряная марка, равная в 1266 г. 50 турецким су и в 1295 г. 61 турецкому су, к 23 апреля 1302 г. поднялась до 104 турецких су.

⁷¹ Bonds W. N. Some Industrial Prices Movements in Medieval Genoa (1155-1255) // *Economy. Society and Government in Medieval Italy. Essays in Memory of Robert L. Reynolds* / Ed. D. Herlihy, R. S. Lopez, V. Slessarev. Kent; Ohio, 1969. P. 132-133. - К началу XIII в. в генуэзском сольди было 3,947 г серебра.

⁷² Однако в начале XIV в., согласно счетам английской палаты Шахматной доски, доспехи, включавшие в себя стеганый камзол, кольчугу, бацинет и железные перчатки, в среднем стоили один фунт стерлингов, т. е. максимум 10-дневное жалованье рыцаря (*Powicke M. R. Edward II and Military Obligation* [425a]. P. 101, n° 49). Во Франции в 1295 г. цена наступательного и защитного вооружения одного арбалетчика, состоящего из арбалета, нашейника, колчана, портупей, бацинета, поддоспешного камзола и меча, достигала 3 турецких ливров (*Wolff P. Achats d'armes pour Philippe le Bel dans la région toulousaine* // *Regards sur le Midi médiéval*. Toulouse. 1978. P. 395-402).

⁷³ Teulel A. *Layettes du Trésors des Chartes*. Paris, 1886. T. II. P. 658-660, n° 3011.

⁷⁴ Bibl. Nat, Paris, lat. 9016, n° 15.

Стоимость боевых коней тамплиеров, привезенных с Запада, в Святой земле нередко доходила до 100 безантов.

В 1277 г. Флоренция зыла на службу нескольких провансальских всадников; условия договора предусматривали, что каждый из них должен владеть одной лошастью стоимостью не менее 30 лир, что составляло 133-дневное жалование.

Вот почему короли, князья и городские власти иногда приказывали всем, имеющим средства, содержать боевого коня. Так было во Флоренции, Сиене и других итальянских городах, где появились специальные комиссары, предписывающие владеть лошадьми (*ad equos imponendos*). Например, во Флоренции количество обязательных лошадей в 1260 г. составляло 1400, в 1300 г. - 1000, в 1312 г. - 1300. В 1222 г. Венеция, добивавшаяся усиления армии на Крите, обязала каждого критского рыцаря, владевшего *целым фьефом* (*militia int gra*), приобрести боевого коня стоимостью не менее 75 венецианских лир, двух лошадей и двух оруженосцев негреческого происхождения. Вассалам, владевшим *половинным фьефом* (*media militia*), нужно было иметь одну лошадь ценой по меньшей мере в 50 венецианских лир для себя и одну лошадь для оруженосца⁷⁵. Актом 1279 г. Филипп III Смелый приказал всем рыцарям и «благородным людям» своего королевства, владеющим землей стоимостью 200 турецких ливров или более, и всем горожанам, имеющим землю или имущество на сумму 1500 турецких ливров или более, растить племенную кобылу; герцогам, графам, баронам, аббатам и «большим людям», имеющим достаточно пастбищ, надлежало завести 4 или 6 племенных кобыл⁷⁶. В акте Эдуарда I от 1282 г. констатируется нехватка больших коней, «пригодных к войне» в Англии, и предписывается всем подданным, владевшим землей доходом по меньшей мере в 30 фунтов стерлингов, отныне иметь для службы «сильного и боеспособного коня с полным вооружением»⁷⁷.

Исходя из всего этого разнообразия данных, безусловно фрагментарных и иногда противоречивых, можно заключить, что в XIII в. капитал рыцаря и его свиты, состоявший из наступательного и защитного снаряжения, а также лошадей, в среднем был равен жалованью за 6-8 месяцев. В Англии около 1250 г. стоимость снаряжения рыцаря, включая коней, оценивается как эквивалентная его годовому доходу, т. е. 20 фунтам стерлингов⁷⁸.

Таким образом, власти располагали, хотя и не совсем безвозмездно, значительным капиталом, которым могли распоряжаться по своему усмотрению в течение нескольких дней или недель. Если служба в среднем длилась

⁷⁵ *Tafel G. L. F. Thomas G. M. Urkunden zur  lteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Bd II: 1202-1255. Wien, 1856. S. 34, n  263.*

⁷⁶ *ВЕС. 1854. N 15. P. 180-181.*

⁷⁷ *KeeneyB. C. Military Service and the Development ofNationalisme in England [256]. P. 539, n  27.*

⁷⁸ *Treharne R. F. The Knight in the Period ofReform and Rebellions 1258-67; a Critical Phase of a New Classe //BIHR. 1946-1948. N 21. P. 1-12.*

только несколько дней в году, ясно, что выплаченное жалование, даже если предположить, что оно было очень щедрым, не соответствовало вкладываемому капиталу и его сохранению; чтобы обеспечить этот капитал, нужны были доходы с фьефов.

Правда, часто выплачивались компенсации: оплата - иногда называемая в Италии «недостача» (*mendum*), или «возмещение» (*restaurum, restauratio*) за раненых или убитых в походе боевых коней. В Перудже уплаченные суммы, из которых регулярно вычитали стоимость шкуры в 30 сольди, составляли от 15 до 100 лир. В последние десятилетия XIII в. во Флоренции боевых коней учитывала комиссия под председательством маршала города; оплата производилась автоматически, если о потере заявляли в течение 3 дней. В расходных счетах первого крестового похода Людовика Святого отмечается возмещение за 264 лошади на сумму 6789 турецких ливров (в среднем, более 30 ливров за лошадь); возмещения, выплаченные Филиппом III в «походе на Арагон» в 1285 г., достигли 34 691 турецкого ливра (т. е. более чем за 1100 лошадей).

Если военнообязанных могли созвать на минимальное количество дней, то призыв к добровольцам, напротив, имел больше шансов быть услышанным в том случае, если им гарантировали занятость на протяжении более длительного времени. Поэтому, наряду с упоминаниями о ежедневном жаловании, в источниках XIII в. довольно часто говорится о месячной оплате. Так, во Флоренции, чтобы подготовиться к походу 1260 г., Синьория приглашала, наряду с прочими, миланского сеньора Пьеро де Базакапе с 50 людьми: ему было обещано жалование за 2 месяца из расчета 8 фунтов маленьких флоринов в месяц на всадника. Тот же город решил завербовать в Модене, в Ломбардии 100 «добрых бойцов» (*berrierii*), и среди них двух гонфалоньеров и четырех капитанов с тремя лошадьми на каждого, тогда как простые бойцы имели по одной лошади; соглашение было заключено на 3 месяца. Точно так же Карл Анжуйский набрал бойцов за месячное жалование в 4 унции золота для рыцарей, в 2 унции золота для оруженосцев и конных арбалетчиков, 18 таренов (из расчета 30 таренов в одной унции) для пеших арбалетчиков.

Охрана замков предусматривала заключение контрактов на более длительный срок. В 1280 г. тот же Карл Анжуйский, чтобы защитить полуостровную часть Сицилийского королевства, разместил гарнизоны в 78 замках пяти крупных областей: Абруцце, Принчипато и Терра ди Лаворо, Капелланти, Вальдиграте, Терра ди Журдано, Бари, Отранто, Капитанате, Базиликате; командование над ними было вверено французам - 18 рыцарям и 60 оруженосцам, - из которых только 16 владели землей в Сицилийском королевстве; эти владельцы замков имели в своем распоряжении 1037 сержантов и 15 капелланов, по большей части несомненно местных. Им были оплачены все четыре месяца, и за 1280 г. они должны были получить 8852 унции золота (либо, из расчета 5 флоринов в одной унции, 42 260 флори-

нов), которые анжуйские казначеи выдавали в основном серебряными монетами: «монетами Карла, или серебром Карла» (*mailles charloises et charlois d'argent*)⁷⁹.

На практике гарнизонная служба могла быть бесконечной: в 1247 г. один нормандский рыцарь объявил, что 4 года подряд по приказу короля охранял замок Леон в епархии Доля за ежедневное жалованье в 6 парижских су; он жаловался ревизорам Людовика Святого, что ничего не получил за это время⁸⁰.

Мобилизация за несколько дней не была единственным преимуществом платной службы. Она также облегчала распространение приказов о призыве либо индивидуальными письмами самым могущественным людям, либо при помощи публичных объявлений, обнародованных специальным персоналом, находящимся под контролем бальи, шерифов, прево, судей и других местных администраторов. Так, в мае-июне 1282 г. Эдуард 1 реквизирует в английских графствах рабочих (плотников, саперов, каменщиков, лесорубов) для строительства десяти новых крепостей в Уэльсе - всего 3000 человек. Он, несомненно, мог ограничиться призывом к настоящим добровольцам, но посчитал более надежным, используя привычные административные механизмы, быстро и экономно собрать из каждого графства желаемое количество рабочих.

Кроме того, когда дело касается повинностей, размер оплаты становится исключительно результатом решения властей, а не своеобразного торга между нанятыми и нанимателями в зависимости от спроса и предложения; «добровольцы», сразу найдя в лице «призванных» за плату конкурентов, были вынуждены в какой-то мере умерять свои требования.

Наконец, жалованье, которое получали прибывшие по призыву или по просьбе, не было достаточно большим, чтобы они превратились в настоящих наемников: призванные являлись на место сбора в составе семейных, феодальных, региональных группировок и продолжали сражаться на службе своего «суверена по праву», под непосредственным началом своего родного сеньора, - другими словами, они не выходили за рамки привычных социальных структур.

Вот почему не следует делать вывод о военной несостоятельности класса рыцарей в широком смысле слова, учитывая только упадок традиционной феодальной помощи (*auxilium*), все чаще второстепенной, даже когда речь шла о небольшой операции. Около 1300 г. во Франции и Англии тяжеловооруженная конница происходила из той же феодальной среды, сохранявшей те же чувства и тот же менталитет, хотя разновидности службы, юридические и моральные основания выполняемых обязанностей довольно сильно изменились.

⁷⁹ Boitard A. de. Documents français des archives angevines de Naples (règne de Charles Ier). Vol. II: Les comptes des trésoriers. Paris, 1935. P. 87-104, 126-130.

⁸⁰ Recueil des historiens des Gaules et de la France. Vol. XXIV. P. 44, n° 335.

Таким образом, нельзя называть наемником каждого бойца с того момента, как он получил в той или иной форме жалованье. Лучше придерживаться определения историка античной войны И. Гарлана, применив его к средневековому миру: «Наемник - это профессиональный солдат, который руководствуется в своих действиях не принадлежностью к политическому обществу, а стремлением к наживе»¹¹; короче говоря, наемник должен быть профессионалом, человеком без родины и находиться на жалованье.

Если следовать этому определению, нельзя назвать наемниками рыцарей, которые сопровождали Людовика Святого в двух его крестовых походах, когда одни состояли на жалованье у короля; другие получали вознаграждение в силу соглашений или договоров с королевской администрацией, одни имели «стол при дворе» и кормились в «доме короля», другие сами заботились о своем пропитании. Действительно, они дали обет участвовать в крестовом походе в надежде получить полное отпущение грехов; если прочитать Жуанвиля или проштудировать, к примеру, список рыцарей «на пути в Тунис», то станет очевидным, что все, или почти все, они принадлежали к узкому кругу крупных сеньоров и главных вассалов короны.

Рыцари, жившие главным образом в королевских или княжеских домах, несмотря на свое происхождение из разных земель, которые они покинули, чтобы сделать карьеру, также не были настоящими наемниками. Напротив, наемниками были оруженосцы, рыцари и сержанты, которые последовали за Карлом Анжуйским в его великой трансальпийской авантюре, и, естественно, сарацины, нанятые Фридрихом II. Наемниками были также рыцари на флорентийской службе в 1270-1280 гг., называвшиеся «отряд воинов из области Тосканы»; начиная с 1270 г. это маленькие отряды всадников, предшественников кондотьеров XIV в. В 1277 г. было заключено соглашение между Флоренцией и провансальцем Энгилезом Сен-Реймским, ранее находившимся на службе в Сиене: его отряд состоял из 100 всадников, которые, включая капитана и двух знаменосцев, получали каждый по 11 флоринов в месяц. В контракте предусматривались количество гужевого лошадей и плата за них, смотр лошадей и оружия, урегулирование споров, взаимные гарантии, компенсация в случае причинения ущерба и разрыва соглашения. Тип настоящего наемника представляет собой Вильгельм Каталонец, который сначала, в 1277-1285 гг., служил в Сиене, затем, в 1288-1289 гг., в Болонье и, наконец, в 1290-1292 гг. во Флоренции. Его людей характеризует происхождение: из 53 всадников, место рождения которых можно установить

¹¹ Garland Y. La guerre dans l'Antiquité. Paris, 1972. P. 67. Термин *mercenarius* редко использовали для обозначения бойца на жалованье: Вильгельм Мальмесберийский называет телохранителей Гарольда в битве при Гастингсе, «воинами, получающими плату» (*stipendarii et mercenarii milites*). См.: *Guillaume de Malmesbury. De gestis regum Anglorum libri V* / Ed. W. Stubbs. London, 1857. T. I. P. 182.

по имени, 28 пришли из Южной Франции, 8 из Северной Франции (среди них 6 пикардийцев), 2 из Фландрии, 7 из Италии, 7 с Иберийского полуострова (из них только 3 каталонца, что явно мало, если принять во внимание происхождение предводителя), наконец, один англичанин⁸².

К услугам различных наемников государства прибегали по разным причинам. Первая носит исключительно военный характер: ценность и известность группы бойцов, равных которым невозможно найти в своих землях среди вассалов, подданных, сограждан. Вспомним о сарацинских лучниках Лучеры, арбалетчиках Пизы, Тортосы, Лигурии или Корсики, гасконских пехотинцах. Одновременно нужно принять во внимание временный или длительный, в силу политических обстоятельств или изменения образа действий, отказ от службы той категории подданных, которым князья по возможности хотели бы отдавать предпочтение; когда Иоанн Безземельный не смог добиться достаточного содействия со стороны своих баронов, то был вынужден искать воинов в другом месте. Если с 1270 г. во Флоренции охотнее нанимали всадников из других областей Италии, Прованса, Франции и Германии, то это происходило отчасти потому, что городской патрициат отказывался выполнять свой воинский долг и предпочитал нанимать за большие деньги наемников. Считалось, что наемные телохранители могли лучше обеспечивать безопасность государей. Но ситуацию следует также рассмотреть с другой стороны: власти могли использовать наемников из-за существования, по крайней мере потенциального, рынка или предложения, что, в свою очередь, объясняется демографическим развитием, изменениями в экономике или даже отказами от наследственных ремесел. Добавим, что между хозяевами и служащими, нанимателями и наемниками взаимодействие было постоянным: предложение стимулировало спрос, так же как спрос вызывал предложение. Пример мароде-ров, брабантцев, разбойников времен Ричарда I, Иоанна Безземельного и Филиппа Августа, позднее каталонских отрядов доказывает, что появление наемничества как исторического феномена объясняется как борьбой политических сил, так и экономическими и социальными обстоятельствами⁸³.

5. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Обычно средневековая война была чередой осад, многочисленных стычек и опустошений, которую изредка прерывали крупные и часто кровопролитные сражения или торжественные встречи.

В конце концов, в условиях осадной войны города представляли собой более серьезные препятствия, чем отдельные замки. Конечно, в истории известны весьма длительные осады замков в XII-XIII вв.: во время альбигойского

⁸² Waley D. P. The Army of the Florentine Republic... [295].

⁸³ С.м. с. 261-265.

похода цитадель Терма сопротивлялась с августа по ноябрь 1210 г.; в Святой земле Крак де Шевалье пал под ударами мусульман только после очень долгой осады в 1271 г.; сопротивление Монсегюра растянулось на целый год (1244 г.), а Филиппу Августу потребовалось 5 месяцев, чтобы захватить Шато-Гайар в 1204 г.

Однако осады городов, независимо от исхода, были едва ли не самыми заметными эпизодами войны: например, осада Акры франками (одна из самых долгих в истории: считается, что она длилась с июня 1189 по июль 1191 г.), вторая осада Константинополя во время четвертого крестового похода (ноябрь 1203 - апрель 1204 г.), осады Тулузы Симоном де Монфором (октябрь 1217 - июнь 1218 г.), осада Марманда Амори де Монфором и принцем Людовиком Французским (октябрь 1218 - июнь 1219 г.). Дело не в том, что города в техническом отношении были защищены лучше, чем замки; напротив, городские укрепления были довольно слабыми и редко их стены не имели хотя бы нескольких уязвимых мест. Однако, с одной стороны, города обладали материальными и моральными ресурсами, благоприятствующими продолжительному сопротивлению, а с другой стороны, завоевателю, который легко пренебрегал неприступным, как орлиное гнездо, замком, было необходимо полностью контролировать именно города как экономические, административные, населенные центры. Стратегическая важность городов в это время объясняется не столько военными причинами, сколько тем, что именно городские центры, а не замки, были в XII-XIII вв. настоящими хозяевами территорий.

Согласно диалектическому принципу, во все времена развитие осадного искусства сопровождалось развитием оборонительного искусства. Итак, для удобства изложения мы исследуем поочередно способы атаки и обороны.

Способы атаки

Захват часто осуществлялся с помощью психологических или политических методов. Угрозы резни, поджогов и систематических грабежей, или обещания милосердия, т. е. обещания сохранить жизнь или имущество, дать свободный выход для гарнизона, часто приводили к капитуляции, на которую соглашались осажденные.

Того же результата добивались с помощью блокады, ведущей к нехватке продовольствия, порчи воды; известны случаи распространения эпидемий.

После этих косвенных методов прибегали к прямым. Цель нападавших, которых, как правило было гораздо больше, чем осажденных, заключалась в проникновении на осаждаемый объект. Речь шла о том, чтобы преодолеть препятствия в виде высохших или наполненных водой рвов, которые нужно было заполнить подручными материалами, деревом, камнями, землей и т. д. Чаще всего использовали фашины, как при осаде Пюжоля, захваченного крестоносцами, людьми графов Тулузы, Комменжа и Фуа («Отряды быстро идут

с фашинами: нет ни одного рыцаря, горожанина или сержанта, кто не нес бы на плечах ношу, которую они бросают во рвы, полностью заваливая их до основания стен»⁸⁴.

Если осажденные были в состоянии вести оборону, то нападавшим следовало позаботиться о собственной безопасности, когда они или блокировали объект, или вели подготовку к штурму, или шли на приступ. Отсюда - рытье траншей, сооружение валов и палисадов, частое применение осадных машин - своеобразных контрукреплений, позволявших, с одной стороны, наносить ущерб осажденным, а с другой - приближаться к крепостным стенам. Эти машины в виде башен, дозорных башен, деревянных замков, которые достаточно часто изображались на миниатюрах, назывались по-разному - либо словами, сохранившимися со времен античности, либо найденными в трудах латинских специалистов: «свинья», «виноградник», «кот» или «кошка», «ласка», «сторожевая будка», «кошачий замок»⁸⁵. Большинство этих машин, защищавших лучников, рыцарей, арбалетчиков, могли поставить на катки, чтобы придвинуть их к стенам усилиями нескольких десятков подручных. Машины поменьше водружались на телеги. В 1216 г. во время осады Бокера Симоном де Монфором предводитель крестоносцев приказал плотникам построить один «замок и одну кошку» («caste 1 e gâta») из дерева, железа, но обязательно обтянутую кожей, чтобы предохранить машину от огня; сооружение поместили между укреплениями и рвами, прямо напротив крепостной стены и охраняли ее день и ночь⁸⁶. Спустя два года тот же Симон де Монфор для осады Тулузы использовал «кошку», которую «Песнь об альбигойском крестовом походе» сравнивает с опасным чудовищем. Она служила защитой для 400 рыцарей и 150 лучников и была неуязвима для требюше, камнеметов и каменных глыб, поскольку отдельные ее части: платформа, боковые поверхности, балки, стропила, двери и своды - скреплялись с помощью железа и стали⁸⁷. В седьмом крестовом походе, во время осады Дамьетты, Людовик IX «приказал построить две дозорные башни, которые называют „кошачьими замками“, поскольку они состояли из двух башен перед „кошками“, - чтобы защитить тех, кто будет в дозоре, от выстрелов сарацинских машин»⁸⁸.

Другими инструментами разбивали, пробивали и расшатывали крепостные стены; это были: простые кирки, железные брусья, тараны, или «бараны» (*лат. arietes; окситан. bossons*). Того же результата можно было добиться ме-

⁸⁴ La chanson de la croisade albigeoise / Ed. et trad. E. Martin-Chabot. Paris, 1957. Vol. II. P. 9.

⁸⁵ «Виноградники и передвижные кошки, которые являются военными машинами», - писал, например, в своем «Словаре» Жан де Гарланд. См.: *Géraud H.* Paris sous Philipp le Bel. Paris, 1837. P. 599.

⁸⁶ La chanson de la croisade albigeoise... Vol. II. P. 148.

⁸⁷ Ibid. Paris, 1973. Vol. III. P. 157.

⁸⁸ Œuvres de Jean sire de Joinville comprenant: l'Histoire de Saint Louis, le Credo et la lettre à Louis X / Ed. N. de Wailly. Paris, 1867. P. 192.

танием камней с помощью требюше, камнеметов, мангоно, «chaables», или «salabres» на окситанском. Согласно Жану де Гарланду: «Parraria, peralia (камнемет) - маленькая метательная машина... Trabuceta (gallice, требюше) - также стенобитные машины»⁸⁹. В 1180-1220 гг. в этой области наблюдается значительный прогресс благодаря использованию для этих машин с балансиrom не только людской тяги - самой примитивной формы, - но и неподвижных или передвижных противовесов. Современные опыты показали, что требюше под управлением 50 человек и с противовесом в 10 т был способен бросить камень 100-150 кг на расстояние 150 м, тогда как римская катапульта, в лучшем случае, могла бросить на 225 м только 20-30-килограммовый камень. Альбом Виллара д'Оннекура содержит чертеж требюше⁹⁰. Там же находился и второй чертеж, от которого, к сожалению, сохранилась только надпись: «Если вы хотите построить прочную машину, которую называют требюше, будьте внимательны к этому. Вот платформа, установленная на земле. Вот спереди две лебедки и ослабленная веревка, которой отводят стержень, как вы можете это увидеть на другой странице. Это довольно сложно сделать, так как корзина противовеса, полная земли, очень тяжела. Длина ее - два больших туаза, ширина - восемь футов и глубина - двенадцать футов. Обдумайте полет стрелы и будьте при этом осторожны, ибо она может столкнуться с передней перекладной»⁹¹.

В «Хронике монастыря св. Петра» (*Chronicon Sampetrinum*) под 1212 г. записано: «Отгон, придя в Тюрингию, осадил и разрушил замок ландграфа в Сальце при помощи требюше под названием Трибок». И в «Анналах Марбахского монастыря» (*Annales Marbacenses*) под тем же годом: «От Сальца он направился к Вейсензе, осадил его и разрушил подобным же образом <...>. Там в первый раз была применена эта военная машина, на народном языке называемая Трибок»⁹².

С помощью требюше можно было не только разрушать или расшатывать укрепления, но и метать зажигательные снаряды, провоцировать эпидемию в осажденном месте, забросив туда гниющие трупы животных. В 1332 г. во время осады замка Шванау страсбургцы захватили 60 пленных и убили 48 из них, 3 убитых плотников поместили в бочки вместе с разными нечистотами и забросили в замок⁹³. Требюше использовались также для прицельной стрельбы по войскам, особенно по их предводителям: Симона де Монфора сразил камень, выпущенный из камнемета, который направляли, согласно нескольким источникам, тулузские женщины. Разрушали и машины противника - тре-

⁸⁹ *Trabucium* (лат.), *trabocco* (итал.).

⁹⁰ *Worringer W.* L'art gothique. L'album de Villard de Honnecourt. Paris, 1967. P. 128.

⁹¹ *Ibid.*; *Gimpel J.* La révolution industrielle du Moyen Age. Paris, 1975. P. 128-129.

⁹² *Schneider R.* Die Artillerie des Mittelalters... [704]. P. 28.

⁹³ *Martin P.* Quelques aspects de l'art de la guerre en Alsace au XIVe-^e siècle [373].

бюше и «котов». В одном эпизоде осады Кастельнодари в сентябре 1211 г. окситанцы показали требюше в действии: «Осаждавшие установили свой требюше на дороге, но ни на какой дороге, ни на какой тропинке они не нашли камней, которые не раскалывались бы от сильного толчка при выстреле. Осаждавшие нашли только три камня, которые принесли с расстояния в одно лье. Выстрелив первым камнем, они сокрушили башню; другим - на глазах у всех они разрушили зал; при третьем выстреле камень раскололся, не причинив вреда тем, кто находился в городе»⁹⁴.

Даже во время самых крупных осад XIII - начала XIV в. количество используемых требюше было относительно небольшим и не превышало двадцати. Можно получить представление об их боеспособности: в 1304 г. у Эдуарда I было 13 требюше для осады замка Стерлинг (большинство из них, как позднее первые большие пушки, имели имена - признак их немногочисленности: Викарий, Священник, Волк войны, Глостер, Колокольня, Весь мир), которые бросили 600 камней. В 1244 г. английское правительство приказало подготовить большое количество круглых камней для требюше; 6 июня 1296 г. Эдуард I подошел со своей армией к аббатству Холируд под Эдинбургом; он установил три машины, которые за 3 дня бросили 158 крупных камней⁹⁵.

Часто велись подкопные работы: подобный эпизод мы встречаем во время осады Шато-Гайара.

Наконец, когда нападавшим не удавалось пробить в стене довольно широкую брешь, они использовали при штурме лестницы. Виллардуэн рассказывает, что во время первой осады Константинополя несколько франкских рыцарей попытались взобраться на стену: «И они приставили две лестницы к одному барбакану вблизи моря. А стена вся была усеяна англами и данами, и приступ был весьма могуч, и суров, и продолжителен. И в живом порыве два рыцаря и два оруженосца взобрались на стену и захватили у них стену. И на стену влезло их около пятнадцати, и там сражались они секирами и мечами. И те, кто был в городе, поднатужились во всю мочь и резко отбросили наших, а двоих даже захватили»⁹⁶.

По правде говоря, каждый из этих способов был известен до 1150 г. Даже мангоно упомянут у Аббона при осаде Парижа норманнами в 885 г. Аббон пишет: «Из связанных балок равной длины они смастерили то, что на народном языке называют мангоно - машины, метящие огромные камни, которые разбивали жалкие крытые ходы варваров»⁹⁷. Однако к XII—XIII вв., когда орудия и машины

⁹⁴ La chanson de la croisade albigeoise... Paris, 1931. Vol. I. P. 216.

⁹⁵ Freeman A. Z. Wall-Breakers and River-Bridgers... [249].

⁹⁶ Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Пер., вступ. статья и комм. Н. А. Заборова. М., 1993. С. 44.

⁹⁷ Abbon de Saint-Germain-des-Prés. Le siège de Paris par les Normands, poème du IXe siècle / Ed. et trad. H. Waquet. Paris, 1942. P. 42-43.

стали использовать чаще, разные технические усовершенствования позволили сделать стрельбу более быстрой, точной, а снаряды - более тяжелыми. Одновременно стали более искусными и эффективными подкопные работы.

Все это свидетельствует о присутствии технического персонала (это подтверждается в большинстве случаев нашими источниками) - минеров, сапёров, ремесленников. Среди этих людей выделяется, особенно с конца XII в., небольшая группа мастеров, изготавливавших машины, или инженеров, пользовавшихся финансовыми привилегиями, что подчеркивает ценность их службы. Известно, какое будущее ожидало людей этой профессии, военные корни которой были не столь очевидны. Конечно, инженер 1200 г. не был абсолютно новой фигурой даже на средневековом Западе. В своем рассказе о взятии Иерусалима Раймунд Ажильский сообщает имена инженеров, которые в 1099 г. по приказу Годфрида Бульонского и Раймунда Сен-Жильского соорудили для осады разные *деревянные замки* (*ligna castra*), *машины и приспособления* (*machinae et machinamenta*)⁹⁸. Но начиная с правления Иоанна Безземельного и Филиппа Августа упоминания об инженерах встречаются чаще. В 1201 г. некий мастер Уррик сопровождает короля Иоанна в Нормандию «для создания машин» (*ad faciendā ingēnia*). Во время осады Тулузы в 1218 г. двое мастеров по требованию, Бернар Парейр и мэтр Гарнье, работали у осажденных. В 1220 г., пожелав захватить замок Беллем, Людовик IX обратился ко «всем, кто умеет подводить подкопы», и использовал две машины, обслуживаемые несколькими мастерами⁹⁹. В крестовом походе в Египет Жослен де Корно занимал должность «мастера инженера» (*mestre engingneur*) и вместе со своими товарищами руководил постройкой 18 машин¹⁰⁰. Долгой и весьма удачной была карьера некоторых инженеров: так, гасконец Жан де Мезо, называемый «мастер-изобретатель» или «изобретатель» (*magister ingeniorum*, или *ingeniator*), стал рыцарем в 1254 г., работал во многих крепостях Гаскони и в 1271-1272 г. перешел на службу к графу Савойскому¹⁰¹.

Способы обороны

В первую очередь, жители осажденного города или гарнизон замка могли контратаковать. Они могли ждать или призвать на помощь вспомогательную армию, чтобы поставить нападавших в неблагоприятное положение и заставить их свернуть лагерь; делать вылазки с целью прорвать блокаду или посеять панику; надеяться, что климатические условия, нехватка денег и продовольствия, неудобства, дезертирство, болезни заставят нападавших снять осаду. На подкопные работы осажденные могли ответить контрмерами. В городах и замках

⁹⁸ *Raimond d'Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Jerusalem // Historiens des croisades. Historiens occidentaux. Vol. III. P. 297.*

⁹⁹ *Finô J. F. Forteresses de la France médiévale... [783]. P. 216-217.*

¹⁰⁰ *Œuvres de Jean sire de Joinville. P. 129, 203.*

¹⁰¹ *Gardelles J. Les châteaux du Moyen Age dans la France du Sud-Ouest... [797]. P. 70, n° 21.*

также применялись требюше и камнеметы: судя по списку запасов крепостей Филиппа Августа, в Шиноне находились «400 веревок к камнеметам, 8 больших камнеметов, один большой, один маленький и один турецкий камнемет» и в Фалезе «2 камнемета и 2 мангоно и 50 одинаковых веревок»¹⁰². Наличие требюше в обоих лагерях приводило к настоящей дуэли, целью которой было прежде всего разрушить машины противника.

В силу своих функций (среди них военная функция была второстепенной или дополнительной) города имели довольно уязвимую систему укрепления. Наряду с городами, наилучшим образом использовавшими оборонительные возможности своего местоположения (скала, плато, болото, водоем), были и такие, которые обращали внимание только на удобства передвижения и постройки. Рост городов в XII—XIII вв. и относительный мир только усиливали эту тенденцию. Городские стены, даже если они существовали (что было далеко не всегда), были довольно непрочными, более того - уязвимыми из-за брешей и потайных лазов, количество которых увеличивалось; дома, риги, мельницы, фруктовые сады за крепостными стенами усложняли оборону, поскольку нападавшие могли приблизиться незаметно. Первой заботой осажденного города было заделать все бреши в стенах, расчистить территорию вокруг стен, обеспечить защитникам быстрое перемещение у подножия стен или по дозорному пути. В то же время приводили в порядок или строили земляные насыпи, палисады, переходы, сводчатые проходы. Дверям уделяли особое внимание. Большую часть их заделывали, привратные башни обеспечивали людьми и припасами, а также сооружали перед стенами укрепления (*antemuralia*) или барбаканы (*barbacanae*). Например, во время осады Тулузы в 1218 г. в оборонительные укрепления входили 16 барбаканов, вверенные капитанам, чьи имена перечисляет «Песнь об альбигойском крестовом походе»¹⁰³.

Первый регистр крепостных укреплений Филиппа Августа в Лане, Компьене, Сен-Мар-ан-Суассонне, Мелене и других городах показывает, что в начале XIII в. нормальными считались рвы глубиной 8-11 м и шириной 12-19 м, куртины высотой 6-10 м до основания парапета и шириной 1,2-2,1 м на уровне дозорного пути; в том же документе предусматриваются ворота с башнями по бокам с более толстыми стенами; некоторые из этих ворот названы простыми, другие двойными; перед ними находились подъемные мосты (*pontes tournatiles*), а другие башенки располагались на разных расстояниях друг от друга или вдоль стен. В качестве примера приведем Компьень, перестройку которого доверили Готье де Муллину. «В Компьене он должен сделать 300 туазов новой стены на извести так, чтобы она была 4 туаза в высоту до парапета, и построить другую стену, так, чтобы она также была 4 туаза в высоту, и до-

¹⁰² Audouin E. Essai sur l'armée royale au temps de Philippe Auguste [226]. P. 190-191.

¹⁰³ La chanson de la croisade albigeoise. Vol. III. P. 301-319.

зорный путь - 4 фута, и он должен оштукатурить и починить стену с известкой, внутри и снаружи, и сделать четыре простые двери с двойными турелями и рвом шириной в 50 футов и глубиной в 30; и все это он должен сделать за 2000 ливров; из них горожане заплатят 950 и король - 1050»¹⁰⁴.

В некоторых городах система оборонительных сооружений была более сложной, например, в Каркассоне, над укреплениями которого много работали во времена Людовика Святого и Филиппа III. По завершении строительства город окружила крепостная стена длиной 1500 м с 20 башнями; перед стеной был ров либо, если позволяла местность, достаточно крутой откос. За стеной - свободное пространство шириной 7-8 м, где люди могли быстро передвигаться и переносить припасы. За ним находилась вторая стена, усиленная 25 башнями, на несколько метров выше первой. В город входили через двое главных ворот с внушительными барбаканами. На восточном фасаде промежутки между башнями были довольно большими, но зато рядом находился массивный замок четырехугольной формы.

Можно подумать, что в этих условиях сооружение укреплений для города требовало долгих трудов и не допускало импровизаций. В действительности же все было немного иначе: в случае крайней необходимости города были способны всего за несколько месяцев обеспечить себе эффективную защиту. Так было в случае с Пизой, где, опасаясь угроз Фридриха Барбароссы, за два месяца (июль-август 1155 г.) обзавелись рвом длиной в 6 км и построили стену на самом уязвимом участке; на следующий год за то же время к ним пристроили деревянные башни, замки и балконные выступы над воротами¹⁰⁵. После первой осады Тулузы Симон де Монфор приказал скрыть ее оборонительные сооружения, «чтобы всякий, будь то человек или зверь, мог войти туда свободно»¹⁰⁶. Снос, который был завершен в октябре 1216 г., не помешал жителям города очень быстро отстроить укрепления и успешно выдержать осаду 1218 г.

Самый большой прогресс в искусстве фортификаций, самые новаторские и обдуманные эксперименты наблюдаются в области строительства замков, которые имели первостепенное военное значение.

Конечно, в этот период часто использовались традиционные места укреплений, причем некоторые из них служили для обороны с незапамятных времен. Ведь первые романские донжоны необязательно забрасывали или сносили, их дополняли, изменяли, встраивали в более крупные и новые ансамбли. Так было с лондонским Тауэром, где кубический донжон был построен в 1078 г., а стена - в 1097 г., затем они достраивались в 1129-1130,

¹⁰⁴ Mortel K, Deschamps P. Recueil de textes relatifs à l'histoire de l'architecture... [810]. Vol. II. P. 215.

¹⁰⁵ Schmiedt G. Città e fortificazioni... [860].

¹⁰⁶ La chanson de la croisade albigeoise... Vol. II. P. 248.

1171-1178 и 1190 г.; в последний год, судя по израсходованной сумме в 2881 фунт стерлингов, строительство велось с большим размахом. Вообще отношение к старым крепостям было разным: то, скорее по политическим, чем по военным мотивам, их сносили и забрасывали места: например, после восстановления 1173-1174 гг. Генрих II приказал скрыть множество баронских замков; в правление Иоанна Безземельного в Англии разрушили около 12 замков; то использовали земляные насыпи и фундамент, а укрепления возводили заново, не прибегая к уже существующим постройкам: так, новый замок Ангеррана III в Куси ничем не напоминал предыдущий; то постройки феодальной эпохи (особенно каменные донжоны) рассматривались как достаточно пригодные к тому, чтобы их сохранить.

В общем, новых построек было больше, чем обреченных на разрушение: археология и письменные источники свидетельствуют о существовании густой сети замков, хотя из-за недостатка документов предшествующей эпохи нам неизвестны многие ранее существовавшие укрепления. Князья вели систематическое строительство: Фридрих II - в Сицилийском королевстве, Филипп Август - в королевском домине, Эдуард I - в Гиени и Уэльсе. Сосредоточение власти в одних руках привело к увеличению количества замков, которыми владел один человек или одна династия. Список «замков и крепостей, которые держит Филипп, король французов» (Филипп Август), составленный после крупных завоеваний в период его царствования, перечисляет более сотни мест, из которых 45 - в Нормандии. По воцарении Генриха II Плантагенета в 1154 г. в Англии насчитывалось 49 королевских замков и 225 баронских; спустя 60 лет, в 1214 г., соотношение было соответственно 93 и 179. В 1220 г. английский король владел в герцогстве Гиени 10 замками, в 1250 г. - 14, в 1294 г. - 32 (и более 11 на совместных началах). Около 1300 г. графу Прованса принадлежало 40 замков. Заметим также, что, помимо крепостей, находившихся в личном владении королей и владетельных князей, появлялось все больше замков «присягнувших» вассалов, которым они были переданы за клятву, и «возвратные», которые вассалы должны были вернуть сеньору на время, необходимое тому для обеспечения обороны¹⁰⁷. Начиная с 1186 г. в герцогстве Бургундском, где на 7000 кв. км приходилось 70 замков, большинство из тех, что не принадлежали герцогу, были замками «присягнувших» вассалов и «возвратными» замками. В ту же систему обязательств стремились включить и замки, которыми владели в качестве арьер-фьефов.

В эту эпоху произошел быстрый рост количества укрепленных домов (отличавшихся от простых) и сеньориальных поместий с оборонительными сооружениями, которые государи охотно разрешали строить, видя в них средство все большего подчинения населения. Укрепленные сооружения были се-

рьезным препятствием для обычного бандитизма и насилия, но нисколько не угрожали их собственной власти. Ко всем регионам можно отнести следующее определение укрепленного дома в графстве Форэ: «частное хозяйство, более или менее признанное общественно полезным в соответствии со своей значимостью и достоинством сеньора, наделенного графом низшими судебными полномочиями, дабы позволить сеньору пользоваться властью»¹⁰⁸. Часто владетельный князь устанавливал некоторые ограничения для укрепленного дома. Так в 1223 г. поступил Тибо, граф Шампани, с домом, построенным в Живри неким Анри де Мирво: «Я позволил названному Анри или его наследнику построить возле этого дома стену высотой в пятнадцать с половиной футов и толщиной в два с половиной фута, без рва и турели, без дозорного пути для лучников и бойниц для арбалетов так, чтобы она была только голой стеной»¹⁰⁹.

На строительство больших, единственно пригодных в военном отношении, крепостей власти без колебаний выделяли значительные суммы, о которых иногда можно узнать благодаря менее скудным документам. Строительство в 1180-1190 гг. донжона в Дувре обошлось почти в 4000 фунтов стерлингов. В 1196-1198 гг. Ричард Львиное Сердце приказал построить комплекс укреплений, чтобы преградить течение Сены, защитить Руан, блокировать французские аванпосты Жизор и Верной. Основной частью этого комплекса стал будущий Шато-Гайар, названный тогда «прекрасной крепостью Рока». Счета позволяют увидеть раскладку расходов, которые в итоге достигли 21 203 фунта стерлингов¹¹⁰.

Перечень затрат	Стоимость, фунт стерлингов			
	Материалы	Транспорт	Плата за работу	Всего
Транспорт и чернорабочие		1010	2432	3442
Камень	2030	425	650	3105
Дерево	1005	251	838	2094
Песок, раствор, штукатурка	^395		1002	1397
Металл (включая веревки и канаты)	160		113	273
Землекопы, охранники и привратники	5276		5616	10 892

В правление Иоанна Безземельного, по крайней мере, на пять королевских замков в Англии было истрачено (1000 или более фунтов стерлингов):

- Корф: 400

-Дувр: 1000 (с 1207 по 1214 г.)

¹⁰⁸ *Neujbourg G. de. Châteaux et maisons fortes // Bulletin de la Diana. 1948. N 31. P. 228-231.*

¹⁰⁹ *Mortel K. Deschamps P. Recueil de textes relatifs à l'histoire de l'architecture... [810]. Vol. II. P. 233.*

¹¹⁰ *Renn D. F. Norman Castles in Britain [840]. P. 20.*

- Кенилворт: 1 000 (в основном с 1210 по 1215 г.),
- Нейрсборо: 1300 (с 1203 по 1212 г.),
- Скарборо: 2000.

По данным казначейских свитков (Pipe Rolls) о расходах на возведение и ремонт замков в 1155-1212 гг., налоговые поступления за 1210-1211 гг. соответствуют самой большой сумме, затраченной на строительство: 2893 фунта стерлингов¹.

Чтобы понять, насколько велика эта сумма, можно сравнить ее с жалованьем наемников: укрепление Шато-Гайара равноценно плате за 2 544 436 дней службы сапера или пешего сержанта, т. е. по 7000 фунтов в год. Стоимость менее грандиозных проектов также была довольно высокой. Вот пример среднего королевского замка - Орфорда, возведенного в Саффолке в 1165-1173 гг. и состоящего из многоугольного донжона с тремя прямоугольными башенками по бокам, окруженного куртиной и рвом: его постройка стоила 1400 фунтов стерлингов, т. е. жалованье пехотинца за 336 000 дней службы; если предположить, что три пятых общей суммы пошли на оплату рабочей силы по той же расценке, что и пехотинцам, исходя из 250 дней в году, то эта цифра соответствует работе в течение 8 лет бригады из 85 землекопов, строителей и лесорубов. Другой пример: восьмиугольный донжон и стена, построенные в 1207-1212 гг. в Одигеме (Хэмпшир), обошлись более чем в 1000 фунтов стерлингов.

Для этой эпохи было обычным, чтобы, согласно смете на башню, которую Филипп Август приказал построить в Вильнёф-сюр-Ионн, высота стены равнялась 27,26 м, толщина стены - 4,95 м, внутренний диаметр - 6,60 м, ширина рва - 13,20 м, глубина рва - 6,60 м, предусматривались два подъемных моста, деревянная галерея, укрепленная железом; все это должно было стоить 1600 парижских ливров, т. е. плата пешего сержанта за 48 дней службы². В конце XIII в. Эдуард I приказал построить 10 крупных замков в Уэльсе: Билт, Эбериствит, Флинт, Радлан, Ратин, Хоуп, Конвэй, Бомэрс, Харлек, Кэрнарвон. За 1277-1292 гг. расходы только на 5 этих замков составили 25 000 фунтов стерлингов. С 1277 по 1304 г. только на Радлан истратили 9292 фунта стерлингов, что равноценно плате за 1 115 040 дней службы пехотинца. Правда, это была грандиозная постройка: широкий, 15-метровый ров, первая 400-метровая стена с множеством башенок, двумя воротами и потайным ходом; затем сама крепость ромбовидной формы, 220 м в периметре, снабженная 6 цилиндрическими башнями. Высота стены крепости с зубцами равнялась 16 м, а высота башен - 22 м (рис. 1, 2).

¹ Brown R. A., Colvin H. M., Taylor A. J. The History of the King's Works [826]. Т. II. P. 1023.

² Vallery-Radot J. Le donjon de Philippe Auguste à Villeneuve-sur-Yonne et son devis // ChG. 1964. N 2. P. 106-112.

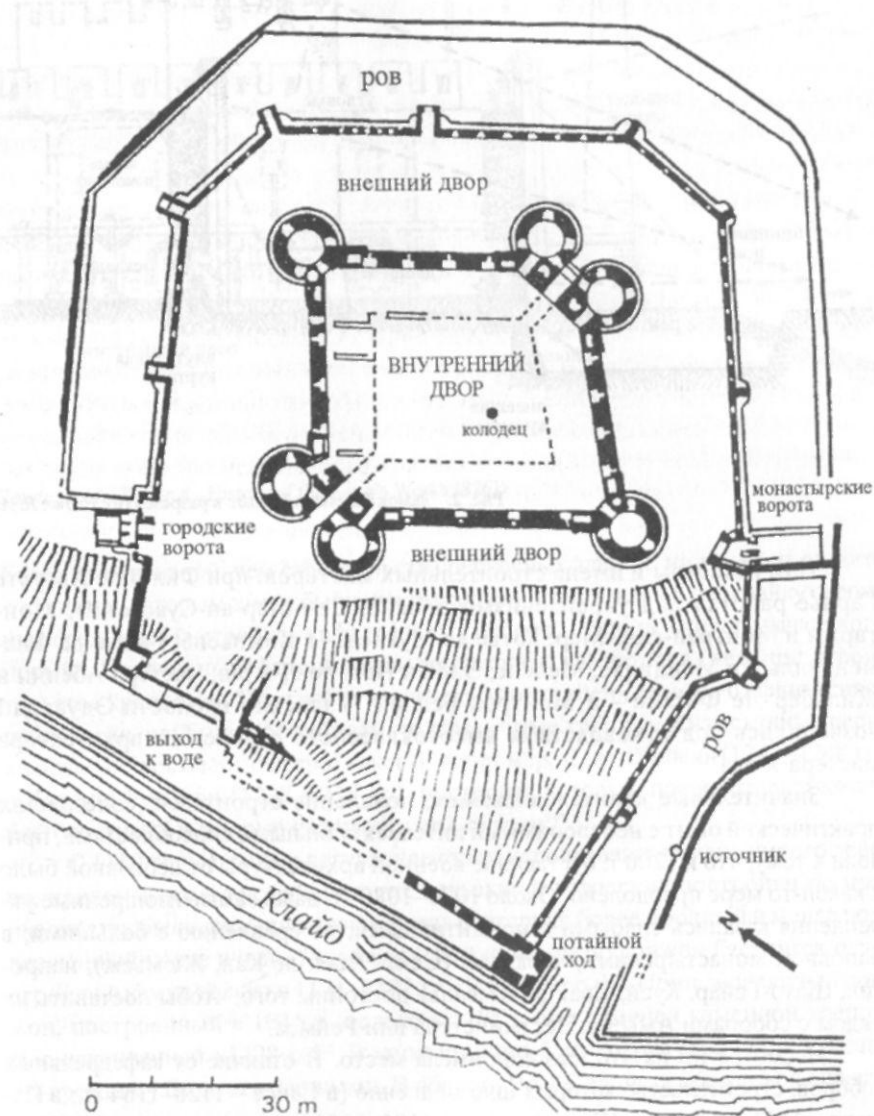

Рис. 1. Замок Радлан в Уэльсе
(По: Brown R. A., Colvin H. M., Taylor A. History of the King's Works [826])

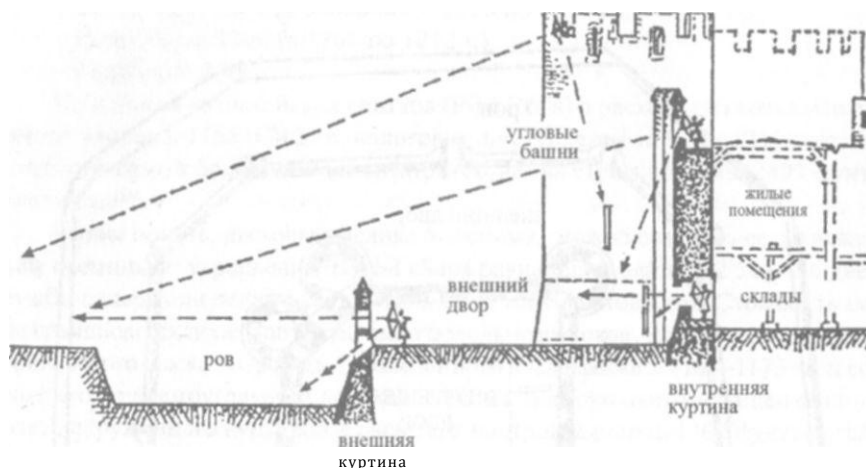

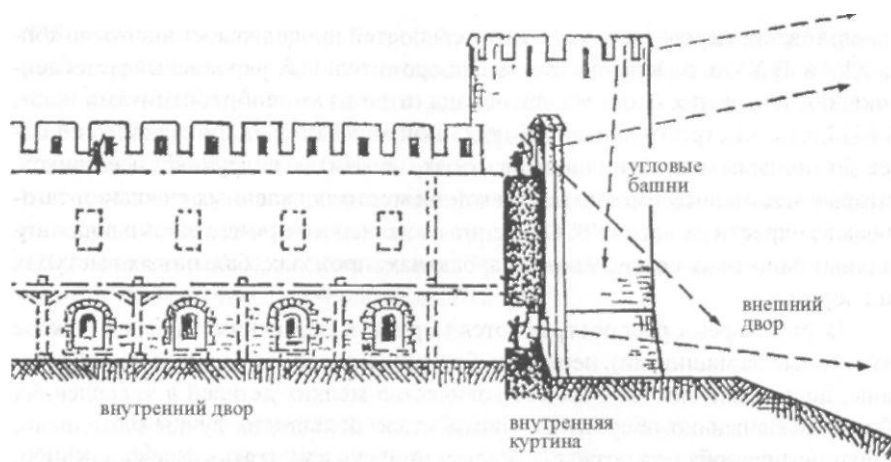
Рис. 2. Замок Радлан в Уэльсе в разрезе (По: Brown R. A.,

Нам известны и имена строительных мастеров: при Филиппе Августе Гарнье работал над укреплениями в Лане, Сен-Мар-ан-Суассоннэ, Монтаржи и Монтрей-сюр-Мер; Готье де Муллен - в Компьене; Гийом де Фламенвилль - в Мондидье, Мелене, Эвре и Пон-де-Л'Арш; мастера Абелин и Жильбер Ле Фоссье - в Монтрей-Беллей. Уэльские крепости Эдуарда I возводились под руководством высококлассного савойского архитектора мастера Жака¹¹³.

Значительные капиталовложения, появление строителей, сочетавших практический опыт неоспоримыми интеллектуальными способностями, привели к тому, что к 1200 г. отставание военной архитектуры от церковной было в какой-то мере преодолено. Около 1070-1080 гг. даже самые изощренные укрепления казались слабыми и примитивными, по сравнению с большими, в основном монастырскими, церквями (Сент-Этьен де Кан, Жюмьеж); напротив, Шато-Гайар, Куси, Крак де Шевалье достойны того, чтобы поставить их рядом с соборами Амьена, Вестминстера или Реймса.

Несмотря ни на что, разница имела место. В отличие от кафедральных соборов, строительство которых шло медленно (в Сансе - 1128-1164 гг.; в Париже - 1163-1220 гг.; в Шартре - около 1195-1260 гг.), многие крепости были построены очень быстро: основная часть Шато-Гайара - за год («Вот прекрасная дочь одного года», - говорил Ричард Львиное Сердце), Куси - за пять лет. И это происходило не только потому, что технология строительства замков была

¹¹³ Taylor A. J. Master James of St. George [844].

Coivin Я. М., Taylor A. History of the King's Works [8261]

более примитивной, чем строительства церковных зданий, но также из-за того, что князья, которым замки были нужны срочно, вкладывали в постройку огромные средства. На стройках кафедральных соборов, если не считать начального порыва, было меньше каменщиков, землекопов, камнетесов, чем при строительстве крепостей. Темп работ в значительной степени зависел от финансирования; если оно было постоянным, то даже самые крупные и изысканные церкви возводились очень быстро: таковы, например, Сент-Шапель (1243-1248 гг.) аббатство Руаймон (1228-1235 гг.), постройке которых покровительствовали благочестивые и щедрые капетингские монархи⁴.

С 1150 гг. все чаще и регулярнее стали использовать камень вместо дерева, причем даже в тех районах, где сельские и городские постройки по преимуществу были деревянными. Камень (материал более прочный и менее подверженный порче и огню) взял верх далеко не сразу: донжон Гастингса перестроили в камне только в 1171-1172 гг. «В Монтеро-фо-Ионн деревянный донжон, построенный в 1015 г., только в 1196 г. был заменен каменной крепостью, законченной в 1228 г.»⁵. В замке Руминьи близ Рокруа около 1172 г. башни по-прежнему были деревянными. В области Во, в Савоие, в Женевской области

⁴ Согласно Гийому де Сен-Патю, Людовик Святой потратил 40 000 турецких ливров «и более» на Сен-Шапель в Париже и 100 000 парижских ливров на аббатство Руаймон (Mortel Y., Deschamps P. Recueil de textes relatifs à l'histoire de l'architecture... [810]. Vol. II. P. 241-242).

⁵ Hubert J. L'ancien château de Montereau-fault-Yonne // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. 1954-1955. P. 56-57.

использование дерева в строительстве крепостей продолжалось вплоть до конца XIV в. В XV в. в Эвре «на стройке оборонительных укреплений ремесленники по дереву неоспоримо преобладали над камнеобработчиками <...>. В 1417 г. на 12 строительных рабочих, чинивших стены, приходилось не менее 36 плотников и 15 пильщиков досок, не считая подручных и возчиков, которые занимались именно доставкой на место поваленных стволов и заготовок из окрестных лесов»⁴. Особенно часто дерево применялось в дополнительных защитных сооружениях: барбаканах, проходах, балконных выступах над воротами.

В то же время распространяются мерлоны, деревянные галереи (вскоре замененные на машикули), переходы, балконные выступы над воротами, барбаканы, подъемные мосты; большее количество мелких деталей в укреплениях облегчало ближнюю оборону. Лучников стало больше, их лучше размещали, использование арбалета позволило систематически прибегать к фланкированию. Чтобы затруднить штурм с помощью лестниц, надстраивали куртины. Высоту башен увеличивали, несомненно, из-за желания достичь рекорда, как и в случае с большими готическими кафедральными соборами: в Куси донжон был облицован до высоты 20 м, тогда как его общая высота составляла 55 м. Случалось также, что добавляли вторую стену. Башенная кровля была лучше укреплена благодаря тому, что ее делали из свинца и камня и крепили не на балках или досках, а на сводах. Более мощные и высокие башни куртин придвигались ближе друг к другу: следовательно, они могли обороняться самостоятельно и одновременно были тесно связаны со всем строением при помощи галерей и дозорных путей. Против подкопов подножие крепостных стен стали укреплять и утолщать, а скаты рвов - покрывать камнем. Иногда увеличение количества и усиление башен даже приводили к тому, что донжон становился бесполезным, как в замках Каркассона и Анжера.

Возможно, наиболее значительные, во всяком случае, самые заметные, изменения происходили в самой планировке, когда все чаще объединяли разные элементы. В конечном счете остановились на простых и рациональных типах геометрических фигур: восьмиугольник (Кастель дель Монте), треугольник (Куси), чаще всего четырехугольник (Гент, Каркассон, Лувр Филиппа Августа, Дурдан, Рокетайад, Вилландро, уэльские замки Эдуарда I, крепости, построенные Петром II и Филиппом Савойскими).

Наконец, некоторые замки выделялись своими необъятными размерами: таковы Дувр, Шато-Гайар, Сафет - огромная крепость ордена тамплиеров в Святой земле, построенная за два с половиной года (1240-1243 гг.), которая якобы стоила, как сообщает современный текст, 1 200 000 сарацинских безантов. Возведенную на потухшем вулкане крепость высотой 850 м окружала

⁴ Plaisse A. et S. La vie municipale à Evreux pendant la guerre de Cent ans. Evreux, 1978. P. 103.

825-метровая стена, перед которой был ров; ее высота достигала 22 м, а ширина верхней части - 3,30 м; затем шел внутренний ров глубиной 15,40 м и шириной 13,20 м; за рвом находилась внутренняя крепостная стена высотой 28,6 м, следовательно, она была выше первой на 6,6 м. Вторая стена включала, по крайней мере, семь башен, толщина стен которых составляла 4,4 м. Согласно источнику, в котором приведены эти точные цифры, гарнизон Сафета был сродни населению небольшого города: 1700 человек в мирное время, 2200 во время войны, в числе которых 50 рыцарей, 80 сержантов, 50 туркополов, 300 арбалетчиков, 400 рабов и 820 слуг⁷.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За исключением отдельных действий, совершаемых под влиянием внутренних побуждений и особых потребностей, войну невозможно понять вне исторического контекста. Войны - порождение своего времени, и синхронность изменения их характера вместе с эволюцией общества особо показательна. В 1150-1300 гг. война неизбежно меняется, как и все общество, но не всегда в том же темпе из-за возможных несовпадений.

Войне благоприятствовало усовершенствование механизма управления армиями, а также правосудия, финансов и Церкви: управление стало более сложным, строгим и точным. Мобилизация во флорентийскую армию в 1260 г. представляет собой образец точности и предусмотрительности. В более широком государственном масштабе замечательную сноровку в области военной администрации продемонстрировали чиновники Эдуарда I и Филиппа Красивого. Военный учет, призыв, снабжение, оплата отныне были доверены управленцам, достигшим высокого мастерства благодаря постоянному использованию документации. Вот три примера, позволяющие понять, какого уровня сложности достигла военная организация. Первый относится к командному составу. С 9 февраля 1260 г. во Флоренции перед летним походом на Сиену прежде всего назначили предводителей и администраторов будущей армии: шесть гонфалоньеров рыцарей, по одному из *сестьеры* (*sesto*), каждого из них сопровождали два комиссара (*distringitores*) и двое советников, шесть гонфа-

⁷ Huygens R. B. C. Un nouveau texte du traité *De construtione caslri Saphel* [871]. Этот гарнизон может показаться огромным: однако по В. Урбану (*Urban W. The Organization of Defence of the Livonian Frontier...* [290]), в каждом замке Тевтонского ордена на ливонской границе находились двенадцать рыцарей и чуть больше тяжеловооруженных всадников, сотня солдат, наемников или местных ополченцев, в известных случаях крестоносцев, и, наконец, слуг. Согласно Виолле-Дюку, для защиты Каркассона требовалось 1320 человек (*Fino J. F. Forteresses de la France médiévale...* [783]. P. 215). В 1202-1203 гг. гарнизон Эвре насчитывал до 50 рыцарей, 20 конных сержантов, 25 пеших арбалетчиков и 300 сержантов (*Audouin E. Essai sur l'armée royale au temps de Philippe Auguste* [226]. P. 47, 62, 79, 90).

лоньеров арбалетчиков с тем же количеством комиссаров и советников, причем такое же сопровождение было у шестерых знаменосцев лучников, шестерых знаменосцев отрядов из привратных кварталов (*poste campī*) и гонфалоньера рыцарей повозки; потом шли пятьдесят рыцарей повозки, гонфалоньер и пехота повозки, знаменосцы и сеньоры рынка, знаменосцы «опустошителей», гонфалоньеры павезьеров, армейские казначеи, знаменосцы вспомогательных отрядов; наконец, чиновникам поручался набор воинов в окрестных приходах, тогда как другие собирали мулов, скот, продовольствие»¹²⁰.

Второй пример взят из истории Неаполитанского королевства в анжуйскую эпоху: в двух актах (от 19 и 20 ноября 1277 г.) Карл I приказал казначеям выплатить Гоше Бело, своему служащему, 5070 унций золота для выдачи аванса наемникам, рыцарям, оруженосцам, конным и пешим арбалетчикам. Этот аванс на период с 15 сентября по 15 декабря 1277 г. должны были записать в «трех одинаковых тетрадах», перечислив там «подробно, ясно имена и прозвища каждого из нанятых», размер аванса, день и место выплаты, и «сказать об отсутствии тех, кого нет»; одна из этих тетрадей должна была храниться у Гоше Бело, другая - у рыцаря Пьера де Уго или у вице-маршала Адама Фурра, третья - у служащего Генриха Бара и рыцаря Луки де Сент-Эньяна»¹²¹.

Третий пример - также о плате наемникам, на этот раз в Англии: в 1300 г. Джон Боутур участвовал в походе на Шотландию с отрядом численностью от 6 до 8 человек. 12 сентября того же года Робер Бавен, один из его рыцарей, вел расчеты с казначейством Эдуарда I за период с 4 июля. Жалованье, которого он требовал, составляло 61 фунт 14 шиллингов. Бавен получил грамоту на передачу ему вместо 30 ливров фермы Сент-Бриавель; между тем он уже получил вина и продовольствия на 13 фунтов 4 шиллинга 8 пенсов: таким образом, ему оставалось получить еще 18 фунтов 9 шиллингов 4 пенса. Но на этом дело не закончилось: Бавен потребовал 134 фунта 13 шиллингов 4 пенса за лошадей, погибших во время похода на Фалькирк в 1298 г., свыше 30 фунтов 5 шиллингов 1 пенса жалованья, которое ему задолжали за службу в качестве рыцаря-баннерета в доме короля. В целом задолженность Бавену составила 111 фунтов 7 шиллингов 9 пенсов, и он удовлетворился признанием этой суммы казначейством в расчете на скорый возврат¹²².

Одновременно с успехами в области управления, благодаря увеличению количества ремесел, повышению качества их продукции, стали возможны и технические достижения: изменение вооружения, появление и распространение более современных машин, развитие замкового строительства и осадного искусства.

¹²⁰ Paoii C. Il libro di Montaperti... [223].

¹²¹ Bouard A. de. Documents français des archives de Naples (règne de Charles Ier). Vol. I: Les mandements aux trésoriers. Paris, 1933. P. 37-38.

¹²² Preshevich M. War, Politics and Finance under Edward I [907].

Стало больше людей, богатства, денег - все это позволило государствам проводить более масштабные или более длительные мобилизации и осуществлять военно-политические мероприятия большего размаха. Во время «похода на Арагон» 1285 г. Филипп III Смелый истратил 1 228 751 турецкий ливр на содержание почти 19 000 человек, из них 4000 тяжеловооруженных всадников, 2700 легких всадников и 12 000 пехоты¹²¹.

Военные операции Эдуарда I с 1294 по 1298 г. обошлись английской казне в 750 000 фунтов стерлингов (или 3 000 000 турецких ливров). В правление Филиппа Красивого расходы на войну в Гаскони и на море достигли 2 125 200 турецких ливров¹²².

Тогда же стали производить массовые закупки оружия: в 1295 г. для войны в Аквитании Филипп Красивый приказал приобрести в Тулузе 2000 арбалетов с одним или двумя рычагами, 1000 поддоспешных камзолов, 3000 бацинетов и 3000 нашейников. В 1314 г. в арсенале Венеции насчитывалось 3067 кирас, 2770 железных шишаков и 2950 латных нашейников (collaria).

Очевидно, такие же огромные суммы расходовались на усиленный набор, «по призыву или за плату»¹²³. Когда прибегали к услугам подданных, верных людей, вассалов или граждан, использовали все возможные виды чистого или смешанного, явного или скрытого наемничества. В случае опасности в городах за оружие бралось почти все боеспособное мужское население (в некоторых случаях для оборонительных работ привлекались даже женщины). Крупномасштабную мобилизацию могли провести и в округе: в 1325 г., в год битвы при Альтопашо, Флорентийское государство с населением около 400 000 человек выставило, если не считать его союзников гвельфов, 1500 наемных и 500 флорентийских всадников и, возможно, 15 000 пехотинцев. Из каждых 6-7 взрослых мужчин один мог быть призван¹²⁴. В 1298 г. в Англии 5% взрослого мужского населения призвали в армию, которая насчитывала 25 700 пехотинцев и, по меньшей мере, 3000 всадников. Сохранившаяся документация не позволяет сделать такие же точные подсчеты для Французского королевства в эпоху Филиппа Красивого. По крайней мере, нам известно, что в 1304 г. этот король потребовал от крупных сеньоров Тулузэна, Каркассэ, Перигора, Руэрга, Оверни и Бокера предоставить 2016 тяжеловооруженных всадников и 17 350 пеших сержантов; несомненно, речь шла не только об ожиданиях, ничто не указывало на то, что они оправдались, но и о денежных взносах вместо

¹²¹ Recueil des historiens des Gaules et de la France. Vol. XXI. R 516-517.

¹²² Boutaric E. Mémoire anonyme sur la guerre contre l'Angleterre // Notices et extraits des manuscrits. Vol. XXe. P. 123-129.

¹²³ Recueil des historiens des Gaules et de la France. Vol. XXIV. P. 758.

¹²⁴ Приблизительным подсчетам этому времени в Тоскане проживали около 2 000 000 человек. Получается, что население Флорентийского государства составляло всего шестую часть от этой цифры.

людей (из расчета один тяжеловооруженный всадник от каждого дворянина с доходом в 500 ливров и 6 пехотинцев от 100 дворов); конечно, эти деньги шли на наем такого же числа бойцов. Более того, старались, чтобы все области королевства внесли свой вклад: отсюда и призыв в том же году, на этот раз вполне реальный, к сеньорам, которым надлежало прибыть на место сбора «спустя две недели после Святого Иоанна <...> с определенным числом всадников и пехотинцев». В призывных списках эти сеньоры были сгруппированы по месту проживания: Тулуза, Каркассон, Перигор, Руэрг, Бокер, Иль-де-Франс, Берри, Нормандия, Пуату, Шампань, Бретань, Мэн, Анжу, Турень, Перш, Лимузен, Бургундия, Вермандуа, Бовези, Артуа, Корби, Понтье, Вандомуа, Овернь и Лионнэ¹²⁵.

Были предложены грандиозные проекты: Фиденцо Падуанский в «Книге о возвращении Святой земли» (*Liber recuperationis Terre Sancte*), написанной между 1266-1291 гг., полагал, что в новом крестовом походе должны участвовать, помимо множества пехотинцев, от 20 000 до 30 000 всадников (и среди них - большое число лучников). Он предлагал также создать в Святой земле постоянную армию (*militia continua, stabilis et diuturna*) усилиями епископств, аббатств и городов христианского мира. Их количество было так велико, что достаточно было, чтобы каждый без особого ущерба для себя предоставил небольшое количество рыцарей¹²⁶.

В 1323 г., в преддверии нового крестового похода, посольство к папе Иоанну XXII, возглавляемое Карлом Валуа, обнародовало следующие цифры: 5000 тяжеловооруженных всадников (1000 из них должны были содержать госпитальеры, разбогатевшие за счет казны тамплиеров), 15 000 пехотинцев, при общих годовых издержках в 1 600 000 турецких ливров, и все это на пять лет. Иначе говоря, проектируемый крестовый поход должен был стоить 8 миллионов турецких ливров¹²⁷.

Однако даже в конце XIII в. крупномасштабная война не всегда была уделом богатых государств. В Германии, Шотландии, Ирландии, части Иберийского полуострова происходили мелкие грабительские рейды воинственных пастухов (Испания), народные восстания (швейцарские кантоны, Уэльс, Шотландия), «близкие к бандитизму частные» операции, рыцарей и бургграфов Рейнской долины, Швабии, Франконии и Баварии. Даже самым могущественным монархам удавалось собирать крупные армии только на несколько недель в году; к тому же их усилия могли кончиться ничем, натолкнувшись на усталость, недовольство или гнев подданных, для которых война (и сопутствовавшие ей налоги) в христианском мире должна была быть чем-то исключительным или, по крайней мере, временным.

¹²⁵ Recueil des historiens des Gaules et de la France. Vol. XXIII. P. 792-795.

¹²⁶ Fidence de Padoue. Liber recuperationis Terre Sancte [218].

¹²⁷ Petit J. Charles de Valois (1270-1325). Paris, 1900. P. 395-400.

ГЛАВА IV

НАЕМНЫЕ ОТРЯДЫ, АРТИЛЛЕРИЯ, ПОСТОЯННЫЕ АРМИИ (начало XIV - конец XV в.)

1. ВОЙНА В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Начиная с последних лет XIII в. и до конца XV в. и далее, специалист по истории войн и армий имеет в своем распоряжении все более и более значительную и разнообразную документацию (конечно, неравномерно распределенную в географическом отношении), которая позволяет ему отвечать на большее число вопросов и даже (по крайней мере, для некоторых регионов или избранных проблем) делать какие-то выводы количественного характера.

Это увеличение числа источников обнаруживается не только в сфере литературы: на самом деле героические эпосы XII—XIII вв. уделяют практике войны и воинской этике не меньше места, чем рыцарские романы, новеллы, фарсы и сказки следующего периода. Но нарративные источники, все чаще использующие народно-разговорный язык, уже дают достаточно точные и подробные сведения, позволяя более конкретно и полно представить себе ход некоего сражения, перипетии какой-либо осады, приключения такого-то воинского отряда, подвиги такого-то военачальника. Более того, появляются дидактические трактаты, посвященные искусству войны, воинской дисциплине, организации армий. В качестве примера приведем трактат, который около 1327 г. Феодор Палеолог (1291-1338 гг.), второй сын Андроника II и Виоланты-Ирины Монферратской, написал по-гречески, а потом перевел на латынь, причем последняя версия, в свою очередь, была переведена на французский язык Жаном де Винье в конце XIV в. для герцога Бургундского Филиппа Храброго под названием «Сведения и наставления для государя, каковой должен вести войны и править большими землями»; «Древо сражений», своеобразный учебник по военному праву, написанный на основе трактата итальянского юриста Джованни ди Леньяно «О войне, о наказаниях и о поединке» (*De bello, de represaliis et de duello*) (1360 г.)², который бенедиктинец Оноре Бове, приор

¹ Bastin J. Le traité de Théodore Paléologue dans la traduction de Jean de Vignai [301].

² Legnano G. da. Tractatus de Bella... [916].

Селонне в епархии Амбрен и доктор канонического права, завершил в 1386-1387 гг. и посвятил юному Карлу VI³; «Книга боевых и рыцарских деяний», написанная Кристиной Пизанской в 1410 г.⁴; трактат середины XV в., сочиненный, возможно, Мерленом де Кордебедом, «о том, как бывают облачены воины королевства Франции, как пешие, так и конные»; трактат «Юноша», который Жан де Бюэй, «лев границ», как величает его Жорж Шатлен, написал (или велел написать) около 1460-1470 гг., чтобы подытожить свой долгий боевой опыт⁵; «Беллифортис», где в начале XV в. Конрад Кизер описал военную технику своего времени и предложил несколько машин - плод своего воображения⁶; и еще одна работа, близкая по характеру, испытавшая большое влияние давней традиции, восходящей к анонимному автору сочинения «О военном искусстве» IV в. н. э., - трактат «О машинах» (*De Machinis libri X*), который в 1449 г. написал Мариано ди Джакопо Таккола⁷.

От этого периода сохранились также военные уставы и указы, иногда объединенные в настоящие своды: это «Устав наемных воинов» Флорентийской республики за 1369 г.; большой ордонанс, утвержденный Карлом V 13 января 1374 г. и считавшийся настолько важным, что в конце XV в. адмирал Луи Мале де Гравиль хранил его копию⁸; военные ордонансы Карла Смелого, особенно тот, что был утвержден в церкви Санкт-Максимин в Трире в октябре 1473 г., и один экземпляр которого выдавался каждому капитану вместе с командирским жезлом; «Статуты, предписания и обычаи, каковые следует исполнять войску», утвержденные Ричардом II в Дареме 17 июля 1385 г. с «одобрения и согласия» Джона, герцога Ланкастера, сенешаля Англии, Томаса, графа Эссекса и Бекингема, коннетабля Англии, и Томаса де Маубрея, графа Ноттингема, маршала Англии, «Статуты и предписания, которые должны выполняться во время войны», утвержденные Генрихом V в 1419 г., существующие в латинском и английском вариантах; военный устав похода на гуситов, выработанный на Нюрнбергском рейхстаге 9-10 мая 1431 г., сохранился его французский перевод того времени; наконец, различные приказы и походные уставы, касающиеся действий войск швейцарских кантонов¹⁰.

³ Bonel H. L'arbre des batailles [913].

⁴ Christine de Pizan. L'art de chevalerie [12]; Английский перевод XV в.: The Book of Fayttes of Armes and of Chyualrye [13].

⁵ Belval R. de. Du costume militaire des Français en 1446 [541].

⁶ Bueil J. de. Le Jouvencel [9].

⁷ Kyeser C. Bellifortis [543].

⁸ Taccola M. De Machinis [545].

⁹ British Library. London. Ms. Sloane 2423.

¹⁰ По крайней мере начиная с конца XV в. возникает обычай объявлять в каждой армии после ее сбора нечто вроде общего указа с перечислением правил дисциплины. Именно это советует государю, которому адресован его труд, Филипп Клевский, сеньор де Равенштейн, в своем «Поучении по основным пунктам военного искусства»: пусть «полевые оповещения» обсуждают-

Известны и «экспертные оценки», такие, как адресованная Гильбером де Ланнуа в 1436 г. Филиппу Доброму" или составленная за год до этого сэром Джоном Фастолфом специально для правительства Генриха VI¹²; в Италии - «Руководство войском и его обучение» Орсо дельи Орсини, герцога Асколи и графа Нолы, составленное в 1447 г. специально для Альфонса I Арагонского Великолепного¹³, «Мемуары» Диомеде Карафы, также верного слуги Арагонского дома (1478-1479 гг.)¹⁴, и небольшой трактат о войске, который Кьерегини Кьерикати в 1471 г. посвятил кардиналу Орсини¹⁵. Очень содержательна и военная корреспонденция, например сохранившаяся переписка между Карлом VIII, Луи де Ла Тремуьем и разными капитанами во время бретонской кампании 1488 г.¹⁶

Судебные архивы (во Франции - фонды парижского парламента и грамоты о помиловании, выданные королевской канцелярией) не только позволяют подсчитать количество мелких военных эпизодов и взглянуть на разные аспекты деятельности военных с точки зрения права и закона, но и дают точный социальный срез военного сословия. Даже в книгах записей нотариусов или письмоводителей есть перечни, завещания, акты о передачах, где сторонами-участниками являются воины.

Но, может быть, самая полезная и в то же время самая обширная документация - это финансовые архивы общественного и, реже, частного характера: бухгалтерские документы, составленные городскими, княжескими, королевскими властями, дают возможность узнать о принципах набора армии, о численности личного состава и ее изменениях, о расходах; позволяют разглядеть не только командиров, но и простых солдат; увидеть, как решались проблемы индивидуальной и коллективной экипировки и снабжения продовольствием.

Письменной документацией дело не ограничивается. Значение имеют и неписанные источники. Важные результаты порой дают раскопки на полях сражений: так, в Алжубарроте (Португалия) обнаружены ямы, расположен-

ся в штабе, потом излагаются письменно и вручаются маршалу войска «для оглашения оных вашим армейскими офицерами и трубачами, где сие потребуетя, и на стольких языках, сколько будет народов в вашем войске» (British Library. London. Ms. Lansdowne 804, f. 93 r°. - Французский перевод устава для войны с гуситами см.: Wolfram G. Die Metzger Chronik des Jaique Dex über die Kaiser und Könige aus dem Luxemburger Hause // Quellen zur lothringischen Geschichte herausgegeben von der Gesellschaft für lothringische Geschichte und Altertumskunde. Metz, 1906. Bd IV. S. 377-394).

¹² Lannoy Gh. de. Œuvres [329].

¹³ Stevenson J. Letters and Papers [344]. T. II. P. 579-581.

¹⁴ Fieri P. Governo et exercitio de la Militia... [339].

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Zorzi C. Un Vicentino alla Corte di Paolo II... [527].

¹⁷ Correspondance de Charles VIII et de ses conseillers avec Louis II de La Trémoille pendant la guerre de Bretagne, 1488 / Ed. L. de La Trémoille. Paris, 1875.

ные рядами или в шахматном порядке, которые, как предполагается, были вырыты в 1385 г. английскими лучниками Джона Гонта, возможно, для того, чтобы вбить колья и таким образом останавливать атаки кастильской кавалерии¹⁷; обследование ям, куда были сброшены погибшие в битве при Висби (остров Готланд) в 1361 г., позволило, с одной стороны, оценить размеры людских потерь, а с другой - произвести полное научное исследование оборонительного вооружения¹⁸. До нашего времени сохранилось немало городских стен, замков, цитаделей, укрепленных церквей, фортов, домов-крепостей, возведенных или перестроенных в конце Средних веков: стены Авиньона, Йорка, Ротенбурга и Нордлингена, замки Венсенн, Фужер, Сальс, Карлштейн и Тараскон... Кроме того, из раскопок, из бережно сохраненных боевых трофеев (например, захваченных войсками швейцарских кантонов у Карла Смелого)¹⁹ или из даров по обету, принесенных тому или иному храму²⁰, но прежде всего - из бывших императорских, королевских, княжеских собраний и коллекций сеньоров в довольно большом количестве до нас дошли шлемы, латы, щиты, части конских доспехов, мечи и различное древковое оружие, наконечники стрел, арбалеты и даже знамена. Сегодня все это в основном хранится в различных музеях: в Арсенале в Тауэре и собрании Уоллеса в Лондоне, Музее армии в Париже, музее Порт де Аль в Брюсселе, замке Святого Ангела в Риме, музее Штибберта во Флоренции, музее Армерия реале в Турине, музее Реаль армерия в Мадриде, коллекции замка Амбрас в Тироле и т. д. Также нужно отметить, что львиная доля сохранившегося оружия появилась после 1450 г. и характеризуется исключительно высоким техническим уровнем и художественным качеством, поэтому не дает полного представления об оружии, действительно использовавшемся простыми воинами на поле боя.

Кроме того, в Европе сохранились десятки артиллерийских орудий всех размеров и калибров, а также несколько ядер и лафетов.

Не менее богата иконография: сколько батальных сцен и изображений воинов на фресках, в станковой живописи, на миниатюрах, рисунках, гравюрах на дереве и меди, в изваяниях, особенно надгробных, ковчегах, статуях святых воинов, на витражах, изделиях из слоновой кости, рельефах, печатях и даже на монетах и медалях!

Несомненно, можно сказать, что это обилие источников относится не только к войне, но и ко всем областям человеческой деятельности; тем не менее, величайшая популярность военной тематики в широком смысле в искус-

¹⁷ Фото см.: *Waley D. Later Medieval Europe from Saint Louis to Luther. London, 1964.*

¹⁸ *Thordemann B. Armour from the Battle of Wisby... [675].*

¹⁹ *Deuchler F. Die Burgunderbeute... [551].*

²⁰ *Mann J. A Further Account of the Armour Preserved in the Sanctuary of the Madonna delle Grazie [643].*

стве конца Средневековья сама по себе показательна: трактаты о военном искусстве в XIV-XV вв. более многочисленны, чем дидактические труды по мореплаванию, сельскому хозяйству, производству тканей и даже по торговле; источники лучше освещают развитие военного костюма, чем штатского; в миниатюрах на одну сельскую сцену приходится множество изображений осад, конных поединков или полевых сражений; что касается большого объема финансовой документации о наемниках, то он свидетельствует о значимости войны в жизни и деятельности государств.

В самом деле, кажется, что в конце Средневековья война всей своей тяжестью навалилась на латинский христианский мир, и без того духовно дезориентированный, беспокойный и даже расколотый, раздираемый глубокими политическими и социальными противоречиями, с ослабевшей и расшатанной экономикой, демографическим спадом. Война в немалой степени способствовала этому долгому периоду упадка, но в то же время депрессия и сложные ситуации, в числе прочих факторов, связанных с войной, сами провоцировали конфликты - получается некий порочный круг, из которого Запад начнет выходить, постепенно и не в полной мере, только после 1450 г. Здесь достаточно напомнить о том, что два последних столетия Средневековья видели неистовства «Больших компаний» во Франции и Испании, «компаний» наемников в Италии, «живодеров» во Франции и на западе германского мира; на это время приходится многочисленные военные столкновения, позволившие Шотландии укрепить свою независимость; Столетняя война; война за бретонское наследство; походы Филиппа Доброго и Карла Смелого, повлекшие за собой образование, а потом распад Бургундского государства; гражданские войны, династическое соперничество между иберийскими королевствами и внутри них; борьба за господство в Южной Италии; усилия Церкви по восстановлению своей власти в Папском государстве; временный захват Людовиком XI Руссильона; аннексия Бретани Карлом VIII; войны на море между Генуей и Венецией, между германской Ганзой, Данией и Англией; гуситские войны; конфликты между Тевтонским орденом и его соседями; соперничество синьорий и коммун в Тоскане и Ломбардии; экспансия турок-османов (затронувшая, правда, армии и земли латинского христианского мира лишь в малой степени); конец Гранадского эмирата; война Алой и Белой розы. Мало того, что конфликты тогда были особенно затяжными, но они, к тому же сохраняли или приобретали, вне зависимости от продолжительности, очень высокую степень напряженности. Однако, помимо больших войн, целые регионы страдали, порой десятилетиями, от общего ощущения небезопасности и разнообразных локальных проявлений насилия.

То, что в глубине коллективного сознания той эпохи постоянно присутствовала война, подтверждают рассказы путешественников, часто обращавших внимание на воинские качества народов, с которыми они встречались, на

достоинства и недостатки укрепленных зданий, увиденных ими во время паломничеств. Так, и в «Путешествии за море в Иерусалим Номпара, сеньора де Комона» читаем: «Из Мезьера в город Памье - два лье: весьма красивый город и богатый, а в оном высокий замок, сильно укрепленный. Из Памье в Фуа - два лье: это превосходнейшее место для крепости, каковая и стоит на высоком утесе, так что ни с одной стороны нет подступа - сверху выстроен замок с добрыми стенами и башнями, а у подножия град великий в тысячу очагов, стеною окруженный, пред ним же протекает река; и сказывают повсюду, что потребна лучшая крепость для такого города у подножия скалы, как этот»²¹. Путешествуя по Западной Европе в 1466 г., немецкий дворянин Лео фон Розмитель отмечает, что Пул в Англии - неукрепленный город; что Гент, несмотря на его размеры, населенность, торговую деятельность, он не решился бы назвать настоящим городом, ибо с одной стороны там нет никакой стены, он ограничен только рекой. Зато замок Анжер, как замечает Лео фон Розмитель, «расположен на равнине и полностью окружен снаружи искусственными рвами, а внутри стеной, фланкированной двадцатью пятью башнями, по каковой можно возить тачки. На каждой башне есть по одному рыцарю для защиты оной, и она столь просторна и обширна, что является его местом службы и жилищем»²².

Территориальную принадлежность человека в XV в. тоже охотно связывают с воинскими качествами рассматриваемых обществ. Свидетельство тому - «Книга по описанию стран» Жилия Волопаса, прозванного Герольдом Берри, современника Карла VII, в которой сделана попытка выработать некую военную этнографию. Вот герцогство Гиень: «Люди здешнего края отважны и легки на подъем, и добрые воины. <...> Все простолюдины - арбалетчики». Швейцарцы: «Эти люди жестоки и грубы и воюют со всеми соседями, даже если ничего от них не требуют; на равнине и в горах совместно можно собрать для войны сорок или пятьдесят тысяч человек». В Верхней Германии «добрые арбалетчики конные и пешие, и стреляют они из арбалетов, сделанных из рога и жил, арбалетов добрых, надежных и крепких, ибо не ломаются». Королевство Неаполитанское располагает «доблестными конными воинами, более многочисленными и лучше оснащенными и одетыми, нежели еще где-либо в Италии». Венгры: «Их страна часто ведет большие войны с сарацинами, и у них малые луки из рога и жил и арбалеты с воротом, из коих они стреляют, и добрые лошади; они легко вооружены, и не любят они для боя спешиваться». «Великое множество воинов» - в Чешском королевстве: «Император и знатные князья германские, вознамерившись покорить их [чехов. - *Примеч. пер.*] си-

²¹ Le Voyage d'Oultremer en Jherusalem de Nompars, seigneur de Caumont / Ed. P. S. Noble. Oxford, 1975. P. 23-24.

²² Rozmital L. von. Ritter-, Hof- und Pilgerreise. Stuttgart, 1844.

лой, вели великие битвы с ними и много людей из своих потеряли, но покорить их так и не смогли. Когда они идут на бой с немцами, они связывают свои повозки железными цепями, и есть у них палки прочные, на конце же палки железная цепь, а на цепи шар свинцовый, и каждый удар таковой палки сражает человека, и оным способом они всегда отстаивают свои укрепленные повозки»²³. Здесь можно узнать описание тактики чехов времен гуситских войн с использованием знаменитого *вагенбурга* (Wagenburg), который по-французски называли также «замком на повозке» («chastiaul sur char» или «chastel charral»). Разумеется, Герольд Берри, автор подробной хроники царствования Карла VII, не мог обойти молчанием военные обычаи англичан, которые «добрые лучники и все суть воины. И когда их король желает вести войско, чтобы воевать во Франции, либо в Испании, либо в Бретани, поскольку он воюет с королем Франции, а означенные страны в союзе с королем Франции, - он направляет их морем для высадки в оных странах, дабы заняли они там земли, какие могут, или же нашли смерть, ежели встретят упорную оборону. Люди народа сего - жестоки и кровожадны. И сами они способны в своей стране воевать друг с другом, и сражения великие устраивают, и таково свойство одного королевства, и воюют они со всеми прочими на море и на суше, и все, что добывают в чужих странах, являясь туда, отсылают в свое королевство, и тем оно богато»²⁴.

Многие авторы выражают в той или иной форме убеждение, что война настолько укоренилась в Западной Европе, что повлияла на все стороны жизни. Именно это предлагает Оноре Бове, когда, описывая миниатюру, помещенную на фронтисписе его «Древа сражений», объясняет использованный символ: «Недавно мне пришла фантазия поместить в начале книги моей древо печали, и на самой вершине одного древа вы можете видеть владык Святой Церкви, каковые терзают друг друга нападками, и распрями, и войнами <...>. Далее же вы можете видеть великий раздор, баталии и смертоубийства, каковые происходят ныне меж христианскими королями и государями. Далее вы равно можете видеть великий страх и смертоубийства в баталиях, что ведут между собой дворяне и общины». Война присутствует на всех иерархических уровнях власти и общества. Тот же автор, возвращаясь далее к аналогичной идее, пишет: «Я вижу все святое христианство столь обремененным войнами и ненавистью, воровством и распрями, что разве с великим трудом можно назвать какую малую страну, будь то герцогство или графство, чтобы вкушала она добрый мир»²⁵. Через два поко-

²³ *Le Héraut Berry. Le livre de la description des pays*/Ed. E.-T. Hamy. Paris, 1908. P. 42, 60-61, 63, 88, 98, 114.

²⁴ *Ibid.* P. 119.

²⁵ Musée Condé. Chantilly, ms. 156', f. 10 v°.

ления в иных географических и политических условиях эту же мысль повторил Иржи из Подебрада, король Чехии, в прологе к своему «Трактату об установлении мира для всех христианских стран» (*Tractatus pacis toti christianitati fiendae*), написанному в надежде на то, что «оние войны, грабежи, смуты, пожары и убийства, каковые, как мы поведали с великой печалью, охватили самый христианский мир со всех сторон и вследствие коих поля опустошены, города разграблены, провинции растерзаны, королевства и княжества отягощены бесчисленными скорбями, - наконец окончатся и полностью угаснут и люди возвратятся к должному им состоянию милосердия обоюдного и братства через посредство достохвального соглашения»²⁶. Точно так же, как и война, ее естественная антитеза, мир (если только он добрый, «не притворный», не «продажный», не «тайный» и не «худой»), которого горячо желают и призывают подданные, на который с большей или меньшей искренностью ссылаются правители и политики, мир, который превозносят официальная церковь, клирики, интеллектуалы, - конечно, одно из ключевых слов в общественной жизни конца Средневековья: все надеются, что наступивший и прочно утвердившийся мир обязательно разрешит основной кризис католического мира.

2. ЭПОХА КАВАЛЕРИИ

«Конь, как известно каждому, составляет важнейшую часть всадника»²⁷. Глядя на картины Паоло Учелло («Битва при Сан-Джермано», оба «Святых Георгия»), созерцая конные статуи великих кондотьеров XV в., рассматривая миниатюры, часто довольно посредственной работы, изображающие великие сражения Столетней войны, или ковер Жана де Дайона, сеньора дю Люда²⁸, или рисунки, иллюстрирующие жизнь и деяния Ричарда Бьючема, графа Уорика²⁹, видишь, что на театре военных действий господствует тяжелооруженный всадник, действующий преимущественно копьем и мечом, даже если ему нередко приходится спешиваться для боя. Этого всадника французские источники называют «кавалеристом», «копьем», «мечом», а также, по крайней мере в XIV в., «бацинетом» или «доспехом». В Германской им-

²⁶ Podiebrad G. *Tractatus pacis toti christianitati fiendae* [918]. P. 70.

²⁷ Жироудж. Ундина (пер. С. Брахман) // *Ла Монт Фуке, Ф. де*. Ундина. М., 1990. [Лит. памятники.] С. 304.

²⁸ Сомерсет (Англия), дом Монтерю. *Vaivref.-B. de. La tapisserie de Jean de Daillon* // *Archivum Heraldicum*. 1973. N 2-3. P. 18-25.

²⁹ Dillon V., Si-John Hope W. H. *Pageant of the Birth. Life and Death of Richard Beauchamp, Earl of Warwick*. London, 1914.

перии используются выражения «копье» (Lanze), «копье» (Spiess), «меч» (Gleve), «шлем» (Helm)³⁰. В Англии говорят: «вооруженные люди» (men at arms, homines ad arma, homines armati)³¹.

Если присмотреться внимательней, то выяснится, что категория кавалеристов не ограничивается каким-то одним, полностью стандартизованным типом воина. Прежде всего потому, что между 1320 и 1500 г. структура защитного вооружения пережила определенную эволюцию: еще в первой половине XIV в. металлические пластины закрывали только небольшие участки тела бойца (прежде всего конечности), а грудь в основном была защищена кольчужой, тогда как в XV в. и конечности, и голову, и туловище, как скорлупа, покрывает «белый доспех», тогда как кольчуга являлась незначительным аксессуаром, она прикрывала тело ниже пояса или горло. Наконец, потому, что в одно и то же время в разных регионах, а также у разных людей, в зависимости от их финансовых возможностей, доспехи различались по качеству и стилю. Около 1360 г. в Италии иногда можно было уже по внешнему виду отличить итальянского кавалериста от английского, бургундского, немецкого, бретонского или венгерского. Кроме того, кавалерист с титулом графа, барона или баннерета имел обычно не только лучшую экипировку, чем простой рыцарь, оруженосец или дворянин, не только более сильную, быструю, породистую лошадь, но и более многочисленную свиту. В соответствии с уставом для дружины, которую город Пиза собирался нанимать в 1327-1331 гг., каждый баннерет заальпийского происхождения мог иметь трех конных ординарцев (equitatores), рыцарь - двух, а непосвященный в рыцари - одного. Контракт (indenture), заключенный в Англии в 1440 г. между Хэмфри, графом Стаффордом, и сэром Эдвардом Греем, рыцарем-башельером, предусматривает, что последний за разные льготы, перечисленные весьма скрупулезно, должен будет нести службу за морем с одним оруженосцем, тремя йоменами (yeomen), одним грумом (groom), одним пажом и семью лошадьми, если останется на этом уровне дворянской иерархии; но если он станет бароном, его свита должна будет увеличиться до двух оруженосцев, четырех йоменов, одного грума, двух пажей и десяти лошадей³².

В общем и целом проявляется тенденция к увеличению и утяжелению оснащения. Во Франции середины XIV в. «доспех» (armure de fer) соответствовал двум людям (один из них боец) с двумя лошадьми. А уже в XV в. правила предписывают, чтобы в укомплектованном «копье» было три человека, все конные, из которых один - собственно кавалерист, один - вспомогательный воин, «кутилье» (coutilier), и один паж. Эта норма была принята в войсках

³⁰ *Schultze IV. Die Gleve...* [387].

³¹ *Prince A. E. The Army and the Navy* [429].

³² *Reeves A. C. Some of Humphrey Stafford's Military Indentures* [433].

Карла Смелого. Видимо, такая замена произошла в последние десятилетия XIV в., несомненно, из-за изменения тактики на поле боя. Действительно, в 1380-е гг. впервые начинают упоминать «больших слуг», сопровождающих оруженосцев и рыцарей. Убедительно подтверждает эту эволюцию Филипп де Мезьер, предлагая в уставе своего будущего ордена «рыцарства Страстей Иисусовых» следующее: пусть магистр святого рыцарства <...>, отправляясь в сражение, в походы и на войну, будет иметь при себе оруженосца в полном вооружении, малого слугу, каковой понесет его копье и шлем либо бацинет; другого, большого слугу, облаченного в жак, каковой понесет его кольчугу, и пешего слугу - он поведет вьючную лошадь; итого для войны и походов оный рыцарь будет иметь пять лошадей и четырех человек». Что касается брата-рыцаря, у него будет «для походов <...> три либо четыре лошади, смотря по его заслугам, и три человека, из которых один или двое будут бойцами»³³.

Условия *кондотты*, заключенной в 1432 г. между Флоренцией и Микелетто дельи Аттендоли, оговаривают, что каждое «копье», предоставленное последним, будет включать в себя одного капитана, одного конюшего или помощника и одного пажу с двумя лошадьми и одним ронкином (*unum caporalem, unum equitorem sive piactum, et unum paggium, cum duobus equis et uno ronzeno*). Точно так же, за исключением нескольких случаев меньшей или большей численности, «копья», которые Папское государство использовало в войнах середины XV в., состояли из одного командира копья (*caput lancee*), или носящего оружие (*armiger*), одного пажу (*pagius, rigazzus*) и, наконец, одного ординарца (*plattus, placto или platto*), причем двое последних - верхом на вьючных лошадях или мулах³⁴. В конце XV в. здесь, как и в других местах, также ощущается гигантомания: кондотта 1483 г. между Эрколе Бентивольо и Флоренцией предусматривает «четыре лошадей на кавалериста в кирасе, причем верховая лошадь кавалериста будет высокой, сильной и хорошей стати». Более того, в проекте 1472 г., относящемся к миланской армии, 136 эскадронов включают в себя всего 3604 кавалериста на 24 617 лошадей, т. е. в среднем по семь лошадей на кавалериста³⁵.

Власти, набиравшие войска, конечно, заботились о качестве вооружения и верховых животных. Пизанский устав 1327 г. не допускает, чтобы наемники имели лошадей дешевле 25 флоринов, скакунов - дешевле 15 флоринов, вьюч-

³³ Bodleian Library. Oxford, ms. Ashmolean 813. f. 24 r. - Однако в 1336 г. в походе на Пруссию под командованием графа Геннстау было задействовано 620 лошадей и столько же человек на 155 «доспехах», т. е. в «доспехе» было 4 лошади и 4 человека. Кроме того, тенденция к утяжелению особенно заметна у «профессионального» кавалериста: дворянин, несущий в тяжелой коннице вассальную службу за свой фьеф (фьефы), во второй половине XV в. часто имеет лишь двух лошадей и одного слугу.

³⁴ DaMosto A. *Ordinamenti militari...* [498].

³⁵ Visconti E. C. *Ordine dell'esercito ducale Sforzesco...* [345].

ных лошадей - дешевле 20 флоринов. Окончательную формулировку этих требований можно найти в военном уставе Карла Смелого за 1473 г.: кавалерист ордонансного копья должен иметь полный доспех, включая салат с подбородником или барбют, латный воротник, длинный, негнувшийся и легкий колющий меч, нож-кинжал, прикрепленный к седлу слева, и булаву, подвешиваемую справа, коня с налобником и в доспехе, чтобы он мог скакать и о его доспех ломалось копье; что касается кутилье, то ему положены легкая кольчуга или корсет на немецкий манер, салат, латный воротник, наручи и поножи, короткая пика с перекладиной - достаточно жесткая и легкая, чтобы ее можно было держать горизонтально, как маленькое копье наперевес, а также добрый меч и длинный обоюдоострый кинжал. Его лошадь должна стоять не менее 30 экю. Об экипировке пажан ничего не сказано, зато известна минимальная цена его верхового животного - 20 экю. Наконец, кавалеристу позволялось приобретать четвертую лошадь для поклажи⁴⁶.

Однако в разных регионах Запада отмечается и наличие элементов легкой кавалерии: до середины XIV в. - английские хобелары; после первых поражений Столетней войны в войсках второго монарха из династии Валуа, Иоанна Доброго, появились «всадники» (*gens de cheval*); во Франции и Бургундии XV в. существуют «всадники в легкой кольчуге» и «глефщики», легкие конники, «полукопья», «копья малого ордонанса». Совершенно особую тактическую роль отводили легкой коннице на южной и восточной периферии Европы: это - испанские конники (*genetaires*), венгерские наездники, венецианские страдиоты. Коммин дает следующее определение последним в связи с их участием в битве при Форново (1495 г.): «Стратиоты напоминают мусульманских конников, и одеты они и вооружены, как турки, но на голове не носят уборов из полотна, называемых тюрбанами; люди они суровые и круглый год спят на открытом воздухе, как и их лошади. Они все греки, родом из тех мест, которыми владеют венецианцы; одни из Наполи-ди-Романия в Морее, а другие из Албании, из-под Дураццо. У них хорошие турецкие лошади»⁴⁷. Молине добавляет, что это люди «весьма странные, заросшие бородами, без доспехов и без чулок, в одной руке они носят маленький щит, а в другой - короткое копье»⁴⁸. К легкой кавалерии принадлежит и то «великое множество ломбардцев и гасконцев, лошади коих ужасны и привычны к повороту на скаку, французам же, пикардийцам, фламандцам и брабантцам непривычно было это видеть», отмечает в 1410 г. Монстреле, описывая воинскую свиту герцога Орлеанского⁴⁹.

⁴⁶ Brûsten C. Les compagnies d'ordonnance dans l'armée bourguignonne [448].

⁴⁷ Каимин Ф. де. Мемуары / Пер. Ю. Малинина. М., 1987. С. 326.

⁴⁸ Molinet J. Chroniques / Ed. G. Doutrepont et O. Jodogne. Bruxelles, 1935. Vol. II. P. 415.

⁴⁹ Monstrelet E. de. Chroniques / Ed. L. Douët d'Arcq. Vol. II. P. 102.

Уже упоминавшиеся выше конные стрелки (арбалетчики и прежде всего лучники) - распространенное явление в армиях конца Средневековья. В Англии конные лучники появляются в начале царствования Эдуарда III. Например, в октябре 1339 г. король Англии выдвинул к северным границам Франции, помимо отрядов союзников, примерно 1600 кавалеристов, 1500 конных лучников и 1650 пеших лучников и копейщиков. В дальнейшем, с одной стороны, процент кавалеристов имел тенденцию к снижению, а с другой - большинству лучников теоретически полагалась лошадь, даже если на поле боя им приходилось спешиваться, чтобы сражаться, и из-за различных обстоятельств они не могли заменить лошадь. Так, во время похода, завершившегося договором в Пикиньи 1475 г., Эдуард IV насчитывал в своей армии добрую тысячу кавалеристов и в десять раз больше конных лучников⁴⁰.

Франция времен Валуа, быстро понявшая преимущества длинного лука, тоже постаралась набрать в войско конных стрелков; конных арбалетчиков, в основном испанского или итальянского происхождения, в армиях Карла V и Карла VI можно было встретить немало. В начале XV в. соотношение было таким: один конный стрелок на двух кавалеристов. Потом, после битвы при Азенкуре и, безусловно, вследствие большого наплыва шотландцев, пропорция изменилась до двух стрелков на одного кавалериста, в то же время, лук стали все больше предпочитать арбалету, так что по регламенту 1445 г. комплектное «копье» включало в себя не менее шести человек и шести лошадей: кавалериста с двумя ординарцами и двух конных лучников, в распоряжении которых был один верховой слуга. В подражание Франции Бургундское и Бретонское государства в третьей четверти XV в. применили те же принципы организации.

В Италии, Испании и в большей части германского мира конные стрелки также упоминаются, но встречаются реже.

Естественно, власти старались обязать набранных ими конных стрелков, как и кавалеристов, иметь единообразное оружие нападения и защиты. В соответствии с уставом флорентийских наемников 1369 г. каждый английский лучник, служащий в отрядах наемников, например, у кондотьера Джона Хоквуда, должен был иметь набрюшник или кирасу, железную шляпу (*cappellino*), железные перчатки, лук, стрелы, меч и нож. В контракте (*indenture*) 1440 г. времен английской оккупации Нормандии предусматривается, что некий Джеймс Скидмор будет служить «в качестве кавалериста с шестью лучниками в своем отряде, все - конные и все люди - хорошо подобранные, а равно хорошо и достаточно вооруженные, экипированные и оснащенные, каждый соот-

⁴⁰ Надо отметить, что английские лучники считались чем-то вроде конной пехоты, наподобие драгун XVII и XVIII вв. Поэтому Коммин называет англичан «отличными храбрыми воинами», ставя их в один ряд со швейцарцами (*Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 135*).

ветственно своему званию: означенный Джеймс Скидмор будет иметь полный доспех, при бацинете либо саладе с забралом, копье, секиру, меч и кинжал; все же означенные лучники иметь будут добрые защитные жаки, салады, мечи и колчаны не менее чем по сорок стрел»⁴¹. Рассказывая о кампании в Нормандии 1449-1450 гг., Жан Шартье, официальный летописец монархии Валуа, упоминает «лучников конных, облаченных большей частью в бригантины, поножи и салады; латы большинства из них были отделаны серебром, либо, по меньшей мере, носили они жаки или добрые кольчуги»⁴². В военных ординасах Карла, герцога Бургундского, различаются два больших разряда конных стрелков:

а) лучник с лошадейю стоимостью не менее 6 франков, в саладе без забрала, латном воротнике и либо в легкой кольчуге, либо лучше в короткой кольчуге-пальто без рукавов, поверх которой надет жак из трех полотнищ провощенного холста, с подкладкой из десяти простых холстин; имеет добрый лук и добрый колчан на тридцать стрел, двуручный меч, негнувшийся и рубящий (им можно и колоть), обоюдоострый кинжал, сапоги без острого носка, чтобы легко слезать с лошади, а также короткие шпоры;

б) арбалетчик, вооруженный простым арбалетом или арбалетом с воротом, носящий легкую кольчугу или корсет, верхом на лошади ценой не менее 10 экю⁴³.

Добавим, что для гужевого транспорта, например, боевых повозок, как у гуситов, а также артиллерии, особенно с середины XV в., в более или менее значительном войске требовались сотни лошадей. Правда, иногда в Италии, Испании, а то и в Шотландии и даже в Нормандии из-за того, что лошадей было мало, приходилось использовать для перевозки багажа мулов, ослов, волов и быков.

В этих условиях понятна важность ремонта лошадей. Ремонтровка лошадей (или *restauratio equorum*), упоминавшаяся уже в XIII в., до последних лет XIV в. в Англии и Франции предполагает предварительный осмотр лошадей маршалами и их представителями, чтобы избежать обмана, если придется платить. «И будут сии боевые лошади должным образом оценены, и согласно таковой цене сделана будет ремонтровка, ежели ни одна из оных лошадей не была утрачена на службе у означенного нашего сеньора» - формула, регулярно встречающаяся в военных контрактах Джона, герцога Ланкастерского, заключенных с различными капитанами с 1367 по 1399 г.⁴⁴ В Италии особый чиновник (*bullator equorum*) должен был составлять список (*scriptio, descriptio*), куда вносились имя, прозвище, чин, имя отца и место происхождения

⁴¹ *Archaeologia*. 1814. № 17. P. 214.

⁴² *Chartier* J. *Chronique de Charles VII* / Ed. Vallet de Viriville. Paris, 1858. Vol. II. P. 236.

⁴³ *Brüsten* C. *Les compagnies d'ordonnance dans l'armée bourguignonne* [448].

⁴⁴ *John of Gaunts Register, 1379-1383* / Publ. E. C. Lodge and R. Somerville. London, 1937. T. I. P. 13-26; *Lewis* N. B. *Indentures of Retinue with John of Gaunt...* [413].

каждого наемника, а также описание лошадей. Вот «копье» Браккио ди Бальони из Перуджи, нанятого со своими людьми папой Пием II в 1458 г.: «Благородный господин Браккио ди Бальони из Перуджи сын Малатесты, конь гнедой, норовистый, с белыми задними ногами; Кателано де Аримино сын Петра, конь серый, белая нога справа, течь из носа; Пандульфо де Мундавио... конь серый весь в рыжих пятнах, немного текут глаза»⁴⁵. Иногда в списках воспроизводился и рисунок тавра лошади.

Уже из-за стоимости лошадей воины старались бережно обходиться с ними. Такой обычай существовал, в частности, у французов, если верить Гийому Грюэлю. В «Хронике Артюра де Ришмона» он пишет: «Известно, что французы весьма жалеют своих лошадей»⁴⁶. Боевые лошади считались не менее выгодной добычей, чем доспехи и даже драгоценности; рассказывая о грабеже, учиненном в 1477 г. на территории Везуля шотландцами, находившимися на службе у Людовика XI, Молине пишет: «Они потеряли драгоценности, цепи, посуду и сто лошадей по сто экю каждая, и стоимость добычи дошла до тридцати тысяч экю»⁴⁷. Разумеется, цена боевых лошадей (боевых коней, скакунов, иноходцев, вьючных лошадей) менялась в зависимости от соотношения предложения и спроса. Именно это отмечает Оливье де Ла Марш в 1445 г., накануне создания Карлом VII ордонансных рот: «Породистые лошади в то время стоили во Франции весьма дорого, и не могло быть речи о продаже хорошей лошади менее чем за пятьсот, а то и за тысячу реалов или за тысячу двести, а причиной сей дороговизны был слух, что выходит ордонанс для кавалеристов во Франции, и будут распределять их по командирам и ротам, и выбирать и избирать по именам и прозвищам. И всякому дворянину казалось: ежели он явится на добром коне, он будет лучше принят, воспринят и оценен»⁴⁸.

Возможно, для улучшения породы, и прежде всего для того, чтобы иметь более сильных и быстрых коней, в конце Средневековья во Францию довольно активно ввозили лошадей. Из Германии поступали животные мощные, крепко сложенные, способные выдержать воина в самом тяжелом вооружении. Из Англии ввозились иноходцы, но более всего ценились лошади испанского и итальянского происхождения.

Импорт иберийских лошадей, упоминаемый по меньшей мере с XIII в., тем более примечателен, что в Испании, судя по всему, было немного лошадей. Судя по рассказу Антуана де Лалена о поездке в Испанию эрцгерцога Филиппа Красивого в 1501-1502 гг., желанием устранить нехватку лошадей

⁴⁵ DaMosto A. Ordinamenti militari... [498].

⁴⁶ Gruel G. Chronique d'Arthur de Richemont / Ed. A. Levavasseur. Paris, 1890. P. 156.

⁴⁷ Molinet J. Chroniques... Bruxelles, 1935. Vol. I. P. 180.

⁴⁸ La Marche O. de. Mémoires / Ed. H. Beaune et J. d'Arbaumont. Paris, 1884. Vol. H. P. 60.

и объясняются усилия, которые в конце XV в. предприняла Изабелла Католическая. «Сия королева, видя, что ее дворяне ездят все больше на мулах, а ежели им приходится облачиться в латы и сесть на коня, владеют оным хуже некуда, и принимая в рассмотрение, что ежедневно можно ожидать войны с французами, либо с маврами, либо с теми и другими в одно время, повелела, дабы никто, сколь бы высоким сановником он ни был, если только он не священник либо клирик, не ездил бы на муле; все должны ездить лишь на лошади, а лошади должны быть высотой пядей в пятнадцать или более, дабы лучше годились для войны; и даже короля, супруга своего, обязала к этому и указала, дабы живущие на границе с французами ездили бы на наш манер, а соседствующие с маврами - в седлах с короткими путлицами (*à la jennette*)»⁴⁹.

3. МЕТАМОРФОЗЫ ПЕХОТЫ

В 1330-1340 гг. пешие воины составляли в большинстве европейских стран еще очень значительную часть войска. Планы набора войска, датируемые первыми годами правления Филиппа Валуа, предусматривают возможность или необходимость набрать в три-четыре раза больше пехоты, нежели кавалерии. Во время летней кампании 1335 г. против Шотландии правительство Эдуарда III содержало более чем 15 000 воинов, из них 3200 были кавалеристами, 4000 - конными лучниками и 7800 - пехотинцами, половину из которых составляли лучники. Один документ 1357 г. уточняет «число соратников, смотр которым делался как в больнице Сен-Жак близ Фонтараби, так и в Сен-Жан-де-Люз перед отправкой морем в Наварру на службу к государю королю» Карлу Наваррскому. Они составляли десять рот разной численности, в общей сложности включавших в себя 224 кавалериста и 1120 пеших воинов. В снаряжение последних входили, в частности, кольчуги (*lorigones*), бацинеты, пластинчатые усиления доспехов, павезы, щиты под названием *таблалос* (*tablachos*), арбалеты⁵⁰. В XIV в. во Флоренции треть пехотинцев была вооружена копьями и рогатинами, треть - арбалетами или легкими луками, треть - мечами и большими широкими павезами, либо тарчами, либо удлиненными щитами. Устав флорентийских наемников 1369 г. оговаривает также вооружение арбалетчика: не только арбалет с принадлежностями, но еще и нож, кираса и черепник.

⁴⁹ Gachard M. Collection des voyages des souverains des Pays-Bas. Bruxelles, 1876. Vol. I. P. 223.

⁵⁰ Еще в 1376 г. Гастон Фебюс, граф де Фуа, мог набрать в виконтстве Беарн и в Марсане, кроме тысячи всадников, 1200 пеших воинов, половину которых составляли лучники, а другую половину - пехотинцы, сражающиеся секирой, железной палкой, глефой и мечом.

Несмотря на все это, видимо с середины XIV до середины XV в. пехота качественно и количественно теряет свое значение, по крайней мере, на некоторых полях сражений и театрах военных действий. Этот регресс, или определенный спад, можно проследить по составу английских экспедиционных корпусов на континенте: пикинеры и копейщики исчезли, почти полностью уступив место лучникам, которые хоть и спешивались для боя, но обычно имели лошадей для переезда с места на место. Точно так же во Франции Иоанн Добрый, а потом Карл V и его наследники сочли бесполезным, с военной точки зрения, и опасным, с политической, - широкое использование отрядов коммун, отдав предпочтение, с одной стороны, найму арбалетчиков в Испании, Италии и Провансе, с другой - небольшим отрядам стрелков и павезьеров, которых присылали определенные города. И в Италии первой половины XV в. пешие воины, хотя никогда не исчезали как род войск, заметно уступали по численности всадникам. Союз, заключенный в декабре 1425 г. между Флоренцией и Венецией, предусматривал, что последняя в военное время будет содержать 8000 всадников и только 3000 пехотинцев. В понтификат Мартина V Папское государство участвовало в двух больших войнах: в 1421-1422 гг. оно выставило 3700 всадников и 400 пехотинцев, в 1428-1429 гг. - 3000 всадников и 1100 пехотинцев³¹. Достаточно показательна в этом отношении кондотта от 13 ноября 1432 г. между Флоренцией и Микелетто дельи Аттендоли: последний должен был предоставить 600 «копий» (т. е. 1800 лошадей) и 400 пеших воинов, в том числе 200 арбалетчиков, 100 пехотинцев с «длинными копьями» и 100 павезьеров.

К середине XV в. положение изменилось. Военачальники оценили (возможно, снова поняли) преимущества многочисленной пехоты, более экономичной (как раз из-за отсутствия лошадей, более легкого багажа и гораздо меньшей - в два-три раза - стоимости защитного вооружения, по сравнению с вооружением всадника) при условии, что она обучена, сплочена и имеет хороших командиров. Создание в 1448 г. Карлом VII вольных лучников отвечает этим требованиям: предполагалось создать резерв численностью около 8000 человек, которые, в принципе, должны были регулярно проводить учения и заранее знали, к какой роте им следует присоединяться в данный момент и под началом какого командира служить. Забота о качестве их экипировки возлагалась на приходы. Таким образом, институт вольных лучников оказался прямым преемником (только при избирательном подходе) бывшего всеобщего арьербана, который теперь сочли бесполезным, или же следствием распространения на сельскую местность принципа организации стрелковых рот, или братств, этот институт был обязан своим расцветом, начиная со второй половины XIV в., городам. Надо полагать, одно время вольные стрелки

³¹ Partner P. The Papal State under Martin V. The Administration and Government of the Temporal Power in the Early Fifteenth Century. London, 1958.

(лучники, арбалетчики, глефщики, а вскоре и стрелки из ручных кулеврин) считались удачной находкой: ведь сразу по окончании войны с лигой Общественного блага Людовик XI удвоил их численность и учредил этот институт в тех областях королевства, где до тех пор его не знали. Однако победы, одержанные швейцарцами над Карлом Смелым, убедили короля в том, что вольные лучники - отнюдь не лучшее решение. Последней каплей стало поражение при Гинегате в 1479 г. Он распустил вольных лучников и заменил их швейцарскими наемниками, набранными за большую плату, и французской пехотой, вооруженной луками, а также пиками на швейцарский манер и алебардами - на немецкий⁵², призывавшейся на год - не только для того, чтобы иметь войско постоянно «под рукой», но и для того, чтобы оно привыкало к совместным учениям. Эти первые пехотные полки не пережили восшествия на престол Карла VIII и сокращений бюджета, на которые пришлось пойти французской монархии. В 1488-1492 гг., во время войн с Бретанью и Максимилианом Габсбургом, французская пехота состояла из вольных лучников, нескольких рот швейцарцев и отрядов, набранных в Пикардии, Нормандии или в Гаскони только на время кампании. Эта пехота была разного качества, зато многочисленной: в большой армии могло насчитываться до 20 000 пеших воинов, а то и больше.

Естественно, Карл Смелый, всегда готовый к нововведениям в военном деле, не мог не сознавать того, насколько важно иметь хорошую пехоту. Он заботился о том, чтобы не только в разных «коммунах», аналогичных французскому ополчению⁵³, но и в его ордонансных ротах всегда были пешие воины. Абвилский ордонанс от 31 июля 1471 г. предусматривал набор 1250 кавалеристов (и столько же кутилье), 3750 конных лучников, а что касается пехоты - 1250 арбалетчиков, 1250 кулевринеров и 1250 копейщиков. Вероятно, он намеревался перенять тактику швейцарцев, которых видел в 1465 г. в битве при Монлери на службе у герцога Иоанна Калабрийского; они, как позже

⁵² *Basin Th. Histoire de Louis XI / Ed. et trad. C. Samaran et M. C. Garand. Paris, 1972. Vol. III. P. 334.* - Вместо вольных лучников Людовик XI «набрал пеших» воинов, именуемых алебардщиками, каковые носили доспех, сходный с доспехом вольных лучников, а вместо луков имели длинные палки, окованные железом, которые у фламандцев именуются пиками, либо широкие секиры на манер немецкой пехоты».

⁵³ Ср. распоряжение от 31 августа 1472 г., которое канцлер Югоне дал должностным лицам Фландрии, Брабанта, Геннегау, Намюра и кастелянства Лилль: выбрать «мужа с доброй славой» и обязать его в спешном порядке набрать «по контракту и принуждению» до 2000 копейщиков, чтобы «внести свежие силы» в герцогскую армию, особенно в ордонансные роты, и восполнить потери. Эти копейщики должны быть «наиболее искусны в воинском деле, каковых только удастся найти, и чтобы возраст и сложение оных позволяли им терпеть и выносить тяготы, требования и труды, нужные и необходимые на войне». Они получают по пять франков на «куртку кольчужную с рукавами, по груди и правой руке усиленную железными пластинками, мелкочаеистую»; на левой руке - никакого доспеха, чтобы при необходимости было проще держать щит (Arch. dep. Nord. B 3515).

напишет Оливье де Ла Марш в своих «Мемуарах», «ничуть не страшились конницы, ибо объединялись по трое совместно, один копейщик, один кулевринер и один арбалетчик, и столь искусны были в военном ремесле, что при надобности выручали друг друга; и был при них один лучник из личной охраны графа Шароле, по имени Саваро, весьма хорошо показавший себя вместе с оными швейцарцами»⁵⁴. Позже - может быть, для того чтобы дать лучший отпор кантонам, может быть, из-за трудностей с ремонтированием и снабжением и из-за неудобной местности - доля пехоты в комплектном бургундском «копье» увеличилась: на одного кавалериста приходится девять пеших воинов, трое из которых были лучниками, трое - копейщиками и трое - кулевринерами либо арбалетчиками.

В Кастилии во время завоевания Гранады пехота (peones) значительно превосходила легкую кавалерию⁵⁵:

Дата похода	Легкая кавалерия	Пехота
1485 г.	11 000	25 000
1486 г.	12 000	40 000
1487 г.	11 000	45 000
1489 г.	13 000	40 000

В Италии в третьей четверти XV в. существовали следующие типы пехотинцев (fanti):

- а) *копейщики* (lanceri) с длинным или коротким копьем по необходимости;
- б) *арбалетчики* (balestrieri), вооруженные простым арбалетом или арбалетом *с воротам* (ad molinellum);
- в) *лучники* (arcieri), хотя лучники английского происхождения после 1430 г. почти полностью исчезли;
- г) *пикинеры* (picchieri);
- д) *щитоносцы* (rotularii) с маленькими круглыми щитами;
- е) *тарченосцы* (targhieri, или targhe), действующие вместе со стрелками;
- ж) *скопитарии* (schiopettari, или schioppeteri), вооруженные *скопитусами* (scopetti) из бронзы или железа. Долгое время они входили в состав только гарнизонных частей для защиты городов или крепостей, но с 1430-1440 гг. их можно встретить уже на поле боя - в 1448 г. в битве при Караваджо в армии Франческо Сфорца было столько скопитариев, что из-за дыма им трудно было ориентироваться⁵⁶.

⁵⁴ La Marche O. de. Mémoires... Paris, 1884. Vol. III. P. 22-23.

⁵⁵ Ladero Ouesada M. A. Castilla y la conquista del reino de Granada [532].

⁵⁶ Mallett M. Mercenaries and their Masters... [512]. P. 157. - В 1490 г. Совет десяти в Венеции решает заменить арбалеты скопитусами. В конце XV в. в войнах между испанцами и французами за Неаполитанское королевство конные скопитарии занимают место конных арбалетчиков.

Но самой примечательной была, конечно, пехота старинных союзов Верхней Германии. Воинская репутация швейцарцев сложилась довольно рано, свидетельство тому - хроника начала XIV в., написанная францисканцем Иоанном Винтертурским, который с восхищением говорит об их алебардах. В то время горные кантоны Центральной Швейцарии (Ури, Швиц и Унтервальден), первоначальное ядро Швейцарской конфедерации, становятся поставщиками пеших наемников для службы у разных иностранных государств, но, возможно, прежде всего у городов на равнине, таких как Цюрих и Берн: последний в битве при Лаупене в 1339 г. против австрийской армии поставил в авангард своих сил отряд горцев.

После победы при Земпахе в 1386 г. эта тенденция усилилась и сеймы начали издавать первые запреты на службу за рубежом. Экспорт воинов теперь захватил не только горные районы, но и города с их окрестностями: с 1422 г. Цюрих запрещает своим гражданам и подданным «искать войны» за плату как у членов Конфедерации, так и у иноземных властей. К 1424 г. относится первое свидетельство об официальной просьбе извне: флорентийские послы ходатайствуют перед сеймом Конфедерации о предоставлении помощи - 10 000 наемных воинов. Что касается Франции, то будущий Людовик I во главе «живодеров» вступил в схватку со швейцарцами и разбил их в битве при Санкт-Якоб-ан-дер-Бирс близ Базеля в 1444 г.⁵⁷ Швейцарцы стяжали славу, прежде всего, в битве при Монлери: Коммин отмечает, что со стороны Лиги в ней участвовало «500 швейцарских пехотинцев; последние впервые появились в нашем королевстве, проложив путь другим, которых стали впоследствии призывать, так как они, где бы ни воевали, всюду проявляли большую храбрость»⁵⁸.

С некоторым запозданием значение пехоты явно начинает возрастать и в германском регионе. В 1422 г. на рейхстаге в Нюрнберге император Сигизмунд и князя договорились сформировать две армии против гуситов: одна - для войны с ними на уничтожение, другая - для снятия осады с крепости Карлштейн. Если первая состояла из кавалеристов и лучников (впрочем, более многочисленных, чем конница), то во второй преобладание пехоты было подавляющим - 1970 «копий» на 37 400 пехотинцев; на практике предполагаемая численность достигнута не была, и имперские силы составили всего 1656 всадников (т. е. 552 «копья») и 31 000 пехотинцев.

⁵⁷ Об этом сражении Матье д'Эскуши в «Хронике» (*Mathieu d'Escouchy. Chronique* / Ed. G. de Fresne de Beaucourt. Paris, 1863. Vol. I. P. 20) пишет: «Мне рассказывал о деле сем не один знатный муж из тех, кто был там в оный день и кто не раз бился во Франции и иных местах с англичанами и прочими врагами, и все заявляли, что не встречали никогда более людей ни толь отважно оборонявшихся, ни столь легко расстающихся с жизнью».

⁵⁸ Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 26.

Но особенно важным было появление в последние годы XV в. ландскнехтов. По происхождению, по крайней мере в Верхней Германии, их традиционно связывают с объединениями молодежи, *воинскими союзами молодых* (Knabenschaften), бандами «слуг» (Knechte), которые то вели частные войны, грабя путешественников, отбирая урожай и угоняя скот ради собственной выгоды, то нанимались на службу к городам, например, когда те объединялись в федерации для борьбы с князьями или рыцарскими союзами. Эти молодежные братства, разнузданные и дикие, порой называли «вольницами». Например, в 1376 г. на службе у швабских городов было «много пеших воинов из вольниц, в толстых жаках, с копьями и арбалетами»⁵⁹. По крайней мере, первое время большинство ландскнехтов происходили из Верхней Германии, с окраин Швейцарии - от Форарльберга до Зундгау. Как социальную основу для нового вида войска их смогло использовать государство, т. е. Максимилиан Габсбург, видимо, последовавший советам бывших вассалов Карла Смелого, таких, как графы Ромон и Нассау - свидетелей поражений своего повелителя от швейцарцев. Именно для того, чтобы «дать встряску французам на границах» Фландрии, в 1486 г. римский король впервые использовал швейцарцев, а также ландскнехтов (Landsknechte), т. е. «наемников», в противоположность наемникам из Чехии (трабантам) или из Швейцарии: «Ему дали совет собрать великое множество воинов, из которых швейцарцев у него было от трех до четырех тысяч и столько же немецких ландскнехтов, а также немало пикардийцев, геннегаусцев и прочих, как конных, так и пеших, числом от четырнадцати до пятнадцати тысяч, под началом монсеньора Филиппа Клевского, князя де Шиме, графа Нассау и прочих вождей и воинских капитанов»⁶⁰. Но за предыдущий год Молине упоминает вступление в город Гент, «в самом прекрасном строю и пешим порядком», «монсеньора графа Нассау, сеньора де Монтиньи, сеньора де Пальма и прочих во главе пяти тысяч немцев, шествовавших колонной по восемь человек в ряд»⁶¹.

Итак, к 1500 г. во многих странах Запада появилась пехота, очень непохожая на пеших воинов, традиционно использовавшихся на протяжении всего Средневековья. Она состояла из больших групп пехотинцев, получивших определенную воинскую специальность и обученных, входящих в состав частей, тактика которых предполагала глубокое построение; уже благодаря самой своей многочисленности, эти части лучше противостояли атакам конницы, которой в результате пришлось найти новые приемы боя.

⁵⁹ Franz G. Von Ursprung und Brauchtum der Landsknechte [370].

⁶⁰ Molinet J. Chroniques... Vol. I. P. 543.

⁶¹ Ibid. P. 463. - В 1486 г. были закуплены 950 пик с ясеновыми древками длиной 22 и 24 фута, «окованных добрым железом... на новый манер», «для раздачи немецким пикинерам» из армии Максимилиана «ради похода в Артуа, чтобы служить в кампании против короля Франции»

4. АРТИЛЛЕРИЯ

Современники быстро осознали, насколько серьезно изменило военное искусство появление артиллерии. Именно технические новшества имеет в виду Жан де Бюэй, когда пишет в «Юноше»: «Со дня на день и все более и более множатся изобретения людей и обновляются приемы деятельности <...>, и сейчас есть много вещей и хитроумных изобретений, о которых другие не знали и не использовали их»⁶².

Технические аспекты

История изобретения пороха и появления пушек и боеприпасов очень скоро обросла мифами и легендами. Петрарка, благоговевший перед греко-римской цивилизацией, полагал, что древние не могли не знать о применении пороха. То же суждение встречается в письме папы Пия II герцогу Федерико Урбинскому: «У Гомера и Вергилия можно найти описание всех видов оружия, используемых в нашем веке». Вальтурио, автор трактата «О военном деле» (*De re militari*) (1472 г.), видит в Архимеде изобретателя пушек. Правда, тогда же Франческо ди Джорджо Мартини отмечал, что если бы у древних были пушки, в развалинах их крепостей нашлись бы амбразуры⁶³.

Авторы, сожалеющие об изобретении артиллерии и пороха, приписывают его чужеземцам или, скорее, неверным (туркам и китайцам). Флавио Бьондо в «Риме торжествующем» (*Roma Triumphans*) (1455-1463 гг.) возлагает ответственность за изобретение пороха на одного немца середины XIV в. и относит его первое употребление к Кьоджинской войне между Генуей и Венецией (1378-1381 гг.). В 1493 г. Антонио Корнадзано дополняет легенду, утверждая, что этот немец был монахом-алхимиком и обучал венецианцев в 1380 г. Позже этого монаха переселили в конец XIII в. и дали ему имя - Бертольд Шварц из Фрайбурга. Испанские источники предлагают другую версию: первыми использовали порох мавры в 1343 г., во время войны с Альфонсом XI.

Традиционно подчеркивался дьявольский характер этого изобретения. Джон Мирфилд около 1390 г. говорит об «этом смертоносном дьявольском инструменте, каковой обычно зовут пушкой (*göppe*)». Франческо ди Джорджо, сам военный инженер, присоединяется к тем, кто определяет это изобретение как «не человеческое, но дьявольское». В XV в. «Книга о секрете артиллерии и пушечного дела» приписывает его «мастеру Бертрану, великому чернокнижнику» и алхимику. Но главную роль здесь якобы сыграл случай. Сначала мастер просто хотел получить «красивую краску, сходную с золотом, для

Bueil. de. Le Jouvencel [9]. Vol. I. P. 17.

Hale J. R. Gunpowder and the Renaissance... [689].

изготовления коей взял он селитру, серу, свинец, масла и оные субстанции смешал и поместил смесь в глиняный горшок, каковой, должным образом закупорив, поставил на огонь». Когда ингредиенты нагрелись, горшок, конечно, взорвался. Алхимик повторил опыт, используя тщательно закрытый медный горшок. Тогда он понял, как можно использовать эту взрывную силу, усовершенствовал пропорции и «заказал устройство на манер пушки». Так якобы было открыто «пушечное дело»⁶⁴. Связь магии и артиллерии обнаруживается и в истории о «бомбардире» из Меца по имени Камуфль, о котором приблизительно в 1437 г. говорили, «что он трижды в день стрелял, когда пожелает, и прибегал к магическому искусству»⁶⁵.

Вернемся к тому, что нам известно более или менее достоверно. Первое упоминание формулы пушечного пороха встречается в китайском тексте 1044 г. «Вуцзюн цзунъяо» (Wujung zongyao). Этот порох служил для производства дымовых, зажигательных, разрывных снарядов. В конце XIII в. его широко использовали монголы, например, при попытках вторжения в Японию (1274 и 1281 гг.). Вскоре снаряды (прежде всего зажигательные стрелы) стали метать с помощью пороха, предварительно вставив их в направляющую трубку из толстого бамбука, дерева, железа или бронзы.

Эти изобретения и технологии попали на Запад из мусульманских стран. Некий андалусский ботаник, умерший в Дамаске в 1248 г., называет селитру «китайским снегом»; в Персии то же вещество именовали «китайской солью». Возможно, монголы использовали примитивное огнестрельное оружие в битве при Сайо в Венгрии (1241 г.). С середины XIII в. мавры кладут порох в различные снаряды, метаемые из катапульт или требюше. На Западе первый известный рецепт пороха датируется 1267 г. (Роджер Бэкон).

Скопитусы (sclopeti, sclopi) якобы использовались при обороне Форли воинами Гвидо ди Монтефельтро в 1284 г. Одинокое свидетельство сомнительно. Первые надежные данные появляются на сорок лет позже. Изображение пушки в виде горизонтально лежащего на козлах горшка, из которого выходит стрела, встречается на одной миниатюре из трактата «О примечательном, мудром и благоразумном» (De notabilitatibus, sapientiis et prudentiis) Вальтера из Милимете (1326 г.)⁶⁶. Вероятно, имеется в виду одна из машин для метания «болтов» («sagreaux», «garrots»), которые часто

⁶⁴ Le Livre du secret de Fartillerye et canonnerye (Bibl. Nat., Paris, fr. 2015).

⁶⁵ f. igneulles Ph. de Chronique / Ed. C. Bruneau. Metz, 1929. Vol. II. P. 244.

⁶⁶ Christ Church College. Oxford, ms. 92, f. 70 v°. - Миниатюра воспроизводится, например, в кн.: Finoj. F. Forteresses de la France médiévale... [783]. P. 291, fig. 68. Другая, несколько более поздняя, миниатюра с изображением аналогичной пушки из рукописи псевдо-Аристотеля: Pseudo-Aristote. De secretis secretorum (British Library. London. Add, ms. 47680, f. 44 v°), воспроизведена в кн.: Gimpel J. Les bâtisseurs de cathédrales. Paris, 1958. P. 178.

упоминают источники середины XIV в. и более поздние. Что касается слова «пушка» (*фр.* canon), происходящего от греческого *kanon* или латинского *canna* - «труба», то оно впервые появляется во флорентийском документе от 11 февраля 1326 г., которым Синьория назначает двух лиц «для изготовления <...> железных труб и пушек из металла»⁶⁷. Новую артиллерию, вероятно, использовали во время Мецской войны 1324 г. и, определенно, - два немецких рыцаря при осаде Чивидале (Фриули) в 1331 г. Бомбарды упоминаются в сообщениях об осаде Бервика-на-Твиде в 1333 г. В 1341 г. город Лилль держал «мастера громовых дел» (*maistre de tonnoire*). В 1346 г. Ахен имел «железную трубу для громовой стрельбы» (*busa ferrea ad sagittandum tonitrum*). Двумя годами позже Девентер располагал тремя «пушками» (*dunrebussen*). В 1341 г. Лукка передает Гиберто да Фольяно, своему капитану, «железную пушку для метания железных ядер», а в то же время в Брешии два кузнеца получают материалы, заказанные, чтобы выковать «трубу для метания мячей» и «железную пушку трубообразную и ядра железные»⁶⁸. В Папском государстве пушки и бомбарды упоминаются в 1350 г. в связи с войной в Романье. Счета свидетельствуют о «1050 фунтах железа, обработанного и необработанного, для изготовления ядер для бомбард» и «226 ядрах железных для бомбард» общей массой в 88 фунтов⁶⁹. Англичане не только почти наверняка использовали порох и выпустили несколько снарядов в битве при Креси (1346 г.), но и отправили из Лондона для осады Кале (1346-1347 гг.) десять пушек, огнестрельные боевые повозки, свинцовые ядра и порох. Один документ от 10 мая 1346 г. говорит о 912 фунтах селитры и 886 фунтах серы, закупленных у одного аптекаря в Лондоне «для дела самого короля ради его пушек» (*ad opus ipsius regis pro gunnis suis*)⁷⁰. Во Франции первые упоминания об артиллерийских орудиях датируются 1338 г. В 1340 г. во время осады Камбре один дворянин, специалист по новому оружию, сир Гуго де Кардайяк заказал десять пушек на скромную сумму в 25 ливров 2 су 6 турецких денье, тогда как чрезвычайно необходимые для применения этих орудий селитра и кусковая сера обошлись в 11 ливров 4 су 3 турецких денье. В 1346 г. тот же сеньор предполагает использовать 22 пушки для обороны замка Биуль (Тарн-и-Гаронна). 29 апреля 1345 г. Рамундус Аркерии, «артиллерист короля Франции в Тулузе», расписывается в получении определенной суммы на «2 железных пушки, 200 налитых свинцом ядер и 8 фунтов пороха»⁷¹.

Finô J. E Op. cit. P. 290.

Cognasso F. L'Italia nel Rinascimento. T. II. Torino, 1965.

Pasquali-Lasagni A. Stefaneiii E. Note di storia dell'artiglieria... [699].

Tout T. F Firearms in England... [706].

Devic G, Vaissetel. Histoire générale de Languedoc. Toulouse, 1885. Vol. X. Col. 967-968.

Таким образом, лет за двадцать и путями, проследить которые не представляется возможным, новое изобретение распространилось по всему Западу - вероятно, начиная с Италии. Правда, в периферийных регионах оно еще долго было неизвестно: первое упоминание об артиллерии в Шотландии датируется только 1384 г.

С середины XIV в. описания пушек появляются в учебных трактатах и нарративных источниках. Одно из первых было сделано Жаном Буриданом в его «Вопросах к книгам „Метеорологии“ Аристотеля»: «Сила действия этого газа проявляется в сих устройствах, называемых пушками (*canalibus*), из которых посредством газа, порожденного щепоткой пороха, испускают большие стрелы либо свинцовые ядра с такой силой, что никакой доспех не может им противостоять»⁷². «Хроника Тарвиса» (*Chronicon Tarsivinum*, 1376 г.) более подробно сообщает об «этих бомбардах, каковых доселе не видели и речи о которых никогда не слышали в Италии, что чудесным образом сделаны венецианцами. И верно, бомбарда есть железное устройство весьма могучее: спереди у него обширный канал, куда помещают круглый камень той же формы, что и канал, а сзади - труба вдвое длиннее, чем оный канал, с каковым она связана, но более узкая; и в сию трубу кладут черный порох, что делается из селитры, серы и древесного ивового угля, сквозь вход в оную трубу со стороны дула. И то отверстие означенного дула далее замыкается деревянным затвором, вставляемым внутрь; после же того, как с другой стороны вложат круглый камень, к малому отверстию в трубе⁷³ подносят огонь, и от воспламененного пороха камень извергается с великой силою»⁷⁴.

Долгое время большинство орудий имели небольшие размеры. Об этом свидетельствуют массы 73 пушек, изготовленных для Ричарда II Английского Уильямом Вудуардом с 1382 по 1388 г.:

- 1 пушка массой от 665 до 737 английских фунтов,
- 47 «больших пушек» в среднем по 380 фунтов,
- 5 пушек по 318 фунтов,
- 4 «медных пушки» по 150 фунтов,
- 7 «малых пушек» по 49 фунтов,
- 9 «малых пушек» по 43 фунта⁷⁵.

Что касается расхода пороха, то он оставался очень скромным. В 1375 г. во время осады войсками Карла V Сен-Совер-ле-Виконт 31 фунта пороха хватало для заряжания трех «больших железных пушек», стрелявших камнями,

⁷² Faral E. Jean Buridan, maître ès arts de l'Université de Paris // Histoire littéraire de la France. 1950. Vol. XXVIII, 2. part. P. 83.

⁷³ Имеется в виду запальное отверстие.

⁷⁴ Partington J. R. A History of Greek Fire and Gunpowder [698]. P. 116—118

⁷⁵ Tout T. F. Firearms in England... [706].

24 медных пушек, стрелявших свинцовыми ядрами, и 5 железных пушек, тоже стрелявших свинцовыми ядрами. В 1376-1377 гг. пороховой заряд «железной пушки, мечущей тяжесть в 60 фунтов», составляет полтора фунта. В 1383 г. для так называемой морской армии на баржи погрузили «четыре больших пушки на лафетах, снабженные железными выступами и шарнирами, с четырьмя деревянными козлами, сто шестьдесят шесть фунтов пороха и сто шестьдесят камней для оных пушек», т. е. по фунту пороха на выстрел⁷⁶.

В виде исключения изготавливали орудия очень большого калибра: в Монсе в 1375 г. была отмечена пушка массой 9500 фунтов⁷⁷. Однако с самого начала XV в. начинаются масштабные перемены. В 1410 г. Кристина Пизанская рекомендует для штурма хорошо укрепленной крепости использовать четыре больших пушки, имеющих собственные имена, крупнейшая из которых будет стрелять ядрами массой от 400 до 500 фунтов⁷⁸. Действительно, с этого момента самым большим пушкам давали имена, призванные посеять страх или же связанные с обстоятельствами их изготовления и первого применения либо с положением их владельца. Надписи, порой рифмованные, размещали на стволе:

Дракон я, ядовитый змей,
Желающий яростными выстрелами
Удалять от нас врагов.
Жан Черный, мастер-канонир,
И Конрад, Куан, Крадентер,
Все трое - мастера-литейщики,
Сделали меня ровно в году
Тысяча четыреста семьдесят шестом⁷⁹.

Итак, с большими пушками дело обстояло так же, как с кораблями или колоколами: они приобрели индивидуальность, став в некотором роде живыми существами.

То, что рекомендации Кристины Пизанской вовсе не были чисто теоретическими, доказывает заключенный годом раньше контракт между «мастерами по бомбардам и пушкам» и герцогом Бургундским Иоанном Бесстрашным на отливку в Осонне большой «медной» бомбарды в 6900 фунтов с расчетом на каменное ядро массой 320 фунтов. В 1412 г. в Каркассоне имелась бомбарда в 10 000 фунтов. «Монс-Мег», железная бомбарда, хранящаяся ныне в Эдинбургском замке, была в 1449 г. заказана «торговцу артиллерией» Жану

⁷⁶ Bibl. Nat., Paris, fr. 26019, n° 407.

⁷⁷ Gaier C. *L'industrie et le commerce des armes...* [579]. P. 287.

⁷⁸ Chrisline de Pizan. *L'art de chevalerie* [12]. - Эта часть произведения Кристины Пизанской была переделана Ж. де Бюэем: Bueil, de. Le Jouvencel [9]. Vol. II. P. 46.

⁷⁹ Bibl. Nat., Paris, nouv. acq. fr, 22716, f. 10.

Камбье Филиппом Добрым, герцогом Бургундским, за 1536 ливров 2 су. Эта пушка имела общую длину 15 футов и весила 15 366 фунтов. Согласно экспертизе XVIII в., пороховой заряд составлял 105 фунтов для каменного ядра в 549 фунтов. Бомбарда «Бешеная Грета», стоящая и поныне на Рыночной площади в Генте, имеет длину более 5 м; ее диаметр - 0,64 м, а масса - 16 400 кг. Другое чудовищное орудие - «большая литая бомбарда», заказанная в 1457—1458 гг. Филиппом Добрым «в своем дворце Лебб в Брабанте у Жакмена де л'Эспина, мастера бомбард и прочих орудий». Эта пушка имела массу 33 000 - 34 000 фунтов и стреляла каменными ядрами 17 дюймов «в поперечнике». «Позади означенной бомбарды, дабы стрелять из нее было безопасней», устанавливалась свинцовая плита массой 800 фунтов. Одно из самых тяжелых артиллерийских орудий заказал в Брюсселе в 1409-1411 гг. герцог Брабантский: масса этой пушки достигала 35 т - немногим менее, чем 40-тонный «Раджа-Гопал», гигантская пушка времен Моголов, хранящаяся в Танджавуре, в штате Мадрас⁹⁰.

Если в XIV в., по крайней мере во Франции, для артиллерийских орудий существовало лишь два термина: «пушка» и «бомбарда», то в XV в. лексикон расширяется:

- к 1410 г. - кулеврина и пищаль (veauglair);
- к 1430 г. - серпентины, краподо (срапаudeaux), краподины (срапаудины);
- к 1460 г. - куртоды (courtauds) и мортиры;
- к 1470 г. - аркебузы (hacquebutes, arquebuses);
- к 1480 г. - фальки (faucous) и фальконеты (fauconneaux).

На основе работы Франческо ди Джорджо Мартини (1487-1492 гг.) можно составить следующую, весьма идеализированную таблицу, которая дает представление о том, какой была или, точнее, должна была быть артиллерия⁹¹.

	Название орудия			
	Бомбарда (общая или средняя)	Мортира	Бомбарда	Куртода
Длина (в футах)	15-20	5-6	10	12
Материал снаряда	Камень	Камень	Камень	Камень
Масса снаряда (в фунтах)	300	200-300	50	60-100
Соотношение массы пороха и снаряда	16/100	16/100	16/100	16/100

⁹⁰ Gaier C. Op. cit. P. 242.

⁹¹ Таблица взята из кн.: Promis C. Memorias historicas sobre el arte del ingeniero y del artillero en Italia y de los escritores militares de aquel pais desde 1285 a 1560. Madrid, 1882. P. 104-105.

	Название орудия			
	Пасс-волант	Василиск	Сербатана	Спингарда
Длина (в футах)	18	22-25	8-10	8
Материал снаряда	Свинец или железо	Бронза или железо	Свинец	Камень
Вес снаряда (в фунтах)	16	20	2-3	10-15
Соотношение веса пороха и снаряда	10/100	10/100	10/100	10/100
	Название орудия			
	Аркебуза		Скопитус	
Длина (в футах)	3 или 4		2 или 3	
Материал снаряда	Свинец		Свинец	
Вес снаряда (в фунтах)	6 унций		4-6 «октав»	
Соотношение веса пороха и снаряда	50/100		80-100/100	

В артиллерии произошли и другие трансформации. Вместо пушек, изготавливавшихся путем соединения полос кованого железа⁸², появились литые железные орудия. «Расплавленный металл заливали в литьевую форму в виде полого цилиндра, по оси которого располагался сердечник»⁸³, или оправка. Правильность канала обеспечивалась расточкой его стальным зенкером. Использование литьевых форм одинаковых размеров позволяло стандартизовать калибры. Кроме того, здесь, как и при изготовлении колоколов, использовали бронзу («mitaille», или «mitaille d'airain»), в которой содержание меди было повышено, а олова - понижено. Производители колоколов могли делать и пушки; при необходимости можно было переплавлять колокола на пушки. Вот, например, сделка, заключенная в 1488 г. между городом Ренном, с одной стороны, канониром-литейщиком и канониром-кузнецом - с другой. Литейщик должен будет отлить несколько фальков, один колокол, а также две емкости, которые будут служить навесными каморами для кованых железных серпентин. Он получит необходимый «металл и медь» массой до 6000 фунтов. Кузнец выкует две железных серпентины. Одна из них будет иметь медную камору, изготовленную заранее, и заряжаться с казенной части, а другая будет коваться из одного куска, заряжаться с дула и иметь цапфы, чтобы стрелять с колесного лафета. Обе серпентины «будут метать железные ядра»⁸⁴.

⁸² Еще в 1456 г. в Ренне большая бомбарда, разбитая к этому времени, состояла из 38 узких полос и 33 железных обручей (*Leguay J.-P. La ville de Rennes au XVe siècle à travers les comptes des Miseurs. Paris, 1969. P. 284*).

⁸³ *Fino J. F. Op. cit. P. 300.*

⁸⁴ *Archives de Bretagne. Vol. 11. P. 145, n° LIV.*

Усовершенствования коснулись как транспортировки орудий, так и установки их на боевую позицию. Долгое время артиллерийские орудия (за исключением пушек и ручных кулеврин, которые начали появляться в конце XIV в.) перевозили на телегах, повозках, обычно четырехколесных. Для того чтобы они могли вести огонь, их приходилось снимать. Пушки устанавливали на козлы или станину. Однако с середины XV в. упоминаются орудия, снабженные цапфами и лежащие на лафете, установленном на оси с двумя колесами. 19 августа 1458 г. город Руан покупает 100-фунтовую пушку «в форме малой серпентины из бронзы, стреляющей свинцовыми ядрами размером в малый мяч, возведенной на лафет и возимой на двух деревянных колесах»⁸⁵. В 1465-1466 гг. некий плотник из Невера сдает заказанные ему восемь колес: четыре средних для большой железной бомбарды (из чего можно сделать вывод, что она укладывалась на повозку) и еще четыре большего размера для двух серпентин⁸⁶. В 1490 г. замок Анжер принимает на хранение три больших пушки-серпентины массой около 7000 фунтов, с шестью большими колесами. Таким образом, возникла прицепная артиллерия, которую было просто ставить на боевую позицию и перемещать; с 1470 г. такие орудия изображают на многочисленных миниатюрах, а отдельные экземпляры их сохранились среди трофеев, взятых швейцарцами после победы над Карлом Смелым при Грансоне в 1476 г.⁸⁷

Долгое время обязательным было использование obturаторов, герметично закрывавших отверстие в камере, куда помещали пороховой заряд. Учебник по пушечному делу XV в. довольно подробно описывает этот процесс: «Если вы желаете сделать добрые obturаторы для бомбард, вам нужна добрая древесина ольхи либо тополя, вполне сухая, и делайте их таким mannerом, чтобы передняя часть была тоньше, нежели задняя, дабы, когда вы забьете obturатор в камору палкою, он вошел точно и отнюдь не торчал из каморы». Obturаторы должны были быть сделаны из дерева, способного разбухать под воздействием паров, выделяющихся при сгорании пороха. В момент, когда давление становилось достаточно высоким, obturатор вылетал, почти как пробка от шампанского, и тогда высвободившаяся взрывная сила пороха сообщала движение ядру. Всю внутреннюю длину каморы рекомендовалось делить на пять равных частей: первая часть, близ отверстия, резервировалась для obturатора, вторая оставалась пустой, оставшиеся три заполнялись порохом⁸⁸.

⁸⁵ Ville de Rouen. Inventaire-sommaire des Archives communales antérieures à 1790 // *Robillard de Beurepaire C. de. Délibérations. Rouen, 1887. Vol. I. P. 60.*

⁸⁶ Arch. Mun. Nevers, CC 60, f. 13 r°.

⁸⁷ *La Roncière C.-M., Contamine Ph. et Delon R. L'Europe au Moyen Age. Documents expliqués. Vol. III: Fin XIIIe siècle - fin XVe siècle. Paris. 1971. P. 220-221.*

⁸⁸ Bibl. Nat. Paris, fr. 2015, f. 17 r°.

Похоже, в конце XV в., по крайней мере во Франции, в некоторых орудиях перестали использовать обтюраторы. То ли сгорание пороха уже стало настолько быстрым, что больше не было необходимости создавать давление, то ли совершенная подгонка ядер к каналу ствола не позволяла газам улетучиваться слишком быстро. Во всяком случае, упоминаются монолитные пушки без отдельной каморы. Сначала на дно ствола засыпали порох с помощью «еловых жердей, именуемых загрузочными ложками», а потом через дуло вкладывали ядро⁹⁰.

Для первых снарядов середины XIV в. использовали свинец и железо. Но вскоре большая часть ядер, особенно начиная с определенного размера, делалась из камня: песчаника, мрамора, алебаstra и т. д. Каменотесы делали боеприпасы заранее, используя модель («шаблон») из дерева, бумаги, пергамента. Потом снова появились железные ядра. В 1418 г. город Гент приобрел 7200 литых ядер⁹¹. Во французской королевской артиллерии литые железные ядра особенно часто использовали начиная со второй половины царствования Карла VII. Вероятно, решающую роль здесь сыграла деятельность братьев Бюро, Жана и Гаспара⁹². Эта тенденция усилилась при Людовике XI: в 1467 г. король приказывает Мишо Бодуэну отлить по 1000 железных ядер для каждой из его больших серпентин и по 100 ядер - для каждой бомбарды. Не остался в долгу и Карл Смелый: его большие кулеврины использовали железные «булыжники». В 1473 г. он закупает 1335 литых ядер. Это новшество странным образом осталось неизвестным по ту сторону Альп: если верить Бирингуччо, Карл VIII «был первым, кто познакомил нас в Италии с железными ядрами, когда пришел осаждать Неаполь, дабы изгнать короля Ферранте, и было сие в одна тысяча четыреста девяносто пятом году»⁹³.

Усовершенствования коснулись даже малых «стволов»: в середине XV в. в Германии для аркебуз стали использовать фитильные замки⁹⁴.

Существовали две тенденции: с одной стороны, уменьшение массы ядра по отношению к общей массе орудия, с другой - увеличение массы пороха по отношению к массе ядра. Этот вывод позволяет провести сравнение миланских бомбард 1472 г. и английской артиллерии при Генрихе VII и Генрихе VIII.

⁹⁰ Ср.: *Biringuccio. La pyrotechnie / Trad. J. Vincent. Paris, 1572*: «Дабы зарядить ваше орудие, берут инструмент, каковой канониры называют шуфлой (*quaisse*), из железных пластин либо медных, длиной вдвое больше в сравнении с диаметром ядра, насаженный на конец шеста, и засыпают полную шуфлу пороха, и просовывают до дна ствола, и поворачивают рукою, дабы порох ваш выпал и высыпался из шуфлы, каковую следует вынуть оброчно, и повторите сие два или три раза в зависимости от того, насколько тонкий и добрый порох либо насколько велика шуфла, пока не засыплете пороха весом в две третьих от веса ядра».

⁹¹ *Gaier C.* Op. cit. P. 96, n°110.

⁹² *Dubled H.* L'artillerie royale française... [682].

⁹³ Цит. по: *Gay V., Stein H.* Glossaire archéologique... [554]. Vol. I. P. 190, B.

⁹⁴ *Gaier C.* Mise à feu et munitions des armes portatives. Liège et Bruxelles, 1969. P. 12-13.

Таблица 1

Миланские бомбарды 1472 г.

Масса пороха (в фунтах)	Масса ядра (в фунтах)	Масса пороха / масса ядра (%)
50	400	12,5
40	300	13,3
33	225	14,6
100	626	15,9

Таблица II

Английская артиллерия XV - начала XVI в.

Название орудия	Масса пороха (в фунтах)	Масса ядра (в фунтах)	Масса пороха / масса ядра (%)
Бомбарда	80	260	30,77
Курто	40	60	66,66
Кулеврина	22	20	П О
«Нюрнбергское орудие» и «Апостол»	20	20	100
Лезар	14	12	117
Миньон	8	8	100
Серпентина	7	6	117
Фальк	1	1	100

Итак, на рубеже XV-XVI вв. отказались от гигантомании и предпочли орудия стандартизованные, надежные, легко транспортируемые и устанавливаемые на позицию, с относительно высокой скорострельностью, использовали удобные снаряды, движение которым сообщал значительный пороховой заряд. Наконец, старались поддерживать дальность настильной стрельбы на уровне ниже среднего⁹⁴. Артиллерия Франциска I, технические данные которой приведены в следующей таблице, ближе к артиллерии Карла VIII, чем та - к артиллерии Карла VII⁹⁵.

⁹⁴ Разумеется, кое-где отмечается более высокая дальнбойность. Во время осады Ама в 1411 г. фламандцы выпустили из «Большой птицы» камень «размером более бочки», который перелетел город и упал за Соммой (цит. по: Gay V. Stein H. Glossaire archéologique... [554]. Vol. I. P. 172, A). В 1465 г., согласно Коммину, Людовик XI <...> располагал сильной артиллерией, и орудия, расположенные на стенах Парижа, дали <...> несколько залпов. Удивительно, что их ядра долетели до нашего войска, ведь расстояние было в два лье, но, вероятно, они очень высоко подняли дула пушек» (Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 37). В 1479 г. 500-фунтовое железное ядро, выпущенное по укреплению Сент-Антуан из большой бомбарды, сделанной в том же году в Туре, долетает до судебного ведомства на Шарантонском мосту (Roya J. de. Chronique scandaleuse / Ed. B. de Mandrot. Paris, 1895. Vol. II. P. 81-82).

⁹⁵ British Library. London, ms. 23222.

Таблица III
Французская артиллерия в 1530-1540 гг.

Название орудия	Общая масса (в фунтах)	Масса металла (в фунтах)	Масса ядра (в фунтах)	Масса ядра / масса металла (%)
Пушка	8200	5000	23	4,6
Большая кулеврина	6380	4000	15,25	3,8
«Незаконная» кулеврина	4773	2500	7,25	2,9
Средняя кулеврина	2575	1500	2,5	1,6
Фальк	1240	800	1,5	1,8
Фальконет	880	500	0,75	1,5
Гаковница	50	45	0,1	2
Название орудия	Масса заряда (в фунтах) в %	Масса заряда / масса ядра	Количество выстрелов в день	Дальность стрельбы «до центра мишени» (в шагах)
Пушка	20	87	100	500
Большая кулеврина	10	66,6	100	700
«Незаконная» кулеврина	5	68,9	140	500
Средняя кулеврина	2,5	100	160	400
Фальк	1,5	100	200	300
Фальконет			250	200
Гаковница	0,1	100	300	120

Количественные аспекты

Долгое время артиллерийские орудия были не только маленькими и неэффективными, но и немногочисленными. Однако с 1360-1370 гг. на Западе многие города и почти все крупные государства имеют свои арсеналы. Интендант короля Англии в Понтье в 1368-1369 гг. приобретает для крепостей этого графства 20 медных и 5 железных пушек, 215 фунтов селитры, серы и амбры для производства пороха и 1300 больших «болтов» для пушек⁶⁶. Планируя поход во Францию в 1372 г., английское правительство предполагало использовать 29 железных пушек и 1050 фунтов селитры. В 1388 г. арсенал лондонского Тауэра содержал 50 пушек, 4000 фунтов пороха и 600 фунтов селитры.

⁶⁶ Storey-Chalkner S. L'administration anglaise du Ponthieu après le traité de Brétigny, 1361-1369. Abbeville, 1975. P. 286.

В том же году в замке Лилль было 59 фунтов пороха, 652 фунта селитры и 114 фунтов серы. Гент в 1380 г. приобретает 70 огнестрельных орудий, Ипр в 1383 г. покупает 52. С 1372 по 1382 г. Мехелен увеличивает свои запасы в среднем на 14 пушек в год⁹⁷. В конце XIV в. гарнизоны на севере Французского королевства, контролирующие Кале, как правило, имеют по одному канониру на крепость.

На рубеже XIV и XV вв. происходят перемены. В 1406 г. в ожидании осады Кале, во франко-бургундской армии держали на службе не менее полусотни канониров; было закуплено минимум 20 000 фунтов пороха. Четыре года спустя Кристина Пизанская полагала, что для обороны какой-либо крепости нужно 12 камнеметов, от 1000 до 1500 фунтов пороха, а в качестве боеприпасов - 3000 фунтов свинца для ядер и 200 камней; для атаки, по ее мнению, требуется 128 пушек, 1170 камней, 5000 фунтов свинца для ядер, 30 000 фунтов пороха. В 1417 г. мэрия Дижона решает, что для защиты города нужно приобрести 5000 фунтов пороха. В 1431 г. во время крестового похода против гуситов армия Германской империи имела около сотни бомбард.

Хороший критерий оценки численности артиллерии - потребность в порохе. В 1413 г. Франсуа Пастуро, парижский торговец, продает Иоанну Бесстрашному примерно 10 000 фунтов пороха, селитры и серы. Документ за 1421-1422 гг. утверждает, что в Париже можно было приобрести прямо на месте сырье для изготовления от 20 000 до 25 000 фунтов пороха⁹⁸.

В некоторых случаях можно было выяснить расход пороха на военные операции. В 1425 г. Ланселот де Лиль, губернатор Шартра, от имени Генриха VI Английского и маршала войска графа Солсбери, получил от Джона Харботла, главнокомандующего артиллерией при регенте Бедфорде, 1000 фунтов пороха на осаду Бомона, 3000 фунтов - Мана, 2800 фунтов - Сент-Сюзанна, 5800 фунтов - Майена. Во время осады Компьеня в 1430 г. армия Филиппа Доброго израсходовала 17 000 фунтов пороха против 10 000 - за 73 дня, в течение которых продолжалась кампания 1436 г. под Кале.

Во второй половине XV в. происходит новый количественный скачок. В правление Людовика XI бюджет артиллерии увеличивается едва ли не в пять раз. Города сильнее, чем когда-либо, проявляют интерес к вооружению артиллерией. В 1452-1453 гг. запасы пороха в Ренне превышали 5000 фунтов. С 1450 по 1492 г. этот город приобретает 45 пушек, 32 серпентины, 65 кулеврин, 149 аркебуз, 7 пищалей и 45 фальков. Гент в 1456 г. располагал 189 орудиями разного калибра, в 1479 г. - 486 орудиями. Для Кельна эти цифры на 1468 г. составляют 348, для Нюрнберга на 1462 г. - 2230, для Страсбурга на 1476 г. - 585.

Gâter C. L'industrie et le commerce des armes... [579]. P. 92.

Ibid. P. 327-333.

В конце XV в., что подтверждают Итальянские войны, французская артиллерия по численности и качеству была первой в мире. Счет за 1489 г. показывает, что у Карла VIII было пять артиллерийских дивизионов, насчитывавших десятки канониров, около 150 орудий, тысячи лошадей и располагавших десятками тысяч фунтов пороха. В этом году расходы на артиллерию составили 8% всех военных расходов французской монархии против 6% в 1482 г."

Даже такое маленькое государство, как герцогство Бретань, не могло позволить себе оставаться без орудий: опись за 1495 г., сразу же после присоединения к Франции, перечисляет 707 орудий, распределенных по полутора десяткам крепостей.

Оливье де Ла Марш (возможно, преувеличивая) говорит, что у Карла Смелого был парк в 300 орудий; известно, что во время Гелдернской кампании 1472 г. их было 110, при осаде Нейса (1474-1475 гг.) - 229, во время первого завоевания Лотарингии (1475 г.) - 130.

Несмотря на определенную техническую отсталость, итальянские государства тоже тратили значительные суммы на новое оружие. Артиллерия Милана в 1472 г. предположительно насчитывала 8 бомбард, 8 спингард и 100 скопитусов, а для каждой бомбарды имелось по сотне ядер. Потребность в порохе составляла около 34 000 фунтов. Для перевозки и перемещения всего этого требовалось 334 повозки и 754 быка или вола. Наличные запасы пороха в том же герцогстве за 1476 г.: 138 847 фунтов в Милане, 26 252 в Падуе, 24 399 в Кремоне.

К 1500 г. крепости и замки, за счет государей и правителей, располагали немалым количеством артиллерийских орудий и боеприпасов: в Кастель Нуово в Неаполе было 321 орудие, 1039 бочонков пороха, селитры и серы, 4624 ядра. Арсенал Венеции, по утверждению немецкого паломника Арнольда фон Харффа, включал в себя 12 пороховых мельниц, приводившихся в ход конной тягой, и содержал селитры на 80 000 дукатов. Тот же источник сообщает, что в двух «артиллерийских домах», построенных в Инсбруке Максимилианом Габсбургом, хранилось 280 артиллерийских орудий, 18 000 аркебуз и 22 000 ручных кулеврин. В цитадели Перпиньяна в 1503 г. Антуан де Лален якобы насчитал «от четырех до пяти сот артиллерийских орудий, таких как курто, серпентины и фальки»¹⁰⁰.

Даже частные лица все чаще владеют личным огнестрельным оружием: с 1470 г. «списки» горожан на кладбище Невшателя в Швейцарии показывают, что из 523 записанных человек 100 имеют по ручной кулеврине.

Contamine Ph. L'artillerie royale française à la veille des guerres d'Italie [680].

Gachard L. P. Collection des voyages des souverains des Pays-Bas. Bruxelles, 1876. Vol. I.

Надо сказать, что к концу XV в. артиллерия все еще находилась на подъеме, и никаких тенденций к снижению ее значимости не проявлялось. Ей предстояло развиваться теми же темпами. В 1513 г. при осаде Турне армия Генриха VIII Английского насчитывала 180 орудий, которые при полной загрузке могли расходовать в день до 32 т пороха; для похода было привезено 510 т. Почти тогда же в разных городах и замках Франции, от Булони-сюр-Мер на севере до Байонны и Безье на юге, как и во многих крепостях Северной Италии, завоеванных к тому времени, монархия Валуа располагала 4 бомбардами, 2 малыми бомбардами, 88 пушками-серпентинами, 38 большими кулевринами, 86 средними кулевринами, 2 курто, 254 фальками и 947 аркебузами. Итого - 1430 «больших и малых» орудий¹⁰¹.

5. КОНТРАКТ, НАЕМНИКИ, ДОБРОВОЛЬЦЫ

Военная система государства, безусловно, зависит от его ресурсов, в первую очередь, финансовых, от устройства его правительства и системы управления, уровня технологии, организации общества, природы экономики, а также его чисто военных задач и требований. В самом деле, любое государство старается создать вооруженные силы в соответствии с собственными устремлениями и опасениями. Так обстояло дело в Англии конца Средневековья, где военные институты определялись несколькими факторами.

1. Общество, т. е. феодальный режим, утратило «человеческий» аспект, почти полностью превратившись в режим земель, или держаний; отсюда - необходимость создания новых личных связей между магнатами, т. е. правителями, и людьми, которые могли бы служить им на войне («незаконнорожденный» феодализм).

2. Главную силу Англии составляло массовое использование длинного лука, оружия скорее народного, чем аристократического; значит, набрать достаточное количество лучников высокой квалификации можно было, только обратившись ко всем слоям населения, независимо от их юридического статуса.

3. Внешняя политика Англии имела ярко выраженный агрессивный и завоевательный характер, и составными частями ее были: отправка в Шотландию, Ирландию, иногда в Уэльс, но, прежде всего, за море, экспедиционных корпусов, способных вести войну вдалеке от своих баз в течение шести месяцев, года, двух лет и более; и использование гарнизонных частей, которые бы долго удерживали определенное число крепостей на континенте и даже при необходимости могли бы превращаться в настоящую оккупационную армию.

¹⁰¹ Bibl. Nat., Paris, fr. 2930, f. 136-141.

Уже в начале правления Эдуарда III можно было различить три типа войск в зависимости от принципа набора:

а) обязанные нести феодальную службу; так, в 1327 г. для отражения нападений шотландцев король направил вызовы своим главным вассалам, которые по долгу верности и в силу принесенного ими оммажа должны были в определенный день явиться в Ньюкасл-на-Тайне; уже тогда задача состояла не столько в том, чтобы добиться выполнения бесплатной феодальной службы, сколько в том, чтобы напомнить главным вассалам об их законных обязанностях и косвенно подтолкнуть их набрать более значительные, но оплачиваемые отряды¹⁰²;

б) национальное войско, набранное войсковыми комиссиями; так, в 1327 г. в Ноттингемшире и Дербишире предполагалось собрать 2000 пехотинцев, графство Честер должно было поставить тысячу человек и т. д.; задача комиссий состояла не только в экипировке и оплате воинов и доставке их к месту сбора, но, прежде всего, - в том, чтобы выбрать лучших, более сильных, достойных, могущественных, способных, привлечь «лучших и наиболее пригодных», «самых сильных и самых крепких», «самых пригодных и самых храбрых»;

в) простые добровольцы в чистом виде, как в королевстве, так и за его пределами.

Впоследствии первый тип войск утратил свое значение и в конце концов исчез. В 1385 г. по случаю большой войны с Шотландией Ричард II созвал крупнейших духовных вассалов, обязанных нести бесплатную обязательную службу в течение 40 дней; впрочем, с учетом тарифа оплаты воинов в том году эта бесплатная служба давала лишь незначительную экономию - порядка 1500 фунтов стерлингов. Что касается крупнейших светских вассалов, то они получили письменное приглашение, сочетавшее в себе черты старинного феодального вызова с *обязательной службой* (cum servitio debito) и вызова «нефеодального типа» *сколько сможете привести сил* (quanto potentius poteritis); иначе говоря, король ожидал от своих вассалов, что они соберут как можно больше войска, но подразумевалось, что с момента выступления им будут платить. В том же 1385 г. английская корона в последний раз вознамерилась было призвать всех арьервассалов в качестве оруженосцев, но так и не сумела этого сделать¹⁰³.

С третьей четверти XIV в. ядро армии составляла совокупность военных отрядов («retenues») - воинских отрядов разного размера, набранных согласно условиям контрактов (indentures). Вот, в качестве одного из возможных

¹⁰² Lewis N. B. The Summons of the English Feudal Levy, 5 April 1327 [417].

¹⁰³ Lewis N. B. The Last Medieval Summons of the English Feudal Levy... [414]; Palmer J. J. N. The Last Summons of the Feudal Army in England (1385) [424].

примеров, контракт, заключенный 10 ноября 1369 г. в Савойе между Джоном Гонтом, герцогом Ланкастерским, и мессиром Джоном Невиллом, владельцем Рэби. Последний обязуется служить герцогу «прежде, чем всякому другому лицу в мире», за исключением короля, и повсюду, где пожелает герцог, как в мирное время, так и во время войны, если только не потребует срочной защиты короля. За это он будет всю жизнь каждый год получать 50 марок стерлингов за счет доходов от двух маноров в графстве Ричмонд. При посещении своего патрона он будет «допущен к столу» вместе с одним башельером, двумя оруженосцами и двумя камердинерами, при этом ему оплатят или предоставят слуг и лошадей. В военное время Джон Невилл будет обязан нести службу вместе с 20 кавалеристами (пятеро из которых - рыцари) и 20 конными лучниками. За это он ежегодно будет получать «как вознаграждение» 500 марок в дополнение к обычной оплате. Если у него захватят лошадей, его потери будут возмещены; он получит все необходимое для переправы туда и обратно; дележ пленных и трофеев будет производиться, как принято по обычаю, с другими баннеретами; для войны в Шотландии он должен будет поставить до 50 кавалеристов и 50 лучников¹⁰⁴.

Например, в походе герцога Джона Ланкастера во Францию в 1373 г. участвуют, кроме самого герцога, 28 командиров или капитанов отрядов, в том числе 13 англичан (3 графа, 7 баннеретов, 2 рыцаря и 1 клирик) и 15 иностранцев: герцог Бретонский (правда, живущий в Англии как изгнанник, так что среди его воинов в основном англичане), 3 кастильских рыцаря, тоже изгнанники, 4 уроженца Нидерландов (в широком смысле), 3 гасконца, 1 пуатевинец и 1 лимузец; общая численность этих 28 отрядов составляла 6000 воинов.

Наряду с контрактами, подписываемыми командующим походом с капитанами, существовали субконтракты, с помощью которых последние формировали собственные отряды: в 1381 г. сэр Томас Фелтон нанимается на службу в Бретань на 6 месяцев со своим отрядом из 500 кавалеристов, включая его самого, и такого же количества лучников; с другой стороны, сохранилось пятнадцать субконтрактов с его подписью, согласно которым к нему на службу поступали 178 кавалеристов и 181 лучник¹⁰⁵.

Контракты продолжали использовать и в XV в., не без некоторых изменений, касающихся отдельных деталей. Свидетельство тому - контракт от 7 апреля 1475 г. между герцогом Ричардом Глостером, коннетаблем и адмиралом Англии, и Эдмундом Пастоном, оруженосцем: последний обязуется служить под началом герцога в армии, которую король отправляет во Францию, в течение года в качестве кавалериста вместе с тремя конными лучниками; он будет получать для себя 18 денье в день, а на каждого лучника - 6 денье. Он уже

Lewis N. B. Indentures of Retinue with John of Gaunt [413]. P. 88-90, n° 3.

Sherborne J. W. Indentured Retinues and English Expeditions to France, 1369-1380 [437].

получил оплату за первый квартал года и предупрежден, что должен явиться в Портсдаун в Хэмпшире 24 мая сего года. Тогда он получит оплату за второй квартал, и тогда же начнется его год службы; после этого, на континенте, ему будут платить ежемесячно в английской или эквивалентной монете в течение десяти дней по наступлении каждого срока оплаты. Он обязуется повиноваться воззваниям и указам короля, выполнять приказы герцога, время от времени нести дозор и охрану; если на континенте будет проведен смотр и его отряд окажется неполным, жалование ему в дальнейшем сократят; герцогу полагается треть его военной добычи и треть трети (т. е. 11%) добычи его отряда; через шесть дней после взятия пленных герцогу должны быть сообщены их имена, звания, состояния, положение, количество и ценность; Эдмунд сможет оставить их себе, если это не король Франции, не дети короля, герцоги, графы, наместники и командующие - их он должен уступить либо королю Англии, либо герцогу после соответствующего вознаграждения¹⁰⁶.

Англии редко грозила опасность с суши, и там почти не было случаев полной мобилизации с оборонительными целями. Однако понятие воинской обязанности, касающейся всех англичан, не исчезло. Ведь, с одной стороны, монарх считал необходимым, чтобы как можно больше его подданных упражнялось в стрельбе из лука; с другой стороны, шотландцы, французы, валлийцы порой явно угрожали стране, предпринимая набеги с моря или суши, что требовало подготовки к обороне районов, которым грозила непосредственная опасность. Например, в 1372 г. в Уэльсе Джон Ланкастер приказал своим офицерам «собрать и подготовить всеми способами боеспособных людей в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, будь то кавалеристы, легкие конники или лучники либо прочие воины, а равно доспехи, луки и прочие вещи, надобные и пригодные для войны, т. е. снарядить каждого согласно его положению и возможностям и распределить их по тысячам, сотням и двадцаткам»; для предупреждения о появлении врага зажигать «костры» или поднимать «крик и гам», и тогда каждый должен направляться в защищаемые города и замки¹⁰⁷.

Во Французском королевстве тоже с середины XIV в. становятся популярными договоры о найме, в основном в форме «наемных грамот», посредством которых король или его представитель нанимал капитана с определенным отрядом за определенное жалование. Однако договорный аспект, по крайней мере официально, здесь явно выражен слабее, чем по ту сторону Ла-Манша: прежде всего, не оговаривается срок, так что через месяц обе стороны теоретически могли считать себя свободными от обязательств. Тексты наемных грамот, записанные в сборниках установленных образцов при Карле V, по

¹⁰⁶ Paston Letters and Papers of the Fifteenth Century / Publ. N. Davis. Oxford, 1971. T. I. P. 636-638, n° 396.

¹⁰⁷ John of Gaunt's Register / Publ. A. S. Smith. London, 1911. T. I. P. 107-108, n° 253.

содержанию мало отличаются от аналогичных документов времен Карла VII или Людовика XI. Монархия явно стремилась диктовать свои условия. Нанявшись на службу, капитаны попадали под определенный контроль, суть которого подробно изложена в большом ордонансе Карла V, датированном 13 января 1374 г. В нем объясняется, что король Франции утвердил его по совету своих военных «главных командиров», потому что некоторые капитаны, имея «начальствование» над воинами, не сохранили указанного личного состава на день смотра; потому что они оставляли себе, в свою личную пользу, не раздавая своим людям, получаемые ими от короля суммы; потому что они не сообщали военным казначеям о случаях преждевременного ухода воинов из армии; наконец, потому, что получив расчет от воинских казначеев, они забирали все деньги себе, а не делились с бывшими соратниками. Чтобы пресечь эти злоупотребления, а также чтобы капитаны, как это бывало в последний поход, не набирали за счет короля людей низкого положения, мародеров, к тому же плохо вооруженных и экипированных, в указе предписывались различные меры. Кроме людей коннетабля и командира арбалетчиков, все остальные воины должны пройти начальный смотр, а после него - еще один перед двумя маршалами Франции, при которых будет восемь заместителей. Приниматься будут лишь воины, явившиеся лично, достаточно вооруженные и экипированные, имеющие лошадь и доспехи, которые принадлежат либо им самим, либо их командиру. Каждый воин на каждом смотре должен присягать, что будет нести службу на своем месте, пока получает королевское жалованье; замена его допускается лишь в тех случаях, когда его уволил капитан, или призвал к себе на службу король, или он нездоров телесно. Капитаны же будут предъявлять надежных воинов, известных им лично, с какими пошли бы на бой за собственное дело; отпуска они будут предоставлять лишь по уважительным причинам; о самовольных отлучках они будут сообщать военным казначеям, и это повлечет за собой финансовые последствия; они возьмут со своих людей клятву служить постоянно, не уходить без дозволения, платить за все справедливую цену, не причинять никакого зла подданным короля ни при заступлении на службу, ни в течение срока службы, ни при возврате к родным очагам. Получив расчет, воины должны вернуться домой как можно скорее, под угрозой конфискации коня и доспехов. За ущерб, нанесенный их отрядами, ответственность несут капитаны. Оплата воинам будет производиться по малым войсковым частям или подразделениям (рота, в которой насчитывается не менее 100 человек), называемым отделениями, и капитан платит лишь людям из собственного отряда; впрочем, контролирующим чиновникам предписывается следить, чтобы численность рот составляла минимум 100 человек; действительно, на роты, которые на смотре оказались меньшими по составу, служащие маршалов не получают ничего; наконец, капитаном можно стать, только получив грамоты и дозволение короля, его наместников или военачальников либо других

князей или сеньоров королевства и только с целью службы королю либо во имя защиты блага и безопасности его страны¹⁰⁸.

Однако из-за того, что конфликты здесь чаще всего имели оборонительный характер, вследствие создавшегося представления о дворянстве и из-за образа жизни, который диктовался этим представлением, дворянских фискальных привилегий, окончательно признанных при Карле V, военные обязанности феодального типа по-прежнему были определяющими в наборе войска, претерпевая, конечно, различные трансформации.

До середины XIV в. монарх довольно регулярно жаловал фьеф-ренты разным сеньорам и князьям, имевшим владения за пределами королевства, за что эти вассалы особого типа обязывались в случае получения вызова от короля поставлять отряд определенной численности. Впрочем, этим отрядам полагалось обычное жалованье¹⁰⁹. В некоторых случаях бесплатная феодальная служба, ограниченная в пространстве и во времени, не только формально сохранялась, но и была востребована, однако, с возможностью откупиться. «Счет земли графства Ангулемского» за период с 17 декабря 1349 г. до Иванова дня [24 июня. - *Примеч. пер.*] 1350 г. перечисляет имена местных дворян, обязанных срочной службой в Мерпенсе в течение одного, двух или трех месяцев, но откупившихся за определенную сумму¹¹⁰. Во время первых кампаний Столетней войны отряды коммун, поставленные многими городами, начинали получать жалованье от войсковых казначеев лишь с 41-го дня службы. Согласно документу XIV в., относящемуся к Пуату, «Шарль де Рошфор обязан епархии Пуату службой одного рыцаря в течение сорока дней. Также, за права наследства для детей, он обязан епархии Сентонжа службой двух рыцарей в течение 40 дней»¹¹¹. Но, прежде всего, монарх, направляя всеобщие или местные вызовы, более или менее принудительные и строгие, в зависимости от обстоятельств и ожидаемого эффекта, был вправе ожидать службы от всех дворян, державших от него фьефы (под угрозой конфискации имущества и личного ареста), к которым часто присоединялись все, кто согласно обычаю «вооружался сам». Таким был призыв к дворянам в 1355 г., изложенный Фруассаром: Иоанн Добрый, узнав, что Эдуард III высадился в Кале, издал «превеликое и особое воззвание по всему королевству, дабы всякий рыцарь и оруженосец в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет явился в некий день, указанный им [Иоанном], в город Амьен и окрестности оногo, ибо желает он идти на англичан и сразиться с ними»¹¹².

¹⁰⁸ Ordonnances des rois de France. Vol. V. P. 658-661.

¹⁰⁹ Lyon B. D. From Fiefto Indenture... [263]. P. 308.

¹¹⁰ Imbert L. Compte de l'Angoumois sous la domination royale (1349-1350) // Bulletins et mémoires de la Société archéologique et historique de la Charente. 8e série. 1917. N VIII. P. 134-135.

¹¹¹ Bibl. Nat. Paris, fr. 25948, n° 971.

¹¹² Contamine Ph. Guerre, Etat et société... [457]. P. 38.

К этим дворянам, ленникам, вассалам и арьервассалам по прибытии их на место относились как к настоящим добровольцам: после смотра перед маршалами Франции и чиновниками их брала на содержание военная администрация, которая согласно закону, отмененному лишь при Карле V, должна была не только оплачивать им каждый день службы, но и выдавать компенсацию за «приезд» и «отъезд». В самом деле, ведь главным для короля было не предъявить свои права, а получить достаточное количество хороших бойцов.

Воинскую обязанность всех подданных короля не предавали забвению и позже: до 1356 г. монарх не раз созывал всеобщий арьербан, что выражалось не только в замене натурального довольствия денежным, но и в отправке более или менее экипированных отрядов городами и даже довольно небольшими поселениями. Таким образом, большие армии начала Столетней войны были как по форме набора, так и по социальному и географическому происхождению воинов очень пестрыми. Об этом свидетельствует Фруасар, говоря об армии, которой предстояло сражаться при Креси: «И было велено герцогу Лотарингскому, графу Солсбери, графу Намюрскому, графу Савойскому и мессире Людовику Савойскому, его брату, графу Женевскому и всем высоким баронам, каковые были либо считались королем обязанными ему службой, а также людям из поселений, из добрых городов, превотств, баляжей, кастелянств и мэрий королевства Французского, дабы каждый был готов. И когда настанет назначенный день, пусть каждый выступит и явится на смотр; ибо желал он биться с англичанами <...>. И пришли, и стеклись в большом числе воины со всех сторон, дабы послужить королю Франции и королевству, одни - ибо обязаны были к сему оммажем, другие - дабы получить за сие содержание и деньги»¹.

После 1356 г., и особенно правления Карла V, от арьербана, похоже, совершенно отказались по двум причинам: во-первых, исчез фискальный интерес после введения других типов налогов (прежде всего - тальи и подымной подати), дававших более стабильный и надежный доход; во-вторых, власть по военным и политическим соображениям уже не была заинтересована в широком использовании коммун. В общем и целом она разделяла точку зрения, выраженную Филиппом де Мезьером в его «Жалостном и утешительном послании о разгроме благородного и доблестного короля Венгрии турками при городе Никополе в Болгарском царстве». «Старый отшельник из монастыря целестинцев в Париже» исходит из того, что «при всяком командовании и начальствовании в боях, с тех пор как в мире сем начались войны, необходимы четыре нравственных добродетели - Порядок, Рыцарская Дисциплина, Повиновение и Справедливость». Он задается вопросом: способны ли пехотинцы, простолюдины, «первая ступень христианского воинства», подчинить свое

¹ FroissartJ. Chroniques (начало первой книги) / Ed. G. T. Diller. Genève. Vol. I. P. 683-685.

войско «истинному повиновению столь достохвальным четырем добродетелям»? Ответ отрицателен. «Ибо от природы большая часть их груба, мало питана добродетелью и весьма хитра; и того хуже: как от природы, так и от дурного воспитания иные порой склонны к мятежу против своих природных сеньоров, поелику чувствуют себя в рабстве у тех, и сия склонность была не раз доказана». Однако меньшая часть их «разумна и проницательна, и украшена добродетелями». Если есть коммуны «добрых правил», это потому, что «правители часто бывают людьми благородными либо из хорошо воспитанного и добродетельного состояния». Поэтому, в лучшем случае, коммуны могут направлять избранных воинов, с хорошим командным составом и под началом дворян"¹⁴. По той же причине Кристина Пизанская изобличает «опасность даровать простому народу более власти, чем ему подобает», и советует не вооружать его: «Ибо, осмелюсь сказать, нет большего безрассудства со стороны государя, желающего сохранить в своих владениях благосостояние и мир, нежели дать дозволение простонародью самому вооружаться»¹⁵.

На самом деле, после 1360-1370 гг. королевская власть требовала от некоторых городов лишь сравнительно небольшие отряды обученных и тренированных стрелков и щитоносцев. Своего рода всеобщая мобилизация, созыв народного ополчения в местности или городе могли быть объявлены только в случае неотвратимой и непосредственной опасности.

С 1409-1410 гг. вновь начал созываться арьербан; но теперь, прежде всего, старались придать приглашениям особо торжественную форму - не потому ли, что в разгаре была гражданская война и нужно было сделать все для привлечения и убеждения колеблющихся дворян, чтобы они не самоустранились или не ушли к противнику.

При выходе из тяжелого кризиса, отметившего вторую половину Столетней войны, Карл VII, решив реорганизовать систему воинской обязанности, прежде всего создал службу под названием бана и арьербана для всех держателей фьефов, которым в первые годы царствования Людовика XI был даже дан постоянный командный состав"¹⁶; потом он преобразовал старинный рекрутский набор в коммунах, организовав отряды вольных лучников и арбалетчиков, поставляемых и экипируемых каждой общиной и приходом королевства из расчета один воин на 120, 80 или 50 очагов. От Пуатье, например, в 1448 г. потребовали 30 вольных лучников, поторговавшись, город сумел снизить это число до 12; потом, в 1467 г. их численность дошла до 18 (запрашива-

¹⁴ Цит. Кервином де Леттенхове в его издании Фруассара: *Froissart J. Œuvres / Ed. Kervyn de Lettenhove. Vol. XVI. P. 467-468.*

¹⁵ *Christine de Pizan. Le livre de la paix / Ed. C. C. Willard. La Haye, 1958. P. 133.*

¹⁶ Карл Смелый - по крайней мере, до создания ордонансных рот - пошел по этому пути даже дальше, назначив вассалам в своих доменах «домашнее жалованье», в половину меньшее, чем в военное время.

ли 24) и в 1474 г. - до 24"¹⁷. Если добавить, что во второй половине XV в. часто упоминаются мобилизация саперов и возчиков и реквизиция лошадей, можно сделать вывод, что обязательная военная служба или, по меньшей мере, активное и непосредственное участие большого числа подданных в войнах их суверена во Франции конца Средних веков отнюдь не исчезли.

Третий географический регион - Италия. В той или иной форме ранние «компании» на территории полуострова можно обнаружить еще до начала XIV в. Однако главным отличительным признаком итальянских армий они становятся только после 1320-1330 гг. Почему «компании» довольно внезапно появились и, главное, надолго закрепились здесь? Одна из причин связана с тем, что, по крайней мере в городах-государствах Центральной и Северной Италии, правящие классы, которые должны были бы стать костяком армии, все больше и больше погружались в свою профессиональную деятельность и предпочитали прибегать к помощи наемников, набираемых либо среди жителей собственного государства, либо в других местах Италии, либо среди чужеземцев. Деловые люди Возрождения «знают <...>, что в определенные моменты война действительно необходима ради лучшего развития дел и процветания города; они, не колеблясь, пользуются случаем, чтобы развязать войну; но сами они больше в ней не участвуют. Постоянные мобилизации слишком нарушают нормальный ход дел в этих компаниях, в этих фирмах, связанных со всем миром, где каждый должен заниматься своим делом; деловые люди XIV в. теперь не опоясываются мечом и не собираются под знамена городских ополчений, некогда столь славных. Они объявляют войны, они финансируют их, но лично их уже не ведут. Даже те из них, кто имеет дворянское происхождение, давно утратили желание извлекать меч из ножен <...>. Чем мобилизовывать наиболее энергичных из горожан, не разумнее и не выгоднее ли платить наемникам, которые и будут воевать, в то время как купцы у себя в конторах будут зарабатывать деньги для их оплаты? Вот система кондотты: деловой человек своим размахом своей профессиональной деятельности, своей страстью к наживе, ощущением своего интеллектуального превосходства, своим презрением к грубой силе, а также осознанием могущества денег сотворил кондотьера; эти два типа людей, противоположных и взаимно дополняющих друг друга, характеризуют итальянское общество XIV в. <...>. Деловой человек, особенно в городах на континенте, стал штатским в чистом виде: рыцарские шпоры, на которые он претендует или носит, - не более чем украшение»¹¹⁸. Если еще во время кампании 1325 г., закончившейся разгромом при Альтопашо, Флоренция выставила, наряду с 1500 наемных всадников, 500 флорентий-

¹¹⁷ Favreau R. La ville de Poitiers à la fin du Moyen Age. Une capitale régionale. Poitiers, 1978. Vol. II. P. 327.

Renouard Y. Les hommes d'affaires italiens du Moyen Age. Paris, 1968. P. 237.

ских, 400 из которых направила конница (*cavallata*) горожан, то это было нечто вроде лебединой песни старинного института боевой конницы на содержании «жирного народа» и богачей¹⁰.

Использование кондотты можно объяснять и тем, что установился режим синьорий и сеньоров, а последние, боясь народа, прибегали к помощи наемников. Но это толкование представляется менее убедительным, поскольку сеньоры обычно могли опираться на какую-то группировку внутри города, в котором господствовали. А значит, они могли набирать воинов среди членов этой группировки. Следовательно, использование наемников может быть объяснено главным образом экономическими и военными факторами: с одной стороны, города располагали достаточным количеством свободных денег, чтобы платить наемникам; с другой стороны, на большом рынке войны хватало наемников, чья боеспособность, как считалось, с лихвой окупает их оплату.

Почти два поколения, с 1340 по 1380 г., продолжался период «компаний», в которых преобладали неитальянские элементы. В 1334 г. Центральную Италию терроризировали «рыцари голубя», немцы. В 1339 г. другие немцы, объединившись в первую «Компанию св. Георгия», поступили на службу к Лодрицио Висконти. Далее, в 1342 г., - «Великая компания» немца Вернера фон Урслингена, на кирасе которого можно было прочесть его девиз: «Враг Бога, враг благочестия, враг сострадания». Потом - «Великая компания» бывшего провансальского госпиталяера Монреалья д'Альбарно (фра Мориале) - сборище вояк французского, венгерского, но в основном немецкого происхождения; после того как Кола ди Риенцо в Риме обезглавил их командира, компания перешла под начало графа Конрада фон Ландау, которому предстояло потерпеть тяжелое поражение от тосканцев при Бифорко в 1358 г. Далее ситуация изменилась: из сугубо временных сообществ, первоочередной целью которых была эксплуатация местных жителей, их постоянных жертв, компании превратились в постоянные сплоченные боевые организации, регулярно поступающие или старающиеся поступить на службу к тому или иному итальянскому государству. В качестве примера можно привести историю англичанина Джона Хоквуда. Этот сын кожевника из окрестностей Колчестера, повоював во Франции, в 1360 г. объявился во главе отряда смешанного состава, но с преобладанием его соотечественников. Одно время он числился в «Ве-

¹⁰ В принципе, каждый флорентиец от 15 до 70 лет был обязан нести военную службу, если у него не было физического увечья, надлежащим образом заверенную хирургом (*cerusicus*) или врачом (*magister medicus*). Злостное и намеренное уклонение от службы, по крайней мере во время войны, могло караться смертью и конфискацией всего имущества. По традиции военная служба в коннице была долгом всех флорентийцев, имевших основной доход свыше 500 флоринов; они должны были поставить боевого коня стоимостью от 35 до 70 флоринов. Однако разрешались замены. В 1339 г. 600 граждан еще содержали лошадей для этой конной службы, но сами лично не сражались.

ликой компании» маркиза Монферратского на службе у графа Савойского, воевавшего с миланскими Висконти. Возможно, он участвовал в битве при Бринье (6 апреля 1362 г.). В следующем году он появился у пизанцев во время их войны с Флоренцией. В дальнейшем он оказывается уже на стороне Висконти. Девять лет он был самым грозным капитаном Италии, командуя «Белой компанией»¹²⁰. Он воевал против Флоренции, против папы, против императора Карла IV. Но в 1372 г. он внезапно переходит на сторону папы против Галеаццо Висконти и наголову разбивает последнего на реке Кьеze 7 мая 1373 г. После того как Милан и папа помирились, Хоквуд, оставшись без дела, направляется к Флоренции, угрожает ей и грабит ее земли. Тщетно Екатерина Сиенская призывает его покинуть Италию и отправиться в крестовый поход против турок. В 1375 г., будучи вновь на папской службе, он вторгается в Тоскану. Флоренции удается умиловить его, предложив 130 000 флоринов, и к этой сумме добавляются еще взносы Пизы, Лукки, Ареццо и Сиены. За несколько месяцев английский капитан получил 225 000 флоринов. Кроме того, Флоренция обязалась выплачивать ему пожизненно ежегодное жалованье в размере 1200 флоринов. Как ни странно, несмотря на этот поток золота, Хоквуд еще два года оставался на службе у папы - в период так называемой войны Восьми святых, которую папа вел с Флоренцией и ее союзниками. Он несет прямую ответственность за резню в Чезене, в Романье, где, возможно, простились с жизнью примерно 5000 человек. Через несколько недель он открыто переходит на сторону Флоренции и Лиги, гарантирующих ему 250 000 флоринов в год. Именно тогда он женится на Доннине, незаконнорожденной дочери Бернабо Висконти, и становится владельцем замка и земель. До самой смерти в 1394 г. он сохраняет верность Флоренции. Деятельный и осторожный тактик, постоянно пребывавший в движении, Хоквуд, похоже, был очень любим своими людьми, которым он регулярно платил и которые никогда не бунтовали. Конечно, он знал и поражения, но всякий раз ему удавалось восстановить свои силы, обращаясь в первую очередь к соотечественникам (второй «Компании св. Георгия»). Итак, Хоквуд вполне заслужил оценку, которой его удостоил Паоло Джiovio: «Суровейший воин и осторожнейший человек» (*Acerrimus bellatores cunctator egregius*). Впрочем, Хоквуд так и не смог сколотить настоящего состояния; перед самой смертью он даже решил, чтобы разделаться с долгами, продать свои владения: виллу под Флоренцией, замок близ Ареццо, - и вернуться на родину. Значит, этот авантюрист так и не прижился в итальянском мире¹²¹.

¹²⁰ Название объясняется тем, что люди Джона Хоквуда носили «белые доспехи», не покрытые тканью.

¹²¹ Gaupp F. The condottiere John Hawkwood [505].

Последней иностранной «Великой компанией» на земле Италии были бретонцы Сильвестра Бюда, эпопея которых практически завершилась в 1380 г., в битве при Марино, выигранной Альбериго да Барбиано, возглавлявшего третью «Компанию св. Георгия».

Этот эпизод завершает целую эпоху. Отныне итальянские государства будут стремиться набирать в основном наемников-итальянцев и укреплять связи с командирами, которых берут на службу: время наемных «компаний» сменяется временем *кондотьеров*.

В XIV в. «Великая компания» была «сообществом сообществ» (*societas societatum*), иначе говоря сборищем «вольных отрядов», признававших одного выбранного ими верховного командира; но руководил он при помощи *предводителей* и *советников* (*caporales et consilarii*), и *кондотта* упоминала не только имя кондотьера, но и имена членов его совета, «поименно и раздельно» (*nominatum ac separatim*). Жалованье выдавалось капитану и советникам совместно, и им поручалась раздача его всем воинам. В XV в. в *кондотте* стоит только имя командира, и деньги получает он один. Кондотьер считает себя уже не главарем банды, а генералом, которого восхваляют художники и писатели.

Использование кондотты, так же как и контракта (*indenture*) в Англии, не ограничивалось военной областью: ее применяли при получении рудничных концессий, при заключении контрактов на снабжение, при передаче сбора налогов на откуп частным лицам. Вдохновляясь законами «Дигесты» о *сдаче в наем и найме услуг* (*locatio et conductio operum*), Джованни ди Леньяно, итальянский юрист XIV в., определяет кондотту как *сдачу в наем услуг* (*locatio operarum et rei*), где заказчик (*locator*) нанимает подрядчика (*conductor*) за согласованную плату на определенное время и для выполнения определенного задания. Фактически кондотта регулярно заключалась между государственными властями и капитаном, т. е. военачальником. В нее записывали имя командира, численность отряда, срок службы, обязательный (*ferma*) или возможный, по усмотрению (*ad bene placitum*, или *di rispetto*), причем заметна тенденция к увеличению срока службы: если в XIV в. он часто составлял 3-4 месяца, то в XV в. доходит до 6 обязательных плюс 6 возможных месяцев. В Венеции около 1440 г. предусматривалось 2 обязательных года службы, к которым можно было добавить еще год. Указывались также жалованье, часть которого выдавалась заранее в виде аванса, принципы дележа выкупов и добычи, формы инспектирования, объем власти кондотьера над своими воинами, его фискальные привилегии, снабжение жильем, дровами, соломой и провизией за справедливую цену. За подвиг кондотьер мог получить награду (например, серебряный шлем) и даже пенсию, дворец, фьеф, «гнездо», как иногда говорили. Все усилия направлялись на то, чтобы сделать кондотьеров составной частью государств, которым они служат; в Венеции некоторые пограничные крепости вверялись им на длительный срок.

Из 40 иностранцев, принятых в число горожан Большим советом Венеции с 1404 по 1454 г., 13 были кондотьерами на службе у Светлейшей республики. После смерти они получали право на публичные похороны, статую, фреску, изображающую их во всем блеске славы. И напротив, немало кондотьеров-изменников было казнено, оштрафовано, выслано¹²².

Желание ввести кондотьеров в официальные рамки итальянского политического общества подтверждается еще и тем, что многим из них удавалось закрепиться на территории, где они служили. Браччо да Монтоне в 1416 г. стал сеньором своего родного города Перуджи; из обоих сыновей Муцио Аттендоло Сфорца один, Алессандро, стал повелителем Пезаро, а другой, Франческо, вторым браком с Бьянкой Висконти упрочил свои права на Миланское герцогство. Кондотьеры становились сеньорами многих малых и средних городов (Урбино, Мантуи, Римини, Феррары). Они довольно редко были людьми действительно нового типа; большинство из них с полным правом вливалось в ряды аристократов, разделяя их привилегии, вкусы, систему ценностей, включая практику меценатства. Наконец, некоторые семейства были настоящими поставщиками кондотьеров: из 160 человек 60% принадлежит всего к тринадцати военным семействам, среди которых - Колонна, Орсини и Сфорца¹²³.

В XV в. среди командиров преобладали итальянцы, среди воинов - тоже. Изучение бухгалтерских книг компании Микелетто дельи Аттендоли позволяет проследить ее состав с 1425 по 1449 г.: из приблизительно 450 бойцов, происхождение которых известно, 3,5% составляют французы, провансальцы, немцы, венгры, брабантцы и каталонцы; 2,2% - славяне, албанцы и греки; 26,8% происходят из Неаполитанского королевства, 36% - из Папского государства, 31,5% - из Тосканы и Северной Италии¹²⁴.

Использование воинской обязанности, если не принимать во внимание несколько северных княжеств вроде Савойи, по сравнению с наемничеством, очень незначительно. Однако в середине XIV в. Флоренция, которой угрожала наемная «компания», вознамерилась набрать отряд арбалетчиков среди своих граждан. В 1356 г. это государство собрало ополчение из 4000 арбалетчиков, 800 из которых было родом из самого города и 3200 - из его окрестностей. В 1378 г. для защиты своего режима «чомпи» (Ciompi) вооружили народный батальон - 1000 арбалетчиков. В конце XIV в. Милан принял решение создать отряд из 300, а позже - из 1200 «лучших и самых высоких» горожан, которые могли бы служить, в зависимости от необходимости, пешими или конными. Даже Венеция с ее *избранными* (cernide) не гнушалась использовать местное ополчение в качестве вспомогательных войск.

¹²² Mallett M. Mercenaries and their Masters... [512].

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Del Treppo M. Gli Aspetti organizzativi, economici e sociali di una compagnia di Ventura [499].

Бесполезно было бы искать в Священной Римской империи германской нации столь же строгий и разработанный институт, как итальянская кондотта. Это, однако, не значит, что наемники не были там обычным явлением. Они регулярно принимают участие во всех конфликтах, крупных и мелких, на службе у князей, сеньоров или городов; одних вербуют индивидуально или небольшими группами, других приводят капитаны или, как предложено их называть, «военные предприниматели»¹²⁵. В 1474 г. швейцарский капитан Вильгельм Гертер (1424-1494 гг.), который два года спустя приобрел широкую известность как участник битвы при Муртене, предложил городу Кельну 400 наемников, своих соотечественников, под командой 6 или 8 *ротмистров* (Rottmeister), при условии, что он будет признан их командиром на год; его материальные требования были такими: вознаграждение ему лично - 200 флоринов, 100 флоринов для каждого из 15 всадников, которых он приведет, 8 флоринов в месяц для каждого ротмистра и 4 флорина - для каждого рядового. Однако этот план провалился - архиепископский город отказался платить 200 флоринов, хотя эта сумма была весьма скромной, по сравнению с огромными доходами кондотьеров в Италии. В 1490 г. во время войны между Мецем и герцогом Рене II Лотарингским мецские хронисты пишут, что их городу служат 1500 всадников и 800 пехотинцев, все - иноземцы, «сиречь бургундцы, французы, ломбардцы, испанцы, бискайцы, гасконцы, геннегаусцы и пикардийцы, а равно немцы, славяне и албанцы», причем каждая «нация» имеет собственного капитана¹²⁶.

Чтобы не зависеть от случайностей, власти охотно прибегали к найму «пенсионеров», которые в мирное время получали небольшую сумму или половинное жалованье. То были «домашние слуги» (Diener von Haus aus) в Баварии XV в., получавшие 10, 15, 20 или 25 флоринов в год и на лошадь под названием «деньги на службу» (Dienstgeld) или «деньги на экипировку» (Rüstgeld)¹²⁷.

Понятие «служба» не исчезло: *земельный призыв* (Landesaufgebot) - на уровне области, *ленный призыв* (Lehnsaufgebot) - на уровне лена. В 1401 г. призыв короля Германии Рупрехта в итальянский поход - это феодальный призыв, где счет ведется на «копья», хотя приглашенные князья, графы и бароны получали на каждое «копье» месячное содержание в 25 флоринов, и лишь города должны были содержать свои отряды сами. В то же время Тевтонский орден рассчитывал прежде всего на своих *военнообязанных* (Wehrpflichtige): 426 рыцарей, 3200 слуг, 5872 сержанта, 1963 бойца от шести больших городов и порядка 1500 бойцов из аббатств (Stiftsmannen)¹²⁸. Вот каков был состав

Redlich F. The German Military Entrepriser... [379].

Vigneulles Ph. de. Chronique / Ed. C. Bruneau. Metz, 1932. Vol. III. P. 169.

Beck W. Bayerns Heerwesen... [365].

Benninghoven F. Die Gotland feldzuge des deutschen Ordens. 1398-1408 [27].

двух армий, сошедшихся под Хеммингштедтом 17 февраля 1500 г.: с одной стороны - силы короля Дании Ханса I, включавшие, наряду с Великой, или Черной, или Немецкой, гвардией (4000 пеших воинов под началом Томаса Слейца, заслуженного и опытного капитана наемников, того самого типа «военного предпринимателя»), кавалерию из 2000 ленников, служивших в силу своих воинских обязанностей, но с оплатой в размере 28 флоринов за месяц войны, и, наконец, ландвер в 5000 человек, куда входили отряды из Гольштейна, Шлезвига и Ютландии; с другой стороны - народное ополчение дитмаршенцев, крестьянская пехота, усиленная пятью сотнями конных дворян и несколькими наемниками¹²⁹. Макиавелли, желая дать представление о богатстве германских городов, записывает в «Сообщении о делах в Германии» (17 июня 1508 г.): «Они ничего не тратят на солдатню, ибо держат в армии и на службе своих собственных людей; в праздники, вместо того чтобы развлекаться, они упражняются с аркебузой, пикой или любым другим оружием, а в качестве награды лучшие получают какой-либо знак отличия или нечто подобное (*similia*), которым впоследствии они все гордятся»¹³⁰. Впечатление не обманчивое, но слишком идиллическое: в действительности, наряду с бюргерским ополчением, вольные и имперские города использовали солдат запаса, живущих за пределами города (*Aussöldner*), имели небольшой постоянный костяк профессиональных воинов (например, в Меце - группу состоявших на жалованье) и, наконец, практиковали временные наборы в войско.

Хотя платная служба получала все большее распространение, было бы ошибкой делать вывод об упадке старинного дворянства. В то время оно, так же как в Англии и Франции, все еще составляет значительную часть конницы. Владетельные князья и сеньоры, как и прежде, занимают ответственные и командные посты. Даже появление в конце XV в. «служилых людей немецкой нации, именуемых ландскнехтами», в целом не увеличило разрыв между военной и социальной иерархиями. Ведь Максимилиан Габсбург сумел убедить либо принудить рыцарей стать капитанами ландскнехтов и даже служить в их рядах - прежде всего для того, чтобы внести в них хотя бы намек на рыцарскую этику и корпоративный дух.

Последний пример - Кастилия. Во время Гранадской войны, с 1486 по 1492 г., католические короли пользовались услугами иностранцев, в частности, выходцев из Германии, Англии и Франции; у них были также постоянные вооруженные силы - «королевские стражники» и войска Эрмандады; не менее массовым было использование вассалов, пожалованных чем-то вроде рентного лена - *акостсьенто* (*Pacostamento*), простых дворян, ополчения советов консехос (*consejos*). Магистр ордена Сантьяго, например, направил 300 легких кон-

¹²⁹ Lammers W. Die Schlacht bei Hemmingstedt... [64].

¹³⁰ Machiavel N. Œuvres complètes / Trad. Barincou. Paris, 1958. P. 129.

ников, магистр ордена Калатравы - 1000 пеших воинов и 450 легких конников, города Кордова и Севилья - по 5000 бойцов. Впрочем, платили всем: легкий кавалерист из дворян получал в день 25 мараведи, пеший воин ополчения - 14 или 15 мараведи. Таким образом удалось собрать довольно значительные силы: в 1489 г. - 13 000 копий и 40 000 пеших воинов¹³¹.

В конце Средневековья различие между воинами, служившими в силу своих военных обязанностей, и теми, кто шел сражаться по собственной воле, было еще далеко не резкое. Возможно, прежде всего потому, что большая часть тех и других получала или рассчитывала получать жалованье, а служить за свой счет соглашались очень немногие. Среди исключений отметим поход французов в 1429 г., чтобы короновать дофина, если верить письму, написанному 8 июня Ги и Андре де Лавальями их бабке Анне и матери Жанне. Они представились Карлу VII, когда тот находился в Сент-Эньяне; король принял их очень хорошо, зная, по его словам, что они по «самой доброй воле» явились «по надобности, без зова», т. е. без вызова сеньора. Однако в финансовом отношении пусть ни на что не рассчитывают: «С деньгами у двора сейчас столь туго, - заявляет Карл VII, - что в нынешнее время я не надеюсь ни на какую помощь и поддержку». Поэтому Лавали пишут матери: пусть продаст или заложит участок земли, какой сочтет нужным, чтобы немного увеличить скудную сумму в 300 экю, которая у них осталась¹³².

Широкое использование жалованья для воинов становится еще понятнее, если рассматривать его в общем контексте распространения наемного труда¹³³. К тому же традиционной бесплатной службы ожидали прежде всего

¹³¹ *Ladero Quesada M. A.* Castilla y la conquista del reino de Granada [532].

¹³² *Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc* / Ed. J. Quicherat. Paris, 1849. Vol. V. P. 106-111.

¹³³ Жалованье наемников и оплата наемного труда штатских меняются не совсем одинаково. Об этом говорит следующая таблица:

Годы	Поденная оплата квалифицированного строительного рабочего в Руане	Поденная оплата пешего воина на службе короля Франции
1320	1 турецкое су 6 денье	1 турецкое су
1350	3 турецких су 6 денье	2 турецких су
1380	4 турецких су	5 турецких су 2 денье
1410	3 турецких су 9 денье	3 турецких су 4 денье
1440	4 турецких су 6 денье	2 турецких су 8 денье
1470	4 турецких су	2 турецких су 8 денье
1500	4 турецких су 6 денье	3 турецких су 4 денье

(Источники: *Bois G.* Crise du féodalisme. Economie rurale et démographie en Normandie orientale du début du XIVe siècle au milieu du XVIe siècle. Paris, 1976. P. 187-189; *Contamine Ph.* Guerre, Etat et société [457]. P. 627-633).

от владельцев земли, приносящей доход, а в конце Средневековья этот тип дохода переживал длительный и порой драматичный упадок. Итак, жалование ленникам было компенсацией их потерь в качестве сеньоров. От них нельзя было требовать услуг, сравнимых с услугами их предков в славные времена земельной ренты. Поэтому и для нанимателей, т. е. государств, жалование было самым эффективным средством контроля за действиями своих войск и получения от них именно того, для чего их набирали. Правда, один итальянский источник, датируемый 1500 г., утверждает, что шотландцы в состоянии предоставить своему королю в случае необходимости от 50 000 до 60 000 человек для службы *за свой счет* в течение тридцати дней; но не характерно ли это для государства средних размеров, очень чувствительного к внешним угрозам, с довольно архаичной экономикой и пока примитивными общественными институтами? Даже в таких «патриотических и народных» войнах, какие старинные союзы Верхней Германии вели против Бургундии Карла Смелого, постоянно присутствуют денежные интересы.

6. ПЕРВЫЕ ПОСТОЯННЫЕ АРМИИ

«Постоянная армия» - выражение вполне не ясное, поэтому следует обрисовать разновидности такой армии. Можно считать доказанным, что по меньшей мере с начала XIV в. на конкретной территории, если только она достаточно обширна, всегда были воины, вооруженные люди, способные поддерживать внутренний порядок, а также задерживать воров и убийц, исполнять решения власти и судебных органов и обеспечивать минимальную безопасность в пределах укреплений. Впрочем, при разных обстоятельствах во многих регионах воинским отрядам годами удавалось существовать то благодаря тому, что их использовало и поддерживало государство, то за счет собственных средств. Пример - «компания» Микелетто дельи Аттендоли, судьбу которой можно проследить в течение двадцати пяти лет, с 1425 по 1449 г., когда она поочередно служила Флоренции, Неаполитанскому королевству, Венеции и папе. Даже между периодами службы она оставалась сплоченной и имела постоянную администрацию, в частности, хранителя печати и казначея: «Заключая контракты в среднем на год или два, значительно более длительные, чем те, которые обычно заключали капитаны наемников прошлого века, с незначительными перерывами между ними, Микелетто сумел наилучшим образом сохранить свою „компанию"»¹³⁴.

Крепости, которые считались «ключами к стране», охранялись, порой десятилетиями, не просто горсткой стражников, а настоящими гарнизонами. Это относится, например, к Кале даже во времена мира или длительного пере-

¹³⁴ Del Treppo M. Gli Aspetti organizzativi, economici e sociali di una compagnia di Ventura [499].

мирия между Францией и Бургундией. Во второй половине XV в. существует тенденция к росту числа гарнизонов: во Франции при Карле VII, Людовике XI и Карле VIII для этого использовались, в первую очередь, отряды «малого ордонанса», малооплачиваемые воины и старые гарнизонные солдаты. В начале XVI в. английская монархия постоянно содержала от 2000 до 3000 человек на сотню крепостей; больше всего воинов находилось в Кале, Дувре и Бервике-на-Твиде¹³⁵.

В типологии постоянных вооруженных сил следует выделить телохранителей, усиление роли которых особо ощутимо после 1350 г. С этого времени многие монархи ради безопасности окружают себя одной или несколькими элитными частями; вид отборных лошадей последних, роскошь их оружия и униформы («ливреи») также должны превозносить величие господина. У этих частей подчеркнута более военизированный внешний вид, чем у привратников, сержантов и приставов, которые, как и прежде, несут охрану при дворе. Однако иногда трудно провести четкую границу между этой традиционной категорией и новой - телохранителями. Так, в римской курии при авиньонских папах от 100 до 150 человек «несли охрану верховного понтифика и подчеркивали блеск его двора»¹³⁶. Первая группа - это главные привратники, или старшие портье, младшие привратники и стражники у дверей; вторая группа - сержанты, или пристава, числом не менее полусотни со времен Бенедикта XII, в обязанности которых входили: сопровождение папского кортежа, поддержание внутренней безопасности во дворце, арест клириков, совершивших преступление, охрана тюрем и выполнение некоторых заданий для Апостолической палаты (в XV в. этих сержантов регулярно набирали из числа дворян); наконец, третья группа - это папские оруженосцы, или постуланты.

«Воинский» аспект отчетливо замечен у Гастона Фебюса, графа де Фуа, окружившего себя «военным домом» приблизительно в 200 всадников¹³⁷, и еще больше очевиден - у Ричарда II Английского, у которого к концу правления набралось телохранителей на настоящую небольшую армию. С 1397 г. несомненно для того, чтобы осуществить свои политические замыслы, Ричард II начал набирать в графстве Честер воинов, обязанных за ежегодное жалованье сопровождать его во всех разъездах. В сентябре 1398 г. «мастеров чеширской стражи» насчитывалось 750 человек, в том числе 10 рыцарей, 97 оруженосцев и 311 лучников; ежегодное содержание этих чрезвычайно популярных сил превышало 5000 фунтов стерлингов¹³⁸.

¹³⁵ Cruickshank C. G. *Army Royal...* [399]. P. 189.

¹³⁶ Guillemain B. *La cour pontificale d'Avignon (1309—1376). Etude d'une société.* Paris, 1962. P. 418.

¹³⁷ Tucoc-Chala P. *Gaston Fébus. Un grand prince d'Occident au XIVe siècle.* Pau, 1976. I 62.

¹³⁸ Davies R. R. *Richard II and the Principality of Chester, 1397-9 // The Reign of Richard II Essays in Honour of May McKisack/Ed. F. R. H. Boulton and C. M. Barron.* London, 1971. P. 268-269.

В XV в. последовали новые шаги в этом направлении. Например, в герцогстве Миланском: с 1420 г. Филиппо-Мария Висконти окружает себя «братьями по оружию» (*familiäres ad arma*) (600-700 всадников); в 1467 г. численность 11 эскадронов герцогского окружения увеличивается до 2000 человек, и то же число можно получить по данным за 1497 г., если к «дружине дома» (*famiglia di casa*) добавить «дружину вне дома» (*famiglia fuori casa*). Личная гвардия монархов династии Валуа, в зачатке существовавшая уже при Карле V и Карле VI, с 1440 г. до конца XV в. становится значительно более заметной силой. В 1511 г. она включает в себя: 200 дворян королевского дворца, 100 шотландских лучников, 100 французских лучников, 200 других французских лучников, 100 швейцарцев - итого 700 или даже 900 бойцов, если предположить, что при каждом дворянине был кутилье, способный сражаться¹³⁹.

Даже принц со столь мизерными доходами, как Рене II, герцог Бара и Лотарингии, имел свою личную гвардию, численность которой, например, в 1496 г. намного превышала 50 человек¹⁴⁰.

Двор дома Карла Смелого описан как в «Мемуарах» Оливье де Ла Марша, так и в «Хрониках» Жана Молине. Последуем за вторым, менее многословным автором, который пишет: «По обычаю при доме и семье герцога Бургундского всегда имеется 40 рыцарей и 40 кавалеристов под началом четырех знатных рыцарей, не считая прочих рыцарей в большом количестве, согласно обычным старинным условиям, и 20 камер-юнкеров. Имеется также 50 хлебодаров, 50 виночерпиев, 50 стольников, режущих мясо, 50 конюших, и при каждом свой кутилье; над ними начальствуют четыре эскадронных командира. Кроме того, есть 50 лучников личной охраны и 2 рыцаря, начальники над ними. С другой стороны <...> его гвардия насчитывает 130 кавалеристов и столько же вооруженных кутилье, а равно 130 лучников, и над ними всеми купно начальствует один рыцарь, весьма доблестный и испытанный в боях, и четыре оруженосца как эскадронные командиры». Подобная ситуация была отмечена во время осады Нейса, в 1474-1475 гг: добрая тысяча бойцов, считая кутилье¹⁴¹. В своих амбициях герцог на этом не остановился: согласно ордонансу, утвержденному в мае 1476 г. в Лозанне, Карл Смелый должен был располагать более чем 2000 бойцов под названием гвардии: 40 шамбелланов и конных камергеров, четыре эскадрона кавалеристов

¹³⁹ Jacqueton G. Documents relatifs à l'administration financière en France de Charles VII à François I. (1443-1523). Paris, 1891. P. 162.

¹⁴⁰ Contamine Ph. René II et les mercenaires de langue germanique: la guerre contre Robert de La Marek, seigneur de Sedan (1496) [367a]. P. 387-388. - Другие примеры см.: Contamine Ph. Guerre, Etat et société... [457]. P. 297.

¹⁴¹ Molinet J. Chroniques... Bruxelles, 1935. Vol. I. P. 36.

из четырех состояний, или служб, двора, четыре эскадрона гвардейских кавалеристов, восемь рот английских конных лучников и восемь рот пехоты герцогского дворца¹⁴².

В Кастильском королевстве тоже существовал корпус «королевских стражников» (*guardas reales*), насчитывавший в 1481 г. 893 копья, а в 1496 г. - 1100 тяжеловооруженных кавалеристов и 130 легких кавалеристов.

Даже Англия не смогла избежать этой тенденции. Генрих VII Тюдор в 1486 г. сумел создать роту йоменской гвардии. В сообщении о свадьбе Артура, принца Уэльского, бойцы этой роты упоминаются следующим образом: «Лица, отобранные по всей стране, испытанные лучники, сильные, мужественные и храбрые мужи <...>, одетые в широкие куртки из белого и зеленого дамаста с прекрасным шитьем на груди и спине в виде гирлянд, окруженных виноградными лозами»¹⁴³. Их численность оценивалась в 150-200, а в начале царствования Генриха VIII - даже в 600 человек; тогда же появились «королевские копья» (*King's Spears*), куда входили дворяне по рождению.

Одной из целей, ради которых короли и принцы создавали или расширяли свой «военный дом», была возможность вводить в свое непосредственное окружение молодых дворян, чтобы оплачивать, контролировать и «приручать» их.

Что касается собственно постоянных армий, то они появлялись чаще всего неявным, опосредованным образом, скорее как результат стечения обстоятельств, чем как следствие отчетливо выраженного решения властей. Чтобы армия была постоянной в полном смысле слова, необходимы следующие условия:

1) существование стабильных, регулярных структур, иначе говоря - воинских частей, которые сохранялись бы независимо от смены личного состава;

2) желание властей держать на службе и в боевой готовности эти воинские соединения независимо от состояния войны или мира, и хотя бы смутное понимание того, что постоянные части, оплачиваемые как во время войны, так и в мирное время, дают неоспоримое, надежное преимущество и в любом случае являются лучшей опорой, нежели временно мобилизованные войска;

3) наличие среди населения достаточно большого количества молодых людей, стремящихся стать кадровыми военными, несмотря на длительность службы, ее непрерывность, отрыв от родных мест, подчиненность и утрату свободы, которые предполагает это понятие;

¹⁴² Vaughan R. Charles the Bold. The Last Valois Duke of Burgundy. London, 1973. P. 197-229.

¹⁴³ A Relation or rather a True Account of the Island of England with Sundry Particulars of the Customs of these People, and of the Royal Revenues under King Henry the Seventh about the Year 1500 /Transl. C. A. Sacyd. London, 1847. P. 104-105.

4) наличие регулярных и достаточных доходов для содержания этой постоянной армии, т. е. на практике, постоянного налога, который плательщики признают более или менее обоснованным, поскольку благодаря ему страна может иметь постоянные вооруженные силы.

Короче говоря, постоянная армия - не просто следствие развития институтов, определенного уровня денежной экономики и даже не следствие чисто военных потребностей: это еще и вопрос менталитета. Постоянную армию можно создать лишь при условии, что те, кого призывают на службу, правящие круги и все население видят в этом свое дело, нормальную и естественную часть военно-политического комплекса.

В этой сфере Франция времен Валуа оказывается передовой во всех отношениях. Именно военные нужды разного рода, введение постоянного налога, позиция части французского дворянства, реакция населения, весьма страдающего от внешних опасностей, позволили Карлу V, по крайней мере с момента возобновления в 1369 г. военных действий против англичан, создать более или менее постоянные отряды кавалеристов и роты пеших и конных арбалетчиков. Это просто стечение обстоятельств - ничто не указывает на то, что король или его окружение собирались продолжать этот опыт, благодаря которому удалось отвоевать провинции, оставленные несколько лет назад по условиям мира в Кале (1360 г.). Во всяком случае, постоянное ядро этой «армии освобождения» практически перестало существовать как реальная боевая сила в период острого финансового кризиса, которым отмечены первые годы царствования Карла VI, в то время, когда продление перемирия между Францией и Англией ощутимо изменило военные потребности. В конце XIV в. постоянные части сохранились только в некоторых гарнизонах на севере, юго-западе и в Нормандии.

«Распри» с англичанами и последовавшая вскоре английская агрессия снова вынудили Валуа прибегнуть к помощи войск. После 1418-1419 гг. отряды и капитаны «арманьяков», несмотря на распад военных институтов, оказывают постоянное сопротивление действиям Генриха V, а потом регента Бедфорда. Даже Аррасский мир 1435 г. не вынудил их исчезнуть - многие превратились в «живодеров»; став вопреки своему желанию «маргиналами» военного дела, они надеялись рано или поздно вновь обрести покровительство короля или вельмож.

Чтобы положить конец беспорядку, дошедшему до крайности, Карл VII развил многостороннюю деятельность. Во-первых, он попытался отучить этих воинов от привычки бесконтрольно бродить по стране, поселив их в приграничных гарнизонах, в непосредственной близости от территорий королевства, еще подчиненных иностранной власти. Во-вторых, поскольку большинство воинов фактически и даже юридически зависело от принцев и магнатов, король попытался уничтожить эту исключительную лояльность, чтобы право вести любую войну и власть над всеми воинами королевства принадлежали ему одному. «Война короля» и «война королевства» должны были в конечном счете стать синонимами.

ми. В-третьих, в 1445-1446 гг. Карл VII начал вовсе не набор постоянной армии, как иногда говорили, а операцию сортировки, отбора зерна от плевел среди всей массы имеющихся воинов, придавая официальный статус лишь определенным людям и одинаковым по составу отрядам. Это были ордонансные роты, состоящие из 1800 комплектных «копий», т. е. из 1800 кавалеристов, 3600 лучников, 1800 кутилье (7200 бойцов). Исполняя Турское перемирие 1444 г., - поскольку необходимый для их оплаты налог собирать в масштабах всего королевства тогда было сложно, - он расквартировал эти несколько тысяч кавалеристов в разных провинциях, или округах, возложив на население обязанность содержать их за счет выплат отчасти натурой, отчасти деньгами. Расселенные таким образом ордонансные роты собирали потом для освобождения Нормандии (1449-1450 гг.), а затем для первого и второго завоеваний Гиени (1451 и 1453 гг.). По завершении этих походов англичане сохранили на континенте только Кале - крепость, окруженную бургундскими владениями.

После этого мог встать вопрос о полном роспуске ордонансных рот, включая даже размещенные в гарнизонах, охранявших две недавно воссоединенных провинции. Многие склонялись к такому решению. Епископ Тома Базен, например, считал постоянную армию, как и постоянный налог, формой тирании - тирании тем более бесполезной, добавлял он, что король может по своему усмотрению располагать огромной массой дворян и ленников (50 000 бойцов, по его собственной оценке). Столь пламенный и бдительный патриот, как Робер Блондель, не предлагает в конечном счете ничего другого и высказывает пожелание: пусть в будущем «во время мира детей дворян и прочих зажиточных людей городов и селений обучают обращаться с оружием, чтобы, когда настанет надобность, мы не призывали их, начиная все сызнова, а были бы всегда готовы и способны встретить противников наших и отразить их от наших очагов, и дабы небеспричинный страх лишил оных смелости впредь нападать на нас, и не было бы нам нужды посылать за шотландцами либо иными иноземцами ради защиты наших земель во Франции, как делали мы прежде, бесконечно растрачивая наши богатства»¹⁴⁴. Иначе говоря, чтобы избежать как использования иностранных наемников, которых, следуя гуманистической традиции, восходящей к Вегецию¹⁴⁵, порицали все благонамеренные умы, так и постоянной армии, не лучшим ли средством была бы организация *резервной армии* - арьербана или вольных лучников?

¹⁴⁴ Blondel R. Œuvres / Ed. A. Héron. Rouen, 1891. Vol. I. P. 448.

¹⁴⁵ Ср. один из упреков, который Жан Молине в завуалированной форме адресует Карлу Смелому: «Вегеций советует государям: лучше обучать собственных рыцарей благороднейшему ремеслу обращения с оружием, нежели нанимать за плату иноземцев. А герцог, расточая свои деньги, держал на службе ломбардцев и англичан, каковые немало применялись в деле; но, коль скоро его страшили и угрожали ему все народы, а небо и земля благоприятствовали ему как никому иному, ему дозволено было пренебрегать наставлениями философов» (Molinet J. Chroniques... Bruxelles, 1935. Vol. I. P. 61-62).

Эти советы не были приняты во внимание ни в последние годы царствования Карла VII, ни при восшествии на престол Людовика XI, когда эта проблема возникла вновь. Приблизительно до 1470 г. численность постоянных войск всеми правдами и неправдами сохраняли на уровне времен Карла VII. Потом начался ее рост, особенно быстрый и ощутимый после 1475 г. В конце своего царствования, сокрушается Тома Базен, Людовик XI «увеличил до 4000 копий численность своей конницы, набрал в Нормандии вместо вольных лучников <...> 4000 пеших воинов, именуемых алебардщиками, и во всем королевстве соразмерно произвел то же; многим же, коих оставил в покое по домам, назначил постоянное жалованье - пять франков в месяц. Кроме того, он выписал из Германии от 6000 до 8000 пеших воинов, швейцарцев, каковых держал без дела в королевстве многие годы и до своей смерти, ибо, хотя им регулярно платили жалованье, часто они не использовались ни в какой кампании»¹⁴⁶. Итак, одним из нововведений Людовика XI было создание постоянной пехоты, что вызывало еще большее возмущение, чем создание постоянной кавалерии, набиравшейся в основном из дворян.

Примечательно, что реакция, последовавшая за смертью Людовика XI в 1483 г., отнюдь не привела к уничтожению постоянной армии. Все шло так, словно депутаты Генеральных штатов в Туре (1484 г.) и не выразили стремления вернуть страну к положению, существовавшему до 1445 г.: уступив требованиям депутатов, демобилизовали лишь некоторые пехотные части (в лагере короля) и сократили численность ордонансных рот и старых гарнизонных солдат. Идеалом же считалось возвращение армии к уровню 1450-1460 гг., считавшемуся допустимым.

В целом в последней четверти XV в. из года в год французская монархия содержала постоянные войска численностью от 20 000 до 25 000 человек, т. е. - если принять число подданных за десять миллионов - около 1% взрослых мужчин при сроке службы от 18 до 25 лет.

Бургундский дом, доходы которого были менее высокими и, прежде всего, менее регулярными, а положение - гораздо более надежным, в течение долгого времени прибегал к традиционным методам набора войск: городские контингенты плюс ополчение феодалов, которым платили в зависимости от длительности кампании. При этом результат был удовлетворительным: Филипп Добрый без труда укрепил свое господство за счет королевства; его вооруженные силы считались достаточно большими, чтобы он мог вести активную дипломатию в отношениях с Империей; городские восстания в Нидерландах были подавлены; в битве при Монлери (1465 г.) бургундский арьербан оказал сопротивление регулярным частям Людовика XI. Но честолюбие нового герцога не могло удовлетвориться столь архаичными

¹⁴⁶ Basin Th. Histoire de Louis XI... Paris, 1972. Vol. III. P. 320.

структурами. Карлу Смелому была необходима такая военная машина, которая бы включала в себя и учитывала все лучшее из новшеств и традиций военного дела в великих державах Запада. В частности, во Франции была позаимствована организационная модель - и после переходного варианта с «домашним жалованьем» (нечто вроде половинного жалованья для резервистов) с конца 1470 г. стали набирать ордонансные роты. Абвийский ордонанс от 31 июля 1471 г. узаконил эмпирически развивавшийся процесс, создав армию в 1250 «копий» (почти 10 000 бойцов), разделенную на дюжину рот. Ордонанс, изданный в Бозне-ан-Вермандуа 13 ноября 1472 г., немного изменил ее структуру: предполагалось, что она будет состоять из 1200 «копий» по 3 всадника, 3000 конных лучников и 600 конных арбалетчиков, вооруженных арбалетами с воротом, 2000 копейщиков, 1000 пеших лучников и 600 кулевринеров - приблизительно те же 10 000 бойцов. Последующие ордонансы (Санкт-Максимин в Трире, 1473 г.; Лозанна, 1476 г.) внесли значительные изменения в организацию войск, иерархию командования, оснащение, проведение индивидуальных и коллективных учений, но они не предусматривали существенного превышения общей численности в 10 000 бойцов. Конечно, гибель Карла Смелого в 1477 г. и политическая нестабильность, последовавшая за ней, привели к практическому уничтожению бургундских ордонансных рот; но через несколько лет, с укреплением власти эрцгерцога Филиппа Красивого, они в довольно скромных масштабах возникают вновь, одновременно с воскрешением административных и государственных механизмов, созданных герцогами Бургундскими из династии Валуа.

Испания в самом конце XV в. тоже сочла необходимым создать постоянную армию, которую, например, Антуан де Лален в своем рассказе о путешествии Филиппа Красивого в Испанию (1501-1502 гг.) описывает следующим образом: у Изабеллы Кастильской «было три тысячи ордонансных воинов на ее жалованьи и четыре тысячи воинов, пребывающих в своих домах и получающих половинное жалованье, которые готовы, как только она их призовет, служить на войне за полное жалованье».

Наконец, можно было бы предполагать, что итальянские государства, сила которых состояла в отработанной системе кондотты, не испытывали необходимости в создании постоянной армии. Однако реальность была иной: с одной стороны, какие бы предосторожности ни предпринимались, никогда нельзя было совершенно полагаться на верность и надежность кондотьеров, с другой - нужно было надежно обеспечить безопасность и охрану крепостей. «Наша политика - всегда иметь достойных людей как во время мира, так и во время войны», - заявляет сенат Венеции в 1421 г. Действительно, особенно с середины XV в., некоторые итальянские государства (Светлейшая республика, Милан и Неаполитанское королевство) постоянно держали в крепостях части, находящиеся под контролем правительства.

Появление постоянных армий усилило тенденции и черты, которые, конечно, были известны и заметны и раньше, однако в гораздо меньшей степени: оно повлекло за собой разработку все более и более сложных уставов; позволило проводить коллективные учения как конницы, так и пехоты (ходьба в ногу); привело к более частому использованию униформы и знаков различия - символов воинской иерархии (например, выпелы, штандарты и знамена в бургундской армии); породило целую лагерную цивилизацию с ее ритуалами, развлечениями, зрелищами, с ее низостями и величием. Однако к 1500 г. только зарождался феномен, который в Европе того времени (во всяком случае, абсолютистской) получит значительное развитие: пока еще нет настоящих казарм; нет постоянных пехотных и артиллерийских полков; и, главное, многие народы (например, англичане) еще упорно противятся внедрению новых военных структур. И более важный факт: в бою представители этих народов чувствуют себя не ниже солдат профессиональных армий, а те считают их достойными противниками.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ТЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ГЛАВА V

ВООРУЖЕНИЕ

Войну ведут люди. Ее ведут с оружием в руках, чтобы убивать, нападать или защищаться. В количественном и качественном отношении оружие зависит от уровня технического развития общества, от военных обычаев народов, от инициатив и реакций как индивидов, так и коллективов и властей. Но, прежде всего, военная история восходит к истории техники. Несколько примеров, взятых из тысячелетней истории Средневековья, позволят продемонстрировать эту устойчивую и органическую связь.

1. ВООРУЖЕНИЕ ВАРВАРОВ

Если наши знания о тактике, использовавшейся варварскими народами, которые завоевали римский Запад, весьма фрагментарны, то сведения об их вооружении гораздо полнее, благодаря источникам нарративным (Прокопий, Агафий, Григорий Турский), литературным (эпос о Беовульфе), юридическим («Аламманская правда» (*Lex Alamannorum*)), иконографическим и, особенно, археологическим. Действительно, у разных германских народов (особенно у франков и аламманов, отчасти у бургундов, англосаксов и лангобардов) был обычай захоранивать усопших в их лучшей одежде, с драгоценностями, а также с оружием. Прямым следствием такой практики было умаление имущества живых, ибо она лишала их оружия, часто ценного и дорогостоящего. Этот обычай опирался на традиционное германское представление, согласно которому покойный, «живя в потустороннем мире, сохраняет как во время похорон, так и в той жизни, неотъемлемое право на свое наследственное имущество, в частности, на движимое имущество»¹. Приношение по случаю погребения мужчины должно было включать в себя все его *военное снаряжение* (*vestis bellica*): оружие, доспех, боевого коня. Оно являлось следствием двух разных верований: согласно первому, душа усопшего обретает место своего упокоения вместе со всем принесенным в жертву, а согласно второму - умерший в своей могиле ведет новую жизнь в окружении привычных ему по земной жизни вещей².

¹ *Salin E.* La civilisation mérovingienne... [663]. Vol. II. P. 232,

- Ibid. P. 260.

Этот обычай, как кажется, получил распространение в VI в., захватив даже «римское» по происхождению население, вероятно, потому, что в это время «стало легче обзаводиться оружием и украшениями, и выросло число людей, имеющих право ими пользоваться»¹.

Позже стало проявляться влияние, с одной стороны, римское - ибо по римскому праву умерший не может брать с собой существенную часть движимого имущества, - а с другой стороны, христианское, поскольку наличие в захоронении каких-либо вещей стало считаться признаком язычества. Кроме того, остготы, вестготы и вандалы вообще не клали в могилы оружие. Поэтому с археологической точки зрения интересна небольшая часть захоронений, принадлежащих, видимо, богатым людям. Отсюда три ограничения: по времени, месту и социально-экономическому положению.

Рассмотрим наиболее полно представленное франкское вооружение.

Наступательное оружие

1. Боевой топор (*лат. securis, securis missilis, francisca, bipennis*). Хотя он мог использоваться в условиях ближнего боя, чаще всего он был метательным оружием, которое франки, согласно Прокопию, «нападая, по данному сигналу», все вместе бросали во врага. Испытания показали, что, бросив франциску (общая масса - 1,2 кг, длина рукояти - 40 см, длина топора - 18 см), вращающуюся в полете, воин мог поразить противника при одном повороте франциски на расстоянии 4 м, при двух - 8 м и при трех - 12 м. Боевые топоры встречаются во франкских захоронениях с середины V в. до начала VII в. Их использовали и пехотинцы, и всадники. Вес топорниц варьировался примерно от 300 до 900 г.

2. Копье (*лат. lancila, hasta*)². Оно было деревянным, с довольно коротким, широким и заточенным с двух сторон наконечником. Ангон (*лат. angus*)-вид копья с весьма тонким круглым, многоугольным или квадратным в сечении железным стержнем, длина которого колебалась от 80 до 125 см. Один конец завершался наконечником, обычно с шипами или зубцами, другой надевался на древко. О его использовании в бою Агафий пишет: «Ангоны - это пики, не короткие, но и не очень длинные. При необходимости их можно метать, как дротики, или использовать в рукопашном бою. Большая часть их покрыта железом таким образом, что древка почти не видно, только нижний конец. На верхнем конце пики - со всех сторон и даже на самом конце острые зубцы, загнутые книзу, как крюки. Когда франк во время схватки бросает ангон и тот попадает в противника, то из-за этих кривых зубцов вытащить его не

¹ Ibid. P. 255.

² Понятие *фрамеи*, используемое иногда современными историками, является многозначным: у Тацита оно означает копье, а у Григория Турского и Исидора Севильского - меч

под силу ни раненому, ни другому человеку и он причиняет жестокие мучения. Человек, даже не сильно раненый ангоном, все равно умирает от полученной раны. Если же ангон попадает в щит, то застревает в нем и повсюду за ним волочит. Пораженный им человек не может из-за вонзившихся зубцов ни вытащить пику, ни мечом отрубить ее, поскольку почти все древко покрыто железом. Как только франк увидел беспомощность своего противника, то он быстро наступает ногой на нижний конец ангона, хватая его и вырывает щит, обнажая голову и грудь противника. Таким образом франк лишает противника защиты и легко убивает его ударом топора по голове или вонзая другую пикку ему в шею»⁵. В поэме о Вальтаре (X в.) упоминается другой способ использования ангона, впрочем, маловероятный: к древку привязывается веревка с тремя концами, каждый из которых держит один воин; когда брошенный ангон застревает в щите противника, эти три воина одновременно дергают на себя веревку, вырывая у врага щит, чтобы оставить его беззащитным.

3. Меч. Сопоставление археологических находок с данными письменных источников позволяет установить следующие типы меча:

- большой симметричный обоюдоострый меч (*лат. spatha, ensis, gladius*): клинок довольно тонкий, длиной от 75 до 90 см, шириной - 6 см (это сравнительно редкое, часто украшавшееся оружие, которое хвалил Кассиодор в начале VI в.; рукоять и гарда у него были легкими, и центр тяжести был относительно близок к острию, что, вероятно, делало его оружием всадников);

- короткий меч (средняя длина - 40 см), который в латинских текстах, видимо, назывался *semispatha*;

- меч с одним лезвием, который археологи предлагают идентифицировать с саксом и скрамасаксом (*лат. sax, scramasax*; другие возможные синонимы - *scramus, tucro, cultellus*); скрамасакс мог достигать 85 см в длину, от 4 до 6,5 см в ширину, и в толщину возле рукояти от 1 до 1,2 см. Существовали также маленькие саксы, длиной от 20 см, которые использовались как на войне, так и в повседневной жизни.

4. Лук, который присутствует в меровингских захоронениях VI—VII вв., и многочисленные наконечники для стрел.

Оборонительное оружие

1. Щит (*лат. clipeus, parma, scutum*) был характерным оружием воина, символом его статуса и обязанностей. Его вручали тогда, когда человек в первый раз становился в ряды сражающихся. Утрата щита была позором. Если воин погибал в бою, его выносили на щите. На собраниях воины выражали одобрение предлагаемым решениям, ударяя по металлическим выступам на своих щитах. Поднятием на большом щите человека провозглашали королем.

⁵ Hist. И, 5-6; цит. по: *Loi F. L'art militaire...* [6]. Vol. I. P. 84-85.

Круглые и овальные щиты делали из деревянных планок и обтягивали кожей; диаметр был от 80 до 90 см, толщина - от 0,8 до 1,2 см. В центре - металлический выступ (средний диаметр от 15 до 17 см, средняя высота - от 6 до 10 см). Форма выступа была различной: около 500 г. - вогнутый, позднее выпуклый, а около 700 г. - в виде сахарной головы.

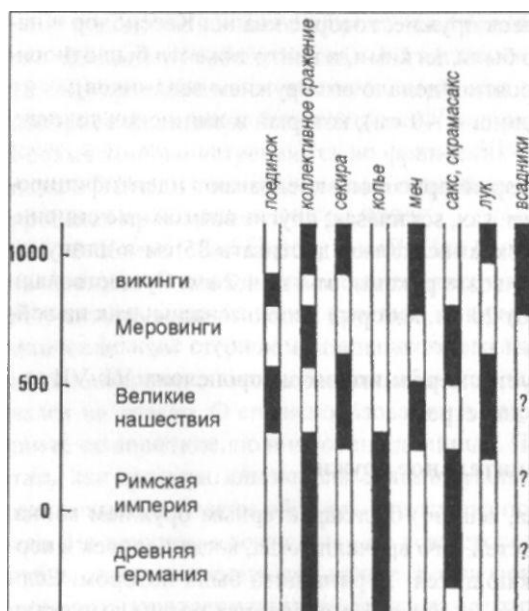
2. Доспех (*лат. lorica, thorax, bruina*) чаще всего, видимо, делался из металлических колец (для аламаннской кольчуги - в форме рубахи с капюшоном и двумя очень короткими рукавами, доходившей до бедер или колен, необходимо было 35-40 тысяч колец), но мог быть также кожаным, покрытым металлическими чешуйками. Набедренники (*лат. osgeae, germ. bagnbergae*) упоминаются лишь в «Рипуарской правде» (*Lex ribuaria*)⁶.

3. Шлем (*лат. galea, helmo*) представлял собой или простой металлический колпак, или металлический остов, покрытый кожей или тканью.

Принадлежность этих видов оружия зависела от социального ранга владельца, таким образом археологи считают возможным определять его по содержащимся в захоронениях драгоценностям и оружию. После раскопок аламаннских могильников в Вюртемберге они пришли к выводу, что захоронения с

мечом и саксом принадлежат свободным людям, захоронения с копьями, стрелами или топорами - полусвободным людям, а захоронения без оружия - несвободным людям. Была предложена и другая классификация: присутствие меча свидетельствует о погребении свободного и зажиточного крестьянина, сакс является принадлежностью мелкого свободного крестьянина, копье - принадлежностью полусвободного крестьянина, а несвободным не клали вообще никакого оружия.

Распространение оружия предопределялось не только политическими и эко-

⁶ В ней доспех оценивается в 12 солидов, шлем в 6 солидов, меч с ножами в 7 солидов, набедренники в 6 солидов, копье и щит в 2 солида, конь стоит от 3 до 7 солидов. Стоимость всего снаряжения, таким образом, составляет от 36 до 40 солидов, как и стоимость двадцати коров.

номическими причинами, но и использовавшейся военной тактикой, о чем нередко забывают. Так, в эпоху великого переселения народов и в начале меровингских времен преобладание меча и боевого топора отвечало тактике индивидуального боя, когда сражение распадалось на серию параллельных, одно-временных поединков; позднее, когда сражения стали вести объединенными отрядами, преимущество перешло к саксу (см. рис.)⁷.

Так или иначе, у каждого народа были свои военные обычаи; говоря, например, об использовании коней, можно противопоставить франков и англосаксов (у которых конные воины были исключением) вандалам, остготам, вестготам и лангобардам, у которых конница была заметной частью войска, иногда даже преобладающей.

2. ПРОБЛЕМА СТРЕМЕНИ

На фоне постоянных поражений Франкского королевства в конце VII - начале VIII в. впечатляюще выглядят большие военные успехи каролингской эпохи начиная со времени правления майордома Карла Мартелла (ум. 741 г.). В основе этих побед лежат, конечно, причины политического порядка - восстановление власти франков под руководством новой династии, которая, опираясь на могущественный и широкий слой вассалов, смогла создать и использовать очень сильную армию. Но эта сила во многом была обеспечена революцией в области тактики: если в конце VII в. франкская армия состояла главным образом из пехотинцев, то с VIII в. (если не в количественном, то в качественном отношении) преобладающей стала конница. Согласно концепции Г. Бруннера⁸, майордом быстро произвел эти перемены после того, как столкнулся с мусульманами в битве при Пуатье (25 октября 732 г.). Чтобы создать тяжелую кавалерию, он произвел массовую систематическую конфискацию церковных имуществ, за счет чего прямо или косвенно, часто в форме прекариев, наделил землей своих вассалов, обязав их нести конную службу. Таким образом, сразу же или, по крайней мере, за короткий период сложились основы феодализма.

Несколько лет назад американский историк Линн Уайт добавил новый аргумент к концепции Г. Бруннера, довольно глубоко ее переработав⁹. По его мнению, Карла Мартелла и его сыновей Пипина Короткого и Карломана вынуждала развивать конное войско суровая необходимость, и с этой целью они проводили реорганизацию королевства, создавая бенефициальные и феодальные структуры. Но эта необходимость не была напрямую связана с борь-

⁷ Steuer H. Historische Phasen der Bewaffnung... [669].

⁸ Brunner H. Der Reiterdienst und die Anfänge des Lehnwesens // ZSSRG. Germ. Abt. 1987. N 8. S. 1-38.

⁹ White L. Technologie médiévale et transformations sociales [677]. P. 1-53.

бой против мусульман, ибо, с одной стороны, эта борьба в действительности занимала второстепенное место в их стратегических планах, а с другой - первые конфискации церковных имуществ осуществлялись, по-видимому, еще до битвы при Пуатье. Если потребность в коннице действительно дала о себе знать в первой половине VIII в., то это, вероятно, произошло благодаря тому, что во франкском обществе в это время быстро распространялось стремя, неизвестное греко-римскому миру, засвидетельствованное в Китае в V в., а в Иране и у аваров - в конце VII в. Последствия этого можно легко понять. «Попробуйте представить себе всадника без стремян, сидящего на попоне вместо седла <...> вступающего в бой с другим всадником или пехотинцем. Этот всадник вооружен копьем, мечом или топором. Может ли он, держа копьё наперевес, ударить по противнику? Очевидно нет, ибо без седла и стремян от этого удара он слетит с коня. А может ли тот же самый всадник нанести противнику мощный удар мечом? Тоже нет, поскольку необходимость сохранять равновесие на коне не позволяет разить с силой. А теперь представим себе того же всадника со стременами и в седле. Все, что ранее было невозможным, оказывается легко выполнимым. Малоэффективный прежде конный воин (если только он не лучник) становится страшной силой в наступательном бою, а если предположить, что всадник хорошо защищен броней, то он действительно становится королем на поле боя»¹⁰. «Античность придумала кентавра, а раннее Средневековье сделало его владыкой Европы»¹¹.

Некоторые ученые разделяют мнение Линна Уайта. Так, Ж. Дондт замечает, что «хотя точно не известно, когда стремя и седло распространились на Западе», зато установлено, что это произошло, самое позднее, во второй половине IX в. «Было бы слишком просто сказать, что у Карла Мартелла неожиданно возникла потребность в обширных землях, дабы привязать к себе больше вассалов; но все становится намного яснее, если к этой потребности прибавить преобразование военной организации, которое было полностью оправдано благодаря появлению нового типа воина - тяжеловооруженного кавалериста, способного наносить мощные удары копьем и мечом, что обеспечивало королевской армии превосходство и над внутренними, и над внешними врагами»¹².

Однако против этой теории были высказаны возражения. Так, Б. С. Бегрек¹³, проанализировав главные аргументы, взятые из письменных источников, отвергает их.

¹⁰ Dhondt J. Le haut Moyen Age (VIe-IXe siècle). Paris, 1976. P. 55.

¹¹ White L. Technologie médiévale et transformations sociales [677]. P. 25.

¹² Dhondt J. Оp. cit.

¹³ Bachrach B. S. Charles Martel, Shock Combat, the Stirrup and Feudalism [144].

1. В 758 г. дань саксов в 500 коров была заменена Пипином Коротким данью в 300 коней, но следует заметить, что еще в 748 г., т. е. после того, как во франкской армии якобы появилась большая кавалерия, тот же Пипин принимал дань в 500 коров.

2. Согласно «Анналам Петавия» (*Annales Petaviani*), в 755 г. «Тассилон прибыл на мартовские поля, но они были перенесены с марта на май». Этот перенос уже давно связывали с необходимостью дожидаться появления травы, чтобы отправиться в поход. Но выражение «мартовские поля» (*campus martius*) в строгом смысле слова означает, безусловно, сбор ополчения не в определенном месяце года, а лишь в определенном месте, которое в подражание римской традиции называли полем бога войны Марса¹⁴. Впрочем, если Каролинги и проявляли заботу об обеспечении конницы фуражом¹⁵, то ведь и при Пипине, как и при Карле Великом военные кампании иногда начинались в первые месяцы года и, бывало, затягивались на всю зиму, как поход против саксов 784-785 гг. Добавим, что «майские поля» берут начало с 612 г.

3. Говоря о Дильском сражении 891 г., «Фульдские анналы» (*Annales Fuldenses*) отмечают, что «у франков не принято сражаться „*pedetemptim*“». Но за этим наречием стоит представление не о пешем строе, а о медленном, осторожном ведении боя.

В любом случае, даже если принять традиционное толкование этих трех свидетельств, ничто не говорит о том, что в правление Карла Мартелла произошла «революция» в военном деле. И до, и после 732 г. франкская военная тактика оставалась, кажется, неизменной; при Пипине Коротком кавалерия еще не играет главную роль, поскольку основной целью военных действий были осада, взятие и защита городов и крепостей. Стремя распространилось весьма медленно: византийцы познакомились с ним в VI в., самые богатые франки стали использовать его с VIII в., но еще накануне битвы при Гастингсе англосаксы, хотя и знали стремя, им не пользовались. Даже если длинный меч и копье с треугольным наконечником вошли в широкое употребление в VIII в., ничто не указывает на то, что ими могли воспользоваться только конники со стремями. Иначе говоря, даже и без стремян конница могла быть очень эффективной и грозной.

Линн Уайт провел также филологический анализ текстов. По его мнению, использование стремени повлекло за собой изменения в лексике: для обозначения посадки на лошадь и спешивания стали вместо глаголов *insilire* и *desilire* пользоваться глаголами *scandere* и *descandere*. Гипотеза очень остроумная, но ее стоит проверить с помощью системного анализа лексики.

¹⁴ Levillain L. Campus Martius [168].

¹⁵ См. «Франкские королевские анналы» за 797 г.: «Хотя уже наступила весна, войско еще не могло двинуться из-за нехватки фуража». Прямая связь между майскими травами и началом военных действий проводится и в «Officia XII mensium» IX в. (Ed. H. Stern. *Revue archéologique*. 1955. N 45. P. 185).

Наконец, иконография почти не проливает света на эту проблему. Самое древнее изображение стремени в Западной Европе дают миниатюры Санкт-Галленской рукописи «Золотой псалтырь» (библиотека Санкт-Галленского монастыря, ms. 22; см. также «Codex Perizonianus» из библиотеки Лейденского университета)¹⁶. Но эта рукопись датируется третьей четвертью IX в., и ее свидетельство было слишком позднее, чтобы быть полезным нам. К тому же, даже там если одни конные воины с копьями изображены, по крайней мере, с одним стремением, то другие, также с копьями, - без них.

Концепции Бруннера, обновленной и дополненной Линном Уайтом, при современном состоянии наших знаний стоит предпочесть такую точку зрения, которая бы подчеркивала медленность эволюции. С меровингской эпохи лошади, вероятно, не были редкостью во франкских войсках, по крайней мере, как средство передвижения для предводителей и богатых людей. И даже во время сражений всадники отнюдь не всегда спешили. Одно из наиболее ясных описаний франкской тактики Григория Турского показывает, как тюринги, дабы отбить нападение войск Теодоберта I, использовали классическую хитрость: «<...> на равнине, где должна была состояться битва, они вырыли рвы, края которых прикрыли дерном с густой травой, отчего создавалась видимость ровного поля. И вот, когда началось сражение, в эти рвы и упали многие из франкских всадников»¹⁷, понеся большой урон. В VII в. кавалерия, вероятно, получила определенное развитие благодаря росту могущества знати, но, тем не менее, оставалась малочисленной: из 704 воинских захоронений с конца VII до начала IX в. в восточной части Франкского королевства от силы 135 захоронений принадлежит конникам, из которых лишь 13 несомненно пользовались стремениами¹⁸. Видимо, наиболее сильной и эффективной частью армии конница стала только при Карле Великом.

Но это не значит, что с IX в. все конники вступали в бой с копьем наперевес. В действительности всадник мог использовать копье четырьмя разными способами: он мог метать его как дротик или мог наносить им удары сверху вниз вытянутой рукой, или прямые удары - опущенной рукой, слегка согнутой в локте; наконец, что было важной технической новацией Средневековья, он мог, держа древко подмышкой, рукой направлять острие копья, образуя вместе с ним и конем единую ударную силу, опасную тем более, чем быстрее движется конь. Остается открытым вопрос, когда этот последний способ прижился и получил распространение. В иконографии наиболее древнее свидетельство «нового конного боя» дает ковер из Байе (ок. 1080 г.), но

Они воспроизведены в кн.: *Finô J. F. Forteresses de la France médiévale...* [783]. P. 93-94.

Григорий Турский. Указ. соч. С. 65.

Siein F. Adelsgräber des achten Jahrhundert in Deutschland. Berlin, 1967.

на нем же изображены и другие конные воины, которые, держа копья одной рукой, потрясают ими без труда, как если бы это было очень легкое оружие (наподобие пик уланов до 1914 г.). Иконография могла, конечно, отставать от реальности, но и литературные тексты, как «Песнь о Роланде», не являются более ранними¹⁹.

3. БРОНЯ, БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ КОЛЬЧУГИ

Большинство археологов и историков, особенно французских, храня верность классификации, восходящей, по крайней мере, к Э. Виолле-ле-Дюку, полагают и полагают, что до XI-XII вв. воины были защищены доспехом, называемым броней (*лат. brunea*), т. е. рубахой из толстой ткани или кожи, покрытой маленькими металлическими чешуйками, пластинами, а иногда металлическими кольцами; позднее, с XI в., броня стала постепенно вытесняться кольчугой из более или менее тесно сочлененных железных колец без основы. Исходя из многочисленных изображений, разнообразие которых приводит в замешательство, и письменных текстов, полагали даже, что можно определить восемь способов изготовления кольчуги: из решетчатообразно расположенных колец, плотно пригнанных, склепанных, расположенных крестообразно и черепицеобразно, простых колец, сдвоенных и, наконец, колец, усиленных металлическими пластинами.

Однако другие специалисты, отказываясь от такой дихотомии, считают, что кольчуга и броня были одним и тем же военным одеянием из клепаных металлических колец. Такова была, например, англосаксонская «byrnie» - «плетеная боевая сеть», о которой говорится в «Беовульфе». Речь идет об очень древнем способе изготовления доспеха, о чем, между прочим, свидетельствует барельеф колонны Траяна, хотя римляне предпочитали доспех из бронзовых либо железных блях или пластин. Рассматривая вооружение времен ковра из Байе, характерный представитель этого направления сэр Джеймс Манн пишет, например: «Мы можем предположить, что дюжины кольчуг, которые, судя по ковру из Байе, носили всадники и пехотинцы, делались из переплетенных клепаных колец, представляя собой мягкий, легкий при ношении в бою доспех, способный защитить от колющих и рубящих ударов, но тяжелый, плохо предохраняющий от контузии, если не поддевалась толстая одежда. Если колечко разрывалось, железная проволока могла проникнуть в рану и вызвать инфекцию. Таковы были недостатки, из-за которых примерно через 250 лет после появления ковra из Байе кольчуга была заменена пластинчатым доспехом»²⁰.

¹⁹Ross D. J. A. L'originalité de «Turolodus»: le maniement de la lance [662].

²⁰ Mann J. Arms and Armour // The Bayeux Tapestry. 2e ed. London, 1965.

на нем же изображены и другие конные воины, которые, держа копья одной рукой, потрясают ими без труда, как если бы это было очень легкое оружие (наподобие пик уланов до 1914 г.). Иконография могла, конечно, отставать от реальности, но и литературные тексты, как «Песнь о Роланде», не являются более ранними¹⁹.

3. БРОНЯ, БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ КОЛЬЧУГИ

Большинство археологов и историков, особенно французских, храня верность классификации, восходящей, по крайней мере, к Э. Виолле-ле-Дюку, полагали и полагают, что до XI-XII вв. воины были защищены доспехом, называемым броней (*лат. brunea*), т. е. рубахой из толстой ткани или кожи, покрытой маленькими металлическими чешуйками, пластинами, а иногда металлическими кольцами; позднее, с XI в., броня стала постепенно вытесняться кольчугой из более или менее тесно сочлененных железных колец без основы. Исходя из многочисленных изображений, разнообразие которых приводит в замешательство, и письменных текстов, полагали даже, что можно определить восемь способов изготовления кольчуги: из решетчатообразно расположенных колец, плотно пригнанных, склепанных, расположенных крестообразно и черепицеобразно, простых колец, сдвоенных и, наконец, колец, усиленных металлическими пластинами.

Однако другие специалисты, отказываясь от такой дихотомии, считают, что кольчуга и броня были одним и тем же военным одеянием из клепаных металлических колец. Такова была, например, англосаксонская «byrnie» - «плетеная боевая сеть», о которой говорится в «Беовульфе». Речь идет об очень древнем способе изготовления доспеха, о чем, между прочим, свидетельствует барельеф колонны Траяна, хотя римляне предпочитали доспех из бронзовых либо железных блях или пластин. Рассматривая вооружение времен ковра из Байе, характерный представитель этого направления сэр Джеймс Манн пишет, например: «Мы можем предположить, что дюжины кольчуг, которые, судя по ковру из Байе, носили всадники и пехотинцы, делались из переплетенных клепаных колец, представляя собой мягкий, легкий при ношении в бою доспех, способный защитить от колющих и рубящих ударов, но тяжелый, плохо предохраняющий от контузии, если не поддевалась толстая одежда. Если колечко разрывалось, железная проволока могла проникнуть в рану и вызвать инфекцию. Таковы были недостатки, из-за которых примерно через 250 лет после появления ковra из Байе кольчуга была заменена пластинчатым доспехом»²⁰.

¹⁹Ross D. J. A. L'originalité de «Turolodus»: le maniement de la lance [662].

²⁰Mann J. Arms and Armour // The Bayeux Tapestry. 2e ed. London, 1965.

Совсем иные объяснения недавно предложил Ф. Бюттен²¹. Остановимся только на основных положениях. По мнению этого автора, броня - доспех, защищающий все тело, а что касается «haubert» (halsberga), то речь идет о мягком «военном головном уборе», «в форме капюшона», защищающего шею и плечи²². В XIII в. слово «броня» выходит из употребления и заменяется главным образом терминами «железная» или - гораздо реже - *кольчужная кош-та*, а особенно - «haubergon», этимологию которого Бюттен ведет от «haubert-gone», где «gone» - вид одежды. При этом все три доспеха (haubert, brogne, haubergon) явно имели одну и ту же конструкцию из круглых блях (или колец (maillles)). Существовали два основных типа колец: или цельные пластины, ковавшиеся молотом (malleus) и затем приклепывавшиеся к тканой или кожаной основе (отсюда - характерные выражения: «кольца полуклепаннные», или наклепанные кольца», или «кольчуга наклепанная»), или металлические кольца, сплетением которых создавались броня и «haubert». Действительно, с XIII в. «haubert» (в том значении, которое придает ему Бюттен) чаще всего изготовлялся из круглых колец, которые делались из волооченой железной проволоки. Напротив, «haubergon» всегда делали из «цельных пластин, иногда железных, или чаще всего стальных, приклепывавшихся к подкладке из кожи или ткани или же соединявшихся друг с другом без основы, с помощью шнуров»²³. И когда савойские тексты конца XIV в. упоминают, например, «auberjon d'acier de toute botte» и «auberjonde botte cassée d'acier», то под первым нужно понимать доспех, испытанный луком или простым арбалетом, а под вторым - испытанный более мощным арбалетом «à tour». Когда один из бургундских счетов сообщает о покупке 1600 стальных «блях» для доспеха «haubergon», то речь идет о плоских круглых пластинах. Наконец, если железная котта делалась из колец (так, найденные при раскопках в Висби железные котты обычно были сделаны из колец диаметром 0,8-1 см), то стальная - всегда только из кованых или цельных пластин. Поэтому ремесло оружейника состояло в изготовлении и соединении таких плоских цельных пластин.

Несмотря на обилие приводимых в доказательство цитат, новые определения, предложенные Бюттеном, нельзя принять безоговорочно. Наиболее спорными кажутся его определения понятий «haubert» и «haubergon». Ведь тексты со всей очевидностью позволяют утверждать, что «haubert» - это доспех, прикрывающий тело, а «haubergon» есть не что иное, как малый, более короткий доспех. Так, Филипп де Мезьер пишет: «Доспех (haubert) защищает тело рыцаря»²⁴. «Большие французские хроники» описывают один из эпизодов битвы при Бувине следующим образом: «Затем приподнялась пола его

²¹ Buttin F. Du costume militaire au Moyen Age et pendant la Renaissance [574].

²² Ibid. P. 406.

²³ Ibid.

²⁴ Mézières Ph. de. La songe du Vieil Pèlerin / Ed. G. W. Coopland. Cambridge, 1969. T. I. P. 213.

доспеха (haubert), и тот [противник] решил вонзить ему кинжал в живот, но кинжал не прошел через железные штаны, настолько хорошо они были пригнаны к доспеху»²⁵. Французский перевод книги Иоанна Генуэзского «Catholicon» дает слово «haubert» для латинского «logica». Слово «thorax» переводится как «панцирь [в значении «грудь»] или короткий доспех», тогда как другой словарь то же слово объясняет как «панцирь или доспех (haubert)»²⁶.

Неверным кажется и утверждение, что «haubergeon» всегда делался из металлических пластин. Доказательством тому может быть французская загадка XV в.: «Угадайте, что это: чем больше дыр, тем тяжелее. - Ответ: Это haubregon»²⁷.

С другой стороны, обычным, расхожим значением слова «maille» было значение «железное кольцо». Так, в старофранцузском переводе трактата Фридриха II «Об искусстве соколиной охоты» (De arte venandi cum avibus) говорится: «А еще нужно иметь два кольца, или два кольца доспеха, и неважно, железные они или бронзовые»²⁸. Кстати, обычным было сравнение рыболовной сети (*старофр.* «gois»), брони и доспеха. «Из брони своей сделали невод. / Хорошо забросили его. / Но знаю, ничего не поймали: / угри прошли сквозь кольца (mailles)»²⁹. Согласно упоминавшимся выше словарям, лат. «*macula* (пятно, кольцо) - кольцо кольчуги или рыболовной сети» («*maille de hauberjon ou de goiz*»), и «*macula* - вина, грех или кольцо доспеха или рыболовная сеть из железных колец» («*maille de haubregon ou de rois de coffes de fer*»). В IX в. Рабан Мавр разъяснял, что «панцирь» (logica) «называется так потому, что не имеет кожаной основы и сплетен из одних железных колец»³⁰.

При всем этом нельзя исключать того, что в классическое Средневековье иногда использовали доспехи из металлических чешуек или пластин. Существует несколько указаний на это: прежде всего иконография, если, правда, допустить, что она воспроизводила реальное вооружение, а не старалась представить, например, воображаемых античных воинов (так же, как солдат, охраняющих могилу Христа)³¹. Затем - археологические находки: металлические

²⁵ Цит. по: *Buttin F.* Op. cit. P. 172. - Бюттен приводит причины, по которым это свидетельство считает неприемлемым только он один.

²⁶ *Roques M.* Recueil général des lexiques français du Moyen Age (XIIe-XVe siècle). Paris, 1938. Vol. II. - То, что «haubergeon» является уменьшительным от «haubert», кажется несомненным (ср. латинские формы *halsbergotum*, *halsbergctum*, *halsbergellum*, *halsbergeolum*).

²⁷ *Devinettes françaises du Moyen Age* / Ed. B. Roy. Montréal; Paris, 1977. P. 106.

²⁸ *Tobler-Lommatzsch.* Altfranzösisches Wörterbuch. Bd V. S. 796-797.

²⁹ Ibid.

³⁰ *Patr. Lat.* T. III. P. 543.

³¹ Два примера: миниатюра в рукописи (Bibl. Nat., Paris, fr. 403, f. 1 v° и скульптура в монастырской церкви Сен-Жиль-дю-Гар XII в., воспроизведенная в кн.: *Buttin F.* Op. cit. Fig. 1. - О том, как в Средние века могли представлять античные доспехи, см.: *La Brocquière B. de.* Le voyage d'outremer / Ed. C. Schéfer // Recueil de voyages et de documents. Paris. 1892. Vol. II. P. 219-220 («Я видел, что они (турки) носят очень красивые легкие кольчуги из более мелких чешуек, чем наши, и они такие же, как на картинах времени Юлия Цезаря.»).

пластинки и чешуйки, найденные в оссуарии Висби; чешуйчатый доспех неопределенного времени (между X и XII вв.) в оружейной экспозиции Музея Алава (Витория, Испания)³². О том, что монголы тоже использовали доспехи из пластинок, свидетельствует Джованни ди Плано Карпини: «Они делают тонкую, шириной в палец и длиной в ладонь пластину, и изготовляют их одного размера в большом количестве. В каждой пластине они просверливают восемь маленьких отверстий, подкладывают три узких крепких ремня, и на них укладывают другие пластины, одну над другой, как ступеньки, прикрепляя их к ремням тонкими шнурами, которые продевают через отверстия, так чтобы все пластины были хорошо соединены»³³. Гиральд Кембрийский упоминает, что датчане, напавшие на Дублин в 1171 г., были защищены доспехами «из искусно сшитых железных пластин» (*laminis ferreis arte consutis*). Адам дю Пти-Пон говорит о «панцирях, сплетенных из колец и кругом обшитых пластинами» (*loricas textas ex circulis et circumsquamatas ex laminis*). А Жюльен де Везеле описывает доспех солдата, охранявшего Христа, следующим образом: «Кираса из пластинок, находящихся друг на друга, как сплошная чешуйчатая туника»³⁴.

Остается неясной проблема клепаных, полуклепаных, накладных петель. Не стоит ли, вопреки гипотезе Ф. Бюттена, предполагающего, что имеются в виду петли, наклепанные или наложенные на какую-то *основу*, сохранить традиционное представление «cloguе» - это «пробивание петель в заготовках, чтобы сделать кольца» (Годфруа)? Неясного, конечно, много, и одной из задач пространного исследования Бюттена является то, что оно показало, насколько вроде бы ясные понятия нуждаются во внимательном критическом анализе³⁵.

4. КОЛЛЕКТИВНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ И УНИФОРМА

Существуют две противоположные модели: с одной стороны, система или военная организация, где каждый воин совершенно свободно, по своей инициативе сам обеспечивает себя оружием, снаряжением, боевым конем, исходя из своих финансовых возможностей, соображений безопасности и военной эффективности, при косвенном, однако, контроле как использующих его властей, так и ближайшего окружения, а с другой - система, при которой обеспечение войск полностью берет на себя государство, строго определяя и регламентируя виды снаряжения, дабы оно было унифицированным, стандартным, одним своим видом демонстрирующим принадлежность к армии и ее иерархии.

³² Riquer M. de. *L'arnès del cavalier...* [596]. III. 2.

³³ Цит. по: Buiin F. *Op. cit.* P. 103.

³⁴ Julien de Vézelay. *Sermons* / Ed. D. Vorreux. Paris, 1972. Vol. II. P. 608.

³⁵ Заметим, что столь опытный специалист, как Г. Гайер, в целом согласен с мнением Ф. Бюттена. (Gaier C. *L'industrie et le commerce des armes...* [579]. P. 265 et s.).

В общем, на протяжении всего Средневековья широко использовалась первая модель. Даже в XV в. значительная часть вооружения находилась в частных руках не только у профессиональных военных, но и у гражданского населения городов и сельской местности. Что касается второй модели, то Средневековье приблизилось к ней, но сколько-нибудь полно и систематически ею не пользовалось. Между этими двумя крайностями существовали различные решения, предполагавшие и разную ответственность индивидов, сообществ и властей.

Крайне упрощая дело, можно сделать следующие замечания:

1. Снаряжение воинов, когда оно не зависело от ответственности и частной инициативы, могли обеспечивать вовсе не высшие власти, а власти и начальники среднего уровня: сеньор, капитан отряда, городская или сельская коммуна.

2. Государственная власть очень часто не брала на себя приобретение снаряжения, а контролировала и регламентировала его с помощью указов: свидетельством того являются ассиза о вооружении Генриха II Плантагенета, проверка оружия горожан муниципальными властями во время периодических «сборов» и «смотров», военные ордонансы герцога Карла Бургундского, до мелочей расписывавшие вооружение регулярных войск.

3. Иногда, вместо прямого обеспечения войск, власти ограничивались заботой о том, чтобы в нужное время последние могли без труда найти оружие в изобилии и по дешевой цене. В результате - запреты вывозить оружие и коней во время войны, налоговые и другие льготы, предоставлявшиеся главным образом изготовителям шлемов, кольчуг, лат и полулат.

4. С течением времени вмешательство государства, несомненно, становилось все более значительным и определенным. Оно коснулось пехоты раньше, чем конницы, флота раньше, чем сухопутной армии, и проявилось в завоевательных походах прежде, чем в оборонительных действиях на своей территории.

Во Французском королевстве, например, Капетингская монархия с начала XIII в. стала создавать небольшие склады оружия в разных замках и крепостях, где были не только арбалеты и стрелы, но и щиты, копья, топоры и полные доспехи³⁶. Документ 1295 г. сообщает о массовой закупке оружия в Тулузском сенешальстве за счет Филиппа Красивого³⁷. В начале Столетней войны Филипп

³⁶ Cenlamine Ph. *Consommation et demande militaire...* [886]. P. 412.

³⁷ Wolff P. *Achats d'armes pour Philippe le Bel dans la région toulousaine // Annales du Midi*. 1948. N 61. P. 84-91. - Речь идет о «морском деле». В том же году для снаряжения флота этого короля некий ломбардец закупил в Брюгге 1885 арбалетов, 666 258 стрел, 6309 щитов, 2853 шлема, 4511 стеганых котт, 751 пару рукавиц, 1374 нашейников и наручей, 5067 железных пластин, 13 495 копий или наконечников копий. 1989 топоров, 14 599 мечей и кинжалов (*Gaier. L'industrie et le commerce des armes...* [579]).

Валуа для снаряжения парусных судов и галер широко использовал арсеналы нормандского побережья³⁸. Еще более систематическими стали заказы оружия во второй половине XV в. при Карле VII, Людовике XI и Карле VIII. В 1465 г., например, герцог Немурский Жак д'Арманьяк получил от Людовика XI 6000 турецких ливров в виде компенсации - сумму, примерно равную той, что он заплатил оружейникам за экипировку полной ордонансной роты из 100 кавалеристов и 200 лучников³⁹. В ту же эпоху растущее вмешательство государства проявляется и в других странах и державах. В 1483 г. Максимилиан Габсбург предписывает приобрести 600 саладов, 400 наручей и 1000 кирас⁴⁰. Тот же государь письмом, отправленным из Вормса 17 апреля 1495 г., заключил с двумя миланцами, братьями Габриэло и Франческо де Мерате, договор на 3 года, по которому они за 1000 франков Франш-Конте и 1000 рейнских золотых флоринов, выплачиваемых каждый год равными частями вместе с жалованьем, обязывались построить в Арбуа кузню и точильную мельницу. Годовое жалованье составляло 100 франков Франш-Конте. За это они обещали королю ежегодно поставлять по «50 военных доспехов, выполненных по бургундской моде, из хорошего материала, со специальной маркировкой»⁴¹. Еще в 1475 г. Карл Смелый сделал миланца Алессандро Поло своим привилегированным, состоящим на жалованье оружейником в г. Доль: тот обязан был каждый год поставлять 100 доспехов со всеми принадлежностями⁴². Естественно, что первыми этот путь проложили итальянские государи: в 1452 г. Чикко Симонетта писал миланскому герцогу, что договорился с тремя оружейниками, заявившими, что они способны ежедневно изготавливать снаряжение для шести рыцарей⁴³.

Можно только удивляться тому, что униформа, которая в дальнейшем становится характерной и даже основной чертой всякой регулярной вооруженной силы, столь эпизодически использовалась в Средние века. Действительно, в Англии настоящая униформа появилась только во время гражданской войны (1645 г.), а во Франции Лувуа предписал «единообразный костюм для полка королевских фузилеров» лишь в 1670 г.

Средневековые довольно рано знали знаки различия и опознавательные знаки. Здесь нужно вспомнить не только знамена с гербами, щиты, военные котты (они появились в середине XII в. и получили распространение после 1250 г.), но также и кресты, которые сначала носили крестоносцы. По случаю

³⁸ Chazelas A. Documents relatifs au Clos des Gâtées de Rouen... [314].

³⁹ Bibl. Nat., Paris, fr. 32511, f. 245 r\

⁴⁰ Gaier C. L'industrie et le commerce des armes... [579]. P. 89.

⁴¹ Genevov R. Notes sur l'armurerie impériale d'Arbois... [625]; Motla E. Armaiuoli milanesi... [649]. P. 222.

⁴² De Schrij ver A. Notes pour servir à l'histoire du costume au XVe siècle dans les anciens Pays-Bas et en Bourgogne // Annales de Bourgogne. 1957. N 29. P. 29-42.

⁴³ Thomas B., Gamber O. L'arte milanese dell'armatura [672].

третьего крестового похода (1188-1190 гг.) «была достигнута договоренность, что люди из земель короля Франции будут носить красные кресты, люди из земель короля Англии - белые кресты, а люди из земель графа Фландрии - зеленые кресты»⁴⁴. Еще в 1336 г. при подготовке крестового похода Филиппа Валуа «более двухсот крупных сеньоров [Франции] обязались носить алый крест»⁴⁵. Позднее прямой красный крест (заимствованный у войск св. Георгия) стал знаком англичан, тогда как Валуа с 1355 г., и особенно после 1380 г., ввели в своей армии прямой белый крест. В свою очередь, бургундцы выбрали крест св. Андрея, красного или белого цвета, в форме буквы X или вилообразный. В специальной статье Аррасского договора (1435 г.) предусматривалось, что герцог Бургундский и его подданные, носящие крест св. Андрея, не будут принуждаться к другим знакам, даже если они будут служить у короля, в его армии и на его жалованье⁴⁶.

Заметим, однако, что такие знаки были распространены и за пределами военной среды: они также свидетельствовали о «политической» принадлежности, поэтому и несражающиеся могли или обязаны были их носить. В 1416 г. Генрих V, например, потребовал, чтобы все нормандцы носили крест св. Георгия в знак повиновения ему. Во время фламандской экспедиции Карла VI в 1382 г. «не было ни мужчины, ни женщины в стране в областях вплоть до Гента, которые бы не носили белый крест»⁴⁷. А во времена правления герцога Бургундского во Франции в 1411 г. парижане надевали шапочки из синего сукна с крестом св. Андрея и носили щит с лилией, и без этого знака никто не мог выйти из столицы, как сообщается в «Дневнике одного парижского горожанина».

Кроме того, короли, владетельные сеньоры, капитаны и города нередко давали одинаковую экипировку более или менее значительным корпусам своих войск. Примерно с середины XIV в. воины, родом из Чешира, Уэльса и Флинтшира, одевались в зелено-белые котты и шапки, и это, несомненно, были первые английские солдаты в «униформе», появившиеся на поле боя на континенте⁴⁸. Когда Филипп Красивый в 1297 г. осаждал Лилль, «к нему из Турне

⁴⁴ Radidfusde Dicelo. Opera historica / Ed. W. Stubbs. London, 1876. P. 51.

⁴⁵ Froissartf. Chroniques / Ed. S. Juce. Paris, 1869. Vol. I. P. 354.

⁴⁶ Cosneau E. Les grands traités de la guerre de Cent ans. Paris, 1889. P. 145. - Реже надевали пояса одного цвета, как это сделали во французской армии, воевавшей во Фландрии в 1304 г.:

«И тогда приказ издали,
О чем герольд всех известил,
Чтоб в сраженье всякий воин
Был перепоясан белым шарфом,
И мы своих могли б узнать».

Гийолі Гуар.

«Древо королевских родов», ст. 11052 и далее.

⁴⁷ Partie inédite des chroniques de Saint-Denis / Ed. Pichon. Paris, 1864. P. 15.

⁴⁸ Hewitt H. J. The Black Prince's Expedition of 1355-1357 [57]. P. 16.

подошло триста солдат в синих коттах и белых шапках»⁴⁹. Тот же город в 1340 г. отправил на службу к Филиппу Валуа 2000 хорошо вооруженных пехотинцев «в одинаковых костюмах». Схожее выражение употребляет Фруассар, говоря о фламандском ополчении Брюгге: «И горожане, и жители округи имели одинаковые костюмы, чтобы узнавать друг друга»⁵⁰. Известны примеры городских ополчений, носивших на одежде названия городов (Дижон, Кан) или их гербы (Мец, Лион). «В это время [1477 г.] Валансьен содержал 150 немецких и швейцарских аркебузирова, носивших одинаковые костюмы с эмблемами города»⁵¹.

То же самое делали и государи, свидетельством чему является экипировка шотландских лучников Карла VII и Людовика XI или экипировка гвардии Карла дю Мэна в 1480 г. По случаю принятия последним титула короля Сицилии «лучники гвардии», «легкая кавалерия», «тяжелая кавалерия монсеньора де Рье», «воины капитана Жаннона Саллона» - все надели цвета нового короля: красный, белый и серый; примечательно, что те же цвета появились и «на штандартах и вымпелах в войске короля»⁵².

При этом не следует забывать о том, что так называемые ливреи носили не только военные, это разрешалось или вменялось в обязанность самым разным людям, включая и высших королевских, сеньориальных и муниципальных чинов. Поэтому в Англии в конце Средневековья ограничения в ношении ливрей рассматривались как одно из средств борьбы с «противозаконными феодалами».

Возможно, что при всем единообразии ливреи имели некоторые, не слишком значительные различия, объяснявшиеся разницей в званиях; благодаря этому с первого взгляда можно было определить военную иерархию. Особенно ярко эта иерархия проявлялась в знаменах (форма, размеры, нарисованные или вышитые изображения), наиболее характерный пример в этом смысле - армия Карла Смелого, где предусматривались различные знамена, флаги, штандарты, знаки для кавалеристов, лучников, ордонансных рот и их подразделений - эскадронов и отрядов (*escadres*, «chambres»)». ⁵³.

⁴⁹ *Chronique artésienne* / Ed. F. Funck-Brentano. Paris, 1899. P. 16, n°4.

⁵⁰ *Froissart*, *Chroniques* / Ed. G. Raynaud. Paris, 1899. Vol. XI. P. 44.

⁵¹ *Molinet J. Chroniques* / Ed. O. Jodogne et G. Doutrepont. Bruxelles, 1935. Vol. I. P. 241.

⁵² *Piponnier F. Costume et vie sociale. La cour d'Anjou, XIVe-XVe siècles.* Paris; La Haye, 1970. P. 253.

⁵³ *Brüsten C. Les emblèmes de l'armée bourguignonne de Charles le Téméraire [449].* По свидетельству герольда Блюменталья, который сопровождал английское посольство к Карлу Смелому во время пикардийской кампании 1472 г., «каждая сотня имела знамя и 2 вымпела, 1 вымпел для солдат с обоюдоострыми кинжалами и солдат, которые ехали верхом впереди, а другой для пехотинца с копьем и знамя для их копий» (*Kingsford C. L. English Historical Literature in the Fifteenth Century.* Oxford, 1913. P. 381-382).

ГЛАВА VI

А Р Т И Л Л Е Р И Я

Слово «артиллерия» происходит от старофранцузского глагола «atillier» (Кретьен де Труа, 1164 г.) - «украшать, наряжать, устраивать». Существительное «atil» имеет смысл украшения, вооружения, снабжения, а «atillement» - снаряжения. Позднее под влиянием слова «art» появилась форма «artillier». И это существительное - «artillier» (Этьен Буало, 1268 г.) стало обозначать производителя военных принадлежностей, особенно наступательного оружия. В начале XIV в. Гийом Гиар дал следующее определение артиллерии:

«Артиллерия - это военный обоз
Графа, герцога, иль короля,
Или другого земного сеньора,
Со стрелами и арбалетами,
Копьями и кинжалами,
И со щитами одного размера»¹.

Долгое время слово «артиллерия» продолжало обозначать вооружение вообще. Нельзя сказать, что еще в 1500 г. этот общий смысл был забыт. Антуан де Лален так описал арсенал Максимилиана Габсбурга в Инсбруке: «Король велел построить на берегу реки здание для своей артиллерии. Она, по-моему, самая прекрасная в мире. Там хранятся доспехи, кулеврины, арбалеты, копья, луки, алебарды, двуручные мечи и разные пики»². Но тот же автор, употребляя выражение «артиллерийские орудия» (*pièces d'artillerie*), имеет в виду только пушки, а в «Скандальной хронике» Жана де Руа, современника Людовика XI, можно найти, например, слово «артиллерия» в его современном смысле.

Процесс вытеснения метательной артиллерии артиллерией огнестрельной шел весьма медленно, это объясняется тем, что новое оружие долгое время было малоэффективным. Но в конце концов оно взяло верх благодаря, в частности, усовершенствованиям в изготовлении пороха и переходу от каменных ядер к литым. Стоит, однако, уточнить роль артиллерии в Средние века и выяснить, какие последствия имело ее широкое использование для системы фортификации, для приемов осады и защиты укреплений.

¹ Цит. по: Gay V., Stein H. Glossaire archéologique... [554]. Vol. 1. P. 76.

² Gachard L. P. Collection des voyages des souverains des Pays-Bas. Bruxelles, 1876. Vol. I. P 310.

1. ЗАКАТ МЕТАТЕЛЬНОЙ АРТИЛЛЕРИИ (ТРЕБЮШЕ)

Доказательством того, что около 1300 г. метательная артиллерия рассматривалась как важное техническое завоевание, является ее детальное описание в трактатах «Об управлении государей» (*De regimine principum*) Эгидия Римского и «Книга тайн» (*Liber secretorum*)¹ Марино Сануто Торселло. Специалисты по этому виду оружия были важными персонами, их уважали даже магнаты: в 1297 г. во время осады Лилля граф Геннегау «из любви» просил «достолюбезного мастера по машинам» создать сколь можно большую машину. Когда она была готова, то метнула 200-фунтовое «яблоко», которое пробило каминную трубу и упало под ноги предводителю противников Роберу де Бетюну.

Во время первых сражений Столетней войны такие машины часто появлялись (обычно они назывались «engins», но также «martinets», «engins volants», «truies», «bricoles», «couillarts», «biffes», «tripants», «perrières», «mangonneaux»). Во время осады Мортаня в 1340 г. валансьенцы, согласно Фруассару, соорудили «удивительную метательную машину, которая добрасывала большие камни до самого города и до замка». В ответ осажденные обратились к своему «мастеру по машинам», который построил меньшую машину, но в первый раз пущенный ею камень упал в 12 футах от машины валансьенцев, во второй - камень упал совсем рядом, а в третий раз «она была так хорошо настроена, что поразила валансьенскую, разбив ее на две части»². В том же году при осаде Турне осаждающие располагали восемью метательными орудиями, а осажденные - семью машинами, с помощью которых были убиты только 10 человек. Правда, целью осаждающих было разбить ворота, тогда как осажденные старались прежде всего уничтожить орудия противника³.

До 1380-х гг. не было никаких признаков упадка метательной артиллерии: архивные документы времен Карла V говорят о сотнях камней для нее⁴. В 1374 г. впечатляющие орудия были сконструированы генуэзцами для осады коннетабля Кипра Жака де Лузиньяна в его замке Лерин. Еще в 1405 г. французы используют *метательные орудия* (*machina jaculatoria*) при осаде Мортаня⁵. А в следующем году в Сент-Омере сотня плотников трудилась над постройкой трех больших машин и четырех малых. Примерно в то же время Кристина Пизанская советовала иметь для обороны «четыре камне-

¹ Gilles de Rome. *De Regimine principum...* [11]; Marino Sanuto Torsello. *Liber secretorum fidelium Crucis super Terrae sanctae recuperatione et conservatione*. Hanoviae, 1611;

² Istore et Croniques de Flandres / Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1879. Vol. I. P. 213.

³ Froissartf. *Chroniques* / Ed. S. Luce. Paris, 1870. Vol. II. P. 64-65.

⁴ Ibid. / Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1876. Vol. XXV. P. 346-365.

⁵ Bibl. Nat., Paris, P. O. 3021, dossier Villiers de L'Isle-Adam 66816, n° 18 et fr. 26040, n° 5000; см. также датируемый 1390-1391 гг. счет за «две машины» в 267 турецких ливров 9 су и 2 денье (Ibid. Touraine et Anjou, 28°. P. 161).

⁶ Religieux de Saint-Denys. *Chronique* / Ed. L. Bellaguet. Paris, 1841. Vol. III. P. 276.

мета с необходимыми канатами и веревками и большим количеством камней», а для осады - «две больших и две средних машины со всем, что нужно для метания, а также четыре совсем новых камнемета с запасными веревками и прочим на каждую, дабы заменить их, если потребуется»⁹. Поскольку она же говорит о необходимости иметь и много пушек, то можно предположить, что в глазах консультировавших ее специалистов новая артиллерия не исключала, а дополняла старую, несомненно потому, что их результативность считалась различной.

Даже около 1420 г. имеется много указаний на долговременную жизнеспособность требюше. Так, в 1419-1420 гг. жители Орлеана, дабы испытать машину, стоявшую во дворе монастыря Сен-Поль, купили сначала «связку соломы, которую положили в машину», а затем закупили камни¹⁰. В 1421-1422 гг. правительство Генриха V намеревалось приобрести метательные орудия в Париже". В 1421 г. дофин Карл велел заплатить мастеру из Турени Жану Тибо 160 турецких ливров за два камнемета, один из которых должен был метать камни в 400 фунтов, а другой - камни в 300 фунтов¹¹. Со своей стороны в 1422 г. Филипп Добрый, проводя кампанию по подавлению в Пикардии последних очагов сопротивления арманьяков, предполагал использовать восемь камнеметов, способных метать снаряды массой от 100 до 300 фунтов¹².

Впоследствии источники, по крайней мере во Франции, упоминают машины этого типа вплоть до 1460 г. Во время отвоевания Нормандии в 1450 г. их использовали то здесь, то там, как, например, при штурме Серой башни Вернея¹⁴. Но они появлялись уже только эпизодически. Решающий поворот произошел, по-видимому, во второй четверти XV в. Следовало бы, правда, уточнить, характерна ли для других стран Запада та же самая хронология¹⁵.

⁹ Bibl. Nat., Paris, fr. 585, f. 53 v°.

¹⁰ Arch. mun. Orléans, ce 547, f. 22 r°. Использование слова «couillart» [для обозначения метательной машины. - *Примеч. пер.*] с очевидной символичностью связано с ковшем и кожей (coir), куда клали камень. См.: Le Franc archer de Baignolet / Ed. F. Polak. Paris; Genève, 1966. P. 35, v. 107 et s.

¹¹ Gaier C. L'industrie et le commerce des armes... [579]. P. 328, n° 4, 6, где предложены различные объяснения.

¹² Gay V., Stein H. Glossaire archéologique... [554]. Vol. I. P. 455.

¹³ Bibl. Nat., Paris, fr. 1278, f. 67 r°.

¹⁴ Plaisie A. La libération de Verneuil, porte de la haute Normandie en juillet-août 1449. Evreux, 1973. P. 30. - Две «метательные машины» использовались при осадах Сен-Дени в 1435 г. и Монтеро в 1437 г. (Les Chroniques du roi Charles VII par Gilles le Bouvier dit le Héraut Berry / Ed. H. Courteault. Paris, 1979. P. 166, 184).

¹⁵ Требюше использовались наряду с бомбардами еще при осаде Бургоа в 1475-1476 гг. (Brnard Y. De l'importance historique et de la valeur des ouvrages fortifiés en Vieille-Castille... [874]. При осаде Родоса в 1480 г. христиане использовали для метания камней машину под названием «Tribut», в которой можно также видеть требюше.

2. ПОРОХ И ЯДРА

Весьма многочисленные рецепты пороха, сохранившиеся с XIII в., позволяют установить пропорции трех его главных составляющих: селитры, серы и древесного угля.

	Селитра, %	Сера, %	Древесный уголь, %
Роджер Бэкон (ок. 1267 г.)	41,2	29,4	29,4
Альберт Великий (ок. 1275 г.)	66,6	11,2	22,2
Марк Грек (ок. 1300 г.)	66,6	11,2	22,2
Джон Ардерн из Ньюарка (ок. 1350 г.)	66,6	11,2	22,2
г. Ротенбург (ок. 1377-1380 гг.)	66,6	16,7	16,7
г. Нюрнберг (1382 г.)	66,6	16,7	16,7
г. Монтобан (ок. 1400 г.)	71	12,9	16,1
Германия (ок. 1400 г.)	71	12,9	16,1
Бургундия (ок. 1413 г.)	71,5	21,4	7,1
Франция (ок. 1430 г.):			
- «мелкий порох»	57,1	28,6	14,3
- более крупный порох	62,5	25	12,5
- еще более крупный порох	66,7	22,2	11,1
Франческо ди Джорджо Мартини (2 пол. XV в.):			
- порох для бомбарды, бросающей ядра массой не менее 200 фунтов	50	28,6	21,4
- порох для меньшей бомбарды и фунтовой пушки	57,1	28,6	14,3
- порох для пасс-воланта, василиска и сербатаны	61,5	23,1	15,4
- порох для аркебузы и штуцера	73,7	15,8	10,5
г. Ренн(1487 г.)	75	11,5	13,5
Франция (сер. XVI в.)	75	11,5	13,5

Если учесть, что современные специалисты считают идеальным состав, содержащий 74,64% селитры, 11,85% серы и 13,51% древесного угля, то ясно, что вплотную приблизиться к этой цели изготовителям пороха удалось только к концу XV в. Однако заметим, что, во-первых, не известно, какая степень чистоты серы и селитры была достигнута к этому времени, и во-вторых, различные примеры (Франческо ди Джорджо Мартини, Франция ок. 1430 г.) говорят о том, что тогда не всегда стремились использовать самые лучшие смеси, ведь нужно было не допускать разрыва дула и особенно каморы. Только орудия «половинного размера» позволяли увеличивать пороховой заряд и соблюдать оптимальные пропорции.

Качество пороха зависит не только от состава, но и от однородности смеси, степени размола, скорости горения. Кажется, что специалисты позднего Средневековья узнали об этом чисто эмпирическим путем. С середины XIV в. английский рецепт предписывал молоть материалы «на мраморном камне», а затем перемешивать их с помощью тонкой льняной ткани¹⁶. Позднее стали систематически использовать пороховые мельницы, часто приводимые в движение лошадьми. Кроме того, ввиду неоднородности смеси угля, селитры и серы порох при малейшей тряске расслаивался, и более тяжелая селитра опускалась вниз, а уголь оставался наверху. Поэтому, вероятно, с 1420-1430 гг.¹⁷ началось зернение пороха, который отныне представлял собой маленькие шарики устойчивой структуры, между которыми легко проникал воздух (и кислород) - благодаря этому порох сгорал быстрее. Для зернения пороха нужно было увлажнять его, орошая спиртом, уксусом или «мочой пьющего человека»¹⁸. Затем порох сушили на солнце или в хорошо натопленном помещении. Трактат того времени так говорит об этом: «Встанет вопрос, чем лучше заряжать пушки: зерненым порохом в форме шариков либо комочков или просеянным. Автор отвечает, что фунт зерненого пороха лучше и ценнее трех фунтов просеянного»¹⁹. С конца XV в. начали различать виды пороха в зависимости от цели его использования. Немного позднее (хронология нуждается в уточнении) стали различать три вида: порох для артиллерийских орудий, порох для аркебуз (на подставке и ручных), затравочный порох²⁰.

Стоимость пороха заметно снизилась с середины XIV в. к началу XVI в. Если исходить из счетной турецкой монеты, то несколько примеров позволяют понять, что к 1370-1380 гг. фунт пороха стоил 10 турецких су. Спустя сорок лет его стоимость снизилась до 5 су. Очередное понижение произошло в последней четверти XV в., стоимость фунта пороха колебалась от 1 су 6 денье до 2 су. А официальный документ начала XVI в. говорит о стоимости в 1 су 8 денье²¹. Также следовало бы узнать, почему стало возможным такое понижение стоимости пороха? В любом случае, на протяжении XIV-XV вв., вопреки возможным ожиданиям, селитра, производившаяся на месте, по-видимому, стоила заметно дороже серы, хотя последняя для большей части Запада была импортным товаром. В Нидерланды, например, серу привозили из Италии,

¹⁶ Partington J. R. A History of Greek Fire and Gunpowder [698]. P. 323-329, no: Brit. Lib., London, MS Sloane 56, f. 357 r°.

¹⁷ Essenwein A. von. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Leipzig, 1872. S. 25.

¹⁸ Для гранулирования пороха действительно использовали спирт - «горящую воду» (см. за 1475 г. Arch. mun. Lyon, CC 454, n° 41).

¹⁹ Bibl. Nat., Paris, fr. 2015, f. 16 v°.

²⁰ Brit. Lib., London. Add. ms. 23222, f. 29 v-30 r°.

²¹ Bibl. Nat., Paris, fr. 2068.

выгружали главным образом в Брюгге (позднее в Антверпене) и продавали вполонину дешевле селитры или в натуральном виде («soufre vif»), или в дробленом («en gros»), или прессованной в брикеты («en canne»)²².

Еще труднее узнать цену ядер и понять, привел ли к экономии отказ от каменных ядер в пользу литых. Вот несколько общих данных по этому поводу:

- в 1415 г. 260 каменных ядер стоят 5 турецких денег за штуку, а 130 более мелких ядер продаются по 2 денье²³;

- в 1420-1421 гг. камень для большой бомбарды добывается «в карьере Иври, в одном лье от Парижа вверх по течению реки», и цена за одно ядро поднялась до 8 парижских су²⁴;

- в 1478 г. 300 «больших каменных ядер» стоят 36 турецких ливров, значит цена одного ядра - около 2 су 2 денье²⁵;

- в 1480 г. 200 каменных ядер для трех бургундских пушек обходятся в 3 турецких су за штуку, а 400 более мелких ядер стоят по 2 су и 4 денье²⁶.

Что касается «железных литых» ядер, то, когда указывается общая масса, сведения о них более ясные. В 1478 г. припасы для большой кулеврины, называвшейся «Управительницей», стоили примерно 5 турецких су за ядро, а по весу - 4 - 5 денье за фунт. Спустя два года - 6 денье за фунт; при Франциске I цена, кажется, сократилась наполовину²⁷.

3. РОЛЬ ОГНЕСТРЕЛЬНОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ПОЛЕВЫХ СРАЖЕНИЯХ

По единодушному свидетельству «Хроники» Виллани, «Больших французских хроник» и «Хроник» Фруассара при Креси (1346 г.), англичане, несомненно, «дали несколько выстрелов из пушек, установленных на поле боя, чтобы напугать генуэзцев»²⁸. Ожидаемый эффект, видимо, был преимущественно психологическим. Но это единственное свидетельство, и только в 1380-х гг. можно найти новые упоминания об артиллерии на полях сражений. В битве при Беверхуцфельде 3 мая 1382 г. между брюггцами и гентцами последние имели в «войсковых порядках» так называемых «наглецов», о которых Фруассар пишет, что это были высокие двух- или четырехколесные обитые железом тележки, спереди снабженные железными пиками и несущие по три или четыре небольших пушки. Из этих орудий, которых было около трехсот, гентцы

²² Gaier C. L'industrie et le commerce des armes... [579]. P. 186-188.

²³ Brit. Lib., London. Rot. Add. 10933.

²⁴ Gaier C. Op. cit. P. 346-347.

²⁵ Arch. dep. Côte-d'Or, b 1783.

²⁶ Ibid., b 11870.

²⁷ Bibl. Nat., Paris, fr. 2068.

²⁸ Froissart]. Chroniques / Ed. S. Luce. Paris, 1872. Vol. III. P. 416.

«сделали» одновременный залп²⁹. В Италии первое несомненное свидетельство использования артиллерии на поле боя датируется временем сражения при Кастаньяро (1387 г.), когда командующий падуанской армией Джон Хоквуд расставил в засаде пушки против сил Вероны³⁰. Двумя годами раньше пушки были применены на Пиренейском полуострове в битве при Алжубарроте, прежде всего кастильцами. Однако еще и в 1408 г. в Отейском сражении льежцы открыли огонь из пушек, «огнем <...> полевой артиллерии из-за слишком медленной стрельбы не удалось остановить [противника. - *Примеч. пер.*]³¹.

Даже во второй половине XV в. пушки только эпизодически использовались в полевых сражениях. Приведем несколько примеров. Во время битвы при Кастильоне, 17 июня 1453 г., французы осаждали город, который защищали англичане под командованием Тальбота. В соответствии с распространенной тактикой, осаждающие устроили «укрепленный лагерь в поле», где можно было бы укрыться. Тальбот имел неосторожность атаковать его, и тогда в дело вступила французская батарея под командованием опытного канонира Жиро де Саме-на: «Он нанес им большой урон, ибо каждый его выстрел укладывал за смертью пятерых или шестерых человек»³². Вот еще одно военное столкновение, при Брюстеме 28 октября 1467 г. Авангард бургундских сил состоял из конных лучников, пикинеров и артиллерии, а передовой отряд льежцев с пушками и кулевринами засел на подступах к деревне Брюстем, под прикрытием изгородей, рвов, болота и высокого палисада. «Сражение начинается артиллерийской дуэлью. Бургундцы <...> подводят свои орудия ко рвам, размещая их в четырех или пяти местах, и начинают обстреливать льежцев. Те отвечают плотным огнем (известно, что бургундцы выпустили около 70 ядер). Деревья и изгороди мешают стрельбе, однако эти же препятствия неожиданно обеспечивают нападающим прикрытия от огня противника, вынужденного довольствоваться стрельбой наугад, через палисад. Так что в итоге жертв бургундского огня было больше, чем льежского». Затем авангард бургундцев начинает наступление, и льежцы, бросая свои пушки, отступают. Таким образом, артиллерия проявила себя только в начальной дуэли, причем не вся артиллерия - осадные бургундские пушки оставались при арьергарде, охраняемые пикинерами³³.

Добавим, что даже явное превосходство в артиллерии в те времена не было достаточным условием для победы, свидетельством чего являются поражения Карла Смелого при Грансоне и Муртене (1476 г.)³⁴. Более того, потери

²⁹ Ibid. / Ed. G. Raynaud. Paris, 1897. Vol. X. P. 225, 226, 375.

³⁰ Mallet M. Mercenaries and their Masters... [512]. P. 160.

³¹ Gaier C. Art et organisation militaires dans la principauté de Liège... [112]. P. 319.

³² ВЕС. 1846. N 8. P. 246-247.

³³ Gaier C. Op. cit. P. 345-346.

³⁴ Kurz H.-R. Grandson - 2 mars 1776 - le déroulement de la bataille // Essai d'approche pluridisciplinaire d'une action militaire du XVe siècle / Ed. D. Reichel. Lausanne, 1976. P. 201-213; Grosjean G. Die Murtenschlacht... [54].

от артиллерийского огня часто бывали совсем небольшими, как в битве при Форново (1495 г.), классически начавшейся несколькими пушечными залпами. Филипп де Коммин, свидетель этой битвы, полагает, что артиллерия с обеих сторон не унесла жизни и десяти человек, тогда как общие потери, по его мнению, составили около 100 человек со стороны французов и примерно 3500 человек со стороны итальянцев³⁵.

Слабость артиллерии, ее уязвимость были связаны с малой скорострельностью, трудностью перемещения и небольшой дальностью стрельбы. После первого залпа противнику достаточно было броситься вперед, чтобы захватить пушки и заклепать стволы - этот прием известен с начала XV в.³⁶ Расклепка была делом долгим, и ее можно было произвести только после боя. Отсюда забота о защите артиллерии с помощью временных укреплений (земляные валы, рвы, палисады), для чего привлекалось много пионеров и саперов. Что касается легких орудий (ручные кулеврины, аркебузы), то тактически их использовали так же, как и традиционное стрелковое оружие (луки, арбалеты).

4. ОСАДНАЯ ВОЙНА: АТАКА И ОБОРОНА

Легкие, средние и тяжелые пушки с ранних пор стали включаться в общую диспозицию осад и штурмов укрепленных пунктов. Первый поворотный момент в этом деле пришелся на 1370-1380 гг., второй - на начало XV в. С этого времени достаточно надежные данные позволяют представить, по крайней мере, интенсивность обстрела осаждаемых. Во время осады Маастрихта (24 ноября 1407 г. - 7 января 1408 г.) по городу было выпущено 1514 больших бомбардных ядер, т. е. по 30 ядер в день; в воскресенье 17 октября 1328 г., согласно «Дневнику осады», англичане выпустили по Орлеану 124 «каменных ядра из бомбард и пушек», некоторые массой до 116 фунтов; во время осады Ланьи в 1431 г. только за один день осажденные испытали бомбардировку 412 каменными ядрами; город Динан с 19 до 25 августа 1466 г. «принял» 502 ядра, и около 1200 раз по нему стреляли из серпантин. Родос при осаде в 1480 г. потерпел разрушения от 3500 ядер. Правда, результат обстрела не всегда был успешным; хроники говорят, иногда с удивлением, о почти полной безрезультатности некоторых бомбардировок; в других случаях сообщают о разрушенных зданиях, сожженных кварталах, больших пробоинах в стенах.

Одной из функций артиллерии была защита пионеров и саперов, когда они рыли траншеи, по которым атакующие могли бы добраться до рва и стен.

³⁵ Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 336. - Правда, во время этой битвы порох, вероятно, был подмочен разразившимся грозным дождем.

³⁶ Joivenel J. Histoire de Charles VI / Ed. Michaud et Poujoulat. Paris, 1836. P. 497.

В середине XV в. Жан де Бюэй рекомендовал в этом случае стрелять сначала из бомбард, а затем непрерывно из средней и легкой артиллерии, и в это время начать штурм. Но поскольку артиллерия была только на очень небольшое расстояние, а значит, оказывалась в пределах досягаемости отрядов осажденных и огня их пушек, ее необходимо было охранять «большими дозорами» и защищать изгородями, фашинами, земляными валами, толстыми деревянными прикрытиями, подчас с подвижными амбразурами.

В самом конце Средневековья благодаря артиллерии стали возможны быстрые, неожиданные и успешные атаки. Такие атаки совершали французы с начала Итальянских войн. Некий флорентинец свидетельствует: «Достигнув места, [французы] выпрягают лошадей, разворачивают пушки и начинают постепенно подкатывать их к стенам, до которых могут добраться в тот же день под защитой одних лишь повозок. По стене они бьют из тридцати или сорока орудий, быстро превращая ее в пыль. Французы говорят, что их артиллерия способна пробить брешь в стене толщиной в 8 футов. Хотя каждая брешь небольшого размера, но их много, поскольку ведут стрельбу, не останавливаясь ни на минуту ни днем, ни ночью»²⁷. Такие эпизоды, как взятие замка и города Куси в 1487 г., подтверждают слова флорентийца. Позднее вторит ему и Филипп Клевский, который рекомендует устанавливать батареи пушек всего в тридцати или сорока шагах от рва и предлагает делать по сорок выстрелов в день; исходя из темпа стрельбы и количества орудий, можно быстро рассчитать, что за 24 часа (ведь канониры не прекращают работу даже ночью) по вражеской крепости может быть выпущена почти тысяча ядер.

Естественно, что пушки с самого начала стали использоваться и как средство обороны, а искусство фортификации, хоть и с некоторым запозданием, приспособлялось к артиллерии. Каждый замок и каждый город стремились создать постоянный запас пушек, ядер, пороха, которые дополняли традиционное вооружение. В XV в. власти многих городов содержали одного или нескольких канониров, подобно тому, как они содержали мастера-строителя, чашовых дел мастера, иногда врача или хирурга. Размеры артиллерийского арсенала зависели от богатства города, его стратегических интересов и степени предполагаемой опасности.

С середины XIV в. пушки, несомненно, небольшого калибра прочно заняли свое место в обороне замков рядом с арбалетами, камнеметами и другим оружием. Так, в замке Биуль в 1347 г., согласно распоряжению его сеньора Гуго де Кардайака, «ворота напротив площади», среди прочих, должны были защищаться следующим образом: «На первом этаже - два человека, чтобы стрелять из пушек большими каменными ядрами; на втором этаже - два человека,

²⁷ Цит. по: *Contamine Ph. L'artillerie royale française... [680]. P. 222-223.*

чтобы стрелять из двухфутового арбалета; далее, на стене - два арбалетчика и два человека для стрельбы каменными ядрами величиной с кулак». А в общем оборона замка предусматривала 22 пушки³⁸.

Спустя целое столетие объектом обстоятельных инструкций стала оборона города Бург-ан-Бресс, которому угрожали войска Людовика XI. Предусматривалось, что заботами капитана города и синдика у каждого из шести ворот города на постоянном месте будут «размещены, поставлены на лафет и нацелены» по две средних пушки (*veuglaire* и *serpentine*). У каждой из них, таким образом, должны быть свои «бойница» и направление стрельбы, для чего необходимо было расчистить бульвары и равелины. Кроме того, у ворот намеревались поставить по две тяжелых железных кулеврины и по две латунных, на сей раз подвижных, кулеврины. В башнях предполагалось сделать бойницы по соседству с амбразурами для стрельбы из лука; кажется, некоторые башни приходилось засыпать землей до определенного уровня, «чтобы иметь возможность установить пушки и удобнее было из них стрелять»³⁹.

В общем, большая часть артиллерии размещалась у ворот как наиболее уязвимых мест и на башнях, которые, следовательно, нужно было усилить⁴⁰.

К мысли о бойницах у основания башен и куртин для стрельбы из пушек пришли, вероятно, не ранее конца XIV в. Одним из первых примеров является бойница в помещении опускной решетки Мон-Сен-Мишеля (сделана в 1393 г.)⁴¹. Позднее они стали обычным делом. В 1417 г. договор о реконструкции ворот замка Ламбаль предусматривал устройство пушечной амбразуры рядом с «бойницей для арбалетчиков»⁴². А вот как описывает в середине XV в. замок Ла Брюйер-Лобеспен в известном «Гербовнике» Гийом Ревель: «Перед его стенами - невысокое заграждение с многочисленными бойницами, коими могут пользоваться как лучники, так и пушкар, поскольку бойницы для этого расширены посредине и приобрели округлое отверстие»⁴³. Согласно документу 1473 г., касающегося города Монтивилье, предусматривалось «пробить внизу стены от одной башни до другой бойницы, коих нет»⁴⁴. В 1480 г. в Кодебеке,

³⁸ Bulletin archéologique. 1847-1848. № 4. P. 490-495. - Тот же сеньор организовал артиллерию в Кароре и Лозерте, когда был губернатором этих городов.

³⁹ Morel O. L'état de siège à Bourg lors de l'invasion de la Bresse... [335].

⁴⁰ Довольно ранним примером тому является Бастилия в Париже, согласно описанию 1428 г.: «Там же, на террасе этого замка, метательная машина, сделанная из дерева, бросающая камни весом в 6 фунтов или околото, и с двумя каморами» (Revue archéologique. 1855. P. 328 et s.).

⁴¹ Finó J. F. Forteresses de la France médiévale... [783]. P. 308.

⁴² Rocolle P. 2000 ans de fortification française [818]. Vol. I. P. 101, 147.

⁴³ Bruand Y. L'amélioration de la défense et les transformations des châteaux du Bourbonnais... [770]. P. 525.

⁴⁴ Bibl. Nat., Paris, fr. 20494, n° 53. За поколение до этого в Лизьё предусматривали для «каменного бульвара» «пушечные амбразуры, изнутри снабженные дорожками, местами отвода и направляющими в достаточном количестве и как положено» (Ibid. Clair. 218, w. 100).

«чтобы укрепить оборону города и стены со стороны реки Сены», рассматривался вопрос о постройке двух больших башен средней высоты и толщины: одна, со стороны Танкарвиля, позволила бы вести огонь на юг - через Сену, на восток - вдоль стены до следующей башни, на запад - в сторону Танкарвиля и на север - до Гарфлерских ворот; из другой башни возле Руанских ворот следовало «бить» на запад - до первой башни и в других направлениях - до Руанских ворот и в сторону г. Ко. Предполагалось также сделать на уровне рва «воробы», т. е. низкие укрытия для стрелков⁴⁵.

Схожая система обороны была предложена еще в 1461 г. известным специалистом Франсуа де Сюреньном в проекте фортификации Дижона. В соответствии с этим проектом предусматривались:

а) бойницы наверху и у основания стен. Нижние бойницы расположены так, чтобы ядра летели на 3 фута выше бульваров перед рвом; а если края рвов слишком высоки, нужно проделать в них канавы «для наводки и стрельбы пушек»;

б) во рвах низкие башни, не выше 4 футов, округлые спереди и прямолинейные по бокам, отстоящие от стены на 5 м и имеющие спереди, слева и справа три «окна» для кулеврин и серпантин; эти башни, в коих следует видеть низкие укрытия, «воробы», или, как будут говорить немного позднее, - капониры, расположены так, «чтобы можно было вести прицельную стрельбу из пушек вдоль рва и стен от одной башни до другой»⁴⁶.

Поэтому Робер де Бальзак выразил известную идею, когда около 1500 г. рекомендовал «поставить во рву воробьев», дабы «в безопасности стрелять вдоль рва»⁴⁷.

На протяжении долгого времени защитники крепости заботились, во-первых, об увеличении толщины стен (рекорд - стены построенного коннетаблем де Сен-Полем около 1470 г. донжона замка Ам толщиной 11 м) и устройстве гласиса у их основания, а во-вторых, о размещении легкой артиллерии, чтобы не допустить возможного штурма. Об этом свидетельствуют, например, следующие распоряжения об укреплении Монтюэля в 1443 г.: «А также решено сделать гласис вокруг холма, где стоит круглая башня, и устроить бойницы для пушек, чтобы башня и гласис полностью охраняли холм»⁴⁸. Можно сказать, что и бульвар (это слово появилось во Франции в начале XV в.), представлявший собой выдвинутое вперед оборонительное сооружение главным образом перед воротами, заменившее прежний барбакан (*лат. propugnacula*), вписывался в оборонительную систему. Если принять эту точку зрения, то

⁴⁵ Ibid., fr. 6987, f. 224.

⁴⁶ Richard J. *Quelques idées de François de Surienne sur la défense des villes à propos de la fortification de Dijon (1461)* // *Annales de Bourgogne*. 1944. N 16. P. 42-43.

⁴⁷ Contamine Ph. *The War Literature of the Late Middle Ages...* [43].

• *Bibliotheca Dumbensis. ou recueil des chartes, titres et documents pour servir à l'histoire de Dombes* / Ed. Valentin-Smith et M.-C. Guigue. Trévoux, 1885. Vol. II. P. 90.

можно сделать вывод, что сочинение Леона Баттиста Альберти «О строительном деле» (*De re aedificatoria*) (1440-1450 гг.) весьма традиционно в своих рекомендациях фланкирования и неперменного мощного гласиса; то же впечатление производят «Трактат об архитектуре» Филарете (ок. 1460 г.) и соображения Роберто Вальтурио, когда он хвалит пологую форму вала и расположение бойниц крепости Сиджизмондо Малатесты в Римини⁵⁰.

Но уже иначе обстояло дело с артиллерийскими башнями (*umal. torrioni*), где на платформах неподвижно устанавливались пушки большого калибра; на самом деле эти башни должны были быть более приземистыми, поэтому появилась идея строить их не выше куртин, дабы облегчить передвижение пушек и обеспечение их припасами; кроме того, мерлоны и амбразуры были заменены бруствером. Возможно, что усовершенствование таких башен, расположенных по углам укреплений, привело к появлению бастиона. Само слово «бастион» - итальянского происхождения, оно встречается с конца XIV в. Сами бастионы появились гораздо позже, и благодаря отнюдь не Леонардо да Винчи и не Франческо ди Джорджо Мартини, а Джулиано де Сангалло (1445?—1516 гг.) (Борго Сан-Сеполькро, проект 1500 г., строительство 1502-1505 гг.; Неттуно, строительство 1501-1503 гг.; Ареццо, проект 1502 г., реализованный в 1503 г.)⁵¹. Если учесть, что в ту же эпоху Неаполитанское королевство, с одной стороны, и Венеция и Ломбардия - с другой, оставались верны традиционным формам укреплений, то следует допустить, что бастион был местным изобретением Центральной Италии. Именно здесь, вероятно, появился настоящий бастион, т. е., согласно классическому определению, опоясанный или прикрытый стеной земляной массив, в плане треугольный, многоугольный или округлый, образующий мощные углы куртин.

Нельзя, однако, исключать того, что бастионы появились в результате трансформации не артиллерийских башен, а бульваров (или равелинов) и даже ложных валов. Бульвары Бонагиля, например, представляют собой прообраз бастиона, как и бульвары-платформы, пристроенные к замку Бреста между 1489 и 1499 г.⁵² А круглое и массивное сооружение, возведенное в Меце в 1466 г. напротив Серпенуазских ворот, можно признать «бастионом до появления самого понятия»⁵². Одно из первых употреблений слова «бастион» во французском языке встречается в воспоминаниях Жана Молине об осаде Ней-са в 1475 г. По поводу укреплений города Молине говорит о «большом и мош-

⁵⁰ Halef. R. The Development of the Bastion... [863].

⁵¹ Ibid. - Внимательное изучение фортификационных вооружений, возведенных по приказу Людовика XI (в Бургундии, Руссильоне), покажет, может быть, что Франция к 1480 г. совсем не отставала от Италии в постройке наиболее сложных укреплений.

⁵² Rocolle P. Op. cit. Vol. I. P. 172.

⁵³ Thiriot J. Portes, tours et murailles de la cité de Metz. Une évocation de l'enceinte urbaine aux XVIe et XVIIe siècles. Metz, 1970. P. 33.

ном бастионе, укрепленном траншеями», а также о «другом бастионе <...> удивительно искусно обложенном землей и песком <...>, с прекрасными бойницами и прочими грозными средствами защиты». Третья цитата ясно показывает, что речь идет о специально устроенных бульварах: Нейс, говорит Молине, имеет четыре главных въезда, и у ворот каждого из них имеется «большой, мощный и хорошо обороняемый бульвар в виде бастиона, снабженный всеми военными припасами, главным образом, для стрельбы из пушек»⁵⁴.

Чтобы это выяснить, необходимы более глубокие исследования - в частности, смысла, появления и распространения технических терминов, а для этого следует детально изучить в масштабах всего Запада сохранившиеся укрепления, их изображения, а также дидактические трактаты, исторические рассказы и финансовые документы. Тогда, может быть, обнаружится, что примерно в одно и то же время в разных, подчас далеких друг от друга, странах несколькими анонимным мастерам, строителям, или известным архитекторам пришло на ум сделать из крепости не инертную, пассивную массу, а место динамичной обороны, которое обеспечивало возможность при удобном случае перейти к контратаке.

В заключение еще три замечания, позволяющие понять, какое место занимала артиллерия на исходе Средневековья⁵⁵.

Прежде всего, новое оружие стало представлять угрозу для жизни военным командующим и капитанов. Один из первых примеров такой жертвы приводит Фруассар. Говоря об осаде Ипра в 1383 г., он пишет: «Пушечным выстрелом там был убит очень опытный англичанин, оруженосец Луи Лин»⁵⁶. Упомянем далее Луи Павио, убитого при осаде Мелана (1423 г.), графа Солсбери - при осаде Орлеана (1428 г.), графа Арундела (1435 г.), Педро Кастильского (1438 г.), адмирала Прижана де Козтиви и Тугдуаля Ле Буржуа при осаде Шербура (1450 г.), «доброго рыцаря мессира Жака де Ладена» (1453 г.). Танги дю Шателя (1477 г.), Байара (1524 г.) и Луи де ла Тремуя (1525 г.). Даже князья и государи не были вне опасности: выстрел из аркебузы, убивший Танги дю Шателя, едва не унес жизнь Людовика XI; в 1465 г. во время сражений под Парижем два ядра французских пушек «попали в комнату, где обедал граф де Шароле, и убили трубача, несшего по лестнице блюдо с мясом»⁵⁷. Теперь о появлении огнестрельного оружия на судах. Согласно договору о фрахте 23 мая 1394 г., каталонский корабль Франческо Фогассо, направлявшийся из Барселоны в Александрию, должен был иметь три бомбарды и 60 каменных ядер⁵⁸;

* Molinet J. *Chroniques* / Ed. Os. Jodogne et G. Doutrepont. Bruxelles, 1935. Vol. I. P. 31, 64, 65.

⁵⁴ Если обстоятельно проанализировать, то с этим согласен, при некоторых допущениях, Макиавелли (*Machiavel N. Œuvres complètes* / Ed. E. Barincou. Paris, 1958. P. 555-561).

⁵⁵ Froissart J. *Chroniques* / Ed. G. Raynaud. Paris. 1899. Vol. XI. P. 120.

⁵⁶ Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 32.

⁵⁷ Carrère C. *Barcelone, centre économique et social à l'époque des difficultés, 1380-1462*. Paris. 1968. Vol. I. P. 235, n° 4.

в начале XV в. каждое из 40 «больших судов», которые предполагалось снарядить на помощь флоту Ла-Рошели, должно было быть обеспечено четырьмя «кулевринами» с порохом и свинцовыми ядрами и двумя большими пушками, каждой из которых полагалось 120 каменных ядер и 60 фунтов пороха⁵⁸; в начале XVI в. Филипп Киевский предусмотрел для своего главного судна 19 тяжелых орудий, дюжину фальконетов и неопределенное количество аркебуз и кулеврин⁵⁹. Начиная примерно с 1500 г. артиллерия заняла свое место в арсенале почестей, оказываемых власть имущим. Посетивший в 1496 г. Рим в качестве паломника Арнольд фон Харфф писал о залпе из 200 орудий при въезде папы Александра VI в замок Святого Ангела: «Это было сделано в честь папы, когда он верхом проезжал мост, а когда проезжает кардинал, то в его честь стреляют из трех пушек»⁶⁰. В 1501 г. при приближении короля Людовика XII и эрцгерцога Филиппа Красивого «в знак радости из замка [Амбуаз] был сделан выстрел из нескольких тяжелых орудий»⁶¹.

⁵⁸ Bibl. Nat., Paris, fr. 1278, f. 73-74.

⁵⁹ *Philippe de Cleves. Instruction de toutes manières de guerroyer.* Paris, 1558; см. также: *Guilmartin J. F. Gunpowder and Galleys. Changing Technology and Mediterranean Warfare at Sea in the Sixteenth Century.* Cambridge, 1974. P. 298-299.

⁶⁰ *The Pilgrimage of Arnold von Harff/Trad. M. Letts.* London, 1946. P. 45.

⁶¹ *Gachard L. P. Collection des voyages des souverains des Pays-Bas.* Bruxelles, 1876. Vol. I. P. 142.

ГЛАВА VII

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Долгое время размышления о военном искусстве были уделом историков, которые пытались сравнить Средневековье с античностью и Новым временем. Почти неизбежно они приходили к выводу о посредственности, примитивности, бездарности (и даже отсутствии) военного искусства в Средние века как продуманной, упорядоченной и конституированной системы знаний, приложимых к разным ступеням военной организации в зависимости от их ранга и функций. Многие из этих историков, офицеры действующей армии или запаса, более или менее сознательно исследуя военное искусство с практической, утилитарной точки зрения, применительно к обучению будущих офицеров и преподаванию в военных школах, заключали, что из средневековых кампаний, сражений и осад нельзя извлечь почти ничего поучительного. В общем, в истории военного искусства было отмечено то же явление, что и в истории философии: получалось, что между античностью и Ренессансом пролегает тысячелетняя пустота.

Приведем несколько примеров таких весьма общих рассуждений историков. В статье «Стратегия» Британской энциклопедии признанный английский военный историк Г. Б. Лиддел-Арт, расхвалив выдающиеся стратегические заслуги Ганнибала и Сципиона, выносит суровый приговор западному Средневековью: «Воинский дух западного рыцарства был чужд искусству, хотя смутную бестолковость его деяний и прорезают несколько ярких лучей. Истинное понимание стратегии имел Иоанн Безземельный, а принц Эдуард, будущий Эдуард I, в битве при Ивземе [1265 г.] дал наглядный пример использования центральной позиции для обеспечения мобильности войск». Далее, после почти бесплодных столетий, появился Оливер Кромвель, представляемый как «первый великий стратег эпохи Нового времени»¹. Схожее суждение выносит и Р. Ван Оверстретен, когда характеризует Средневековье следующим образом: «Ставшая многочисленной кавалерия играет главную роль. Сеньор носит полный доспех и имеет прекрасную лошадь. Вся жизнь его проходит в седле и при оружии; война - его ремесло, занятие

¹ Encyclopaedia Britannica... 1948. P. 21,456.

и развлечение. Никогда еще армия не была столь однородной и отборной; и, тем не менее, никогда военное искусство не было столь несовершенным и примитивным, это - блестящее доказательство того, что воинский дух и личная доблесть без хорошей организации и строгой дисциплины ни к чему не приводят <...>. Все сеньоры равны, и никто не согласится сражаться во вторых рядах. Армия выстраивается в одну линию, рыцари беспорядочно бросаются в бой, каждый выбирает себе достойного противника. Сражение представляет собой массу поединков, и командующий армией участвует в нем как простой боец¹. И последний диагноз, который сравнительно недавно поставил Эрик Мюрес. Он утверждает, что в Средние века «диспозиции сражений были неопределенны, войсковые соединения тяжеловесны, маневры незначительны, связь между войсками была слабая или вообще отсутствовала <...>. Невозможно переоценить регресс (по сравнению с античностью) кавалерийской тактики, особенно во Франции, где упорно продолжали атаковать «отрядами» без всякого маневрирования очень узким фронтом <...>. Очень часто в Средние века сражения не имели руководства и выливались в сплошные независимые поединки <...>. Уже не существовало больших смешанных соединений войск, а феодальная раздробленность мало соответствовала широкомасштабным военным расчетам. У военной политики не было иных целей, кроме округления владений, и Европе только дважды представился случай раздвинуть узкие рамки своих амбиций и мечтаний: Каролингская империя <...> и крестовые походы. Распространившиеся повсюду укрепления приобрели настолько важное значение, что вытеснили военную культуру <...>. Все тактическое искусство сводилось к тому, чтобы не атаковать первым, ибо по всеобщему правилу атакующий всегда терпит поражение, поскольку при общем наступлении теряет всякую возможность командовать и совершать маневры в избранном противником и потому неудобном месте»².

Однако некоторые последние работы показали, что реальность была более сложной и что вполне возможно: 1) определить несколько очень общих принципов средневековой тактики; 2) выделить кампании, развитие которых предполагало некую направляющую идею, иначе говоря, стратегию; 3) установить достаточно обширный набор решений и приемов, использовавшихся, в зависимости от обстоятельств, в полевых сражениях; 4) допустить, что на ментальном уровне средневековые военные ясно сознавали преимущества, которые могло дать как можно более полное и разнообразное применение практического опыта и теории.

¹ Van Overstraeten R. Des principes de la guerre à travers les âges. Bruxelles, 1926. Vol. I. P. 30.

Цит. по: Verbruggen J. F. De Krijkskunst in West-Europa in de Middeleeuwen... [88].

² Muraisse E. Introduction à l'histoire militaire. Paris, 1964. P. 254, 257-258.

1. ОБУЧЕНИЕ ВОЕННОМУ ИСКУССТВУ

Греко-римская античность создала целый свод военной литературы: от Энея Тактика, предводителя греческих наемников IV в. до н. э., до Вегеция (конец IV или, возможно, середина V в. н. э.), а между ними были Филон Византийский, Герон Александрийский и Фронтин.

На протяжении большей части Средневековья только один из них был довольно широко известен, по крайней мере на Западе, - Вегеций, который в области военного дела был одновременно и главным *автором*, и главным *авторитетом*. Отрывки из его произведений включались в разные сборники, его упоминали как в проповедях, так и в духовных трактатах церковные авторы. Когда в XIII в. Винцент из Бове пожелал рассказать о военном искусстве в своем «Большом зеркале» (*Speculum majus*), то он почти полностью механически переписал трактат «О военном деле» (*Epitoma de re militari*) Вегеция. То же самое сделали Альфонс X Мудрый (1252-1284 гг.) в «*Siete Partidas*», Эгидий Римский в «Об управлении государей» (ок. 1280 г.) и Кристина Пизанская в «Рыцарском искусстве». До нас дошли десятки рукописей Вегеция. Они довольно рано были переведены на народные языки: французские переводы были сделаны Жаном де Меном, «Мэтром Ришаром», Жаном Приора и Жаном де Винье; итальянский перевод - Боно Джимабони. Работы Вегеция имелись в библиотеке герцога Эврава Фриульского в IX в.⁵, у принца Эдуарда, будущего короля Англии Эдуарда I, в XIII в.⁶, у сэра Джона Фастолфа в XV в.⁷ Естественное, что его не мог не процитировать Дионисий Картезианец в своем труде «О жизни военных» (*De vita militarium*), а Кристина Пизанская советовала почитать по крайней мере IV книгу Вегеция «благородной баронессе», которой придется защищать свои земли в отсутствие мужа, отправившегося на войну⁸. Были даже рукописи Вегеция карманного формата⁹. И среди книг, которые Жан Жерсон рекомендовал для библиотеки дофина, упомянуты «Об управлении государей» Эгидия Римского (состав-

⁵ О дате написания «О военном деле» см. гипотезу, представленную в кн.: Goffart W. The Date and Purpose of Vegetius' *De re militari* [53].

⁶ Riche R et Tate. Textes et documents d'histoire du Moyen Age, V'-X- siècles. Paris, 1975. Vol. II. P. 415.

⁷ Legge M. D. The Lord Edward's Vegetius [66].

⁸ В своей библиотеке, насчитывающей 19 книг, сэр Джон Фастолф имел 6 книг по истории, в том числе Тита Ливия и Цезаря, французскую поэму, два романа и Вегеция (Thripp S. L. The Merchant Class of Medieval London, 1300-1500. University of Michigan. 1962. P. 249).

⁹ Denis le Chartreux. Opera Omnia. Tournai, 1909. P. 37, 581-583.

¹⁰ Contamine Ph. La vie quotidienne en France et en Angleterre pendant la guerre de Cent ans (XIV- siècle). Paris, 1978. P. 188.

¹¹ Wolfenbüttel. Cod. lat. 84. Цит no: Murray A. Reason and Society in the Middle Ages. Oxford, 1978. P. 446.

ной частью ее был Вегеций), сочинение Валерия Максима, «О военных хитростях» (*De stratagematibus bellicis*) Фронтин и «О военном деле» самого Вегеция".

Конкретное влияние этого авторитета определить трудно, поскольку, с одной стороны, армия, которую имеет в виду Вегеций, по своему набору, составу, задачам и даже по самому воинскому духу была глубоко отличной от средневековых армий, а с другой - в большинстве случаев можно только предполагать наличие теоретических знаний у военных предводителей и командующих. Известны лишь редкие случаи прямого использования Вегеция с более или менее успешными результатами: в IX в. Рабан Мавр советовал Лотарю I перечитать Вегеция, чтобы оказать сопротивление норманнам¹²; тот же автор составил по Вегецию краткое руководство со своими вставками, где был сделан многозначительный акцент на роль кавалерии¹³. В 1147 г., когда граф Анжуйский Жоффруа Плантагенет осаждал некий замок в долине Луары, он поинтересовался у монахов Мармутье, как изготовить зажигательную бомбу, и она была сделана по рукописи Вегеция и затем использована¹⁴. Немного позднее о епископе Оксерра Гуго де Нуайе (1183-1206 гг.) писали, что он «с радостью собирал множество рыцарей и охотнее обсуждал с ними военные вопросы, а также часто читал Вегеция, писавшего об этом, и давал рыцарям много наставлений, почерпнутых у него¹⁵. Во время осады Нейса Карлом Смелым в 1474-1475 гг. один кастильский рыцарь, которого «уважали за большую ловкость и изобретательность», вдохновившись «Вегецием и другими известными, почитаемыми и авторитетными писателями по военному искусству», убедил герцога Бургундского сделать машину под названием «журавль» и набросал на бумаге ее схему; герцог Карл согласился, и была построена машина, своего рода башня на колесах, снабженная лестницей высотой в 60 футов, которую, «наподобие подъемного моста», можно было во время штурма перебросить к стене; но из-за топкого грунта башня увязла в грязи, под смех осажденных¹⁶.

¹² GersonJ. Œuvres complètes / Ed. P. Glorieux. Paris, 1962. Vol. II. P. 213.

¹³ Riche P. Les écoles et l'enseignement dans l'Occident chrétien de la fin du Ve siècle au milieu du XIe siècle. Paris, 1979. P. 302.

¹⁴ While L. Technologie médiévale et transformations sociales [677]. P. 47.

¹⁵ Murray A. Op. cit. P. 127-128; Chroniques des comtes d'Anjou et des seigneurs d'Amboise / Ed. L. Halphen et R. Poupardin. Paris, 1913. P. 218. - Следует заметить, что в оригинальном тексте Вегеция способы изготовления зажигательной бомбы не упоминаются; речь идет, очевидно, о рукописи с дополненным текстом.

¹⁶ Mortel V., Deschamps P. Recueil de textes relatifs à l'histoire de l'architecture... [810]. Vol. I. P. 96-97. - Филипп Мезьер также рекомендует «государям и военным командующим» читать или слушать «удивительную книгу о Правлении государей, которую составил Эгидий Римский» и «полезную книгу Вегеция о рыцарском деле» (Froissarl J. Chronique / Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1871. Vol. XV. P. 464).

¹⁷ Molinet J. Chroniques / Ed. G. Doutrepoint et O. Jodogne. Bruxelles, 1935. Vol. I. P. 44^{et}5.

Наряду с Вегецием следует упомянуть и занимавшие более скромное место «Стратегемы» Фронтин, которые были, например, в книжном собрании Никола де Бэ в начале XV в.¹⁷; их перевели на французский в начале правления Карла VII¹⁸, и позднее Антуан де Ла Саль сделал из них обильные заимствования для своего сборника «Салад»¹⁹.

Средневековые использовали не только античные тексты. Постепенно создавалась собственная литература по военному делу. Примером могут служить уставы духовно-рыцарских орденов, особенно ордена тамплиеров, где даются ценные тактические наставления²⁰. В конце XII в. Гиральд Кембрийский, участник похода принца Иоанна против Ирландии (1185 г.), в своем сочинении «Завоевание Ирландии» (*Expugnatio Hibernica*) указывал, как можно победить ирландцев: «В войне с ирландцами нужно прежде всего следить за тем, чтобы кавалерийским эскадронам придавались лучники и со всех сторон отбивали бы ирландцев, ибо те при столкновении с тяжеловооруженными войсками обычно забрасывают их камнями, атакуют и быстро без потерь отступают»²¹.

Начиная со второй половины XIII в. появились произведения политико-военной литературы, побуждавшие светских и духовных лидеров западного христианского мира к возобновлению крестовых походов против неверных. Таково, например, сочинение францисканца Фиденцо Падуанского «Книга о возвращении Святой земли», написанное между 1274 и 1291 г.; на создание этого трактата автора вдохновил папа Григорий X во время II Лионского собора, а преподнесен он был Николаю IV в начале 1291 г., т. е. всего за несколько месяцев до падения Акры. В нем содержится полный план отвоевания Святой земли. В частности, определяется необходимое количество войск, выражается сожаление, что христианский мир не располагает «постоянной, регулярной армией», и выдвигается предположение, что таковая была бы возможна, если бы многочисленные города, епископства и монастыри содержали в Святой земле хотя бы по одному, двум или трем рыцарям. Автор отмечает, что у сарацин, несмотря на их многочисленность, мало отважных воинов и недостаточно больших сильных лошадей, а имеющиеся тем более уязвимы, что, в отличие от западных, не защищены. Поэтому против них нужно проводить решительные атаки с использованием пеших копеешников, способных, ошетилившись копьями, создавать заграждения,

¹⁷ Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris, 1400-1417 / Ed. A. Tuetey. Paris, 1888. Vol. II. P. XCIV

¹⁸ Bossuat R. Jean de Rovroy, traducteur des *Stratagèmes* de Frontin [33].

¹⁹ Он составлен в 1444 г. для Жана Калабрийского.

²⁰ Они касаются также взаимодействия оруженосцев и сержантов с рыцарями [Curzon H. de. La règle du Temple [217]].

²¹ *Giraldus Cambrensis. Expugnatio Hibernica* // Opera / Ed. Y. S. Brewer, Y. F. Dimock, G. F. Warner. Vol. VI. P. 395-397.

а также конных лучников и арбалетчиков²². Еще более полный и детальный план был разработан между 1306 и 1321 г. венецианцем Марино Сануто Торселло, предложившим его папе Иоанну XXII. С удивительной осведомленностью автор указывает маршрут движения и определяет численный состав войск, вооружение, снабжение и финансирование; говорит о военных машинах и предлагает полное географическое описание «Земли обетованной»; определяет, какие меры нужно принять, чтобы избежать прошлых ошибок, как устраивать лагерь, давать сражение и вести осаду; перечисляет множество военных хитростей, почерпнутых из древней и современной истории. Этот предложенный папе план был снабжен четырьмя картами: Средиземного моря, «моря и земли», Святой земли и Египта²³.

По нашему мнению, к тому же типу относится и мемуар XV в., составленный Берtrandоном де Ла Брокьером для бургундского герцога Филиппа Доброго (1432 г.). Изложив тактику турок, справедливо сравниваемую с тактикой парфян и персов, и оценив, что их главной силой являются лучники, а копейщики ничего не стоят, ибо «вооружены так, что пешими не способны выдержать сильной атаки», он переходит к походу, который христиане могли бы организовать против турок, и мечтает о смешанной армии, собравшей все лучшие силы Северной Европы: максимальное число французских тяжелых кавалеристов и стрелков, немецкую знать с пешими и конными стрелками, а также 1000 кавалеристов и 10 000 лучников из Англии. В качестве защитного вооружения достаточны были бы светлые легкие доспехи или полудоспехи, ибо турецкие стрелы бьют не сильно. Конным воинам потребовались бы легкие копья с острыми наконечниками, прочные острые мечи и маленькие топоры; пешим воинам - гвизармы или хорошие острые пики. На случай полевых сражений предусматривался один боевой отряд для центра, тогда как фланги должны были прикрываться авангардом и арьергардом. Стрелков следовало размещать среди других сражающихся, так же как и 2-3 сотни повозок с огнестрельным оружием, которые нужно было бы взять с собой. И, наконец, запрещалось вступать в стычки до начала боя и «гнать» (иначе говоря, преследовать) бегущих в конце боя²⁴.

Не забудем и нарративную историческую литературу, содержащую ценный дидактический материал по военному делу, благодаря чему для какого-нибудь государя или сеньора слушать чтение из Юлия Цезаря, Саллюстия, Валерия Максима, истории крестовых походов, Фруассара или «Больших фран-

²² *Fidence de Padoue*. Liber recuperationis Terre Sancte [218]. - Однако его влияние, судя по всему, могло быть довольно скромным: до нас дошла лишь одна рукописная копия этого сочинения, сделанная в XIV в. (Bibl. Nat., Paris, lat. 7242, f. 85 r°-126 r°).

²³ *Marino Sanuto Torsello*. Liber secretorum fidelium Crucis. Hanoviae, 1611.

²⁴ *La Brocquière B. de*. Le voyage d'outremer (1432-1433) / Ed. C. Schéfer. Paris, 1892. P. 225.

цузских хроник» значило не только развиваться, развлекаться, но и учиться в прямом смысле слова. Иногда такие знания немедленно находили приложение: так, осаждавший Неаполь Фердинанд Арагонский, прочитав один из эпизодов «Войны с готами» Прокопия, нашел уловку, которая позволила ему проникнуть в город через акведук²⁵.

В эпоху позднего Средневековья было написано и несколько оригинальных трактатов по военному искусству таких авторов, как Феодор Палеолог, Жан де Бюэй, Робер де Бальзак²⁶.

Чтобы как можно точнее определить влияние теории на практику, нужно параллельно провести несколько видов исследования. Анализ нарративных и исторических источников выявляет ссылки на «военных» авторов. Так, в «Жане де Сентре» Антуана де Ла Салля Вегетий говорит: «Любые неразумные ошибки можно исправить, кроме бесповоротных ошибок, проигранных войн и сражений, когда ничто не способно помочь - за ними без промедления следует кара»²⁷; Жан Молине в связи с осадой Нейса сетует, что его господин, герцог Бургундский, не последовал совету Вегетия, «который учит ставить палатки или укрепления в таких местах, которым не угрожает внезапное наводнение»²⁸. Встречаются и прямые свидетельства практического использования книг по военному искусству: 30 ноября 1415 г. (вероятно, в то время, когда размышляли средства взятия Гарфлера) библиотекарь Лувра Жан Молен по приказу Карла VI привез из Парижа в Руан книгу «Королевская сокровищница», где «изображены некоторые осадные машины»²⁹. Систематический перечень рукописей и инкунабул военных трактатов дал бы, очевидно, представление об их распространенности. От позднего Средневековья дошло немало «наставлений», «советов», правил и инструкций, написанных в связи с определенными планами кампаний, осад или сражений. Это - диспозиция сражения, предложенная в сентябре 1417 г. герцогу Бургундскому Иоанну Бесстрашному, когда он со своей армией подошел к Парижу; инструкции по поводу штурма Понтуазав 1441 г.³⁰; советы сэра Джона Фастолфа правительству Генриха VI в 1435 г.,

²⁵ *Lecoy de la Marche A. Le roi René. Paris, 1875. Vol. I. P. 211.* - Жан де Бюэй в «Юноше» признавал, что «истори писавшие о подвигах римлян, французов и о других былых войнах уделяли много внимания тому, как нужно управлять собой на войне» (*Bueil J. de. Le Jouvencel* [9]. Vol. LP. 17).

²⁶ *Bastin J. Le traité de Théodore Paléologue* [301]; *Bueil J. de. Le Jouvencel* [9]; *Balsac R. de. La nef des princes...* [7]; См. также: *Bornstein D. Military Manuals in Fifteenth Century England* [30]; *Id. Military Strategy in Malory and Vegetius' De re militari* [31]; *Contamine Ph. The War Literature of the Late Middle Ages...* [43].

²⁷ *La Sale A. de. Jehan de Saintré / Ed. Y. Misrahi et C. A. Knudson. Genève, 1965.*

²⁸ *Molinet J. Chroniques...* Vol. I. P. 83.

²⁹ *Moranvillé H. Extraits de journaux du Trésor (1345-1419) // BEC. 1888. N 49. P. 426.*

³⁰ *Marchegay P. L'assaut de Pontoise (19 septembre 1441) // Revue des Sociétés savantes. 4e série. N IV. P. 470-473.*

содержащие лучшее теоретическое обобщение больших английских рейдов времен Столетней войны: английский капитан предложил отправить из Кале или Кротуа две экспедиции по 3000 воинов каждая (из них 750 копейщиков), которые с 1 июня до 1 ноября прошли бы через Артуа, Пикардию, область Лана и Шампань, сжигая и разрушая все на своем пути³¹. Наконец, показательны библиотеки военных, обычно дворян, занимавших определенные должности, облеченных военными полномочиями. Два примера: в начале XV в. в библиотеке командующего арбалетчиками Франции Гишара Дофена сеньора де Жалиньи, помимо разных хроник, имелись рукописи Тита Ливия, жизнеописания Александра и Цезаря, книги о турнирах и гербовники, трактат Феодора Палеолога, книга Жоффруа де Шарни о джострах, турнирах и войне, «маленькая книжка об уходе за лошадьми» и, наконец, «Древо сражений» Оноре Бове³². В описи книг Бернара Беарнского, бастарда Комменжского, составленной в 1497 г., из военных книг упоминаются «Хроники» Фруассара, «Декады» Тита Ливия, жизнеописание Бертрана дю Геклена, «Древо сражений» и «Юноша» Жана де Бюэя³³.

Каково бы ни было значение (в любом случае минимальное) теоретического, или интеллектуального, образования, практическое, несомненно, преобладало во всех отношениях. Благодаря роли кавалерии в армиях того времени любые конные упражнения, включая охоту, могли расцениваться как подготовка к войне. Вспомним здесь и игру «квинтана», и джостры, и турниры (или бугурты); кроме того, нужно отметить, что если во времена Вильгельма Маршала турниры по числу участников, характеру и масштабу боя, призам были очень близки к настоящим сражениям, то в позднее Средневековье все было иначе, и турниры скорее стали ритуализированным спектаклем, формально благоговейной демонстрацией все более жестких этикетных норм. К тому же не только папство (начиная с 1130 г.), но позднее и короли (например, Филипп Красивый) силились запретить или ограничить турниры, видя в них опасную и тщеславную забаву, где растрачиваются силы в ущерб собственно военной деятельности, которую они хотели сделать своей монополией³⁴.

³¹ Allmand C. T. Society at War... [299]. P. 34-35.

³² Le Roux de Lincy. Inventaire des livres composant la bibliothèque des seigneurs de Jaligny, 6 juin 1413 // Bulletin du Bibliophile. 1843. P. 518-527.

³³ Desbarreau-Bernard ei Baudouin A. Inventaire des livres et du mobilier de Bernard de Béarn, bâtard de Commenge (1497) // Académie des Sciences. Inscriptions et Belles-Lettres de Toulouse. 7e série. 1872. N 4. P. 10С-113.

³⁴ Библиографию о средневековой охоте см.: Das Rittertum im Mittelalter / Ed. A. Borst [100]. P. 457-458; там же библиография о турнирах и джострах - р. 452-453. - Риск участия в позднесредневековых турнирах и джострах не стоит преуменьшать (см., напр.: Mathieu d'Escouchy. Chronique / Ed. G. du Fresne de Beaucourt. Paris, 1863. Vol. I. P. 107. К турнирам близки были инсценированные бои, которые долгое время проводились в некоторых итальянских городах, до тех пор пока городские власти не запретили их (в Перудже, Сиене в XIII в.).

Практиковались также и индивидуальные упражнения, поэтому в позднее Средневековье в городах были учителя фехтования, охотно предлагавшие свои услуги³⁵. Иногда упоминается настоящая военная физкультура, которую в некоторых отношениях можно сравнить с учебными занятиями в современных армиях. Один из наиболее ярких - пример маршала Бусико, показывающий, вопреки устойчивой легенде, какой ловкости можно было достичь если не в жестком стальном доспехе, то по крайней мере в гибкой кольчуге. «Бусико прыгал в полном вооружении, за исключением бацинета, и танцевал в стальном панцире; в полном вооружении вскакивал на своего коня, не ставя ногу в стремя; вскакивал с земли на коня за спину движущемуся всаднику, ухватившись лишь одной рукой за рукав этого всадника; взявшись одной рукой за седельную луку, а другой ухватившись за холку, перепрыгивал через большого коня; между двух стен высотой в башню, стоящих в сажени друг от друга, мог подняться до верха, упираясь лишь руками и ногами и не упав ни при подъеме, ни при спуске; мог в стальной кирасе подняться по обратной стороне длинной лестницы, поставленной к стене, до самого верха без помощи ног, хватаясь только руками за поперечины, а без кирасы мог одной рукой подняться на несколько поперечин»³⁶.

В позднее Средневековье особенно очевидны усилия властей по развитию военных спортивных состязаний в противовес «гражданским» играм и соревнованиям. У некоторых народов, например, у швейцарцев³⁷ или шотландцев, давно уже сложился обычай регулярно проводить воинские состязания. В эту эпоху преобладание воинских искусств стало всеобщей тенденцией, проявляющейся как в английских селах, так и в итальянских и немецких городах. Статут Ричарда II от 1389 г. обязывал «слуг и работников» обзаводиться луками и стрелами и по воскресеньям и праздникам заниматься стрельбой, а не игрой в мяч (руками или ногами) или «<...> другими пустыми играми»³⁸. Во Франции монархи из дома Валуа перед лицом английской угрозы принимали аналогичные меры, особенно со времени правления Карла VI. Правда, по соображениям общественного порядка они, видимо, колебались и не шли в своих мерах до конца.

И даже после запретов группы соперничавших горожан продолжали вызывать друг друга на бой, чтобы испытать свою силу и доблесть: сохранились вызов и перчатка, посланные в 1387 г. бойцами Порты Сан-Тринита в Прато «благородному и именитому мессеру Пьеро де Ринальдески и доблестному и славному купцу Франческо ди Марко, командующему людьми Порты Фуйа», которым предлагали выбрать для боя двадцать или тридцать своих компаньонов (*Trigo I. The Merchant of Prato, Francesco di Marco Datini. London, 1957. P. 60*).

³⁵ 27 февраля 1448 г. было сделано предложение «мастеров двуручного меча устроить праздник и состязание, известив об этом другие добрые города» (*La Grande A. de. Extraits analytiques des registres des consaulx de la ville de Tournai 1431-1476. Tournai, 1893. P. 133*).

³⁶ *Le livre des faicts du bon messire Jean le Maingre, dit Boucicaut, maréchal de France et gouverneur de Gennes / Ed. Michaud et Poujoulat. Paris, 1836. P. 219-220.*

³⁷ *Schaufelberger W. Der Wettkampf in der alten Eidgenossenschaft... [383].*

³⁸ 12 Rie. II, c. 6.

Жан Жювенель дез Юрсен рассказывает, что в 1384 г. по случаю перемирия между Францией и Англией правительство Карла VI запретило всякие игры, кроме состязаний в стрельбе из лука и арбалета. Результат не заставил себя ждать: за очень короткое время французские лучники превзошли английских. И тогда появилось осознание опасности социального переворота: «Ведь если они соберутся все вместе, то станут сильнее государей и знати». Поэтому Карл VI отказался от идеи всеобщего обучения стрельбе и ограничился созданием в некоторых городах и областях определенных контингентов стрелков, «после чего народ вновь стал играть и развлекаться, как и раньше»³⁹.

Таким образом, для постижения военного искусства, по крайней мере в индивидуальном порядке, открывались разнообразные пути. Зато коллективные занятия, большие или малые «маневры», никогда, кажется, регулярно не проводились. И только в ордонансах Карла Смелого, т. е. в самом конце Средневековья, можно найти указания уставного характера по этому поводу⁴⁰. Остается только удивляться тому, как могли маневрировать на поле боя без предварительного обучения в мирное время компактные соединения примерно в 10 000 человек (именно так маневрировали швейцарцы в битвах при Грансоне, Муртене, Нанси и в других сражениях)⁴¹. К тому же Средневековье не знало военных школ и академий для подготовки кадров, они появились в Италии только в XVI в., а во Франции «первым учреждением, сопоставимым с военной школой, была, вероятно, Академия упражнений, созданная в 1606 г. герцогом Бульонским»⁴².

Таким образом, военное дело изучалось на войне, на поле боя, а следовательно, возникала необходимость начинать обучение очень рано, еще в юношеском возрасте, и постепенно с годами накапливать опыт. Авторы подчеркивают важность прежнего опыта, зрелости при продвижении на ответственные посты. Эта идея лежит в основе сочинения Жана де Бюэя «Юноша», разделенного на три части - «моностику, экономику и политику»: «в первой говорится об управлении человеком самим собой, во второй - об управлении самим собой и другими, а в третьей - об управлении государей и капитанов, ответственных за страну и народ»⁴³.

³⁹ Цит. по: *Loiseleur J.* *Compte des dépenses faites par Charles VII pour secourir Orléans pendant le siège de 1428//Mémoires de la Société historique et archéologique de l'Orléanais.* 1868. N 11. P. 92.

⁴⁰ *Contamine Ph.* *Guerre, Etat et société...* [457]. P. 497-498. Во время франко-английской встречи в Туре, завершившейся перемирием 1444 г., состязались лучники графа Саффолка и лучники шотландской гвардии Карла VII, которые и победили (*Champion P.* *Vie de Charles d'Orléans* (1394-1465). 2e ed. Paris, 1969. P. 345).

⁴¹ *Schäufelberger W.* *Der Alte Schweizer und sein Krieg...* [380].

⁴² *Corvisier A.* *Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789.* Paris, 1976. P. 119-120.

⁴³ *Bueil J. de.* *Le Jouvencel* [9]. Vol. I. P. 5. О необходимости изучать военное дело молодым говорит текст XII в. «Воин, с детства к оружию приученный», цит. по: *Hagspiel G. H.* *Die Führerpersönlichkeit im Kreuzzug* [253]. В другом тексте говорится: «Государи должны учить своих детей военному делу с 14 лет» (*Bibl Nat., Paris, fr. 193, f. 270 v°*).

Война - это область проявления опыта, знаний, разума, осторожности, так утверждает средневековая литература. Можно еще раз обратиться к Жану де Бюэю, который заявлял, что «главным залогом успеха в любой войне, помимо Бога, является осторожность командующего». О знаменитом Ла Гире он отозвался как о «добром докторе военных наук», подчеркивая, что «ведение войны - дело искусное и тонкое, требующее знаний и учености, коих совершенство достигается мало-помалу»⁴⁴. Что касается выражения «военное искусство» (*art militaire*), то близкое к нему выражение (*art militant*) использовал Молине в XV в. Само же оно появилось не ранее середины XVI в., например во французском переводе трактата Роберто Вальтурио⁴⁵.

2. СТРАТЕГИЯ: ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

В средневековой стратегии доминировали, по-видимому, два основных принципа: один - боязнь полевых сражений, столкновений на открытой местности, а другой - своего рода «осадный рефлекс», иначе говоря «автоматическая реакция на атаку, состоящая в том, чтобы скрыться в укрепленном месте, способном обеспечить оборону»⁴⁶. Отсюда своеобразный характер подавляющего большинства вооруженных конфликтов Средневековья: очень медленное продвижение нападающих, упорная оборона атакуемых, ограниченные во времени и в пространстве операции, «лихоимная война», «стратегия побочных выгод», когда каждый сражающийся или отряд, часто сам по себе, искал прежде всего немедленной материальной прибыли. У современников имелось особое выражение для обозначения таких ограниченных военных действий - «воинственная война» (*guerre guerroyante*), состоящая из взятия и сдачи крепостей, неожиданных нападений, рейдов, засад и вылазок⁴⁷. «На войне <...> прежде всего грабят, часто ведут осады и иногда вступают в сражения». Более того, за недостатком денег, людей, вооружения, провианта многие военные планы не реализовывались: «Кампания, доведенная до конца, была исключением, а прерванная - правилом»⁴⁸.

Чтобы сдерживать возможных агрессоров, некоторые государства строили протяженные линии обороны. Это, прежде всего, знаменитая Великая китайская стена Срединной империи, возведенная против степных кочевников в

⁴⁴ Bueil]. de. Op. cit. Vol. I. P. 15, 130, 246.

⁴⁵ Les douze livres de Robert Valturin touchant la discipline militaire translatez de langue latine en françoise par Loys Meigret, Lyonnais. Paris, 1555. - В главе I книги речь идет о «первом и втором источниках военного искусства».

⁴⁶ Gaier C. Art et organisation militaires dans la principauté de Liège... [112]. P. 204.

⁴⁷ Это выражение использовал, например, Робер де Бальзак. В Каталонии также говорили «guerra guerrejada» (Sablonier R. Krieg und Kriegertum in der Crónica des Ramon Muntaner... [537]. P. 97).

⁴⁸ Gaier C. Op. cit. P. 216.

III в. до н. э., позднее несколько раз достраивавшаяся и перестраивавшаяся, особенно в XV в. при династии Мин. Такова и пограничная линия Римской империи, представлявшая собой иногда просто ров с валом (Сирия, Северная Африка), а в других местах - целую систему укреплений со рвами, валами, стенами, сторожевыми башнями, шанцами и лагерями (на протяжении 500 км германской границы, проходящей через Декуматские поля; стена Адриана в Британии от устья Тайна до Солвей Ферт, а севернее - стена Антонина).

Средневековому Западу было глубоко чуждо такое решение проблемы по нескольким причинам: государственные структуры долгое время были слабы, поэтому не хватало финансов и рабочих рук; из-за многочисленности мелких политических организмов складывалась ситуация, когда помимо внешней опасности могла возникнуть и внутренняя; в системе фортификаций привилегированное место отводилось, и вполне справедливо, изолированным пунктам обороны.

Это не означает, что на Западе не было пограничных зон (или марок), организованных и понимаемых как оборонные; то были англо-шотландская и англо-уэльская границы, германские марки (против славян), бретонская марка, границы Ливонии, Гранады и области Кале⁴⁰. В XIV-XV вв. по завершении кампании принято было распускать большую часть армии и организовывать защиту границ с помощью сети гарнизонов, или «постоев». Эта сеть могла быть плотной и глубокой, дабы помешать просачиванию или прорыву сил противника, который или рисковал оказаться раздробленным и отрезанным от своих баз при отступлении и прохождении между оборонными пунктами такой сети, или должен был брать одну крепость за другой со всей неизбежной медлительностью этого процесса. Прекрасный образец такой глубокой обороны дает карта «постоев», содержавшихся правительством Филиппа Валуа по обоим берегам Гаронны в сентябре 1340 г. накануне перемирия, подписанного в Эплешене, которое сразу же прекратило вражду (карта 3).

Робер де Бальзак, рассуждая о том, что следует, по его мнению, предпринять государю, которому угрожает нашествие, рекомендует «охранять пограничные укрепления». А далее есть две возможности: или собрать большую армию, которая встретит противника «при вступлении в свою страну», или

⁴⁰ О понятии границы в Средние века см.: *Demotz B.* La frontière au Moyen Age d'après l'exemple du comté de Savoie (début XIIIe - début XVe siècle); *Tucóo-Chala P.* Principautés et frontières: le cas du Béarn; *Gauvard C.* L'opinion publique aux confins des Etats et des principautés au début du XVe siècle // *Les principautés au Moyen Age.* Bordeaux, 1979. О военной организации см. в частности: *Drew K. F.* The Carolingian Military Frontier in Italy [157]; *Lewis A. R.* Catalunya como frontera militar (870-1050) [199]; *Lacarra J. M.* Les villes-frontières dans l'Espagne des XP-XIIe siècles [257]; *Urban W.* The Organization of Defence of the Livonian Frontier... [290]; *Fernandez E. M.* La frontière de Grenade aux environs de 1400 [530].

МАРМАНД	гарнизон численностью не менее 200 всадников и пехотинцев
Эпоион	гарнизон численностью от 100 до 200 всадников и пехотинцев
Лапльом	гарнизон численностью менее 100 всадников и пехотинцев

Карта 3 Глубокая оборона. Основные французские гарнизоны к северу и югу от Гаронны (сентябрь 1340 г.)

«отремонтировать, снабдить припасами, артиллерией и людьми главные крепости на границе и снести те, что невозможно удержать, а также увести весь скот от границы в глубь страны, а все продукты из сельской местности свезти в укрепленные места, дабы враг ничего не нашел, когда войдет, чтобы осаждать и воевать»⁵⁰.

Однако можно привести и несколько примеров протяженной линейной системы фортификаций: это ров Оффы (VIII в.) против бриттов Уэльса; в начале IX в. датчане возвели земляной вал, укрепленный деревом, чтобы перекрыть 15-километровый Ютландский перешеек; в тех же краях Карл Великий устроил против ободритов «саксонский рубеж» (*limes saxonicus*), проходивший примерно с севера на юг⁵¹. Чаще же всего достаточно надежным препятствием для вторжения войск, действия которых были близки к разбою, считались простые рвы: так, по приказу епископа Льежской области в 1454 г. (как и в 1439, а также в 1465 г.) был создан «пояс безопасности», который «состоял из широких рвов вкуче с естественными и более ранними искусственными препятствиями и шел от Юи до Сен-Трона», а далее до западных рубежей графства Лооз⁵²; согласно Роберу де Ториньи, в 1169 г. Генрих II «велел прорыть глубокие рвы между Нормандией и Францией против бандитов» - это были так называемые Королевские рвы (*Fossés-le-Roi*) в Перше, которые располагались вдоль рек Авр и Сарт и тянулись от Нонанкура до Мель-сюр-Сарта⁵³ (карта 4).

О стратегии вспоминали даже при проведении небольших операций, если сознательно определяли приемы и средства достижения цели. Свидетельством тому является непродолжительный поход Эдуарда III в Камбрези, Вермандуа и Тьераш осенью 1339 г., совершенный для того, чтобы устроить противника, Филиппа Валуа, максимально подорвав его экономический потенциал, и по возможности спровоцировать его на полевое сражение. При этом король Англии мог рассчитывать на 1600 кавалеристов, 1500 конных лучников и 1650 пеших лучников и пикинеров из Англии, а также на 800 кавалеристов, набранных в Нидерландах и Германии; к этому значительному по тем временам экспедиционному корпусу присоединялись контингента союзников - герцогов

⁵⁰ *Balsac R. de. La nef des princes... [7].* - В одной из глав трактата Феодора Палеолога разъясняется, «как государь должен руководить людьми на границах, в походах, организации и в других делах».

⁵¹ *Musset L. Problèmes militaires du monde Scandinave... [171]; Jankuhn H. Die Wehranlagen der Wikingerzeit zwischen Schlei und Treene. Neumünster, 1937; Id. Geschichte Schleswig-Holsteins. Neumünster, 1956. Bd III. S. 137 u. a.*

⁵² *Gaier C. La fonction stratégique-défensive du plat pays au Moyen Age dans la région de la Meuse moyenne [795].*

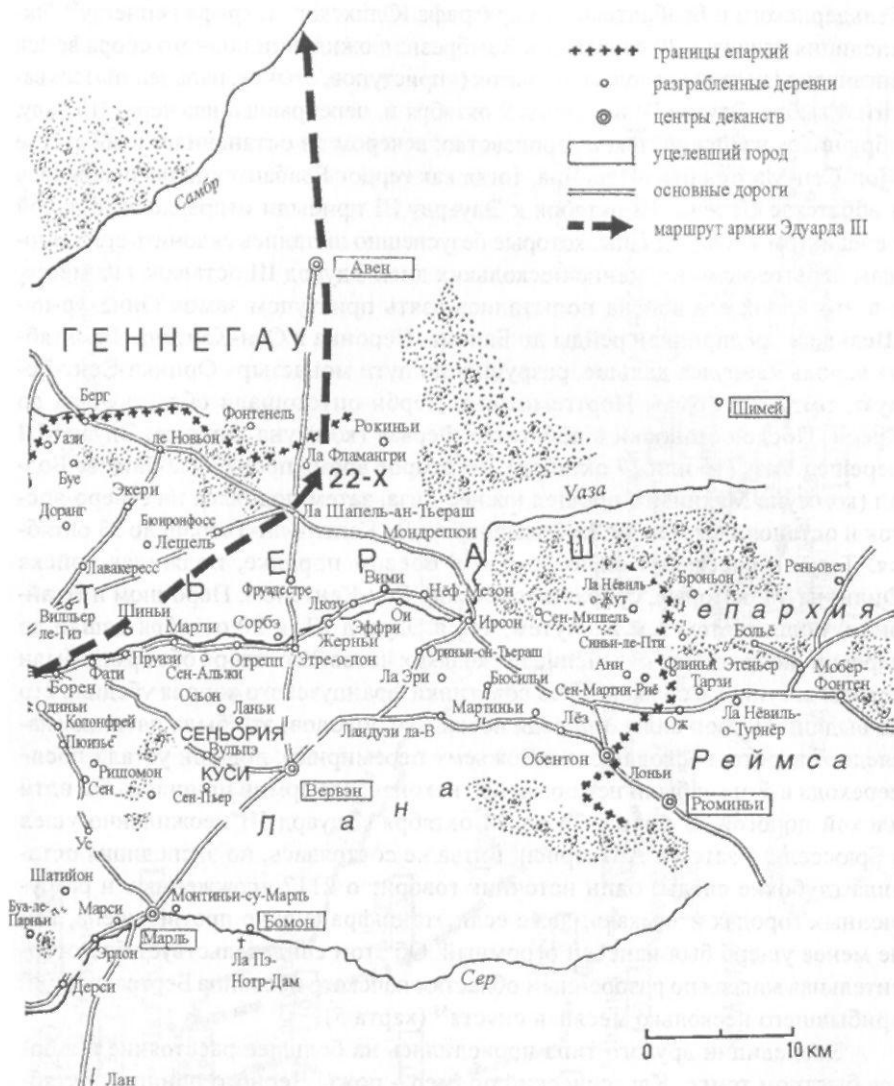
⁵³ *Jouaux B. Les Fossés-le-Roi / Châteaux forts et guerres au Moyen Age // Cahiers percherons. 1978. N 58. P. 6-8.*

Карта 4. Граница между Першем и Нормандией в XII в.

(По: JouaillV. Les Fosses-le-Roi dans Chateaux forts et guerres au Moyen Age // Cahiers percherons. 1978. N 58).

Вермандуа, Тьераш), разграбленных во время похода Эдуарда III в 1339 г.

(По: Carolus-Barré. Op. cit.)

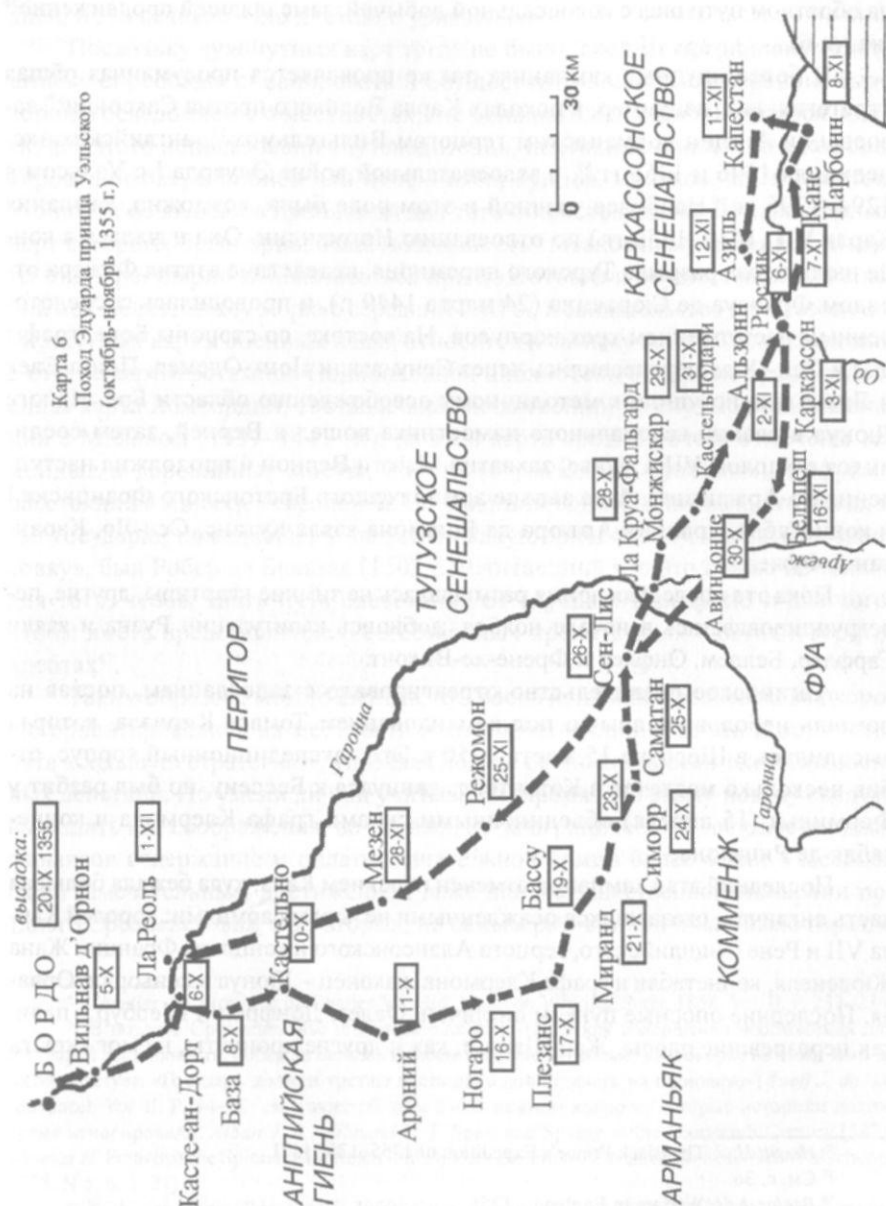
Гельдернского и Брабантского, маркграфа Юлихского и графа Геннегау⁵⁴. Экспедиция началась 20 сентября в Камбрези; в ожидании полного сбора войск англичане сделали несколько попыток («приступов, стычек, нападений») захватить Камбре. Эдуард III выступил 9 октября и, переправившись через Шельду, обрушился на Французское королевство; вечером он остановился в аббатстве Мон-Сен-Мартен близ Перонна, тогда как герцог Брабантский расположился в аббатстве Восель. 10 октября к Эдуарду III прибыли отправленные папой Бенедиктом XII кардиналы, которые безуспешно пытались склонить его к мирным переговорам; в течение нескольких дней Эдуард III оставался на месте, а в это время его войска попытались взять приступом замок Оннекур-на-Шельде и предприняли рейды до Бапома, Перонна и Сен-Кантена. 14 октября король двинулся дальше, разрушив по пути монастырь Ориньи-Сент-Бенуат, тогда как графы Нортгемптон и Дерби опустошали область Лана до Креси. После остановки в аббатстве Фервак (коммуна Фонсом) Эдуард III перешел Уазу (16 или 17 октября), некоторое время провел в аббатстве Бозри (коммуна Макиньи), прошел южнее Гиза, затем поднялся на северо-восток и остановился между Ла Фламангри и Ла Капель-ан-Тьераш до 23 октября. Там он расставил свою армию в боевом порядке, поджидая войска Филиппа VI, которые, собравшись между Сен-Кантенем, Перонном и Нуай-оном, пошли затем тем же путем, что и Эдуард III, и 20 октября дошли до деревни Бюиرونфосс. В течение нескольких часов 22 октября обе армии были готовы вступить в сражение, но советники французского короля убедили его не выдвигать свои силы, приведя несколько доводов: это была пятница (наследие запрета, восходящего к Божьему перемирию), лошади устали после перехода в 5 лье и были не кормлены, наконец, его армии пришлось бы идти плохой дорогой. В ночь с 23 на 24 октября Эдуард III неожиданно ушел в Брюссель, а затем в Антверпен. Битва не состоялась, но экспедиция оставила глубокие следы: один источник говорит о 2117 «сожженных и разрушенных городах и замках»; даже если эта цифра сильно преувеличена, тем не менее ущерб был нанесен огромный. Об этом свидетельствует благотворительная миссия по разоренным областям папского посланца Бертрана Кари, прибывшего несколько месяцев спустя⁵⁵ (карта 5).

Экспедиции другого типа проводились на большее расстояние и в более быстром темпе. Классический пример - поход Черного принца в октябрь-ноябре 1335 г. от Атлантики до Средиземного моря через Лангедок; менее чем за 2 месяца он прошел 900 км, в среднем по 15 км в день - результат

⁵⁴ Prince A. E. The Strength of English Armies in the Middle Ages [432]. P. 360-362.

⁵⁵ Froissartj. Chroniques / Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1874. Vol. XVIII. P. 84-96, p. j. 26; Carolus-Barré L. Benoit XII et la mission charitable de Bertrand Carit dans les pays dévastés du nord de la France, Cambrésis, Vermandois, Thiérache (1340)//Mélanges d'Archéologie et d'Histoire publiés par l'Ecole française de Rome. 1950. P. 165-232.

удивительный, если вспомнить, что он взял несколько городков и пригородов (Авиньоне, Монжискар, Кастельнодари, нижний город Каркассона) и что на обратном пути шел с колоссальной добычей, замедлявшей продвижение⁵⁶ (карта 6).

В более крупных кампаниях также проявляется продуманная общая стратегия, как, например, в походах Карла Великого против Саксонии⁵⁷, завоевании Англии нормандским герцогом Вильгельмом⁵⁸, английских экспедициях 1346 и 1356 гг.⁵⁹, в завоевательной войне Эдуарда I с Уэльсом в 1294-1295 гг.⁶⁰ Наиболее удачной в этом роде была, возможно, кампания Карла VII (1449-1450 гг.) по отвоеванию Нормандии. Она началась в конце июля после разрыва Турского перемирия, вследствие взятия Фужера отрядом Франсуа де Сюреньна (24 марта 1449 г.), и проводилась сосредоточенным наступлением трех корпусов. На востоке, со стороны Бове, графы д'Э и Сен-Поль переправились через Сену, взяли Понт-Одемер, Пон-л'Евек и Лизьё и приступили к методичному освобождению области Бре. На юге Дюнуа в звании генерального наместника вошел в Верней, затем соединился с Карлом VII в Лувье, захватил Мант и Верной и продолжил наступление до Аржантана. А на западе армия герцога Бретонского Франциска I и коннетабля Франции Артюра де Ришмона взяла Кутанс, Сен-Ло, Карантан и Фужер.

Пока эта последняя армия размещалась на зимние квартиры, другие, перегруппировавшись в начале ноября, добились капитуляции Руана и взяли Гарфлер, Беллем, Онфлер и Френе-ле-Виконт.

Английское правительство отреагировало с запозданием, послав на помощь небольшую армию под командованием Томаса Кириэла, которая высадилась в Шербуре 15 марта 1450 г. Этот экспедиционный корпус, отбив несколько местечек в Котантене, двинулся к Бессену, но был разбит у Форминьи (15 апреля) объединенными силами графа Клермона и коннетабля де Ришмона.

Последний этап кампании отмечен падением Кана, куда бежала большая часть англичан, оказавшихся осажденными четырьмя армиями: королей Карла VII и Рене Сицилийского, герцога Алансонского и канцлера Франции Жана Жювенеля, коннетабля и графа Клермона, наконец - Дюнуа и сеньора д'Орваля. Последние опорные пункты англичан: Фалез, Донфрон и Шербур - пали, как перезревшие плоды. Жан Шартье, как и другие хронисты, не мог скрыть

⁵⁶ Hewilt H. J. The Black Prince's Expedition of 1355-1357 [57].

⁵⁷ С м. С. 36.

⁵⁸ Beeler J. H. Warfare in England... [25].

⁵⁹ Burne A. H. The Crécy War... [41].

⁶⁰ Morris J. E. The Welsh Wars of Edward I. Oxford, 1901.

восхищения. Он писал: «И завоевано было все герцогство Нормандское, все бурги, города и замки изъявили покорность королю всего лишь за год и шесть дней, и это великое чудо достойно удивления»⁶¹.

Поскольку сухопутных карт тогда не было, следует предположить, что штабы, способные спланировать и осуществить подобные операции, были хорошо осведомлены о местностях, где должны были разворачиваться войска; для этого использовали «путеводители», постоянно прибегали к помощи «проводников», шпионов или изменников, купцов, монахов, авантюристов, что почти не являлось проблемой для того общества, одной из характерных черт которого, бесспорно, была мобильность⁶². Напомним, что морские карты стали регулярно использоваться при подготовке и осуществлении плаваний по Средиземному морю с середины XIII в., а свидетельство использования сухопутных карт в военных целях относится к самому концу Средневековья: в отделе карт и эстампов Национальной библиотеки в Париже хранится военная карта Ломбардии, составленная, несомненно, по случаю войны Венеции с Миланом (1437-1441 гг.); на этой карте среди прочего отмечены каменные и деревянные мосты, дороги (с указанием арабскими цифрами расстояний в милях), укрепления. Во Франции одним из первых, кто предлагал государю, пожелавшему захватить какую-либо страну, «делать ее зарисовку», был Робер де Бальзак (1502 г.), считавший, что это нужно не только для того, чтобы знать путь следования от города к городу, но и для того, чтобы иметь представление о естественных препятствиях - реках и горных хребтах⁶³.

Таким образом, можно сказать, что военачальники Средневековья хорошо ориентировались на местности и способны были постигать и осуществлять «большую стратегию», управляя подчас очень широкими театрами военных действий. Но умели ли они учитывать и время? По этому поводу следует высказать два соображения: во-первых, из-за ограниченных государственных финансов содержание и оплата значительной армии более 4 или 5 месяцев были замечательным достижением даже для могущественной монархии позднего Средневековья, а во-вторых, по самым разным причинам было гораздо

⁶¹ *Chartierf. Chronique de Charles VII* / Ed. Vallet de Viriville. Paris, 1858. Vol. II. P. 233-234.

⁶² В позднее Средневековье шпионаж рассматривался как совершенно необходимая для государей деятельность. Робер де Бальзак в своем трактате несколько раз говорит об этом. Жан де Бюэй советует: «Государь должен третью часть расходов отдавать на шпионаж» (*Bueil J. de. Le Jouvenel. Vol. II. P. 34-35*; см. также об этом очень важном вопросе, которые историки долгое время игнорировали: *Alban J. R., AllmandC. T. Spies and Spying in the Fourteenth Century* [347]; *Thomas H. Französische Spionage im Reich Ludwigs des Bayern* // *Zeitschrift für historische Forschung*. 1978. N 5. S. 1-21).

⁶³ *Bibl. Nat., Paris, Rés. Ge. C. 4990*; воспроизведена в кн.: *Almagia R. Monumenta Italiae cartographica. Riproduzioni di carte generali e regionali d'Italia dal secolo XIV al XVII*. Firenze, 1929. P. 9, pl. VIII, 1; *Balsac R. de. Op. cit.*

легче и приятнее вести войну в теплое время года, и слова Фруассара, что «когда возвращается мягкое летнее время, то пора войска собирать в лагеря», были «общим местом», почти аксиомой⁶⁴.

Однако война отнюдь не считалась просто занятием, своего рода спортом с соответствующим образом жизни, вещью в себе. В основе своей она была средством достижения определенных целей, и ради этого власти без колебаний, в пренебрежение к сезонным ритмам, требовали или приказывали своим финансистам, маркитантам, следующим за армией, военачальникам и войскам прилагать усилия, подчас далеко выходящие за рамки общепринятых и приемлемых норм. Поэтому имели место и кампании, продолжавшиеся без перерывов целый год, и осады, не прерывавшиеся и посередине зимы (Кале, Орлеан, Нейс). Как заметил еще Филипп Киевский, в Испании, Италии и тем более в Святой земле необходимость приостановки военных действий на зимние месяцы была менее настоятельной, нежели в Европе за Пиренеями и Альпами. Но даже далеко на севере, не колеблясь, выступали в поход в конце года, если находили в этом какое-либо стратегическое преимущество. Так было в шотландскую войну 1337 г.: «В это время король Англии узнал от мудрых людей, что, по общему мнению, Шотландию можно завоевать только зимой; поэтому он, собрав свое войско на праздник св. Луки Евангелиста, направил его в западные области». Иначе говоря, экспедиция должна была начаться 18 октября, в день св. Луки⁶⁵.

Нельзя даже сказать, что зимними кампаниями, в их процентном отношении к летним, можно пренебречь. На протяжении XV в. льежские войска, например, воевали в январе по меньшей мере девять раз⁶⁶. Хронология 120 битв, сражений и столкновений XIV-XV вв. дает следующую картину⁶⁷:

январь -	3	июль -	19
февраль -	5	август -	16
март -	8	сентябрь -	15
апрель -	12	октябрь -	7
май -	11	ноябрь -	7
июнь -	15	декабрь -	2

Наконец, если чаще всего в наиболее амбициозные планы и расчеты глав государств и военачальников входили кампании максимум на год, то, бывало, рассматривались и предприятия изначально гораздо более долговременные,

⁶⁴ *Froissarlj. Chroniques* / Ed. G. Roynaud. Paris, 1888. Vol. VIII. P. 107: см. также: *Chronique des quatre premiers Valois* / Ed. S. Luce. Paris, 1862. P. 278-279, где речь идет об осаде Шербур французскими войсками в 1378-1379 гг.: «Когда осадили Шербур, начались страшные холода, корма почти не было, и лошади гибли. Сиру Жану Ле Мерсье было очень трудно обеспечить войско провиантом <...>. И поскольку время было неподходящим для осады: не хватало ни корма для лошадей, ни пищи для людей, - войско разошлось».

⁶⁵ *Anonimale Chronicle, 1333-81* / Ed. V. H. Galbraith. Manchester, 1927. P. 9.

⁶⁶ *Gaier C. Art et organisation militaires dans la principauté de Liège...* [112]. P. 117.

⁶⁷ Таблица взята из кн.: *Erben W. Kriegsgeschichte des Mittelalters* [4].

особенно походы в Святую землю: в начале XIV в. Марино Сануто Торселло представил папе военный бюджет на три года в размере 2 100 000 флоринов, из расчета 700 000 флоринов в год⁶⁸.

3. ТАКТИКА: ПОЛЕВОЕ СРАЖЕНИЕ

Как мы видели, в средневековых войнах полевые сражения были относительно редки. Случалось даже, что государи или военачальники формально предписывали своим войскам избегать любых крупных столкновений: так поступали Карл V после Пуатье, Людовик XI после Монлери и Карл VII на протяжении большей части своего правления. Война «одержимая» и «воинственная», состоящая из нападений на укрепленные места и их обороны, из малых и больших экспедиций, набегов, авантюр, забирала большую часть времени и сил.

В полевом сражении все видели кульминацию войны, главное событие, определявшее исход кампании, центральный эпизод, с которым, при всей его ограниченности во времени и в пространстве, связывались все страхи, ожидания и надежды⁶⁹. Более того, в связи с ним возникали самые острые тактические проблемы, о чем и пойдет речь далее.

В средневековой военной истории известны не только битвы, представлявшие собой стихийные, беспорядочные столкновения, где командующие играли роль простых предводителей и, не отличаясь от других, держались в бою в первых рядах, где главной заботой воинов было выбрать себе достойного по сану и доблести противника, не думая о своих товарищах по оружию, где все сражались с какой-то священной яростью, но готовы были быстро бежать, как только показалось, что удача изменила им, где всеми действиями руководила жажда личной добычи и выкупных денег, где могла внезапно и неудержимо возникнуть паника⁷⁰ с последующим повальным избиением или пленением мгновенно парализованных противников. При всяком

⁶⁸ Marino Sanulo Torsello. Op. cit. P. 36.

⁶⁹ Поэтому у участников возникало желание посетить места «своих» сражений. Так поступил Артур де Ришмон, который через двадцать один год «приехал в Азенкур и беседовал с теми, кто был там во время битвы, показывал им места, где стоял он и другие знатные сеньоры со своими знаменами и где находился король Англии» (*Gruel G. Chronique d'Arthur de Richemont / Ed. A. Le Vasseur. Paris, 1890. P. 126*). Также в 1501 г. и эрцгерцог Филипп Красивый посетил поле сражения при Монлери (*Chmelf. Die Handschriften der K. K. Hofbibliothek in Wien. 1841. Bd II. P. 563*).

⁷⁰ Фуруассар объясняет победу шотландцев над англичанами при Оттерберне (Chery Chase) в 1388 г. тем, что «им милее было умереть, чем уступить из страха хотя бы пядь земли» (*Froissart J. Chroniques / Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1871. Vol. XIII. P. 240*). Английские военные ордонансы запрещали, в частности, во время боя кричать: «Mounte», что обычно интерпретируется как «по коням» (чтобы бежать), равно как и издавать крик «havok» (грабеж).

описании открытого сражения необходимо избегать двух подводных камней: драматизации и рационализации, т. е. реконструкции *a posteriori* тактики или крупномасштабной карты, чего, быть может, вовсе не было и даже не предусматривалось⁷¹.

Тем не менее, критическое изучение источников позволяет выявить существование нескольких фундаментальных, нормативных тактических принципов, следование которым считалось если не обязательным, то, по крайней мере, очень желательным.

Существенно упрощая проблему, можно рассмотреть три составляющих диспозиции - кавалерию, спешившуюся кавалерию и пехоту.

В первом случае кавалерия выстраивалась по вытянутой линии на весьма небольшую глубину, вероятно, в три или четыре ряда. Таким образом, поле сражения шириной в 1 км (случай редкий) могло вместить от 1500 до 2000 кавалеристов, образовывавших батальон, который составляли стоящие в ряд тактические единицы, называвшиеся знаменами или отрядами, обычно из кровных родственников, членов линьяжа или вассалов, воевавших вместе под одним знаменем, с одним предводителем и общим боевым кличем. Боевой порядок был очень плотным; если воспользоваться расхожими для текстов той эпохи выражениями, кавалеристы с копьями должны были стоять так близко друг от друга, чтобы брошенная перчатка, яблоко или слива не упали бы на землю, а попали на поднятое вверх копьё, или чтобы между копьями «и ветерок не пролетел»⁷². В такой боевой линии редко начинали движение все сразу, сектор за сектором, обычно наступая справа⁷³; каждый сектор мог соответствовать соединению, именовавшемуся «эшелон» (*échelle*), позднее ротой или эскадрой⁷⁴. Кавалерийские отряды по данному сигналу медленно трогались с места («медленным аллюром», *par gradatim, paulatim, gradu lento*), сохраняя линию строя; постепенно скорость увеличивалась, достигая максимума в момент столкновения. Говоря о кавалерийских атаках, латинские тексты употребляют многозначительные наречия: сильно, сильнее всего, сильно, страстно, стремительно, быстрее всего образом (*acriter, acerrime, fortiter, vehementer, impetuose, velocissime*)⁷⁵. А Жан де Бюэй рассуждал так: «Конный батальон должен с яростью нале-

⁷¹ Smail R. C. *Crusading Warfare...* [286].

⁷² «Между копьями и ветерок не проскользнет» (многочисленные примеры из кн.: *d'Ambroise. L'Estoire de la guerre sainte; Chanson d'Aspremont; Raoul de Cambrai; Guiart G. Branche des royaux lignages* // *Verbruggen J. F. De Krijkskunst in West-Europa* [88]; см. также: *Bueil J. de. Op. cit. Vol. II. P. 246*.

⁷³ *Galer C. Op. cit. P. 184*.

⁷⁴ Здесь стоит подчеркнуть многозначность понятия «*bataille*», которое, как кажется, означает и линию боя, и пехотное или кавалерийское соединение. Ж. де Бюэй использует понятия «*bataille, échelle, escadre*» как синонимы (*Bueil J. de. Op. cit. Vol. II. P. 246*).

⁷⁵ Так считает, по крайней мере, Р. Смайл, возражая Г. Дельбрюку.

тат на противника, но нужно следить за тем, чтобы не проскочить слишком далеко вперед, ибо отклонение от линии боя и возвращение влекут за собой поражение»⁷⁶. Когда кавалерия при атаке сталкивалась с пехотинцами, то ее задачей было нарушить их строй, разбив на мелкие группы, «развалить», «расстроить», «посеять беспорядок». Того же самого добивались в отношении конного противника, но в этом случае стремились добраться до лошадей, чтобы выбить из седла всадников; затем вступали в дело оруженосцы, мародеры, вооруженные слуги, которые завершали дело⁷⁷. Когда атака проваливалась, то кавалеристы отступали, и пока соседние соединения замещали их, они выстраивались и атаковали снова.

Если же наличный состав был слишком многочисленным, чтобы выстроиться в одну боевую линию, то в нескольких десятках метров сзади ставили другие батальоны, составлявшие силы запаса или поддержки; кроме того, часто формировали левое и правое крыло для защиты флангов или обхода противника. Так что, по крайней мере в позднее Средневековье, армия могла быть разбита на пять корпусов: левое и правое крыло, авангард, центральный батальон и арьергард⁷⁸.

Второй важный тактический прием - спешившаяся кавалерия. Вопреки бытовавшему мнению, его возникновение датируется не Столетней войной и не связано с появлением английских лучников на континентальных полях сражений. Если сами французы долгое время игнорировали спешивание кавалерии, то в Империи его использовали весьма часто. По поводу одного из эпизодов крестовых походов в Святую землю, когда в 1148 г. римский король Конрад III и его рыцари сражались пешими, хроника Вильгельма Тирского объясняет, что «тевтонцы обычно так делают, когда того требуют обстоятельства»⁷⁹. Англо-нормандские рыцари также спешивались в битвах при Тенчебре (1106 г.), Бремюле (1119 г.) и Бургтерулде (1124 г.)⁸⁰. Спешившись, кавалеристы в значительной мере теряли мобильность, и рекомендуемая тактика, по крайней мере в позднее Средневековье, состояла в том, чтобы стоять на месте в ожидании, что противник проявит неблагоразумие, двинувшись вперед и атаковав. Жан де Бюзэ по этому поводу замечает: «Когда сталкиваются друг против друга пехотинцы, то наступающие проигрывают, а те, кто твердо держится на месте, выигрывают»⁸¹. По его мнению, нужно предусмотреть хорошее обеспечение

⁷⁶ Bueil. de. Op. cit. Vol. II. P. 36.

⁷⁷ См. описание сражения при Веневенте в 1266 г. (Muratori. Vol. VIII. P. 832).

⁷⁸ Такова была диспозиция французской армии во время сражения при Розбеке (Chronographia regum Francorum / Ed. H. Moranvillé. Paris, 1897. Vol. III. P. 43).

⁷⁹ Цит. по: Gaier C. Op. cit. P. 193.

⁸⁰ О битве при Тенчебре см.: LaRochière C.-M., Contamine Ph., Delort R., Rouche M. L'Europe au Moyen Age. Documents expliqués. Vol. II: Fin IXe siècle - fin XIIIe siècle. Paris, 1969. P. 68-70.

⁸¹ Gaier C. Art et organisation militaires dans la principauté de Liège... [112]. Vol. I. P. 153.

провиантом, дабы они могли спокойно выжидать; в центре надлежит ставить «самый большой отряд» воинов под штандартом главнокомандующего, по бокам - лучников, наконец, по краям боевой линии - два отряда спешившихся кавалеристов; пажы с лошадьми должны держаться в укрытии сзади»⁸³.

Наконец, о пехоте в собственном смысле слова. Ее воинские формирования различались в зависимости от традиций, а также наличного состава, противника, характера местности. Можно выделить следующие диспозиции пехоты: 1) в форме довольно вытянутой «стены», глубиной лишь в несколько человек⁸⁴; 2) в виде круга, или «короны», которая использовалась швейцарцами, фламандцами и шотландцами, или в битве при Бувине, когда граф Булонский со своей кавалерией отступал после каждой атаки, чтобы передохнуть под прикрытием двойного ряда брабантских пикинеров, стоявших в круг⁸⁵; 3) массивный и глубокий строй, внутри которого не было пустого места; таков был треугольный «батальон» льежских пехотинцев, плотно стоявших друг к другу, своим «острием» из наиболее решительных людей обращенный к противнику⁸⁶; армия конфедератов в битве при Муртене (1476 г.), помимо небольшого отряда кавалеристов и авангарда в 5000 человек, состоявшего из отборных швейцарских воинов (арбалетчики, аркебузиры, пикинеры), имела боевое соединение (*Gewalthaufen*) в форме вытянутого четырехугольника, увенчанного треугольником (построение клином - *Keil*); по периметру этого соединения, насчитывавшего около 10 000 человек, стояли в четыре ряда пикинеры (с пиками длиной примерно 5,5 м), весь центр занимали алебардщики, оружие которых было длиной лишь 1,8 м; за ним размещался арьергард, меньший по составу, но той же формы (рис. 3); пикинерам надлежало сломать боевой порядок противника, после чего в дело вступали алебардщики; в случае же нападения вражеской кавалерии пикинеры должны были ошестиниться пиками. Современные реконструкции показывают, что при таких условиях корпус в 10 000 человек занимал площадь всего в 60х60 м⁸⁶.

К этим трем видам войск (кавалерия, спешившаяся кавалерия, пехота) могли прибавляться и другие, особенно стрелки (XV в. и кулевринеры) и полевая артиллерия. Поскольку действующие армии включали в себя и конницу и пехоту, то, следовательно, появились предварительно разработанные, весьма сложные гибкие боевые порядки. План сражения, представленный на утверждение

⁸³ Ibid. Vol. I. P. 151.

⁸⁴ GaierC. Op. cit. P. 160.

⁸⁵ Verbruggen J. F. Le problème des effectifs et de la tactique à la bataille de Bouvines (1214) // *Revue du Nord*. 1949. N 31. P. 181-193. - Здесь цитируется Гийом Бретонский, который писал о диспозиции брабантцев: «Вооруженные воины, тесно сомкнувшись в два ряда кольцом, создавали как бы лагерь».

⁸⁶ GaierC. Op. cit. P. 160.

⁸⁷ Grosjean G. Die Murtenschlacht... [54]. О реконструкции «швейцарского капе» см.: *Rapport d'activité pour les années 1972-1974 de l'Institut suisse d'Armes anciennes*. P. 14.

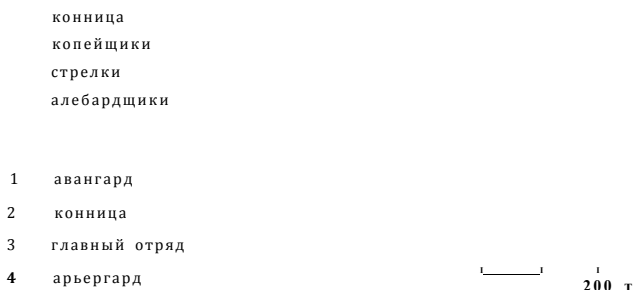

Рис. 3. Боевое построение швейцарцев в битве при Муртене (1476 г.)
(По: Grosjean G. Die Murtenschlacht [54])

бургундскому герцогу Иоанну Бесстрашному и его совету (сентябрь 1417 г.), предусматривал, например, что в случае атаки противника спешиваются как авангард и оба крыла из лучников и арбалетчиков, так и главный батальон, который должен держаться рядом с авангардом, если позволяет пространство, или на 50-60 шагов сзади, а на расстоянии полета стрелы (100-200 м) ставился арьергард, состоящий из 400 тяжелых кавалеристов и 300 стрелков, следящих, чтобы армия не повернула назад. Наконец, дальше, за арьергардом размещался обоз, образуя своего рода укрепленный лагерь. Однако на случай нападения на противника предусматривались другие диспозиции⁸⁷.

Предписанный Карлом Смелым по Лозаннскому ордонансу (май 1476 г.) идеальный боевой порядок показывает ту степень сложности тактики, какой мог достичь в конце XV в. профессиональный военный (а герцог стремился к максимальному совершенству). Видимо, для того чтобы приспособить свою армию к любым условиям местности, он предусмотрел восемь соединений. В первом выстраивались в линию слева направо 100 кавалеристов ордонансной роты капитана Тальяна, затем 300 лучников из той же роты, 1700 «пеших ребят» Нолена де Бурнонвиля и, наконец, 300 лучников и 100 кавалеристов ордонансной роты капитана Мариано - всего 1800 человек, выбранных среди лучших, под командованием Гийома де Ла Бомы, сеньора д'Иллена. Состав второго соединения, сформированного из войск герцогского дома, был еще более сложным: также слева направо чередовались три отряда кавалеристов, три - отряда лучников и три - пехотинцев. Посреди этого элитного корпуса возвышались знаки герцогского достоинства: штандарт Карла Смелого, его вымпел и знамя. Что касается остальных шести соединений, не

⁸⁷ Bibl. Nat., Paris, fr. 1278; Verbruggen J. F. Un plan de bataille du duc de Bourgogne... [89].

столь образцовых, то они строились, как и первое: пехота ставилась в центре, а по бокам - поддерживающие ее стрелки и кавалеристы. Восьмое соединение, правда, существовало только в проекте, для усиления бургундской армии в случае подхода савойцев.

Для лучшей координации и для того, чтобы избежать раздробления сил из-за характера местности, предусматривалась перегруппировка этих восьми соединений по два под командованием четырех высших военачальников. При сборе всех сил герцог Бургундский мог, таким образом, располагать 15-20 тысячами воинов⁸⁸ (рис. 4).

Реальная диспозиция, которую Карл Смелый был вынужден занять несколько дней спустя в битве при Муртене, свидетельствует о том, что он вовсе не был рабом готовых схем и способен был принаравливаться к условиям местности и противнику. По-видимому, для него одной из основ тактики было взаимодействие различных родов войск - кавалерии, артиллерии, пехоты с холдным оружием и стрелков⁸⁹ (карта 7).

На самом деле, ход сражений всегда мог измениться к худшему вследствие недисциплинированности целых отрядов и отдельных воинов, бросавшихся за военной добычей. Однако было бы совершенно ошибочным полагать, что этого не сознавали: во всяком случае, начиная со второй половины Средних веков командующие обычно объявляли о самых строгих карах всех тех, кто по какой бы то ни было причине выходит из строя и нарушает порядок, обобществление всей добычи с последующим ее дележом формально рекомендовалось, хотя и не всегда поощрялось и практиковалось⁹⁰. «Чтобы добыча принадлежала всей армии, нужно запрещать грабежи и объявлять по всем войскам, что нарушение приказа командующего карается казнью через повешение за горло»⁹¹ (Робер де Бальзак).

Также нельзя сказать, что в эпоху Средневековья не понимали, какие преимущества получал командующий, если в день сражения держался на возвышении или в стороне от побоища, избегая, с одной стороны, опасных неожиданностей и получая, с другой стороны, возможность принимать нужные решения в окружении своеобразного штаба⁹².

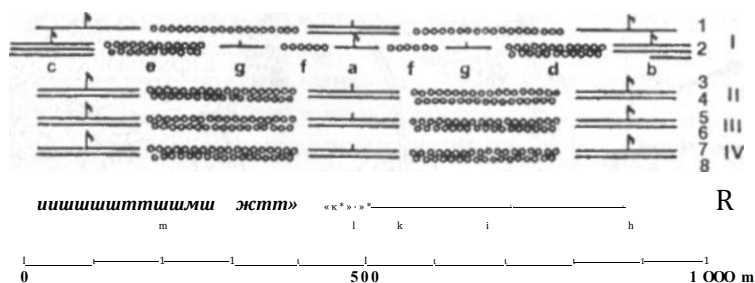
⁸⁸ Grosjean G. Op. cit. S. 51. См. также: Brûsten C. Les compagnies d'ordonnance dans l'armée bourguignonne [448]. P. 159.

⁸⁹ Grosjean G. Op. cit. S. 55; практически все источники о битве при Муртене собраны в кн.: Die Urkunden der Belagerung und Schlacht von Murten/ Ed. G. F. Ochsenbein. Friburg, 1876.

⁹⁰ По поводу выкупов и добычи см., в частности: Contamine Ph. Rançons et butins dans la Normandie anglaise... [460].

⁹¹ Balsac R. de. La nef des princes... [7].

⁹² Ibid.: «Названный государь или командующий в день сражения должен при себе держать лучших и наиболее опытных в военном деле людей, которые давали бы советы, предостерегали и руководили им». После битвы при Пуатье, когда был взят в плен Иоанн Добрый, французы поняли, что короля нельзя подвергать опасности, и в одном тексте рекомендуется, чтобы

В 100 рыцарей и ди вооружённых всадников

oooooooooooooooooooo 300 ЛУЧИНКОВ

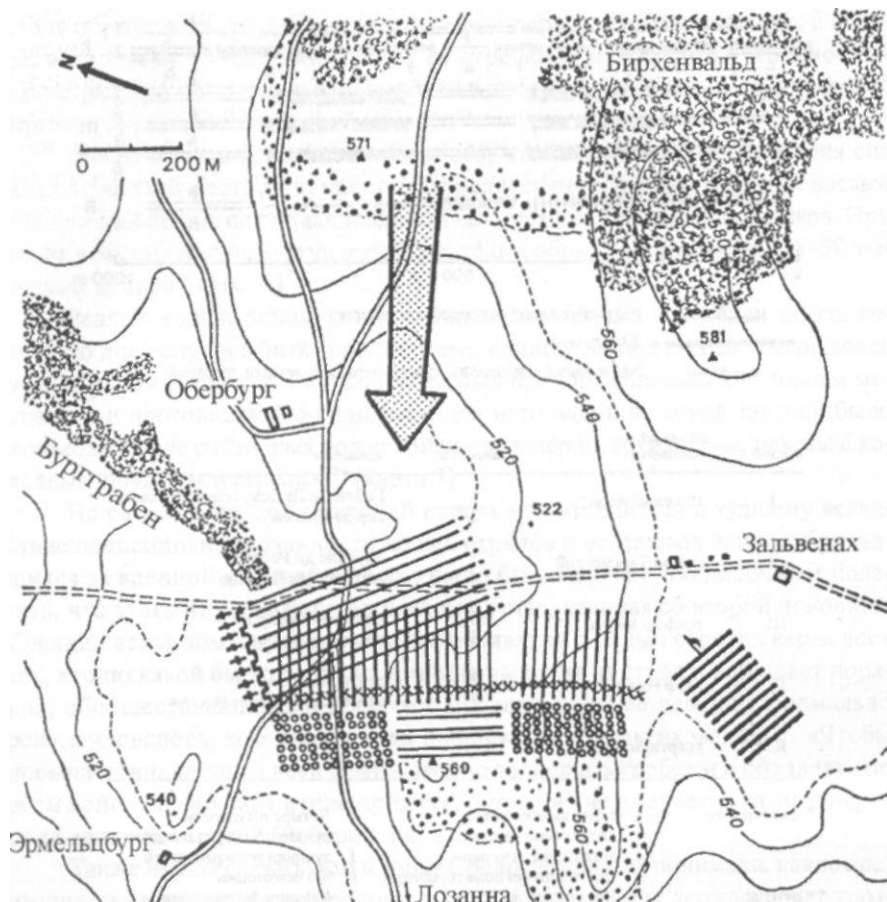
500 человек в три шеренги: кулевринеры, арбалетчики, пикинеры

<i>отряд</i>	<i>главный командир</i>	<i>шеренга</i>	<i>капитан</i>
I	герцог д'Атрн	1 2*	Гнйом де Ла Бом, сеньор д'Иллен сир де Клесси
II	принц Тарентский	3 4	Труайло ди Россано Антонио ди Леньяно
III	граф де Марль	5 6	Джакомо Галеотто сеньор де Фьенн
IV	граф Ромон	7 8	де Вилларнуль лейтенант графа де Ромона
R**	квартирмейстер		

* дом герцога:	a	отряд шамбелланов	b	Четыре государства
	c	дворянская гвардия	d	лучішкін Четырех государств
	e	английские лучники	f	лучники телохранителей
	g	пехотинцы (1 D дома герцога)	i	500 пехотинцев
	h	200 «пату копий»	l	400 английских лучников
*• резерв:	k	100 английских лучников		
	m	артиллерия		

Рис. 4. Боевое построение бургундцев у Лозанны по ордонансу Карла Смелого (май 1476 г.) (По: Grosjean G. Die Murtenschlacht... [54])

он оставался на коне, даже если вся армия спешилась, ибо он должен «видеть всех сражающихся и при необходимости подскочить к тем или другим, дабы воодушевить их, а если случится поражение, то мог бы спастись, так как лучше потерять победу, чем короля, - ведь с потерей короля можно и королевство лишиться». В совете, данном Изабелле Баварской по поводу управления государством, тот же автор идет еще дальше - он пишет: «Король никогда не должен участвовать в сражениях, ему следует держаться в стороне с хорошей охраной, ибо убийство или пленение короля Франции может погубить или повергнуть в великие бедствия королевство, чему свидетельством является пленение короля Иоанна» (Bibl. Nat., Paris, fr. 1223, f. 5 v°).

предполагаемое направление атаки швейцарцев

lllllllv

артиллерия на укрепленных позициях (около 150 орудий)

••••4444

отряд лучников (300 человек)

ooooooo

отряд пехотинцев (500 человек)

кавалерия (100 всадников)

старые дороги

функционирующие

ныне дороги

леса,

существующие

в наше время

xxxxxxxx

заграждения.

лесной массив 1476 г.

(реконструкция)

Карта 7

Муртен, 1476 г. План сражения Карла Смелого (По: Grosjean G. Die Murtenschlacht... [54])

Наконец, подобно тому, как с точки зрения стратегии считалось необходимым использование шпионов, так и из тактических соображений рекомендовалось использовать «путешественников», доносчиков, сыщиков, согладатаев, «чтобы обезопасить войско и знать о движении противника»⁹³.

Отрицание средневекового военного искусства, его модификаций и эволюции полностью вытекает, таким образом, из недостатка знаний; это можно сравнить с мнением Виктора Гюго, полагавшего, что музыка началась с Палестрины⁹⁴.

⁹³ Bueilf. de. Op. cit. Vol. I. P. 149, 185, 203.

⁹⁴ Стихотворение из «Лучей и теней», названное «Музыка начинается в XVI в.» Для обозначения того, что мы ныне называем военным искусством (тактика и стратегия), в Средние века использовали выражение «рыцарское искусство и наука» (Bibl. Nat., Paris, fr. 19613, f. 17 r°), а чаще - «рыцарская дисциплина», которой Филипп де Мезьер в «Горестном и утешительном послании» дал следующее определение: «Она трактует о военном деле и всем необходимым для армии на море и на суше, во время похода, стоянки и сражения как в долине, так и в горах, при осаде или защите крепости, при подготовке и посылке разведчиков и для умения распознавать шпионов противника и изменников; она учит делать машины и предохраняться от них, устраивать успешные набеги и засады, выставлять днем и ночью дозорных, воздерживаться от грабежа во время битвы, вознаграждать за счет добычи храбрых бойцов и карать трусливых, остерегаться коварства и тайной измены со стороны тех или иных властей; она учит также военного предводителя и его помощников держать слово, данное и друзьям и врагам, и не обещать ничего такого, чего не собираешься выполнять, и не прибегать к способам ведения войны, которые не были одобрены военным советом» (цит. по: Froissart J. Chroniques / Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1871. Vol. XV. P. 462). «Это признак полной слепоты, когда в перечне военных талантов между Цезарем и XVI в. Средние века зияют пустотой» (Uarmand J. La guerre antique de Sumer à Rome. Paris, 1973. P. 196).

ГЛАВА VIII

ВОЙНА, ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВО

Подавляющее большинство средневековых войн велось от имени определенных официальных властей (короли, князья, сеньоры), в них участвовали воины, которые считали себя или признавались принадлежащими к военному сословию, именовавшемуся по-латыни «воины» (*bellatores, pugnatores, agonistae, milites*), т. е. к функциональной категории, имевшей свое законное место в обществе; ее относительно привилегированное положение в системе производства определялось, по большому счету, только причастностью к военному делу. Сама структура воинского сообщества более или менее точно отражала структуру всего общества, так что, если говорить о мирянах, место индивида в армии напрямую зависело от его места в иерархии власти и даже богатства. Наиболее ярко эта тенденция проявляется, естественно, в феодальной организации, где военные обязательства и ответственность органично связаны с количеством, значимостью и доходностью фьефов. Даже когда военные обязательства выходят за рамки феодальной системы, распространяясь на очень широкий слой населения, все же связь между значением, характером службы и местом в обществе существует, о чем свидетельствуют и каролингские капитулярии, и распоряжения Плантагенетов, от Генриха II до Эдуарда I. Коммунальные ополчения также подпадают под это правило, и их военная организация часто очень точно повторяет цеховую. Нельзя даже сказать, что эта параллель исчезла с распространением платы за службу, ибо в действительности государства чаще всего стремились разными способами набирать военные силы, как и прежде, из знати (для нее плата была лишь дополнительным доходом или своего рода компенсирующим вознаграждением), отстраняя иностранцев (или допуская их в небольшом количестве, контролируя) и исключая деклассированные элементы. Лучше всего было сражаться вместе со знакомыми людьми и против известных врагов, под знаменем признанной власти, на ограниченном, известном и привычном географическом пространстве.

Само собой разумеется, что реальность была совершенно иной и что на практике от такой модели общественного устройства часто отступали. Обратимся к обзору этих «отступлений» сначала на уровне социальных, а затем и политических структур.

1. МАРГИНАЛЫ И ИХ УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Изучение социального состава армий, в самом широком смысле слова, должно быть направлено на выяснение нескольких моментов.

1. Место деклассированных и маргинальных элементов с точки зрения как иерархии (от скромного военного слуги до главнокомандующего), так и военной специализации (кавалеристы, стрелки и пехотинцы, пионеры и др.). Насколько неимущие, бродяги, нищие отстранялись от военных сообществ? Каково было значение бастардов знати¹, особенно в позднее Средневековье? По-видимому, в английских походах XIV в. во Францию количество людей, стоящих вне закона, но за свою службу получивших от короля помилование, было довольно большим: в 1339-1340 гг. было даровано по меньшей мере 850 грамот помилования участвовавшим в боевых действиях; в 1346-1347 гг. - несколько сотен грамот (за кампании в Шотландии, Северной Франции и Гаскони); после Пуатье (1356 г.) - около 140 грамот; в 1360-1361 гг. - 260 грамот. «В большинстве английских армий этого периода людей, стоящих вне закона, насчитывалось, вероятно, от 2 до 12%»². По поводу набора, произведенного в 1370 г. Робертом Ноулзом для похода на континент, источник сообщает, что он «взял в свой отряд по дурной воле беглых монахов, вероотступников, а также несколько воров и грабителей из разных тюрем»³. «Уголовный регистр Парижского Шатле» запечатлел карьеру нескольких авантюристов, которые, совершив разные преступления, поменяли гражданскую службу на военную: таким был некий Реньо де Сен-Марк, уроженец Дижона, там же женившийся и имевший троих детей. Разорившийся «виноградарь», он около 1383 г. свел знакомство с военными и стал «старшим слугой», проработав у нескольких господ, среди которых был Жан Ла Персонн, виконт д'Арси, и побывав за это время во Фландрии, Испании, Германии, Милане, Шамбери и даже в Венгрии. Под пыткой он признался, что похищал лошадей и обкрадывал своих хозяев, а последние два месяца бродяжничал в Париже, пытаясь найти нового хозяина⁴.

2. Географическое происхождение воинов с обязательным различием тех, кто прибыл (часто издалека) по королевскому или сеньориальному призыву, которому они обязаны повиноваться, и тех, кого можно охарактеризовать как настоящих военных кочевников, оторвавшихся от своих корней и служивших в смешанных, разнородных формированиях, где соседствовали все народы и языки, даже если это были очень небольшие отряды в 10 или 20 человек. В этом отношении можно сопоставить две модели:

¹ Очерк об армиях французских королей см.: *Contamine Ph. Guerre, Etat et société...* [457].

² *Hewitt H. J. The Organization of War under Edward III...* [408]. P. 30.

• *Anonimale Chronicle 1333-81* / Ed. V. H. Galbraith. Manchester, 1927. P. 63.

⁴ *Registre criminel du Châtelet de Paris* / Ed. H. Duplès-Agier. Paris, 1864. Vol. II. P. 165 et s.

а) модель, представленную военными экспедициями горожан Брюгге и Гента в начале Столетней войны, которые совершались на небольшое расстояние и состояли исключительно из местных жителей⁴.

Направления экспедиции	Дата начала	Длительность (в днях)	Количественный состав	
			Гент	Брюгге
Слейс, Ипр, Поперинг	17.VII.1338	17	184	1567
Куртре	1.X.1338	11	280	650
Беерст и Диксмуде	12.II.1339	11	1193	3552
Синт-Виноксберген	23.II.1339	7	—	
Менин	23.X.1339	11	274	2645
Аарденбург	5.IV.1340	2	—	
Турне	7.IV.1340	9	2783	1373
Геннегау	6.VI.1340	24	4567	2095
Слейс	9.VI.1340	22	281	1921
Турне, Сент-О.мер, Синт-Виноксберген, Кассель, Диксмуде	15.VII.1340	76	5455	6547

б) модель, о которой дает представление список наемников, которым папа Григорий XI поручил оборону Авиньона в марте 1373 г.: примерно 77 человек были выходцами из епархий Авиньона, Лиможа, Версейля, Майорки, Вивье, Юзеса, Риеза, Сен-Флура, Пьяченцы, Тюля, Нима, Манда, Турина, Ди, Клермона, Арля, Кремоны, Ареццо, Кавайона, Экса, Болоньи, Кортонь, Камбре, Кагора, Безансона, а также из Савойи, Арагона, Сицилии и Пьемонта⁵.

3. Участие в войнах людей, которые более или менее формально должны были быть отстранены от этого: рабы (в раннее Средневековье), сервы (их, например, не касалась Военная ассиза Генриха II Плантагенета, как и более позднее законодательство до середины XIII в.), клирики и монахи. Среди последних нужно различать: раздатчиков милостыни и капелланов, которые обычно состояли при войсках; часто их присутствие специально оговаривалось (например, императорский указ 1431 г., изданный во время крестового похода против гуситов, требовал содержать в каждом войсковом соединении четверых или пятерых священников, «чтобы учить и наставлять людей, как следует держаться и бороться за святую веру»), клириков, обладающих светской властью (епископы и аббаты) и участвующих в оборонительных операциях, и, наконец, тех, кто в пренебрежение к каноническому

⁴ Verbruggen J. F. Het Gemeenteleger van Brugge van 1338 tot 1340 en de Namen van de weerbare Mannen. Bruxelles, 1962.

⁵ Michel R. La défense d'Avignon sous Urbain V et Grégoire XI [471].

праву и неоднократно повторявшимся запретам и осуждениям церковных властей, забыв о священных обетах и своей тонзуре, вступил в армию в качестве простых воинов. Впрочем, действия таких священников далеко не всегда осуждались общественным мнением. Фруассар говорит о капеллане графа Дугласа, участвовавшем в битве при Оттербене (1388 г.), выражает свое безоговорочное восхищение им: «Он вел себя не как священник, но как доблестный воин; будучи храбрым и преданным графу человеком, он участвовал в атаках и нападениях на англичан и, обрушивая на них удары своего топора, вынуждал их отступить, а затем всю ночь без отдыха преследовал их с топором в руках. По правде говоря, у него были подобающие для этого и тело, и рост, и сила и смелость»⁷. Позднее этот священник был произведен сразу в архидьяконы и каноники. Что касается участия в войнах евреев, то земское право «Саксонского зеркала» освобождает от военной службы, за исключением крайней необходимости, клириков, женщин, пастухов и служителей церкви; но, по мнению его составителя, евреев освобождать не обязательно, на миниатюре одной из рукописей «Саксонского зеркала» (Дрезденская библиотека) изображен набор крестьян в армию, среди них можно отличить (по прическе) еврея, правда, без оружия⁸. На службе Арагонского дома в Сицилии в 1416 г. состоял мастер «Иосиф, бомбардир, еврей».

4. Участие женщин. Они, естественно, сопровождали армию в качестве маркитанток, служанок и проституток («дурных женщин» иногда изгоняли или ограничивали их количество). Но вполне нормально воспринимались и вооруженные «дамы», и «баронессы», тем более что феодальные кутюмы формально предоставляли им право наследования фьефов. Ордрик Виталий в XII в. упоминает Гельвизу, графиню д'Эвре, которая на коне и в рыцарском вооружении участвовала в сражениях, проявляя такой же азарт, как и рыцари в доспехах или солдаты с дротиками. Во время крестовых походов женщины сражались в армиях франков: греческий историк Никифор описывает этих амазонок в мужской одежде, на конях, с копьями и боевыми топорами, которыми предводительствовала «дама в золотых шпорах» - Альенора Аквитанская, сравниваемая с Пенфесилеей⁹. Фруассар рассказывает о графине Жанне де Монфор, которая во время войны за бретонское наследство в доспехе и на боевом коне, «держа в руках крепкий и острый меч, билась отважно, с большой храбростью»¹⁰. Согласно легенде, во время осады замка Понторсон Томасом Фелтоном сестра знаменитого коннетабля дю Геклена Жюльенна, невзирая на свое монашество, вместе с другими отталкивала

⁷ *Froissarij. Chroniques* / Ed. A. Mirot. Paris, 1975. Vol. XV P. 147.

⁸ Воспроизведено в кн.: *Conrad H. Geschichte der deutschen Wehrverfassung* [105].

⁹ *Verdon J. Les sources de l'histoire de la femme en Occident aux Xe-XIIIe siècles // Cahiers de Civilisation médiévale. 1977. N 20. P. 229; Heer F. L'univers du Moyen Age. Paris, 1970. P. 169.*

¹⁰ *Froissarij. Op. cit.* / Ed. S. Luce. Paris. 1870. Vol. II. P. 144-146; Paris. 1872. Vol. III. P. 9.

лестницы врага от стен". Были в армиях и женщины из народа: в 1382 г. Карл VI «пошел на Фландрию, и там знамя фламандцев несла женщина, в конце концов они были разбиты, а она погибла»¹². А вот некая фрисландка «в си-нем суконном платье», которая во время войны между Фрисландией и Геннегау (1396 г.) бросилась на врагов «в безумной ярости» среди первых и погибла пронзенная стрелой¹³. Вспомним, наконец, и классические примеры Жанны д'Арк и Жанны Ашетт.

2. МАРГИНАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ СООБЩЕСТВА И ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К НИМ

Война - явление политическое, и решение о ее начале исходило сверху, от официальных властей, которые стремились держать ее под своим контролем: объявлять войну, набирать армию и временно или окончательно завершать военные действия в определенный момент. Однако как явление, независимое от государственной власти, как выражение потенциальной воинственности, свойственной в той или иной мере всем средневековым обществам, война затрагивала и низы.

Власти на протяжении долгого времени старались не допускать спонтанных проявлений воинственности, чтобы закрепить за собой монополию на войну, и поэтому боролись против частных войн, объявляли земский мир, запрещали ношение оружия и т. д. Тем не менее, осуществление этого желания наталкивалось на те же препятствия, которые в Средние века вставали между решениями власти и их проведением в жизнь, а также на одно глубокое противоречие: с одной стороны, государства хотели бы покончить с усобицами, ограничить или искоренить широко распространенное насилие, но, с другой стороны, им было выгодно иметь вооруженных подданных, искушенных в военном деле.

Эта относительная беспомощность государств, которую, однако, не следует представлять неизменной во времени и пространстве, особенно очевидно проявлялась в конце войн, когда из-за отсутствия постоянных армий приходилось распускать войска. Обычно легче всего было отпустить по окончании похода, длившегося несколько дней или от силы несколько месяцев, держателей фьефов и отправить домой в свои деревни или города всех пехотинцев, пионеров, ремесленников, которые шли на войну против воли и, не дожидаясь приказа военачальников о демобилизации, дезертировали. Не было также про-

¹² Cent cinquante textes sur la guerre de Cent ans dans le bailliage de Cotentin / Ed. M. Lantier. Caen, 1978. P. 29.

¹³ Bibl. Nat. Paris, lat. 5696, f. 59 r°.

¹⁴ Froissart]. Op. cit. / Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1871. Vol. XV. P. 290.

блем и с небольшими отрядами регулярных сил, составлявших окружение государей или сопровождение высоких военных чинов: их отпускали по очереди, индивидуально, исходя из их желания или намерений начальства. Нелегко да и опасно было избавиться только от тех воинов, которые на протяжении ряда лет сплотились в содружестве и взаимопомощи и перед которыми не было в ближайшем будущем никакой альтернативы войне. Во Франции за последние три или четыре столетия Средних веков подобная ситуация возникала трижды: на рубеже XII—XIII вв., в третьей четверти XIV в. (время «компаний») и после Аррасского договора 1435 г. (время «живодеров»). Как это ни удивительно, но наиболее легким был последний кризис, тогда как первый был самым тяжелым и если не самым разорительным в материальном отношении, то, по меньшей мере, самым тяжелым с психологической точки зрения. Его мы и предлагаем вспомнить.

Готье Ман в сочинении «О развлечениях придворных» (*De nugis curialium*) (ок. 1180 г.) дает страшное в своих подробностях описание этих вышедших из-под контроля наемников: их отряды (*лат. ruttae* - слово, которое появилось именно тогда, происходит от *лат. rumpere* и означает небольшой отряд, соединение) представляют собой ужасную еретическую секту, насчитывающую тысячи человек; вооруженные с ног до головы в кожаные и железные доспехи, они грабят, все опустошая, и насилуют, в полный голос крича, подобно безумцу из Писания: «Бога нет»; это люди вне закона, беглые, лжеклирики, родом из Брабанта и потому называемые брабантцами: «Фаланги Левиафана размножились сверх всякой меры и настолько усилились, что, ничего не страшась, живут и рыскают, как враги Бога и народа, по провинциям и королевствам»¹⁴.

Этих людей называли по-разному: хищники (Жак де Витри предложил, например, игру слов: «разрушители, или грабители» - «*ruptores, sive rapttores*»), геннегаусцы, каталонцы, арагонцы, наваррцы, баски, триавердинцы, мэнцы, германцы. Их называли также «соломенными» (*palearii*): то ли по опознавательному знаку - соломинке на шлеме или шапке, то ли потому, что они обычно поджигали солому¹⁵. Что касается слова «*Cotereaux*» («*Cothrelli*, которые по-народному называются разрушителями», как говорил Ригор),

¹⁴ Цит. по: *Grundmann H. Rotten und Brabanzonen... [252].* Фундаментальный очерк, содержание которого вкратце излагается дальше.

¹⁵ Поджоги, пожары были обычным явлением средневековой войны. Одно из постановлений Фридриха Барбароссы (*lex pacis in exercitu*, 1158) давало командиру армии право решать, стоит ли сжечь тот или иной замок. В XV в. в немецких армиях существовала должность брандмейстера, определяющего размер выкупа, который должен быть уплачен городом, чтобы избежать сожжения. «Верный служитель» хвалит Байара за то, что он предписывал следующее: «Немцы, участвуя во многих войнах, сжигали свои квартиры, когда снимались с мест квартирования; добрый же рыцарь, покидая квартиру, удостоверяется, все ли в порядке, или оставляет охранников для защиты от поджогов (*Histoire du gentil seigneur de Bayart / Ed. J. Roman. Paris, 1878. P. 425*).

появившегося в источниках с 1127 г., то в отношении его предлагается несколько этимологий: оно могло быть производным от слов «couteau» (нож), «cottier» (бедный крестьянин), «coterie» (т. к. речь идет о некоей организации, секте, церкви, как указывается в некоторых текстах) или «coterel» (в данном случае - короткая кольчуга).

Все говорит о том, что эти люди были родом из самых разных мест, но особенно многочисленные контингенты поставляли три области: Прованс, Пиренеи и перенаселенные провинции Брабанта, Фландрии и Геннегау - скудные горные земли, где людям было слишком тесно, и районы, находящиеся на периферии Французского королевства.

Источники единодушно представляют их бедняками, выбитыми нищетой из обычной жизни и исключенными из общества.

В текстах всплывают имена некоторых предводителей. Может быть, к ним следует отнести незаконного сына графа де Лооса, Гийома Ипрского, который командовал отрядом наемников в 300 всадников Стефана Блуаского во время гражданской войны в Англии. Несомненно, брабантцем был Гийом Камбрейский, бывший клирик, чью карьеру командира можно проследить с 1166 до 1177 г. Ему наследовал некий Лобар (Lupatus или Lupacius) родом из Испании или Прованса, а последнего сменил провансалец Меркадьер, которого взял на службу Ричард Львиное Сердце. Провансальцем был и Лупескар, чьи полководческие способности использовал Иоанн Безземельный. Назовем и другие имена: гасконец Арно, испанец или провансалец Мартен Альге, Курберан, о котором известно лишь то, что он выдавал себя за благородного, Раймон Леберен, затем бастард нормандского происхождения Фалько (или Фалькез), и, наконец, состоявший на службе у Филиппа Августа знаменитый Кадок (или Ламбер де Кадок). Что касается булонского графа Рено де Данмартена, то хотя он и возглавлял отряд наемников в битве при Бувине, но принадлежал он все же к другому миру, и судьба связала его с брабантцами лишь на очень короткое время.

Трудно оценить их количественный состав. Были ли они столь многочисленными, как утверждают напуганные хронисты? В 1183 г. основные силы брабантцев были перебиты коалицией регулярных сил, и источники сообщают, что убито было от 7000 до 17 000 человек. Вполне вероятно, что во времена своего могущества они образовывали армию, сравнимую по размерам с армиями официальных властей, - в несколько тысяч человек.

Они сражались конными, но чаще, кажется, пешими и слыли прекрасными солдатами, готовыми к любым военным операциям. «Они были не ниже знати в военной науке и доблести»¹⁶. При Бувине отряд Рено де Данмартена,

¹⁶ Duby G. 27 juillet 1214. Le dimanche de Bouvines [244]. P. 107. См. цитату из кн.: Généalogie des comtes de Flandre.

яростно отбиваясь от рыцарей Филиппа Августа, оказался последним оплотом сопротивления. И тем не менее в 1183 г. брабантцы позволили себя перебить как стадо баранов.

К моменту, когда начинается самый важный этап их истории, они, вероятно, имели уже достаточно большой опыт военных действий и разбоя. Во всяком случае, Фридриху Барбароссе явно не составило никакого труда собрать 1500 брабантцев и переправить их через Альпы с оставшейся частью своей армии в 1166-1167 гг. В результате кампании итальянцы были побеждены, и если немецким рыцарям досталась только слава, то брабантцы, если верить источникам, захватили всю добычу: шатры, оружие, одежду, лошадей, мулов, ослов и звонкую монету. Затем, несомненно, они были отпущены, вернулись во Францию, осев, как отметил аббат монастыря Монтье-ан-Дер, на границе с Империей, т. е. в районе, политически слабо контролируемом. Они оставались сплоченным войском, представлявшим постоянную угрозу, на протяжении нескольких лет. И тогда, чтобы покончить с их присутствием и лишить их всякой государственной поддержки, Фридрих Барбаросса и Людовик VII на встрече между Тулем и Вокулером 14 февраля 1171 г. взяли на себя обязательство не нанимать их на случай войны, по крайней мере если она будет вестись между Альпами и Рейном - на востоке или в области Парижа - на западе. Другими словами, суверены сохраняли за собой право использовать их на западе или юго-западе от Парижа, против Плантагенетов, и на востоке - от Рейна и за Альпами, - против непокорных немецких вассалов и мятежных итальянских коммун.

Следствием этого договора было то, что основная масса брабантцев ушла на запад Франции. Генрих II использовал их в Нормандии против Людовика VII (1173 г.), а затем увел в Бретань и Анжу. Для борьбы со своими восставшими баронами, которые не упустили случая нанять фламандцев, Плантагенет переправил брабантцев через Ла-Манш (август 1173 г.), а спустя некоторое время снова перевез их в Нормандию, где они пришли на помощь осажденному Руану. После этого был заключен мир с Людовиком VII, и Генрих их распустил.

Несомненно, во время очередной экспедиции в Ломбардию и Романью Фридрих Барбаросса взял брабантцев на службу. Вернувшись во Францию, они после мира в Нонанкуре (1177 г.) обрушились на юго-запад королевства. Опасность была столь велика, что на III Латеранском Вселенском соборе (1179 г.) в одном и том же каноне были преданы анафеме катары и осуждены брабантцы и вообще разбойники; под угрозой кар, предусмотренных для еретиков, запрещалось юс нанимать, содержать на жалованье и покровительствовать им. Однако это не помешало Филиппу Августу в начале своего правления использовать их против фламандцев, а затем против графа Сансерра.

Производимые ими опустошения были настолько значительными, а безразличие, беспомощность и даже пособничество властей и части феодалов достигли такой степени, что, как и в первые времена Божьего мира, вспых-

нуло народное движение «капюшонников» (Capuciati). Инициатором этого движения был дровосек или плотник из Пюи Дюран Шадю, которому Богородица ниспослала образок: она сидит на троне с Иисусом на руках, а вокруг надпись: «Агнец Божий, искупивший грехи людей, даруй нам мир». Так возникло братство «мира св. Марии», центром которого стала церковь Нотр-Дам дю Пюи, его члены носили на белых льняных капюшонах оловянный образок Девы Марии, подобный тому, что получил Дюран. Согласно Роберу де Ториньи, аббату Мон-Сен-Мишеля, это братство нашло некоторую поддержку среди епископов и магнатов, дворян и представителей низших классов. В довершение своей религиозной и душевспасительной деятельности «капюшонникам» удалось очистить Овернь от нарушителей общественного спокойствия - как местных сеньоров, так и разбойников. А летом 1183 г., вероятно, с помощью армии Филиппа Августа, они одержали победу над брабантцами в Берри, и это вознесло их на вершину славы. Возможно, этот успех стал причиной радикализации движения, ставшего в решительную оппозицию как к феодальным сеньорам, так и к церковной иерархии. «Они все стремились завоевать свободу, которая, как они говорили, досталась им от прародителей со дня Творения, не ведая, что рабство стало наказанием за первородный грех»¹⁷. В условиях того времени их легко было обвинить в ереси, и в 1184 и 1185 гг. они были разгромлены сеньорами, которых на сей раз поддерживали остатки брабантцев.

После 1185-1190 гг. появилось своего рода второе поколение брабантцев, не столь опасное и менее многочисленное. Церковь, конечно, продолжала метать молнии в брабантцев и тех сеньоров, которые использовали их и покровительствовали им. В рамках борьбы с альбигойской ересью она стремилась искоренить этих виновников смут на юге, чье присутствие углубляло хозяйственный и нравственный кризис. Но теперь брабантцы действовали небольшими отрядами, и короли (Ричард I, Иоанн Безземельный, Филипп Август) пользовались их услугами для выполнения конкретных задач. Согласно счету, в 1202-1203 гг. Филипп Август выдал Кадоку 4000 парижских ливров для выплаты жалованья примерно 300 солдатам. Значение этих авантюристов постепенно снижалось; одна из статей Великой хартии вольностей (1215 г.) формально обязывала короля сразу после восстановления мира изгнать из Англии иностранных рыцарей, арбалетчиков и наемников; и хотя источники упоминают брабантцев среди участников крестового похода против альбигойцев, они играли там лишь эпизодическую роль. Добавим, что их предводители стремились влиться в феодальное общество; так, Кадок стал кастеляном Гайона, бальи Понт-Одемера и рыцарем. То же намерение проявляли и те, кто служил

¹⁷ Этот аспект исследовал Ж. Дюби: *Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme* [106]. P. 393 ^ 02.

Плантагенетам. Меркадьер, например, получил земли Адемара де Бейнака в Перигоре, называл себя *слугой* короля и всячески подчеркивал свою преданность. Так, он заявлял: «Я верно и храбро сражался за него, всегда готовый повиноваться ему и выполнять его волю, за свою службу я снискал его уважение и получил командование армией»¹⁸.

История разбойников, во многих отношениях напоминающая историю «компаний» XIV в., показывает, что они множились и соединялись в инородные образования, поражая социальную ткань, благодаря острому соперничеству государей, королей и баронов, еретиков и ортодоксов. Но как только соперничество замирало или прекращалось после победы одной из сторон, то сразу появлялась возможность довольно быстро с ними покончить. Короче говоря, их существование объясняется скорее более или менее длительным ослаблением политических структур, нежели нарушением равновесия в обществе, которое почти во все времена было неспособно абсорбировать маргинальные элементы; но когда его институты были прочны, а власть достаточно утвердившейся и уважаемой, проблема маргинальных элементов сохранялась на индивидуальном уровне, не принимая широких масштабов.

Каталонская рота в начале XIV в. представляет другой тип военных аватюр профессиональных наемников. Появление этого военного коллектива бы. обеспечено совокупностью трех факторов. Во-первых, наличием в Арагонском королевстве альмогаваров, которые вели пастушеский и в то же время военный образ жизни и свободно проживали на зыбкой границе между мусульманским и христианским мирами. Во-вторых, арагонским экспансионизмом, можно даже сказать - национализмом, из-за чего королевство Сицилия на протяжении двух последних десятилетий XIII в. стало ареной борьбы соперников - французов и анжуйцев. И, в-третьих, все ухудшающимся положением Византийской империи, не способной своими силами сдерживать натиск турок и вынужденной прибегать к услугам наемников.

После нескольких лет войны Фридриха Арагонского с Карлом II Анжуйским и заключения мира в Кальтабеллоте (1302 г.), по которому Неаполитанское королевство отошло Карлу II, а Сицилия - Фридриху, войско последнего осталось не у дел. И тогда образовалась Компания каталонцев (*Universitas Catalanorum*), к которым присоединились сицилийцы, калабрийцы, северные итальянцы и несколько авантюристов других национальностей. По приглашению Андроника II Палеолога Каталонская компания, насчитывавшая 6000 человек, две трети из которых были альмогаварами, в сентябре 1303 г. высадилась в Византии.

¹⁸ Powicke M. The Loss of Normandy, 1189-1204. Studies in the History of the Angevin Empire. Manchester, 1963.

Историю ее походов, столкновений, побоищ, грабежей позволяют проследить два источника: один - греческий - рассказ Георгия Пахимера, а другой - каталонский - «Хроника» Рамуна Мунтанера, ценность которой тем более велика, что организатор, казначей и канцлер Каталонской компании, был очевидцем и нередко участником описываемых событий. Короче говоря, несмотря на все недостатки этого «романа плаща и меча», его преувеличения и искажения, это - один из редких для Средневековья текстов, показывающих внутреннюю жизнь военного сообщества с ее человеческими и хозяйственными проблемами, отношениями простых воинов и начальников, напряженными поисками провианта, жадной власти и богатства, сложными отношениями с мирным населением, со всеми ликами войны, опасностями, добычей, изнеможением и, наконец, серьезными политическими проблемами.

При нескольких последовательно сменявшихся предводителях Каталонская компания, благодаря явной слабости Византии, сумела сохранить свою сплоченность, компенсируя неизбежную убыль в личном составе за счет новобранцев; а после победы над французскими феодалами герцога Афинского Готье де Бриенна (1311 г.) она захватила его владения и, пользуясь покровительством далекого Арагона, создала свое княжество, коему суждено было просуществовать до 1380 г., - успех поистине исключительный, которому нет аналогов в истории ни брабантцев, ни «компаний» времен Столетней войны¹⁹.

Было бы, видимо, недостаточно противопоставить государственные власти и возникавшие при политических потрясениях анархические, маргинальные военные организации и видеть в этом только долгий конфликт, продолжавшийся до полной победы первых. Вольные «компания» - явление более сложное, оно объясняется тем, что «компания» явно или скрыто поддерживали власти разного уровня в силу их предполагаемой боеспособности. В общем и целом государство стало контролировать военные действия, когда увидело в этом больше преимуществ, нежели неудобств. Но к 1500 г. эта тенденция еще не определилась окончательно и не утвердилась. Обширные районы западного мира были ей еще не подвластны, только в некоторых странах и областях наблюдается глубокая демилитаризация всего общества, в то же время происходит и относительная маргинализация военного сообщества из-за появления постоянных армий, с одной стороны, и повышения удельного веса пехоты, которая традиционно набиралась из «всякого сброда» и потому не пользовалась уважением, - с другой. Здесь уже чувствуется атмос-

¹⁹ История Каталонской компании породила большую литературу. Здесь мы использовали, главным образом, работу: *Sablonier R. Krieg und Kriegerum in der Cronica des Ramon Muntaner...* [537]. Об общей проблематике истории «Больших компаний» см.: *Contamine Ph. Les compagnies d'aventure en France pendant la guerre de Cent ans* [456].

фера войны XVI в. со сценами в манере Жака Калло: «кучка дезертировавших голодных наемников, бредущих по равнине с чахлыми деревьями и виселицами на горизонте»²⁰. Макиавелли в «Военном искусстве» объяснял, что «добропорядочный человек не должен заниматься военным ремеслом» и что как в республиках, так и в монархиях гражданам и подданным нельзя позволять делать из войны профессию²¹. Однако во Франции, например, постоянная кавалерия (ордонансные роты) и различные военные корпуса королевского дома были для молодых дворян желанной службой, обеспечивавшей им достойную жизнь и открывавшей простор предприимчивости и надеждам; тем не менее у проницательных наблюдателей складывалось впечатление, что «король Франции разоружил свой народ, дабы без сопротивления командовать им»²².

²⁰ Claudel P. Le soulier de satin (version intégrale). Première journée, scène V.

²¹ Œuvres complètes / Trad. E. Barincou. Paris, 1958. P. 731-740.

²² Ibid. P. 742. - О демилитаризации французского общества в самом конце Средневековья см.: Contamine Ph. Guerre, Etat et société [457]. P. 550 et s. - То же самое происходило в Швейцарии: Sablonier R. Etat et structures militaires dans la Confédération autour des années 1480 [379a].

ГЛАВА IX

К ИСТОРИИ МУЖЕСТВА

«Сила духа человека, без страха сталкивающегося с опасностью и без жалоб переносящего страдания», «нравственная сила человека, преодолевающего страх и другие чувства, парализующие действие, проявляющего решительность и твердость в затруднительных ситуациях»¹. Исходя из этих вневременных определений, формально подходящих для всех обществ и эпох, мы вправе спросить себя, может ли понятие «мужество» само по себе быть предметом исторического исследования. Но как не вспомнить эту норму поведения, это психологическое состояние, если оно составляет самую суть воинского искусства? Тем более, что есть свежие примеры, свидетельствующие о том, что историю чувств и страстей можно изучать, особенно если к ним подходить извне, со стороны, т. е. изучая историческую среду, в которой они формируются и которая их порождает². Наши соображения на эту тему претендуют лишь на то, чтобы обозначить малоизвестное поле исследования, заслуживающее долгого и глубокого изучения.

1. МУЖЕСТВО: ДОБРОДЕТЕЛЬ ИЛИ ПОРОК?

Для начала можно рассмотреть многочисленную моралистическую и психологическую литературу клерикального происхождения, которую породила ученая культура Средних веков. Нет уверенности в том, что в ней определяется мужество как таковое. Однако из четырех основных добродетелей, унаследованных от античности (Платон, Аристотель, Цицерон, стоики) благодаря св. Амвросию и св. Августину, по крайней мере одна - стойкость (*fortitudo*) - во многом совпадает или смыкается с понятием мужества. Для св. Фомы Аквинского, стойкость - это в широком смысле душевная твердость при исполнении долга, и, следовательно, она является условием всякой добродетели, а в более узком смысле делает человека неустрашимым перед лицом любой опасности, даже смерти, позволяет ему смело бросать вызов страху смерти, не проявляя при этом безрассудства. Стойкость, таким образом, связана со страхом (в первую

¹ Foulquié P. Dictionnaire de la langue philosophique. Paris. 1969; *Id.* Dictionnaire de la langue pédagogique. Paris, 1971.

² Delumeau. La peur en Occident... [351].

очередь - страхом смерти) и отвагой, будучи золотой серединой, «стойкость - это такая добродетель, которая подавляет страх и побуждает к отваге во имя общественного блага». Она обуздывает страх, дабы, сохраняя хладнокровие, можно было действовать смело, по возможности избегая опасности. Стойкость придает как неустранимость, так и отвагу на войне. Второе качество, конечно, более привлекательно, но первое выше: действительно, ведь тот, кто защищается, чувствует себя самым слабым и беззащитным, его не поддерживает та страсть, какой воодушевлен нападающий. Стойкость находится также между отвагой и робостью, но она отлична от надежды, которая лежит между отчаянием и самонадеянностью. У нее семь составляющих: великодушие, доверие, безопасность, величие, постоянство, терпимость (иначе говоря, терпение и твердость) и настойчивость³.

Наряду с подобным анализом, у схоластов иногда возникала мысль рассмотреть конкретные случаи. Об этом свидетельствует схоластическое рассуждение Генриха Гентского по поводу поведения франков во время падения Акры в 1291 г. Для него это был эпизод справедливой войны не за возвращение несправедливо награвленного имущества, а ради того, чтобы отбить нечестивого врага, жаждавшего отнять у христиан имущество, жизнь, отчизну, свободу, законы и прочие мирские или духовные блага. Генрих Гентский задумывается о действиях одного рыцаря, который, когда все другие бежали от врага, вступил в схватку с сарацинами и погиб. Следует ли думать вслед за «Песнью песней», что он проявил мужество, в душевном мире и милосердии встав на защиту друзей, или же истинное великодушие состояло в том, чтобы (согласно Аристотелю, Цицерону и Платону) бежать вместе с другими? Может быть, рыцарь поступил так из самонадеянности, из жажды славы, алчности, т. е. не раздумывая, безрассудно, а значит, глупо. Вегеций ведь утверждает, что хорошие военачальники подвергают себя риску в общем сражении только сознательно. И поскольку наш рыцарь не мог рассчитывать на помощь товарищей по оружию, то, стало быть, повел себя не великодушно, а глупо.

Однако нужно принять во внимание конкретные условия: говорят, что сарацины проникли в Акру до рассвета и так неожиданно, что у христиан не было времени опомниться. Возможно, что этот рыцарь спал при оружии, готовый к бою, и, услышав шум, бросился на врага, полагая, что товарищи последуют за ним. И, предпочтя смерть за веру и свободу города, он проявил великодушие. Если бы другие горожане и рыцари поступили так же, Акра, возможно, была бы спасена. Ибо для того, чтобы одержать победу, достаточно горстки храбрецов. В книге Маккавеев и у Вегеция сказано так: «Победа обычно добывается немногими людьми, преимущественно храбрецами», «побеждают не числом, а смелостью», «на войне быстрота полезней смелости».

С одной стороны, Генрих Гентский допускает, что рыцарь был великодушным и очень смелым человеком, а отнюдь не безрассудным. С другой стороны, он считает, что рыцарь не мог бы проявить великодушия, если бы бежавшие вели себя должным образом. В данном случае его цель - заклеймить знать и особенно прелатов, дезертировавших в момент штурма города. Далее рассматриваются три возможности: враги или уже победили, или «взяли народ в кольцо», или угрожают ему. Первую Генрих Гентский отклоняет, ибо в момент бегства командиров еще не все было потеряно; вторую и третью объединяет: или действительно все, отчаявшись в победе, могут бежать, поскольку не имеет смысла подвергаться опасности; или никому не подобает впадать в отчаяние, и все единодушно должны противостоять врагу, защищая отчизну и общественное благо, разве что следует освободить от этого женщин, детей и инвалидов; даже в случае, когда мнения разделяются, и «старшая и более здоровая часть» (*major et sanior pars*) отчаялась, не потерявшие надежды не должны бежать с другими, а их духовные наставники (*spiritualia*) обязаны оставаться с ними⁴.

Светские авторы также прибегали к лексике ученой клерикальной морали, прилагая ее к военным людям. Жан де Бюэй обнаруживает в последних «добродетель стойкости, ибо многие предпочитали погибнуть в бою, нежели бесчестно бежать»⁵. Жан Молине решил наделить каждого из четырех герцогов Бургундских одной из основных добродетелей: Филиппа Храброго - благоразумием, Филиппа Доброго - умеренностью, Карла [Смелого. - Примеч. ред.], хотя и «вдохновленного богом войны Марсом», - справедливостью, а Иоанна Бесстрашного - стойкостью. «Герцог Иоанн <...> - государь бесстрашный, во всех делах великодушный, твердый, как скала, настолько храбрый и мужественный, что все ему было по плечу и по силам; и за его достоинства и заслуги ему подобает стойкость, особо почитаемая среди основных добродетелей». «Верный служитель» характеризует Байара следующим образом: «Храбростью не многие могли сравняться с ним; поступками он был подобен Фабию Максиму, хитроумными замыслами - Кориолану, а в великодушии и стойкости был вторым Гектором: яростным по отношению к врагам, мягким, миролюбивым и куртуазным - по отношению к друзьям»⁶. Несмотря на эти заимствования, понятие мужества в литературных текстах, несомненно, лучше отражающих жизнь, явно принадлежит другому семантическому полю, где доминируют почти инстинктивные эффективность и импульсивность⁷.

⁴ *GandH. de. Quodlibeta*, XV, q. XVI.

⁵ *BueilJ. de. Le Jouvencel* [9]. Vol. I. P. 51.

⁶ *Molinet J. Chroniques* / Ed. G. Doutrepont, O. Jodogne. Bruxelles, 1935. Vd. I. P. 27.

⁷ *Histoire du gentil seigneur de Bayart composée par le «Loyal scrvteur»* / Ed. J. Roman. Paris, 1878. P. 402.

⁸ Ср. расхожие сопоставления с повелением животных: «Совершенный рыцарь на войне должен обладать тремя ценными достоинствами: нападать, как борзая собака, защищаться, как вепрь и убегать, как волк» (*Ibid.* P. 428).

2. МОТИВЫ, ПОСТУПКИ, НАДЕЖДЫ

Согласно многочисленным письменным источникам, главным образом начиная уже с XII в., мужество понималось как состояние чувств или, по крайней мере, как идеальное поведение; тогда же появились стереотипы мышления и сложились языковые привычки, и некоторые из них просуществовали столько же, сколько и Средневековье. Однако систематическое изучение словарного запаса языка, возможно, откроет малозаметные оттенки, новшества и утраты, что позволит провести различия по времени, месту, среде и литературным жанрам.

Первый общий анализ героического эпоса, хроник, дидактических трактатов, рыцарских биографий, панегириков, эпитафий приводит к мысли, что мужество понималось прежде всего как норма аристократического, благородного поведения, связанного с родом, кровью, происхождением, как индивидуальное действие, коим движут амбиции и страсть к земным благам, забота о чести, славе и посмертной известности. Следует избегать позора, коим можно запятнать себя и своих близких из-за трусости, лени, робости. В сражении подобает проявлять большую страстность и силу, совершать высокие подвиги и доблестные деяния, проявляя при этом искусство владения оружием, храбрость и неустрашимость. Именно так становятся храбрыми, мужественными и гордыми, как это и подобает вассалам и рыцарям. Меньше ценились (но не порицались) действия тщеславные, оскорбительные, жестокие (*фр. félons* - жестокий, безжалостный, яростный)¹⁰.

Для Жана де Бюэя, хорошо знакомого с военной практикой своего времени и с культурным наследием, война была прежде всего школой аскетизма. Она требует усилий, «страдания и труда». Ее участники должны уметь переносить «тяготы, опасности, лишения и голод», «привыкнуть носить доспехи ночью и днем, поститься большую часть времени». И все это - ради «чести и славы», обретения «совершенной славы этого мира», ибо «всякая мирская честь обретается войной и завоеваниями». Но не нужно забывать о материальной выгоде, считавшейся справедливым вознаграждением за подвиги, и потому война представлялась наиболее достойным и очевидным сред-

¹ «Понятие мужества-это новшество XII в.» (*DubyG.* 27juillet 1214. Le dimanche de Bouvines [244]. Р. 27). Стоит вспомнить о классической связи между поэзией и войной, о роли странствующих музыкантов в распространении героических и «похвальных песен». Отправляясь на войну со Свеногом, король Вальдемар взял в свою армию барда, чьи песни обличали коварство противника-отцеубийцы и зывали к мести. Во время похода против жителей Шатильона отряд грабителей-бургундцев, уверенных в своем численном превосходстве, своей силе и полных юной дерзости, возглавляли музыканты и жонглеры, воспевавшие и военные подвиги предков, призывая к победам. Вас писал, что в битве при Гастингсе Тайлефер пел «Песнь о Роланде» (*Faral E. Las Jongleurs en France au Moyen Age. Paris. 1971. P. 55-57*).

¹⁰ Многочисленные примеры см.: *Tobler-Lommatzsch. Altfranzösisches Wörterbuch.*

ством продвижения по социальной лестнице к «большим свершениям и большим владениям». Сравнивая придворного и воина, Жан де Бюэй без колебаний отдаст предпочтение последнему, ибо в конечном счете в его жизни риска не намного больше, но зато гораздо больше надежных ценностей. «Оружие платит своим солдатам» трояким образом: смертью (но ведь «часто случается, что столь же рано может умереть не только воин»); бедной, но славной жизнью, когда все говорят о вас и ваша известность переживет вас (таковы Бертран дю Геклен и завоеватель Канарских островов Гадифер де Ла Саль), тогда как богатство никто, умирая, сохранить не может, и вообще «бедных дворян больше при дворах и в добрых городах, нежели на войне»; наконец, состоянием, ибо «благодаря оружию вы сможете стать самым могущественным властителем мира»¹¹.

Настойчивое превозношение индивидуальной доблести, ярких подвигов если не в одиночку, то, по меньшей мере, персонализированных побед отдельных людей, несомненно, заставляет думать, что средневековая война сводилась к ряду поединков и что коллективное проявление мужества было малозаметно или неизвестно. Но в действительности все представляется иначе: как простые воины, так и военачальники ясно сознавали, что подвига отдельного героя недостаточно. И наряду с прославлением «благого», доблестного героя¹² прошлого или настоящего, светской или церковной истории, в Средние века ценились также те или иные линьяжи, роды, народы, которые проявляли солидарность на поле боя. И по обычаю в первые ряды ставили не только отдельных лучших солдат, молодых «только что посвященных в рыцари», но и определенные воинские соединения, известные своей коллективной храбростью. Во время крестовых походов это были тамплиеры и госпитальеры, а в войнах Империи - швабы, которые после сражения при Унструте в 1075 г. стали требовать для себя «первое место в бою» (*primatus pugnae*). В речах, с которыми короли и военачальники время от времени обращались к войскам накануне решающих сражений, говорилось не об индивидуальной доблести как залоге будущей победы, а об общем успехе всей армии или всего народа. В «Споре герольдов Франции и Англии» оба участника стремятся по-своему доказать доблесть англичан и французов вообще¹³. Временная солидарность также могла быть обеспечена клятвой,

¹¹ *Bueil de*. Op. cit. Vol. I. P. 43.

¹² Жак де Лонгийон в романе «Обеты Павлину», написанном около 1312 г. по заказу князя-епископа Льежа Тибо де Бара, ввел представление о девяти героях (три еврея - Иосиф, Давид, Иуда Маккавей; три язычника - Гектор, Цезарь, Александр; три христианина - Артур, Карл Великий, Готфрид Бульонский). В конце XIV в. Эташ Дешан параллельно им перечислил девять героинь. Он же ввел десятого героя - Бертрана дю Геклена, а после него заговорили о десятой героине - Жанне д'Арк, но это последнее нововведение большого успеха не имело.

¹³ *Le débat des hérauts d'armes de France et d'Angleterre* / Ed. L. Pannier, P. Meyer. Paris, 1877. P. 7 et s.

обетом, а иногда люди связывали себя физически (веревкой или цепью)¹⁴. В силу этого чувства солидарности военный кодекс швейцарцев не позволял властям или командующему наказывать провинившегося солдата, но обязывал каждого убить стоящего рядом товарища, если тот намеревался бежать или сеял панику¹⁵. Во Флоренции в XIV в. всему военному отряду, одержавшему победу, полагалось двойное месячное жалованье¹⁶. Иными словами, дух корпоративности был столь же частым стимулом для подъема боеспособности войск, как и дух индивидуального соревнования и соперничества¹⁷.

3. МЕРА РИСКА

Очевидно, что с исторической точки зрения понятие «мужество» связано с понятием «риск», меру которого нужно установить, но источники позволяют сделать это только с XII в. и очень приблизительно. Профессиональные военные стремились максимально обезопасить себя и по возможности - даже за счет боеспособности - снизить риск смерти для себя, а нередко и для коня. «Отдать себя на волю смерти иль пленения», «отдать себя и жизнь на волю судьбы», но без всякой страсти к самопожертвованию; понятие жертвенности, абсолютной самоотверженности кажется чуждым средневековой ментальности. В результате - постоянное совершенствование доспеха, воинского, а в некоторые времена и конного; с этим связано и распространение куртуазного воинского кодекса, требовавшего щадить побежденных, но позволявшего брать их в плен и требовать выкупа. Хотя практика выкупов известна с раннего Средневековья, кажется, что она стала всеобщей и вошла в обычные правила войны благодаря тому, что, с одной стороны, христианские ценности проникли в военную среду, а с другой - на войне стали часто сталкиваться одни и те же люди, которые могли быть знакомы, могли вспомнить, узнать друг друга, сознавая схожесть своего положения и переменчивость неудач и успехов, что ясно прослеживается у Фруассара или в жизнеописании Байара.

Приемы ведения «куртуазной» войны носили не только теоретический характер; неопровержимые свидетельства доказывают, что они использовались на деле. После убийства графа Карла Доброго в 1127 г. во всем графстве Фландрия война свирепствовала более года. В целом в ней участвовали

¹⁴ Действия короля Иоанна Борецкого в битве при Креси (*Contamine Ph. La vie quotidienne pendant la guerre de Cent ans. France et Angleterre (XIVe siècle)*. Paris, 1976. P. 249).

¹⁵ *Schäufelberger W. Der Alte Schweizer und sein Krieg...* [380]. S. 237.

¹⁶ *Bayley C. C. War and Society in Renaissance Florence...* [487]. P. 12-13.

¹⁷ Вознаграждения чаще всего бывали индивидуальными, как награды в современных армиях: в итальянских армиях XV в. 25 флоринов давали солдату, который первым поднимался по лестнице на стену осаждаемого города, у кондотьеров знаками отличия были серебряные шлемы и жезлы командующих (*Mallett M. Mercenaries and their Masters...* [512]. P. 90).

около тысячи рыцарей. Подробный, день за днем, рассказ Гальберта Брюгского, сообщает всего о семи погибших, из которых пятеро знатные, или рыцари: один был убит преследующим его противником; другие стали жертвами несчастных случаев: падения с лошади или со стены, в результате обвала потолка, а последний умер от слишком большого усердия, когда дул в рог¹⁸. В 1119 г. в битве при Бремюле участвовали 900 рыцарей, и Ордрик Виталий писал о ней: «Я узнал, что было лишь трое убивших; они ведь были закованы в железо и щадили друг друга как из страха Божьего, так и из чувства братства по оружию (*notitia contubernii*), и поэтому при преследовании старались не убивать, а брали в плен. И действительно, этим рыцарям как христианам не подобает пятнать себя кровью своих братьев и надлежит гордиться правой победой, ниспосланной Господом, в войне за Святую Церковь и спокойствие верующих»¹⁹.

Отметим также, что наиболее привычные «лики войны», в том числе и осадной, были не столь устрашающими, если только не случались эпидемии, что бывало не всегда, и если победители, более по политическим соображениям, нежели военным, не принимали решения перебить весь сдавшийся гарнизон.

В конце концов война довольно быстро перестанет быть «куртуазной». В войне с неверными в Испании или Святой земле сражения обычно заканчивались повальным избиением побежденных даже высокого ранга. На самом Западе в многочисленных битвах между знатью и народными ополчениями или ополчениями разных городов взятие в плен также не практиковалось. Рассказывая о войне 1396 г., когда столкнулись, с одной стороны - голландцы, жители Геннегау, французы и англичане, а с другой - фризы, Фруассар не без внутреннего осуждения сказал о последних: «Когда они брали кого-либо в плен, то брать выкупа не хотели, сами же не сдавались и бились до последнего, говоря, что лучше умереть свободным фризом, нежели попасть под власть какого-нибудь сеньора или государя. А если их все же брали в плен, то никакого выкупа за них получить было невозможно, поскольку ни друзья, ни родственники не желали их выкупать, оставляя умирать в заключении; своих людей они вызволяли из плена, если только имели пленных врагов, которых выдавали в обмен на своих, человека за человека, но когда знали, что их людей в плену нет, то всех своих пленников убивали»²⁰. Поэтому во время сражений дворяне старательно избегали сдаваться в плен «черни» (английским лучникам, например), ибо пощады от нее ждать было нечего; по-

¹⁸ *DubyG.* Op. cit. P. 141.

¹⁹ Ibid. P. 153. В битве при Тенчебре в 1106 г. со стороны французов не погиб ни один рыцарь. При Линкольне в 1217 г. победители потеряли одного рыцаря, а побежденные - двух, но при этом более 400 человек были взяты в плен.

²⁰ *FroissartJ.* Chroniques / Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1871. Vol. XV. P. 295.

нятно, что в обратном случае происходило то же самое. Стоит также вспомнить о ярости сражающихся и о специальных наставлениях командующих, из-за чего битвы бывали кровавыми, с большими потерями особенно для побежденных, ибо, как замечает Фруассар. «по общему правилу большие потери несут проигравшие»²¹.

Мы располагаем достаточно надежными данными о людских потерях в полевых сражениях, по крайней мере, двух последних столетий Средневековья. Победители обычно старались пересчитать убитых (иногда и пленников), опознать их и похоронить по христианскому обычаю, и все это проводилось под руководством нескольких рыцарей и герольдов. Так сделал Эдуард III после битвы при Креси (1346 г.). «И тогда он приказал двум весьма доблестным рыцарям отправиться туда, вместе с ними послал в путь трех герольдов распознавать гербы и двух писцов, чтобы вносить в список имена тех, кого они найдут»²². Так же поступил и Черный принц после боя у Нахеры (1367 г.). «И когда все вернулись с поля боя, принц приказал четырем рыцарям и четырем герольдам пройти по полю, чтобы узнать, сколько человек полегло и сколько взято в плен»²³.

К сожалению, эти расчеты, часто приводимые хронистами или упоминаемые в документах, не всегда вызывают доверие: всех пересчитывали или только знатных? Учитывались ли убитые во время «погони», а также смертельно раненные? Не говоря уж о постоянном искушении преувеличить потери побежденных, дабы придать больше славы победителям. Посему пользоваться этими источниками приходится осторожно, сопоставляя их сведения с другими данными, если они существуют.

Анализ целой серии сражений с XI до XV в. позволяет предположить, что побежденные теряли от 20 до 50% убитыми от общего численного состава. В битве при Куртре (1302 г.) пали 40% французских рыцарей, при Касселе (1328 г.) - по меньшей мере половина фламандских ополченцев, при Халидон-Хилле (1333 г.) - 55% шотландских кавалеристов, при Азенкуре и Пуатье - по 40% французских рыцарей²⁴. Вполне достоверными выглядят цифры, приведенные в «Верном слуге», по поводу Равеннского сражения 1512 г., в котором с французской стороны погибли 3000 пехотинцев,

²¹ *Froissarij. Chroniques* / Ed. A. Mirot. Paris, 1966. Vol. XIV. P. 165-166. Наиболее поразительный контраст между потерями, что, естественно, нужно отнести на счет своеобразия мировосприятия, представляют собой последствия победы христиан при Рио Саладо в 1314 г.: 20 убитых конников со стороны победителей против 400 000 перебитых мавров (*Hilgarthj. N. The Spanish Kingdoms 1250-1516. T. I: 1250-1410. Precarious Balance. Oxford, 1976. P. 342*).

²² *Froissarij. Chroniques* / Ed. S. Luce. Paris, 1872. Vol. III. P. 190.

²³ *Ibid.* Paris. 1878. Vol. VII. P. 47.

²⁴ *Stevenson J. Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France [344]. T. III. P. 385-286 (битва при Краване 1423 г.), 394-395 (битва при Вернее 1424 г.)*.

80 тяжеловооруженных кавалеристов, 7 дворян королевского дома и 9 лучников лейб-гвардии²⁵. По окончании сражения при Висби (1361 г.) убитые были погребены в восьми общих рвах; три из них впоследствии стали объектами раскопок, и в них нашли останки 1185 воинов²⁶. В битве при Хеммингштедте в 1500 г. между войсками Иоанна I Датского и крестьянами Дитмаршена, последние, одержав победу, потеряли 5% (300 убитых), а датчане - 30% (3600 убитых) воинов²⁷. Эти данные объясняют, почему люди испытывали страх перед любым полевым сражением: дело не только в катастрофических военно-политических последствиях поражения, но и в чрезвычайно большом риске, которому подвергались люди на протяжении нескольких часов боя. Этим, впрочем, объясняется относительная редкость настоящих баталий, так что даже профессиональные военные за всю свою карьеру участвовали только в одной или двух.

Уже давно считаются верными сведения Макиавелли о кондотьерах, которые так заботились о своем «человеческом материале», что старались сражаться без потерь с обеих сторон²⁸. По поводу битвы при Ангиари (1440 г.) он писал: «При столь полном поражении в столь яростной битве, длившейся целых четыре часа, погиб всего лишь один человек, но погиб не от ран или верного удара, а упал с коня и был затоптан лошадьми. Сражение тогда не представляло никакой опасности; сражались всегда конными в полных доспехах и, сдаваясь в плен, сохраняли свою жизнь; таким образом, люди были всегда защищены от смерти - доспехами, когда сражались, и сдачей в плен, когда больше не могли сражаться»²⁹. В действительности же потери в той битве достигли 900 человек убитыми. Согласно тому же Макиавелли, в битве при Молиanelle (1467 г.) «никто не погиб, лишь несколько кавалеристов с обеих сторон были ранены и несколько взяты в плен»³⁰. И здесь опять большое преувеличение, ибо цифра - 600 убитых - кажется более правдоподобной. Однако в войнах XV в., особенно среди итальянцев, если не вмешивались иностранные войска (французские, испанские, турецкие), потери и впрямь были очень невелики: подсчитано, что из 170 капитанов, под командованием каждого из которых было более двухсот копий, погибла в бою лишь дюжина. Процент потерь среди простых солдат, кажется, был не намного выше³¹.

²⁵ Gaier C. Art et organisation militaires... [112]. P. 67-79.

²⁶ Histoire du gentil seigneur de Bayait... P. 330.

²⁷ Gaier C. Op. cit. P. 73.

²⁸ Lammers W. Die Schlacht bei Hemmingstedt... [64].

²⁹ Block W. Die Condottieri... [491].

³⁰ Machiavel N. Œuvres complètes / Trad. E. Barincou. Paris. 1958. P. 1224.

³¹ Mallett M. Op. cit. P. 197. - В отряде Микелетто дельи Аттендоли с 1425 по 1449 г. из упомянутых в списках 512 кондотьеров умерло 25 человек, т. е. в среднем по одному в год, из них лишь 15 погибли в сражениях (Del Treppo M. Gli Aspetti organizzativi, economici e sociali di una compagnia di Ventura [499]).

Однако дело было не только в страхе смерти: перспектива оказаться в плену и быть вынужденным платить разорительный выкуп, несомненно, порождала другой трудноизмеримый страх. Правда, риск смерти, присущий всякой жизни, даже самой далекой от войны, в силу высокой естественной смертности, мог обесценить риск случайной смерти во время военных действий.

Средневековые общества, будучи обществами военными, сделали мужество в бою одной из своих главных ценностей. Часто право командовать ставили в зависимость от личной доблести, об этом свидетельствуют прозвища многих князей и королей (Ричард Львиное Сердце, Иоанн Бесстрашный, Болеслав Храбрый, Людовик Воитель)¹². Мужество считалось «достоинством», которое доставалось в удел не всем, достоинством, которое постоянно ставили под сомнение и боялись утратить. Тема упадка рыцарства, изнеженности воинов и народа встречается в произведениях светских, а чаще, вероятно, церковных авторов на протяжении почти всего Средневековья.

¹² «Его сын Филипп Храбрый, которого впоследствии прозвали Трусливым» - так отзывается английская хроника о бургундском герцоге (Anonimale Chronicle / Ed. V. H. Galbraith. Manchester, 1927. P. 40). О необходимости военной доблести для государя писал еще Монтень: «Если бы кто-нибудь вздумал доказывать, будто гораздо лучше, чтобы государь вел войны не сам, а поручал ведение их другим лицам, он нашел бы среди многообразия человеческих судеб немало примеров, когда назначенные государями полководцы успешно завершали за них великие предприятия; он натолкнулся бы и на таких государей, чье присутствие в войске приносило скорее вред, нежели пользу. Но ни один решительный и смелый монарх не потерпит, чтобы ему приводили столь постыдные доводы! Под предлогом желания уберечь свою жизнь ради блага всего государства - точно речь идет об изваянии какого-нибудь святого - иные из государей уклоняются от выполнения своего долга, который главным образом и состоит в военных деяниях, и тем самым уличают себя в неспособности к ним» (Монтень М. Опыты. М.; Л., 1958. Кн. 2. С. 411-412).

ГЛАВА X

ВОЙНА: ЮРИДИЧЕСКИЕ, ЭТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ

По своей природе война, быть может, более, чем любой другой вид человеческой деятельности, должна иметь правовые и нравственные основания в обществе, которое ее ведет. Полагать, что люди почти никогда не желали войны как примитивного, грубого, чистого насилия и такой ее не видели и не считали, отнюдь не значит впадать в идеализм и отрываться от реальности. Ее как бы прикрывали, маскировали системой идей, восходящих к обычаям, праву, морали и религии, - механизм, по своей сути предназначенный для того, чтобы «приручить» войну, направлять и использовать ее. Словом, война - это феномен культуры. Представление, какое составляет о ней эпоха или общество, более или менее ясно проявляется в том, как ее начинают, ведут и завершают. Война дает возможность историку или социологу изучить соотношения между реальностью и нормой, практикой и этикой, действием и правом.

1. РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ГЕРМАНСКИЕ ОБЫЧАИ. ОТЦЫ ЦЕРКВИ. ХРИСТИАНСКИЙ МИР ЭПОХИ КАРОЛИНГОВ

Собирая осколки Римской империи, короли варваров вели свои войны по германским обычаям. Война рассматривалась как своего рода *тяжба* (*Judicium belli*), в которой обе стороны, дабы выяснить, кто прав, сходятся на поле боя. Эта концепция нашла отражение в речи, которую Григорий Турский вложил в уста Гундобальда, который, в частности, говорит: «Когда сойдемся мы на одном бранном поле, тогда господь покажет, сын я Хлотаря или нет»¹. Иногда вместо сражения между двумя армиями устраивали поединок, в котором участвовали два предводителя или их лучшие воины. Такая практика, также засвидетельствованная Григорием Турским², была присуща не только германцам: в 971 г., например, обсуждался план поединка между византийским

¹ Григорий Турский. Указ. соч. С. 208.

² Там же. С. 28. Имеется в виду конфликт между аламанными и вандалами («Воин Тразамунда был убит, и Тразамунд обещал уйти из Испании...»).

императором Иоанном Цимисхием и русским князем Святославом, дабы урегулировать спор, не жертвуя людьми». Подобные планы, по правде говоря, почти никогда не осуществлявшиеся, можно найти в истории Запада до самого конца Средневековья¹.

Существовал и другой обычай, уже германского происхождения: решающие сражения иногда устраивали на берегах рек (например, битва при Фонтенуа, состоявшаяся 25 июня 841 г.²).

Чтобы победа была несомненной и общепризнанной, победителю нужно было оставаться на поле боя целый день и даже три дня, если речь шла о «назначенном сражении»; это было время, необходимое, по древнегерманскому праву, для приобретения имущества: приобретавший имущество, действительно, должен был провести там три дня подряд (*sessio triduana*). Этот обычай сохранялся в течение многих веков: так, Людвиг Баварский, победив при Мюльдорфе (1322 г.) Фридриха Австрийского, пренебрег этим правилом; и это было «не по обычаю военных» (*contra morem bellantium*), швейцарцы же, напротив, после сражений при Земпахе (1315 г.) и Грансоне (1476 г.) его соблюли³; правило «трех дней» упоминается еще в XVI в. Филиппом Клевским⁴.

Раздел добычи проводился по весьма строгим правилам, о чем свидетельствует, например, знаменитый случай с Суассонской чашей. Обычно после боя армия собиралась в обозначенном веревкой месте, в центре которого устанавливалось боевое знамя, а вокруг него сваливалась добыча. Что касается пленников, то их часто умерщвляли: король франков Теодоберт I в 539 г., во время итальянской кампании, велел бросить остготских женщин и детей в р. По: Видукинд Корвейский, имея в виду судьбу саксов, тогда еще язычников, пишет: «Всех взрослых предали смерти, а детей оставили себе в качестве добычи»; и в другом месте: «Добыча, захваченная в городе, была роздана воинам, все взрослые были убиты, женщины и дети отданы в рабство»⁵. Избиение пленников - как язычников, так и христиан, иногда в больших масштабах - происходило довольно часто на протяжении всего раннего Средневековья, но долгое время нормальным считалось и обращение побежденных в рабство. Если захваченных в плен было очень много, их распределяли по территории страны.

¹ Здесь уместно вспомнить о поединке Давида с Голиафом, который может послужить примером для подражания.

² *Contamine Ph.* L'idée de guerre à la fin du Moyen Age: aspects juridiques et éthiques [924a].

³ *Нитхард.* История в 4-х кн. / Пер. с лат. А. И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 120. Другие примеры цит. в кн.: *Cram K. G.* *Judicium belli...* [1012]. - Сражения Отгона Каринтийского в долине Brenty в 1002 г., Болеслава II - на Буге в 1008 г., Рудольфа фон Рейнфельдена - на р. Неккаре в 1077 г., Болеслава III - на р. Чидлине в 1110 г., Альберта Австрийского - на р. Эльце в 1298 г.

⁴ *Conrad H.* *Geschichte der deutschen Wehrverfassung* [105].

⁵ *Philippe de Cleves.* *Instruction de toutes manières de guerroyer.* Paris, 1558. P. 84.

⁶ *Видукинд Корвейский.* Указ. соч. С. 134, 147.

«В то время, когда выдающийся король франков Хлодвиг вступил со своей армией в земли вестготов и убил Алариха, короля готов, он захватил бесчисленное количество пленников, которые были распределены и расселены по всем областям»⁹. В значительной мере война объясняет высокий процент рабов среди населения¹⁰.

Тем не менее, мысль об ограничении насилия, грабежа была не чужда варварским обществам. Страх перед Высшей карой, желание получить покровительство Бога или святых заставляли предводителей умерять или даже запрещать опустошения. Во время войны с вестготами Хлодвиг запретил своим людям грабить земли Тура: «Хлодвиг, из уважения к св. Мартину, приказал, чтобы никто ничего не брал в этой области, кроме травы и воды»¹¹. Каролингские капитулярии также свидетельствуют о том, что государи проявляли заботу о предотвращении необузданных грабежей как ради успокоения населения, так и ради поддержания дисциплины¹². Щадить жизни пленных в расчете на богатый выкуп вынуждала победителей алчность. «Когда франки разрушили все укрепленные города, они всех жителей взяли в плен, но что касается горожан Ферруги, то, благодаря вмешательству епископов Ингенуина Савонского и Аньелло Тридентского, им позволили выкупиться за сумму от 1 до 600 солидов за человека»¹³.

В ходе военных действий то и дело появлялись юридические нормы: войну объявлял герольд, привозивший вызов, либо в сторону противника, либо в ворота города, который собирались осадить, он метал оружие. В вестготской Испании, как и в лангобардской Италии, сохранялись римские обычаи, и определения *военного права* (*jus militare*) и *права народов* (*jus gentium*), данные Исидором Севильским, почти полностью соответствовали понятиям римской культуры¹⁴.

Долгое время не влиявшие на поведение варварских государей, христианские воззрения на войну глубоко преобразились со времени обращения Империи и императоров в новую веру: следы пацифизма, сохранившиеся в сочи-

⁹ Vita Eptadii // Acta Sanctorum. Aug. T. IV. P. 775-781.

¹⁰ Duty G. Guerriers et paysans... [158]. P. 42.

¹¹ Григорий Турский. Указ. соч. С. 55.

¹² Conrad H. Das Wehrstrafrecht... [153].

¹³ Paul Diacon. Historia Langobardorum, III, 31.

¹⁴ «Военное право распространяется на правила объявления войны, обязательства при заключении союзов, приемы нападения на противника, начало или завершение боя по данному сигналу; оно также определяет: наказание за оставление поста - лишнее бесчестие; почетные вознаграждения, в том числе короной или цепью, и распределение добычи с выделением государственной части» (Isidorus. Etymologiae V, 7). Право народов распространяется на «завоевание мест, постройку и укрепление поселений, а также войны, взятие в плен, обращение в рабство, право возвращения на родину, мирные договоры, перемирия, обязательство уважения послов, запрет браков между иностранцами: название «право народов» происходит оттого, что им пользуются все народы» (Ibid., V, 6).

нениях Тертуллиана¹⁵, Оригена¹⁶, Лактанция¹⁷, стерлись и забылись, даже тогда, когда Сульпиций Север или Паулин Нольский настойчиво рекомендовали отказаться от участия в войне не только клирикам, но и вообще всем желающим достичь совершенства в христианской жизни¹⁸. В Ветхом Завете отражены образ воинственного Бога, ниспосылающего войну против врагов своего народа, и военные подвиги Авраама, Моисея, Иосифа, Самсона, Иеффая, Гедеона, Давида, Иуды Маккавея. В заповедях Нового Завета - не противиться злу, подставлять другую щеку, любить врагов своих и вложить меч в ножны - говорится об осуждении не войны, а лишь индивидуального, личного насилия; напротив, изыскивали отрывки, где военная профессия являете/ обычной и законной: Иоанн Креститель, наставляющий воинов никого не притеснять, не клеветать и довольствоваться своим жалованьем или предписывающий мытарям не требовать больше определенного им; Христос, похваляющий веру сотника; сотник Корнилий из Деяний апостолов; оправдание войн Израиля в Послании евреям¹⁹.

Миланский епископ св. Амвросий, в прошлом занимавший высокую административную должность, смог понять всю тяжесть ответственности светской власти; он был первым из тех отцов Церкви, кто полностью оправдывал войну ради защиты отечества от варваров, а общества от бандитов²⁰. Он даже некоторым образом христианизировал войну, если она ведется в основном против варваров ариан. Имея в виду замену Константином после 317 г. римского орла на лабарум (labarum) с греческими инициалами имени Христа, св. Амвросий писал: «Господи, обрати и вознеси хоругви к вере твоей. Это уже не воинственные орлы, не птицы армию ведут, но, Господи Иисусе, имя твое и вера в тебя»²¹. Из тех же побуждений Константин вделял гвозди со Святого Креста, присланные св. Ириной, в удила и шлем. У Пруденция «римский мир» (pax romana) и «христианский мир» (**pax Christiana**) совпадают по смыслу. Афанасий Великий провозглашает убийство врага в справедливой войне похвальным деянием. В начале V в. христианизация армии официально была завершена: эдиктом Феодосия II из армии исключались все, кто порочил себя языческими обрядами.

¹⁵ *Tertullianus*. De Idolatria // Patr. Lat. T. 1. P. 61. - «Разоружив Петра, Господь разоружил всех солдат. Не дозволено ни одно состояние, сопряженное с незаконными действиями».

¹⁶ *Origenes*. Contra Celsum, V, 3. - «Копья, коими мы некогда сражались, мы перековали на косы; мы не поднимем больше меч ни на один народ <...> ибо Христос сделал нас сынами мира».

¹⁷ *Lactantius*. De divinis institutionibus, VI, 20. - «УОИЙСТЕО запрещено <...> Убивать людей запрещено навсегда, ибо Господь пожелал, чтобы жизнь их стаза священной».

¹⁸ *Sulpice Sévère*. Vie de saint Martin / Ed. J. Fontaine. Paris. 1967. T. 1. P. 260-261; *Paulinus Nolanus*. Epistola, XVIII, 7.

¹⁹ Lc 3, 14; Mt 8, 5-13; Le 7, 1-10; He 10, 32-34; Ac 11, 1.

²⁰ *Ambroise*. De officiis ministrorum. I. 27.

²¹ *Id.* Contra Symmachum // Patr. Lat. T. LX. P. 227-230.

Очень сильное влияние на всю последующую средневековую мысль оказало мнение св. Августина в теологических и этических вопросах. По его мнению, полный мир на земле невозможен и нет надежды, что мечи навсегда будут перекованы на орала («Никогда люди не будут жить в безопасности, не боясь нападений, угрожающих жизни»)²². Поэтому даже в истории града христианского есть место войне как постоянной борьбе с язычниками, еретиками, маловеерами и даже собратьями по вере.

Однако этот исконный пессимизм не оборачивается осуждением всех войн. Некоторые войны могут быть справедливыми, если они ведут к установлению мира и справедливости. Справедливая война - это прежде всего борьба за справедливость, за стабильный порядок (*tranquillitas ordinis*). Напротив, если же война ведется из алчности, страсти к господству, то это не что иное, как просто разбой.

Кара за нанесенный ущерб, возвращение несправедливо похищенного - вот смысл справедливой войны, даже если ее начинают по собственной инициативе. Тем более справедливой является оборонительная война ради защиты себя и своего имущества, не «ради людской хвалы», но «по необходимости защищать жизнь и свободу», какую ведут римляне, отражая натиск варваров²³.

Другое условие справедливой войны носит более формальный характер: она должна объявляться и вестись под эгидой государя; именно на правителя возложена ответственность за объявление войны, и его роль столь значительна, что если он затеет несправедливую войну, то весь грех ляжет на него одного, а не на его солдат - долг повиновения делает их невинными.

Св. Августин видел в войне не только следствие греха, но и средство от греха, карательную санкцию, исполнителями которой являются воюющие. Его знаменитое выражение «справедливая война карает за несправедливость» (*justa bella ulscicuntur injurias*) означает, как у Цицерона, не только то, что справедливая война имеет целью возмещение убытков и восстановление «довоенного статус-кво» (*statu quo ante bellum*), но и то, что государь выступает в роли бича Божьего и его вдохновенные любовью действия благодатны даже для тех, против кого направлены. Кто сильно любит - сильно наказывает, так можно было бы резюмировать взгляды св. Августина²⁴.

Следовательно, справедливость войны основана на состоянии духа, движимого совестью. Поэтому нужно держать свои обещания, данные противнику, избегать бессмысленного насилия, осквернения церквей, жестокости и мстительности; ибо свирепость-знак войны, которую ведут из склонности к убийству, а не из любви к справедливости, - и она обнаруживает злой умысел. «Жажда зла, мстительная жестокость, неумолимость, непримиримость, необуздан-

²² *Augustin. De civitate Dei*, XVIII, 13.

²³ *Ibid.*, III, 10.

²⁴ *Rüssel F. H. The Just War in the Middle Ages* [947]. P. 16-39.

ная свирепость, страсть к господству и другие подобные устремления - вот что по праву осуждается в войнах»²⁵.

С этой точки зрения св. Августин допускал, что христианская вера способна смягчить жестокость войны: признанное, законное наказание, осуществляемое *справедливой войной*, будет умеряться Нагорной проповедью. И, наконец, само собой разумеется, что если война соответствует некоему состоянию общества, то люди, по своим обязанностям или призванию стоящие выше других, должны от нее отказаться: не только клирики в силу своего священного достоинства не могут проливать кровь, тем более монахи, обитель которых является прообразом небесного Иерусалима и которые по этой причине воздерживаются от военных действий, как они отказываются от собственности и от брака.

Несмотря на неясность вопроса, связанную с недостатком источников, в каролингские времена войны между христианами, по-видимому, несколько утратили ожесточенность и животную свирепость, свойственные им в меровингскую эпоху. Битва при Фонтенуа (25 июня 841 г.), произошедшая во время братоубийственной войны, была выиграна Карлом Лысым и Людовиком Немецким. И Нитхард рассказывает, что победители решили не преследовать побежденных, дабы, «<...> враги, наказанные Божьим судом и этим поражением, оставили свои незаконные помыслы и с Божьей помощью соединились с ними воедино». Именно эта «милость Господня» прервала кровавую бойню и грабеж, это она пробудила милосердие к убитым и раненым и дала прощение бежавшим. Тот же Нитхард высказывает мысль, что война или сражение являются предметом морального суждения: коль скоро воля Божья была ясна, то «<...> союзники боролись за право и справедливость <...>» Поэтому невинным считается каждый священник, посоветовавший вступить в бой или даже принявший в нем участие; однако тот, кто из гнева, ненависти, тщеславия или другого злого чувства посоветовал или совершил предосудительное деяние, «<...> должен в тайной исповеди покаяться в сокрытых грехах и получить воздаяние по мере своей». Тем не менее, всем воинам после сражения предписывался трехдневный пост²⁶.

Это событие, о котором мы знаем благодаря надежному источнику, показывает не только то, что сражение воспринималось как Божий суд и что справедливость непременно была на стороне победителя, но, в соответствии с требованиями христианской морали, оно обнаруживает желание ограничить ужасы войны, ибо даже в справедливой войне некоторые действия могут считаться преступными. Если война справедлива, то участвующих в ней клириков не в чем упрекнуть, однако, какой бы война ни была, она всегда оскверняет и требует очищения всеобщим покаянием.

²⁵ *Augustin. Contra Faustum* // *Patr. Lat. T. XLII. P. 447.*

²⁶ *Нитхард. Указ. соч. С. 121, 122.*

В ту же эпоху постепенно исчез обычай обращать военнопленных в рабство. Выкуп пленников - благочестивая миссия святых людей в меровингские времена - утратил смысл. Практика убийства пленных или их порабощения, работоторговля оказались на периферии западнохристианского мира. Отныне подобные действия допускались только при столкновениях с язычниками. Папа св. Николай I в своем знаменитом Послании болгарам (*Ad consulta Bulgarorum*: 866) писал, что они свершают великий грех, после победы убивая врагов и отнимая жизнь у женщин и невинных детей («Мы знаем, что вы поступили так скорее по неведению, нежели по злоумышлению; тем не менее, вы должны принести покаяние»)²⁷. Иначе говоря, болгары, недавно обратившиеся в христианскую веру, не осознавали своего заблуждения; то, что было нормой для язычников, стало предосудительным для христиан.

Благодаря точной и строгой классификации раскаяния и покаяния и благодаря убеждению, что пролитие крови при любых условиях является осквернением, требующим очищения, обычай налагать официальное покаяние на всякого свершившего убийство воина просуществовал до XI в. Еще Василий Великий (330-379 гг.) рекомендовал на три года лишать причастия всех, кто пролил чью-либо кровь на войне. Кентерберийский архиепископ Теодор (668-690 гг.) проявлял меньшую строгость. В послании священнику Эоде он писал: «Кто убил человека по приказу своего сеньора, тот не должен посещать церковь в течение сорока дней, а свершившему убийство на войне должно сорок дней каяться»²⁸. В англосаксонском пенитенциалии той же эпохи находим схожие слова: «Если в королевстве король выводит армию против восставших или бунтовщиков и ведет войну в защиту королевства и христианской справедливости, то на совершившего в этих условиях убийство не падет тяжкий грех; но по причине пролития крови пусть тот не посещает сорок дней церковь и постится несколько недель, и когда смиренный и примиренный будет принят епископом, то пусть получит причастие через сорок дней. Если на земли нападут язычники, грабя церкви и вызывая христианский народ на войну, то учинивший убийство не совершает тяжкого греха, и пусть он только не посещает церковь в течение семи, четырнадцати или сорока дней, а затем, очистившись, получит допуск в церковь»²⁹. Согласно пенитенциалию Беды, солдат, убивший во время войны, должен соблюсти сорокадневный пост³⁰. Такое же покаяние и на тот же срок находим в двух более поздних пенитенциалиях: «*Paenite-*

²⁷ *Patr. Lat. T. CXIX. P. 978-1016.*

²⁸ Св. Василий требовал одиннадцать лет покаяния за человекоубийство; за убийство, совершенное на войне, наказание полагалось не всегда, виновным лишь советовали в течение трех лет воздерживаться от причащения (*Dictionnaire de théologie catholique. Vol. XII. P. 790-791*).

²⁹ *Cross J. E. The Ethic of War... [958].*

³⁰ *Vogel C. Le pécheur et la pénitence au Moyen Age. Paris, 1969. P. 77.*

ntiale Vallicellianum primum») (вторая половина VIII в.), и в «Paenitentiale Vallicellianum secundum» (конец X в.), но в последнем уточняется, что поститься нужно «на хлебе и воде» (in pane et aqua). Пенитенциалий Арунделя (конец X в.) возвращается к трем годам покаяния, предусмотренным св. Василием для тех, «кто убил врага за свободу отчизны». Фульберт Шартрский в начале XI в. требует только одного года³¹. В ту же эпоху Бурхард Вормсский в трактате «Исправитель или лекарь» (Corrector sive inedicus) предлагает исповедникам задавать кающимся вопросы, которые выдают влияние св. Августина: «Убил ли ты по приказу законного государя, ведшего войну за восстановление мира? Убил ли ты тирана, который старался нарушить мир? Если да, то ты будешь соблюдать три поста в предписанные дни. Но если убил не по приказу законного государя, то необходимо совершить покаяние, как за своевольное убийство»³².

Из этих пенитенциалиев следует, что можно и нужно проводить различие между войнами несправедливыми, где человекоубийство сурово наказывается, и войнами оборонительными, законными, где совершающие убийства подлежат покаянию, но весьма легкому³³. Подобное суждение предполагает такую войну, на которой каждый сражающийся, как предполагается, знает, совершил он преступное убийство или нет. И если оно расходится с мнением св. Августина, для которого на войне, даже несправедливой, любой солдат остается невинным, ибо он лишь повинуется государю, то, несомненно, не столько по причине обострения чувства личной ответственности, сколько из-за изменения принципа набора армий, где понятие обязательной службы стало весьма абстрактным.

По мнению некоторых, всякое покаяние, даже самое малое, за убийство на справедливой войне неоправданно. Об этом свидетельствует послание Рабана Мавра, которое было написано вскоре после битвы при Фонтенуа и включено в его же пенитенциалий, а затем в трактат «О синодальных делах и церковных наставлениях» (De Synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis) Регинаона Прюмского и в «Декреты» Бурхарда Вормсского³⁴: «Кое-кто извиняет убийства, учиненные недавно во время распри и сражения между нашими государями, полагая, что нет нужды каяться в этом, поскольку война велась по приказу государей и Бог будет им судьей <...> [Но] желающим оправдать это ужасное побоище следует подумать, смогут ли они пред очами Господа представить невинными тех, кто презрел Бога вечного из алчно-

³¹ Dictionnaire de la théologie catholique. Vol. XIV. P. 1972-1981.

³² Vogel C. Op. cit. P. 82.

³³ Для сравнения скажем, что некоторые пенитенциалий предусматривали три года покаяния за убийство, совершенное в гневе, один год - за случайное убийство, семь лет - за отравление или иное умерщвление «хитростью» и десять лет - за убийство во время ссоры.

³⁴ Patr. Lat. T. CX. P. 471; T. XXXII. P. 295; T. CLXI. P. 736.

сти, источника всех зол <...> и из-за покровительства своих светских сеньоров и кто, поправ Его заповеди, учинил это человекоубийство не случайно, а по своей воле»³⁵.

По меньшей мере, в двух случаях Церковь потребовала всеобщего покаяния за участие в открытой войне.

1. После кровопролитного боя у Суассона в воскресенье 15 июня 923 г., когда войска Карла Простоватого взяли верх над армией «тирана» Роберта, графа Парижского и узурпатора королевской короны, Синод в Реймсе вынес следующее постановление о покаянии участников с обеих сторон: «Пусть они на протяжении трех лет во время трех постов совершают покаяние и в первый пост не посещают церкви, а затем примиряются, причастившись. Во второе, четвертое и шестое воскресенья во время этих трех постов пусть воздерживаются от хлеба, соли и воды, если не искупятся; то же самое пусть делают пятнадцать дней до Рождества св. Иоанна Крестителя и пятнадцать дней до Рождества Спасителя и каждое шестое воскресенье на протяжении всего года, если только не искупятся или на эти дни не выпадут праздники, или не заболеют, либо не будут призваны на войну»³⁶.

2. В 1070 г., через четыре года после битвы при Гастингсе, собор нормандских епископов под председательством Эрменфрида наложил покаяние на воинов Вильгельма Завоевателя, и это несмотря на то, что завоевание было совершено под знаменем папы и направлено против клятвопреступника³⁷.

Религиозное сознание в период раннего Средневековья было еще более чувствительным к проблеме участия в войне клириков. В 400 г. Толедский собор заявил, что «если кто-нибудь после крещения участвовал в войне и носил хламиду или португю и даже не совершил более тяжких поступков, то, став клириком, он не получит чина дьякона». В 451 г. Халкедонский собор запретил клирикам и монахам вступать в армию. Этот запрет, который в общем был частным случаем запрещения служителям Бога участвовать в мирских делах³⁸, оставался в силе и позднее. Он был восстановлен капитулярием Карла Великого (ок. 769 г.) в следующем, более детальном изложении: «Мы полностью запрещаем клирикам носить оружие и ходить на войну, за исключением тех, кто был избран по причине их сана для служения мессы и несения святых мощей. Поэтому государя могут сопровождать один или два епископа

" Monumenta Germaniae historica. Epist., V. 464.

" Dictionnaire de théologie catholique. Vol. VII. P. 1605; *Mansi. Amplissima collectio*. T. XVIII. P. 345-346.

" См. также постановления Винчестерского собора 1076 г., в соответствии с которыми за убийство полагался один год покаяния; если же человек не знает, какова судьба раненного им. то - сорок дней покаяния: если он не знает, сколько человек убил, то должен каяться один день в неделю в течение всей своей жизни. Что касается лучников, которые обычно не представляют, какой они нанесли урон, то они должны каяться трижды по сорок дней.

" 2 Tim. 2.

со своими капелланами. А всякий военачальник пусть держит при себе священника для исповедания воинов и наложения епитимьи»³⁴. Еще более жестокое постановление вынес Трибурский синод 895 г., запретивший зауспокойную службу по клирикам, убитым в драке, на войне или во время языческих празднеств, не возбраняя, однако, их христианского погребения.

Естественно, что эти исходившие от духовных и светских властей предписания далеко не всегда соблюдались. Клирики носили оружие, дрались, убивали, без смущения вливались в отряды солдат, вместе с тем могли быть неводержанными пьяницами и заядлыми охотниками.

В любом случае запрет не мог касаться клириков, которые в силу политических обстоятельств были наделены мирскими полномочиями. В меровингскую эпоху епископ как «защитник города» (*defensor civitatis*) обязательно был связан с военными делами. В войнах своего времени участвовали св. Арнульф и св. Элигий. При Каролингах такое положение дел закрепилось: Карл Великий желал, чтобы епископы и аббаты сопровождали его во время кампаний, если только они не пользовались привилегиями или иммунитетом, и это несмотря на протесты, например, патриарха Паулина Аквилейского, писавшего королю франков в 789-790 гг., что священники не могут служить двум господам и должны сражаться с помощью духовного оружия³⁵.

Эта, подчас невольная, милитаризация высшего духовенства только усилилась при норманнских, сарацинских и венгерских нашествиях, обрушившихся на Запад начиная со второй половины IX в. К таким же последствиям вела и братоубийственная борьба между франками. Источники сообщают, что между 886 и 908 г. в сражениях погибли десять немецких епископов. Епископ Бернارد был командующим силами императора Отгона III (около 1000 г.) и сражался с помощью копья, в которое в качестве реликвий были вбиты гвозди из истинного Святого Креста. Даже папы не могли этого избежать: в середине X в. Иоанн XII с оружием в руках защищал Рим.

Глубоко вовлеченная в войны своего времени, церковная иерархия по тем же причинам неизбежно секуляризировалась в своих нравах, принципах формирования и даже по внешнему виду. Параллельно она была вынуждена сакрализовать и идеализировать воинские ценности. Эта тенденция особенно ясно прослеживается на уровне папства: по разным случаям - сначала ввиду лангобардской, затем сарацинской угрозы - папы обещали вечное спасение всем, кто возьмется за оружие, дабы защитить Римскую Церковь. Так, Стефан II

³⁴ » *Vogel C. Op. cit. P. 192-193.*

³⁵ См. также лежакитулярии Бенедикта Левита (после 847 г.), согласно которым епископы служат лучше, если остаются в своих епархиях и молятся за успех оружия, а не следуют за армией («Когда Моисей, воздевая руки, молил небеса. Израиль **одерживал** победы»). Обычно армию должны были сопровождать во время походов лишь два или три епископа, но без оружия, чтобы молиться и хранить святые мощи и священные сосуды (*Prinz F. Klerus und Krieg... [205]*).

в 753 г. говорил: «Будьте уверены, что за борьбу, которую вы поведете в защиту Церкви [св. Петра], вашей матери духовной, Царь апостолов отпустил ваши грехи». Веком позже то же говорил Лев IV: «Для тех, кто умрет в сражении [с сарацинами], царствие небесное закрытым не будет».

Итак, военная деятельность и пастырские заботы были вполне совместимыми, свидетельством чего является жизнь Адальберона I, епископа Меца (929-962 гг.), физически крепкого прелата и реформатора монастыря Горце, или жизнь архиепископа Кельнского, св. Бруно (953-965 гг.), реализовавшего свой тройственный идеал «мир, страх и ужас» (*pac, timor et terror*)⁴¹.

2. БОЖИЙ МИР И БОЖЬЕ ПЕРЕМИРИЕ. РЫЦАРСКАЯ ЭТИКА И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Хотя раннее Средневековье (особенно с VIII по X в.) и принесло некоторые изменения концепции войны, которые следовало бы определить более четко, все же более плодотворным был период с 1000 г. до начала XII в. Различные течения современной историографии стремятся подчеркнуть сложность этого периода; одно из них выделяет целостную программу мира, возникшую на Западе: это не просто борьба с грабежами, парализовавшими повседневную жизнь, но, так сказать, метафизическая и космологическая борьба со всеми виновниками насилия и беспорядка на уровне тела, души и общества⁴²; другое течение выявило органическую связь между движениями за мир, появлением рыцарства и становлением идеи крестовых походов⁴³; третье акцентирует преобразование социальных отношений, напряженные отношения и конфликты не столько между Церковью и светскими сеньорами, сколько между магнатами и бедными, что отражает эволюцию понятий, идеалов и ценностей⁴⁴. По большому счету перестройка общества происходила, не без волнений и кризисов, именно в соответствии с представлением о мире и благодаря ему. Что можно взять из этих исследований, нередко частных, иногда весьма противоречивых, для того сюжета, который нас занимает?

Прежде всего - факты⁴⁵. Первый период - время Божьего мира (975-1025 гг.), или, если использовать понятия той эпохи - «договор о мире», «установление мира», «восстановление мира и справедливости», «мир, подле-

⁴¹ См.: *Ruolger. Vita Brunonis // Acta Sanctorum. Oct. T. V. P. 698-765.*

⁴² *Bennaud-Delamare R. Fondements des institutions de paix au XIe siècle [965].*

⁴³ *DubyG. L'an mil. Paris, 1967.*

⁴⁴ *Fossier R. Les mouvements populaires en Occident au XIe siècle// A1BL. 1971. P 257-269; Werner E. Pauperes Christi. Studien zu sozial-religiösen Bewegungen in Zeitalter des Reformpapsttums. Leipzig, 1956.*

⁴⁵ *Hoffmann H. Gottesfrieden und Treuga Dei [979]; Cowdrey E. H. J. The Peace and the Truce of God in the Eleventh Century [975].*

жащий восстановлению» (*pactum pacis, constitutio pacis, restauratio pacis et iustitiae, pax reformanda*). Во время собора в Пюи в 975 г. епископ Ги Анжуйский собрал на открытом воздухе на поле Сен-Жермен крестьян и рыцарей своей епархии, «чтобы услышать, каково их мнение о поддержании мира». Он сразу же прояснил всю важность вопроса, сказав: «Поскольку мы знаем, что без мира никто не узрит Господа, то предупреждаем людей, во имя Господа, чтобы они стали сынами мира». Главным результатом стала клятва: рыцари волей-неволей должны были поклясться, что будут уважать владения церкви и крестьян, по крайней мере, тех, что живут за пределами тех земель, которые эти рыцари держат в качестве аллодов, бенефициев или комменд. Епископ Ги столкнулся с сопротивлением, которое он преодолел благодаря вооруженной помощи своих родственников - графов Бриуда и Жеводана: это значит, что движение за мир было направлено не против магнатов вообще (магнаты были заинтересованы в том, чтобы имущество зависимых от них людей защищалось), а только против грабителей и возмутителей спокойствия. На последующих ассамблеях мира будут вместе трудиться представители трех категорий светского общества: князья, знать и народ (Рауль Глабер).

Собор в Шарру (июнь 989 г.), собравший епископов Аквитании под председательством Гомбо, архиепископа Бордо, провозгласил тройное проклятие: разорителям церквей; расхитителям «имущества крестьян или других бедняков, как то: овец, быков, ослов, коров, коз, козлов, свиней, если только это случилось не по собственной вине» владельцев; и, наконец, тем, кто совершает насилие над клириками, не носящими оружие. Таким образом, защита крестьян была весьма ограниченной: она касалась лишь захвата имущества, если он был несправедливым. Собор в Верден-сюр-ле-Ду (1016 г.) пошел дальше, обещая защиту самих крестьян во время войны.

За первым этапом, когда требовалась только клятва, последовал второй, когда появились лиги мира. Инициативу взял на себя Эмон, архиепископ Буржа, в 1038 г., когда обязал всякого верного христианина с 15-летнего возраста объявить себя врагом нарушителей мира и обещать в случае необходимости встать за оружие против них.

Так появились границы движения за мир: оно стремилось покончить с каждодневным насилием, незаконными изъятиями и штрафами, с *грабежами* и *набегами* (*depraedationes et invasiones*). Поэтому земли, сами люди (клирики, купцы, паломники, крестьяне, знатные женщины и их свиты в отсутствие мужей, вдовы, монахини и др.) пользовались особым покровительством. Речь шла также об ограничении *файды*, или кровной мести (*wegga*); но что касается «большой войны» (*войны* в прямом смысле слова), которая ведется публичной властью с помощью войска и военных походов, то на нее эти меры не распространялись.

Божье перемирие (*treuga Dei*) следует тем же настроениям, хотя и имеет свои особенности. Оно появилось на соборе в городе Тулуз (1027 г.); согласно «договору, или перемирию» (*pactum sive treuga*), который был провозглашен там и распространялся на епархию Эльн и графство Руссильон, всякое насилие должно быть приостановлено с девятого часа в субботу вечером до часа первой молитвы в понедельник утром: постановление того же порядка, что и постановление, запрещающее по воскресеньям судебные тяжбы, ручной труд и торги.

В 1041 г. епископ Прованса, несомненно, под влиянием аббата Клуни Одилона, от своего имени и от имени всех епископов Галлии отправил епископам Италии послание, в котором просил их принять и хранить «Божий мир и перемирие, кои нам ниспосланы с небес Божьим милосердием и коих мы твердо держимся, приняв их. Они состоят в том, чтобы с начала вечерни в четверг и до восхода солнца в понедельник утром среди всех христиан, друзей и врагов воцарялись твердый мир и перемирие».

Несколько лет спустя Божье перемирие было введено в Аквитании, в Бургундии, в Нормандии, в епархиях Вьенна и Безансона. Папство, сначала во времена Николая II, а затем Урбана II, оказало, в свою очередь, содействие в распространении движения за мир на все христианские страны. К прежним были добавлены новые периоды воздержания от войны: Рождественский пост, Рождество, Великий пост, Пасха, время между Вознесением и Пятидесятницей, включая оба праздника, три праздника Девы Марии и дни некоторых святых.

Движение за мир, в двух своих проявлениях, имело разнообразные последствия. Возникшее из-за несостоятельности публичной власти в некоторых странах Запада, оно побудило королей и князей взять инициативу на себя: Людовик VII в 1155 г. указом против «нарушителей мира» предусматривал «подавление разгула зловерности и обуздание насилия разбойников»⁴⁶; Фридрих Барбаросса в 1158 г. провозгласил мир во всей Италии; многочисленные «земские миры», коими отмечена история Священной Римской империи, порождены той же идеей. В результате война не была изжита, а лишь стала уделом небольшого числа власть имущих, обладавших, по словам Макса Вебера, монополией на насилие. Меры Людовика Святого и его преемников против частных войн были логическим следствием движения за мир.

Оно привело к созданию народных милиций, дало явный толчок борьбе народа с феодалами и содействовало освобождению городов. Действительно, милициям мира «был присущ антииерархический дух: не только потому, что сеньорам-грабителям они противопоставляли крестьян, но главным образом

потому, что они заставляли людей защищаться самостоятельно, не ожидая помощи от законных властей <...>. Именно с карательных походов с развевающимися церковными хоругвями против замков сеньоров-грабителей в Мане в 1070 г. началось французское коммунальное движение»¹⁷.

Людовик VI, явно по совету монахов Сен-Дени, искусно использовал эту народную инициативу в интересах капетингской монархии. Таков с самого начала был смысл его деятельности. «Поскольку старость и болезнь вынудили Филиппа [I] сойти с высот королевского достоинства и сила правосудия в отношении тиранов слишком ослабла, то Людовик, чтобы покончить с тиранией грабителей и мятежников, первым делом обратился за помощью к епископам всей Франции <...>. И прелаты тогда постановили, что священники со знаменами и всеми своими прихожанами будут участвовать с королем в осадах и сражениях»¹⁸. Одним из многих свидетельств движения за мир была, например, орифламма Сен-Дени, принесенная на поле битвы при Бувине, как знамя мира, знамя-покровитель коммун¹⁹.

Предписаниями Божьего перемирия было запрещено в любое время года только насилие, не связанное собственно с *войной*. Что же касается справедливой войны, то большинство знатоков канонического права и теологов считали бесполезным накладывать на нее какие-либо временные ограничения. Св. Фома Аквинский допускал даже, что в случае необходимости (а справедливая война всегда необходима) можно воевать в дни самых торжественных праздников. Однако некоторые мыслители были более требовательными: мэтр Руфин «Свод декретов» (*Summa Decretorum*, ок. 1157 г.) предписывал уважать церковные праздники, соответственно, в эти дни наказание злодеев, даже и заслуженное, должно было приостанавливаться. С другой стороны, и общественное мнение, согласно разным свидетельствам, возможно, из суеверного страха считало ненормальным воевать в сакральные времена года²⁰.

¹⁷ Bloch M. La Société féodale [99]. Vol. I. P. 206-208. - Жанна д'Арк, верная этому очень древнему обычаю, в 1429 г. в Блуа велела Ф. Жану Паскерелю изготовить церковное знамя с образом Христа на кресте. Это знамя в сопровождении священников, певших «Приди, о дух, всеиздатель» (*Veni Creator Spiritus*) и другие песнопения, несли перед армией во время ее движения к Орлеану (*Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc* / Ed. P. Duparc. Paris, 1977. Vol. I. P. 391).

¹⁸ The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis / Ed.. trad. M. Chibnall. Oxford, 1978. T. VI. P. 156.

¹⁹ DubyG. 27 juillet 1214. Le dimanche de Bouvines [244].

²⁰ Contamine Ph. L'idée de guerre à la fin du Moyen Age... [924a]. - Эпизод осады Беллема Генрихом I в 1113г.: «Наступил праздник Воздвиженья Св. Креста, и король приказал приостановить осаду крепости и ведение войны» [*Ecclesiastical History of Orderic Vitalis*... T. VI. P. 182]. См. также о сражении под Линкольном 2 февраля 1141 г., в день Сретения Господня (*Ibid.* P. 540). Наоборот, «История благородного сеньора Байара» упоминает без осуждения и удивления попытку штурма Равенны войсками Гастона де Фуа, предпринятую в Страстную пятницу 1512 г. (*L'Histoire du gentil seigneur de Bayart* / Ed. J. Roman. Paris. 1878. P. 304).

Божий мир, напротив, в значительной мере содействовал оформлению понятия естественной неприкосновенности невоюющих и их имущества. Непосредственно с идеей Божьего мира связан перечень тех, кто во время войны имеет «охранную грамоту без требования»: людей Церкви, от прелатов до пап-ломников, включая капелланов, послушников и отшельников, «пастухов и всяких работников», крестьян, купцов, женщин, стариков и детей. Вот что пишет Оноре Бове в «Древе сражений» (около 1386 г.): «Хотя выяснение обычаев, коих воины раньше придерживались, - дело сложное и не бесспорное, тем не менее я уверен, что согласно старому праву и старым обычаям для добрых воинов бесчестно пленять стариков, если те не воюют, а также женщин и невинных детей. Несомненно, что требовать за них выкуп очень дурно, ибо известно, что они не способны сражаться <...>. Те же, кто так поступает, должны называться грабителями»⁵¹. Предлагая английскому правительству в 1435 г. план всеобщей войны без всякой пощады к мирным жителям, сэра Джон Фастолф столкнулся с необходимостью найти оправдание и представил ее как неизбежный, естественный ответ на действия противника.

С движением за мир можно также связать анафему, объявленную Латеранским собором 1139 г. лучникам и арбалетчикам, которые пользуются своим ненавистным оружием в войнах между христианами. Этот запрет, на который в «Декрете» Грациана нет и намека, был в «Декреталиях» Григория IX. Конечно, как уже было сказано, он получил лишь временное и ограниченное применение⁵². И если Пьер ле Шантр (ок. 1200 г.) допускал использование лука и арбалета против неверных, язычников, катаров, а также в справедливых войнах, то Ричард Английский, Раймунд де Пеньяфорт и Жан де Дье придерживались запрета, введенного II Латеранским собором. Примечательно, однако, что ни усовершенствование метательной артиллерии, ни появление огнестрельной артиллерии не вызвали со стороны Церкви подобного осуждения⁵³. Возможно, что в конечном счете II Латеранский собор имел в виду не столько вид оружия, сколько тип воина. Это те профессиональные военные, о которых Пьер ле Шантр сказал, что их ремесло относится к неизбежно пагубным для души, поскольку они получают жалованье за убийство невинных.

⁵¹ Bonel H. L'arbre de batailles [913]. P. 202.

⁵² См. С. 85.

⁵³ Осуждение артиллерии, выражавшееся в XV-XVI вв., было вызвано скорее рыцарскими идеями, нежели пацифистскими чувствами. Луи де Ла Тремуай, например, рассуждал: «К чему тогда искусство конных воинов, их сила, храбрость, опытность и мудрость, их военная дисциплина и жажда славы, если повсюду дозволено использование этого изобретения?» (цит. по: Hale J. R. Gunpowder and the Renaissance... [689]). Однако Кристина Пизанская, согласно Жану де Бюэю, запрещает под угрозой отлучения от Церкви распространение греческого огня и его использование, поскольку «христианам нельзя пользоваться такими бесчеловечными средствами, которые к тому же противоречат праву войны» (Bueil. de. Le Jouvencel [9]. Vol. II. P. 58).

Наконец, движение за мир благоприятствовало формированию и распространению рыцарского идеала. Церковь действительно стремилась использовать рыцарей и вовлечь их в борьбу с насилием, одновременно противодействуя их воинственности. Она несколько раз провозглашала создание «рыцарства мира», пользующегося, как и крестоносцы, привилегией иммунитета.

Одно из первых свидетельств отношения Церкви к тому, что станет позднее рыцарским призванием, содержится в «Житии» св. Геральда Орильякского, написанном около 930 г. св. Одоном, аббатом Клуни. Впервые, как замечает Жорж Дюби, здесь показано, что знатный, властный человек может достичь святости, стать «воином Христовым» (*miles Christi*), не отвергая оружия (но и не проливая крови)⁵⁴. Военная служба как особая функция одного из сословий общества приобретала духовную ценность и становилась спасительной. Отныне появилось законное *воинство*. Ансельм Луккский около 1082 г. писал, что «военные могут быть людьми праведными». Немного позднее Бонизон Сутрийский посвятил отдельную главу своей «Книги о христианской жизни» (*Liber de vita Christiana*) обязанностям рыцарей: они должны даже с риском для жизни хранить верность своему сеньору, защищая его, воздерживаться от грабежей, преследовать еретиков и схизматиков, защищать бедных, вдов и сирот, не нарушать данной клятвы. Затем светские или ученые литературные сочинения (от героических песней до «Поликратикона» (*Policraticon*) Иоанна Солсберийского) стали популяризировать рыцарский идеал, в чем-то уточняя его, и в середине XII в. он получил свое классическое определение⁵⁵. В дальнейшем этот идеал будет развиваться в том же направлении, о чем свидетельствует перечень 31 греха или порока рыцарей, который в начале XIV в. составил Альварес Пелайо в книге «О плаче Церкви» (*De planctu Ecclesie*): 1) рыцари обычно живут грабежом, особенно в Галисии; 2) они часто воюют против своей отчизны и своих сеньоров, коим обязаны служить; 3) они участвуют в несправедливых войнах; 4) они сражаются на турнирах, особенно во Франции; 5) они в любое время готовы вызвать на поединок или принять

⁵⁴ *Diiby G.* Les origines de la chevalerie [190]. - О том, как сражался Геральд Орильякский. см.: *Patr. Lat. T. CXXXIII. P. 646-647.* - «Святой Геральд, сильнейший воин», - так говорит Хельгардде Флери.

⁵⁵ Иоанн Солсберийский писал следующее: «В чем состоит служение истинных рыцарей? В борьбе с неверными, почитании клириков, защите бедных от несправедливости, установлении мира в стране, пролитии своей крови и даже принесении в жертву своей жизни, в соответствии с данной клятвой, ради братьев своих. На устах их должна быть хвала Господу, а в руках обоюдоострый меч, чтобы карать и исправлять народы и держать в железной узде их королей и знать. Но с какой целью? Ради безумств, тщеславия, атчности и собственного упрямства? Нет, но скорее для того, чтобы приводить в исполнение приговор, который поручили привести в исполнение, следуя не своей воле, а решению Господа, ангелов и людей в согласии со справедливостью и общественной пользой» (цит. по: *Painter S.* French Chivalry. Chivalric Ideas and Practices in Mediaeval France. 6th ed. Ithaca; New York, 1965. P. 69-70).

вызов; 6) получая плату, они не служат или приходят на службу с меньшим количеством лошадей, чем нужно; 7) они считают себя рыцарями, еще не став ими; 8) будучи посвященными в рыцари и поучаствовав в войнах, они вступают в духовные ордены; 9) они сражаются не за Бога и общественное дело, а ради добычи и умножения своих богатств; 10) многие, особенно в Ломбардии, Тоскане и Патримонии св. Петра, посвящаются в рыцари родственниками или друзьями, а не императором, королями или князьями; 11) они часто дезертируют во время справедливых войн, бросая своих сеньоров на произвол судьбы и становясь виновными в оскорблении его величества; 12) они унижают себя, принимая административные должности; 13) они клятвопреступники, поскольку обычно не верны присяге, данной в том, чтобы презирать смерть ради спасения общественного дела; 14) они покидают государственную службу, не имея на то разрешения, а получив его и живя дома, желают и рыцарскими привилегиями пользоваться, и жалование получать; 15) некоторые вновь становятся рыцарями после торжественного покаяния; 16) многие, убив священника, остаются рыцарями; 17) они пользуются рыцарским достоинством, забыв, что рыцарство было учреждено для того, чтобы карать несправедливых и мстить нечестивым; 18) они не соблюдают рыцарские обычаи и нормы; 19) они воюют безжалостно и жестоко, чтобы мстить, господствовать и вредить; 20) сражаясь, они имеют в виду не общественное, а личное благо; 21) они не подчиняются своим старшим в делах полезных и законных; 22) они берут сверх жалования; 23) они убивают людей и воюют без законного разрешения старших; 24) они часто виновны в симонии; 25) некоторые становятся рыцарями после публичного покаяния; 26) в рыцарском сословии некоторые продвигаются к почетным должностям не постепенно, а сразу; 27) в справедливых войнах они участвуют нехотя, как трусы, а значит - без заслуги; 28) они покидают войско до победы или до окончания срока службы; 29) они часто убивают своих пленников; 30) рыцари часто занимаются грабежом, особенно в Испании; 31) они бахвалятся победами даже во время мира⁵⁶.

Если оставить в стороне такие качества, как повиновение и верность, предписанные рыцарским идеалом, то получится, что Церковь доверила рыцарям ту известную миссию, которая ранее вменялась в обязанность главным образом королям (правда, с каролингской эпохи миссия защиты бедных и слабых стала возлагаться и на аристократию); и подобно тому, как движение за мир в XI в. возникло из-за несостоятельности монархической власти, которую вынуждены были заместить по своей инициативе и под свою ответственность власти местные, так позднее бессилие или, видимо, безразличие королей к поддержанию порядка привели Церковь к тому, чтобы обратиться к социально-профессиональному слою, который теоретически должен был бы постав-

⁵⁶ Pelayo A. De Planctu Ecclesiae. Lyon, 1517. Art. 31.

лять только исполнителей всех уровней. «Церковь вошла в прямой контакт с военной профессией без посредничества королей»⁵⁷. В свете этого не кажется невозможным сближение коронации, или миропомазания, королей с церемонией посвящения в рыцари, внедрение христианской религии в которую становилось все более и более явным⁵⁸.

Влияние Церкви прежде всего проявилось в благословении оружия. Этот обычай известен с конца лангобардской эпохи в Италии. Разные папские постановления, начиная с середины X в., одобряли формулы освящения оружия (*освящение знамени, меча, шпор, щита* - *consecrationes vexilli, ensis, gladii, calcarum, clipei*). Одна молитва о воюющих (*oratio super militantes*) содержала следующие слова: «Услышь, Господи, наши молитвы и благослови своей царственной дланью этот меч, коим слуга Твой желает быть препоясанным, дабы защищать и охранять церкви, вдов, сирот и всех служителей Божьих от жестокости язычников и наводить страх на всех коварных»⁵⁹.

Наряду с чисто светскими обрядами посвящения в рыцари, которые всегда были наиболее распространенными и сопровождались лишь общим благословением священника, или капеллана, существовали, начиная примерно с XI в., и торжественные церемонии, проводившиеся обычно в Троицын день высшими прелатами. Вильгельм Завоеватель велел архиепископу Кентерберийскому Ланфранку посвятить в рыцари одного из своих сыновей. Один понтификал Реймской епархии, составленный в начале XI в., описывает благословение меча, знамени, копья, щита, самого рыцаря и передачу ему меча епископом. К той же эпохе относится текст с описанием ритуала кельнской церкви - «порядок вооружения защитника Церкви или другого воина» (*ordo ad armandum Ecclesiae defensorem vel alium militem*).

Когда эволюция ритуала, детали которой предстоит уточнить, завершилась, Гийом Дюран около 1295 г. составил «Понтификал» (*Pontifical*), включенный в XIV в. в «Римский понтификал» (*Pontifical romain*), где перечислил разные стадии благословения нового рыцаря (*benedictio novi militis*). Сначала происходит благословение меча и другого оружия «для защиты церквей, вдов, сирот и всех служителей Божьих от жестокости язычников». Другое благословение напоминает, что Господь дозволил пользоваться мечом в человеческом мире, «дабы обуздывать злодеяния окающих и защищать справедливость», пожелал учреждения воинского ордена ради защиты народа и потому велел св. Иоанну Крестителю, когда тот встретит рыцарей в пустыне, передать им, чтоб никого не притесняли и довольствовались своим жалованьем. Бога молили дать победу своему слуге, который «подставляет выю под ярмо рыцар-

⁵⁷ Cowdrey H. E. J. *The Genesis of the Crusades...* [1995]. P. 16.

⁵⁸ Florij. *Chevalerie et liturgie...* [109a].

⁵⁹ Fran: A. *Die kirchlichen Benediktionen im Mittelalter*. Friburg-an-Brisgau, 1909. Bd II. S. 293.

ства», как некогда он дал победу Давиду и Иуде Маккавею. Рыцарь никогда не должен ранить кого-либо несправедливо, но всегда защищать мечом «дела справедливые и правые». Его переход от «низкого состояния» (*minor status*) к «новой рыцарской чести» сопоставлялся со словами Писания: «Совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который непрестанно обновляется»⁶⁰. Затем прелат брал обнаженный меч с алтаря и, вложив свою руку в правую руку нового рыцаря, говорил: «Прими этот меч во имя Отца, Сына и Духа Святого и пользуйся им, защищая себя и Святую Божию церковь, веру христианскую и корону королевства Франции на погибель врагам креста Христова». Затем меч вкладывался в ножны, и будущий рыцарь препоясывался им, после чего он вытаскивал его и трижды энергично потрясал им. Прелат может тогда отметить его «рыцарский характер» и дать ему поцелуй мира со словами: «Будь рыцарем мирным, доблестным, верным и преданным Богу». Пощечина же сопровождается следующими словами: «Очнись от сна злокозненности и бодрствуй в вере Христовой ради славы, достойной хвалы». Затем новопосвященный получал благородные подарки - шпоры и, из рук прелата, свой штандарт⁶¹.

Очевидной кажется также связь между идеями Божьего мира и крестовых походов: разве первый канон Клермонского собора, в конце которого Урбан II объявил о походе на Иерусалим, не касался вопроса о Божьем мире? В обоих случаях, как уже отмечалось, символика креста играла определяющую роль, и служение справедливого и кающегося рыцаря, *воина Христового*, состояло как в наказании неверных, так и в возмездии злодеям и еретикам.

Однако идея крестового похода заключала в себе еще одну, по крайней мере, столь же важную составляющую: поскольку это была война, постольку это было и паломничество. Вот почему обет принять крест можно сблизить не с клятвой мира, какую приносили в конце синодов или соборов, а с обетом паломничества, какой при разных обстоятельствах могли дать христиане. Во многих теоретических рассуждениях о крестовых походах, появлявшихся со второй половины XII в., сознательно или нет опускаются военные аспекты паломничества в Святую землю.

Указывали, что «к концу XI в. <...> западный христианский мир пришел к новой, еще мало известной, но важной концепции войны - войны священной. Хотя она сложилась на основе августиновского понятия справедливой войны, концепция священной войны шла гораздо дальше положений Августина. Священная война считалась не только не оскорбляющей Господа, но и безусловно угодной ему. Действия ее участников расценивались не просто как

⁶⁰ Кол. 3,9-10.

⁶¹ Andrieu M. Le pontifical romain au Moyen Age. Vol. III: Le pontifical de Guillaume Durand. Cité du Vatican, 1940. P. 447-450.

морально приемлемые, но, поскольку они сражались за благочестивое дело, как доблестный подвиг, заслуживающий особой милости Божьей, воплощенной в отпущении грехов, какое только может дать папа»⁶².

Действительно, полное отпущение грехов, изначально понимаемое как искупление, или смягчение наказания, заменившее посты и другие виды умерщвления плоти, впервые было обещано папой Урбаном II в 1095 г. («И путь этот будет стоить любого покаяния»). Нельзя, однако, сказать, что идея священной войны была совершенно неизвестна в предшествующие столетия: еще во времена набегов сарацинов папство обещало Божью милость воинам, которые придут защищать его. Новшество было скорее в том, что теперь священной войной объявлялись военные действия, которые носили явно наступательный характер. За этим скрывается уже иная реальность, не только делавшая крестовые походы правомерными, но и представлявшая их даже образом *справедливейшей войны* (*bellum justissimum*). Дело в том, что, с одной стороны, христианский мир видел себя осажденной крепостью, и совершаемые им походы сравнивались с вылазками осажденных⁶³, а с другой - Святая земля рассматривалась прежде всего как царство Христа, и его столица, Иерусалим, должна быть не взята, а возвращена, вновь обретена верными Кресту. Эта война, следовательно, ведется не по одной лишь воле людей, вопрошающих свой разум, законна она или нет, а по прямому волеизъявлению Господа (отсюда клич: «Так хочет Бог»), непосредственно вдохновляющему души христиан.

Со второй половины XII в. к прежним добавилось и еще одно оправдание крестовых походов: поскольку сарацины захватили земли, некогда составлявшие часть Римской империи, то Церковь как наследница этой Империи имеет законные основания вернуть себе то, что было у нее силой отнято. Поэтому в XIII в. Гостензий дал справедливой войне, которую христиане вели против неверных, название «римская война» (*bellum romanum*)⁶⁴. Более того, христиане имели право покарать народ Ислама, который они считали «нацией в высшей степени виновной» (*summa culpabilis*)⁶⁵.

⁶² Brundage J. A. *Medieval Canon Law and the Crusader* [1994]. P. 29.

⁶³ Наряду с другими изображениями, Церковь представлялась в виде зубчатой башни с тремя персонажами на вершине: в центре - священник в пурпурном одеянии, символизирующий священнический орден, носитель духовного меча; слева от него - воин, символизирующий военное сословие, носитель светского меча; справа - плачущий монах, символ монашеского ордена, чьим единственным оружием является молитва (*Chenu M.-D. La théologie au XIIe siècle. 2e ed. Paris, 1966. P. 240-241*).

⁶⁴ Villey M. *L'idée de croisade chez les juristes du Moyen Age* // X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma, 4-11 Settembre 1955. Relazioni. III: Storia del Medioevo. Firenze, 1955. P. 565-594.

⁶⁵ Daniel N. *Islam and the West. The Making of an Image*. Edinburgh, 1960.

Наконец, войны против неверных вызвали и некоторые сомнения, скорей скрытые, чем явные, у знатоков канонического права и теологов. Так, Гугуччо (ок. 1140-1210 гг.) допускал, что у сарацинов есть некоторые права на занятые ими земли; если он сохранял за папством монополию на крестовые походы, то не только ради возвеличения наследников св. Петра, но и для того, чтобы не позволить любой светской власти объявлять войну, которая почиталась бы священной; кроме того, по его мнению, крестовый поход должен был ограничиваться землями Иерусалима и не затрагивать другие земли Римской империи, захваченные Исламом. Поэтому в следующем столетии Иннокентий IV, занимавший ту же позицию, проявил мало энтузиазма по поводу крестового похода Людовика IX в Египет. Гугуччо, в котором можно видеть самого большого знатока канонического права в Средние века, отрицал право христиан воевать с сарацинами только потому, что они - неверные, и даже ради их обращения. Но Иннокентий IV, как и Гостензий, с большей легкостью оправдывал борьбу с еретиками - дело веры, дело мира, дело Христа (*negotium fidei, negotium pacis, negotium Christi*), - которую стали называть «крестом по сю сторону моря» (*crux cismarina*) в противоположность понятию «креста по ту сторону моря» (*crux transmarina*), поскольку еретики сознательно отринули истинную веру и их прозелитизм представлял великую опасность для христианских душ.

3. ВОЙНА И СХОЛАСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Схоластическая доктрина о войне зародилась в первой половине XII в. вместе с возрождением римского права юристами Болоньи и изданием «Декрета» Грациана (ок. 1140 г.). Во второй половине XII в. знатоки канонического права занялись комментированием «Декрета», а затем, в XIII в., появились и экзегеты папских «Декреталий». Одновременно схоластическая теология вводила свои собственные методы рассуждения. В XIV и XV вв. каноническое учение о войне получило широкое распространение, и доктора гражданского права старались приспособить свои умозаключения и выводы к складывающейся военно-политической ситуации. Несмотря на большее или меньшее расхождение мнений, подходов, схоластическое осмысление войны можно, кажется, охарактеризовать как некую органичную, связанную систему.

Определения войны

Определения войны, прежде всего, имели в виду ее отличия от других форм насилия, таких, как драка, мятеж, осуществление судебных полномочий, когда иначе вставал вопрос о дозволенности. Св. Фома Аквинский говорил: «Собственно война ведется против внешних врагов, когда одно множество людей борется с другим; в драке борются один на один или одно неболь-

шое число людей с другим; мятеж же противопоставляет друг другу членов одной и той же группы людей, как, например, восстание одной части горожан против другой»⁶⁶. В силу такого определения статуса войны не могли иметь ни войны гражданские, или социальные, ни родственные уособицы, ни вооруженные действия человека или группы с целью навредить, защититься или отомстить. Подобным же образом, если какая-либо власть применяла силу, чтобы заставить уважать свои решения, она не вела настоящую войну, а противящаяся ей не рассматривалась как враги (*hostes*). Наконец, борьба с тираном, тираноубийство относились к другой категории, где были иные права, обязательства и критерии.

Причины войн

Объяснения причин войны обычно давались на нескольких уровнях. На уровне морально-психологическом прибегали к тексту послания св. Иакова: «Откуда враждебность и откуда столкновения между вами? Не отсюда ли: от наслаждений ваших, воюющих в членах ваших? Вы вожделеете и не имеете; вы убиваете и завидуете и не можете достичь, вы входите в столкновение и воюете»⁶⁷. В трактате «Юноша» Жана де Бюэя частота конфликтов объясняется тем, что «никто не желает утрачивать свои права»⁶⁸; согласно тому же источнику, тремя причинами «возмущений и войн» являются гордыня, зависть и алчность.

Задавшись вопросом, «почему так много войн в этом мире?», Оноре Бове дал объяснение на метафизическом уровне: «Все они происходят из-за порочности этого мира», таким образом, «войны являются бичом Божиим»⁶⁹.

К соображениям политическим, религиозным и моральным Джованни ди Леньяно добавил шесть теологических причин, препятствующих установлению всеобщего мира на земле: 1) поскольку злодеяния не караются; 2) из-за слишком великих мирских богатств; 3) потому что мы не заботимся о борьбе с дьяволом; 4) поскольку мы не принимаем в расчет убытки от войн, в которых теряем и нашу жизнь, и наши богатства; 5) поскольку мы не думаем об исходе войны, который сомнителен; 6) потому что не уважаем заповеди Господни.

В другой трактовке, изложенной как у Джованни ди Леньяно, так и у Оноре Бове, война предстает явлением тем более естественным, что она имеет космологический характер: война небесная, духовная, которую вели ангелы

⁶⁶ *Somme théologique*, IIa, II^a, 42,1.

⁶⁷ 4, 1-2. - Здесь приводится перевод Ж. Жювенеля дез Юрсена (*Jean Juvenal des Ursins. Ecrits politiques* / Ed. P. S. Lewis. Paris, 1978. Vol. I. P. 237-238).

⁶⁸ *Bueil J. de. Le Jouvenel* [9]. Vol. I. P. 20. - По этому переводу вспоминаются слова У. Стеббса: «Средневековые короли воевали за права, а не за интересы и тем более идеи» (цит. по: *Cowdrey H. E. J. The Genesis of the Crusades...* [1995]. P. 9.

⁶⁹ *Bonet H. L'arbre des batailles* [913]. P. 150.

с гордыней Люцифера, была прототипом, моделью внутренней духовной борьбы в человеке, т. е. конфликта между разумом и страстями, интеллектом и чувствами; но была также другая, на сей раз телесная, небесная война, в которой звезды по причине оживляющего их вечного движения противостояли друг другу; а эти звезды оказывают влияние на низшие тела, возбуждая в них холод или жар, склоняя к сладострастию или целомудрию - столько противоположных последствий не допускает согласия между людьми, и конфликты становятся если не неизбежными, то, по меньшей мере, естественными. Более того, существует не только противостояние характеров людей, наподобие противостояния звезд, но есть и знаки войны, тяготеющие над определенными временами, тогда как над другими тяготеют знаки эпидемий или голода. Роджер Бэкон писал, что в июле 1264 г. комета появилась под влиянием планеты Марс, что вызвало увеличение желчи, что вызвало озлобление людей, из-за чего тогда и разразились войны в Англии, Испании и Италии⁷⁰.

Войны справедливые и несправедливые

Грациан в «causa 23» во второй части «Декрета» задается вопросом, является ли ведение войны грехом. Его ответ - отрицательный: много есть угодных Богу среди тех, кто занимается военным делом, лишь некоторые поступки на войне предосудительны; самой большой заслугой солдат является их служба государству, и на этой службе они должны сражаться даже по приказу государя-святоотца - ведь если война несправедлива и отданный приказ не отвечает Божественному закону, то вина за беззаконие падет на одного государя. Как сказано в глоссе, «пусть государь согрешит, приказывая, подданный же, повинуясь, не согрешает» (*Licet dominus peccet precipiendo, tamen subditus non peccat obediendo*).

Из сочинения Грациана можно извлечь четыре условия справедливой войны: она должна вестись по приказу самого государя, без участия чиновников, дабы защитить отчизну от нападений или вернуть отнятые владения, и нельзя допускать жестокого безудержного насилия. В «Своде декретов» Руфин повторяет два эти критерия и добавляет к ним третий: «Справедливость войны зависит от того, кто ее объявляет, кто ее ведет и с кем она ведется. Что касается объявляющего или дозволяющего войну, то он должен иметь законное право на это; что касается ведущего ее, то пусть он будет человеком, способным воевать без бесчинств и с благим рвением; а что до того, с кем война ведется, то она должна его поразить по заслугам или, по крайней мере, должны быть справедливые подозрения, что он ее заслужил. Когда

⁷⁰ Crombie A. C. Histoire des sciences de saint Augustin à Galilée (400-1650). Paris, 1959. Vol. 1. P. 84.

же хотя бы одно из этих трех условий не соблюдается, то война никоим образом не может быть справедливой»⁷¹. «Кельнский свод» (*Summa Coloniensis*) упоминает качества ведущего войну и права объявляющего ее, но добавляет справедливость причины и соответствие времени и месту. Гугуччо предложил самую краткую формулу: «Война справедлива тогда, когда ведется по справедливому указу государя»⁷².

И только в начале XIII в. были сформулированы пять классических критериев справедливой войны, увязанных с понятиями *личности, причины* (предмет спора), *условия, духа и власти* (*persona, res, causa, animus, auctoritas*). Определенные Лаврентием Испанским около 1210 г., они без изменений позднее были воспроизведены Иоанном Немецким, а в дальнейшем св. Раймунд де Пеньяфорт (ок. 1180-1275 гг.) обеспечил им широкое распространение. В XIV в. они встречаются у знатока гражданского права итальянца Пьеро Бальдо деи Убальди (1327-1406 гг.), который предложил следующий комментарий: «Личность - это значит, что воюющий должен быть мирянином, а не церковнослужителем; причина подразумевает то, что война ведется ради возвращения владений или защиты отчизны; под условием имеется в виду то, что воюют по необходимости, и отсюда мысль Аристотеля: „Пусть война для тебя будет крайней необходимостью“; дух означает, что нельзя воевать из ненависти или ненасытной алчности; а власть дает понять, что война может быть объявлена только государем»⁷³.

Понятие государя, совершенно недвусмысленное в римском праве, благодаря простоте политической структуры Империи, неизбежно создавало проблему, когда его нужно было приложить к сложному средневековому миру. Следовало его сохранить лишь за императором⁷⁴ либо папой или же его можно применять к королям, ответственным властям городов-государств и вообще ко всему великому разнообразию феодальных властей? Гостензий, один из самых строгих в своих суждениях, был недалек от того, чтобы предоставить право объявлять войну только папе и императору; однако большинство авторов предоставляли эту власть независимым королям, таким, как французский и кастильский монархи, и тем, которые в то или иное время признали над собой светского сеньора (сицилийский и английский короли, признавшие себя вассалами Св. Престола), и даже итальянским городам. Так, в XV в. Мартино ди Лоди писал: «Хотя тот, кто поднимает оружие без приказа вышестоящего, совершает оскорбление величества, тем не менее, государи и города Италии, не признающие никого выше себя, могут вести войну против своих поддан-

⁷¹ Russell F. H. *The Just War in the Middle Ages* [1947]. P. 87, n° 3.

⁷² Ibid. P. 89.

⁷³ Цит. no: *Siete Partidas* d'Alphonse X le Sage / Ed. G. Lopez. Paris, 1861. Vol. 2. P. 243, n°2.

⁷⁴ Согласно глоссатору Одольфиду (первая половина XII в.), «никто не может ни вести войну, ни носить оружие без разрешения императора».

ных и врагов»⁷⁵. Другие разрешали эту проблему, проводя различие не между справедливыми и несправедливыми войнами, а между действиями, называемыми войной в прямом смысле (она оставлялась за императором и папой), и действиями, считавшимися войной в переносном смысле (ее могли вести низшие власти)⁷⁶. А согласно Джованни да Леньяно и, позднее, Оноре Бове, только государь может вести «общую» войну (*bellum universale*), и это предполагало, что «частные» войны могли вести не только государи. Иногда понятию *государя* (*princeps*) предпочитали понятие *судьи* (*iudex*) в широком смысле слова.

Отчасти на основании критерия власти Гостензий и, в XIV в., Джованни ди Леньяно различали семь видов войн, из них - четыре справедливых, или законных, и три несправедливых, или незаконных⁷⁷: 1) римская война (*bellum romanum*), прототип справедливой войны, которая называется так потому, что «Рим - глава и мать нашей веры»; это война христиан против неверных, в конечном итоге римская война, называемая также смертельной, воспроизводит борьбу древнего Рима с варварами и является тотальной, когда врагов не щадят и не освобождают за выкуп, но на законном основании убивают или отдают в рабство; 2) судебная война (*bellum iudiciale*), также справедливая постольку, поскольку она ведется властью судьи, который, обладая «полным империем» (*merum Imperium* - полная, чистая власть в противоположность «неполному империю» (*mixtum Imperium*)), судит не в своих интересах, а с целью принудить к судебному порядку тех, кто, не повинувшись или не являясь на суд, не признают его законной власти; 3) тщеславная война (*bellum praesumptuosum*), несправедливая, ибо ведется теми не повинующимися и осужденными судьей, которые упомянуты выше; 4) законная война, которая ведется законной властью или с ее согласия, дабы возместить убытки и покарать за оскорбления, нанесенные подчиненной власти; так, барон может наказать оскорбившего его врага, получив от своего государя, явно или тайно, право вести войну; 5) война дерзкая и незаконная, какую ведут против судьи; 6) война произвольная, или нападение, совершаемое несправедливо и без необходимости светскими властями без разрешения государя; 7) война необходимая и законная с целью защиты против тех, кто нападает, как в предыдущем случае, и согласно «Дигесте», «все законы и обычаи дозволяют сопротивляться силе силой»⁷⁸.

⁷⁵ *Soldi-Rondinini G. Il diritto di guerra... [1018].*

⁷⁶ Таково мнение Х. Лопеса из Сеговии (1440-1496 гг.), выраженное в трактате «О войне и войнах» (*De Bello et bellatoribus*) (*Soldi-Rondinini G. Op. cit.*).

⁷⁷ То же различие есть в трактате кастильца Педро Азамара, посвященном арагонскому королю Хуану II (1476 г.) (*Bibl. Arsenal., Paris, ms. 8319*), и в «Доктрине де знати», посвященном городу Мецу (конец XV в.) (*Bibl. Nat., Paris, nouv. acq. fr. 10017, f. 52 v°*).

⁷⁸ *Russell F. H. Op. cit. P. 129, n° 6.*

Как подчеркивает Ф. Г. Рассел, этот перечень войн не только свидетельствует о тонкости анализа, свойственной великим схоластам, но и действительно соответствует различным конкретным ситуациям, отражая практически все виды конфликтов, какие могли возникнуть в средневековой политической жизни⁷⁹.

4. ПРАВО ВОЙНЫ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОЙНЫ: ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЭТИКОЙ И ПРАКТИКОЙ В ВОЙНАХ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Следует проанализировать на конкретных примерах, в какой мере светские власти сознавали обязательства справедливой войны или, в крайнем случае, стремились убедить общественное мнение в законности своих военных акций. Различные документы пропагандистского характера, так же как и дипломатические источники, говорят о постоянном внимании если не к *идеологии*, то к *фразеологии* концепции справедливой войны. В этом отношении заслуживает внимания вмешательство папской власти в конфликты между христианскими государями Запада, особенно между королями Франции и Англии, с целью положить им конец.

Вот несколько вех для такого исследования, которое в современной историографии войн и дипломатии позднего Средневековья лишь едва намечилось. В 1336 г., когда возник конфликт с Англией, Филипп Валуа в манифесте, обращенном к подданным, который он повелел прочесть во всех церквах королевства, утверждал: «Согласно суждению всего нашего совета, доброе право, несомненно, на нашей стороне и наше дело справедливое»⁸⁰. В 1369 г. Карл V возобновил военные действия против Эдуарда III только после многочисленных консультаций со знатоками канонического и гражданского права, которые, будучи французами или не являясь таковыми, заверили его в том, что доброе право полностью за ним. Нарушению заключенного в Туре в 1449 г. перемирия, вследствие захвата Франсуа де Сюреньном города Фужера, также предшествовало тщательное обсуждение Карлом VII и его советниками политических, военных и юридических и моральных аспектов сложившейся ситуации, дабы иметь ответ на вопрос: в какой мере они имели право нарушить перемирие, принеся торжественную клятву в соблюдении его? А Эдуард III, согласно доминиканцу Джону Бромиярду (*Summa predicantium*, конец XIV в.), прежде чем отправляться на войну, обычно совершал паломничества и советовался с опытными в Божьем и мирском законах людьми⁸¹. Трактаты по военному искусству, такие как

⁷⁹ Ibid. P. 130.

⁸⁰ Du Fresne de Beaucourt G. Histoire de Charles VII. Paris, 1881. Vol. 1. P. 93.

⁸¹ Aumand C. T. Society at War... [299]. P. 38.

«Рыцарское искусство» Кристины Пизанской, «Юноша» Жана де Бюэя, «Корабль государей» Робера де Бальзака, не упускают случая упомянуть среди условий, благоприятных для любой военной операции, и справедливую войну. Правда, короли и князья достаточно легко могли убедить себя в своей правоте: в запутанности любых дипломатических отношений нетрудно было отыскать причиненный ущерб или несправедливость, жертвой которой они оказались, потребовать у противника удовлетворения, а в случае отказа начать против него военные действия. Отсюда явная ничтожность поводов ко многим конфликтам. Один из разительных примеров - война под названием «Корзина яблок», когда в 1428-1429 гг. столкнулись город Мец и Лотарингское герцогство. Конфликт, согласно мецкому хронисту Филиппу де Виньолю, возник из-за пустяка: аббат монастыря Сен-Мартен в Меце велел набрать для себя корзину яблок в саду одной деревни, который принадлежал монахам монастыря, а они, узнав об этом, пожаловались герцогу Лотарингскому; тот «несколько раз отдавал приказание провести расследование в городе», чтобы восстановить справедливость, но город, естественно, не прислушивался к этому, опасаясь, что в противном случае появится опасный для городских вольностей прецедент; тогда герцог наложил руку на одну из подвластных городу деревень; в свою очередь, Мец потребовал «справедливости», на что герцог отвечал отказом; и город отомстил ему, послав своих солдат в земли герцога Лотарингского. Таким образом, все произошло в полном соответствии с юридической нормой: прежде чем приступить к действиям, были использованы правовые средства, после чего обе стороны со спокойной совестью могли прибегнуть к силе⁸². Подобные мысли, но на уровне скорее философском, нежели моральном, высказывает в своих «Опытах» и Монтень, следуя в данном случае за Коммином: «Наши самые крупные конфликты имеют до смешного мелкие мотивы и причины. Разве не навлек на себя гибель наш последний герцог Бургундский из-за ссоры по поводу тележки с овечьими шкурами?»⁸³

Так же рассуждает и Филипп Клевский в начале XVI в. «Вы должны, - обращается он к государю, - остерегаться начинать войну за дурное дело», следует поступать «в согласии с правом и справедливостью». Если вы уверены в своем праве, то можете добиваться своего «силой, коли нельзя иначе». Сначала отправьте противнику послание с требованием удовлетворить ваши претензии, а получив отказ, созовите Штаты вашей страны и испросите у них помощи и поддержки в «восстановлении своих прав». В итоге Киевскому представляются законными все виды *поводов для войны* (*casus belli*): помощь союзнику, родственнику или подданному, крестовый поход и т. д. Филипп Клевский, впрочем, сознавал широту своих взглядов. Он писал: «Ведь теологам,

⁸² Vigneulles Ph. de. Chronique / Ed. C. Bruneau. Metz, 1929. Vol. II. P. 187.

⁸³ Montaigne M. de. Essais / Ed. J. Plattard. Paris, 1967. Vol. III. P. 2, III; Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 165.

Монсеньор, требуется детально обсудить этот вопрос, я полагаю, что они, в отличие от меня, не предоставят вам столь широкие возможности; но я - не ученый клирик и рассуждаю лишь по своему воображению, а если вы пожелаете ради своего успокоения узнать об этом больше, то обратитесь к тем, кто печется о вашей совести»⁸⁴.

Добавим, что когда св. Фома Аквинский, под влиянием Аристотеля, в основу своих рассуждений о справедливой войне положил понятие общественного блага, то очень скоро оно стало часто использоваться государями для оправдания своих военных предприятий; как и защита королевства или отчизны, защита общественного блага была только предтечей идеи государственного интереса⁸⁵. Более того, столь характерное для политической мысли и практики позднего Средневековья превозношение персоны и полномочий государя в военной сфере выливалось в превозношение «войн величества» или «величества и чести», которые, в противоположность «обычным войнам», где сражались против соседей или какого-либо линьяжа, означают кампании, когда «государи с войском отправляются или на завоевания в дальние страны, или на защиту и распространение католической веры»⁸⁶. В свете этого Итальянские войны и Никопольский крестовый поход не отличаются друг от друга.

Современники сознавали, что критерий *власти* не отвечал больше новым политическим условиям, сложившимся после разделения христианского мира на большое количество практически суверенных государств, не подчиняющихся материальному и моральному контролю ни со стороны императоров, ни со стороны пап⁸⁷. Они видели также, что понятия *предмета* (*res*) и *причины* (*causa*) могли дать повод для всякого рода юридических уловок. Что касается положения воюющих, то здесь проблемы почти не было, и почти все согласны были со следующим мнением Гийома Дюрана, выраженным в «Зерцале права» (*Speculum juris*): «Клирик может принять участие в справедливой войне, но не для того, чтобы непосредственно командовать людьми, а чтобы заботиться об их нуждах, снабжать деньгами, следить за соблюдением договоров, разрешать споры - в общем, делать все, как делала Римская церковь,

⁸⁴ - *Philippe de Cleves. Instruction de toutes manières de guerroyer. Paris, 1558. P. 3.*

⁸⁵ *Russell F. H. Op. cit. P. 261-262; Post G. Ratiopublicae utilitatis, ratio status und Staatsrason [362]. С XII в. законной причиной для войны стала защита отечества. (Ecclesiastical History of Orderic Vitalis... T. VI. P. 64).*

⁸⁶ *Le débat des hérauts d'armes de France et d'Angleterre / Ed. L. Pannier, P. Meyer. Paris, 1877. P. 12.*

⁸⁷ Кристина Пизанская в «Книге о военном деле и рыцарстве» на вопрос, «почему только королям и суверенным сеньорам дозволено своей властью вести войны против кого-либо», отвечает: такое право имеют одни лишь «императоры, герцоги, короли и другие земные сеньоры, обладающие высшей светской юрисдикцией, а «бароны и другие, сколь бы велики они ни были», могут воевать «с разрешения, согласия или по воле своих суверенных сеньоров» (*Bibl. Nat.. Paris, fr. 1243, f. 2 v°*).

когда поддержала войну в Романье против восставших городов»⁸⁸. Клирики или монахи, переодевшиеся в воинов, с мечом в руке и в гуще сражения⁸⁹ вызывали удивление или возмущение, но зато допускалось, чтобы прелаты, имевшие «во владении какие-либо светские сеньории», могли быть напрямую причастны к военным делам; присутствие духовных пэров, таких, как епископ Бове или архиепископ Реймса, в войске французского короля также считалось нормальным. Противоречия возникали на другом уровне: в то время как светские власти стремились возложить экономические и фискальные тяготы войны не только на мирян, но и на клириков, последние, ссылаясь на свои налоговые привилегии, старались избежать обложения себя и своих доходов.

Проблема моральной ответственности воюющих, вовлеченных в несправедливую войну, давала повод для принятия разных решений. С одной стороны, существовало мнение моралистов и теологов, которое высказал Робер де Курсон: «В делах незаконных не следует повиноваться светским сеньорам, а рыцари, если они чувствуют, что война несправедлива, не должны вставать под стяги государя». Так же рассуждал Стефан Лангтон: «Если король Франции объявляет несправедливую войну королю Англии, то французский рыцарь может подчиниться приказу короля, но ему следует воздержаться от участия в войне или в начале боя покинуть его». Томас Кобхем также полагал, что епископы должны убеждать народ не участвовать в несправедливой войне, если только есть надежда, что весь народ последует этому совету и опасность смуты будет исключена⁹⁰. Другие же, напротив, оставались верными римской традиции безусловного повиновения государю и полагали, что лишь ему пристало знать, справедлива или нет начинаемая им война, а подданные должны только следовать за ним, не опасаясь за свои души⁹¹. Естественно, что власти были очень заинтересованы в том, чтобы восторжествовал этот тезис, и действительно, по мере укрепления дисциплины в армиях, ужесточения системы военных обязательств, вопросы совести, «состояния души», кажется, уходили в небытие. В лучшем случае, сторонники золотой середины, как Хуан Лопес в XV в., утверждали, что подданные могут считать справедливой войну, предпринятую по «указу вышестоящей власти», если только для них не будет очевидным или ее несправедливый, насильственный характер, или что их сеньор желает притеснить кого-либо другого⁹².

⁸⁸ De dispensatione // Speculum juris, IV, 57; пер. цит по: Durand G. Rational on manuel des divins offices / Ed. C. Barthélémy. Paris. 1854. Vol. I. P. XV.

⁸⁹ В 1360 г. во время рейда французов к берегам Англии за оружие взялись не только миряне, но и английские монахи (например, аббат монастыря Бэтл), чтобы отразить это нападение (Jean de Reading. Chronicon / Ed. J. Tait. Manchester, 1914. P. 135; Ranulph Higden. Polychronicon / Ed. C. Babington, J. R. Lumby. T. VIII. P. 410).

⁹⁰ Baldwin J. W. Masters. Princes and Merchants... [921].

⁹¹ Diez de Games (Gulierre). E\ Victorial... [316]. P. 313. - Св. Фома Аквинский придерживался, кажется, того же мнения.

⁹² Soldi-Rondinini G. Il diritto di guerra... [1018].

В конце концов серьезней всего воспринимался критерий *духа*, который в какой-то мере содействовал моделированию конкретных действий в войнах позднего Средневековья. Требовательные умы не преминули сопоставить причину и цель войн с производимыми ими опустошениями. Еще св. Фома Аквинский подчеркивал необходимость пропорционального соответствия между мотивами действия и его последствиями, но только по отношению к тираноубийству: в его глазах восстание против тирана законно только тогда, когда оно причиняет меньше зла, чем сотворил тиран, коего желают свергнуть. Филипп де Мезьер в своем «Послании Ричарду II», королю Англии (1395 г.), пошел еще дальше. Объяснив сначала, что причина какого-либо конфликта, кажущаяся справедливой с точки зрения «человеческой мудрости», может быть Богом в качестве таковой отвергнута, он добавляет, что в расчет необходимо также брать размеры бедствий, которые повлечет за собой начатая война. Поэтому государь без стыда для себя может сразу же отдать потенциальному противнику две трети спорного владения: например, две трети провинции, на которую они оба претендуют⁹³. Эти рассуждения подразумевали взаимную ответственность сторон в случае франко-английского конфликта и необходимость раскаяния обеих сторон: «и должны короли испытывать боль, а рыцари Франции и Англии искренне раскаиваться за великое зло, что они и отцы их жестоко совершили вопреки Богу и своей доблести»⁹⁴.

В свете подобных рассуждений на эту тему друг другу противопоставлялись два вида войны, явно различавшихся по поведению участников: одна - «смертельная», ведущаяся «огнем и кровью», когда все виды «жестокости, убийства, бесчеловечности» считались допустимыми и даже систематически предписывались, а другая - «воинственная» война, «война законная», почетная, «благая», которую ведут «благие воины» в соответствии с «истинной военной справедливостью» или «рыцарской дисциплиной». Не уважать жизнь посланцев и герольдов, согласно, в частности, Филиппу де Виньолю, - «дело невиданное для доброй ссоры и справедливой войны»⁹⁵.

⁹³ Mézières Ph. de. Letter to King Richard II. A plea made in 1395 for peace between England and France / Ed. G. W. Coopland. Liverpool, 1975. P. 126.

⁹⁴ Ibid. P. 122.

⁹⁵ Vigneulles Ph. de. Op. cit. Vol. III. P. 153, 152: «Пусть никто не насилует девиц и женщин, не причиняет никакого вреда беременным женщинам и не прибегает к насилию, как и подобает на доброй войне». Ришар де Вассбург отмечает: до прихода в Италию лотарингского герцога Рене II «венецианцы и итальянцы вели войну, которую они называли „воинственной“, так что более брали в плен ради выкупа, а не убивали противников. Герцог же со своими лотарингцами стал поступать наоборот, и венецианцы стали выражать недовольство, называя лотарингцев „убийцами“, поскольку боялись, что и их враги будут поступать так же» (цит. по: Schmlidt-Chazan M. Histoire et sentiment national chez Robert Gaguin // Le métier d'historien au Moyen Age. Etudes sur l'historiographie médiévale / Sous la dir. B. de Guenée. Paris, 1978. P. 251).

Пока предписания благой войны соблюдаются, воины своим ремеслом не пятнают свою душу; как говорил Оноре Бове, битва сама по себе не является дурной, но использовать ее можно по-дурному⁶⁶. И в трактате «Юноша» Жана де Бюэя сказано: «...если война ведется законно, мудро и по благому праву, то она справедлива и угодна Богу»⁶⁷. «Викториал» также утверждал, что «можно спасти свою душу, даже воюя против христиан, если соблюдается несколько условий: не убивать своего врага, как только он оказался в твоей власти, уважать церкви, не причинять зла нашедшим в них убежище, не брать никакого церковного имущества, за исключением того случая, когда больше нигде нельзя найти пропитания (в этом случае дозволяется взять пищи на данный час, но не более, чтобы только поесть самому и накормить своего коня), не захватывать и не похищать замужних или свободных женщин, не жечь посевы и дома, поскольку это задевает интересы невинных и смиренных людей, не заслуживших наказания»⁶⁸. Уже в «Сборнике богослужений» Гийома Дюрана (конец XIII в.) разрешалось без ограничений захоранивать на кладбище с заупокойной службой погибших при защите справедливости и воинов, убитых в войне за правое дело; просто предписывалось лишь не вносить в церковь тела убитых, чтобы кровь не пачкала мощный пол.

Рукопись XV в. иносказательно определяет идеал благой войны, перечисляя «десять обвинений», которых не должно быть на турнирах знатных людей, если только они оказались виновными:

«Грабителей церквей
И отлученных от церкви.
По злему умыслу убийц.
Насильников девиц.
Клятвопреступников добровольных,
Бежавших с поля боя,
Не могущих выиграть битвы,
Поджигателей,
Предводителей бандитов
И морских пиратов»⁶⁹.

Это значит, что «право в войне» (*jus in bel lo*) в сознании современников мало-помалу затмевало «право на войну» (*jus ad bellum*)¹⁰⁰ и во многом стало просто кодификацией рыцарского идеала, запрещавшего действия, противные «всякому благородству и рыцарству». Заметим, однако, что этот идеал воплощался одновременно в нравственных императивах, регулировав-

⁶⁶ Bonel H. Op. cit. P. 82-83.

⁶⁷ Bueil. de. Le Jouvencel [9]. Vol. II. P. 265.

⁶⁸ Diez de Cames (Gutierre). El Victorial... [316]. P. 313-314.

⁶⁹ Bibl. Nat., Paris, fr. 1997, f. 18 v°-19 v°.

¹⁰⁰ Johnson J. T. Ideology, Reason and the Limitation of War... [935].

ших поведение военных, в правилах военной дисциплины, как и в ряде обычаев, традиций, ритуалов, свойственных миру военных (*право оружия* (*jus armorum*)))¹⁰¹.

Руководствуясь разными соображениями, власти и военные предводители часто стремились навязать своим войскам «рыцарскую дисциплину», следствием чего была не только некоторая гуманизация войны, но и укрепление боеспособности армий. Борьба с «дурными подвигами», с «кражами, грабежом, убийствами, святотатством, насилием женщин, поджогами, захватом людей»¹⁰² была на пользу как государям, так и гражданскому населению. Вот почему военные ордонансы содержали приказы и предписания морального характера. Пример тому — «статуты, приказания и обычаи для войска», обнародованные Ричардом II в 1385 г.: они требовали, под страхом смерти, не осквернять Святое причастие и сосуды для Святых Даров, не грабить церкви, не нападать ни на клириков, ни на женщин, ни на гражданских лиц; грабеж домов вообще и потрава лугов также были формально запрещены¹⁰³. Начиная с законов Фридриха Барбароссы (*Lex pacis castrensis*, 1158 г.) различные законодательные тексты Империи отвечали той же цели. Так, один из них (*Sempacher Brief*, 1393 г.) брал под защиту женщин, а также церкви и другие святые места.

Однако усилиям, направленным на гуманизацию войны, противостоял целый ряд факторов, из которых можно выделить три основных:

1. Государства во многих случаях проявляли заинтересованность в том, чтобы, по-возможности, вести тотальную войну безо всякой пощады к противнику; понятие оскорбления величества, в частности, помогало оправдать массовое хладнокровное уничтожение людей. Во время Столетней войны английская монархия несколько раз давала примеры неукротимой жестокости. Позднее Людовик XI, как и Карл Смелый, отдавал своим войскам приказы все опустошать и без жалости убивать всех сопротивляющихся. Подобные жестокости встречаются, в масштабах вполне сравнимых, и во время крестовых походов против гуситов.

2. Право оружия, рыцарская дисциплина со всеми ограничениями, более или менее нравственными, могли в любом случае применяться только к армиям, набранным из благородного, феодального сословия; но в позднее Средневековье появляется очень много авантюристов, малочувствительных к рыцарским призывам: это наемники «Больших компаний» и «шкуродеры» во Франции, отряды кондотьеров в Италии, ландскнехты в Германии, албанские стратоты времен Итальянских войн; они были самыми известными, не только

¹⁰¹ Contamine Ph. *Guerre, Etat et société* [457]. P. 187-192, 202-203. - Отметим, что «обычаи войны» запрещали использовать пытки, чтобы заставить говорить военнопленного (*Bueil J. de Le Jouvencel* [9]. Vol. II. P. 91).

¹⁰² *Bibl. Nat.*, Paris, fr. 5737, f. 17 et s.

¹⁰³ *Black Book of the Admiralty* / Ed. T. Twiss. P. 453-454.

свободно проявляли все свои дикие, садистские инстинкты, но и содействовали изменению общей атмосферы войны, хотя она и велась в основном традиционно военными слоями общества.

3. В противоположность аристократической войне, легко превращавшейся в большой полусерьезный полуразвлекательный турнир или серию авантюры и «военных приключений», которые были желанны и ценны сами по себе, война коммун, война народная предлагала поведение несомненно более жестокое: фламандские коммуны систематически уничтожали побежденных, не признавая практику выкупов, поскольку считали ее приманкой или проявлением низости. Когда рыцарская знать вступала в сражения с коммунами, то она неизбежно действовала таким же образом: в ответ на избиение французских рыцарей в сражении при Куртре были избиты фламандские ремесленники при Касселе и Розбеке. К этому способу ведения войны, лишенному всякой куртуазности, можно добавить военные обычаи ирландцев и швейцарцев: «Военный устав» Люцерна 1449 г. предписывал не брать никого в плен, а убивать; устав Цюриха 1444 г. считал необходимым запретить воинам вырывать сердце из тела мертвого противника и разрезать трупы; по свидетельству Фруассара, ирландцы «признают человека мертвым лишь после того, как разрежут ему глотку, как барану, вскроют живот, вырвут и унесут сердце, а по словам тех, кто хорошо знает их натуру, они его съедают, совершая большое преступление, выкуп же ни за кого не принимают»¹⁰⁴.

Если в конце Средневековья отношения между государствами выиграли с формальной стороны, по части вызовов и объявлений войны¹⁰⁵, перемирий¹⁰⁶, охранных грамот¹⁰⁷, мирных переговоров и договоров, и если растущие требования к дисциплине иногда помогали командующим лучше контролировать действия своих людей, то распространение наемничества, возросшая роль пехоты народного происхождения и обострение политических амбиций, напротив, часто влекли за собой рост насилия и жестокости во время военных операций, а требования государственного интереса увеличивали количество поводов для конфликтов.

¹⁰⁴ Froissart]. Œuvres: Chroniques / Ed. Kervyn de Lettenhove. Vol. XV. P. 168.

¹⁰⁵ Glénisson J. Notes d'histoire militaire... [353]. - Примеры вызовов см.: Froissart J. Chroniques / Ed. G. Raynaud. Paris, 1899. Vol. XI. P. 96; Molinet J. Op. cit. / Ed. Kervyn de Lettenhove. Vol. XIII. P. 270. *La Marche O. de Mémoires* / Ed. H. Beaune, J. d'Arbaumont. Paris, 1883. Vol. I. P. 256; *Champollion-Figeac. Lettres de rois, reines et autres personnages*. Paris, 1847. Vol. II. P. 495-496, n° 257.

¹⁰⁶ Fowler K. Truces // *The Hundred Year War* / Ed. K. Fowler. London, 1971. P. 184-215. Примеры примирений см.: Molinet J. Chroniques / Ed. G. Doutrepoint, O. Jodogne. Bruxelles, 1935. Vol. I. P. 119-120; Arch. dep. Pyrénées-Atlantiques E 77; *Vigneulles Ph. de Chroniques* / Ed. C. Bruneau. Metz, 1932. Vol. III. P. 78; *Cosneau E. Les grands traités de la guerre de Cent ans*. Paris, 1889. P. 71-99, 154-171.

¹⁰⁷ О возрастающей роли герольдов см.: Adam-Evén P. Les fonctions militaires des hérauts d'armes... [346].

5. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАЦИФИЗМ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Учение Ветхого Завета, ограничительное толкование пацифистских стихов Нового Завета, унаследованная от римского права идея о том, что всегда дозволено сопротивляться силе силой и что «защита предусмотрена естественным правом, поскольку принадлежит не только человеческим существам... но и животным бессловесным»¹⁰⁰, так что даже клирики могут законно сопротивляться насилию, концепция религиозной истины как высшего блага, которую надлежит любой ценой защищать от угроз и нападок неверных и еретиков, ради чего Церковь выполняла самые разные мирские обязанности, а также то, что христианство со времени Константина, а позднее - Хлодвига, получило доступ к власти, - все это помешало средневековому пацифизму обрести определенную форму. Никогда Церковь наставляющая не осуждала все виды войн и никогда не предавала осуждению все типы воинов.

Тем не менее, не раз движения за мир, настоящие кампании ради умиротворения и примирения¹⁰¹ развивались на Западе с разрешения, благоволения и при участии Церкви и духовенства. Папство, великие знатоки католического права и теологи испытывали явное беспокойство по поводу войн между христианами. Критерии справедливой войны, четко определенные со второй половины XII в., приводили к осуждению очень большого числа конфликтов, поэтому папы и их легаты особо благоволили к арбитражу, судебным инстанциям и переговорам. От Данте к Викилифу, от Марсилиа Падуанского и Пьера Дюбуа, чешского короля Иржи из Подебрада к Эразму Роттердамскому передавалась неизбывная надежда - серьезный, хотя и иллюзорный проект создать под эгидой единой власти или суверенной ассамблеи новое христианское общество, где война была бы запрещена по закону и не известна на деле". В отдельные эпохи мир становился настоящей политической концепцией, предметом всеобщих упований. И наряду с литературой о войне существовала литература о мире: «Книга мира» Кристины Пизанской, «Книга мира» Жоржа Шатлена, несколько речей и проповедей Жана Жерсона. Добавим, что если

¹⁰⁰ Le Songe du Verger // *Revue du Moyen Age latin*. 1957. N 13. P. 59.

¹⁰¹ Fauchez A. Une campagne de pacification en Lombardie autour de 1233 // *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'Ecole française de Rome*. 1966. N 78. P. 503-549.

¹⁰² В Средние века существовало утопическое представление, что где-то есть страна или общество, где совсем не знают войны и насилия. Филипп де Мезьер, например, говорит о стране «бригадинов», где «нет разбойников и они никогда не воюют друг с другом». Он же пишет о «дальнем Египте», т. е. Эфиопии: «Католическая вера там процветала и давала богатые плоды. Милосердие царило во всем своем величии. Не было ни бедняков, ни еретиков. Блага одного были благами другого. Там не знали войн, ссор и злоумышлений. Блага мирские и духовные были в изобилии» (*Mézières Ph. de. Le Songe du Vieil Pèlerin* / Ed. G. W. Coopland. Cambridge, 1969. Vol. I. P. 224, 231).

политики, светская и духовная элита не стремились к миру любой ценой и в общем полагали, что лучше справедливая война, чем неправый мир¹», то отношение народа было иным. «Все хорошо знают, что когда приходится судить и рядить о войне, то бедным людям лучше не мешаться, поскольку они только и мечтают о том, чтобы жить в мире»².

Нравственное беспокойство по поводу войны вообще или частных конфликтов проявлялись тут и там. Петр Дамиани в XI в. заявлял, что «ни при каких условиях нельзя братья за оружие, дабы защитить веру Вселенской церкви; а еще менее дозволено людям прибегать к сражениям ради земных, переходящих благ»³. В XII в. некто Нигер протестовал против крестового похода, сомневаясь, что он совершался по воле Божьей⁴. Согласно разным французским хронистам, английский рыцарь Джон Корнуэльский, потеряв сына, убитого из пушки при осаде г. Мо в 1420 г., увидел в этом знаке то, что война ведется Генрихом V против воли Господа и неразумно; боясь погубить душу в этом несправедливом конфликте, он покинул экспедиционный корпус, вернулся в Англию и дал клятву никогда не воевать против христиан⁵.

Наиболее законченное выражение средневековой идеи ненасилия следует искать у маргиналов, еретиков и симпатизирующих им. Пока нет углубленного исследования этой проблемы, наметим несколько отправных точек. В начале XIII в. группа вальденсов позволила папе Иннокентию III убедить себя вернуться в лоно официальной Церкви, но при условии освобождения от военной службы. Позднее в Италии таким же освобождением пользовались терциарии ордена св. Франциска, кающиеся и пребывающие в состоянии воздержания. Одна сторонница вальденсов, допрошенная в 1321 г. епископом Памье Жаком Фурнье, заявила: «Убийство христианина в любой войне является грехом»⁶.

А по мнению «совершенных» катаров, всякому человеку запрещено убивать себе подобного, будь то во время войны или защищаясь от злодея. Любая война расценивалась ими как преступная, и солдат, повинующийся начальству, как и судья, выносящий смертный приговор, - не кто иные, как убийцы. Здесь, как и в других вопросах, катары возродили некоторые положения учения доконстантиновской Церкви.

¹ Gerson J. Œuvres complètes / Ed. P. Glorieux. Paris. 1966. Vol. VII. P. 219.

² Boneth H. L'arbre de batailles [913]. P. 71.

³ Patr. Lat. T. CXLIV. P. 316.

⁴ Flaliff G. B. Deus non vult // MS. 1947. N 9. P. 162-188.

⁵ О дававшемся некоторыми воинами обете не поднимать оружия против христиан см.: Livre des miracles de Sainte-Catherine-de-Fierbois (1375-1470) / Ed. Y. Chauvin. Poitiers. 1976. P. 33.

⁶ Le registre d'inquisition de Jacques Fournier (évêque de Pamiers), 1318-1325 / Trad. J. Duvernoy. Paris; La Haye; New York, 1978. Vol. I. P. 148.

Пацифизм был одной из составляющих и учения лоллардов, и не исключено, что упомянутый выше английский рыцарь был как-то связан с этим религиозным течением. Согласно Николасу Херефорду, «Иисус Христос, предводитель нашего воинства, учил нас закону терпения, дабы мы отказывались от телесных сражений»¹¹⁷. Одно из двенадцати положений лоллардов, осужденных в 1395 г., гласит, что «убийство в сражении <...> явно противоречит Новому Завету ввиду заповеди Христа любить ближнего, иметь милосердие к своим врагам и не убивать их»¹¹⁸. Другое их положение упоминает оружейное ремесло среди ремесел, бесполезных для человека, и оно подлежит упразднению ради совершенствования добродетели»¹¹⁹. Виклиф же критиковал использование Ветхого Завета для оправдания войны.

Процессы против лоллардов, проведенные в епархии Норвича в 1428-1431 гг. показывают, что, согласно мнению одного из обвиняемых, каковы бы ни были обстоятельства, сражаться - значит творить зло, а большинство других утверждают, что злом является даже борьба за свое отечество или наследство. Довод у всех был один: участие в борьбе свидетельствует о недостатке милосердия. Для этих лоллардов злом является также осуждение на смерть, даже и по закону, убийц, воров, изменников, ибо мщение должно быть предоставлено Богу¹²⁰.

В противовес пацифистским взглядам лоллардов кембриджские теологи Уолтер Брют и Уильям Суиндерби в 1393 г. сформулировали официальную позицию Церкви: «Борьба в защиту справедливости как с неверными, так и с христианами - дело святое и дозволенное, иное же мнение является заблуждением. Согласно этому утверждению, христианам не позволено сражаться с неверными, язычниками и другими даже в целях их насильственного обращения в христианство; нельзя также сражаться и с христианами ради поддержания справедливости. Это мнение ложное и представляет собой заблуждение по следующим причинам. Во-первых, ни один христианский король тогда не смог бы защищать свои земли от завоевателей и изменников, и король Англии не имел бы права защищать свое королевство от французов, шотландцев или кого-то другого. Во-вторых, учение отцов Церкви поддерживало и оправдывало справедливые войны, позволяя христианам вести их, если целью является защита справедливости или охранение Церкви и католической веры. Поэтому признанные Церковью святые отпускали грехи тем, кто воевал во имя этой цели, и сам Господь одобрял такие справедливые войны и на самом деле

¹¹⁷ Цит по: *Bainton R. H. Christian Attitudes towards War and Peace...* [920].

¹¹⁸ *McFarlane K. B. Lancastrian Kings and Lollard Knights. Oxford, 1972. P. 177.*

¹¹⁹ Таково же было отношение и Петра Дамиани (*Patr. Lat. T. CXLV. P. 681-682*).

¹²⁰ *Heresy Trials in the Diocese of Norwich, 1428-1431 / Ed. N. P. Tanner. Camden Fourth Series, 20. London, 1977.*

часто приказывал избранному народу братья за оружие, о чем свидетельствует почти весь Ветхий Завет. Именно в этом состоит истинно католическое учение, а все противное ему, как вышесказанное, - заблуждение. Положение о том, что христианину запрещено защищаться и сопротивляться, когда на него нападают, также является заблуждением. Согласно этому утверждению, христиане не могут свободно и решительно защищаться, когда их оскорбляют, нападают на них или совершают какое-либо другое насилие. Это мнение противоречит благу всеобщего мира, всякому порядку управления и разуму. Придерживаться нужно не этого ложного мнения, а противоположного, согласно которому христиане могут решительно защищаться, прежде всего, в случае несправедливых оскорблений и против силы употреблять силу, особенно когда обидчиков не ждет скорое наказание»¹²¹.

Отметим также, что в гуситском движении, наряду с течением, оправдывавшим войну и сопротивление крестоносцам во имя истины, невинности и отчизны, было и другое течение, проповедовавшее ненасилие, которое представлял теоретик Союза богемских братьев Петр Хельчинский. Он насмехался над теми, кто по пятницам воздерживался от свинины и в то же время с легкостью проливал человеческую кровь; по его мнению, первый век существования Церкви, когда она была миротворицей, - век золотой, ибо христианский закон как закон любви запрещает убийство, таким образом, исполняющие его должны, конечно, повиноваться государству, воздавая кесарю кесарево, но отказываясь при этом от публичных функций и военной службы¹²².

Иначе говоря, с одной стороны, эти неортодоксальные течения распространяли на коллективы и публичные власти те запреты, которые Церковь традиционно налагала только на частных лиц и поведение индивидуумов; с другой же стороны, они вменяли в обязанность всему сообществу христиан то миролюбие, которого официальная Церковь требовала от духовных лиц и людей, стремящихся к совершенству.

В свете этого кажутся понятными ответы вальденского дьякона Раймона де Сент-Фуа, данные на инквизиционном допросе Жаку Фурнье в 1321 г. Действительно, еретик заявил, что «светской власти дозволено казнить и карать преступников, ибо без этого не будет ни мира, ни безопасности людям»; он считал даже, что «справедливо и законно казнить» еретиков, таких, как манихеи, «если они не хотят вернуться в лоно истинной веры и Римской церкви»; он допускал также, что «те, кто убивает или приговаривает к смертной казни злодеев или еретиков, пребывают в состоянии спасения»; он полагал, что дозволено и справедливо воевать с язычниками и неверными, не желающими, несмотря на внушения церкви, обратиться к истине, и что христианский госу-

¹²¹ Allmand C. T. Society at War... [299]. P. 38-39.

¹²² Seibt F. Hussitica... [949]. P. 18-57.

дарь вправе вести войну с христианами, «чтобы отбить нападение или покарать за святотатство и неповиновение». Но что касается его самого, то будучи «совершенным», он отказывался участвовать во всех этих насильственных действиях, и даже если бы какой-то бандит хотел убить его, то он лишь попытался бы помешать ему палкой или мечом; и если бы при этом он, к несчастью, случайно его убил, то совершил бы грех, правда, не такой тяжкий, как убийство доброго человека¹²³.

6. ХРИСТИАНСТВО И ВОЙНА

Сколько бы Церковь в своих воззрениях на войну ни проявляла сдержанности и настороженности (часто скрывая их с помощью абстрактной схоластической лексики и формальной логики), тем не менее христианство и война, Церковь и воины не противостояли друг другу, а в общем, хорошо ладили и пользовались взаимной поддержкой. Многие средневековые клирики, несомненно, согласились бы принять на свой счет слова Лакордера, сказанные на похоронах генерала Друо: «Нет другой более верной аналогии, чем аналогия между монахом и солдатом: та же дисциплина и то же самоотвержение»¹²⁴.

Стоит прежде всего посмотреть, сколь часто духовные писатели, проповедники, теологи прибегали по примеру св. Павла¹²⁵ к военным образам, говоря о каком-либо религиозном поведении или чувстве. Их использовали Жюльен де Везеле в проповеди «О вооружении рыцаря Христова»¹²⁶ и папа Иннокентий IV, сравнивший Париж, ставший интеллектуальным центром, с крепостью¹²⁷; в раннем Средневековье с крепостью часто сравнивали рай¹²⁸. В связи с этим процитируем письмо Жоффруа де Бретейя аббату Жану: «Если в донжоне нет оборонительного оружия, то его столь же трудно защищать, сколь и легко взять приступом <...>. Монастырь же без библиотеки - это замок без арсенала, ибо нашим арсеналом является библиотека. Именно из нее мы получаем правила Божьего закона, которыми, как добрыми стрелами, отражаем натиск Врага. Именно туда мы идем за панцирем справедливости, шлемом спасения, щитом веры и мечом духа, коим является слово Божие»¹²⁹. Бернардино Сиенский в XV в. написал проповедь «О войне

¹²³ Le registre d'inquisition de Jacques Fournier... 1978. Vol. I. P. 83.

¹²⁴ Ср. с Ансельмом Хавельбергским, классически сближавшим военную и монашескую дисциплину (*Anselme de Havelberg. Dialogues* / Ed. G. Salet. Paris, 1966. Vol. I. P. 98-100).

¹²⁵ Eph. 6, 11-12.

¹²⁶ *Julien de Vézelay. Sermons* / Ed. et trad. D. Vorreux. Paris, 1972. Vol. II. P. 594-616.

¹²⁷ *Genicot L. Le XIIIe siècle européen*. Paris, 1968. P. 227.

¹²⁸ *Riche P. Les représentations du palais dans les textes littéraires du haut Moyen Age* // Francia. 1976. N 4. P. 171.

¹²⁹ *Patr. Lat. T. CC V P. 844-845.*

и нападении на рай, или небесный Иерусалим» (*De pugna et sacco manno paradisi seu caelestis Ierusalem*)¹³⁰. А Жерсон говорил о «многочисленном христианском рыцарстве ангелов»¹³¹.

В первой половине XIV в. Бартоломео Урбинский, отшельник, живший по уставу св. Августина, ставший затем епископом Урбино, составил «Трактат о духовном военном деле в сравнении с мирским» (*Tractatus de re bellica spirituali per comparisonem ad temporalem*), где широко использовал античных военных авторов: Валерия Максима, Вегеция, Саллюстия, Фронтину, Тита Ливия и др.¹³²

Если сравнение и сближение «духовного» (*spiritualia*) с «военным» (*militaria*) стало обычным делом, то не только потому, что вездесущность войны в жизни средневекового общества давала людям Церкви возможность пользоваться более понятными их читателям и слушателям образами; важнее то, что сама духовная жизнь на протяжении долгого времени была глубоко проникнута сознанием непрерывной, беспощадной борьбы небесного воинства с дьявольскими легионами. Таков был дух Ключни. «Если призвание ключников и отличалось от рыцарского, оно все же было героическим, но речь шла о борьбе с дьяволом»¹³³. Литургическую службу этого ордена можно было представить как ритуальное сражение с силами зла. Еще в XII в. Жюльен де Везеле писал в упомянутой выше проповеди: «Мы вовлечены в страшную войну. Рыцари Христовы, беритесь за оружие <...>. Будьте мужественны, рыцари Христовы <...>. Враг - у наших ворот, нельзя терять ни мгновения, нужно немедленно вступать в рукопашный бой. Наши враги многочисленны, и они осыпают нас пылающими стрелами со всех сторон. Если они поймут, что мы плохо подготовлены и беззащитны, они, вытащив мечи, еще смелее будут потрясать оружием и еще неистовее будут осаждать нас. Это такой враг, с которым мы не можем заключить ни самого краткого перемирия, ни мирного договора»¹³⁴.

В то время, когда рыцарство избавлялось от старой идеи, еще живой при Ионе Орлеанском и Хинкмаре Реймском, согласно которой солдат не

¹³⁰ Saint Bernardin de Sienne. Opera omnia. Firenze, 1940. T. II. P. 452—470.

¹³¹ Gerson J. Œuvres complètes / Ed. P. Glorieux. Paris, 1966. Vol. VII. P. 763.

¹³² Bibl. Nat., Paris, lat. 7242, f. 127 r°-162 r°; см. также: Cardini F. Psicomachia e guerra santa. A proposito di un trattato allegorico-morale duecentesco // ASI. 1970. P. 53-101.

¹³³ Цит. по: Rosenvein B. И. Feudal War and Monastic Peace... [1985].

¹³⁴ Julien de Vézelay. Op. cit. Vol. II. P. 595. См. также иллюстрацию к «Саду наслаждений» (*Hortus deliciarum*) Герарда Ландсбергского, на которой дьяволы, вооруженные луками и стрелами, сбивают с лестницы, ведущей к Господу и раю, людей разных состояний (отшельник, затворник, монах, клирик, мирянин, воин), тогда как ангелы с мечами и щитами пытаются помешать им (*Winter J. M. Van. Ridderschap Ideall en Werkelykhend. Bussum, 1965. F. 16*).

может жить в соответствии с нравственным законом¹³⁵, стал быстро развиваться культ святых воинов (хронологию и географию этого культа еще предстоит уточнить) - патронов рыцарства, таких как святые Маврикий, Георгий и Михаил, покровителей воинских братств и военных специалистов, как св. Себастьян у лучников и св. Варвара у канониров. В легенде о св. Георгии его битва с драконом с оружием в руках оттеснила отказ служить императору-язычнику. В иконографии изображение св. Михаила в рыцарском доспехе затмило его изображения в обычном одеянии. Были причислены к лику святых или блаженных такие государи-воины, как Карл Блуаский (XIV в.) и Людовик IX (XIII в.), биографию последнего Жуанвиль преднамеренно составил в виде диптиха. «В первой части говорится, как он управлял по заветам Бога и Церкви на пользу своего королевства. Во второй части речь идет о его рыцарских деяниях и военных подвигах»¹³⁶. Если в каролингскую эпоху архиепископ Лионский Агобард предписывал убирать из церквей любые изображения, связанные с войной (значит, они уже были)¹³⁷, то позднее витражи, фрески, скульптуры, капители как романского, так и готического стиля воспроизводили значительное количество военных образов: сражающихся воинов, рыцарей со знаменами, мечами, копьями и т. д. Знаменитая скульптура Реймского собора изображает вооруженного рыцаря в кольчужном головном уборе и со скрещенными руками, принимающего благословение священника. И наоборот, в армиях того времени было множество религиозных символов. На оружии, например, делали благочестивые надписи: так называемый меч св. Маврикия, сохранившийся в императорской сокровищнице в Вене, с надписью: «Человек Божий. Во имя Господа. Христос побеждает. Христос царствует. Христос повелевает». Украшенные религиозными образами и надписями знамя и выпел Жанны д'Арк были далеко не единственными в своем роде. Такие же были почти во всех войсках того времени - в бургундских, английских, лотарингских и т. д. Некоторые знамена: знамя св. Иакова в Компостеле, св. Ламберта в Льеже и орифламма св. Дионисия¹³⁸ - были священными и чудотворными. Примечательно, что появившиеся, несомненно, во время первого крестового похода матерчатые кресты разной формы и цвета позднее, с XIV в., стали использоваться как опознавательные знаки английскими,

¹³⁵ De Institutione laicale // Patr. Lat. T. CVI. P. 121; De coercendis i filitum rapinis // Ibid. T. CXXV. P. 953-956.

¹³⁶ Joinville J. de. Œuvres / Ed. N. de. Wailly. Paris, 1867. P. 4.

¹³⁷ Marie R. Van. Iconographie de l'art profane. Vol. I. P. 280.

¹³⁸ Rozmital L. de. Travels. P. 117; Gaier C. Le rôle militaire des reliques et de l'étendard de saint Lambert dans la principauté de Liège // MA. 1966. N 72. P. 235-249; Contamine Ph. L'oriflamme de Saint-Denis [458].

французскими, бретонскими, бургундскими, лотарингскими воинами¹³⁹. Значит, как религиозные символы стали военными, так одновременно и военные - религиозными.

Полевому сражению обычно предшествовало совершение религиозных обрядов, и, предвидя смерть, люди исповедовались, причащались, слушали мессу и крестились. Типичной и классической была прелюдия к ожидаемому сражению в 1339 г. близ Бюиронфосса между англичанами и французами. «Когда наступила пятница, то утром оба войска приготовились к бою и прослушали мессу - каждый сеньор со своими людьми и на своей квартире. Некоторые исповедались и причастились, приготавливаясь к смерти, если она настигнет их»¹⁴⁰. Говоря о часто упоминаемом в героическом эпосе ритуале, трувер Кювелье так описал поведение соратников дю Геклена накануне битвы под Понвалленом:

Взяв хлеб, они его, перекрестив, благословили
и после этого, как на причастии, вкусили.
Благочестиво исповедались друг другу,
молитвы прочитали, Господа прося,
чтобы избавил их от злых мучений¹⁴¹.

Перед сражением при Азенкуре Генрих V и его люди, «прежде чем вступать в бой, преклонили колени и трижды поцеловали землю»¹⁴².

Во время осады Иври англичане, опасаясь подхода французов, «из страха перед сражением выбрали место, освятили его и посреди поставили крест»; несомненно, они таким образом определили место для захоронения, дабы после боя убитые могли быть погребены в освященной земле¹⁴³.

¹³⁹ Крест крестоносцев см. на скульптуре, изображающей, как полагают, Гуго I. графа де Водемона, и его жену (вторая половина XII в.), в Лотарингском музее г. Нанси; позднее этот крест воспроизведен на миниатюре XV в. (*Winter J. M. Van. Op. cit. Fig. 17*). О крестах на «униформах» конца Средневековья см.: *Contamine Ph. Guerre, Etat et société...* [457]. P. 668-670. В 1214 г., во время кампании, завершившейся битвой при Бувине, противники Филиппа Августа «прикрепили на груди и спине доспехов маленькие знаки крестов» (*Duby G. 27 juillet 1214. Le dimanche de Bouvines* [244]. P. 155). Некоторые итальянские города имели в качестве палладиума особые военные повозки, которые брали в сражение; в Парме повозка (*Blancardo*) была украшена изображениями Богородицы и святых покровителей города.

¹⁴⁰ *Froissart J. Chroniques* / Ed. S. Luce. Paris, 1869. Vol. I. P. 177. - По словам Фруассара, в 1382 г. перед сражением под Беверхуцфельдом перед гентскими войсками было одновременно отслужено семь месс и каждая сопровождалась часовой или полчасовой проповедью, произнесенной братом-проповедником. Каждые трое из четырех солдат исповедались (*Chroniques* / Ed. G. Rrynaud. Paris, 1897. Vol. X. P. 221-222).

¹⁴¹ *Cuvelier. Chronique de Bertrand du Guesclin* / Ed. Charrière. Paris, 1839. Vol. II. P. 175, v. 18397-18402.

¹⁴² *Kingsford C. L. English Historical Literature in the Fifteenth Century*. Oxford. 1913. P. 317. Перед битвой при Азенкуре каждый английский солдат положил в рот комок земли (*Gesta Henrici Quinti* / Ed. F. Taylor, J. S. Roskell. Oxford, 1975. P. XXXV).

¹⁴³ *Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot* / Ed. Vallet de Viriville. Paris, 1864. P. 197.

Во время сражения капелланы и священники молились за победу своих войск. Капеллан Генриха V вспоминал о битве при Азенкуре так: «И тогда, пока продолжалось сражение, я, пишущий эти строки, сидя на коне в обозе за линией битвы, и другие священники склонили свои души перед Богом и, вспоминая все, чему учит Церковь, в сердцах своих молили: „Вспомни о нас, Господи! Враги наши, собравшись, похваляются храбростью. Порази их и рассей, чтобы поняли они, что за нас сражается не кто иной, как Господь наш!“»¹⁴⁴.

Даже в бою сражающиеся не забывали призывать небесную помощь, чему свидетельством являются такие военные кличи: «Святой Георгий» - у англичан, «Святой Дионисий» - у французов, «Святой Ив» - у бретонцев и другие («Нотр-Дам-Сен-Дени», «Нотр-Дам-Сен-Жак», «Нотр-Дам-Клекен», «Нотр-Дам-Оксерр»).

Естественно, по окончании сражений совершались религиозные обряды¹⁴⁵ - отпевание и погребение мертвых - в зависимости от местных условий или социального статуса жертв; победители служили благодарственные мессы и «Te Deum»¹⁴⁶, кроме того, они могли подарить военные трофеи - знамена, шпоры, оружие - каким-либо святилищам, основать богатый монастырь или скромную молельню. После битвы при Гастингсе Вильгельм Завоеватель основал аббатство Бэттл [букв.: «Сражение». - *Примеч. пер.*], главный алтарь которого был возведен на том самом месте, где погиб Гарольд; Филипп Август после сражения при Бувине основал аббатство Победы близ Санлиса; Филипп Валуа после Кассельского сражения подарил собору Парижской Богоматери свою конную статую, а Карл VI после битвы при Розбеке принес в дар собору Шартрской Богоматери свой доспех. Золотые шпоры побежденных при Куртре (1302 г.) фламандцы развесили в соборе этого города, откуда французы забрали их восемьдесят лет спустя, после битвы при Розбеке. В честь снятия осады Тарта, в 1442 г., Карл VII велел возвести там «красивый крест и часовню», украшенные его гербом и с указанием даты события, а чтобы увековечить память о нем, ежегодно 24 июня должны были служить мессу¹⁴⁷. Известно, что Жанна д'Арк, по обычаю раненых, передала свой доспех в Сен-Дени, как задолго до нее поступил и Гийом Оранжский в отношении Сен-Жюльен де Бриуд. В других святилищах также были вклады военных, такие

¹⁴⁴ Gesta Henrici Quinti... 84. 13 августа 1429 г. парижский епископ Жак дю Шателье отслужил торжественную мессу по случаю сражения, которое должно было произойти в тот же день между войском короля (Генриха VI) и войском Карла Валуа (*Luce S. Jeanne d'Arc à Domrémy*. Paris, 1886. P. 252-253).

¹⁴⁵ Эти обряды пока еще не исследованы.

¹⁴⁶ «Te Deum» отслужили по приказу Карла VII после победы при Кастильоне (BEC. 1846. N VIII. P. 246-247). Другие примеры см.: *Pelt J. -B. Ephémérides de la cathédrale de Metz (V^e-XVe siècle)*. Metz, 1934. P. 43, 46.

¹⁴⁷ *Vale M. G. A. English Gascony 1399-1453. A Study of War, Government and Politics during the later stages of the Hundred Years' War*. Oxford, 1970. P. 207, n° 6.

как в Сент-Катрин де Фьербуа близ Тура¹⁴⁸ или во францисканской церкви Мадонна-делла-Грациа близ Мантуи. Узнав о поражении бретонского герцога Франциска II в 1468 г., Людовик XI приказал построить близ ворот Пьерфон в Компьене капеллу, посвященную Деве Марии, под названием Богоматерь Спасения или Добрых Вестей, или же Благой помощи¹⁴⁹. Баталья (доминиканские церкви и монастырь) была основана в память о победе Жоана I Португальского при Алжубарроте в 1385 г. и посвящена Богородице под именем Санта-Мария-Виктория¹⁵⁰. Во время кампании 1476-1477 гг., в результате которой была одержана победа под Нанси над Карлом Смелым (5 января 1477 г.), лотарингский герцог Рене II вел свои войска под покровительством Девы Марии Благовещения, и ее образ был запечатлен на его «главном знамени и штандарте». Отвоевав свое герцогство, он сделал «большие дары» церкви Благовещения во Флоренции и в «честь Девы Марии целый год носил белую одежду». В благодарность за победу его заботами в 1482 г. была основана церковь при монастыре кордельеров в Нанси, посвященная Деве Марии Благовещения. А на месте самого сражения он велел построить капеллу «в вечную память о победе». В этой капелле, освященной в 1498 г. епископом Туля Ольри де Бламоном и называвшейся Богоматерью Победы, или Благой помощи, была поставлена статуя Девы Марии Милосердия. Более того, в том самом месте, где было найдено тело убитого герцога Бургундского, близ пруда Сен-Жан, был возведен крест с двумя поперечинами. Такой же крест Рене II дал своим войскам, в знак почитания его анжуйскими предками части истинного Креста, хранившегося в Боже в реликварии. Этот символ, входивший в герб «древней» Венгрии, напоминал ему также и о Готфриде Бульонском, потомком которого он себя считал¹⁵¹. Этот лотарингский пример прекрасно показывает, как накануне Нового времени могла устанавливаться связь между войной (и победой), «национальными» культами, амбициями и династическими традициями.

Соборы, церкви и часовни хранили не только оружие, в качестве вкладов помещенное военными, но также и штандарты побежденных. В 1388 г. герцог Гельдернский после победы над брабантцами приказал повесить семнадцать знамен знатных побежденных под образом Девы Марии в Нимвегене¹⁵². То же сделал и Жан Биго, капитан Карла VI, в 1419 г. «Он послал знамена, захва-

¹⁴⁸ Rozmitall. de. Op. cit. P. 74.

¹⁴⁹ Lettres de Louis XI roi de France / Ed. J. Valesen, E. Charavay. Paris, 1890. Vol. IV. P. 226.

¹⁵⁰ Карл Анжуйский в 1274 г. также основал два аббатства в благодарность за победы при Беневете (1266 г.) и при Тальякоццо (1268 г.): аббатства Реальвал-е (Regalis valus, в память о битве при Руаймоне) и Санта-Мария делла Витториа в Абрुцце (Dinner M.-A. La place de Royaumeont dans l'architecture du XIIIe siècle // Septième centenaire de la mort de Saint Louis. Actes des Colloques de Royaumeont et de Paris (21-27 mai 1970). Paris, 1976. P. 117-118).

¹⁵¹ Marot P. Le duc de Lorraine René II et la bataille de Nancy dans l'historiographie et la tradition lorraine // Bataille de Nancy. P. 84-87.

¹⁵² Froissarij. Chroniques / Ed. A. Mirot. Paris, 1975. Vol. XV. P. 94.

ченные у врага, в собор Парижской Богоматери и в другие церкви с просьбой повесить их как трофей его победы»¹⁵³. А после одной из побед Рене II такие же трофеи получила церковь Нотр-Дам-ла-Ронд в Меце¹⁵⁴.

Отметим также, что похороны королей, князей и сеньоров сопровождались серией ритуалов, напоминавших о военном ремесле, которым те занимались при жизни. На пышном погребении графа Фландрии Луи де Маля в церкви Сен-Пьер в Лилле (1384 г.) одни знатные персоны для участия в церемонии облачились в боевые доспехи, другие облачились в турнирные доспехи; рыцари же, как бы принося в жертву, несли боевые и турнирные щиты, мечи и знамена и вели боевого и турнирного коней. Примечательно, что первой надгробной речью в честь мирянина не королевского и не княжеского достоинства считается та, что произнес епископ Оксерра Ферри Кассинель в 1389 г. во время заупокойной мессы по «доброму коннетаблю» дю Геклену на библейскую тему «Известен он до края земли» («*Nominatus est ad extrema terrae*»)¹⁵⁵. Знатные люди не только приказывали изображать себя на надгробных плитах в военном одеянии, но и эпитафии должны были в церквях напоминать об их подвигах и воспитывать их воинскую славу¹⁵⁶.

Начиная с императора Константина, христианизация военной функции, в чем можно видеть почти неизбежное следствие христианизации власти и союза двух мечей, завершилась своеобразной сакрализацией войны, возрастанием престижа воина и военного ремесла. Вооруженная борьба людей стала восприниматься как вполне похвальное деяние, а воинская доблесть - как почти сверхчеловеческая добродетель. Столь строгий теолог, как Жерсон, писавший, правда, в жестоких условиях пароксизма Столетней войны, дошел даже до того, что «мучениками Божьими» назвал «воинов, рискующих жизнью по благому намерению за правое дело, в защиту справедливости и истины»¹⁵⁷. Неудивительно поэтому, что простой мирянин Гастон Фебюс в своей «Книге молитв» обращается к Богу со словами: «И я молю тебя, Господь Всемогуший, дать мне славу оружия, как Ты много раз щедро давал, так что милостью Твоей у сарацинов, евреев и христиан, в Испании, Франции, Англии, Германии и Ломбардии, по сю и по ту сторону моря, мое имя всюду известно. Где бы я ни был, я везде побеждал, и Ты предал мне всех моих врагов, и потому я знаю Тебя в совершенстве»¹⁵⁸.

¹⁵³ Religieux de Saint-Denys // *Chronique de Charles VI* / Ed. L.-A. Bellaguet. Paris, 1855. Vol. VI. P. 363.

¹⁵⁴ Vigneulles Ph. de. *Chronique...* Vol. III. P. 5.

¹⁵⁵ Dom Félibien. *Histoire de l'abbaye royale de Saint-Denys en France*. Paris, 1706. P. 304.

¹⁵⁶ Ibid. P. 557-562.

¹⁵⁷ «Но если они поступают наоборот и сражаются за неправое дело, по злому умыслу, то становятся мучениками ада» (*Gerson J. Œuvres complètes...* Vol. VII. P. 1027-1028).

¹⁵⁸ *Gaston Fébus. Le livre des oraisons* / Ed. G. Tilander et P. Tucoc-Chala. Pau. 1974. P. 36.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По существу, своеобразие военного дела Западной Европы в эпоху Средневековья, в сравнении с античностью, Византией и Новым временем, состоит в качественном преобладании хорошо обученной тяжелой кавалерии, располагающей дорогими лошадьми с глубокими седлами и стремянами, а также полными доспехами; в большинстве случаев каждый боец, в окружении военной прислуги, является владельцем своего снаряжения и по своим образу жизни, системе ценностей и доходам принадлежит к светской аристократии в самом широком ее значении. Этим людям военная деятельность представляется обычной формой существования, в каких бы институционных рамках она ни совершалась. Они поддерживают с существующими властями сложные и непостоянные отношения, часто поступают к ним на службу, сохраняя, однако, изрядную долю самостоятельности или как индивиды, или как члены небольших сообществ (*contubernia*, *commilitones*) кровно-родственного, феодального, регионального или профессионального характера. Даже получая жалованье у князя или короля, эти конные воины не считались находящимися на службе у публичной власти во всех отношениях: если они попадали в плен, то выкуп возлагался на них самих, или их родичей, или зависимых от них людей; что касается доходов, то они, как и риск, оставались сугубо индивидуальными.

Среди разнообразных способов ведения войны западное Средневековье, за исключением ранних времен, не знало нашествий-переселений, т. е. перемещений больших масс населения, «обычно с грубой силой переходящего из одной географической зоны в другую»¹. Тем более неизвестны были (по понятной причине) войны рабов, хотя междоусобные войны более или менее ясно выраженного социального характера были весьма частыми. Средневековье практически не знакомо (даже несмотря на обширные завоевания Карла Великого) с войнами ради установления гегемонии, ради господства одного народа или одной династии над огромной территорией: «Как и нашествия, имперские завоевания отделяют античность от Средневековья и Нового времени в Европе»². За исключением периферии, войны средневекового Запада не принимали формы соперничества кочевников с оседлыми народами.

¹ HarmandJ. La guerre antique de Sumer à Rome. Paris, 1973. P. 11.

² Ibid. P. 38.

По меньшей мере, начиная с XI в. они разворачивались на обширной территории с высокой плотностью населения и множеством укрепленных пунктов. Чаще всего войны были эпизодическими, напоминающими простую разбой или вендетту. Но наряду с бесчисленными соседскими конфликтами, незначительно изменявшими расстановку политических сил, случались и крупные завоевательные или освободительные кампании как внутри самого христианского латинского мира, так и за его пределами - в языческих землях, в исламском мире и Византии.

В средневековых конфликтах, на разных уровнях, встречаются почти все объективные и явные причины, которые выявляет наука о войне: войны, порожденные амбициями, гневом, жаждой мести, войны ритуальные в этнографическом смысле слова, войны ради развлечения или приключений, войны религиозные или идеологические (крестовые походы по сю и по ту сторону моря), войны гражданские (арманьяки и бургундцы, графы и коммуны Фландрии, жакерии), войны ради утверждения суверенитета или величия, имеющие целью развить и консолидировать политические структуры, и, наконец, войны экономические - ради добычи, овладения природными богатствами или с целью установления контроля над торговыми путями и купеческими центрами. Все они, конечно, осуществлялись средствами своего времени.

Несмотря на обычно ограниченный масштаб средневековых войн, с точки зрения количества участников и длительности, они зачастую имели ощутимые и даже разрушительные экономические последствия. По данным «Книги Страшного суда», в Англии были заметны следы опустошений, вызванных нормандским завоеванием³. Недавние исследования показали поистине катастрофические итоги Столетней войны для некоторых французских провинций⁴. Столь же удручающими были последствия военных конфликтов XV в. (особенно гуситских войн) для Силезии⁵. Этим и объясняются большие жертвы, на которые были готовы идти городские общины, чтобы обезопасить себя как можно лучше⁶. Несомненно, более приемлемым оказывалось налогообложение военного времени, но только тогда, когда принимались в расчет разрушения, причиненные войной⁷. Но в любом случае войны не были столь частыми, длительными и напряженными, чтобы повлечь за собой

³ Darby H. C. Domesday England // A New Historical geography of England before 1600. Cambridge, 1976. P. 60.

⁴ Contamine Ph. La guerre de Cent ans en France: une approche économique [887]; Bois G. Crise du féodalisme. Economie rurale et démographie en Normandie orientale du début du XIVe au milieu du XVIe siècle. Paris, 1976.

⁵ Hoffmann R. C. Warfare, Weather and a Rural Economy... [895]. См., в частности, карту вне текста.

⁶ О возмещении военных убытков, а также о возведении или ремонте стен в городах см.: Contamine Ph. Les fortifications urbaines en France... [775].

⁷ Contamine Ph. Guerre, fiscalité royale et économie en France... [888].

непоправимые разрушения, за исключением отдельных местностей. В масштабах Запада война была лишь одной из составляющих экономической и демографической эволюции. Более того, отдельные народы или социальные группы сумели сделать из нее источник процветания. Денежное благосостояние скандинавского мира сложилось как благодаря грабежам, так и торговле. Очень выгодной была военная политика Венеции на континенте и на Крите. Каролингская аристократия долгое время жила за счет завоеваний и пришла в упадок, когда они прекратились. В конце Средневековья было очень распространено представление, что победы на континенте позволили английскому народу увеличить свои богатства.

Как и в другие эпохи, в Средние века война стимулировала определенный технический прогресс, иногда по инициативе и под контролем государств. Этот прогресс коснулся прежде всего вооружения, но был ощутим и в других отраслях производства: металлургии, металлообработке; получили развитие военная «инженерия», транспорт, картография, география и т. д.

Средневековое общество иногда представляют как преимущественно военное. Это справедливо в том отношении, что в обществе не было четко определенного и ограниченного военного сословия и физическое присутствие войны не ограничивалось какими-то прифронтовыми районами, но ощущалось очень сильно, оказывало влияние и давало о себе знать почти на всем Западе; это справедливо и в том отношении, что существовали тесные и прочные связи между организацией власти, социальной иерархией и иерархией военной и что личное военное снаряжение (правда, часто примитивное) было широко распространено, но более в городах, чем в сельской местности¹.

Однако не забудем, что Средние века ввели и признали статус невоюющих, которые по определению стоят вне войны: это некоторые маргинальные социальные группы, дети и юноши (моложе четырнадцати, пятнадцати, шестнадцати или восемнадцати лет), старики (старше шестидесяти, шестидесяти четырех или семидесяти лет), женщины, клирики и монахи. Кроме того, Средневековье не знало системы военного учета, которая существовала в Римском государстве и принципы которой были развиты в современных государствах. Процесс социальной дифференциации, связанный со способом экономического производства, привел к изоляции небольшого количества профессиональных воинов, содержание которых могло принимать самые разные формы. Что касается основной массы населения, определяемой иногда как безоружная, то, хотя ее участие в войне никогда и не исключалось, но было в общем эпизодическим: «коммуны», «народ» являлись, в лучшем случае, потенциальными воинами, которых призывали (не без опаски и колебаний) только в критических ситуациях.

С другой стороны, было бы абсурдным представлять средневековую этику глубоко проникнутой воинскими ценностями, духом и подчиненной им; воинскому идеалу были чужды христианские и куртуазные ценности (пока еще нет буржуазных) даже тогда, когда первые уступали место вторым или в некотором смысле сливались с ними. Если ограничиться рассмотрением светского мира одного лишь XV в., то существует множество социальных типов: итальянский гуманист, советник парламента, даже придворный, крайне мало обязанных рыцарским ценностям! Наконец, возможно, что войны имели менее разрушительные социальные последствия, чем в другие эпохи: не было обращений в рабство, как в античности, редки были массовые экспроприации и перемещения больших групп населения. Многие конфликты только слегка задевали общество и ограничивались высшими слоями, большинство же в это время ждало, когда пройдет гроза, чтобы вернуться в свою деревню и к своему наделу. Какое значение имело то, что сменился сеньор и восстановлена справедливость, - ведь оброк будет взиматься от имени нового сеньора. Если средневековое общество и было воинским, то прежде всего потому, что военные обязательства и деятельность составляли существенную часть ответственности и активности светских структур.

Столь же неверно было бы воображать средневековый мир в состоянии непрерывной войны, жертвой постоянных насилий военного люда. Здесь все строилось на контрастах, и только точные хронологические подсчеты для определенных периодов дали бы верную оценку. Создается, однако, впечатление, что если, вопреки возможности, составить в общем виде «сводки битв, подобно метеорологическим таблицам», то окажется, что целые столетия Средневековья были менее трагическими, чем, например, XVI или XVII в. Иллюзия объясняется тем, что в Средние века жизнь охотно украшали военными образами. Война не пряталась, она без стеснения демонстрировала и афишировала себя в развлечениях, постройках и в стилях одежды.

Маленьким рыцарским армиям обычно любят противопоставлять огромные силы, которые могли собрать задолго до появления индустриальной цивилизации и взрывного роста производительных сил государства античности, Французское королевство или же великие азиатские державы (Багдадский халифат, Империя Моголов, Срединная империя). В абсолютных цифрах это несомненно: 90 000 воинов, отправленных Антигоном и Деметрием против Египта в 306 г. до н. э., 125 000 легионеров Римской республики во время Второй Пунической войны, 360 000 солдат ранней Римской империи¹⁰. Все это данные (достаточно надежные и правдоподобные), равных которым не найти в Средние века. В начале XVIII в. австрийская армия достигала 100 000 человек

¹⁰ Выражение Жозефа де Местра (цит. по: *Halkin L.-E. Initiation à la critique historique*. 4e ed. Paris, 1973. P. 35).

¹⁰*Harmandf. Op. cit. P. 123.*

(1705 г.), французская - 300 000 (1710 г.), английская - 75 000 (1710 г.), русская - 200 000 (1709 г.), а шведская - 110 000 (1709 г.)". Никогда в Средние века ни одно государство, каким бы могущественным оно ни было, не способно было собрать силы, превышающие 100 000 человек, даже на очень короткое время. Самая большая численность войск великих монархий Запада отмечена, вероятно, в первых десятилетиях XIV в. В августе и сентябре 1340 г. (когда был достигнут рекорд) Филипп Валуа имел на всех театрах военных действий около 100 000 человек (войска и вспомогательные силы), оплачиваемых им самим или городами и сеньорами; в это же самое время Эдуард III с союзными Нидерландами и империей мог противопоставить ему, вероятно, 50 000 человек.

Стоит, однако, заметить, что незначительное количество военных контингентов в Средние века объясняется только политической раздробленностью. По своим размерам и численности населения средневековые государства мобилизовывали силы отнюдь не малые. Когда Гастон Фебюс «желал начать войну, он мог рассчитывать примерно на 2500 человек в Беарне и Марсане; войска из графства Фуа и зависимых от него земель насчитывали примерно столько же»¹²; у нас нет данных для оценки численности населения графства Фуа, но известно, что в Беарне в 1385 г. было 50 000 жителей; умножим это число на три, чтобы получить количество всех подданных Гастона Фебюса, и получим соотношение между размером войска и населением 1:30, что сравнимо с тем же показателем (1:27) для Пруссии в 1740 г. и более чем вдвое выше показателя (1:66) для Франции в 1710 г. Для фалькиркской кампании 1298 г. Эдуард I Английский собрал по меньшей мере 25 700 пехотинцев и 3000 кавалеристов; допустив, что население страны составляло в общем 4 млн человек, получим соотношение между размером армии и численностью населения 1:139, тогда как в 1710 г. оно составит 1:150¹³. Во второй половине XV в. швейцарцы (если бы были мобилизованы все люди подходящего возраста и способные сражаться), могли бы выставить армию от 50 до 60 тыс. человек. Примечательно, что несколько раз их войска достигали 20 000 человек¹⁴.

Настоящей трудностью для средневековых властей был не сбор значительных армий (во всяком случае после 1200 г.), а их содержание на должном уровне более нескольких недель¹⁵. В отношении Нового времени правильное сравнение должно касаться постоянных, регулярных войск. И в этом случае

¹² Corvisier A. Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. Paris, 1976. P. 126.

¹³ Tucoc-Chala P. Gaston Fébus et la vicomte de Béarn (1343-1391). Bordeaux, 1959. P. 159.

¹⁴ Preshvich M. War, Politics and Finance under Edward I. P. 907. - Автор замечает, что в Англии эти цифры были превышены лишь в XVII в.: в 1642 г. «под знаменами» - 60-70 тыс. человек.

¹⁵ Schaufelberge W. Der Alte Schweizer und sein Krieg... [380].

¹⁶ См. таблицы в кн.: Preshvich M. Op. cit. P. 96-98.

Средневековые разительно уступало: даже Французское королевство, бывшее пионером в этой области, имело во второй половине XV в. регулярную армию примерно в 15 000 человек, что при средней численности населения, равной 8 млн, давало соотношение 1:533.

Дело в том, что средневековым государствам долгое время не хватало денежных средств, и они располагали только слабой администрацией. Однако нужно признать, что если они постепенно развили и укрепили эти структуры, то во многом под давлением потребностей войны, этого самого сильного стимула. Кроме того, большая часть и без того недостаточных денежных средств поглощалась военными расходами: в течение двух последних столетий Средневековья (источники, правда, позволяют дать лишь приблизительные оценки) для государства было нормальным расходовать на войну половину своих доходов как постоянных, так и непредвиденных¹⁶. Война - причина и смысл существования политической власти. «Любая империя и любая сеньория берут свое начало в войне»¹⁷.

Заметим, наконец, что средневековую войну нельзя изучать изолированно. Она отчасти была наследницей античной войны благодаря некоторым техническим аспектам, обычаям и особенно парадигме, предложенной римской армией. В военной области Средневековье также находилось в тени Рима¹⁸. Было бы ошибкой считать, что увлечение римскими легионами и орлами впервые возникло лишь во времена Макиавелли. Еще очевидней, что между войнами Средневековья и Нового времени нет разрыва, наоборот, есть постепенный переход, медленные преобразования как на практическом уровне, так и на уровне ментальности. Долго еще будут жить рыцарский миф и память о Роланде и доблестных рыцарях. Брантом в своем «Рассуждении о полковниках пехоты Франции» благоговейно вспоминает времена Фруассара, пленение короля Иоанна и великие войны с англичанами¹⁹.

¹⁶ Несколько примеров: Contamine Ph. *Consommation et demande militaire...* [886].

¹⁷ BueilJ. de. *Le Jouvencel* [9]. Vol. I. P. 50-51.

¹⁸ Orderic Vital. *Historia Ecclesiastica* / Ed. M. Chibnall. Oxford, 1978. T. VI. P. 472.

¹⁹ Ed. E. Vaucheret. Paris; Montreal, 1973.

СПИСОК ТЕРМИНОВ

альмогавары - испанские поселенцы на мусульманских землях, жившие за счет грабежа.

аллод - в германских королевствах полная и нераздельная собственность.

аллодист - владелец аллода.

арбалет с воротом - арбалет, тетива которого натягивалась при помощи блока. Зубцы блока захватывали тетиву и натягивали ее на колесо - выступ, который удерживал тетиву.

арманьяки - политическая группировка, возглавляемая коннетаблем Бернардом Арманьяком, во Франции первой половины XV в. Они стремились оказывать влияние на короля Карла VI Безумного и продолжать войну с Англией. Противниками арманьяков были бургиньоны, возглавляемые герцогами Бургундии.

арьербан - созыв королевского войска, в которое входили не только непосредственные держатели короны, но и их вассалы.

арьервассал (*лат.* *vassus vassorum*) - вассал вассала.

ассиза - документ законодательного характера.

багауды - участники повстанческого движения в Галлии и Северной Испании III-V вв. против Римской империи. По социальному статусу это были рабы, колонны и разорившиеся крестьяне.

бальи - королевский чиновник во Франции с конца XII в., отвечавший за взимание налогов и полицейский надзор. С XIII в. бальи назначались в округ - ба-

ल्याж, состоявший из нескольких претовств.

бальяж - с XIII в. постоянный административный округ во Франции, находившийся в ведении бальи.

бан - в эпоху Средневековья право государя, а затем и сеньора, карать и милловать, созывать войско.

баннерет - состоятельный и именитый рыцарь, имевший право на поле сражения командовать собственным отрядом и подымать свое знамя (*фр.* *bannière*), откуда и его название.

барбакана - выдвинутое вперед предстенное укрепление.

бацинет - чашевидный шлем XIII-XIV вв.

башельер (однощитник) - бедный рыцарь, не имевший своего отряда и прибывавший в войско в одиночестве.

бенефиций - пожалование за военную службу и на срок службы.

болт - короткая и толстая стрела, предназначенная для стрельбы из арбалета.

большая компания - крупное войсковое соединение из нескольких рот в Шампани 1361 г., в течение четырех лет грабившее сельскую местность и города Франции. По аналогии все бандитские сообщества того времени называют «большими компаниями».

бретеш - балконный выступ над укрепленными воротами. Оттуда оборонявшиеся сбрасывали на нападавших камни, лили расплавленный свинец и кипящее масло.

бригантина - доспех, прикрывавший корпус бойца. Его делали из железных или стальных блях, наложенных друг на друга подобно черепице и закрепленных на одежде из ткани и кожи.

бугурт - вид турнира, в котором участвовали два отряда бойцов.

бург - замок, укрепленный город.

вагенбург - повозка гуситов. В сражении гуситы, сковав вагенбурги цепью, сооружали из них подобие укрепленного лагеря.

вальденсы - приверженцы ереси, зародившейся в XII в. во французском городе Лионе. Они призывали к «евангельской бедности» и аскетизму, отрицали необходимость существования духовенства.

вассал (ленник) - человек, принесящий сеньору оммаж и обязанный помогать ему «советом и помощью».

Великое междуцарствие - период с 1250 по 1273 г., когда шла борьба за короны Германии и Священной Римской империи.

вергельд - в варварских королевствах выплата за убийство.

видам - чиновник, как правило, мирянин, который управлял владениями епископской церкви и занимал место епископа на военной службе и в судебном разбирательстве.

виконт - изначально наместник графа, затем феодальный сеньор.

гвельфы - в итальянских городах сторонники папы и противники императора. Получили свое название от династии баварских герцогов Вельфов, боровшихся с императорами из династии Гогенштауфенов. Враждовали с гибеллинами. Среди гвельфов в основном встречались представители зажиточных слоев городского населения.

гвизарма - вид алебарды с одним или двумя лезвиями.

гезит - королевский дружинник в англосаксонской Англии.

герибан - штраф за неявку в королевское войско.

гибеллины - в XII в. сторонники императора Священной Римской империи в итальянских городах. Получили свое название от замка Вайблинген, родового владения императоров из династии Гогенштауфенов. В основном это были представители феодальной знати.

гласис - земляная насыпь впереди наружного рва укрепления.

глефа - древковое оружие с ножевидным клинком, иногда с дополнительными крюками.

глефшик - воин, вооруженный глефой.

глосса - сборник толкований непонятных слов и текстов.

годендаг - фламандская алебарда, представляющая собой длинную пику с тонким, как у кинжала, клинком с четырехугольным сечением и тонким топором с выпуклым лезвием у начала железка.

гонфалоньер (знаменосец) - предводитель военного отряда в итальянских республиках, с к. XIII в. - высшее должностное лицо в правлении города.

госпиза - земельное держание госпита.

госпит - новопоселенец, получавший от сеньора землю и обязанный ему службой.

гостиза - земельное держание госпита.

государев посланец - во Франкском государстве VIII—IX вв. должность королевского разъездного чиновника, контролировавшего действия графа. Как правило, в разъезд отправлялись сразу двое посланцев знатного происхождения - священник и мирянин. С конца VIII в. создаются специальные округа, которые подлежали проверке государевых посланцев. Должность государева посланца прекратила свое существование после распада империи Каролингов в IX в.

грум - слуга при всаднике.

гуситы - в XV в. в Чехии участники борьбы за независимость и реформу католической церкви.

дангельд («датские деньги»), налог, собираемый в Англии IX в., для выплаты викингам.

деканство - церковный округ из множества приходов, возглавлявшийся деканом, которого выбирал соборный капитул.

денье (итал. денаро, нем. пфеннинг) - основная серебряная монета, имевшая хождение в Средние века.

джостра - турнирный поединок.

диван - совет при мусульманском правителе.

домен - феодальное владение.

донжон - центральная башня замка.

дофин - титул наследника Французского королевства. Употребляется с сер. XIV в., когда в состав Французского королевства вошла провинция Дофине, которую стали передавать во владение наследнику престола.

дукс - в поздней римской империи глава военного круга - дуката.

жак - куртка простого воина, прикрывающая торс и руки и доходящая до бедер; обычно кольчуга, реже бригантина.

Жакерия - от презрительного прозвища крестьянина - жак) крестьянское восстание в Северной Франции в 1358 г.

«живодеры» - прозвище мародеров.

«жирный народ» - зажиточные горожане во Флоренции.

инфансон - представитель низших слоев рыцарства в Испании.

йомен - зажиточный крестьянин в Англии XIV-XVIII вв.

казначейские списки - в средневековой Англии списки расходов и доходов государства.

камора - пространство в казенной части пушки для порохового заряда.

каноник - член капитула при кафедральном соборе.

кантон - округ в Швейцарии.

капитулярий - королевский или императорский акт во Франции эпохи правления Каролингов в VIII—IX вв.

картулярий - собрание хартий, актов о продаже и обмене, призванное продублировать оригиналы.

кастелян (фр. шателен) - представитель короля или графа, затем независимый сеньор. Управлял округом замка.

кастелянство (фр. шателенство) - округа замка, принадлежащего королю или графу. В XI в. становится самостоятельной политической единицей. Подчинялась кастеляну (шателену).

катапан - военный правитель провинции в Византии.

катары - приверженцы ереси, распространившейся в XI—XIII вв. в Италии, Фландрии и Южной Франции. Катары призывали к аскетизму и осуждали все земное, считая мир творением дьявола.

квинтана - вид рыцарской тренировки, когда боец, вооруженный копьем, атаковал чучело с копьем.

кираса - доспех из двух выгнутых пластин, защищавших спину и грудь бойца и скреплявшихся на плечах по бокам.

Книга Страшного суда - список всеобщей переписи прав и имущества, произведенной по приказу английского короля Вильгельма Завоевателя (1066—1087 гг.) после его захвата Англии.

командорство - отделение военного ордена, возглавляемое орденским офицером - командором.

комит - высший сановник в поздней Римской империи.

коммуна - город, приобретший право самоуправления.

кондотта - договор с наемным войском.

коннетабль (доел, граф конюшен) - с XII в. командующий армией во Франции.

консехос - городской или сельский совет в Испании.

констебль - военный чин в Англии, от имени короля командовавший замками, отрядами в военное время, проводивший судебные разбирательства.

контракт (*фр. endenture*)-вид воинского контракта (Англия), который записывали в двух экземплярах на листе пергамента, разрывали или разрезали его по зубчатой линии (*фр. endenter* - нарезать зубцы) и раздавали договаривающимся сторонам.

копье - отряд, состоявший из рыцаря, оруженосца, паж, слуги и двух-трех лучников.

королевское копье-отряд из 7-10 бойцов на службе у короля.

котта - одежда, надеваемая поверх рыцарского доспеха, как правило, украшенная гербом.

кулеврина - ручное огнестрельное оружие типа аркебузы.

куртина - крепостная стена, соединяющая две башни.

кутума - совокупность юридических обычаев, вошедших в употребление в силу судебного прецедента.

кэрл - крестьянин в англосаксонской Англии.

лабарум - государственное знамя Римской империи, появившееся в начале IV в., в правление Константина I Великого.

легат - посланник папы Римского.

ливр - денежная единица Франции, равная 20 су или 240 денье.

Лига общественного блага - союз крупных французских феодалов во главе с герцогами Бургундским и Бретонским, в 1465 г. с оружием в руках выступивших против объединительной политики короля Франции Людовика XI.

линьаж - родовой клан.

лье - старинная путевая мера, примерно равная 4444,44 м.

майордом - должность управляющего королевским или сеньориальным дворцом. Во Франции с конца VII в. майордом, должность которого после долгой борьбы присвоили представители рода Каролингов, постепенно стал фактическим правителем королевства при королях из династии Меровингов.

мангоно - примитивное метательное оружие в раннее Средневековье.

манихеи - приверженцы религиозного учения, основанного в III в. до н. э. в Персии, в основе которого лежал принцип об изначальной и равноправной борьбе добра и зла.

манор - феодальное владение.

манс-во Франции VIII—X вв. земельная собственность одной семьи, состоявшей из дома, пристроек и пахотных наделов.

мараведи - старинная испанская монета из золота.

марка - единица веса, равная примерно 244,5 г.

марка, маркграфство - пограничный округ, состоящий из нескольких графств, находившийся под командованием королевского представителя - маркграфа, который имел одновременно военные и административные полномочия. Активный рост марок начался во Франкском королевстве при Карле Великом (768-814 гг.), их создавали из завоеванных земель. В своем первоначальном значении после IX в. марки сохранились в Германии, на границе со славянами и датчанами.

маркграф - во Франкском королевстве VIII—IX вв. представитель королевской власти, управлявший маркой.

машикули - выступ на верху крепостной стены, откуда при осаде защитники сбрасывали на нападавших камни и лили на них расплавленный свинец и кипящее масло.

мемуар - докладная записка,
миля - единица длины, равная 1,609 км.

мюид - старинная французская мера объема, примерно равная 274,239 л для жидкостей, 268,241 л для сыпучих тел.

нейстрийцы - население Нейстрии, области во Франции, границы которой проходили на севере по Сене, на юге по Луаре; на западе Нейстрия граничила с Бретанью, на востоке с Бургундией.

неф - вместительное судно круглой формы с несколькими мачтами, отличавшееся плохой маневренностью и малой скоростью.

область датского права - в англосаксонской Англии IX-X вв. восточные земли, населенные датскими викингами.

обтюратор - пушечное приспособление для устранения прорыва пороховых газов при выстреле.

оммаж - церемония подчинения вассала сеньору. Коленопреклоненный вассал вкладывал свои руки в руки сеньора и признавал себя его человеком. Затем сеньор, подняв вассала, даровал ему поцелуй мира и передавал какое-либо владение или имущество во фьеф. Когда в XI в. участилась практика принесения оммажа нескольким сеньорам одновременно, был введен так называемый «тесный оммаж», принеся который, вассал обязался служить только одному из своих сеньоров.

ордонанс - во Франции королевский акт и обращение в торжественной форме: с XV в. королевский акт законодательного характера.

ордонансная рота - единица постоянной армии, созданной французским королем Карлом VII в 1445 г. Король запретил существование всех других рот, включив их бойцов в свои войска. Каждая ордонансная рота состояла из 100 копий (около 700 человек).

ордонансное копьё - отряд, по ордонансу 1445 г. французского короля Карла VII входивший в состав ордонансной роты.

орифламма - стяг французского короля.

оссуарий - массовое захоронение останков.

павез - огромный щит, предназначенный для защиты воинов во время осады и стрелков.

павезьер - слуга, носивший павез.

паг (*лат. pagus*)- небольшая область, совпадавшая с границами графства.

Палата шахматной доски - финансовое учреждение в Англии, созданное в начале XII в. Функцией палаты, заседавшей два раза в год, были подсчет налоговых сборов и отчеты должностных лиц. Свое название это учреждение получило от сукна в клетку, покрывавшего столы, где находились столбики монет.

патрициат - высший слой горожан, монополизировавший власть.

пенитенциалий - сборник наказаний, налагаемых церковью.

повозка (кароччо) - боевая колесница, на которой жители итальянских городов вывозили свои знамена. В бою повозка окружалась элитными воинами, имевшими своего командира - гонфалоньера.

подымная подать - подать, взимаемая с каждого очага.

полукопье - отряд, по численности наполовину уступавший копьё, куда обычно входило семеро человек.

прево - королевский или сеньориальный чиновник, в XI—XIII вв. надзиравший за сбором налогов с крестьянского населения и соблюдением прав сеньора.

превоство - округ, отданный под надзор прево.

прекарий - земля, дававшаяся в раннее Средневековье крестьянам в держание за определенные повинности.

префект претория - в поздней Римской империи глава одного из четырех административных округов - префектуры.

путлище - ремень, на котором подвешено стремя.

равелин - фортификационное сооружение треугольной формы перед рвом.

режим гостеприимства - процедура расселения варваров в поздней Римской империи IV-V вв., в ходе которого им предоставлялись имущество, земли и доходы от сельского хозяйства.

ремонтирование - возмещение сенъором вассалу лошади, убитой или покалеченной в бою.

рефендарий - придворный чин, ведавший докладами (Франкское королевство, эпоха Меровингов).

ронкин - обозная лошадь.

рукав св. Георгия - р. Босфор, названная византийцами так потому, что на его берегу, в городе Никомидии, в 303 г. якобы погиб христианский св. Георгий.

салад - шлем с удлиненными боковыми и затылочными частями, иногда только затылочной.

сенешаль - изначально высший придворный чин во Франции. С нач. XIII в. на юге Франции сенешаль превращается в военно-административного представителя короля.

сенешальство - с XIII в. округ на юге Франции, возглавляемый сенешалем.

серв - несвободный крестьянин.

сержант - конный или пеший воин, не посвященный в рыцари и располагавший худшим вооружением.

сестъера - район, составлявший шестую часть Флоренции.

синдик - старшина гильдии, цеха.

скопитарии - всадники, вооруженные скопитусами.

скопитус - примитивное огнестрельное оружие конницы: трубка с прикла-

дом, упиравшимся в грудь всадника, и сошкой.

солид (*фр. су. итал. сольди*) - золотая монета Римской империи, чеканившаяся в Западной Европе до IX в. С этого времени стал денежной единицей. Приравнивался к 12 денье.

Союз богемских братьев - религиозная секта, проповедовавшая общность имущества и социальное равенство; возникла в Чехии (Богемии) в XV в.

стратиоты - в Византии VII—X вв. свободные землевладельцы, обязанные конной службой; в Европе XIV-XV вв. легкая кавалерия, которую нанимали венецианцы.

тавр - клеймо.

таля - королевский поземельный налог во Франции.

тарч - небольшой четырехугольный или круглый щит.

тафуры - отряды бедняков, участвовавшие в Первом крестовом походе и отличавшиеся особой свирепостью. Согласно легенде, свое название они получили от имени своего предводителя, нормандского рыцаря Тафура.

требуше - средневековое камнеметное орудие.

труверы - бродячие или придворные поэты, появившиеся в Северной Франции ок. 1160 г.

туаз - единица длины во Франции, примерно равная 1,949 м.

туркополы - вид легкой кавалерии в государствах крестоносцев на Востоке, их набирали из числа местных жителей.

турский ливр - денежная единица во Франции. В счетном турецком ливре было 20 су, а в одном су - 12 денье.

унция - единица веса; 8 унций были равны марке. Использовалась для взвешивания драгоценных металлов и пряностей.

фема - провинция в Византийской империи.

феод (фьеф, лен) - наследственное или пожизненное владение, передаваемое сеньором вассалу.

фиск - королевское владение.

флорин - монета с изображением символа Флоренции, цветка лилии, с одной стороны, и апостола Павла - с другой. Приравнивалась к одному сольди или 12 денаро.

фут - единица длины в Англии, равная 0,3048 м.

хинетес - легкая кавалерия, использовавшая короткие путлища на манер мавританских воинов.

хобелары - английская легкая кавалерия, вооруженная дротиками или короткими копьями.

циркумцеллионы - в IV в. социальное и религиозное движение рабов, колонов и крестьян в римской Северной Африке. Циркумцеллионы осуждали официальную христианскую церковь и социальное неравенство, боролись против землевладельцев и налогового гнета Римской империи.

черепник - маленький шлем, закрывающий верх головы.

шамбеллан - придворный чин во Франции, надзиравший за покоями короля и королевы; ведал также снабжением, расквартированием, иногда королевскими аудиенциями.

шериф - в средневековой Англии административный чиновник, обладающий судебными полномочиями.

шефлин - короткое копье.

эку - французская золотая монета, которую начали чеканить в 1266 г. в правление короля Людовика Святого (в 1266 г. весила 4,20).

Privilegium minus (Малые привилегии) - уступки, дарованные в 1156 г. германским императором Фридрихом II герцогам Австрии. Австрия отделялась от Баварии и становилась самостоятельным герцогством, пользовалась военной и юридической независимостью. По отношению к императору австрийские герцоги были обязаны нести только ограниченные военные повинности.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
РЕКОМЕНДУЕМЫЕ
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Библиография

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Не существует хронологической библиографии работ по истории войны в Средние века. Систематизация библиографии заставляет обратиться к общим справочникам, которые часто включали один или несколько разделов о войне, оружии, фортификациях и армиях. Из периодических изданий, «Сборников», актов конгрессов и коллективных очерков назовем следующие: *International Medieval Bibliography I* Ed. P. H. Sawyer, R. J. Walsh (выходит с 1968 г.). Из книг: *International Bibliography of Historical Sciences* (с 1926 г.) предлагает отобранную и довольно богатую библиографию, а также список национальных справочников по мере их выхода в свет. Среди этих справочников: по Франции - *Bibliographie annuelle de l'histoire de France* (с 1953 г.); по Германии - *Jahresberichte für deutsche Geschichte* (новая серия, выходит с 1949 г.); по Англии - *Writings on British History* (с 1901 г.) и *Annual Bulletin of Historical Literature* (с 1911 г.), замененный спустя некоторое время *Annual Bibliography of British Irish History*; по Италии - *Bibliographia Storica Nazionale* (с 1939 г.); по Испании - *Indice historico Español. Bibliografía histórica de España e Hispanoamérica* (с 1955 г.).

Напомним, что *Glossarum mediae et infimae Latinitatis* Дюканжа содержит огромный список слов, связанных с войной, в указателе XXVII (VII. Paris, 1850. P. 513-517): *Res militaris seu vocabula ad eam pertinentia*. Настоящая библиография не исключает полностью старые работы: отмечены те из них, знакомство с которыми считается не только полезным, но и необходимым, о чем свидетельствуют их частые переиздания в наше время.

2. ВОЕННОЕ ИСКУССТВО: СТОЛКНОВЕНИЯ, ПОХОДЫ, ОСАДЫ И СРАЖЕНИЯ

Источники

Список нарративных и литературных трудов стал бы бесконечным, если бы в него были включены все книги, где более-менее пространно и подробно повествуется о войне и военном искусстве. Мы удовольствовались тем, что выделили несколько работ дидактического характера.

- f 1] **Contamine Ph.** L'histoire militaire et l'histoire de la guerre dans la France médiévale depuis trente ans // Actes du C^e Congrès national des Sociétés savantes. Paris, 1975. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. Paris, 1977. T. I. P. 71-93.
- [2] **Daniels E.** Geschichte des Kriegswesens. Bd II: Das mittelalterliche Kriegswesen. 2 Aufl. Berlin, Leipzig, 1927.
- [3] **Delbrück H.** Geschichte der Kriegskunst in Rahmen der politischen Geschichte. Bd III: Mittelalter. 2 Aufl. Berlin, 1923 [переиздание: Berlin, 1964; с введением K. G. Cram].
- [4] **Erben W.** Kriegsgeschichte des Mittelalters. Berlin; München, 1929.
- [5] Guerre (La) au Moyen Age. Château de Pons (Charente-Maritime, juillet-août 1976 / Catalogue de l'exposition. Paris, 1976.
- [6] **Lot F.** L'art militaire et les armes au Moyen Age, en Europe et dans le Proche-Orient. 2 vos. Paris, 1946.
- [7] **Balsac R. de.** La nef des princes et des batailles de noblesse. Lyon, 1502.
- [8] **Bossert H., Storck W. F.** Das mittelalterliche Hausbuch. Leipzig, 1912.
- [9] **BiieilJ. de.** Le Jouvenel / Ed. C. Favre et L. Lecestre. 2 vos. Paris, 1887, 1889.
- [10] **Frontin J.** Stratagemata / Ed. G. Gundermann. Leipzig, 1888.
- [11] **Gilles de Rome (Aegidius Colonna).** De Regimine principum libri III / Ed. F. H. Samaritanum. Roma, 1607.
- [12] **Christine de Pisan** (ou Pizan). L'art de chevalerie. Paris, 1488.
- [13] **Christine de Pisan** (ou Pizan). The book of Fayttes of Armes and of Chyualrye / Trad. Caxton; ed. A. T. P. Byles. 2e ed. London, 1937.
- [14] **Stuart B., seigneur d'Aabigny.** Traité sur l'art de la guerre / Intr. et éd. E. de Comminges. La Haye, 1976.
- [15] **Vegetius (Flavius Renatus).** Epitoma rei militaris / Ed. C. Lang. Leipzig, 1885.
- [16] **Végèce.** Le Abrejançe de l'Ordre de chevalerie, mise en vers de la traduction de Végèce par Jean de Meun par Jean Prierai de Besançon / Ed. U. Robert. Paris, 1897.
- [17] **Végèce.** L'art de chevalerie. Traduction du «De re militari» de Végèce par Jean de Meun / Ed. U. Robert. Paris, 1897.
- [18] **Vegetius.** Jean de Meun. Li Abregemenz noble homme Vegesce Flave René des establissemenz appartenanz a chevalerie / Ed. L. Löfstedt. Helsinki, 1977.
- [19] **Vegetius.** Knyghthode and Bataile. A XVth Century Verse Paraphrase of Flavius Vegetius Renatus' Treatise «De Re Militari» / Ed. R. Dybosky, Z. M. Arend. London, 1935.

Библиография

- [20] **Ashtor E., Kedar B. Z.** Una guerra fra Genova e i Mamlucchi negli anni 1380 // ASI. 1975. N 133. P. 3-44.
- [21] **Auer L.** Die Schlacht bei Mailberg am 12. Mai 1082. Wien, 1976.
- [22] **Bachrach B. S.** The Feigned Retreat at Hastings // MS. 1971. N 33. P. 264-267.
- [23] **Beeler J. H.** Castles and Strategy in Norman and Early Angevin England // Spec. 1956. N 21. P. 581-601.

- [24] **Beeler J. H.** XMth Century Guerilla Campaign // The Military Review. 1962. N 42. P. 39-46.
- [25] **Beeler J. H.** Warfare in England. 1066-1189. Ithaca; New York, 1966.
- [26] **Beeler J. H.** Warfare in Feudal Europe, 730-1200. Ithaca; London, 1971.
- [27] **Benninghoven F.** Die Gotlandfeldzuge des deutschen Ordens. 1398-1408 // ZOF. 1964. N 13. S. 421-477.
- [28] **Benninghoven F.** Zur Technik spätmittelalterlicher Feldzuge im Ostbaltikum // ZOF. 1970. N 19. S. 631-651.
- [29] **Bömmels N.** Die Neusser unter dem Druck der Belagerung // Neuss, Burgund und das Reich. Neuss, 1975. S. 255-287.
- [30] **Bornstein D.** Military Manuals in Fifteenth-Century England // MS. 1975. N 37. P. 469^177.
- [31] **Bornstein D.** Military Strategy in Malory and Vegetius' *De re militari*. Comparative Literature Studies. 1972. N 9. P. 123-129.
- [32] **Bornstein D.** The Scottish Prose Version of Vegetius' *De re militari*. Studies in Scottish Literature. 1971. N 8. P. 174-183.
- [33] **Bossuat R.** Jean de Rovroy, traducteur des *Stratagèmes* de Frontin // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1960. N 22. P. 273-286, 469^189.
- [34] **Brooks F. W.** The Battle of Stamford Bridge. York, 1956.
- [35] **Brüsten C.** La bataille de Morat // PCEEBM. 1968. N 10. P. 79-84.
- [36] **Brüsten C.** Les campagnes liégeoises de Charles le Téméraire // Liège et Bourgogne. Actes du Colloque tenu à Liège les 28. 29 et 30 octobre 1968. Liège, 1972. P. 81-99.
- [37] **Brüsten C.** Charles le Téméraire et la campagne de Neuss, 1474-1475, ou le destin en marche//PCEEBM. 1971. N 13. P. 67-73.
- [38] **Brüsten C.** Les itinéraires de l'armée bourguignonne de 1465 à 1478 // PCEEBM. 1960. N 2. P. 55-67.
- [39] **Brüsten C.** A propos des campagnes bourguignonnes, 1475-1478 // PCEEBM. 1967. N 9. P. 79-87.
- [40] **Burne A. H.** The Agincourt War. A Military History of the Latter Part of the Hundred Years' War from 1369 to 1453. London, 1956.
- [41] **Burne A. H.** The Crécy War. A Military History of the Hundred Year's War from 1337 to the Peace of Bretigny, 1360. London, 1955.
- [42] **Contamine Ph.** Crécy (1346) et Azincourt(1415): une comparaison // Divers aspects du Moyen Age en Occident. Actes du Congrès tenu à Calais en septembre 1974. Calais, 1977. P. 29-44.
- [43] **Contamine Ph.** The War Literature of the Late Middle Ages: the Treatises of Robert de Balsac and Béraud Stuart, lord of Aubigny // War, Literature and Politics. P. 102-121.
- [44] **Coop/and G. W.** Le Jouvencel (Revisited) // Symposium. 1951. N 5. P. 137-186.
- [45] **Duncan A. A. M.** The Battle of Carham, 1018 // The Scottish Historical Review. 1976. N 55. P. 1-28.
- [46] **Durdik J.** Hussitisches Heerwesen. Berlin, 1961.
- [47] **Eggenberger D.** A Dictionary of Battles. London, 1967.
- [48] **Ekdahl S.** Der Krieg zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen im Jahre 1422//ZOF. 1964. N 13. S. 614-651.

- [49] *Filii E.* L'impresa di Lorenzo de' Medici contra Volterra (1472). Firenze, 1948.
- [50] *Fowler K. A.* The King's Lieutenant. Henry of Grosmont, First Duke of Lancaster, 1310-1361. London, 1969.
- [51] *Gilliam H.* Der Neusser Krieg, Wendepunkt der europäischen Geschichte // Neuss, Burgund und das Reich. Neuss, 1975. S. 210-254.
- [52] *Glover R.* English Warfare in 1066 // EHR. 1952. N 67. P. 1-18.
- [53] *Goffart W.* The Date and Purpose of Vegetius' *De re militari* II Traditio. 1977. N 33. P. 65-100.
- [54] *Grosjean G.* Die Murtenschlacht. Analyse eines Ereignisses // Actes du Ve Centenaire de la bataille de Morat. Fribourg; Berne, 1976. P 35-90.
- [55] *Hale J. R.* The Art of War and Renaissance England. Washington, 1961.
- [56] *Herde P.* Die Schlacht bei Tagliacozzo. Eine historisch-topographische Studie // Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte. 1962. N 25. S. 679-744.
- [57] *Hewitt H. J.* The Black Prince's Expedition of 1355-1357. Manchester, 1958.
- [58] *Hibbert C.* Agincourt. London, 1964.
- [59] *Hobohm M.* Machiavellis Renaissance der Kriegskunst. 2 Bd. Berlin, 1913.
- [60] *Huici Miranda H.* Las grandes batallas de la Reconquista durante los invasiones africanas. Madrid, 1956.
- [61] *Hunger V.* Le siège et la prise de Vire par Charles VII en 1450 // Annales de Normandie. 1971. N 2. P. 109-122.
- [62] *Keegan J.* The Face of Battle. London, 1976 [включая главы об Азенкуре].
- [63] *Knowles C.* A Fourteenth-Century Imitator of Jean de Meung: Jean de Vignai's Translation of the *De re militari* of Vegetius // Studies in Philology. 1956. N 53. P. 452-458.
- [63a] *Koch H. W.* Medieval Warfare. London, 1978.
- [64] *Lammers W.* Die Schlacht bei Hemmingstedt. Freies Bauerntum und Fürstenmacht in Nordseeraum. Eine Studie zur Sozial-, Verfassungs- und Wehrgeschichte des Spätmittelalters. Neumünster, 1953.
- [65] *Lange J.* Pulchra Nussia. Die Belagerung der Stadt Neuss 1474-1475 // Neuss, Burgund und das Reich. Neuss, 1975. S. 9-190.
- [66] *Legge M. D.* The Lord Edward's Vegetius // Scriptorium. 1953. N 7. P. 262-265.
- [67] *Leyser K.* The battle at the Lech, 955. A Study in Tenth-Century Warfare // Hist. 1965. N 50. P. 1-25.
- [68] *Mackenzie W. M.* The Battle of Bannockburn: a Study in Mediaeval Warfare. Glasgow, 1913.
- [69] *Meyer B.* Die Schlacht bei Morgarten // Revue suisse d'Histoire. 1966. N 16. P. 129—179.
- [70] *Morris J. E.* Bannockburn. Cambridge, 1914.
- [71] *Nesbitt J. W.* The Rate of March of Crusading Armies in Europe // Traditio. 1963. N 19. P. 167-181.
- [72] *Newhall R.A.* The English Conquest of Normandy, 1416-1424. A Study in Fifteenth-Century Warfare. New Haven; London, 1924.
- [73] *Nicholson R.* The Siege of Berwick, 1333 // The Scottish History Review. 1961. N 40. P. 19-42.

- [74] Oerter H. L. Campaldino, 1289 // Spec. 1968. N 33. P. 428-450.
- [75] Oman C. W. C. The Art of War in the Middle Ages, AD 378-1485. 2 vos. London, 1924 (перевзд.: Ithaca, 1960).
- [76] Pieri P. Alcune Quistioni sopra la fanteria in Italia nel periodo comunale // RSI. 1933. N 45. P. 561-614.
- [77] Pütz H. H. Die Darstellung der Schlacht in mittelhochdeutscher Erzähldichtungen von 1150 bis um 1250. Hamburg, 1971.
- [78] Razin A. E. Geschichte der Kriegskunst. Bd II: Die Kriegskunst der Feudalperiode des Krieges. Berlin, 1960.
- [79] Sander E. Der Belagerungskrieg im Mittelalter // HZ. 1941. N 165. S. 99-110.
- [80] Shrader C. R. The Ownership and Distribution of Manuscripts of the *De re militari* of Flavius Vegetius Renatus before the Year 1300 // Dissertation Abstracts International A. 1976. N 37. P. 3815-3816.
- [81] Smail R. C. Art of War // Medieval England / Ed. A. L. Poole. Oxford; New York, 1958. T. I. P. 128-167.
- [82] Soranzo G. L'ultima campagna del Gattamelata al Servizio della Repubblica veneta (1438-1441) // Archivio Veneto. 1957. N 61. P. 60-61, 79-114.
- [83] Sprömborg H. Die Feudale Kriegskunst // Beiträge zur belgisch-niederländischen Geschichte. Berlin, 1959. S. 30-55.
- [84] Thorpe M. L. Mastre Richard, a Thirteenth-Century Translator of the *De re militari* of Vegetius // Scriptorium. 1952. N 6. P. 39-50.
- [85] Verbruggen J. F. L'art militaire en Europe occidentale du IXe au XIVe siècle // RIHM. 1953-1955. P. 486-496.
- [86] Verbruggen J. F. 1302 in Vlaanderen. De Guldensporenslag. Bruxelles, 1977.
- [87] Verbruggen J. F. De historiografie van de Guldensporenslag // De Leiegouw. 1977. N 19. P. 245-272.
- [88] Verbruggen J. F. De Krijkskunst in West-Europa in de Middeleeuwen (IXe tot begin XIVe eeuw) (с резюме на франц. яз.). Bruxelles, 1954 (перевод на англ. яз.: The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages (from the eighth century to 1340). Amsterdam; New York, 1976).
- [89] Verbruggen J. F. Un plan de bataille du duc de Bourgogne (14 septembre 1417) et la tactique de l'époque // RIHM. 1959. P. 443-451.
- [90] Verbruggen J. F. Un projet d'ordonnance comtale sur la conduite de la guerre, pendant le soulèvement de la Flandre maritime // Bulletin de la Commission royale d'histoire. 1953. N 118. P. 115-136.
- [91] Verbruggen J. F. La tactique militaire des armées de chevaliers // Revue du Nord. 1947. N 20. P. 161-180.
- [92] Waley D. P. Combined Operations in Sicily, ad 1060-1078 // Papers of the British School in Rome. 1954. N 22. P. 118-125.
- [93] Willard C. C. Christine de Pizan's Art of Medieval Warfare // Essays in honor of Louis Francis Solano / Ed. R. J. Cormier, U. T. Holmes. Chapel Hill, 1970.
- [93a] Wise T. Medieval Warfare. New York, 1976.

3. ИНСТИТУТЫ, ОБЩЕСТВА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЙНЕ

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- [94] *Adam-Evan P.* Les enseignes militaires du Moyen Age et leur influence sur l'héraldique // *Recueil du Ve Congrès international des Sciences généalogiques et héraldiques.* Stockholm, 1960. P. 167-194.
- [95] *Barber R.* The Knight and Chivalry. London, 1970.
- [96] *Batany J.* Du *bellator* au *chevalier*, dans le schéma des «trois ordres» (étude sémantique) // *Guerre et Paix.* P. 23-34.
- [97] *Bezzel O.* Geschichte des Kurpfälzischen Heeres. Bd I: Das Heerwesen in Kurpfalz, Pfalzneuburg und Jülich-Berg von seinen Anfängen bis zur Vereinigung von Kurpfalz, und Kur-Bayern 1778, nebst Geschichte des Heerwesen in Pfalz-Zweibrücken. München, 1925.
- [98] *Bisson T. N.* The Military Origins of Medieval Representation // *AHR.* 1966. N 71. P. 1199-1218.
- [99] *Bloch M.* La société féodale. 2 vos. Paris, 1939-1940.
- [100] *Borst A.* (ed.) Das Rittertum im Mittelalter. Darmstadt, 1976 [обширная библиография о рыцарстве. P. 437-482].
- [101] *Bosl K.* Das *tus ministerialium*. Dienstrecht und Lehnrecht im deutschen Mittelalter // *Studien zum mittelalterlichen Lehnswesen.* Lindau; Constance, 1960.
- [102] *Boutruche R.* Seigneurie et féodalité. Vol. I: Le premier âge des liens d'homme à homme. 2e éd. Paris, 1968, Vol. II: L'apogée (XP-XIIP siècle). Paris, 1970 [обширная библиография о феодализме. Vol. I. P. 417-464; Vol. II. P. 463-523].
- [103] *Burns N. T., Reagan C.* Concepts of the Hero in the Middle Ages and in the Renaissance. New York, 1975.
- [104] *Conrad H.* Der Gedanke der allgemeinen Wehrpflicht in der deutschen Wehrverfassung des Mittelalters. Berlin, 1937.
- [105] *Conrad H.* Geschichte der deutschen Wehrverfassung. München, 1939.
- [106] *Duby G.* Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. Paris, 1978.
- [107] *Erben W.* Schwertleite und Ritterschlag. Beiträge zu einer Rechtsgeschichte der Waffen // *Zeitschrift für historische Warenkunde.* 1918-1920. N 8. S. 105-167.
- [108] *Fehr H.* Das Waffenrecht der Bauern im Mittelalter // *ZSSRG. Germ. Abt.* 1914. N35. S. 111-211; 1917. N 38. S. 1-114.
- [109] *Finer S. E.* State and Nation-building in Europe: the Role of the Military // *The Formation of National States in Western Europe* / Ed. C. Tilly. Princeton, 1975. P. 84-163.
- [109a] *Flori J.* Chevalerie et liturgie. Remise des armes et vocabulaire «chevaleresque» dans les sources liturgiques du IXe au XIVe siècle // *MA.* 1978. N 84. P. 147-178.
- [110] *Frauenholz E. von.* Entwicklungsgeschichte des deutsche Heerwesens. Bd I: Das Heerwesen der germanischen Frühzeit des Frankenreiches und des ritterlichen Zeitalters; Bd II: Das Heerwesen der schweizer Eidgenossenschaft in der Zeit des freie Söldnertums; Bd III: Das Heerwesen des Reiches in der Landsknechtszeit. München, 1935-1937.

- 111] Gaier C. Analysis of Military Forces in the Principality of Liege and the County of Looz from the Twelfth to the Fifteenth Century // *Studies in Medieval and Renaissance History*. 1965. N 2. P. 205-261.
- 112] Gaier C. Art et organisation militaires dans la principauté de Liège et dans le comté de Looz au Moyen Age. Bruxelles, 1968.
- 113] Gaier C. La cavalerie lourde en Europe occidentale du XIIe au XIVe siècle: un problème de mentalité // *RIHM*. 1971. P. 385-396.
- 114] Grassotti H. Para la historia del botín y de las parias en Leon y Castilla // *CHE*. 1964. N 39-40. P. 43-132.
- 115] Guilhiermoz P. Essai sur l'origine de la noblesse en France au Moyen Age. Paris, 1903 (перизд.: New York, 1960).
- 116] Gutton F. La chevalerie militaire en Espagne. L'ordre d'Alcantara. Paris, 1975.
- 117] Gutton F. La chevalerie militaire en Espagne. L'ordre de Calatrava. Paris, 1955.
- 118] Gutton F. La chevalerie militaire en Espagne. L'ordre de Santiago. Paris, 1972.
- 119] Hatto A. T. Archery and Chivalry: A Noble Prejudice // *The Modern Language Review*. 1940. N 35. P. 40-54.
- 120] Kantorowicz E. H. *Pro patria mori* in Medieval Political Thought // *AHR*. 1951. N 56. P. 472-492.
- 121] Lourie E. A Society Organized for War: Medieval Spain // *PP*. 1966. N 35. P. 54-76.
- 122] Lübeck K. Vom Reichskriegsdienste des Klosters Fulda // *Fuldaer Geschichte-Blätter*. 1938. S. 1-13, 20-32, 45[^]19.
- 123] March U. Die holsteinische Heeresorganisation im Mittelalter // *Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-holsteinische Geschichte*. 1974. N 99. S. 95-139.
- 124] Massmann E. H. Schwertleite und Ritterschlag. Hamburg, 1932.
- 125] Pastoureaux M. L'origine militaire des armoiries // *Actes du CI^e Congrès national des Sociétés savantes*. Lille, 1976; *Archéologie et histoire de l'art*. Paris, 1978. P. 107-118.
- 126] Pietzner F. Schwertleite und Ritterschlag. Heidelberg, 1934.
- 127] Pom'icke M. Military Obligation in Medieval England. A Study in Liberty and Duty. Oxford, 1962.
- 128] Prestage E. (ed.) Chivalry. Its Historical Significance and Civilizing Influence. London, 1928.
- 129] Romeiss M. Die Wehrverfassung der Reichsstadt Frankfurt am Main im Mittelalter // *Archiv für Frankfurts-Geschichte und Kunst*. 1953. S. 5-63.
- 130] Sandoz E. Tournaments in the Arthurian Tradition // *Spec*. 1945. N 10. P. 389-432.
- 131] Schmitthenner P. Das freie Söldnertum im abendländischen Imperium des Mittelalters. München, 1934.
- 132] Schmitthenner R. Lehnkriegswesen und Söldnertum im abendländischen Imperium des Mittelalters // *HZ*. 1934. N 150. S. 229-267.
- 133] Schneider H. Adel-Burgen-Waffen. Bern, 1968.
- 134] Schünemann K. Deutsche Kriegsführung im Osten während des Mittelalters // *DA*. 1938. S. 54-84.
- 135] Sotto y Montes J. de. La orden de caballeria en la alta Edad media // *Revista de historia militar*. 1960. N 4. P. 39-73.
- 136] Wackernagel H. G. Kriegsbräuche in der mittelalterlichen Eidgenossenschaft. Bale, 1934.

- [137] *Weise E. Der Heidenkampf des deutschen Ordens // ZOF. 1963. N 12. S. 420-473. 622-672; 1964. N 13. S. 401-412.*
- [137 a] *Winter J. A. van. Cingulum militiae. Schwertleite en miles-terminologie als Spiegel van veranderend menselijk gedrag // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 1976. N 44. P. 1-92.*

VI-IX BB.

- [138] *Angermann H. Ausweitung des Kampfesgeschehens und psychologische Kriegführung im früheren Mittelalter. Würzburg, 1971.*
- [139] *Anton H. H. Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit. Bonn, 1968.*
- [140] *Bachrach B. S. Merovingian Military Organization 481-751. Minneapolis, 1972.*
- [141] *Bachrach B. S. Military Organization in Aquitaine under the Early Carolingians // Spec. 1974. N 49. P. 1-33.*
- [142] *Bachrach B. S. The Origin of Armorican Chivalry // Technology and Culture. 1969. N 10. P. 166-171.*
- [143] *Bachrach B. S. Procopius, Agathias and the Frankish Military // Spec. 1970. N 45. P. 435-441.*
- [144] *Bachrach B. S. Charles Martel, Shock Combat, the Stirrup and Feudalism // Studies in Medieval and Renaissance History. 1970. N 7. P. 47-75.*
- [145] *Bachrach B. S. Was the Marchfield Part of the Frankish Constitution? // MS. 1974. N 36. P. 178-186.*
- [146] *Bertolini O. Ordinamenti militari e strutture sociali dei Longobardi in Italia // OM. Vol. I. P. 429-607.*
- [147] *Bodmer J. P. Der Krieger der Merowingerzeit und seine Welt. Eine Studie über Kriegerertum als Form der menschlichen Existenz im Frühmittelalter. Zürich, 1957.*
- [148] *Bognetti G. P. L'influsso delle istituzioni militari romane sulle istituzioni longobarde del secolo VI e la natura della zara // Atti del Congresso Internazionale di Diritto Romano e di Storia del Diritto. Verona, 27-29 settembre 1948. Milano, 1953. P. 167-210.*
- [149] *Broob N. The Development of Military Obligations in Eighth- and Ninth-Century England // England before the Conquest. Studies in Primary Sources presented to Dorothy Whitelock / Ed. P. Clemoes, K. Hughes. Cambridge, 1971. P. 69-84.*
- [150] *Brühl C. R. Fodrum, Gistum, Servitium regis. Studien zu den wirtschaftlichen Grundlagen des Königtums (vom 6. bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts). 2 Bd. Köln; Graz, 1968.*
- [151] *Cameron A. Agathias on the Early Merovingians // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. 1968. N 57. P. 95-140.*
- [152] *Claude D. Adel, Kirche und Königtum im Westgotenreich. Sigmaringen, 1971.*
- [153] *Conrad H. Das Wehrstrafrecht der germanischen und fränkischen Zeit // Zeitschrift für die Geschichte der Strafrechtswissenschaft. 1937. N 56. S. 709-734.*
- [154] *Dannenbauer H. Die Freien im Karolingischen Heer // Festschrift zum 70. Geburtstag von Th. Mayer. Bd I: Zur allgemeinen und Verfassungsgeschichte. Constance, 1954. S. 49-64.*

- 155] *D'Haenens A. Les invasions normandes dans l'Empire franc au IXe siècle. Pour une rénovation de la problématique//1 Normanni et la loro espansione in Europa nell'alto Medioevo. Spoleto, 1969. P. 233-298.*
- 156] *D'Haenens A. Les invasions normandes, une catastrophe? Paris, 1970.*
- 157] *Drew K. F. The Carolingian Military Frontier in Italy // Traditio. 1964. N 20. p. 437-447.*
- 158] *Duby G. Guerriers et paysans. VII—XIIe siècle, premier essor de l'économie européenne. Paris, 1973.*
- 159] *Ganshof F L. L'armée sous les Carolingiens // OM. Vol. I. P. 109-130.*
- 160] *Ganshof F L. A. propos de la cavalerie dans les armées de Charlemagne // AIBL. 1952. P. 531-536.*
- 161] *Garcia Moreno L. A. Organizacion militar de Bisancio en la Peninsula Ibérica(ss. VI-VII) // Hispania. Revista Española de Historia. 1973. N 123. P. 5-22.*
- 162] *Gillmor C. M. Warfare and the Military under Charles the Bald, 840-877 // Dissertation Abstracts International A. 1976. N 37. P. 2349.*
- 163] *Hildesheimer E. L'activité militaire des clercs à l'époque franque. Paris, 1936.*
- 164] *Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. 2 Bd. Düsseldorf, 1969-1970.*
- 165] *Jarnut J. Beobachtungen zur den langobardischen Arimanni und Exercitales // ZSSRG. Germ. Abt. 1971. N 88. S. 1-28.*
- 166] *John E. War and Society in the Tenth Century: the Maldon Campaign // TRHS. 5e série. 1977. N27. P. 173-195.*
- 167] *Lebecq S. Francs contre Frisons (VI—VIIIe siècle) // Guerre et Paix. P. 53-71.*
- 168] *Levillain L. Campus Martius // BEC. 1947-1948. N 197. P. 62-68.*
- 169] *Macmullen R. Soldiers and Civilians in the Later Roman Empire. Cambridge, Mass.. 1963.*
- 170] *Mangoldt-Gaudlitz H. von. Die Reiterei in den germanischen und fränkischen Heeren bis zum Ausgang der deutschen Karolinger. Berlin, 1922.*
- 171] *Müset L. Problèmes militaires du monde Scandinave (VII—XIIe siècle)// OM. Vol. I. P. 229-291.*
- 172] *Patlagean E. Les armes et la cité à Rome du VIIe au XIe siècle, et le modèle européen des trois fonctions sociales // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age, Temps modernes. 1974. N 86. P. 25-62.*
- 173] *Rasi P. «Exercitus italicus» e Milizie cittadine nell'alto medioevo. Padova, 1937.*
- 174] *Sanchez-Alb or noz C. La perdida de Espana, I: El ejérito visigodo: su protofeudalización // CHE. 1967. N 43-44. P. 5-73.*
- 175] *Stormer W. Früher Adel. Studien zur politischen Führungsschicht im fränkisch-deutschen Reich vom 8. bis 11. Jahrhundert. 2 Bd. Stuttgart, 1973.*
- 176] *Teall J. L. The Barbarians in Justinian's Armies // Spec. 1965. N 40. P. 294-322.*
- 177] *Verbruggen J. F. L'armée et la stratégie de Charlemagne // Karl der Grosse. Lehenwerk und Nachleben. Bd I: Persönlichkeit und Geschichte. Düsseldorf. 1965. S. 420-436.*
- 178] *Vercauteren F. Comment s'est-on défendu au IXe siècle dans l'Empire franc contre les invasions normandes? // Annales du XXXe Congrès de la Fédération archéologique de Belgique. Bruxelles, 1936. P. 117-132.*

X-XI вв.

- [179] *Auer L.* Der Kriegsdienst des Klerus unter den sächsischen Kaisern // *MIÖGF.* 1971. N 79. S. 316-407; 1972. N 80. S. 48-70.
- [180] *Auer L.* Zur Kriegswesen unter den früheren Babenberger // *Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich.* 1976. N 42. S. 9-25.
- [181] *Beyerle F.* Zur Wehrverfassung des Hochmittelalters // *Festschrift Ernst Mayer.* Weimar, 1932. S. 31-91.
- [182] *Bonner R.* Die Wehrorganisation der frühen Babenberger im Einzelgebiet der Bezirke Melk und Scheibbs // *Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich.* 1976. N 42. S. 26-37.
- [183] *Bonnassie P.* La Catalogue du milieu du Xe à la fin du XIe siècle. Croissance et mutation d'une société. 2 vos. Toulouse, 1975-1976.
- [184] *Boussard J.* Services féodaux, milices et mercenaires dans les armées en France aux Xe et XIe siècles//*OM.* Vol. I. P. 131-168.
- [185] *Brown R. A.* The Normans and the Norman Conquest. London, 1969.
- [186] *Brown R. A.* Origins of English Feudalism. London; New York, 1973.
- [187] *Buisson L.* Formen normannischer Staatsbildung (9. bis 11. Jahrhundert) // *Studien zum mittelalterlichen Lehnswesen.* Lindau; Constance, 1960. S. 95-184.
- [188] *Douglas D. C.* The Norman Achievement, 1050-1100. Berkeley, 1969.
- [189] *Douglas D. C.* William the Conqueror. London, 1964.
- [190] *Duby G.* Les origines de la chevalerie // *OM.* Vol. II. P. 739-761.
- [191] *Erdmann C.* Die Burgenordnung Heinrichs I // *DA.* 1943. N 6. P. 59-101.
- [192] *Hollister C. W.* Anglo-Saxon Military Institutions on the Eve of the Norman Conquest. Oxford, 1962.
- [193] *Hollister C. W.* The Five-Hide Unit and the Old English Military Obligation // *Spec.* 1961. N 36. P. 61-74.
- [194] *Hollister C. W.* The Knights of Peterborough and the Anglo-Norman Fyrd // *EHR.* 1962. N 77. P. 417-436.
- [195] *Hollister C. W.* The Military Organization of Norman England. Oxford, 1965.
- [196] *Hollister C. W.* The Significance of Scutage Rates in Eleventh and Twelfth Century England // *EHR.* 1960. N 75. P. 577-588.
- [197] *Johrendt J.* «Milites» und «Militia» im 11. Jahrhundert. Untersuchung zur Frühgeschichte der Ritterschaft in Frankreich und Deutschland. Nürnberg, 1971.
- [198] *Knussert R.* Die deutschen Italienfahrten 951-1230 und die Wehrverfassung. Ottingen, 1931.
- [199] *Lewis A. R.* Cataluftacomio frontera militar (870-1050) // *AEM.* 1968. N 5. P. 15-29.
- [200] *Lewis A. R.* The Development of Southern French and Catalan Society, 718-1050. Austin (Texas), 1965.
- [201] *Leyser K.* Henry I and the Beginnings of the Saxon Empire // *EHR.* 1968. N 83. P. 1-32.
- [202] *Menendez Pidal R.* La Espana del Cid. 5^a ed. 2 vos. Madrid, 1956.
- [203] *Mo z C. G.* La difesa militare della Capitanata ed i confini della regionale al principio del secolo XI // *Papers of the British School in Rome.* 1956. N 24. P. 29-36.
- [204] *Powers J. F.* The Origins and Development of Municipal Military Service in the Leonese and Castilian Reconquest, 800-1250 // *Traditio.* 1970. N 26. P. 91-111.

- [205] *Prinz F.* Klerus und Krieg im früheren Mittelalter. Untersuchungen zur Rolle der Kirche beim Aufbau der Königsherrschaft. Stuttgart, 1971.
- [206] *Sanchez-Albornoz C.* El ejército y la guerra en el reino asturleonés, 718-1037 // OM. Vol. I. P. 293-428.
- [207] *Sánchez-Albornoz C.* En torno a los orígenes del feudalismo. 3 vols. Mendoza, 1942.
- [208] *Sander E.* Die Heeresorganisation Heinrichs I // Historisches Jahrbuch. 1939. N 59. S. 1-26.
- [209] *Stenton F.* The First Century of English Feudalism, 1066-1166. 2nd ed. Oxford, 1961.
- [210] *Tobacco G.* I liberi del re nell'Italia carolingia e postcarolingia. Spoleto, 1966.
- [211] *Tabacco G.* Dai possessori dell'età carolingia agli eserciti dell'età longobarda // Studi medievali. 1969. N 10. P. 211-268.
- [212] *Tabacco G.* Il regno italico nei secoli IX-XI // OM. Vol. II. P. 763-790.
- [213] *Van Luyn P.* Les milites dans la France du XIe siècle. Examen des sources narratives // MA. 1971. N 77. P. 5-51, 193-238.
- [214] *Werner K. F.* Heeresorganisation und Kriegsführung im deutschen Königreich des 10. und 11. Jahrhunderts // OM. Vol. II. P. 791-843.

XII-XIII BB.

Источники

- [215] *Alphonse X le Sage, roi de Castille.* Las siete partidas. Paris, 1861. Vol. II (Titres XXIII à XXX. P. 243-350).
- [216] *Catalogus baronum* / Ed. E. Jamison. Roma, 1972.
- [217] *Curzon H. de. (éd.)* La règle du Temple. Paris, 1886.
- [218] *Fidencio de Padoue.* Liber recuperationis Terre Sancte / Ed. P. G. Golubovich // Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Franciscano. Quaracchi, 1913. Vol. II. P. 9-60.
- [219] *Fryde E. B. (ta.)* Book of Prests of the King's Wardrobe for 1294-5 presented to John Goronwy Edwards. Oxford, 1962.
- [220] *Gallego Blanco E. (ed.)* The Rule of the Spanish Military Order of St James (1170-1493). Latin and Spanish Texts. Leyde, 1971.
- [221] *Gough H. (ed.)* Scotland in 1298. Documents relating to the Campaign of King Edward the First in that Year, and especially the Battle of Falkirk. London, 1888.
- [222] *King E. J. (ed.)* The Rule, Statutes and Customs of Hospitallers (1099-1310). London, 1934.
- [223] *Paoli C. (ed.)* Il libro di Montaperti (An. MCCLX). Firenze, 1889.
- [224] *Perlbach M. (ed.)* Die Statuten des deutschen Ordens. Halle, 1890.

Библиография

- [225] *Alessandro V d'.* Politico e Società nella Sicilia aragonese. Palermo, 1963.
- [226] *Audouin E.* Essai sur l'armée royale au temps de Philippe Auguste. Paris, 1913.
- [227] *Beeler J. H.* The Composition of Anglo-Norman Armies // Spec. 1965. N 40. P. 398-414.

- [228] Bell A. Notes on Gaimar's Military Vocabulary. *Medium Aevum*. 1971. N 40. P. 93-103.
- [229] Benninghoven F. *Der Orden der Schwertbrüder*. Köln; Graz, 1965.
- [230] Boussard J. L'enquête de 1172 sur les services de chevalier en Normandie // *Recueil de travaux offerts à Clovis Brunei*. Paris. 1955. Vol. I. P. 193-208.
- [231] Boussard J. Les mercenaires au XIIe siècle. Henri II Plantagenêt et les origines de l'armée de métier//BEC. 1945-1946. N 106. P. 189-224.
- [232] Bumke J. *Studien zum Ritterbegriff im 12. und 13. Jahrhundert*. Heidelberg, 1964.
- [233] Burns R. I. How to End a Crusade: Techniques for Making Peace in the 13th-century Kingdom of Valencia // *Military Affairs*. 1971. N 35. P. 142-148.
- [234] Cahen G. *Le régime féodal de l'Italie normande*. Paris. 1940.
- [235] Carolus-Barré L. Le service militaire en Beauvaisis au temps de Philippe de Beaumanoir. L'estaige à Gerberoy et à Beauvais (1271-1277). L'ost de Navarre (1276) // *Guerre et Paix*. P. 73-93.
- [235a] Cazelles R. La réglementation de la guerre privée de Saint Louis à Charles V // *RHDFE*. 1960. P. 530-548.
- [236] Chibnall M. Mercenaries and the Familia Regis under Henry I // *Hist*. 1977. N 62. P. 15-23.
- [237] Critchley J. S. Summonses to Military Service Early in the Reign of Henry III // *EHR*. 1971. N85. P. 79-95.
- [238] Denholm-Young N. *Feudal Society in the Thirteenth Century: the Knights*//*Collected Papers on Mediaeval Subjects*. Oxford, 1946. P. 56-67.
- [239] Denholm-Young N. The Tournament in the 13th Century// *Studies in Medieval History presented to Frederick Maurice Powicke*. Oxford, 1948. P. 240-268.
- [240] Devosj.-C. L'organisation de la défense de l'Artois en 1297 // *Bulletin philologique et historique (jusqu'en 1715) du Comité des Travaux historiques et scientifiques, années 1955-1956*. Paris. 1957. P. 47-55.
- [241] Duby G. Guerre et société dans l'Europe féodale: ordonnancement de la paix // *Concetto, Storia, Miti e Immagini del Medio Evo. Atti del XIV Corso internazionale d'alta cultura* / Éd. V. Branca. Firenze, 1973. P. 449-459.
- [242] Duby G. Guerre et société dans l'Europe féodale: la guerre et l'argent//*Ibid*. P. 61-471.
- [243] Duby G. Guerre et société dans l'Europe féodale: la morale des guerriers // *Ibid*. P. 473^182.
- [244] Duby G. 27 juillet 1214. Le dimanche de Bouvines. Paris, 1973.
- [245] Florij. Qu'est-ce qu'un *bachelor*? Etude historique du vocabulaire dans les chansons de geste du XIIe siècle // *Romania*. 1975. P. 289-314.
- [246] Flori J. La notion de chevalerie dans les chansons de geste du XIIe siècle. Etude historique du vocabulaire//*MA*. 1975. N 81. P. 211-244.
- [247] Florij. Sémantique et société médiévale. Le verbe adouber et son évolution au XIIe siècle//*AESC*. 1976. P. 915-940.
- [248] Freeman A. Z. The King's Penny: The Headquarters Paymasters in the Scottish Wars, 1295-1307 // *JBS*. 1966. N 6. P. 1-22.
- [249] Freeman A. Z. Wall-Breakers and River-Bridgers. Military Engineers in the Scottish Wars of Edward I // *JBS*. 1971. N 10. P. 1 -16.
- [250] Galletti A. I. La società comunale di fronte alla guerra nelle fonti perugine nel 1282 // *Bollettino dell'addeputazione di storia patria per l'Umbria*, 1974. N 71. P. 35-98.

- [251] *Gattermann G.* Die deutschen Fürsten auf der Reichsheerfahrt. Studien zur Reichskriegsverfassung der Stauferzeit. Frankfurt am Main, 1956.
- [252] *Grundmann H.* Rotten und Brabanzonen. Söldner-Heere im 12. Jahrhundert // DA. 1942. S. 419-492.
- [253] *Hagspiel G. H.* Die Führerpersönlichkeit im Kreuzzug. Zürich, 1963.
- [254] *Harvey S.* The Knight and the Knight's Fee in England // PP. 1970. N 49. P. 3-43.
- [255] *Hollister G. W.* The Annual Term of Military Service in Medieval England // *Medievalia et Humanistica*. 1960. N 13. P. 40-47.
- [256] *Keeney B. C.* Military Service and the Development of Nationalism in England. 1272-1327//Spec. 1947. N 22. P. 534-549.
- [257] *Lacarraj. M.* Les villes-frontières dans l'Espagne des XI—XIIIe siècles// MA. 1963. N 69. P. 205-222.
- [258] *Lewis N. B.* An Early Indenture of Military Service, 27 July, 1287 // BIHR. 1935. N 13. P. 85-89.
- [259] *Lewis N. B.* The English Forces in Flanders, August-November 1297 // Studies in Medieval History Presented to F. M. Powicke / Ed. R. W. Hunt, W. A. Pantin. R. W. Southern. Oxford, 1948. P. 310-318.
- [260] *Lomax D. W.* La orden de Santiago (1170-1275). Madrid. 1965.
- [261] *Lydon J. F.* An Irish Army in Scotland, 1296// Irish Sword. 1962. N 5. P. 184-189.
- [262] *Lydon J. F.* Irish Levies in the Scottish Wars, 1296-1302 // Irish Sword. 1962. N 5. P. 207-217.
- [263] *Lyon B. D.* From Fief to Indenture. The Transition from Feudal to Non-Feudal Contract in Western Europe. Cambridge, Mass., 1957.
- [264] *Lyon B. D.* The Feudal Antecedent of the Indenture System // Spec. 1954. N 29. P. 503-511.
- [265] *McFarlane K. B.* An Indenture of Agreement between two English Knights for Mutual Aid and Counsel in Peace and War, 5 December 1298 // BIHR. 1965. N 38. P. 200-210.
- [266] *Martin J. L.* Origenes de la Orden Militar de Santiago (1170-1195) // AEM. 1967. N 4. P. 571-590.
- [267] *Meier-Welcker H.* Das Militärwesen Kaiser Friedrichs II. Landesverteidigung. Heer und Flotte im sizilischen «Modellstaat» // RIHM. 1975. P. 9-48.
- [268] *Mens A.* De «Brabanciones» of bloeddorstige en plunderzieke avonturiers (XII—XIIIe eeuw) // *Miscellanea historica in honorem Alberti de Meyer*. Louvain; Bruxelles. 1946. T. I. P. 558-570.
- [269] *Meyer H.* Die Militärpolitik Friedrich Barbarossas im Zusammenhang mit seiner Italienpolitik. Berlin, 1930.
- [270] *Navel H.* L'enquête de 1133 sur les fiefs de l'évêché de Bayeux // Bulletin de la Société des Antiquaires de Normandie. 1934. N 42. P. 5-80.
- [271] *Painter S.* Castle-guard // AHR. 1934-1935. N 40. P. 450-459.
- [272] *Parisse M.* La noblesse lorraine. XI—XIIIe siècles. 2 vos. Lille, 1976.
- [273] *Pescador C.* La caballeria popular en Leon y Castilla// CHE. 1961. N 33-34. P. 101-238; 1962. N 35-36. P. 56-201; 1963. N 37-38. P. 88-198.
- [274] *Fieri P.* Federico II di Svevia e la guerra del suo tempo // Archivio Storico Pueliese. 1960. N 13. P. 114-131.

- [275] *Pieri P. I Saraceni di Lucera nella storia militare médiévale* // Archivio Storico Pugliese. 1953. N 6. P. 94-101.
- [276] *Powers J. F. Frontier Competition and Legal Creativity: A Castilian-Aragonese Study based on Twelfth-Century Municipal Military Law* // Spec. 1977. N 52. P. 465-487.
- [277] *Powers J. F. Townsmen and Soldiers: the Interaction of Urban and Military Organization in the Militias of Mediaeval Castile* // Spec. 1971. N 46. P. 641-655.
- [278] *Powicke M. R. Distrainment of Knighthood and Military Obligation under Henry III* // Spec. 1950. N 25. P. 457-470.
- [279] *Powicke M. R. The General Obligation of Cavalry Service under Edward I* // Spec. 1953. N 28. P. 814-833.
- [280] *Riley-Smith J. S. C. Peace never established: the Case of the Kingdom of Jerusalem* // TRHS. 5e série. 1978. N 28. P. 87-102.
- [281] *Roussel P. La description du monde chevaleresque dans Orderic Vital* // MA. 1969. N 75. P. 427-444.
- [282] *Rousset P. Note sur la situation du chevalier à l'époque romane* // Littérature, Histoire, Linguistique. Recueil d'études offertes à Bernard Gagnebin. Lausanne, 1973. P. 189-200.
- [283] *Sanders I. J. Feudal Military Service in England: A Study of the Constitutional and Military Powers of the «Barones» in Mediaeval England*. London; New York, 1956.
- [284] *Schlicht J. Monarchs and Mercenaries. A Reappraisal of the Importance of Knight Service of Norman and Angevin England*. Bridgeport (Connecticut), 1968.
- [285] *Smail R. C. The Crusaders in Syria and the Holy Land*. London, 1973.
- [286] *Smail R. C. Crusading Warfare (1097-1193)*. Cambridge, 1956.
- [287] *Strayer J. R. Knight Service in Normandy in the XIII-th Century* // Anniversary Essays in Mediaeval History by Students of Charles Homer Haskins. Boston; New York, 1929. P. 312-327.
- [288] *Torres A. P. Contribucion al estudio del ejército en los estados de la Reconquista* // Anuario de Historia del Derecho Espanol. 1944. N 15. P. 205-351.
- [289] *Ubieto Areta A. La guerra en la Edad media segun los fueros de la linea del Tajo* // Saitabi. 1966. N 16. P. 91-210.
- [290] *Urban W. The Organization of Defence of the Livonian Frontier in the Thirteenth Century* // Spec. 1973. N 48. P. 525-532.
- [291] *Uri S. P. Het tournooi in de XIIe en XIIIe eeuw* // Tijdschrift voor Geschiedenis. 1960. N 73. P. 376-396.
- [292] *Verbruggen J. F. Het leger en de vloot van de graven van Vlaanderen vanaf het ontstaan tot in 1305*. Bruxelles, 1960.
- [293] *Verbruggen J. F. De militaire dienst in het graafschap Vlaanderen* // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 1958. N 26. P. 437-465.
- [294] *Waley D. P. Papal Armies in the Thirteenth Century* // EHR. 1957. N 72. P. 1-30.
- [295] *Waley D. P. The Army of the Florentine Republic from the Twelfth to the Fourteenth Century* // Florentine Studies / Ed. N. Rubinstein. London; Evanston, 1968. P. 70-108.
- [296] *Waley D. P. Condotte and condottieri in the Thirteenth Century* // Proceedings of the British Academy. 1975. P. 337-371.
- [297] *Waley D. P. Le origini della condotta nel Duecento e le compagnie di Ventura* // RSI. 1976. N 88. P. 531-538.

- [298] *Yverf.* L'interdiction de la guerre privée dans le très ancien droit normand // Travaux de la semaine d'histoire du droit normand tenue à Guernesey, 1927. Caen, 1928. P. 307-347.

XIV - XV вв.

Источники

- [299] *Allmand C. T.* (ed.) *Society at War. The Experience of England and France during the Hundred Years War.* Edimburg, 1973 [обширная библиография источников и работ по Столетней войне. P. 194-212].
- [300] *Barnard F. P.* (ed.) *The Essential Portions of Nicholas Upton's De Studio Militari Before 1446,* translated by John Blount. Fellow of All Souls. Oxford, 1931.
- [301] *Bastin J.* *Le traité de Théodore Paléologue dans la traduction de Jean de Vignai* // *Etudes romanes dédiées à Mario Roques par ses amis, collègues et élèves de France.* Paris, 1946. P. 77-88.
- [302] *Belleval R. de.* (ed.) *Rôle des nobles et fiefés du bailliage d'Amiens convoqués pour la guerre le 25 août 1337.* Amiens, 1862.
- [303] *Belleval R. de.* *Trésor généalogique de la Picardie ou Recueil de documents inédits sur la noblesse de cette province. Vol. II: Montres et quittances.* Amiens, 1860.
- [304] *Bohigas P.* (ed.) *Tractats de Cavalleria.* Barcelona, 1947.
- [305] *Bollatti di Saint Pierre F.* (ed.) *Illustrazioni délia Spedizione in Oriente di Amedeo VI (il Conte Verde).* Torino, 1900.
- [306] *Boucher de Molandon R, Beaucorps E. de.* (éd.) *L'armée anglaise vaincue par Jeanne d'Arc sous les murs d'Orléans* // *Mémoires de la Société historique et archéologique de l'Orléanais.* 1892. N 23.
- [307] *Brassart F.* (éd.) *La féodalité dans le nord de la France. Bans et arrière-bans de la Flandre wallonne sous Charles le Téméraire et Maximilien d'Autriche* // *Souvenirs de la Flandre wallonne.* 1884. P. 5-78.
- [308] *Bréard C.* (éd.) *Le compte du Clos des gâtées au XIVe siècle (1383-1384).* Rouen, 1893.
- [309] *Brush H. R.* (ed.) *La bataille de Trente Anglois et de Trente Bretons* // *Modern Philology.* 1911-1912. N 9. P. 511-544; 1912-1913. N 10. P. 82-136.
- [310] *Canestrini G.* *Documenti per servire alla storia délia milizia italiana dal XIII secolo al XVI, raccoiti negli Archivi délia Toscana.* Firenze, 1851.
- [311] *Chabannes H. de.* (éd.) *Preuves pour servir à l'histoire de la maison de Chahannes.* 4 vos. Dijon, 1892-1897.
- [312] *Champeval J. B.* (éd.) *Le rôle du ban et arrière-ban du haut Auvergne* // *L'Auvergne historique, littéraire et artistique.* Varia, 1909-1912. Riom, 1913.
- [313] *Chandos, Le Héraut.* *Le Prince noir, poème*/Ed. Francisque-Michel. London; Paris, 1883.
- [314] *Chazelas A.* (éd.) *Documents relatifs au Clos des Gâtées de Rouen et aux armées de mer du roi de France de 1293 à 1418.* 2 vos. Paris, 1977-1978.
- [315] *Chronique du Mont-Saint-Michel (1343-1468)* / Ed. S. Luce. 2 vos. Paris. 1879, 1883.

- [316] *Diez de Games (Gutierre)*. El Victorial, Cronica de Don Pero Nino, conde de Buelna / Ed. J. de Mata Carriazo. Madrid. 1940. Перевод на фр. яз.: Le Victorial, chronique de Pedro Nino, comte de Buelna (1379-1449) / Ed. A. de Circourt et comte de Puymaigre. Paris, 1867. Перевод на англ. яз. : The Unconquered Knight. A Chronicle of the Deeds of Don Pero Nino, count of Buelna / Ed. J. Evans. London, 1928.
- [317] *Devillers L.* Documents relatifs à l'expédition de Guillaume IV contre les Liégeois: 1407-1409. Hainaut et Liège // Bulletin de la Commission royale d'histoire. 4e série. 1877. N 4. P. 85-120.
- [318] *Devillers L.* Sur les expéditions des comtes de Hainaut et de Hollande en Prusse // Bulletin de la Commission royale d'histoire. 4e série. 1878. N 5. P. 127-144.
- [319] *Dufour E.* Documents inédits pour servir à l'histoire de l'ancienne province de Quercy. Cahors, 1865.
- [320] *Dumay G.* Etat militaire et féodal des bailliages d'Autun, Montcenis, Bourbon-Lancy et Semur-en-Brionnais en 1474 // Mémoires de la Société éduenne. 1882.
- [321] *Ekdahl S.* Die «Banderia Prutenorum» des Jan Dugosz, eine Quelle zur Schlacht bei Tannenberg, 1410. Göttingen; Zürich, 1976.
- [322] *Essenwein A. von.* (ed.) Mittelalterliches Hausbuch. Bilderhandschrift des 15. Jahrhunderts mit vollständigem Text und facsimilierten Abbildungen. Frankfurt am Main, 1887.
- [323] *Funck-Brentano F.* De exercituum commeatibus tertio deeimo et quarto deeimo saeculis post Christum natum. Paris, 1897.
- [324] *Hergsell G.* Talhoffers Fechbuch aus dem Jahre 1467. Prague, 1887.
- [325] *Hergsell G.* Talhoffers Fechbuch (Gothaer Codex) aus dem Jahre 1443. Prague, 1883.
- [326] *Huguet A.* Aspects de la guerre de Cent ans en Picardie maritime // Mémoires de la Société des Antiquaires de Picardie. 1941. N 48; 1944. N 50.
- [327] *Jarry L.* Le compte de l'armée anglaise au siège d'Orléans // Mémoires de la Société historique et archéologique de l'Orléanais. 1892.
- [328] *Jusselin M.* Comment la France se préparait à la guerre de Cent ans // BEC. 1912. N 73. P. 209-236.
- [329] *Lannoy Gh. de.* Œuvres / Ed. Ch. Potvin. Louvain, 1878.
- [330] *Le Cacheux P.* Rouen au temps de Jeanne d'Arc et pendant l'occupation anglaise (1419-1449). Rouen; Paris, 1931.
- [331] *Hull R.* Livre de l'ordre de chevalerie / Ed. V. Minervini. Bari, 1972. Перевод на англ. яз. в XV в.: W. Caxton. The Book of the Ordre of Chyualry / Ed. A. T. P. Byles. London, 1926.
- [332] *Longnon A.* Paris pendant l'occupation anglaise (1420-1436). Paris, 1878.
- [333] *Luzzati M.* Una guerra di popolo. Lettere private del tempo dell'assedio di Pisa (1494-1509). Pisa, 1973.
- [334] Memorial über die Organisation des Kriegswesen der Stadt Worms Ende des XV. Jahrhunderts // Quellen zur Geschichte der Stadt Worms / Hrsg. M. Boos. Bd III: Annalen und Chroniken. Berlin, 1883. S. 349-370.
- [335] *Morel O.* L'état de siège à Bourg lors de l'invasion de la Bresse en 1468. Bourg, 1936.
- [336] *Nicolas, Sir N. Harris.* The Controversy between Sir Richard Scrope and Sir Robert Grosvenor, in the court of Chivalry, AD MCCCCLXXXV-MCCCXC. 2 vos. London, 1832.

- [337] *Nicolas, Sir N. Harris.* History of the Battle of Agincourt and of the Expedition of Henry the Fifth into France in 1415. 2nd ed. London, 1832 (перезд.: London, 1970).
- [338] *Oberman H. A., Weisheipl J. A.* The *Sermo epiniacus* ascribed to Thomas Bradwardine (1346) // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age. 1958. N 33. P. 295-329 [очерк о победах англичан над французами и швейцарцами].
- [339] *Fieri P.* Governo et exercitio de la Militia di Orso degli Orsini e i *Mémoriali* di Diomede Carafa // Archivio Storico per le provincie napoletane. Nuova série. 1933. N 19. P. 99-212.
- [340] *Quicke F.* L'intérêt du point de vue de l'histoire politique, économique et financière, du troisième compte des expéditions militaires d'Antoine de Bourgogne, duc de Brabant et de Limbourg dans le duché de Luxembourg (1er septembre 1413 - 24 décembre 1414) // Publications de la Section historique de l'Institut grand-ducal de Luxembourg. 1930. N 64. P. 315-468.
- [341] *Riquer M. de.* Lletres de batalla, cartelles de deseximents i capitols de passos d'armes. 2 vols. Barcelona, 1968-1969.
- [342] *Schürstab E.* Beschreibung des ersten Markgräflichen Krieges gegen Nürnberg / Hrsg. J. Bader. München, 1860 (перезд.: München, 1969).
- [343] *Schullian D. M.* Diario de Bello Carolino. New York, 1967.
- [344] *Stevenson J.* Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England. 3 vols. London, 1861, 1864.
- [345] *Visconti E. G.* Ordine dell'esercito ducale Sforzesco, 1472-1474 // Archivio Storico Lombardo. 1876. N 3.

Общие работы

- [346] *Adam-Even P.* Les fonctions militaires des hérauts d'armes, leur influence sur le début de l'héraldique // Archives héraldiques suisses. 1957. N 71. P. 2-33.
- [347] *Alban J. R., Allmand C. T.* Spies and Spying in the Fourteenth Century // War, Literature and Politics. P. 73-101.
- [348] *Allmand C. T.* War and Profit in the Late Middle Ages // History Today. 1965. N 15. P. 762-769.
- [349] *Cipolla C. M.* Guns and Sails in the Early Phase of European Expansion (1400-1700). London, 1965.
- [350] *Contamine Ph.* Les armées française et anglaise à l'époque de Jeanne d'Arc // Revue des Sociétés savantes de haute Normandie. Lettres et Sciences humaines. 1970. P. 7-33.
- [351] *Delumeau J.* La peur en Occident, XIVe-XVIIIe siècle. Une cité assiégée. Paris, 1978.
- [352] *Fowler K. A.* Le siècle des Plantagenêts et des Valois. La lutte pour la suprématie, 1328-1498. Paris, 1968.
- [353] *Glénisson J.* Notes d'histoire militaire. Quelques lettres de défi du XIVe siècle // BEC. 1947-1948. N 107. P. 235-254.
- [354] *Goez W.* Über Fürstzenweikämpfe im Spätmittelalter // Archiv für Kulturgeschichte. 1967. N 49. S. 135-163.
- [355] *Hale J. R.* War and Public Opinion in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // PP. 1962. N 22. P. 18-33.

- [356] *Hitzinga J.* La valeur politique et militaire des idées de chevalerie à la fin du Moyen Age // *Revue d'Histoire diplomatique*. 1921. N 35. P. 126-138.
- [357] *Keen M. H.* Brotherhood in Arms // *Hist.* 1962. N 57. P. 1-17.
- [358] *Keen M. H.* Chivalry, Nobility and the Man-at-Arms // *War, Literature and Politics*. P. 32-45.
- [359] *Keen M. H.* Huizinga, Kilgour and the Decline of Chivalry // *Medievalia et Humanistica. Studies in Medieval and Renaissance Culture*. New série. T. 8: Transformation and Continuity / Ed. P. M. Clogan. Cambridge, 1977. P. 1-20.
- [360] *Keen M. H.* The Laws of War in the Late Middle Ages. London, 1965.
- [361] *Pippidi A.* Contributii la Studiul legilor războinului în Evul Mediu. Bucarest, 1974 [О военнопленных во времена Столетней войны и в румынских землях в Средние века].
- [362] *Post G.* *Ratiopublicae utilitatis, ratio status* und Staatsräson // *Welt als Geschichte*. 1961. N 22. S. 8-28, 71-99.
- [363] *Puddu R.* Eserciti e monarchie nazionali nei secoli XV-XVI. Firenze, 1975.
- [364] *Puddu R.* Istituzioni militari, Società e Stato tra Medioevo e Rinascimento // *RSI*. 1975. N 87. P. 749-769.

Германия и германский мир (включая Швецию)

- [365] *Beck W.* Bayerns Heerwesen und Mobilmachung im 15. Jahrhundert // *Archivalische Zeitschrift*. Neue série. 1911. N 18. S. 1-232.
- [366] *Benninghoven F.* Die Kriegsdienste der Komturei Danzig um das Jahr 1400 // *Acht Jahrhunderte Deutscher Orden in Einzeldarstellungen*. Festschrift... Marian Turnier / Hrsg. P. K. Wieser. Bad Godesberg, 1967. S. 161-222.
- [367] *Benninghoven F.* Probleme der Zahl und Standortverteilung der Livländischen Streitkräfte im ausgehenden Mittelalter // *ZOF*. 1963. N 12. S. 601-622.
- [367a] *Contamine Ph.* René II et les mercenaires de langue germanique: la guerre contre Robert de La Marek, seigneur de Sedan (1496) // *Bataille de Nancy*. P. 377-394.
- [368] *Deutsch K. W., Weillenmann H.* Die militärische Bewährung eines sozialen Systems: die Schweizer Eidgenossenschaft im 14. Jahrhundert // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Sonderheft 12. Beiträge zur Militärsoziologie. 1968. S. 38-58.
- [369] *Ekdahl S.* Über die Kriegsdienste der Freien im Kulmerland zu Anfang des 15. Jahrhunderts // *Preussenland*. 1964. N 2. S. 1-14.
- [370] *Franz G.* Von Ursprung und Brauchtum der Landsknechte // *MIÖGF*. 1953. N 61. P. 79-98.
- [371] *Freyenhagen W.* Die Wehrmachtverhältnisse der Stadt Rostock im Mittelalter. Rostock, 1930.
- [372] *Heinzen T.* Zunftkämpfe, Zunftherrschaft und Wehrverfassung in Köln, Beitrag zum Thema «Zünfte und Wehrverfassung» // *Veröffentlichungen des Kölnischen Geschichtsverein*. 1939. N 16.
- [373] *Martin P.* Quelques aspects de l'art de la guerre en Alsace au XIVe siècle // *Revue d'Alsace*. 1948. N 88. P. 108-123.

- [374] *Martin P.* Wehr-, Waffen- und Harnischpflicht der Strassburger Zünfte im 14. Jahrhundert// Waffen- und Kostümkunde. 1975. S. 102-108.
- [375] *Mew5«erG.* Das Kriegswesen der Reichsstadt Nordhausen (1290-1803). Berlin, 1939.
- [376] *Nell M.* Die Landsknechte. Entstehung der ersten deutschen Infanterie. Berlin, 1914.
- [377] *Padrutt C.* Staat und Krieg im alten Bünden. Studien zur Beziehung zwischen Obrigkeit und Kriegertum in den drei Bünden, vornehmlich im 15. und 16. Jahrhundert. Zürich, 1965.
- [377a] *Rapp F.* Strasbourg et Charles le Hardi: l'ampleur et le prix de l'effort militaire // Bataille de Nancy. P. 395^114.
- [378] *Rautenburg W.* Böhmisches Söldner im Ordensland Preussen. Ein Beitrag zur Söldnergeschichte des 15. Jahrhunderts, vornehmlich des 13 jährigen Städte-Kriegs 1454-1466. Hamburg, 1954.
- [379] *Redlich F.* The German Military Enterpriser and his Work Forces. 2 vos. Wiesbaden, 1964-1965.
- [379a] *Sablonier R.* Etat et structures militaires dans la Confédération autour des années 1480 // Bataille de Nancy. P. 429-477.
- [380] *Schaufelberger W.* Der Alte Schweizer und sein Krieg. Studien zur Kriegsführung vornehmlich im 15. Jahrhundert. 2e Aufl. Zürich, 1966.
- [381] *Schaufelberger W.* Zu einer Charakterologie des altschweizerischen Kriegertums // Schweizerisches Archiv für Volkskunde. 1960. N 56. S. 48-87.
- [382] *Schaufelberger W.* Zum Problem der militärischen Integration in der spätmittelalterlichen Eidgenossenschaft // Allgemeine schweizerische Militärschrift. 1970. N 136. S. 313-328.
- [383] *Schaufelberger W.* Der Wettkampf in der alten Eidgenossenschaft. Zur Kulturgeschichte des Sports vom 13. bis ins 18. Jahrhundert. 2 Bd. Bern, 1972.
- [384] *Schmidt-Ewald W.* Das Landesaufgebot im westlichen Thüringen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert // Zeitschrift des Vereins für thüringische Geschichte und Altertumskunde. 1929. N36. S. 6-58.
- [385] *Schnitzer M.* Die Morgartenschlacht in werdenden schweizerischen National-Bewusstsein. Zürich, 1969.
- [386] *Schultze J.* Die bürgerliche Dienst- und Wehrpflicht in der Mark Brandenburg // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschland. 1974. N 23. S. 270-280.
- [387] *Schultze W.* Die Glevé. Der Ritter und sein Gefolge im späteren Mittelalter. München, 1940.
- [388] *Stöcklein.* Das Landsknechts- und Söldnertum // Deutsche Soldatenkunde. 1937. N 1. S. 50-62.
- [389] *Stolz O.* Wehrverfassung und Schützenwesen in Tirol von den Anfängen bis 1918. Innsbruck; Wien; München, 1960.
- [390] *Wohlfeil R.* Adel und neues Heerwesen // Deutscher Adel, 1430-1555. Büdinger Vorträge 1363 / Ed. H. Rössler. Darmstadt, 1965. S. 203-233.
- [391] *Wohlfeil R.* Ritter - Söldnerführer-Offizier. Versuch eines Vergleiches // Festschrift Johannes Bärmann. Wiesbaden, 1966. Bd I. S. 45-70.
- [392] *Zimmermann J.* Wehrwesen und Zünfte // Schaffhauser Beiträge zur vaterländischen Geschichte. 1961. N 38. S. 82-90.

Англия и британский мир

- [393] *Armstrong C. A. J.* Sir John Fastolf and the Law of Arms // War, Literature and Politics. P. 46-56.
- [394] *Barnie J.* War in Medieval English Society. Social Values and the Hundred Years War 1337-1399. Ithaca; London, 1974.
- [395] *Boynston L.* The Tudor Provost-Marshal // EHR. 1962. N 77. P. 437-455.
- [396] *Burley S. J.* The Victualling of Calais 1347-65 // BIHR. 1958. N 31. P. 49-57.
- [397] *Carr A. D.* Welshmen and the Hundred Years' War // The Welsh History Review. 1968. N 4. P. 21-46.
- [398] *Chew H. M.* Scutage in the Fourteenth Century // EHR. 1923. N 38. P. 19-41.
- [399] *Cruickshank C. G.* Army Royal. Henri VIII's Invasion of France, 1513. Oxford, 1969.
- [400] *Ferguson A. B.* The Indian Summer of English Chivalry. Studies in the Decline and Transformation of Chivalric Idealism. Durham (North Carolina), 1960.
- [401] *Fowler K. A.* Les finances et la discipline dans les armées anglaises en France au XIVe siècle // Actes du Colloque international de Cocherel. Les Cahiers vernonnais. 1964. N 4. P. 55-84.
- [402] *Gillespie J. L.* Richard IPs Cheshire Archers // Transactions of the Historical Society of Lancashire and Cheshire. 1975. N 125. P. 1-39.
- [403] *Hanawalt B. A.* Violent Death in Fourteenth- and Early Fifteenth-Century England // Comparative Studies in Society and History. 1976. N 18. P. 297-320.
- [404] *Harriss G. L.* War and the Emergence of the English Parliament, 1297-1360 // Journal of Medieval History. 1976. N 2. P. 35-56.
- [405] *Hay D.* Booty in Border Warfare // Transactions of the Dumfriesshire and Galloway Natural History and Antiquarian Society. 3e série. 1954. N 31. P. 145-166.
- [406] *Hay D.* The Division of the Spoils of War in Fourteenth-Century England // TRHS. 5e série. 1954. N 4. P. 91-109.
- [407] *Hewitt H. J.* The Organization of War // The Hundred Years' War / Ed. K. A. Fowler. London, 1971. P. 75-95.
- [408] *Hewitt H. J.* The Organization of War under Edward III, 1338-62. Manchester, 1966.
- [409] *Hooker J. R.* Notes on the Organization and Supply of the Tudor Military under Henry VII // Huntington Library Quarterly. 1950. N 23. P. 19-31.
- [410] *Kliman B. W.* The Idea of Chivalry in John Barbour's Bruce // MS. 1973. N 35. P. 477-508.
- [411] *Lander J. R.* The Hundred Years' War and Edward IV's Campaign in France // Tudor Men and Statesmen. Studies in English Law and Government / Ed. A. J. Slavin. Baton Rouge, 1972. P. 70-100.
- [412] *Lander J. R.* The War of the Roses. London, 1965.
- [413] *Lewis N. B.* Indentures of Retinue with John of Gaunt, Duke of Lancaster enrolled in Chancery 1367-1399 // Camden Miscellany. 1964. N 22. P. 77-112.
- [414] *Lewis N. B.* The Last Medieval Summons of the English Feudal Levy, 13 June 1385 // EHR. 1958. N 73. P. 1-26.
- [415] *Lewis N. B.* The Organization of Indentured Retinues in Fourteenth-Century England // TRHS. 4e série. 1945. N 27. P. 29-39.
- [416] *Lewis N. B.* The Recruitment and Organization of a Contract Army, May to November 1337//BIHR. 1964. N 57. P. 1-19.

- [417] *Lewis N. B.* The Summons of the English Feudal Levy, 5 April 1327 // *Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson* / Ed. T. A. Sand-Quist, M. R. Powicke. Toronto, 1969. P. 236-249.
- [418] *McFarlane K. B. A* Business-Partnership in War and Administration 1421-1445 // *BIHR*. 1963. N 68. P. 290-310.
- [419] *Mcbiab B.* Obligations of the Church in English Society: Military Arrays of the Clergy 1369-1418 // *Order and Innovation in the Middle Ages. Essays in honor of Joseph R. Strayer* / Ed. W. C. Jordan, B. McNab, T. F. Ruiz. Princeton (New Jersey), 1976. P. 293-314, 516-522.
- [420] *Mathew G.* Ideals of Knighthood in Late Fourteenth-Century England // *Studies in Medieval History presented to Frederik Maurice Powicke* / Ed. R. W. Hunt, W. A. Pantin, R. W. Southern. Oxford, 1948. P. 354-362.
- [420a] *Matonis A. T. E.* Traditions of Panegyric in Welsh Poetry // *Spec.* 1978. N 53. P. 667-687.
- [421] *Miller E.* War in the North. The Anglo-Scottish Wars of the Middle Ages. Hull, 1960.
- [422] *Newhall R. A.* Muster and Review. A Problem of English Military Administration, 1420-40. Cambridge, Mass., 1940.
- [423] *Nicholson R. G.* Edward III and the Scots. The Formative Years of a Military Career, 1327-1335. Oxford, 1965.
- [424] *Palmer J. J. N.* The Last Summons of the Feudal Army in England (1385) // *EHR*. 1968. N 83. P. 771-775.
- [425] *Perroy E.* Gras profits et rançons pendant la guerre de Cent ans: l'affaire du comte de Dénia // *Mélanges d'histoire du Moyen Age dédiés à la mémoire de Louis Halphen*. Paris, 1951. P. 573-580.
- [425a] *Powicke M. R.* Edward II and Military Obligation // *Spec.* 1956. N 21. P. 83-119.
- [426] *Powicke M. R.* The English Aristocracy and the War // *The Hundred Years' War* / Ed. K. A. Fowler. London, 1971. P. 122-134.
- [427] *Powicke M. R.* Lancastrian Captains // *Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson* / Ed. T. A. Sandouist, M. R. Powicke. Toronto, 1969. P. 371-382.
- [428] *Prestwich M.* Victualling Estimates for the English Garrisons in Scotland during the Early Fourteenth Century // *EHR*. 1967. N 82. P. 536-543.
- [429] *Prince A. E.* The Army and the Navy // *The English Government at Work 1327—1336. T. I: Central and Prerogative Administration* / Ed. J. F. Willard, W. A. Morris. Cambridge, Mass., 1940. P. 332-393.
- [430] *Prince A. E.* The Indenture System under Edward III // *Historical Essays in Honour of James Tait* / Ed. J. G. Edwards, E. F. Jacob. Manchester, 1933. P. 283-297.
- [431] *Prince A. E.* The Payment of Army Wages in Edward III's Reign // *Spec.* 1944. N 19. P. 137-160.
- [432] *Prince A. E.* The Strength of English Armies in the Middle Ages // *EHR*. 1931. N 46. P. 353-371.
- [433] *Reeves A. C.* Some of Humphrey Stafford's Military Indentures // *Nottingham Mediaeval Studies*. 1972. N 16. P. 80-91.
- [434] *Rogers A.* Hoten versus Shakell: a Ransom Case in the Court of Chivalry, 1390-95 // *Nottingham Mediaeval Studies*. 1962. N 6. P. 74-108; 1963. N 7. P. 53-78.
- [435] *Rowe B. J. H.* Discipline in the Norman Garrisons under Bedford // *EHR*. 1931. N 46. P. 194-208.

- [436] *Sandberger D.* Studien über das Rittertum in England, vornehmlich während des 14. Jahrhunderts. Berlin, 1937.
- [4371] *Sherborne J. W.* Indentured Retinues and English Expeditions to France, 1369-1380 // EHR. 1964. N 75. P. 718-746.
- [438] *Templeman G.* Two French Attempts to Invade England during the Hundred Years War// Studies in French Language, Literature and History presented to R. L. G. Ritchie. Cambridge, 1949. P. 225-238.

Франция и французский мир (включая Бургундское государство)

- [439] *Bahn J.* L'organisation militaire des Namurois au XIVe siècle // Annales de la Société archéologique de Namur. 1932. N 40. P. 1-86.
- [440] *Bossuat A.* Un ordre de chevalerie auvergnat: l'Ordre de la Pomme d'Or // Bulletin historique et scientifique de l'Auvergne. 1944. N 64. P. 83-98.
- [441] *Bossuat A.* Perrinet Gressart et François de Surienne, agents de l'Angleterre. Contribution à l'étude des relations de l'Angleterre et de la Bourgogne sous le règne de Charles VII Paris, 1936.
- [442] *Bossuat A.* Les prisonniers de Beauvais et la rançon du poète Jean Régnier, bailli d'Auxerre // Mélanges d'histoire du Moyen Age dédiés à la mémoire de Louis Halphen. Paris, 1951. P. 27-32.
- [443] *Bossuat A.* Les prisonniers de guerre au XVe siècle: la rançon de Guillaume, seigneur de Châteaullain // Annales de Bourgogne. 1951. N 23. P. 7-35.
- [444] *Bossuat A.* Les prisonniers de guerre au XVe siècle: la rançon de Jean, seigneur de Rodemack // Annales de l'Est. 5e série. 1951. N 3. P. 145-162.
- [445] *Brüsten C.* L'armée bourguignonne de 1465 à 1468. Bruxelles, 1953.
- [446] *Brüsten G.* L'armée bourguignonne de 1465 à 1477 // RIHM. 1959. P. 452^166.
- [446a] *Brüsten C.* La fin des compagnies d'ordonnance de Charles le Téméraire // Bataille de Nancy. P. 363-375.
- [447] *Brüsten C.* Charles le Téméraire au camp de Lausanne, mars-mai 1476 // PCEEBM. 1972. N 14. P. 71-81.
- [448] *Brüsten C.* Les compagnies d'ordonnance dans l'armée bourguignonne // Grandson 1476. Essai d'approche pluridisciplinaire d'une action militaire du XVe siècle / Ed. D. Reichel. Lausanne, 1976. P. 112-169.
- [449] *Brüsten C.* Les emblèmes de l'armée bourguignonne de Charles le Téméraire. Essai de classification // Jahrbuch des bernischen historischen Muséum in Bern. 1957-1958. N 37-38. S. 118-132.
- [450] *Brüsten C.* Le ravitaillement en vivres dans l'armée bourguignonne, 1450-1477 // PCEEBM. 1961. N 3. P. 42-49.
- [450a] *Gauchies J. P.* Les «Ecorcheurs» en Hainaut (1437-1445)//Revue belge d'Histoire militaire. 1974. N 20. P. 317-337.
- [451] *Champion P.* Guillaume de Flavy capitaine de Compiègne. Contribution à l'histoire de Jeanne d'Arc et à l'étude de la vie militaire et privée au XVe siècle. Paris, 1906.
- [452] *Chevalier B.* L'organisation militaire à Tours au XVe siècle // Bulletin philologique et historique jusqu'à 1610 du Comité des Travaux historiques et scientifiques, année 1959. Paris, 1960. P. 445^159.

- [453] *Chevalier B.* Pouvoir royal et pouvoir urbain à Tours pendant la guerre de Cent ans // *Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest* (Anjou, Maine, Touraine). 1974. N 81. P. 365-392. 681-707.
- [454] *Chomel V.* Chevaux de bataille et roncins en Dauphiné au XIVe siècle // *Cahiers d'Histoire*. 1962. N 7. P. 5-23.
- [455] *Collin H.* Les ressources alimentaires en Lorraine pendant la première partie du XIVe siècle // *Bulletin philologique et historique (jusqu'à 1610) du Comité des Travaux historiques et scientifiques*, année 1968. Paris, 1971. P. 37-75.
- [456] *Contamine Ph.* Les compagnies d'aventure en France pendant la guerre de Cent ans // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age, Temps modernes*. 1975. N 87. P. 365-396.
- [457] *Contamine Ph.* Guerre, Etat et société à la fin du Moyen Age. Etudes sur les armées des rois de France, 1337-1494. Paris; La Haye, 1972.
- [458] *Contamine Ph.* L'oriflamme de Saint-Denis aux XIVe et XVe siècles. Etude de symbolique religieuse et royale. Nancy, 1975.
- [459] *Contamine Ph.* Points de vue sur la chevalerie en France à la fin du Moyen Age // *Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte*. 1976. N 4. P. 255-285.
- [460] *Contamine Ph.* Rançons et butins dans la Normandie anglaise (1424-1444) // *Guerre et Paix*. P. 241-270.
- [461] *Cosneau E.* Le connétable de Richement (Artur de Bretagne), 1393-1458. Paris, 1886.
- [462] *Finô J. F.* Les armées françaises lors de la guerre de Cent ans // *Gl*. 1977. N 15. P. 5-23.
- [463] *Gaier C.* L'approvisionnement et le régime alimentaire des troupes dans le duché de Limbourg et les terres d'Outre-Meuse vers 1400 // *MA*. 1968. N 74. P. 551-575.
- [464] *Grava Y.* La guerre au XIVe siècle. Un exemple provençal: Martigues // *Guerre et Paix*. P. 179-192.
- [465] *Harmand J.* Un document de 1435, concernant Houdan et la fin de l'occupation anglaise dans l'ouest de l'Île-de-France // *Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France*. 1975. P. 205-247.
- [465a] *Hébert M.* L'armée provençale en 1374 // *Annales du Midi*. 1979. N 91. P. 5-27.
- [466] *Jarousseau G.* Le guet, l'arrière-guet et la garde en Poitou pendant la guerre de Cent ans // *Bulletin de la Société des Antiquaires de l'Ouest*. 1965. P. 159-202.
- [467] *Joris A.* Remarques sur les clauses militaires des privilèges urbains liégeois // *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. 1959. N 37. P. 297-316.
- [468] *Kilgour R. L.* The Decline of Chivalry as Shown in the French Literature of the Late Middle Ages. Cambridge, Mass., 1937.
- [469] *Léguai A.* Le problème des rançons au XVe siècle: la captivité de Jean Ier, duc de Bourbon // *Cahiers d'Histoire*. 1961. N 6. P. 41-58.
- [470] *Lewis P. S.* Une devise de chevalerie inconnue, créée par le comte de Foix? Le Dragon // *Annales du Midi*. 1964. N 76. P. 77-84.
- [471] *Michel R.* La défense d'Avignon sous Urbain V et Grégoire XI // *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire*. 1910. N 30. P. 129-145.
- [472] *Michel R.* Les défenseurs des châteaux et des villes fortes dans le Comtat Venaissin // *BEC*. 1915. N 75. P. 315-330.
- [473] *Reichel D.* Essai d'approche pluridisciplinaire d'une action militaire du XVe siècle // *Grandson* 1476. Essai d'approche pluridisciplinaire d'une action militaire du XVe siècle / Ed. D. Reichel. Lausanne, 1976. P. 214-239.

- [474] Reynaud M. Le service féodal en Anjou et Maine à la fin du Moyen Age // Cahiers d'Histoire. 1971. N 16. P. 115-159.
- Roger J. M. Guy Le Bouteillier // Guerre et Paix. P. 271-329.
- Schmidt-Sinns D. Studien zum Heerwesen der Herzöge von Burgund, 1465-1477. Göttingen. 1966.
- Solon P. D. Popular Response to Standing Military Forces in Fifteenth Century France // Studies in the Renaissance. 1972. N 19. P. 78-111.
- Solon P. D. Valois Military Administration on the Norman Frontier, 1445-1461. A Study in Medieval Reform // Spec. 1976. N 51. P. 91-111.
- Timbal P.-C. La guerre de Cent ans vue à travers les registres du Parlement, 1337-1369. Paris, 1961.
- Tucoc-Chala P. Une bande de routiers dans la région de Casteljalous en 1381-1383 // Revue de l'Agenais. 1973. P. 5-35.
- Tuetey A. Les Ecorcheurs sous Charles VII. 2 vols. Montbéliard, 1874.
- Vale M. G. A. A Fourteenth-Century Order of Chivalry: The «Tiercelet» // EHR. 1967. N 82. P. 332-341.
- Vaughan R. Charles the Bold. London, 1973 [глава об армии. P. 197-229].
- Vaughan R. John the Fearless. London. 1966 [глава об армии. P. 138-152].
- Vaughan R. Valois Burgundy. London, 1975 [глава о военной мощи. P. 123-161].

Италия

- Bautier R.-H. Soudoyers d'Outremont à Plaisance. Leur origine géographique et le mécanisme de leurs emprunts (1293-1330) // Guerre et Paix. P. 95-129.
- Bayley C. C. War and Society in Renaissance Florence. The «De Militia» of Leonardo Bruni. Toronto. 1961.
- Becker M. B. Changing Patterns of Violence and Justice in Fourteenth- and Fifteenth-Century Florence // Comparative Studies in Society and History. 1976. N 18. P. 281-296.
- Belotti B. Vita di Bartolomeo Colleoni. 2° ed. Bergamo, 1933.
- Belotti B. Studi Colleoneschi. Milano, 1939.
- Block W. Die Condottieri. Studien über die sogenannten «unblutige Schlachten». Berlin, 1913.
- Bowsky W. M. City and Contado. Military Relationships and Communal Bonds in Fourteenth Century Siena // Renaissance Studies in Honor of Hans Baron / Ed. A. Molho, J. A. Tedeschi. Northern Illinois University Press, 1971. P. 75-98.
- Bueno de Mesquita D. M. Some Condottieri of the Trecento // Proceedings of the British Academy. 1946. N 32. P. 219-241.
- Cansacchi C. Connestabili ed uomini d'armi della S. Sede nella seconda metà del secolo XV // Rivista del Collegio Araldico. 1943. P. 5-10, 57-62, 96-105.
- Cecchi D. Compagnie di Ventura nella Marca // Studi Macceresi. 1975. N 9. P. 64-136.
- Compagnie Le di Ventura. Catalogs della mostra di arti figurative e anni. Narni, 1970.
- Croce B. Un condottiere italiano del Quattrocento: Cola di Monforte, conte di Campobasso. Bari, 1936.

- [498] *Da Mosto A.* Ordinamenti militari delle soldatesche dello Stato Romano dal 1430 al 1470. Roma, 1903.
- [499] *Del Treppo M.* Gli Aspetti organizzativi. economici e sociali di una compagnia di Ventura // RSI. 1973. N 85. P. 253-275.
- [500] *Fasoli G.* Le compagnie delle armi a Bologna. Bologna, 1934.
- [501] *Fohl W.* Niederrheinische Ritterschaft im Italien des Trecento // Annalen des historischen Vereins für den Niederrhein. 1963. N 165. S. 73-128.
- [502] *Franceschini G.* Boldrino da Panicale. Contributo allastoria delle milizie mercenarie italiane // Bollettino della deputazione di Storia patria deH'Umbria. 1949. N 46. P. 118-139.
- [503] *Franceschini G.* I Montefeltro. Milano, 1970.
- [504] *Gallinoni G.* Di un trattato militare inedito del secolo XV // RSI. 1938. N 40. P. 87-90.
- [505] *Gaupp F.* The condottiere John Hawkwood // Hist. 1938-1939. N 23. P. 305-321.
- [506] *Gentile P.* Lo Stato Napoletano sotto Alfonso I d'Aragona // Archivio Storico per le Province napoletane. 1937-1938. N 62-63.
- [507] *Goldbrunner H. M.* Leonardo Brunis *De Militia*. Bemerkungen zur handschriftlichen Überlieferung // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken, herausgegeben vom Deutschen Historischen Institut in Rom. 1963. N 46. S. 478-487.
- [508] *Gualdo G.* I Libri delle Spese di guerra del Cardinal Albornoz in Italia conservati neH'Archivio Vaticano // El Cardinal Albornoz y el Collegia de Espana / Ed. E. Verdera y Tuello. Bologna, 1972-1973. T. I. P. 577-607.
- [509] *Hale J. R.* War and Public Opinion in Renaissance Italy// Italian Renaissance Studies / Ed. E. F. Jacob. London, 1960. P. 94-122.
- [510] *Labande E. R.* Rinaldo Orsini, comte de Tagliacotio. Monaco; Paris, 1939.
- [511] *LaSizeranne R. de.* Le vertueux condottiere Federigo de Montefeltro, duc d'Urbino, 1422-1482. Paris, 1927.
- [512] *Mallett M.* Mercenaries and their Masters. Warfare in Renaissance Italy. London; Sidney; Toronto, 1974 [обширная библиография с комментариями. P. 261-274].
- [513] *Mallett M.* Venice and its Condottieri, 1404-54 // Renaissance Venice / Ed. J. R. Hale. London, 1973. P. 121-145.
- [514] *Mirot L.* Sylvestre Budes (137?-1380), et les Bretons en Italie. Paris, 1898.
- [515] *Niese H.* Zur Geschichte des deutschen Soldrittertums in Italien // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1905. N 8. S. 217-248.
- [515a] *Pacella F.* Un barone condottiero della Calabria del sec. XIV-XV: Nicola Ruffo marchese di Cotrone, conte di Catanzero // Archivio Storico per le Province napoletane. 1964. N 82. P. 45-93.
- [516] *Pieri P.* Milizie e capitani di Ventura in Italia nel Medio Evo // Atti della Reale Accademia Peloritana di Messina. 1937-1938. T. 40.
- [517] *Pieri P.* Le milizie svizzere nel tardo Medioevo e nel Rinascimento in Italia // Annali della Facoltà di Magistero della Reale Università di Messina. 1939. N 17.
- [518] *Pieri P.* Il Rinascimento e la crisi militare italiana. Milano, 1952.
- [519] *Ricotti E.* Storia delle compagnie di Ventura in Ilalia. 2 vos. 2^a ed. Torino, 1893.
- [520] *Schäfer K. H.* Deutsche Ritter und Edelknechte in Italien während des XIV. Jahrhunderts// Quellen und Forschungen aus dem Gebiet der Geschichte. Paderborn, 1911. N 15. 1914. N 16. 1940. N 25.

- [521] *Secco d'Arragona F.* Un giornale délia guerra di Femara (1482-84), nelle lettere di un condottiero milanese-mantovano // Archivio Storico Lombarde. 1957. N84. P. 317-345.
- [522] *Simeoni L.* Note sulle cause e i danni del mercenarismo militare italiano del 1300 // Atti e Memorie delta Reale Accademia di Modena. 1937.
- [523] *Taylor F. L.* The Art of War in Italy, 1494-1529. Cambridge, 1921.
- [524] *Trease G.* The Condottieri, Soldiers of Fortune. London, 1970 (перевод на нем.: Die Condottieri. Söldnerführer, Glücksritter und Fürsten der Renaissance. München, 1973).
- [525] *Ugurgieri Deila Berardenga C.* Avventurieri alla conquista di feudi e di corone, 1356-1429. Firenze, 1962.
- [526] *Valeri N.* La vita di Facino Cane. Torino, 1940.
- [527] *Zorzi C.* Un Vicentino alla Corte di Paolo II: Chierighino Chiericati e il suo trattato della milizia//Nuovo Archivio Veneto. Nuova seria. 1915. N 30. P. 369-434.

Иберийский мир

- [528] *Burns R. I.* The Catalan Company and the European Powers // Spec. 1954. N 29. P. 751-771.
- [529] *Carrère C.* Aux origines des grandes compagnies; la compagnie catalane de 1302 // Recrutement, mentalités, sociétés. Colloque international d'histoire militaire. Université Paul-Valéry de Montpellier, septembre 1974. P. 1-7.
- [530] *Fernandez E. M.* La frontière de Grenade aux environs de 1400 // MA. 1972. N 75. P. 489-522.
- [531] *Ferrer i Mallol M. T.* Mercenaris catalans a Ferrara (1307-17) // AEM. 1965. N 2. P. 155-227.
- [532] *Ladero Ouesada M. A.* Castilla y la conquista del reino de Granada. Valladolid, 1967.
- [533] *Riquer M. de.* Caballeros andantes espanoles. Madrid, 1967.
- [534] *Riquer M. de.* Cavalleria fra rcaltà e letteratura nel Quattrocento. Bari. 1970.
- [535] *Riquer M. de.* Vida caballeresca en la Espafia del siglo XV. Madrid, 1965.
- [536] *Rubio i Lluch A.* La companya catalana sota el comandament de Teobald de Cepoy (1307-1310)// Miscellania E. Prat de la Riba. Barcelona, 1923. T. I. P. 219-270.
- [537] *Sablonier R.* Krieg und Kriegerum in der Crónica des Ramon Muntaner. Eine Studie zum spätmittelalterlichen Kriegswesen aufgrund katalanischer Quellen. Bern; Frankfurt am Main, 1971.
- [538] *Stewart P.* The Santa Hermandad and the first Campaign of Gonzalo de Cordoba, 1495-1498 // Renaissance Quarterly. 1975. N 28. P. 29-37.
- [539] *Stewart P.* The Soldier, the Bureaucrat and Fiscal Records in the Army of Ferdinand and Isabella // Hispanic American Historical Review. 1969. N 49.

4. ОРУЖИЕ, ДОСПЕХИ, ВОЕННЫЕ МАШИНЫ

Источники

- [540] *Art(L')d'Archerie/Ed. H. Gallige.* Paris, 1901.
- [541] *Belval R. de.* Du costume militaire des Français en 1446. Paris, 1866.

- [542] *GiraudJ.-B.* Documents pour servir à l'histoire de l'armement au Moyen Age et à la Renaissance. 2 vos. Lyon, 1895. 1904.
- [542a] *Hall B. S.* The So-Called «Manuscript of the Hussite War» and its Technological Milieu. A Study and Edition of Codex lat. Monacensis 757. Ann Harbour, 1971.
- [543] *Kyeser C. aus Eichstätt.* Bellifortis / Hrsg. G. Quarg. 2 Bd. Düsseldorf, 1967.
- [544] *Nickel H.* Ullstein Waffenbuch. Berlin, 1974.
- [545] *Taccola M.* De Machinis. T. I: The Engineering Treatise of 1449, introduction, latin texts, descriptions of engines and technical Commentaries, par G. Sgaglia; T. II: Fac-similé du Codex latinus Monacensis 28800 de la Bayerische Staatsbibliothek de Munich. Wiesbaden, 1971.

Каталоги музейных собраний, описи, словари

- [546] *Angelucci A.* Catalogo della armeria reale. Torino, 1890.
- [547] *Blackmore H. L.* The Armouries of the Tower of London. T. I: Ordnance. London, 1976.
- [548] *Boccia L. G.* Il Museo Stibbert a Firenze. 2 vos. Milano, 1975. T. II: L'armeria europea.
- [549] *Clayton M.* Victoria and Albert Museum, London. Catalogue of Rubbings of Brasses and Incised Slabs. 2^e ed. London, 1968.
- [550] *Cortes J.* Real Armeria de Madrid. Guida turistica. Madrid, 1963.
- [551] *Deuchler F.* Die Burgunderbeute. Inventar der Beutestücke aus den Schlachten von Grandson, Murten und Nancy, 1476-1477. Bern, 1963.
- [551a] *Dufti A. R.* European Armour in the Tower of London. London, 1968.
- [551b] *Dufti A. R.* European Swords and Daggers in the Tower of London. London, 1974.
- [551c] *Ffoulkes C. J.* Inventory and Survey of the Armouries of the Tower of London. 2 vos. London, 1916.
- [552] *Gaier-Ihoest C. et J.* Catalogue des armes du musée Curtius (Ier-XIXe siècle). Liège, 1963.
- [553] *Gamber O.* Glossarium armorum (en cours depuis 1972).
- [554] *Gay V., Stein H.* Glossaire archéologique du Moyen Age et de la Renaissance. 2 vos. Paris, 1887-1928.
- [555] *Grosz A., Thomas B.* Katalog der Waffensammlung der Neuen Burg. Wien, 1936.
- [556] *Haenel E. A.* Kostbare Waffen aus der Dresdner Rüstkammer. Leipzig, 1923.
- [557] *Macoir G.* Le Musée royal d'armes et d'armures de la Porte de Hal à Bruxelles. Bruxelles, 1928.
- [558] *Macoir G.* La salle des armures du Musée de la Porte de Hal à Bruxelles. Bruxelles, 1910.
- [559] *Maglioli V.* Armeria reale di Torino. Torino, 1959.
- [560] *Mann J. G.* Catalogue of European Arms and Armour in the Wallace Collection. 2 vos. London, 1962.
- [561] Mostra di armi antiche (sec. XIV-XV). Poppi, 1967.
- [562] *Niox G. L.* Le Musée de l'Armée. Armes et armures anciennes et souvenirs historiques les plus précieux. 2 vos. Paris, 1917.
- [563] *Robert L.* Catalogue des collections composant le Musée d'artillerie en 1889. 4 vol. Paris, 1889-1893.
- [563a] *Thomas B., Gamber O.* Kunsthistorisches Museum Wien. Waffensammlung: Katalog der Leibrüstkammer. Bd I: Der Zeitraum von 500 bis 1530. Wien, 1976.

- [564] *Trapp O. R.* The Armoury of the Castle of Churburg. London, 1929.
- [565] *Valencia de don Juan (Juan Grooke y Navarrot, comte de).* Catalogo historico descriptivo de la Real Armeria de Madrid. Madrid, 1898.
- [565a] *Wegele R.* Inventar der Waffensammlung des bernischen historischen Museums in Bern. 4 Bd. Bern, 1920-1948.

Общие очерки

- [566] *Aroldi A. M.* Armi e armature italiane fino al XVIII secolo. Milano, 1961.
- [567] *Ashdown C. H.* Armour and Weapons in the Middle Ages. London, 1925.
- [568] *Blackmoore H. L.* Hunting Weapons. London, 1971.
- [569] *Blair C.* European and American Arms, c. 1100-1850. London, 1962.
- [570] *Blair C.* European Armour, c. 1066 to c. 1700. London, 1958.
- [571] *Boccia L. G, Coelho E. T.* L'arte dell'armature italiana. Milano, 1967.
- [572] *Bruhn Hoffmeyer A.* Arms and Armour in Spain. A Short Survey, I: From the Bronze Age to the End of the High Middle Ages // Gl. 1971. N 7. P. 7-199.
- [573] *Bruhn Hoffmeyer A.* Middelalderens Tveagge de Svaerd. 2 vos. Copenhagen, 1954.
- [574] *Buttin F.* Du costume militaire au Moyen Age et pendant la Renaissance. Barcelone, 1971.
- [575] *Canestrini G.* Arte militare meccanica médiévale. Milano, 1946.
- [576] *Enlart C.* Manuel d'archéologie française depuis les temps carolingiens jusqu'à la Renaissance. Vol. III: Le costume. 2e éd. Paris, 1932.
- [577] *Ffoulkes C. J.* Armour and Weapons. Oxford, 1909.
- [578] *Ffoulkes C. J.* The Armourer and his Craft from the XIth to the XVIth Century. London, 1912.
- [579] *Gaier C.* L'industrie et le commerce des armes dans les anciennes principautés belges du XIIIe à la fin du XVe siècle. Paris, 1973.
- [579a] *Gaier C.* Les armes. Turnhout, 1979 («Typologie des sources du Moyen Age occidental». P. 10).
- [580] *Gessler E. A.* Die Entwicklung des Geschützwesen in der Schweiz. Zürich, 1918.
- [581] *Hardy R.* Le grand arc. Histoire militaire et sociale des archers. Lausanne, 1978.
- [582] *Laking G. F.* A Record of European Armour and Arms through Seven Centuries. 5 vos. London, 1920-1922.
- [583] *Malatesta E.* Armi e Armaiolo. Roma, 1939.
- [584] *Mann J.* Arms and Armour // Medieval England / Ed. A. L. Poole. Oxford; New York, 1958. T. I. P. 314-337.
- [585] *Mann J.* An Outline of Arms and Armour in England. London, 1960.
- [586] *Martin P.* Waffen und Rüstungen von Karl dem Grossen bis zu Ludwig XIV. Frankfurt am Main, 1967 (перевод на фр. яз.: Armes et armures de Charlemagne à Louis XIV. Fribourg, 1967).
- [587] *Müller H.* Historische Waffen. Kurze Entwicklungsgeschichte der Waffen von Frühfeudalismus bis zum 17. Jahrhundert. Berlin, 1957.
- [587a] *Norman V.* Arms and Armour. London, 1972.
- [588] *Oakeshott R. E.* The Archaeology of Weapons. Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry. London, 1960.
- [589] *Oakeshott R. E.* A Knight and his Armour. London, 1961.

- Oakeshott R. E.* A Knight and his Weapons. London, 1964.
- Payne-Gallwey R.* The Crossbow, Mediaeval and Modern, Military and Sporting. Its Construction, History and Management, with a Treatise on the Balista and Catapult of the Ancients. London, 1903 (переизд.: London, 1958. Перевод на нем. яз. E. Harmuth: Die Armbrust. Graz, 1963).
- Pope S. T.* Bows and Arrows. Berkeley; Los Angeles, 1962.
- Poschenburg V.* Die Schutz- und Trutzwaffen des Mittelalters. Wien, 1938.
- Post P.* Kriegs-, Turnier- und Jagdwaffen vom frühen Mittelalter bis zum Dreissig-jährigen Krieg. Ein Handbuch der Waffenkunde. 3e Aufl. Berlin, 1929.
- Rathgen B.* Das Geschütz im Mittelalter. Quellenkritische Untersuchungen. Berlin, 1929.
- Riouer M. de.* L'arnès del cavalier. Armes i armadures catalanes médiévales. Barcelona, 1968.
- Seitz H.* Blankwaffen. Bd I: Geschichte und Typenentwicklung im europäischen Kulturbereich, von der prähistorischen Zeit bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Brunswick, 1965.

Отдельные темы

- Beaulieu M., Baylé J.* Le costume en Bourgogne de Philippe le Hardi à la mort de Charles le Téméraire (1364-1477). Paris, 1956.
- Berthelot M.* Histoire des machines de guerre et des arts mécaniques au Moyen Age. Le livre d'un ingénieur militaire de la fin du XIVe siècle // Annales de Chimie et de Physique. I^e série. 1900. N 19. P. 289-420.
- Berthelot M.* Pour l'histoire de l'artillerie et des arts mécaniques vers la fin du Moyen Age // Annales de Chimie et de Physique. 6e série. 1891. N 24. P. 433-521.
- Brandt A. von.* «Schwerter aus Lübeck». Ein handelsgeschichtliches Rätsel aus der Frühzeit des hansischen Frankreichshandels // Hansische Geschichtsblätter. 1965. N 83. S. 1-11.
- Bruhn Hoffmeyer A.* From Mediaeval Sword to Renaissance Rapier // Gl. 1963. P. 5-68.
- Bruhn Hoffmeyer A.* Introduction to the History of the European Sword // Gl. 1961. P. 30-75.
- Buttin C.* Les bardes articulées au temps de Maximilien Ier. Etude sur l'armement chevaleresque, XVe-XVIe siècles. Strasbourg, 1930.
- Buttin F.* La lance et l'arrêt de cuirasse // Archaeologia. 1965. N 99. P. 77-178.
- Clark G.* Beowulf's Armor // Journal of English Literature History. 1965. N 32. P. 409-441.
- Cripps-Day F. H.* On Armour preserved in churches, with a general Bibliography. London, 1922.
- Davidson H. R. Ellis.* The Sword in Anglo-Saxon England. Its Archaeology and Literature. Oxford, 1962.
- De Poerck G.* L'artillerie à ressorts médiévale. Notes lexicologiques et étymologiques // Bulletin Du Cange. 1943-1944. N 18. P. 35-49.
- Ffoulkes C. J.* Some Aspects of the Craft of the Armourer // Archaeologia. 1929. N 79. P. 13-28.

Finô J. F. Le feu et ses usages militaires // Gl. 1970. P. 15-30.

Finô J. F. Machines de jet médiévales // Gl. 1972. P. 25-43.

Fino J. F. Notes sur la production du fer et la fabrication des armes en France au Moyen Age // Gl. 1963-1964. P. 47-66.

Fino J. F. Origine et puissance des machines à balancier médiévales // Société des antiquités nationales. Nouvelle série. N11.

Flutre L-F. Une arbalète faite de cor // Rom. 1974. N 95. P. 309-316.

Fossati F. Per il commercio délie armature e i missaglia // Archivio Storico Lombardo. 1932. N 59. P. 279-297.

France-Lanord A. La fabrication des épées mérovingiennes et carolingiennes // Revue de Métallurgie. 1952. N 49. P. 411^122.

Friesinger H. Waffenfinde des 9. und 10. Jahrhunderts aus Niederösterreich // Archaeologia austriaca. 1972. N 52. P. 43-64.

Gaibi A. L'arte bresciana délie armature // Armi antichc. 1963. P. 15-50.

Gaier C. L'évolution et l'usage de l'armement personnel défensif au pays de Liège du XIIe au XVe siècle // Zeitschrift der Gesellschaft für historische Waffen- und Kostümkunde. 1962. N 4. S. 65-86.

Gaier C. Le problème de l'origine de l'industrie armurière liégeoise au Moyen Age // Chronique archéologique du Pays de Liège. 1962. P. 22-75.

Gamber O. Orientalische Einflüsse auf die mittelalterliche Bewaffnung Europas // Kwartalnik historii Kultury materialnej. 1973. N 21. P. 273-279.

Gamber O. Wikingerbewaffnung und spätrömische Waffen Tradition //1 Normanni e la loro espansione in Europa nell'alto Medioevo. Spoleto. 1969. P. 767-782.

Ganshof F. L. Armatura (Galbert de Bruges, ch. 106/Ed. Pirenne. P. 152)//Archivum latinitatis Medii Aevi. 1940. N 16. P. 179-194.

Genevoy R. Notes sur l'armurerie impériale d'Arbois (1495-1509?) et sur les armures de Claude de Vaudrey et de Maximilien Ier au Kunst historisches Museum de Vienne //Nouvelle Revue franc-comtoise. 1955. P. 208-222.

Gessler A. E. Bewaffnung, Wehr- und Befestigungswesen zur Zeit der Schlacht bei St. Jakob an der Birs. Bale, 1944.

Giese W. Portugiesische Waffenterminologie des XIII. Jahrhunderts // Miscelânea de Estudos en Honra de D. Carolina Michaelis de Vasconcellos. Coimbre, 1930.

Giese W. Waffengeschichtliche und -terminologische Aufschlüsse aus katalanischen literarischen Denkmälern des 14. und 15. Jahrhunderts //Homenatge a Antoni Rubio i Lluch. Barcelona. 1936. T. I. P. 33-67.

Giese W. Waffen nach den katalanischen Chroniken des XIII. Jahrhunderts //Volksturm und Kultur der Romanen. 1928. N 1. S. 140-182.

Giese W. Waffen nach den provenzalischen Epen und Chroniken des XII. und XIII. Jahrhunderts. Beiträge zur Geschichte der Bewaffnung Südfrankreichs im Mittelalter //Zeitschrift für romanische Philologie. 1932. N 52. S. 351^105.

Giese W. Waffen nach der spanischen Literatur des 12. und 13. Jahrhunderts. Hamburg, 1925.

Gille B. Etudes sur les manuscrits d'ingénieurs du XVe siècle // Techniques et civilisations. 1956. N 5. P. 77-86, 216-223.

Gille B. Les ingénieurs de la Renaissance. Paris, 1964.

- [634] *Hampe T.* Waffengeschichtliches aus einem Nürnberger Haus- und Rechnungsbuch des 15. Jahrhunderts // *Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde*. Neue série. 1927. N 2. S. 117-182.
- [635] *Heer E.* Armes et armures au temps des guerres de Bourgogne // *Grandson 1476. Essai d'approche pluridisciplinaire d'une action militaire du XVe siècle* / Ed. D. Reichel. Lausanne, 1976. P. 170-200.
- [636] *Hejdova D.* Der sogenannte St. Wenzels-Helm // *Waffen- und Kostümkunde*. 1966. S. 95-110; 1967. S. 28-54; 1968. S. 15-30.
- [637] *Herben S. J. Jr.* Arms and Armor in Chaucer // *Spec*. 1937. N 12. P. 475^187.
- [638] *Hill D. R.* Trebuchets // *Viator*. 1973. N 4. P. 99-114.
- [639] *Hummelberger* Die Ordnungen der Wiener Plattner und Sarwürcher // *Zeitschrift für historische Waffenkunde*. 1961. S. 91-107.
- [640] *Knudson C. A.* La brogne // *Mélanges offerts à Rita Lejcune*. Gembloux, 1969. Vol. II. P. 1625-1635.
- [641] *Larson H. M.* The Armor Business in the Middle Ages // *Business History Review*. 1940. N 14. P. 49-64.
- [642] *McGuffie T. H.* The Long Bow as a Decisive Weapon // *History Today*, 1955. N 5. P. 737-741.
- [643] *Mann J.* A Further Account of the Armour Preserved in the Sanctuary of the Madonna delle Grazie // *Archaeologia*. 1937. N 87. P. 311-352.
- [644] *Mann J.* Notes on the Armour Worn in Spain from the Tenth to the Fifteenth Centuries // *Archaeologia*. 1933. N 83. P. 285-305.
- [645] *Mann J.* Notes on the Evolution of Plate Armour in Germany in the Fourteenth and Fifteenth Centuries // *Archaeologia*. 1934. N 84. P. 69-97.
- [646] *Mas-Latrie L. de.* Note des armes existant à l'Arsenal de Venise en 1314 // *BEC*. 1865. N25. P. 562-566.
- [647] *Monreal y Tejada L.* Ingenieria Militar en las Cronicas Catalanas. Barcelona, 1971.
- [648] *Mot G. J.* L'arsenal et le parc de matériel à la cité de Carcassonne en 1298 // *Annales du Midi*. 1956. N 68. P. 409^118.
- [649] *Motta A.* Armaiuioli milanesi nel periodo Visconteo-Sforzesco // *Archivio Storico Lombards*. 1914. N 41. P. 187-232.
- [650] *Neukam W. G.* Eine Nürnbersulzbacher Plattenlieferung für Karl IV. in den Jahren 1362-1363. Ein Beitrag zur Nürnberger Waffenfabrikation des 14. Jahrhunderts // *Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg*. 1956. N 47. S. 124-159.
- [651] *Nickel H.* Der mittelalterliche Reiterschild der Abendlandes. Berlin, 1958.
- [652] *Novak R.* Die französischen Waffennamen. Eine Auswahl // *Zeitschrift für historische Waffenkunde*. 1970. S. 68-74.
- [653] *Oakeshott R. E.* The Sword in the Age of Chivalry. London, 1964.
- [654] *Pansen C.* Ricerche metallografiche sopra una spade da guerra del XII secolo // *Associazione italianadi metallurgia. Documenti e contributi*. Milano, 1957. P. 7-40.
- [655] *Post P.* Das Kostüm und die ritterliche Kriegstracht in deutschen Mittelalter von 1000-1450. Berlin, 1939.
- [656] *Reid W., Burgess M. E.* A Habergeon of Westwales // *Antiquaries Journal*. 1960. N 11. P. 45-57.
- [657] *Reitzenstein A. von.* Über die Anfänge des Waffensammeins // *Zeitschrift für Waffenkunde*. 1969. S. 69-75.

- [658] *Reitzenstein A. von.* Die Landshuter Plattner, ihre Ordnung und ihre Meister // *Zeitschrift für Waffenkunde.* 1969. S. 20-32.
- [659] *Reitzenstein A. von.* Die Ordnung der Ausburger Plattner // *Zeitschrift für Waffenkunde.* 1960. S. 96-100.
- [660] *Reitzenstein A. von.* Die Ordnung der Nürnberger Plattner // *Zeitschrift für Waffenkunde.* 1959. S. 54-85.
- [661] *Reitzenstein A. von.* Der Ritter im Heergewäte. Bemerkungen über einige Bildgrabsteine der Hochgotik // *Studien zur Geschichte der europäischen Plastik. Festschrift Theodor Müller.* München, 1965. S. 73-91.
- [661a] *Reverseau J.-P.* L'habit de guerre des Français. Le ms. anonyme fr. 1997 de la Bibliothèque nationale // *Gazette des Beaux-Arts.* 1979. N 93. P. 179-198.
- [662] *Ross D. J. A.* L'originalité de «Turolodus»: le maniement de la lance // *Cahiers de Civilisation médiévale.* 1963. N 6. P. 127-138.
- [662a] *Rossi F.* Armi e armaioli bresciani del 1400. Brescia, 1971.
- [663] *Salin E.* La civilisation mérovingienne d'après les sépultures, les textes et le laboratoire. 4 vos. Paris, 1949-1959.
- [664] *Salin E., France-Lanord A.* Le fer à l'époque mérovingienne. Etude technique et archéologique. Paris, 1943.
- [665] *Scheibe E.* Studien zur Nürnberger Waffenindustrie von 1450-1550. Bonn, 1908.
- [666] *Schwietering J.* Zur Geschichte von Speer und Schwert im 12. Jahrhundert // *Philologische Schriften / Hrsg. F. Ohly, M. Wehrli.* München, 1969. S. 59-117.
- [667] *Siebel G.* Harnisch und Helm in der epischen Dichtungen des 12. Jahrhunderts bis zu Hartemanns «Erek». Hamburg, 1968.
- [668] *Sprandel R.* Das Eisengewerbe im Mittelalter. Stuttgart, 1968.
- [669] *Steuer H.* Historische Phasen der Bewaffnung nach Aussagen der archäologischen Quellen Mittel- und Nordeuropas im ersten Jahrtausend n. Chr. // *Frühmittelalterliche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster.* 1970. N 4. S. 348-383.
- [670] *Stötten P.* Wandlungen des Gebrauchs der Kriegswaffen im Mittelalter // *Die Entwicklung der Kriegswaffe und ihre Zusammenhang mit der Sozialordnung / Hrsg. L. von Wiese.* Köln, 1953. S. 118-133.
- [671] *Tackenberg K.* Über die Schutzwaffen der Karolingerzeit und ihre Wiedergabe in Handschriften und auf Elfenbeinschnitzereien // *Frühmittelalterliche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster.* 1969. N 3. S. 277-288.
- [672] *Thomas B., Gamber O.* L'arte milanese dell'armatura // *Storia di Milano.* Milano, 1958. T. XI. P. 697-841.
- [673] *Thomas B., Gamber O.* Die Innsbrücker Plattnerkunst. Innsbruck, 1954.
- [674] *Thompson E.-A.* A Roman Reformer and Inventor being a New Text of the Treatise De rebus bellicis, with a Translation and Introduction. Oxford, 1952.
- [675] *Thordemann B.* Armour from the Battle of Wisby 1361.2 vos. Stockholm, 1939.
- [675a] *Wathelet-Willem J.* L'épée dans les plus anciennes chansons de geste. Etude de vocabulaire // *Mélanges offerts à R. Crozet.* Poitiers, 1966. Vol. I. P. 435-449.
- [676] *White L.* The Crusades and Technological Thrust of the West // *War, Technology and Society in the Middle East / Ed. V. J. Parry, M. E. Yapp.* London, 1975. P. 97-112.
- [677] *White L.* Technologie médiévale et transformations sociales. Paris; La Haye. 1969.

5. ПУШКИ И АРТИЛЛЕРИЯ

- Angelucci A.* Documenti inediti per la storia delle armi da fuoco italiane. Torino, 1869.
- Bonaparte L. N., Favé I.* Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie. 6 vols. Paris, 1846-1871.
- Contamine Ph.* L'artillerie royale française à la veille des guerres d'Italie // *Annales de Bretagne*. 1964. N 71. P. 221-261.
- Delmaire B.* L'artillerie d'Aire au XVe siècle // *Bulletin trimestriel de la Société académique des Antiquaires de la Morinie (Saint-Omer)*. 1973. N 22. P. 97-113.
- Dubled H.* L'artillerie royale française à l'époque de Charles VII et au début du règne de Louis XI (1437-1469): les frères Bureau // *Mémorial de l'Artillerie française*. 1976. N 50. P. 555-637.
- Essenwein A. von.* Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Leipzig, 1878.
- Ffoulkes C. J.* Gun Founders of England. Cambridge, 1937.
- Finöj. F.* L'artillerie en France à la fin du Moyen Age // *Gl.* 1974. P. 13-31.
- Fischler G.* Über Pulverprober Früherer Zeiten // *Zeitschrift für Waffenkunde*. 1926. S. 49-57.
- Forestié E.* Hugues de Cardaillac et la poudre à canon // *Bulletin archéologique de la Société archéologique du Tarn-et-Garonne*. 1901. N 29. P. 93-132, 185-222, 297-312.
- Garnier J.* L'artillerie des ducs de Bourgogne d'après les documents des Archives de la Côte-d'Or. Paris, 1895.
- Hale J. R.* Gunpowder and the Renaissance; an Essay in the History of the Ideas // *From the Renaissance to the Counter-Reformation. Essays in honor of Garrett Mattingly* / Ed. C. H. Carter. New York, 1965. P. 113-144.
- Hassenstein W.* Das Feuerbuch von 1420. München, 1941.
- Hayward J. F.* The Art of the Gunmaker. 2 vols. London, 1962. Перевод на фр. яз.: Fribourg, 1963-1964. Перевод на нем. яз.: Hamburg, 1965.
- Hirne H. W. L.* The Origin of Artillery. London, 1915.
- Martin P.* L'artillerie et la fonderie à canon de Strasbourg du XIVe au XVIIIe siècle // *Armi antiche*. 1967. P. 71-90.
- Mercier M.* Le feu grégeois, les feux de guerre depuis l'Antiquité, la poudre à canon. Paris, 1952.
- Montu C.* Storia dell'artiglieria italiana. Roma, 1934.
- Müller H.* Deutsche Bronzegeschützrohre 1400-1750. Berlin, 1968.
- Natale A. R.* I Diari di Cicco Simonetta // *Archivio Storico Lombards*. 1957. N 84. P. 285-286.
- Partington J. R.* A History of Greek Fire and Gunpowder. Cambridge, 1960.
- Pasquali-Lasagni A., Stefaneili E.* Note di storia dell'artiglieria nei secoli XIV e XV // *Archivio della Reale Deputazione Romana di Storia Patria*. 1937. N 60. P. 149-189.
- Perroy E.* L'artillerie de Louis XI dans la campagne d'Artois 1477 // *Revue du Nord*. 1943. N 26. P. 171-196, 263-296.
- Roland G.* L'artillerie de la ville de Binche, 1362-1420 // *Bulletin de la Société royale paléontologique et archéologique de l'arrondissement judiciaire de Charleroi*. 1954. P. 17-38.

- [702] *Rothbert H.* Wann und wo ist die Pulverwafie erfunden? // *Blätter für deutsche Landesgeschichte.* 1952. S. 84-86.
- [702a] *Schmidtchen V.* Bombarden, Befestigungen, Büchsenmeister. Von den Ersten Mauerbrechern des Spätmittelalters zur Belagerungsartillerie der Renaissance. Eine Studie zur Entwicklung der Militärtechnik. Düsseldorf, 1977.
- [703] *Schmidtchen V.* Die Feuerwaffen des deutschen Ritterordens bis zur Schlacht Tannenberg 1410. Beistände, Funktion und Kosten, dargestellt anhand der Wirtschaftsbucher des Ordens von 1374 bis 1410. Lüneburg, 1977.
- [704] *Schneider R.* Die Artillerie des Mittelalters nach den Angaben der Zeitgenossen dargestellt. Berlin, 1910.
- [705] *Schubert H.* The First Cast-Iron Cannon made in England // *The Journal of the Iron and Steel Institute.* 1942. N 146. P. 131-140.
- [706] *Tout T. F.* Firearms in England in the Fourteenth Century // *Collected Papers.* Manchester, 1934. T. II. P. 233-275.
- [707] *T'sas F.* Dulle Griet. La grosse bombarde de Gand et ses sœurs // *Armi antiche.* 1969. P. 13-57.
- [708] *Vale M. G. A.* New Techniques and Old Ideals: the Impact of Artillery on War and Chivalry at the End of the Flundred Years War// *War, Literature and Politics.* P. 57-72.
- [709] *Volpicella L.* Le artiglierie di Castel Nuovo nell' anno 1500 // *Archivio Storico per le Province Napoletane.* 1910. N 35. P. 308-348.
- [710] *Wedler R.* Die Namen der Kanonen Maximilians I // *Beiträge zur Namenforschung.* Neue série. 1967. N 2. S. 169-178.
- [711] *Willers W.* Die Nürnberger Handfeuerwaffen bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. Nürnberg, 1973.
- [711a] *Williams A. R.* Some firing tests with simulated fifteenth-century handguns // *The Journal of the Arms and Armour Society.* 1974. N 8. P. 114-120.

6. ЗАМКИ И УКРЕПЛЕНИЯ

Помимо многочисленных журналов по археологии, мы пользовались серией «Château-Gaillard. Etudes de castellologie européenne» (en cours, 8 vos. parus de 1964 à 1977) и, по Франции, томами «Congrès archéologique de France» (depuis 1834; 133e session, 1975, Velay, parue en 1976).

Общие исследования по нескольким странам

- [712] *Anderson W.* Les châteaux du Moyen Age. Paris, 1972.
- [713] *Boüard M. de.* Manuel d'archéologie médiévale, de la fouille à l'histoire. Paris, 1975.
- [714] *Bruhns L.* Hohenstaufenschlösser in Deutschland und Italien. Königstein in Taunus, 1959.
- [715] *Châtelain A.* Architecture militaire médiévale, principes élémentaires. Paris, 1970.
- [716] *Ebhard B.* Der Wehrbau Europas im Mittelalter. Versuch einer Gesamtdarstellung der europäischen Burgen. 3 Bd. Berlin. 1939. 1958.

- Ebner H.* Die Burg in historiographischen Werken des Mittelalters // Festschrift Friedrich Hausmann / Hrsg. H. Ebner. Graz, 1977. S. 119-151.
- Erb H.* Burgenliteratur und Burgenforschung // Revue suisse d'Histoire. 1958. N 8. P. 488-530.
- Fowler K. A.* Investment in Urban Defence: the Frontier Regions of France and England during the Fourteenth Century // Investimenti c civiltà urbana, sec. XIII-XVIII. 9e semaine d'étude de l'Institut international d'Histoire économique Franco-Datini. Prato, 1977.
- Ganshoff L.* Etude sur le développement des villes entre Loire et Rhin au Moyen Age. Paris; Bruxelles, 1943.
- Héliot P.* L'évolution des donjons dans le nord-ouest de la France et de l'Angleterre au XIIe siècle // Bulletin archéologique du Comité des Travaux historiques et scientifiques. Nouvelle série. Paris, 1969. N 5. P. 141-194.
- Héliot P.* La genèse des châteaux de plan quadrangulaire en France et en Angleterre // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. 1965. P. 238-257.
- Héliot P.* Un organe peu connu de la fortification médiévale: la gaine // GI. 1972. P. 45-67.
- Jäschke K. U.* Burgenbau und Landesverteidigung um 900. Überlegungen zur Beispielen aus Deutschland, Frankreich und England. Sigmaringen, 1975.
- Kiess W.* Die Burgen in ihrer Funktion als Wohnbauten. Studien zum Wohnbauten in Deutschland, Frankreich, England, und Italien von 11. bis 15. Jahrhundert. München, 1961.
- Ritter R.* L'architecture militaire médiévale. Paris, 1974.
- Toy S.* A History of Fortification from 3000 BC to AD 1700. New York, 1955.
- Verbruggen J. F.* Note sur le sens des mots *Castrum, castellum* et quelques autres expressions qui désignent des fortifications // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 1950. N 28. P. 147-155.
- Warner P.* The Medieval Castle. Life in a Fortress in Peace and War. London, 1971.
- Warner P.* Sieges of the Middle Ages. London, 1968.

Священная Римская империя и германский мир

- Baravalle R.* Burgen und Schloesser der Steiermark. Graz, 1961.
- Binding G.* Spätkarolingisch-ottonische Pfalzen und Burgen am Niederrhein // ChG. 1972. N 5. S. 23-35.
- Büttner H.* Zur Burgenbauordnung Heinrichs I // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1956. N 92. S. 1-17.
- Collin H.* Etat des châteaux du comte de Bar en Lorraine en 1336 // Guerre et Paix. P. 155-177.
- Dunau M. F.* Les châteaux forts du comté de Luxembourg et les progrès dans leur défense sous Jean l'Aveugle, 1309-1346 // Publications de la Section historique de l'Institut grand-ducal de Luxembourg. 1950. N 70. P. 9-276.
- Fischer H.* Burgbezirk und Stadtgebiet in deutschen Süden. Wien; München, 1956.
- Genoux A.* Les remparts de Fribourg au Moyen Age. Fribourg (Confédération helvétique), 1960.

Grimm P. Die Vor- und Frühgeschichtlicher Burgwälle der Bezirke Halle und Magdeburg. Berlin. 1958.

Hanse C. Die mittelalterliche Stadt als Festung // Die Stadt des Mittelalters. Bd I: Begriff, Entstehung und Ausbreitung / Hrsg. C. Haase. Darmstadt, 1969. S. 377-407.

Hering E. Befestigte Dörfer in südwestdeutschen Landschaften (mit besonderer Berücksichtigung des Rhein-Main Gebietes) und ihre Bedeutung für die Siedlungsgeographie. Frankfurt am Main, 1934.

Jankuhn H. Ein Burgentyp der späten Wikingerzeit in Nord-friesland und sein historischer Hintergrund // Zeitschrift der Gesellschaft für schleswig-holsteinische Geschichte. 1954. N 78. S. 1-21.

Kiener F. Le problème historique des châteaux forts en Alsace // Revue d'Alsace. 1948. N 88. P. 5-23.

Klebel E. Mittelalterliche Burgen und ihr Recht. Wien, 1953.

Kunstmann H. Mensch und Burg. Burgenkundliche Betrachtungen an Ostfränkischen Wehranlagen. Würzburg, 1967.

Meyer W. Der mittelalterliche Adel und seine Burgen im ehemaliger Fürstbistum Basel. Bale, 1962.

Mruzek H. J. Gestalt und Entwicklung der feudalen Eigenbefestigung im Mittelalter. Berlin, 1973.

Müller-Wille M. Mittelalterliches Burghügel («Motten») in nördlichen Rheinland. Köln, 1966.

Patze H. (ed.) Die Burgen im deutschen Sprachraum. Ihre Rechts- und Verfassungsgeschichtliche Bedeutung. 2 Bd. Sigmaringen. 1976.

Rothe H. W. Burgen und Schlosser in Thüringen. Frankfurt am Main, 1960.

Salch C. L. Dictionnaire des châteaux de l'Alsace médiévale. Strasbourg, 1978.

Sayn-Wittgenstein F., Prinz zu. Reichsstädte. München, 1965.

Seberich F. Die Stadtbefestigung Würzburgs. 2 Bd. Würzburg, 1962, 1963.

Sieher H. Schlosser und Herrensitze in Mecklenburg. Frankfurt am Main, 1960.

Tillmann G. Lexikon der deutschen Burgen und Schlösser. 4 Bd. Stuttgart, 1958-1961.

Waescher H. Feudalburgen in den Bezirken Halle und Madgeburg. 2 Bd. Berlin, 1962.

Will R. L'architecture des châteaux alsaciens du Moyen Age. Essai de classification // Revue d'Alsace. 1961. N 100. P. 110-119.

Wilsdorf C. L'apparition des châteaux en haute Alsace d'après les textes (1000-1200) // Actes du CI^e Congrès national des Sociétés savantes. Lille, 1976. Archéologie et histoire de l'art. Paris, 1978. P. 61-76.

Wirth J. Les châteaux forts alsaciens du XIIe au XIVe siècle. Etude architecturale. Vol. I: XIIe et première moitié du XIIIe siècle. Strasbourg, 1975.

Wuelfing O. E. Burgen der Hohenstaufen in der Pfalz und im Elsass. Düsseldorf, 1958.

Wuelfing O. E. Burgen der Hohenstaufen in Schwaben, Franken und Essen. Düsseldorf, 1960.

Франция и французский мир

Aubenais R. Les châteaux forts des Xe et XIe siècles, contribution à l'étude des origines de la féodalité // RHDFE. 1938. P. 548-586.

Bachrach B. S. Early Medieval Fortification in the «West» of France: a Revised Technical Vocabulary // Technology and Culture. 1975. N 16. P. 531-569.

Barbier P. La France féodale. Introduction à l'étude de l'architecture militaire médiévale en France. Vol I: Châteaux forts et églises fortifiées. Saint-Brieuc, 1968.

Baylé J. Mise en défense du château de Montailou au début du XVe siècle // BEC. 1971. N 129. P. 113-119.

Bécet M. Les fortifications de Chablis au XVe siècle (comment on fortifiait une petite ville pendant la guerre de Cent ans) // Annales de Bourgogne. 1949. N 21. P. 7-30.

Blondel L. L'architecture militaire au temps de Pierre II de Savoie. Les donjons circulaires // Genava. 1935. N 13. P. 271-321.

Blondel L. Châteaux de l'ancien diocèse de Genève. Genève. 1956.

Boliard M. de. La motte // L'archéologie du village medieval. Louvain et Gand, 1967. P. 25-55.

Boliard M. de. Quelques données archéologiques concernant le premier âge féodal // Les structures sociales de l'Aquitaine, du Languedoc et de l'Espagne au premier âge féodal. Paris, 1969. P. 40-51.

Bruand Y. L'amélioration de la défense et les transformations des châteaux du Bourbonnais pendant la guerre de Cent ans // AIBL. 1972. P. 518-540.

Bruand Y. La position stratégique des châteaux du Bourbonnais au Moyen Age // BM. 1952. N 110. P. 101-118.

Butler R. M. Late Roman Town Walls in Gaul // The Archaeological Journal. 1959. N 116. P. 25-50.

Chapu P. Les donjons rectangulaires du Berry // ChG. 1964. N 1. P. 39-51.

Châtelain A. Donjons romans des pays d'Ouest. Etude comparative sur les donjons romans quadrangulaires de la France de l'Ouest. Paris, 1973.

Contamine Ph. Les fortifications urbaines en France à la fin du Moyen Age: aspects financiers et économiques // RH. 1978. N 260. P. 23-47.

Coulson C. L. A. Fortresses and Social Responsibility in late Carolingian France // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 1976. N 4. S. 9-36.

Deléage A. Les forteresses de la Bourgogne franque // Annales de Bourgogne. 1931. N 3. P. 162-168.

Deprez R. La politique castrale dans la principauté épiscopale de Liège du Xe au XIVe siècle // MA. 1959. N 65. P. 501-538.

Deshoulières F. Les premiers donjons de pierre dans le département du Cher // BM. 1948. N 106. P. 49-61.

Dey Res M. Les châteaux de Foulques Nerra // BM. 1974. N 132. P. 7-28.

Enaud F. Les châteaux forts en France. Paris, 1958.

Enlart C. Manuel d'archéologie française. Vol. II: Architecture militaire. Paris, 1932.

- [783] *FinóJ. F.* Forteresses de la France médiévale. Construction-Attaque-Défense. 3e éd. Paris, 1977. [обширная библиография, включающая монографии, расположенные согласно географическому указателю. P. 489-529].
- [784] *Fixot M.* Les fortifications de terre et les origines féodales dans le Cinglais. Caen, 1968.
- [785] *Fixot M.* La motte et l'habitat fortifié en Provence médiévale // ChG. 1985. N 7. P. 67-93.
- [786] *Fournier G.* Les campagnes de Pépin le Bref en Auvergne et la question des fortifications rurales au VHP siècle // Francia. 1974. N 2. P. 123-135, 910.
- [787] *Fournier G.* Chartes de franchise et fortifications villageoises en basse Auvergne au XIIIe siècle // Les libertés urbaines et rurales du XIe au XIVe siècle. Actes du Colloque international de Spa, 1966. Bruxelles, 1968. P. 223-244.
- [788] *Fournier G.* Le château dans la France médiévale. Essai de sociologie monumentale. Paris, 1978.
- [789] *Fournier G.* Le château du Puiset au début du XIIe siècle et sa place dans l'évolution de l'architecture militaire // BM. 1964. N 122. P. 355-374.
- [790] *Fournier G.* Châteaux, villages et villes d'Auvergne au XVe siècle d'après l'armoriai de Guillaume Revel. Genève; Paris, 1973.
- [791] *Fournier G.* La défense des populations rurales pendant la guerre de Cent ans en basse Auvergne // Actes du XC^e Congrès national des Sociétés savantes. Nice, 1965. Section d'archéologie. Paris, 1966. P. 157-199.
- [792] *Fournier G.* Les enceintes de terre en Auvergne // Bulletin historique et scientifique de l'Auvergne. 1961. N 81. P. 89-110.
- [793] *Fournier G.* Les forteresses rurales en France à l'époque carolingienne // Actes du CI^e Congrès national des Sociétés savantes, Lille, 1976, Archéologie et histoire de l'art. Paris, 1978. P. 53-59.
- [794] *Fournier G.* Vestiges de mottes castrales en basse Auvergne. Inventaire provisoire et essai de classement // Revue d'Auvergne. 1962. N 75. P. 137-176.
- [795] *Gaier C.* La fonction stratégique-défensive du plat pays au Moyen Age dans la région de la Meuse moyenne // MA. 1963. N 69. P. 753-771.
- [796] *Gardeau L.* Les châteaux des confins du Périgord et du Libournais au Moyen Age // Bulletin philologique et historique (jusqu'à 1610) du Comité des Travaux historiques et scientifiques. 1957. P. 407[^]122.
- [797] *Gardelles J.* Les châteaux du Moyen Age dans la France du Sud-Ouest. La Gascogne anglaise de 1216 à 1327. Genève; Paris, 1972.
- [798] *Gardelles J.* Du manoir au château fort en Gascogne anglaise au début de la guerre de Cent ans (1337-1360) // Actes du CP Congrès national des Sociétés savantes. Lille, 1976. Paris, 1978. P. 119-129.
- [799] *Genicot L. F* (éd.) Le grand Here des châteaux de Belgique. Vol. I: Châteaux forts et châteaux-fermes. Bruxelles, 1976.
- [800] *Grand R.* L'architecture militaire en Bretagne jusqu'à Vauban // BM. 1951. N 109. P. 237-271, 357-388; 1952. N 110. P. 7-49.
- [801] *Héliot P.* Les châteaux forts en France du Xe au XIIe siècle à la lumière de travaux récents // Journal des Savants. 1965. P. 483-514.

- [802] *Héliot P.* Le Château-Gaillard et les forteresses des XIIe et XIIIe siècles en Europe occidentale // ChG. 1962. N 1. Caen, 1964. P. 53-75.
- [803] *Héliot P.* Sur les résidences princières bâties en France du Xe au XIIe siècle // MA. 1955. N 61. P. 27-61, 231-317.
- [804] *Higounet C.* Bastiden und Grenzen // Altständisches Bürgertum. Darmstadt, 1978. Bd I. S. 173-192.
- [805] *Higounet C.* Esquisse d'une géographie des châteaux des Pyrénées françaises // 1° Congreso internacional de Pirineistas del Instituto de Estudios Pirenaicos. Zaragoza, 1950.
- [806] *Hubert J.* Evolution de la topographie et de l'aspect des villes en Gaule du Ve au Xe siècle // La Città nell'alto Medioevo. 1959. P. 529-558, 591-602.
- [807] *Hubert J.* La frontière occidentale du comté de Champagne du XIe au XIIIe siècle // Recueil de travaux offerts à M. Closis Brunei. Vol. II. Paris, 1955. P. 14-29.
- [808] *Lartigaut J.* Les lieux fortifiés dans la partie occidentale du Quercy au XVe siècle // Annales du Midi. 1967. N 79. P. 5-18.
- [808a] *Le Maho J.* L'apparition des seigneuries châtelaines dans le Grand-Caux à l'époque ducale // Archéologie médiévale. 1976. N 6. P. 5-148.
- [809] *Mesqui J.* La fortification dans le Valois du XIe au XVe siècle et le rôle de Louis d'Orléans // BM. 1977. N 135. P. 109-149.
- [810] *Mortet V., Deschamps P.* Recueil de textes relatifs à l'histoire de l'architecture et à la condition des architectes en France au Moyen Age. 2 vos. Paris, 1911, 1929.
- [811] *Mussat A.* Le château de Vitré et l'architecture des châteaux bretons du XIVe au XVIe siècle // BM. 1975. N 133. P. 131-164.
- [811a] *Noyé G.* Les fortifications de terre dans la seigneurie de Toucy du Xe au XIIIe siècle. Essai de typologie // Archéologie médiévale. 1976. N 6. P. 149-217.
- [812] *Perroy E.* Les châteaux du Roannais du XIe au XIIIe siècle // Cahiers de Civilisation médiévale. 1966. N 9. P. 13-27.
- [813] *Pesetz J. M. et Piponnier F.* Les maisons fortes bourguignonnes // ChG. 1970. N 5. Caen, 1972. P. 143-164.
- [814] *Pons A. de.* L'architecture militaire occitane (IXe-XIVe siècles) // Bulletin archéologique du Comité des Travaux historiques et scientifiques. Nouvelle série. 1969. N 5. Paris, 1970. P. 41-139.
- [815] *PousA. de.* Notice sur l'évolution de l'archère dans les châteaux féodaux des Pyrénées méditerranéennes entre le Xe et le XIVe siècle // Gl. 1965. P. 67-85.
- [816] *Richard J.* Le château dans la structure féodale de la France au XIIe siècle // Probleme des 12. Jahrhunderts. Constance; Stuttgart, 1968. S. 169-176.
- [817] *Richard J.* Châteaux, châtelains et vassaux en Bourgogne aux XIe et XIIe siècles // Cahiers de Civilisation médiévale. 1960. N 3. P. 433-447.
- [818] *Rocolle P.* 2000 ans de fortification française. 2 vos. Paris, 1973.
- [819] *Salch C. L.* L'atlas des villes et villages fortifiés en France (Moyen Age). Strasbourg, 1978.
- [820] *Salch C. L.* Dictionnaire des châteaux et des fortifications du Moyen Age en France. Strasbourg, 1979.
- [821] *Yverf.* Les châteaux forts en Normandie jusqu'au milieu du XIIe siècle: contribution à l'étude du pouvoir ducal // Bulletin de la Société des Antiquaires de Normandie. 1955-1956. N 53. P. 28-115.

Британские острова

- Armitage E. S.* The Early Norman Castles of the British Isles. London, 1912.
- Barley M. W.* Town Defences in England and Wales after 1066 // The Plans and Topography of Medieval Towns in England and Wales / Ed. M. W. Barley. London, 1976. P. 57-71.
- Brown R. A.* English Medieval Castles. London, 1954.
- Brown R. A.* Royal Castle-Building in England, 1154-1216 // EHR. 1955. N 70. P. 353-398.
- Brown R. A., Colvin H. M., Taylor A. J.* The History of the King's Works. T. I. II: The Middle Ages. London, 1963.
- Brown R. A.* An Historian's Approach to the Origins of the Castle in England // Archaeological Journal. 1969. N 126.
- Brown R. A.* List of Castles, 1154-1216 // EHR. 1959. N 74. P. 249-280.
- Cruden S.* The Scottish Castle. London; Edimburg, 1960.
- Davison B. K.* The Origins of the Castle in England // Archaeological Journal. 1967. N 124. P. 23-211.
- Edwards J. G.* Edward I's Castle-Building in Wales // Proceedings of the British Academy. 1946. N 32. P. 15-81.
- F or de-Johnston J.* Castles and Fortifications of Britain and Ireland. London, 1977.
- Freeman A.Z.* Moat Defensive: the Coast Defence Scheme of 1295 // Spec. 1967. N 42. P. 442-462.
- Fry P. S.* British Medieval Castles. London, 1974.
- Hogg A. H. A., King D. J. C.* Early Castles in Wales and the Marches // Archaeologia Cambrensis. 1963. N 117. P. 77-124.
- Le Patourel (H. E. Jean).* Les sites fossoyés (moated sites) et leurs problèmes: l'organisation de la recherche en Grande-Bretagne // Revue du Nord. 1976. N 58. P. 571-592.
- Oakeshott R. E.* A Knight and his Castle. London, 1965.
- O'Neil B. H. (St. John)* Castles and Cannon: a study of Early Artillery Fortification in England. Oxford, 1960.
- Painter S.* English Castles in the Early Middle Ages: Their Number, Location and Legal Position // Spec. 1935. N 10. P. 321-322.
- Renn D. F.* The Anglo-Norman Keep, 1066-1138 // Journal of the British Archaeological Association. 3e série. 1960. N 23. P. 1-23.
- Renn D. F.* Norman Castles in Britain. London, 1968.
- Simpson W. D.* «Bastard Feudalism» and the Later Castles // Antiquaries Journal. 1946. P. 145-171.
- Simpson W. D.* Castles from the Air. London, 1949.
- Stenton F. M.* The Development of the Castle in England and Wales // Social Life in Early England / Ed. G. Barraclough. London, 1960. P. 96-123.
- Taylor A. J.* Master James of St. George // EHR. 1950. N 65. P. 433-457.
- Taylor A. J.* Military Architecture // Medieval England / Ed. A. L. Poole. Oxford, 1958. T. II. P. 98-127.

- [846] *Thompson A. H.* Military Architecture in England during the Middle Ages. Oxford, 1912.
- [847] *Tranter N. G.* The Fortified House in Scotland. T. I: South-East Scotland. Edimburg; London, 1962.
- [848] *Turner H. L.* Town Defences in England and Wales: an Architectural and Documentary Study, AD 900-1500. London, 1971.

Италия

- [849] *Agnello G.* L'architettura militare e religiosa dell'età sveva // Archiclio Storico Pugliese. 1960. N 13. P. 146-176.
- [850] *Agnello G.* L'architettura religiosa, militare e civile dell'età normanna // Archivio Storico Pugliese. 1959. N 12. P. 159-196.
- [851] *Agnello G.* L'architettura sveva in Sicilia. Roma, 1935.
- [852] *Conti P. M.* Limiti urbani ed organizzazione difensiva nell'Italia tardo antica e alto medioevale // Studi in onore Eugenic Dupre Theseider. Roma, 1974. T. II. P. 561-572.
- [853] *Cusin F.* Per la storia del castello medioevale // RSI. 1939. P. 491-542.
- [854] *De Rossi G. M.* Torri e castelli medievali della campagna romana. Roma, 1969.
- [855] *Fieccoli A.* Luoghi fortificati e strutture edilizie nel Fabianese nei secoli XI—XIII // Nuova Rivista Storica. 1975. N 59. P. 1-54.
- [856] *Hahn H.* Hohenstaufen Burgen in Süditalien. Ingelheim, 1961.
- [857] *Haseloff A.* Die Bauten der Hohenstaufen in Unter-italien. 5 Bd. Leipzig, 19 II - I 1926.
- [858] *Martini Francesco di Giorgio.* Trattati di architettura ingegneria et arte militare / Ed. C. et L. Maltese. Milano, 1967.
- [859] *Rocchi E.* Le fonti storiche dell'architettura militare. Roma, 1908.
- [860] *Schmiedt G.* Città e fortificazioni nei rilievi aerofotografici // Storia d'Italia, 5. T. I: Documenti, Torino, 1973. P. 121-257.
- [861] *Severini G.* Architetture militari di Giuliano da Sangallo. Pisa, 1970.
- [862] *Settia A.* Fortificazioni collettive nei villaggi medievali dell'Alta Italia: ricetti, ville forti, recinti, Bollettino Storico-bibliografico Subalpino. 1976. P. 527-617.
- [863] *Hale J. R.* The Development of the Bastion, 1440-1534 // Europe in the Late Middle Ages / Ed. J. R. Hale, J. R. L. Highfield, B. Smalley. London, 1965. P. 466-494.
- [864] *Weiler A. S.* Francesco di Giorgio, 1439-1501. Chicago, 1943.
- [865] *Willemsen C. A.* Die Bauten der Hohenstaufen in Süditalien. Neue Grabungs und Forschungsergebnisse. Köln, 1968.

Латинский Восток

- [866] *B o n A.* La Morée franque. Recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe, 1205-1430. 2 vos. Paris, 1969.
- [867] *Deschamps M.* Les châteaux des Croisés en Terre sainte. 2 vos., 2 albums. Paris, 1934, 1939.

- [868] Fedden R. *Crusader Castles. A Brief Study in the Military Architecture.* London, 1950.
- [869] Fedden R., Thompson J. *Crusader Castles.* London, 1957.
- [870] Hazard H. W. (ed.) *The Art and Architecture of the Crusader State.* Madison, 1977.
- [871] Huygens R. B. C. *Un nouveau texte du traité De constructione castri Saphet II Studi Medievali. 3e série.* 1965. N 6. P. 355-385.

Иберийский полуостров

- [872] Avila y Diaz-Ubierna G. *Castillos de la provincia de Burgos.* Burgos, 1961.
- [873] Bordeje F. *Castles Itinerary in Castila. Guide to the most interesting Castilian Castles.* Madrid, 1965.
- [874] Bruand Y. *De l'importance historique et de la valeur des ouvrages fortifiés en Vieille-Castille au XVe siècle // MA.* 1957. N 63. P. 59-86.
- [875] Durliat M. *L'art dans le royaume de Majorque. Les débuts de l'art gothique en Roussillon, en Cerdagne et aux Baléares.* Toulouse, 1962.
- [876] Grassotti H. *Sobre la retenencia de castillos en la Gastilla medieval // Bulletin de l'Institut historique belge de Rome.* 1974. N 44. P. 283-299.
- [877] Monreal Martí de Riquer L. *Els castells mèdievals de catalunya.* Barcelona, 1958.
- [878] Sarthou-Carreres G. *Castillos de Espafio. 4e ed.* Madrid, 1963.
- [879] Serra-Rafols C., Camp i Arboix J. de., Tasis R., Catala i Roca P. *Eis Castells catalans. 3 vos.* Barcelone, 1967.
- [880] Villena L. *El castillo espanol // Gl.* 1965. P. 87-106.
- [881] Weissmuller A. A. *Castles from the Heart of Spain.* London, 1967.

7. ВОЙНА, ЭКОНОМИКА, НАЛОГИ

Из множества книг, в которых упоминаются экономические исследования войны, поднимаются проблемы финансирования боевых действий, а война рассматривается как один из элементов жизни и экономического развития, нужно отметить следующие:

- [882] Braunstein P. *Guerre, vivres et transports dans le Haut-Frioul en 1381 // Erzeugung, Verkehr und Handel in der Geschichte der Alpenländer, Herbert-Hassinger-Festschrift.* Innsbruck, 1977. S. 85-106.
- [883] Bridbury A. R. *Before the Black Death // The Economic History Review.* 1977. N 30. P. 393-410.
- [884] Brouwers D. D. *Indemnités pour dommages de guerre au pays de Namurois en 1432 // Annales de la Société archéologique de Namur.* 1932-1933. N 40. P. 87-103.
- [885] Brun R. *Notes sur le commerce des armes à Avignon au XIVe siècle // BEC.* 1951. N 109. P. 209-231.
- [886] Contamine Ph. *Consommation et demande militaire en France et en Angleterre, XIe-XVe siècles // Domanda e consumi. Livelli e strutture (nei secoli XIII—XVIII). Atti della «Sesta settimana di studio» (27 aprile - 3 maggio 1974). Istituto internazionale di Storia economica «F. Datini».* Prato; Firenze, 1978. P. 409-428.

- Contamine Ph.* La guerre de Cent ans en France: une approche économique // BIHR. 1974. N48. P. 125-149.
- Contamine Ph.* Guerre, fiscalité royale et économie en France (deuxième moitié du XVe siècle) // Proceedings of the Seventh International Economic History Congress / Ed. M. Flinn. Edimburg, 1978. T. II. P. 266-273.
- Delmaire B.* La guerre en Artois après la bataille de Courtrai (1302-1303)//Guerre et Paix. P. 131-141.
- Favier J.* Finance et fiscalité au bas Moyen Age. Paris, 1971 [обширная библиография. P. 311-346].
- Harriss G. L.* King, Parliament, and Public Finance in Medieval England to 1369. Oxford, 1975.
- Hébert M.* Guerre, finances et administration: les Etats de Provence de novembre 1359 // MA. 1977. N 83. P. 103-130.
- Hennemann J. B.* Financing the Hundred Years War: Royal Taxation in France in 1340 // Spec. 1967. N 42. P. 275-298.
- Hennemann J. B.* Royal Taxation in Fourteenth Century France. 2 vos. Princeton, 1971, 1976.
- Hoffmann R. C.* Warfare, Weather and a Rural Economy. The Duchy of Wroclaw in the Mid-Fifteenth Century// Viator. 1973. N 4. P. 273-301.
- Lane F. C.* Economic Consequences of Organized Violence // The Journal of Economic History. 1958. N 18. P. 401-417.
- Ladero Ouesada M. A.* Milicia y economia en la puerra de Grenada: el cerco de Baza. Valladolid, 1964.
- McFarlane K. B.* War and Society, 1300-1600. England and the Hundred Years' War //PP. 1962. N 22. P. 3-13.
- Maddicott J. R.* The English Peasantry and the Demands of the Crown, 1294-1341 //PP. Supp. I. 1975.
- Menjot D.* Le poids de la guerre dans l'économie murcienne, l'exemple de la campagne de 1407-1408 contre Grenade // Miscelanea Medieval Murciana. Murcia, 1976. P. 37-68.
- Menkes F.* Aspects de la guerre de Provence à la fin du XIVe siècle // Economies et sociétés au Moyen Age. Mélanges offerts à Edouard Perroy. Paris, 1973. P. 465-476.
- Miller E.* War, Taxation and the English Economy in the Late Thirteenth and Early Fourteenth Century // War and Economic Development. Essays in Memory of David Joslin / Ed. J. M. Winter. P. 11-31.
- Newhall R. A.* The War Finances of Henry V and the duke of Bedford // EHR. 1921. N 36. P. 172-198.
- Pavodan G.* L'economia di guerra di un grande commune del Trecento // Rivista di Storia economica. 1940. N 5. P. 35-42.
- Postan M. M.* The Costs of the Hundred Years War // PP. 1964. N 27. P. 34-53.
- Prestwich J. O.* War and Finance in the Anglo-Norman State // TRHS. 5e série. 1954. N4. P. 19-43.
- Prestwich M.* War, Politics and Finance under Edward I. London, 1972.
- Rey M.* Le domaine du roi et les finances extraordinaires sous Charles VI, 1388-1413. Paris. 1965.

- [909] *Rey M.* Les finances royales sous Charles VI. Les causes du deficit. 1388-1413. Paris, 1965.
- [910] *Sivéry G.* L'enquête de 1247 et les dommages de guerre en Tournaisis. en Flandre gallicante et en Artois // *Revue du Nord*. 1977. N 59. P. 7-18.

8. ВОЙНА И МИР:

ПРАВО, ЭТИКА И ХРИСТИАНСТВО

Источники

- [911] *Abbon de Saint-Germain-des-Prés.* Sermo ad milites // *Patr. Lat.* T. XXXIII. P. 761-778.
- [912] *Acta Pontificia iuris gentium usque ad annum MCCCIV* / Ed. G. B. Pallien, G. Vismara. Milano, 1946.
- [913] *Bonet H.* L'arbre des batailles / Ed. E. Nys. Bruxelles, 1883; *Id.* The Tree of Battles / Trad. G. W. Coopland. Liverpool, 1949.
- [914] *Denis le Chartreux.* De vita militarium // *Opera Omnia*. Tournai, 1909. N 37. P. 569-583.
- [915] *Hincmar de Reims.* De coercendis militum rapinis // *Patr. Lat.* T. CXXV. P. 953-956.
- [916] *Legnano G. da.* Tractatus de Bella, de Represaliis et de Duello / Ed. T. E. Holland, trad. J. L. Brierly. Oxford, 1917.
- [917] *Mézières Ph. de.* Letter to King Richard II. A Plea made in 1395 for Peace between England and France / Ed., trad. G. W. Coopland. Liverpool. 1975.
- [918] *Podiebrad G.* Tractatus pacis toti christianitati fiendae / Ed. J. Kejř, W. Vanecek, I. Dvorak, L. P. Mozhanskaya, E. V. Tarabrin, K. Jelinek. E. Simkova. Prague, 1964.
- [919] *Stehkämpfer H.* Ein Ütrechter kanonischer Traktat über Kriegerrecht (1419-20) // *ZSSRG. Germ. Abt.* 1961. N 78. S. 196-265.

Война и христианство

Понятие справедливой войны

- [920] *Bainton R. H.* Christian Attitudes towards War and Peace. A Historical Survey and Critical Re-evaluation. London, 1961.
- [921] *Baldwin J. W.* Masters, Princes and Merchants. The Social Views of Peter the Chanter and his Circle. 2 vos. Princeton, 1970.
- [922] *Bond B.* The «Just War» in Historical Perspective // *History Today*. 1966. N 16. P. 111-119.
- [923] *Brock P.* Pacifism in Europe to 1914. Princeton, 1972.
- [924] *Chénon E.* Saint Thomas d'Aquin et la guerre // *L'Eglise et le droit de la guerre*. Paris, 1929.
- [924a] *Contamine Ph.* L'idée de guerre à la fin du Moyen Age: aspects juridiques et éthiques // *AIBL*. 1979. P. 70-86.
- [925] *Ermini G.* I trattati della guerra e della pace di Giovanni da Legnano. Imola, 1923.

- [926] *Finke H.* Das Problem des gerechten Krieges in der mittelalterlichen theologischen Literatur // Aus der Geisteswelt des Mittelalters. Martin Grabmann zur Vollendung des 60. Lebensjahrs von Freunden und Schülern gewidmet / Hrsg. A. Lang, J. Lechner. M. Schmauss. Münster, 1935. S. 1426-1434.
- [927] *Fournier P.* La prohibition par le deuxième concile de Latran d'armes jugées trop meurtrières // Revue générale de Droit international public. 1916. N 33.
- [928] *Fritz G.* Art. «Service militaire» // Le Dictionnaire de théologie catholique. Vol. XIV. 2e partie. P. 1972-1981.
- [929] *Gmür H.* Thomas von Aquino und der Krieg. Leipzig. 1933.
- [930] *Hödl G.* Ein Weltfriedensprogramm um 1300 // Festschrift Friedrich Hausmann / Hrsg. H. Ebner. Graz, 1977. S. 217-233.
- [931] *Hormis J. M.* Evangile et labarum. Etude sur l'attitude du christianisme primitif devant les problèmes de l'Etat, de la guerre et de la violence. Genève, 1960.
- [932] *Hrabar V. E.* Le droit international au Moyen Age // Revue de Droit international. 1936. N 18.
- [933] *Hubrecht G.* La juste guerre dans la doctrine chrétienne des origines au milieu du XVIe siècle // Recueils de la Société Jean-Badin. 1961. N 15. P. 107-123.
- [934] *Hubrecht G.* La «juste guerre» dans le décret de Gratien // Studio Gratiana. N 3. Bologna, 1955. P. 161-177.
- [935] *Johnson J. T.* Ideology, Reason and the Limitation of War. Religious and Secular Concepts 1200-1740. New Jersey, 1975.
- [936] *Leclercq J.* L'attitude spirituelle de saint Bernard devant la guerre // Collectanea cisterciensia. 1974. N 36. P. 195-225.
- [937] *Mahaut M.-C.* Le rôle pacificateur du pape Benoît XII dans le conflit de la Gascogne avec le Portugal (1337-1340) // Guerre et Paix. P. 225-239.
- [938] *Margolin J. C.* Guerre et paix dans la pensée d'Erasmus de Rotterdam. Paris, 1973.
- [939] *Morisi A.* La guerra nel pensiero cristiano dalle origini alle crociate. Firenze, 1963
- [940] *Muldoon J. A.* Fifteenth-Century Application of the Canonistic Theory of the Just War // Proceedings of the Fourth International Congress of Medieval Canon Law. Toronto, 21-25 août 1972 / Ed. S. Kuttner. Cité du Vatican, 1976. P. 467-480.
- [941] *Ortega J. F.* Lapazy la guerra en el pensamiento agustiniano // Revista española de Derecho canonico. 1965. N 20. P. 5-35.
- [942] *Ortolan T.* Art. «Guerre» // Dictionnaire de théologie catholique. Vol. VI. P. 1899-1952.
- [942a] *Pace (La)* nel pensiero, nella politica, negli ideali del Trecento. Todi, 1975 («Convegni del Centro di studi sulla spiritualità medievale», XV).
- [943] *Poggiaspella F.* La chiesa e la partecipazione dei chierici alla guerra nella legislazione conciliare fino alle Decretali di Gregorio IX // Ephemerides iuris canonici. 1959. N 15. P. 140-153.
- [944] *Poggiaspella F.* La condotta della guerra secondo una disposizione dello IIP concilio lateranense // Ephemerides iuris canonici. 1956. N 12. P. 371-386.
- [945] *Regout R.* La doctrine de la guerre juste de saint Augustin à nos jours d'après les théologiens et les canonistes catholiques. Paris, 1935.
- [946] *Russell F. H.* Innocent IV's Proposal to Limit Warfare // Proceedings of the Fourth International Congress of Medieval Canon Law. Toronto, 21-25 août 1972 / Ed. S. Kuttner. Cité du Vatican, 1976. P. 383-399.

- [947] *Russell F. H.* The Just War in the Middle Ages. Cambridge. 1975.
- [948] *Sicard G.* Paix et guerre dans le droit canon du XIP siècle // Paix de Dieu et guerre sainte en Languedoc au XIIIe siècle. Cahiers de Fanjeaux. 1969. N 4. P. 72-90.
- [949] *Seibt F.* Hussitica. Zur Struktur einer Revolution. Köln. 1965.
- [950] *Solages B. de.* La théologie de la guerre juste, genèse et orientation. Paris. 1946.
- [951] *Tooke J. D.* The Just War in Aquinas and Grotius. London, 1965.
- [952] *Vanderpol A. M.* Le droit de guerre d'après les théologiens et les canonistes du Moyen Age. Paris; Bruxelles, 1911.
- [953] *Vanderpol A. M.* La doctrine scolastique du droit de guerre. Paris, 1925.
- [954] *Windass S.* Le christianisme et la violence. Paris. 1966.
- [955] *Wright N. A. R.* The Tree of Battles of Honoré Bouvet and the Laws of War // War, Literature and Politics. P. 12-31.

Раннее Средневековье

- [956] *Bonnaud-Delamare R.* L'idée de paix à l'époque carolingienne. Paris, 1939.
- [957] *Cowdrey H. E. J.* Bishop Ermenfried of Sion and the Penitential Ordinance following the battle of Hastings // Journal of Ecclesiastical History. 1969. N 20. P. 225-242.
- [958] *Gross J. E.* The Ethic of War in old English // England before the Conquest. Studies in Primary Sources presented to Dorothy Whitelock / Ed. P. Clmoes, K. Hughes. Cambridge, 1971. P. 269-282.
- [959] *Draper G. I. A.* Penitential Discipline and Public Wars in the Middle Ages // The International Review of the Red Cross. 1961.
- [960] *Ganshof F. L.* La paix au très haut Moyen Age // Recueils de la Société Jean-Badin. 1961. N 14. P. 397[^]*13.
- [961] *Vismara G.* Problemi storici e istituti giuridici della guerra altomedievale // OM. Vol. 2. P. 1126-1200.
- [962] *Wallace-Hadrill J. M.* War and Peace in the early Middle Ages // TRHS. 5e série. 1975. N25. P. 57-74.

Божий мир и божье перемирие

- [963] *Bisson T. N.* The Organized Peace in Southern France and Catalonia (ca. 1140 - ca. 1233) // AHR. 1977. N 82. P. 290-311.
- [964] *Bonnaud-Delamare R.* La convention régionale de paix d'Albi de 1191 // Paix de Dieu et guerre sainte en Languedoc au XIIP siècle. Cahiers de Fanjeaux. 1969. N 4. P. 91-101.
- [965] *Bonnaud-Delamare R.* Fondements des institutions de paix au XIe siècle // Mélanges d'histoire du Moyen Age dédiés à la mémoire de Louis Halphen. Paris, 1951. P. 21-26.
- [966] *Bonnaud-Delamare R.* Les institutions de paix dans la province ecclésiastique de Reims au XIe siècle // Bulletin historique et philologique du Comité des Travaux historiques et scientifiques, années 1955 et 1956. Paris, 1957. P. 143-200.

- Bonnaud-Delamare R.* Paix d'Amiens et de Corbie // *Revue du Nord*. 1956. N 38. P. 169-174.
- Bonnaud-Delamare R.* La paix de Dieu en Touraine pendant la première croisade // *Revue d'Histoire ecclésiastique*. 1975. N 70. P. 749-757.
- Bonnaud-Delamare R.* La paix en Aquitaine au XIe siècle // *Recueils de la Société Jean-Badin*. 1961. N 14. P. 415-487.
- Bonnaud-Delamare R.* La paix en Flandre pendant la première croisade // *Revue du Nord*. 1957. N 39. P. 147-152.
- Boitard M. de.* Sur les origines de la trêve de Dieu en Normandie // *Annales de Normandie*. 1959. N 9. P. 179-189.
- Callahan D. F.* Adémar de Chabannes et la paix de Dieu // *Annales du Midi*. 1977. N 89. P. 21-43.
- Carozzi C.* La tripartition sociale et l'idée de paix au XIe siècle // *Guerre et Paix*. P. 9-22.
- Conrad H.* Gottesfrieden und Heerverfassung in der Zeit der Kreuzzüge // *ZSSRG. Germ. Abt.* 1941. N 61. S. 71-126.
- Cowdrey E. H. J.* The Peace and the Truce of God in the Eleventh Century // *PP*. 1970. N 46. P. 42-67.
- Duby G.* Les laïcs et la paix de Dieu //1 Laid nella «societas Christiana» dei secoli XIe XII. Atti della Terza Settimana internazionale di studio. Mendola, 21-27 août 1965. Milano, 1968. P. 448-461.
- Gleiman L.* Some Remarks on the Origin of the «Treuga Dei» // *Etudes d'Histoire littéraire et doctrinale*. 1962. P. 117-137.
- Grabois A.* De la trêve de Dieu à la paix du roi. Etude sur la transformation du mouvement de paix au XIIe siècle // *Mélanges offerts à René Crozet*. Poitiers, 1966. Vol. I. P. 585-596.
- Hoffmann H.* Gottesfrieden und Treuga Dei. Stuttgart, 1964.
- Joris A.* Observations sur la proclamation de la trêve de Dieu à Liège à la fin du XIe siècle // *Recueils de la Société Jean-Badin*. 1961. N 14. P. 503-545.
- Justus W.* Die frühe Entwicklung des säkularen Friedensbegriffs in der mittelalterlichen Chronistik. Köln; Wien, 1975.
- Kennedy D.* Medieval Towns and the Peace of God // *Medievalia et Humanistica*, 1963. N 15. P. 35-53.
- Molinié G.* L'organisation judiciaire, militaire et financière des associations de la paix. Etude sur la paix et la trêve de Dieu dans le Midi et le centre de la France. Toulouse, 1912.
- Platelle H.* La violence et ses remèdes en Flandre au XIe siècle // *Sacris erudiri*. 1971. N20. P. 103-173.
- Rosenwein B. H.* Feudal War and Monastic Peace: Cluniac Liturgy as Ritual Aggression // *Viator*. 1971. N 2. P. 129-157.
- Strubbe E. I.* La paix de Dieu dans le nord de la France .7 *Recueils de la Société Jean-Badin*. 1961. N 14. P. 489-501.
- Töpfer B.* Die Anfänge der «Treuga Dei» in Nordfrankreich // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1962. N 9. S. 876-893.
- Töpfer B.* Das Kommende Reich des Friedens. Zur Entwicklung chiliastischer Zukunftshoffnungen im Hochmittelalter. Berlin, 1964.

Крестовый поход. Священная война

- [989] *Alphandéry P.* La chrétienté et l'idée de croisade / Ed. A. Dupront. 2 vos. Paris, 1954, 1959.
- [990] *Belch S. F.* Theologi anonymi Utrum bella contra infidèles fidelibus licitum sit movere? // *Mediaevalia philosophica Polonorum*. 1974. N 19. P. 3-63.
- [991] *Beumann H.* Kreuzzugsgedanke und Ostpolitik im hohen Mittelalter// *Heidenmission und Kreuzzugsgedanke in der deutschen Ostpolitik des Mittelalters* / Hrsg. H. Beumann. Darmstadt, 1963. S. 121-145.
- [992] *Blake E. O.* The Formation of the «Crusade Idea» // *Journal of Ecclesiastical History*. 1970. N 21. P. 11-31.
- [993] *Brundage J. A.* Holy War and the Medieval Lawyers//*The Holy War*/Ed. T. P. Murphy. Columbus, 1976. P. 99-140.
- [994] *Brundage J. A.* Medieval Canon Law and the Crusader. Madison, 1969.
- [995] *Cowdrey H. E. J.* The Genesis of the Crusades: the Springs of Western Ideas of Holy War // *The Holy War* / Ed. T. P. Murphy. Columbus, 1976.
- [996] *Cowdrey H. E. J.* Pope Urban IPs Preaching of the First Crusad // *Hist.* 1970. N 55. P. 177-188.
- [997] *Delaruelle E.* Essai sur la formation de l'idée de croisade // *Bulletin de Littérature ecclésiastique*. 1941. N 42. P. 24-45, 86-103; 1944. N 45. P. 13-46, 73-90; 1953. N 54. P. 226-239; 1954. N 55. P. 50-63.
- [998] *Delaruelle E.* Paix de Dieu et croisade dans la chrétienté du XIIe siècle // *Paix de Dieu et guerre sainte en Languedoc au XIIIe siècle*. Cahiers de Fanjeaux. 1969. N 4. P. 51-71.
- [999] *Erdmann C.* Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Darmstadt, 1955. Перевод на англ. яз.: *The Origin of the Idea of Crusade*. M. W. Baldwin, W. Goffart. Princeton, 1977.
- [1000] *Noth A.* Heiliger Krieg und heiliger Kampf. Beiträge zur Geschichte der Kruizzüge. Bonn, 1966.
- [1001] *Richard J.* L'esprit de la croisade. Paris, 1969.
- [1002] *Robinson S.* Gregory VII and the Soldiers of Christ// *Hist.* 1973.N58.P. 169-192.

«Земский мир»

- [1003] *Anoermeier H.* Königtum und Landfriede im deutschen Spätmittelalter. München, 1966.
- [1004] *Gernhuber J.* Die Landfriedensbewegung in Deutschland bis zum Mainzer Landfrieden von 1235. Bonn, 1952.
- [1005] *Gernhuber J.* Staat und Landfrieden im deutschen Reich des Mittelalters//*Recueils de la Société Jean-Bodin*. 1962. N 15. P. 23-77.
- [1006] *Mohrmann W.-D.* Der Landfriede im Ostseeraum während des späten Mittelalters. Kalimünz, 1972.
- [1007] *Picht G., Huber W.* Was heisst Friedensforschung? Stuttgart, 1971.

Рыцарство и религия

- [1008] *Meissburger G. De vita Christiana.* Zum Bild des christlichen Ritters im Hochmittelalter//Der Deutschunterricht. 1962. N 14. S. 21-34.
- [1009] *Richter J.* Zur ritterlichen Frömmigkeit der Stauferzeit // Wolfram-Jahrbuch. 1956. S. 23-52.
- [1010] *Richter J.* Der Ritter zwischen Gott und Welt. Ein Bild mittelalterlicher Religion bei Hartmann von Aue//Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 1964. N 16. S. 57-69.
- [1011] *Wang A.* Der «miles christianus» im 16. und 17. Jahrhundert und seine mittelalterliche Tradition. Ein Beitrag zum Verhältnis von sprachlicher und graphischer Bildlichkeit. Bern; Frankfurt am Main, 1975.

Военное право

- [1012] *Cram K. G.* Indicium belli, Zum Rechtscharakter des Krieges im deutschen Mittelalter. Münster; Köln, 1955.
- [1013] *Conrad H.* Germanisches Denken im deutschen Kriegerrecht des Mittelalters // Das Bild des Krieges im deutschen Denken/Hrsg. A. Fauste. Stuttgart; Berlin, 1941. Bd I. S. 83-103.
- [1014] *Grassotti H.* El deber y el derecho de hacer guerra y pas en Leon y Castilla // CHE. 1976. N 59-60. P. 221-296.
- [1015] *Masi G.* Un capitolo di storia del diritto internazionale. Alcuni usi di guerra in Italia all'epoca dei Comuni // Rivista di Storia del Diritto italiano. 1955. N 28. P. 19-37.
- [1016] *Richard J.* Le droit de guerre du noble comtois // Mémoires de la Société pour l'Histoire du droit et des institutions des anciens pays bourguignons, comtois et romands. 1948-1949. P. 107-115.
- [1017] *Rosenau R. U.* Wehrverfassung und Kriegerrecht in der mittelhochdeutschen Epik, Wolfram von Eschenbach, Hartmann von Aue, Gottfried von Strassburg, Der Niebelunge Not, Kridrunepos, Wolfdietrichbrucelistück A, König Rother, Salmon und Moroff. Bonn, 1959.
- [1018] *Soldi-Rondinini G.* Il diritto di guerra in Italia nel secolo XV// Nuova Rivista Storica. 1964. N 48. P. 275-306.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AEV	Anuario de Estudios mediévaes
AESC	Annales. Economies. Sociétés. Civilisations
AHR	The American History Review
AIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus des séances
ASI	Archivio Storico Italiano
Bataille de Nancy	Cinq-centième anniversaire de la bataille de Nancy (1477). Actes du Colloque organisé par l'Institut de de recherche régionale en sciences sociales, humaines et économiques de l'Université de Nancy. 22-24 septembre 1977), Nancy, 1979
BEC	Bibliothèque de l'Ecole des Chartes
BIHR	Bulletin of the Institute of Historical Research
BM	Bulletin monumental
CHE	Cuadernos de Historia de Espafia
ChG	Château-Gaillard. Etudes de castellologie européenne
DA	Deutches Arhiv für Erforschung des Mittelalters
EHR	The English Historical Review
Gl.	Gladius
Guerre et Paix	Actes du CP Congrès national des Sociétés savantes, Lille, 1976. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. La guerre et la paix. Paris, 1978
Hist.	History
HZ	Historische Zeitschrift
JBS	Journal of British Studies
MA	Le Moyen Age
MIÖGF	Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung

MS	Mediaeval Studies
OM	Ordinamenti militari in Occidente nell'alto Medioevo. 2 vos. Spoleto, 1968 (Settimane di Studio del Centro Italiano di studi sull'alto Medioevo)
PP	Past and Present
PCEEBM	Publications du Centre européen d'Etudes burgondomédianes
RH	Revue historique
RHDFE	Revue historique de Droit français et étranger
RIHM	Revue internationale d'Histoire militaire
RSI	Rivista storica italiana
SM	Studi medievali
Spec.	Speculum
TRHS	Transaction of the Royal Historical Society
War, Literature and Politics	War, Literature and Politics in the Late Middle Ages. Essays in Honour of G. W. Coopland / Ed. G. T. Allmand. Liverpool, 1976
ZOF	Zeitschrift für Ostforschung
ZSSRG	Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- А
- Аарденбург 258
 Абингдон 65
 Абингдонский монастырь 65, 93, 95
 Абруцца 113, 320
 Аверс 66
 Авила 68
 Авиньон 138, 258
 Авиньоне 244
 Авр, р. 238
 Австразия 31-33
 Австрия 52, 92, 334
 Адрианополи 20
 Ажен, Аженэ 97
 Азенкур 146, 247, 275, 318, 319
 Аква 51
 Аквилейская патриархия 51
 Аквитания 32, 33, 53, 54, 59, 133, 289, 290
 Акра 77, 79, 90, 117, 229, 269
 Аламания 48
 Албания 145
 Александрия 223
 Алеппо 75, 76
 Алжубаррота 137, 217, 320
 Альби 32
 Альбизуа 107
 Альмерия 78
 Альпы 11, 46, 48, 49, 91, 163, 246, 263
 Альтопашо 133, 176
 Алыитедт 45
 Ам 164, 221
 Амальфи 66, 67
 Амблеве 32
 Амбрас 138
 Амбрен, епархия 136
 Амбуаз 224
 Амьен 128, 173
 Амьенуа 59
 Ангиари 276
 Ангулемское графство 173
 Анжер 30, 130, 140, 162
 Анжу 53, 54, 59, 60, 95, 134, 263
 Анконская марка 92, 99
 Аннуа 102
 Антверпен 216, 242
 Антиохия (княжество Антиохийское) 71, 72, 74-77
 Апеннинский п-ов 33, 38, 66, 67, 80
 Апулия 12, 66, 67, 84, 111
 Арагон (королевство Арагон) 68, 69, 86-87, 96, 108, 113, 133, 258, 265, 266
 Арбуа 208
 Аргенторат 12, 20
 Ареццо 178, 222, 258
 Аржантан 244
 Арлон 48
 Арль 258
 Аррас 53
 Арруэз 98
 Артуа 111, 134, 154, 232
 Аскалон 71, 74-76
 Асти 51
 Астурия (Астурийское королевство) 67, 68, 69
 Атлантический океан 242
 Аугсбург 45, 46

¹ В указатель не были включены слишком часто повторяющиеся названия: Англия, Германия, Германская империя, Галлия, Франция (Франкское королевство), Испания, Италия.

Африка 14, 18, 20, 23, 25, 66
-Северная 11, 12, 27, 236, 334

Ахайя 11

Ахен 65, 157

Б

Бавария 33, 37, 48, 134, 181, 334

Багдадский халифат 325

Базель 153

Базиликат ИЗ

Байе 30, 59, 66, 202, 203

Байонна 168

Балеарские о-ва 38

Балканы 12, 72

Балтика 79, 91

Бамберг 43

Бапом 242

Бари 39, 66, ИЗ

Барселона 33, 68, 223

Бар-сюр-Об 111

Беарн 149, 326

Беверхуцфельд 216, 318

Бедфорд 166

Беерст 258

Безансон 258, 290

Безье 168

Беллем 121, 244, 291

Беневент (Беневентское герцогство) 33,
39, 66, 79, 249, 320

Бервик-на-Твиде 157, 185

Беркшир 62, 94

Берн 153

Бернарда, замок 98

Берри 30, 52, 53, 58, 134, 264

Бессарабия 43

Бессен 244

Биллунги: марка Биллунгов 52

Билт, замок 126

Биуль 157, 219

Бифорко 177

Ближний Восток 40

Блуа 59, 291

Бове 244, 306

Бовези 53, 59, 100, 134

Богемия, см. Чехия

Боери, аббатство 242

Боже 320

Бокер 118, 133, 134

Болонья 115, 258, 298

Бомон-сюр-Сарт 166

Бомэрс, замок 126

Бонагиль 222

Бонневаль 54

Борго Сан-Сеполькро 222

Бордо (Борделэ) 12, 97, 102, 289

Босфор, р. 333

Бозне-ан-Вермандуа 191

Бозри, аббатство 242

Брабант 151, 160, 261, 262

Брага 68

Бранденбург 92

Бре 244

Бремюль 53, 249, 274

Бреннер 46

Брента, р. 279

Брест 222

Бретанкур 52

Бретань (Бретонское государство) 38, 53,
54, 59, 64, 78, 134, 139, 141, 146, 151, 167,
170, 263, 332

Бретей-сюр-Итон 53

Брешия 51, 157

Бри 53, 59, 111

Брив 99

Бринье 178

Британия 12, 14, 23, 61, 236

Брюгге 99, 207, 210, 216, 258

Брюссель 138, 160, 242

Брюстем 217

Бувин 78, 79, 204, 250, 262, 291, 318, 319

Буг, р. 279

Болгарское царство 174

Булонь-сюр-Мер 168

Бург-ан-Бресс 220

Бургос 68, 213

Бургтерульде 249

Бургундия (Бургундское королевство,
герцогство) 23, 27, 30, 37, 52-55, 59, 108,
124, 134, 139, 145, 146, 184, 185, 214, 290,
328, 332

Бурж 32, 53, 289

Бэттл306, 319

Бюиронфосс 242, 318

В

Вайблинген, замок 329

Валансьен 210

Валахия 43

Валь-де-Дюн 64

Вальдиграт 113

Вандом (Вандомуа) 59, 134

Везуль 148

Вейсензе 119

Вексен 53, 95

Вена (Австрия) 317

Венеция 80,86,99,112,133,139,150, 152,

155,167, 179, 180, 184, 191, 222, 245, 324

Венгрия (Венгерское королевство) 40,42, 43, 44, 48, 84, 156, 174, 257, 320

Венсенн 138

Венси 32

Верден 49

Верден-сюр-ле-Ду 289

Вермандуа 53, 73, 95, 134, 238, 241

Верней 213, 244, 275

Верной 125, 244

Верона 51, 217

Версейль 258

Вестминстер 128

Вивье 258

Византия (Византийская империя) 66,67, 71, 76, 265, 266, 322, 330, 333

Вилландро 130

Вильнёф-сюр-Ионн 126

Виндзор 65, 106

Висби 138, 204, 206, 276

Виссан 61

Витория 206

Во 129

Вокулер 263

Вормс 208

Восточная марка 52

Вуйе 26

Вьенн 290

Вюртемберг 198

Г

Гайон 86, 264

Ганза 139

Галисия 68, 293

Галлия 12, 25, 328

Гаронна, р. 32, 97, 236, 237

Гарфлер 231,244

Гасконь 30, 108, ПО, 121, 133, 151,257

Гасни 53

Гастингс 63-65,115,129,201,271,286,319

Гаэта 66

Гельдерн 49

Геннегау 151, 258, 260, 262, 274

Гент 130,140,154,160,163,166,209,258

Генуя 111, 139, 155

Гераклея 76

Гиень 124, 140, 189

Гиз 242

Гинегат 151

Глостер 59

Гольштейн 182

Горце 288

Готланд, о-в 138

Гравелин 61

Гранада 78, 152, 236

Гранадский эмират 139

Грансон 162,217, 234, 279

Гурней 52, 53

Д

Дакия 11, 14

Далмация 11,25

Дамаск 75, 76, 156

Дамьетта 118

Данпо 53

Дания 139, 182

Дардания 11

Дарем 136

Девентер 157

Декуматские поля 11, 236

Дербишир 169

Ди 258

Ди, р. 62

Дижон 166,210, 221,257

Диксмуде 258

Динан 218
Дитмаршен 276
Добжин 90
Доль (Бретань) 114
Доль 208
Донфрон 244
Дорилея 74, 76
Дофине 330
Дублин 206
Дувр 60, 63, 104, 125, 130, 185
Дунай р. 12, 14, 17,43
Дураццо 145
Дурдан 130
Дуэро, р. 70

Е

Европа 70, 138, 145, 192, 200, 246, 333
-Западная 40,41,77,140,141,202,333
Египет 73, 121,230, 298,311,325

Ж

Женевская область 129
Жерминьи-л'Экзан 53
Живри 125
Жизор 53, 95, 125
Жюмьеж 65, 128

Заале, р. 33, 92
Земпах 153, 279
Зундгау 154

И

Иберийский п-ов 68, 78, 87, 89, 116, 134
Ивзем 225
Иврея 50
Иври 216, 318
Иври-сюр-Сен 216
Иерусалим (королевство Иерусалимское)
66,71-75,77,90,91,121,140,283,296-298
Израиль 281, 287
Иль-де-Франс 55, 134
Империя Моголов 325
Инсбрук 167, 211
Ипр 166, 223, 258

Иран 156, 200, 331
Ирландия 87, 134, 168, 229
Испанская марка 33, 38
Иссуден 98
Йорк 138

К

Кавайон 258
Кагор 99, 220, 258
Кадис 12
Калабрия 12, 66, 67, 113
Кале 157, 166, 173, 184, 185, 188, 189,
232, 236, 246
Кальтабеллота 265
Камбре32, 157, 242, 258
Камбрези 238, 240, 242
Камерино 99
Кан 64, 96, 129,210, 244
Канарские о-ва 272
Каносса 46
Кантабрийские горы 67, 68
Капитанат 113
Капуя 66; Капуанское княжество 67
Караваджо 152
Карантан 244
Каринтия 33, 52
Каркассон 123,130,131,133,134,159,244
Каркассэ 133
Карлштейн 138, 153
Кармона 71
Карпаты 43
Картахена 12
Кассель 258, 275, 310
Кастаньяро 217
Кастель дель Монте 130
Кастельнодари 120, 244
Кастилия 40, 68-70, 91, 108, 152, 182
Кастильское королевство 187
Кастильон 217, 319
Каталония 68, 235
Кельн 166, 181
Кенеда 51
Кенилворт 126
Китай 200
Клаверинг 63, 258

Клермон-сюр-Уаз 53
 Клермон-ан-Овернь 258
 Клюни 54, 105, 290, 293, 316
 Ко 38, 96, 221
 Кобленц 55
 Ковентри 64
 Кодебек 220
 Колонна 48
 Колчестер 177
 Комменж 27, 86, 117, 118
 Компостела 68, 317
 Компьень 122, 128, 166, 320
 Кон 53
 Конвэй, замок 126
 Константинополь 11, 25, 66, 72, 73, 75, 117, 120
 Корбей 95
 Корби 134
 Кордова 12, 69, 71, 78, 183
 Кордовский халифат 69
 Королевские рвы 238
 Корсика 12, 38, 116
 Кортенуова 79
 Кортонна 258
 Корф 125
 Котантен 96, 244
 Краван 275
 Крайна 52
 Кракде Шевалье 117, 128
 Красное море 14
 Кремона 167, 258
 Креси-ан-Понтье 157, 174, 216, 273, 275
 Креси-сюр-Серр 53, 242
 Крит 112, 324
 Кротуа 232
 Курляндия 90
 Куртре 101, 102, 258, 275, 310, 319
 Кузи 124, 128, 130, 219
 Кутанс 244
 Къеза, р. 178
 Кэрнарвон, замок 126

Л

Л'Эгль 53
 Ла Брүйер-Лобеспен 220

Ла Варенн-Сент-Илер 101
 Ла Капель-ан-Тьераш 242
 Ла Рош-о-Муан 79
 Ла Фер 54
 Ла Ферте-Але 52
 Ла Фламангри 242
 Ла-Манш, пролив 64, 93, 171, 263
 Ламбаль 220
 Лан 59, 122, 128, 232, 242
 Лангедок 242
 Лангобардское королевство 33
 Ланже 58
 Ланнэ 53
 Ланьи 111, 218
 Ла-Рошель 224
 Лас Навас де Толоса 78
 Лаупен 153
 Ле Сенгле 57
 Лез Андели 53
 Леза, р. 57
 Леньяно 79
 Леон 68-70
 Леон, замок 114
 Лерин 212
 Лехфельд 40, 45
 Ливония 90, 236
 Ливри 53
 Лигурия 50, 116
 Лизье 38, 102, 220, 244
 Лилль 53, 151, 157, 166, 209, 212, 321
 Лимож 99, 258
 Лимузен 85, 134
 Линкольн 274, 291
 Лион 210, 329
 Лионнэ 134
 Лиссабон 68
 Лоди 51
 Лозанна 186, 191, 253
 Лозерт 220
 Ломбардия 113, 139, 222, 245, 263, 294, 321
 Лондон 64, 65, 98, 138, 157
 Лооз, графство 238
 Лотарингия (Лотарингское герцогство) 48, 167, 304
 Луара, р. 39, 54, 97, 228, 332

Лувье 244
Лужицкая марка 52
Лукка 29, 157, 178
Лучера 84, 116
Льеж 272, 317
Льежская область 238
Люцерн 310

М

Маас, р. 33, 52
Маастрихт 218
Мадрас 160
Мадрид 138
Майен 166
Майорка 258
Македония 11
Макиньи 242
Макон (Маконнэ), графство 54, 57
Малага 12, 78
Маласси 53
Малатеста, Сиджизмондо 222
Малая Азия 71, 72, 75
Мальмеди 32
Ман 30, 102, 166, 291
Манд 258
Мант 53, 244
Мантуя 51, 180, 320
Манцикерт 71
Мариано 251
Марино 179
Марманд 117
Мармутье 228
Марсан 149, 326
Мартель 99
Мединасели 69
Мезьер 140
Мейсенская марка 52
Мелан 53, 223
Мелен 95, 122, 128
Мель-сюр-Сарт 238
Менин 258
Мен-сюр-Луар 52
Мерзебург 45
Мерпенс 173
Мерсия 61

Месета 30
Мехелен 166
Мец 156, 181, 182, 210, 222, 288, 302, 304, 321
Милан 51, 167, 178, 180, 191, 245, 257
Миланское герцогство 180, 186
Мо 312
Модена 113
Молдавия 43
Молинелла 276
Мондидье 95, 128
Монжискар 244
Монлери 52, 151, 153, 190, 247
Монморанси 52
Монс 159
Монсегюр 117
Мон-Сен-Ванн 49
Мон-Сени 46
Мон-Сен-Мартен 242
Мон-Сен-Мишель 220, 264
Монтаперти 79, 86, 101
Монтаржи 128
Монтегю 52
Монте-Кассино 66
Монтеро-фо-Ионн 129, 213
Монтефельтро 156
Монтивилье 220
Монтобан 214
Монтрей-Беллей 128
Монтрей-сюр-Мер 128
Монтье-ан-Дер 263
Монтюэль 221
Монферратское, маркграфство 92
Морея 145
Мортань 212
Муртен 181, 217, 234, 250-252, 254, 255
Мэн 57, 61, 134
Мюльдорф 279
Мюрбах 48

Н

Наварра (королевство Наваррское) 68, 69, 108, 149
Намюр 151
Нанси 234, 318, 320
Наполи-ди-Романия 145

- Нарбонна 12
 Нахера 275
 Неаполь (королевство Неаполитанское) 66, 132, 140, 152, 163, 167, 180, 184, 191, 222, 231, 265
 Невер 162
 Невшатель 167
 Нейрсборо 126
 Нейс 167, 186, 222, 223, 228, 231, 246
 Нейстрия 33, 37, 332
 Неккар, р. 279
 Нель 53
 Неттуно 222
 Нивернэ 54
 Нидерланды 170, 190, 215, 238, 326
 Никея 75, 76
 Никомидия 333
 Никополь 174
 Ним 258
 Нимвеген 320
 Нонанкур 238, 263
 Норвич 313
 Нордлинген 138
 Нормандия (герцогство Нормандское) 54, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 66, 73, 94, 95, 96, 121, 124, 134, 146, 147, 151, 188, 189, 190, 213, 238, 239, 244, 245, 263, 290
 Нортумбрия 62
 Ноттингемшир 169
 Нофль-Сен-Мартен 52
 Нуайон 53, 242
 Нувьон-л'Аббессе 53
 Ньюарк 214
 Ньюкасл-на-Тайне 169
 Нюрнберг 153, 166, 214
- О
 Овернь 28, 52, 53, 55, 57, 133, 134, 264
 Одигем 126
 Оксерр (Оксерруа) 54, 228, 321
 Оксфорд 65
 Оннекур-на-Шельде 242
 Онфлер 244
 Ориньи-Сент-Бенуат 242
 Орлеан (Орлеанэ) 22, 53, 59, 95, 213, 218, 223, 246, 291
- Орна, р. 57
 Оронт, р. 76
 Орфорд 126
 Осма 68
 Осонна 159
 Отранто 113
 Оттерберн 247, 259
- П
 Павия 51
 Падуя 167
 Палестина 73, 82
 Памплона 33, 68
 Памье 140, 312
 Паннония 11, 25
 Паннонская равнина 43
 Папское государство 92, 99, 106, 139, 144, 150, 157, 180, 185, 294
 Паренцо, епископство 51
 Париж, 22, 59, 120, 128, 129, 138, 164, 166, 174, 213, 216, 220, 223, 231, 245, 257, 263, 315
 Паризи 53
 Парма 51, 79, 318
 Пезаро 180
 Периге 99
 Перигор 26, 133, 134, 265
 Перонн 53, 242
 Перпиньян 167
 Персия, см. Иран
 Перуджа 99, 106, 113, 148, 180, 232
 Перш 134, 238, 239
 Пиза 116, 123, 143, 178
 Пикардия 53, 151, 213, 232
 Пикиньи 146
 Пиренеи 33, 67-69, 90, 217, 246, 262
 Питивье 53
 Питре 39
 Планше 52
 Плоермель 96
 По, р. 279
 Пола 51
 Польша (Польское королевство) 40, 42, 47, 92

Понваллен 318
 Пон-де-Л'Арш 128
 Пон-л'Евек 244
 Понт-Одемер 244, 264
 Понторсон 259
 Понтуаэ 231
 Понтье 52, 59, 95, 134, 165
 Поперинг 258
 Порт Сан-Тринита 233
 Порто 68
 Порте даун 171
 Португалия 68, 78, 91, 108, 137
 Прато 233
 Принчипато 113
 Прованс 37, 80, 84, 86, 116, 124, 150, 262, 290
 Провен 111
 Пруссия 79, 90, 144, 326
 Пуату 57, 60, 134, 173
 Пуатье 30,175,199,200,247,252,257,275
 Пул 140
 Пфальц 12
 Пьемонт 258
 Пьяченца 51, 258
 Пюжоль 117
 Пюи 73, 264, 289
 Пюизе 53, 56

Р

Равенна 12,51,291
 Радлан, замок 126-128
 Ратин 126
 Реальвалле 320
 Регенсбург 46
 Реджо Эмилия 51
 Реймс 52, 59, 128, 286, 306
 Рейн, р. 12, 31, 33, 39, 134 (долина), 263
 Ренн 161, 166,214
 Реция 25
 Риез 258
 Рим 12, 13, 17, 20-22, 138, 177, 224, 287, 302, 327
 Римская империя 11-13, 15, 16, 73, 236, 297, 298, 301, 325, 330, 331, 333, 334
 -Восточная 12, 17,19

-Западная 17, 19
 Римини 180, 222
 Рио Саладо, р. 275
 Ричмонд 170
 Родез 32
 Родос 213,218
 Розбек 249,310,319
 Рокамадур 99
 Рокетайад 130
 Роккавиони 79
 Рокруа 129
 Романья 91, 157, 178, 263, 306
 Ромни 63
 Рона, р. 13, 52
 Ронкальская равнина 46
 Ронсеваль 68
 Ротенбург 138, 214
 Руа 95
 Руаймон, аббатство 129, 320
 Руан 38,96,99,125,162,221,231,244,263
 Рувруа 102
 Руминьи, замок 129
 Руссильон 139, 222, 290
 Руэрг 133, 134

С

Савия 25
 Савойя, графство 92, 129, 170, 180, 258
 Сайо 156
 Саксония 33, 45, 47, 48, 92, 244
 Саламанка 68
 Салерно 66, 67
 Сальс 138
 Сальц 119
 Сандвич 63
 Санкт-Галленский монастырь 45, 202
 Санкт-Якоб-ан-дер-Бирс 153
 Санлис 319
 Сане 95, 128
 Санта-Мария делла Виттория 320
 Сарагоса (Сарагосская марка) 37, 68, 69
 Сардиния 12, 38
 Сарлат 26, 99
 Сарт, р. 238
 Сассекс 63

- Сафет 85, 130, 131
 Саффолк 126
 Святая земля 43, 77, 79, 84, 85, 87, 89-91, 107, 112, 117, 130, 134, 229, 230, 246, 247, 249, 274, 296, 297
 Святая Мария 90
 Священная Римская империя 37, 42, 49, 52, 92, 290, 329
 Северная саксонская марка 52
 Севилья 71, 78, 183
 Сеговия 68
 Селонне 136
 Сена, р. 23, 34, 39, 125, 221, 244, 332
 Сен-Бенуа-дю-Со 58
 Сен-Бриссон-сюр-Луар 54
 Сен-Ванн, замок 49
 Сен-Готард 46
 Сен-Дени 53, 59, 213, 291, 319
 Сен-Жан-де-Люз 149
 Сен-Жермен-ан-Ле 95
 Сен-Жермен-де-Пре, аббатство 100
 Сен-Жюльен де Бриуд 319
 Сен-Жюньен 99
 Сен-Кантен 95, 242
 Сен-Ло 244
 Сен-Мар-ан-Суассоннэ 122, 128
 Сен-Мартен 304
 Сен-Мор-де-Фоссе 101
 Сенонэ 53
 Сен-Реми 49
 Сен-Север 52
 Сен-Совер-ле-Виконт 158
 Сент-Бриавель 132
 Сент-Катрин де Фьербуа 320
 Сент-Омер 212, 258
 Сентонж 173
 Сен-Трон 238
 Сент-Сюзанн 166
 Сен-Тьебо-су-Бурмон 99
 Сент-Эньян 183
 Сен-Флорантен 86
 Сен-Флур 258
 Сент-Этьен де Кан 128
 Септимания 28, 37, 67
 Сиена 112, 115, 131, 178, 232
 Силезия 323
 Симанка 68
 Синт-Виноксберген 258
 Сирия 73, 74, 236
     - Северная 72
 Сицилия (Сицилийское королевство) 12, 40, 66, 67, 73, 79, 81, 92, 106, 107, 113, 124, 210, 258, 259, 265
 Скандинавия 39
 Скарборо 126
 Скарпоне 12
 Скифия 11
 Слейс 258
 Словакия 92
 Со, р. 58
 Солвей Ферт 236
 Сомерсет 142
 Сомма, р. 164
 Сона, р. 52
 Сорренто 66
 Сполетское, герцогство 33
 Средиземное море 230, 242, 245
 Средиземноморье 38, 40
 Срединная империя 325
 Стамфордбридж 63
 Стирлинг 120
 Страсбург 20, 166
 Суассон 59, 286
- т
- Тайн, р. 236
 Тальякоццо 79, 320
 Танджавур 160
 Танкарвилль 221
 Тараскон 138
 Тарн-и-Гаронна 157
 Таррагона 68
 Тарт 319
 Тахо 68
 Темза, р. 62, 65, 98
 Тенчебре 249, 274
 Терма 117
 Терра ди Журдано 113
 Терра ди Лаворо 113
 Тертри 32

Тингитания 14
 Тироль 138
 Токсандрия 12
 Толедо 68
 Тортона 51
 Тортоса 68, 116
 Тоскана 115,133,139, 178, 180,294
 Трансильвания 90
 Тревизо 51
 Триест, епископство 51
 Триполи (графство Триполи) 75, 77
 Триполитания 14
 Трир 136, 191
 Труа 22, 59
 Тулуж 290
 Тулуза (графство Тулузское. Тулузэн) 12,
 32, 73.86, 97. 99, 108, 117, 118, 121, 122,
 123, 133,134, 157
 Туль 36, 263, 320
 Тунис 115
 Тур 30, 95, 164, 190, 234, 280, 303, 320
 Тургель 90
 Турень57, 95, 134,213
 Тури 53
 Турин 51, 138, 258
 Турне 53, 98, 168, 209, 212, 258
 Турню, монастырь 54
 Тьераш 238, 241
 Тюль 258
 Тюрингия 92, 119

у

Уаза, р. 242
 Унструт 272
 Унтервальден 153
 Уоллингфорд (Беркшир) 65, 94
 Урбино 180, 316
 Ури 153
 Уэльс 78, 80, 84, 114, 124, 126, 128, 134,
 168, 171, 209, 238, 244
 Уэссекс 27, 61

ф

Фалез 122, 244
 Фалькирк 83, 132

Фано 99
 Фервак, аббатство 242
 Феррара 180
 Ферруга 280
 Фессалия 11
 Фижак 99
 Фландрия 53-56, 58-60, 64, 98, 111, 116.
 151. 154.209, 257.260,262,273,323,330
 Флинт 126
 Флинтшир 209
 Флоренция (Флорентийское государство,
 Флорентийская республика) 80,83.86,99,
 106,110,112, 113,115, 116,131,133,136,
 138,144,149, 150,176,178,180, 184,273,
 320, 330, 333, 334
 Фонсом 242
 Фонтараби 149
 Фонтенуа279, 283,285
 Форарльберг 154
 Форли 156
 Форминьи 244
 Форново 145, 218
 Форэ, графство 125
 Фрайбург 155
 Фракия 11
 Франкония 48, 134
 Франш-Конте 208
 Френе-ле-Виконт 244
 Фрисландия 33, 47, 260
 Фриули 157
 Фуа 117, 140, 326
 Фужер, замок 138, 244, 303
 Фульда 45
 Фульфорд 63

Х

Хайт 63
 Халидон-Хилл 275
 Харлек 126
 Харран 76
 Хеммингштедт 182, 276
 Холируд, аббатство 120
 Хомс 75
 Хоуп 126
 Хэмпшир 126, 171

Ц

Цюрих 153,310

Ч

Чезена 178

Черное море 14

Честер 169, 185

Честер, графство 169, 185

Чехия (Богемия), Чешское королевство
42, 47, 48, 92, 140, 142, 154, 330, 333

Чешир 209

Чивидале (Фриули) 157

Чидлин, р. 279

Читта Папская 99

Ш

Шалон-сюр-Марн 59

Шалю, замок 85

Шамбери 257

Шампань 55,59,64,97,111,134,232,328

Шарру 289

Шартр 53, 57, 59, 128, 166

Шастель-Марлак 55

Шатильон 271

Шато-Гайар 117, 120, 125, 126, 128, 130

Шатонеф-сюр-Эпт 53

Шато-Тьерри 102

Швабия 45, 134

Шванау 119

Швейцария 87, 153, 154, 167, 267, 330

Швиц 153

Шеврез 52

Шельда, р. 242

Шербур 223, 244, 246

Шинон 122

Шлезвиг 182

Шотландия 78, 80, 87, 101, 132, 134, 139,
147, 149, 158, 168-170, 246, 257

Штирия 52

Э

Эбериствит 126

Эбро, р. 33, 68

Эверси 59

Эвре38, 128-131

Эдесса 75, 77

Эдинбург 120

Ахен65, 157

Экс-он-Прованс 258

Эльба, р. 33, 40, 47

Эльзас 12

Эльн 290

Эльц, р. 279

Эна, р. 52

Эпир 11

Эплешен 236

Эссекс 63

Этамп 53, 59

Эфиопия 311

Ю

Юзес 258

Юи 238

Ютландия 182

Ютландский перешеек 238

Ютландский п-ов 33

Я

Япония 156

Яффа 75

И М Е Н Н О Й   У К А З А Т Е Л Ь

- Аббон 38, 120
Абелин 128
Августин, св. 89,268,282,283,285,296,316
Авит, св. 26
Авраам 281
Агафий 16, 195, 196
Агобард, епископ Лионский 317
Адальберон I, епископ Меца 288
Адам Фурр 132
Адемар Монтейский, епископ Пюи 73
Адриан, император 11, 236
Айгина 30
Айстульф, король ломбардцев 28, 29
Аларих II, король вестготов 26, 28, 280
Александр VI, папа 224
Александр Великий 232, 272
Алексей I Комнин, византийский император 72
Ален Кривобородый 54
Алп-Арслан 72
Альберт I Австрийский, германский император 279
Альберт Великий 214
Альберт, епископ Рижский 90
Альберти, Леон Баггиста 222
Альбоин, король ломбардцев 30
Альварес Пелайо 293
Альге, Мартен 262
Альенора Аквитанская 259
Альтгейм Ф. 22
Альфонс I Арагонский Великолепный 137
Альфонс I Великолепный, король Астурии 68
Альфонс II, король Астурии 68
Альфонс X Мудрый, король Кастилии 227
Альфонс XI, король Кастилии 155
Альфонс I Завоеватель, король Португалии 90
Альфонс Пуатевинский 108, 111
Альфред Великий, король англосаксов 62
Амадей VI, граф Савойский 174, 178
Амальгер 30
Амато Салернский 66
Амвросий, св. 268, 281
Аммиан Марцеллин 17, 22
Амори Нарбоннский 83
Анаклет II, антипапа 67
Ангерран III де Куси 124
Андрей, св. 208, 209
Андроник II Палеолог, император Византии 135, 266
Анна Комнина 84
Анри Берр 5
Анри, герцог Бульонский 234
Анри, граф Дерби 242
Ансельм де Рибемон 71
Ансельм Луккский 293
Ансельм Хавельбергский 315
Ансфред, граф 48
Антигон I, король Македонии 325
Антонин Благочестивый 236
Антуан, герцог Брабантский 160
Аньелло, епископ Тридентский 280
Ардерн, Джон 214
Ариберт, епископ Милана 51
Аримберт 30
Аристотель 105, 158, 268, 269, 301, 305
Арк, Жанна д' 260, 272, 291, 317, 319
Арманык, Бернард 328
Арно 262
Арно Аманье д'Альбре, сеньор д'Орваль 244

Лрнульф, св. 287
 Арпады, династия, 43
 Артур, легендарный король 272
 Артур, принц Уэльский 187
 Артюр де Ришмон 148, 244, 247
 Арундел 285
 Арундел, Томас, граф 223
 Архимед 155
 Ательгсльм 65
 Ательстан, король англосаксонцев 62
 Атила 22
 Афанасий Великий, св. 281
 Аццо д'Эсте 92
 Ашетт, Жанна 260

Б

Бавен, Робер 132
 Базен, Тома 189, 190
 Байар, Пьер Террайль, сеньор де 223, 261, 270, 273, 291
 Балдуин I, Иерусалимский король 77
 Балдуин II, Иерусалимский король 77, 88
 Балдуин VII, граф Фландрии 53
 Бальзак, Робер де 221, 231, 235, 236, 245, 252, 304
 Бальони, Бракио де 148
 Барбиано, Альбериго да 179
 Баронт 30
 Бартоломео Урбинский 316
 Бегрек Б. С. 200
 Беда Достопочтенный 62, 284
 Бедфорд, Жан, герцог 166, 188
 Бейнак, Адемар де 265
 Бенедикт XII, папа 185, 242, 312, 314
 Бенедикт Левит 287
 Бенедикт, св. 89
 Бентивольо, Эрколе 144
 Бенцоне из Альбы 50
 Бернард 287
 Бернар IV, граф Комменжа 186
 Бернар Беарнский 232
 Бернар Клервоский, св. 42, 88
 Бернардино Сиенский 315
 Берр, Анри 5
 Бертольд 23
 Бертольд Шварц 155

Бертран, мастер 155
 Бертран Кари 240, 242
 Бетюн, Робер де 212
 Бирингуччо 163
 Бланка Кастилии, королева 108
 Блок, Марк 5
 Блондель, Робер 189
 Блюменталь, герольд 210
 Бове, Оноре 135, 141, 232, 292, 299, 302, 308
 Бодуэн, Мишо 163
 Болеслав I Храбрый, король Польши 277
 Болеслав II, король Польши 279
 Болеслав III, король Польши 279
 Бомануар, Филипп де 100
 Бонизон Сутрийский 293
 Боэмунд I, принц Антиохийский 74-76
 Брантом, Пьер 327
 Бретонский, герцог 331
 Бриенн, Готье де, герцог Афинский 266
 Бриуд, де, граф 289
 БруннерГ. 199, 201, 202
 Бруно, св., архиепископ Кельнский 288
 Буало, Этьен 211
 Бургундский, герцог 331
 Буридан, Жан 158
 Бурнонвиль, Нолен де 251
 Бурхард Вормсский 285
 Бусико, Жан, называемый Le Meindre 233
 Бушар, граф Вандома 59
 Бьондо, Флавио 155
 Бэ, Никола де 229
 Бэкон, Роджер 156, 214, 300
 Бюд, Сильвестр 179
 Бюро, Гас пар 163
 Бюро, Жан 163
 Бюссьер, Може де 81
 Бюттен Ф. 204-206
 Бюзэй, Жан де 136, 155, 159, 218, 231, 232, 234, 235, 245, 248, 249, 270-272, 292, 299, 304, 308

В

Валент, император 17, 20
 Валентиниан I 14
 Валерий Максим 228. 230, 316
 Валуа, династия 145, 146, 147, 168, 186,

191, 209, 233
 Вольдемар 1. король Дании 271
 Вальдерик 30
 Вальтер Голяк 73
 Вальтер из Милимете 156
 Вальтурио, Роберто 155, 222, 235
 Вамба, король вестготов 28
 Вандамар 30
 Ван Оверстретен Р. 225
 Варвара, св. 317
 Вас, Роберт 271
 Василий Великий, св. 284, 285
 Вебер, Макс 290
 Вегеций 189, 227-229, 231. 269, 316
 Велизарий 20
 Веллей Патеркул 22
 Вельфы, династия 329
 Вербрюгген Ж. Ф. 35
 Вергилий 155
 Вернер К. Ф. 35, 36
 Видукинд Корвейский 45, 279
 Виклиф, Джон 311, 313
 Виллани, Джованни 99, 216
 Виллар д'Оннекур 119
 Виллардуэн, Жоффруа де 120
 Вильгельм, герцог Гельдернский 320
 Вильгельм Завоеватель, король Англии 52, 57, 64, 65, 73, 244, 286, 295, 319, 330
 Вильгельм Каталонец 115
 Вильгельм Мальмесберийский 115
 Вильгельм, маркграф Юлихский 242
 Вильгельм Маршал 232
 Вильгельм Незаконнорожденный 64
 Вильгельм Рыжий, король Англии 52, 65
 Вильгельм Тирский 249
 Вильям Бохэм. граф Нортгемптон 242
 Вильям де Ла Поль, граф Саффолка 234
 Винцент из Бове 227
 Винчестерский, граф 94
 Винчи, Леонардо да 222
 Винье, Жанде 135, 227
 Виоланта-Ирина Монферратская 135
 Виолле-ле-Дюк Э. 131, 203
 Висконти, Бернабо 178
 Висконти, Бьянка 180
 Висконти, Галеаццо 178

Висконти. Доннина 178
 Висконти, Лодрицио 177
 Висконти, семья 178
 Висконти, Филиппо-Мария 186
 Витигис, король остготов 20, 21
 Витри, Жак де 261
 Вуальпранд 29
 Вудуард, Уильям 158

Г

Гайер Г. 206
 Галлиен 15
 Гальберт Брюггский 274
 Ганнибал 225
 Гансхоф Ф. 35
 Гарлан И. 115
 Гарланд, Жан де 118. 119
 Гарнье, мэтр 121
 Гарнье 128
 Гарольд, король англосаксов 65. 115. 319
 Гастон Фебюс, граф де Фуа 149, 185, 321. 326
 Гастон де Фуа, герцог Намюрский 291
 Гвидо ди Монтефельтро 156
 Гедеон 281
 Геклен, Бертран дю 232, 259, 272, 318, 321
 Геклен, Жюльенна дю 259
 Гектор 270, 272
 Гельвиза, графиня д'Эвре 259
 Гензерих, король вандалов 20
 Генрих I (Птицелов), король Германии 45
 Генрих II, император 43
 Генрих IV, император 43, 46. 47. 50
 Генрих V, император 47, 50. 59
 Генрих VI, император 91
 Генрих VII, император 91
 Генрих I (Боклерк), король Англии 50. 52, 53, 59-61, 65, 77, 93, 291
 Генрих II (Плантагенет). король Англии 80, 93, 94, 102, 103, 124, 207, 238, 256, 258, 263
 Генрих III, король Англии 78, 81. 94. 106
 Генрих V, король Англии 136. 188, 209, 213, 312, 318, 319
 Генрих VI, король Англии 137, 166. 231, 319
 Генрих VII (Тюдор), король Англии 163. 187, 319

- Генрих VIII, король Англии 163, 168, 187
 Генрих Бар 132
 Генрих Гентский 269, 270
 Георгий Пахимер, 266
 Георгий, св. 72, 208, 317, 319, 333
 Гиральд Кембрийский 84, 206, 229
 Геральд Орильякский, св. 293
 Герард Ландсбергский 316
 Герман фон Зальца 82, 90
 Герольд Берри (Жиль Волопас) 140, 141
 Герон Александрийский 227
 Гертер, Вильгельм 181
 Гетти, архиепископ Трирский 36
 Ги Анжуйский 289
 Ги Брионский 64
 Гийом, герцог Гельдернский 320
 Гийом I, граф Намюрский 174
 Гийом I, граф Геннегау 144
 Гийом II, граф Геннегау 242
 Гийом II, граф Невера 52, 59
 Гийом Бретонский 85, 250
 Гийом Гиар 209, 211
 Гийом де Сен-Патю 129
 Гийом Ипрский 262
 Гийом Камбрейский 262
 Гийом Оранжский 319
 Гийом Пьер де Ла Мар 86
 Гинемер Булонский 75
 Глабер, Рауль 289
 Готенштауфены, династия 329
 Годфруа Ф. 206
 Голиаф 279
 Гомбо, архиепископ Бордо 289
 Гомер 155
 Гостензий 297, 298, 301, 302
 Готфрид Бульонский 73, 75, 77, 121, 272, 320
 Гоше Бело 132
 Грациан 292, 298, 300
 Грей, Эдвард, сэр 143
 Григорий IX, папа 80, 92, 292
 Григорий X, папа 229
 Григорий XI, папа 258
 Григорий Турский 27, 29, 55, 195, 196, 202, 278
 Грюэль, Гийом 148
 Гуго I, граф де Водемон 318
 Гуго II, герцог Бургундии 52, 59
 Гуго Бургундский 108
 Гуго Великий, граф Вермандуа 73
 Гуго де Куртене 94
 Гуго Черный, граф Ангулемский 108, 109
 Гуго, граф Труа и Шампани 59
 Гугуччо 297, 298, 301
 Гумбо, сеньор Сен-Севера 52
 Гундобальд 278
 Гунтрамн, король франков 27, 30
 Гюго В. 255
- д
- Давид, царь иудеев 272, 279, 281, 296
 Дагоберт I, король франков 30, 32
 Данте Алигьери 311
 Датини, Франческо ди Марко 233
 Деклот, Бернат 87
 Дельбрюк Г. 35, 248
 Деметрий Полиоркет 325
 Дешан, Эшташ 272
 Джимабони, Боно 227
 Джиовио, Паоло 178
 Джованни ди Леньяно 135, 179, 299, 302
 Джон Боутур 132
 Джон Бромиярд 303
 Джон Гонт, герцог Ланкастерский 136, 138, 147, 170, 171
 Джон Корнуэльский 312
 Джон Фастолф 137, 227, 231, 292
 Диоклетиан, император 12, 13, 15, 16
 Диомеде Карафа 137
 Дионисий Картезианец 227
 Дионисий, св. 317, 319
 Дондт Ж. 200
 Дофен, Гишар 232
 Дрё де Муши 52
 Дроу, Антуан 315
 Дуглас, Жак, граф 259
 Дюби, Жорж 264, 293
 Дюбуа, Пьер 107, 311
 Дюнуа, Жан, граф 244
 Дюран, Гийом, епископ Манда 295, 305, 308
 Дюран. Шадю 264

Е

Екатерина Сиенская, св. 178

Ж

Жак д'Арманьяк, герцог Немурский 208
 Жак дю Шателье, епископ Парижский 319
 Жак Ромон Савойский, граф 154
 Жак Фурнье, см. Бенедикт XII, папа
 Жак, мастер 128
 Жакмен де л'Эспин 160
 Жан III, герцог Брабантский 242
 Жан Биго 320
 Жан д'Ибелин 91
 Жан де Дайон 142
 Жан де Дье 292
 Жан де Мезо 121
 Жан де Мен 227
 Жан де Ру 78
 Жан де Руа 211
 Жан, аббат 315
 Жан IV, герцог Бретонский 170
 Жан, герцог Алансонский 244
 Жан I, граф Геннегау 212
 Жеводан, граф 289
 Женевский, граф 174
 Женевьева, св. 22
 Жерсон, Жан 227, 311, 316, 321
 Жильбер Ле Фоссье 128
 Жирар Руссильонский 102
 Жоан I, король Португалии 320
 Жозеф де Местр 325
 Жослен Бражелондский 93
 Жослен де Корно 121
 Жоффруа де Бретеи 315
 Жоффруа де Сен-Омер 87
 Жоффруа Плантагенет, граф Анжуйский 228
 Жуанвиль, Жан де 102, 115, 317
 Жювенель дез Юрсен, Жан 234, 244, 299
 Жюльен де Везеле 206, 315, 316

З

Зосим 15

И

Иаков, св. 68, 90, 317

Иаков Младший, св. 299
 Иероним, св. 11, 22
 Иеффай 281
 Изабелла Баварская 253
 Изабелла Католическая (Изабелла Кастильская), королева Испании 149, 191
 Изамбур Датская 95
 Иисус Христос 88, 89, 281, 291, 297, 298, 313, 317
 Ингенуин Савонский 280
 Иннокентий II, папа 67
 Иннокентий III, папа 90, 92, 312
 Иннокентий IV, папа 298, 315
 Инэ, король англосаксов 27
 Иоанн I, король Дании 276
 Иоанн XII, папа 287
 Иоанн XXII, папа 134, 230
 Иоанн Безземельный 84, 94, 102, 104, 116, 121, 124, 125, 225, 229, 262, 264
 Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский 159, 166, 231, 251, 270, 277
 Иоанн Слепой (Богемский), король Чехии 273
 Иоанн Винтертурский 153
 Иоанн Генуэзский 205
 Иоанн Добрый, король Франции 145, 150, 173, 252, 253, 327
 Иоанн Иерусалимский, св. 88
 Иоанн Калабрийский 151, 229
 Иоанн Креститель, св. 281, 286, 295
 Иоанн Лидиец 16
 Иоанн Немецкий 301
 Иоанн Солсберийский 293
 Иоанн Цимисхий, император Византии 278
 Иоанн I Палеолог, маркиз Монферратский 178
 Иовин, император 12
 Иона Орлеанский 316
 Иосиф 272, 281
 Иосиф, бомбардир 259
 Иржи из Подебрад, король Чехии 142, 311
 Ирина, св. 281
 Исидор Севильский 22, 30, 31, 196, 280
 Иуда Маккавей 272, 281, 296

К

Кадок (или Ламбер де Кадок) 86,262,264
 Калло, Жак 266
 Камбье. Жан 160
 Камуфль 156
 Канивэ Ж.-М. 88
 Кантилуп, Вильям де 94
 Капетинги, династия 54, 79, 85
 Кардадаяк, Гуго де 157, 219
 Карл I Анжуйский, король Сицилии 80, 81, 113, 115, 132, 320
 Карл II Анжуйский, король Сицилии 265
 Карл III Простоватый 38, 286
 Карл IV, король Франции 178, 328
 Карл V, король Франции 136, 146, 150, 158, 171-174, 186, 188,212, 233,247.303
 Карл VI, король Франции 136, 146, 186, 188, 209,231, 233, 234,260,319, 320, 328
 Карл VII, король Франции 140,141,148.150, 163, 164, 172, 175, 183, 185, 188, 189, 190, 208, 210, 229, 234, 244, 247, 303, 319, 332
 Карл VIII, король Франции 137, 139, 151, 163, 164, 167, 185, 208
 Карл Блуаский 317
 Карл Валуа, граф 134, 319
 Карл Великий 33-37, 55, 68, 201, 202, 238, 244, 272, 286, 287, 322, 331
 Карл д'Артуа, граф д'Э 244
 Карл Добрый, граф Фландрии 59, 273
 Карл дю Мэн, граф 210
 Карл Злой, король Наварры 149
 Карл Лысый, император 38, 39, 54, 283
 Карл Мартелл 32, 34, 199-201
 Карл Смелый, герцог Бургундский 136, 138,139,144, 145,147,151,152,154,162, 163,167, 175, 184,186,189,191,207,208, 210,217, 223,228, 231,234,251-253,255, 270,304, 309, 320,331
 Карл Толстый, император 40
 Карл VII, французский король 332
 Карломан 32, 199
 Каролинги, династия 33, 35, 36, 40, 43, 50, 54, 201, 287, 329-331
 Кассиодор 27, 197
 Кателано де Аримино 148
 Кербога 76

Кизер, Конрад 136
 Кириэл. Томас 244
 Клермон. Жан де, граф 244
 Кнут Великий 62, 63
 Колады Риенцо 177
 Колонна, семья 180
 Коммин, Филипп де 145,153,164,218,304
 Контамин, Филипп 5, 6
 Конрад 1, король Германии 45
 Конрад II. король Германии 43, 49
 Конрад III. император 249
 Конрад, князь Мазовецкий 90
 Константин I Великий 331
 Константин Великий, император 13, 15, 25, 281. 311, 321, 331
 Констанций, патриций 12
 Кордебей, Мерлен де 136
 Кориолан 270
 Корнадзано. Антонио 155
 Корнилий.сотник 281
 Коэтиви. Прижан де 223
 Кристина Пизанская 136, 159, 166, 175, 212, 227, 292, 304, 305,311
 Кромвель. Оливер 225
 Курберан 262
 Кьерикати. Кьерегино 137
 Кювелье 318

Л

Ла Бом, Гийом де 251
 Ла Брокьер, Бертрандон де 230
 Ла Гир. Этьен де Виньоль, прозванный 235
 Ла Персоны. Жан 257
 Ла Саль, Антуан 229, 231
 Ла Саль. Гадифер де 272
 Ла Тремуй, Луи де 137, 223, 292
 Лаваль, Андреде 183
 Лаваль, Анна де 183
 Лаваль, Ги де 183
 Лаваль, Жанна де 183
 Лаврентий Испанский 301
 Лакордер Н. 315
 Лактанций 281
 Лален. Антуан де 148, 167, 191,211
 Лален, Жак де 223
 Ламберт Герсфельдский 47

Ламберт, св. 317
 Ландау, Конрад фон 177
 Ланнуа, Гильбер де 137
 Ланселот де Лиль, губернатор Шартра 166
 Ланфранк, архиепископ Кентерберийский 295
 Ле Буржуа, Тугдуаль 223
 Ле Мерсье, Жан 246
 Лебрэн, Раймон 262
 Левдеберт 30
 Лев IV, папа 288
 Лев VI, император Византии 43, 44
 Леовигильд, король вестготов 28
 Леттенхове, Кервин де 175
 Либаний 25
 Лиддел-Гарт Г. Б. 225
 Лин, Луи 223
 Лиутпранд, епископ Кремоны 43, 44
 Лобар 262
 Лонгийон, Жак де 272
 Лоос, граф де 262
 Лопес, Хуан 302, 306
 Лот, Фердинанд 16, 35
 Лотарь I, император 35, 39, 228
 Лотарь Суплинбургский, император 46
 Лувуа, Франсуа 208
 Лузиньян, Жак де 212
 Луи де Маль, граф Фландрии 321
 Луи, герцог Орлеанский 145
 Лука Евангелист, св. 246
 Луп, св. 22
 Лупескар 262
 Людовик II, император 39
 Людовик VI Толстый, король Франции 52-54, 59, 291
 Людовик VII, король Франции 42, 53, 85, 102, 263, 290
 Людовик VIII Святой, король Франции 117
 Людовик IX, король Франции 78, 81, 95, 98, 100, 107, 111, 113-115, 118, 121, 123, 129, 290, 298, 317, 334
 Людовик X Воитель, король Франции 277
 Людовик XI, король Франции 139, 148, 151, 153, 163, 164, 166, 172, 175, 185, 190, 208, 210, 211, 220, 222, 223, 247, 309, 320, 331

Людовик XII, король Франции 224
 Людовик Баварский, император 279
 Людовик Благочестивый 35-37, 39, 40
 Людовик Немецкий, король Германии 283
 Людовик Савойский 174
 Люсьен Февр 5
 Люцифер 300

М

Маврикий, св. 317
 Макиавелли, Никола 182, 223, 267, 276, 327
 Максимилиан Габсбург, император 151, 154, 167, 182, 208, 211
 Мале де Гравиль, Луи 136
 Малик-Хан 72
 Малинин Ю. П. 6
 Манассия, епископ Реймский 71
 Манн. Джеймс 203
 Мап, Готье 42, 261
 Мария, св. 90, 264, 320
 Марк Грек 214
 Марко, Франческо ди 233
 Марс, бог войны 200, 270
 Марсилиус Падуанский 311
 Мартин V, папа 150
 Мартин, св. 280
 Мартино ди Лоди 301
 Матвей Парижский 81, ПО
 Матильда, императрица 92
 Мезьер, Филипп де 144, 174, 204, 228, 255, 307, 311
 Мен, Жан де 227
 Мерате, Габриэло де 208
 Мерате, Франческо де 208
 Меркадьер 262, 265
 Меровинги, династия 331, 333
 Микелетто дельи Аттендоли 144, 150, 180, 184, 276
 Милон 49
 Мин, династия 236
 Мирво, Анри де 125
 Мирфилд, Джон 155
 Михаил, св. 317
 Моисей 281, 287
 Молен, Жан 231

Молине, Жан 145, 148, 154, 186, 189, 222, 223, 231. 235, 270
 Монреальд'Альбарно (фра Мориале) 177
 Монстреле, Ангерран де 145
 Монтень М. 277, 304
 Монтиньи, де, сеньор 154
 Монтоне, Браччо да 180
 Монфор. Амори де 117
 Монфор, Ги де 86
 Монфор. Жанна де 259
 Монфор, Симон де 102, 117-119, 123
 Муллен, Готье де 122, 129
 Мунтанер, Рамун 266
 Муске, Филипп 102
 Мюрез, Эрик 226

Н

Нассау, Энгельберт де, граф 154
 Невилл, Джон 170
 Нигер 312
 Никифор 259
 Николай I, папа 284
 Николай II, папа 66, 290
 Николай IV, папа 229
 Николас Херефорд 313
 Нитхард 283
 Ницетий. св., епископ Трирский 55
 Номпар, сеньор де Комон 140
 Ноулз, Роберт, сэр 257
 Нуайе, Гуго де 228

О

Одилон, св., аббат Клюни 290
 Одоакр 12, 26
 Одольфريد 301
 Одон, св., аббат Клюни 293
 Оливье де Клиссон 78
 Оливье де Ла Марш 148, 152, 167, 186
 Ольри де Бламон, епископ Туля 320
 Ордрик Виталий 53, 65, 259, 274
 Ориген 281
 Орсини, семья 180
 Орсини, Латино, кардинал 137
 Орсини, Орсо дельи, герцог Асколы и граф Нолы 137
 Отгон I Великий, император 43, 45, 46, 51

Отгон II, император 48, 51
 Отгон III, император 50, 51, 287
 Отгон IV Брауншвейгский, император 119
 Отгон Фрейзингенский, епископ Бамберга 43
 Отгон Каринтийский 279
 Отгоны, династия 42
 Оффа, король англосаксов 61, 62, 238

П

Павел, св. 315, 334
 Павио, Луи 223
 Палестрина, Джованни Пьерлуиджи да 255
 Пальма, сеньор де 154
 Пандульфо де Мундавио 148
 Парейр, Бернар 121
 Паскерель, Жан Ф. 291
 Пастон, Эдмунд 170, 171
 Пастуро, Франсуа 166
 Паулин Аквилейский, св. 287
 Паулин Нольский, св. 281
 Педро Азамар 302
 Педро Кастильский 223
 Пейен, Гуго де 87, 88
 Пелайо, король Астурии 68
 Пенфесилея 259
 Петр II Савойский, граф 130
 Петр Дамиани 312, 313
 Петр Достопочтенный, аббат Клюни 105
 Петр Отшельник 73
 Петр, св. 281, 288, 294, 298
 Петр Хельчинский 314
 Петрарка 155
 Пий II, папа 148, 155
 Пипин II Геристальский, майордом Австризии 32
 Пипин III Короткий, король франков 32, 34, 55, 199, 201
 Плано Карпини, Джованни ди 205
 Плантагенеты, династия 79, 93, 96. 256, 263, 265
 Платон 268, 269
 Поло, Алессандро 208
 Понс де Мельгей, 105
 Приора, Жан 227
 Прокопий Кесарийский 13, 195, 196, 231

Пруденций 281
 Псевдо-Аристотель 156
 Пти-Пон, Адам дю 206
 Пьер де Уго 132
 Пьер ле Шартр 292
 Пьеро Бальдо деи Убальди 301
 Пьеро де Базакапе 113

Р

Рабан Мавр 205, 228, 285
 Раймонд VII, граф Прованса 80
 Раймон де Сент-Фуа 314
 Раймунд Ажильский 112, 121
 Раймунд де Пеньяфорт, св. 292, 301
 Раймунд V Сен-Жильский, граф Тулузы 73, 74, 121
 Рамбер 49
 Рамундус Аркерии 157
 Рассел Ф. Г. 303
 Рауль де Божанси 53
 Рауль, герцог Лотарингский 304
 Рауль, граф Вермандуа 59
 Рацесвинт, король вестготов 26
 Ревель, Гийом 220
 Регинон Прюмский 285
 Рейнфельден, Рудольф фон 279
 Реккаред, король вестготов 23, 28
 Рене II Лотарингский, герцог 181, 186, 304, 307, 320, 321
 Рено, герцог Гельдернский 238, 242
 Рене Анжуйский, король Сицилии 244
 Рено де Даммартен, граф Булонский 250, 262
 Ригонта 23
 Ригор 262
 Ринальдески, Пьеро де 233
 Рихер Пеймский 41
 Ричард I Львиное Сердце, король Англии 79, 85, 86, 94, 116, 125, 128, 262, 264, 277
 Ричард II, король Англии 136, 158, 169, 185, 233, 307, 309
 Ричард Английский 292
 Ричард Бьючем, граф Уорика 142
 Ричард, герцог Глостера 170
 Ричард Корнуэльский 94
 Ришар 227

Ришар де Вассбург 307
 Робер де Бетюн, граф Фландрии 212
 Робер де Курсон 306
 Роберт 74
 Роберт II, граф Артуа 111
 Роберт II, граф Фландрии 52, 59-61, 73, 74
 Роберт III, граф Мелана 52
 Роберт Гвискар 66, 67
 Роберт Коротконогий, герцог Нормандии 73
 Роберт, граф Глостера 59
 Роберт, граф Парижский 286
 Робертины, династия 54
 Рожер II, король Сицилии 67
 Розмитель, Лео фон 140
 Роланд 327
 Роллон 38, 54
 Роман Диоген, император 71
 Ротари, король ломбардцев 27
 Рошфор, Шарль де 173
 Рупрехт, король Германии 181
 Руфин, мэтр 291, 300
 Рье, мон сеньор де 210

С

Саваро 151
 Саксонская (позже - Салическая) династия 42, 43
 Саллон, Жаннон 210
 Саллюстий 230, 316
 Самен, Жиро де 217
 Самсон 281
 Самсон, аббат 93
 Сангалло, Джулиано де 222
 Сансерр, Этьен де, граф 263
 Свеног 271
 Святослав, киевский князь 278
 Себастьян, св. 317
 Семен, Жиро де 217
 Сен-Марк, Реньо де 257
 Сен-Поль, Людовик Люксембургский, граф де 221, 244
 Сент-Энъян, Лука де 132
 Сигиберт, король франков 31
 Сигизмунд Люксембургский, император 153
 Сидоний Аполлинарий 22

Скидмор, Джеймс 146, 147
Слейц, Томас 182
Смайл Р. 248
Солсбери, граф 174
Стаффорд, Хэмфри, граф 143
Стеббс У. 299
Стефан II, папа 287
Стефан Блуаский. король Англии 92-93, 262
Стефан Лангтон, архиепископ Кентерберийский 306
Стефан, граф Блуа 73, 75
Сугерий 59
Сульпиций Север 281
Сфорца, Алессандро 180
Сфорца, Муцио Аттендоло 180
Сфорца, семья 180
Сфорца, Франческо 152, 180
Сципион 225

Сюрьенн, Франсуа де 221, 244, 303

Т

Тайлефер 271
Таккола, Мариано ди Джакопо 136
Тальбот, Джон, граф Шрусбери 217
Тальян 251
Тассилон, герцог Баварии 201
Татикий 74
Тафур, рыцарь 333
Тацит 196
Теобальд, герцог аламаннов 32
Теодоберт I, король франков 202, 279
Теодор, архиепископ Кентерберийский 284
Теодорих, король остготов 12, 25, 26
Тертуллиан 281
Теобальд, герцог аламаннов 32
Тибо I, граф де Бар 99
Тибо IV, граф Блуа 52, 53, 59
Тибо, граф Шампани 86, 125
Тибо де Бар, епископ Льежа 272
Тибо, Жан 213
Тит Ливий 227, 232, 316
Томас де Маубрей, граф Ноттингема, маршал Англии 136
Томас Кобхем 306
Томас Монтегю, граф Солсбери 166, 223
Томас, граф Эссекса 136

Торины, Робер де 238, 264
Торселло, Марино Сануто 212, 230, 247
Тотила, король остготов 20, 21, 27
Теодоберт I, король франков 202
Тразамунд 278
Траян 203

Труа, Кретьен де 211

У

Уайт, Линн 199-202
Уильям де Ла Поль, граф Саффолка 234
Уильям Суиндерби 313
Уолтер Брют 313
Урбан II, папа 71, 73, 85, 290, 296, 297
Урбан IV, папа 80
Урбан В. 131
Уррик, мастер 121
Урслинген, Вернер фон 177
Учелло, Паоло 142

Ф

Фабий Максим 270
Фалько (или Фалькез) 262
Фастолф, Джон, сэр 137, 227, 231, 292
Фатимиды, династия 75
Февр, Люсьен 5
Федерико Урбинский, герцог 155
Фелтон, Томас, сэр 170, 259
Феодор Палеолог 135, 231, 232, 238
Феодосий II, император 281
Фердинанд II Арагонский 231
Фердинанд Кастильский 108
Фернандо де Хуан 108
Ферри Кассинель, епископ Оксерра 321
Фибоначчи, Леонардо 105
Фиденцо Падуанский 134, 229
Филарете, Антонио Аверлино 222
Филипп Эльзасский, граф Фландрии 208
Филипп I, король Франции 52, 59-61, 73, 291
Филипп III Смелый 112, 133
Филипп III, король Франции 95, 96, 108, 112, 113, 123
Филипп IV Красивый, король Франции 80, 86, 96, 101, 102, 104, 107, 108, 131, 133, 207, 209, 232

Филипп VI Валуа, король Франции 149, 207-209, 236, 238, 242, 303, 319, 326
 Филипп Август, король Франции 52, 78, 79, 81, 84, 95, 98, 105, 106, 116, 117, 121, 122, 124, 126, 128, 130, 262-264, 318, 319
 Филипп де Виньоля 304, 307
 Филипп Добрый, герцог Бургундский 137, 139, 160, 166, 190, 213, 230, 270
 Филипп Клевский 136, 154, 219, 224, 246, 279, 304
 Филипп Красивый (эрцгерцог) Габсбург 148, 191, 224, 247
 Филипп Савойский, граф 130
 Филипп Храбрый, герцог Бургундии 135, 270, 277
 Филон Византийский 227
 Фитц-Нигел, Ричард 105
 Фламенвилль, Гийом де 128
 Фогассо, Франческо 223
 Фольяно, Гиберто да 157
 Фома Аквинский, св. 268, 291, 298, 305, 307
 Франко Ф. 17
 Франциск I, король Франции 164, 216
 Франциск I, герцог Бретонский 244
 Франциск II, герцог Бретонский 320, 331
 Франциск Ассизский 312
 Франческо ди Джорджо Мартини 155, 160, 214, 222
 Фредегар 30-32
 Фридрих I Габсбург, герцог Австрийский 279
 Фридрих II, император 80-82, 84, 90, 106, 107, 115, 124, 205, 334
 Фридрих Арагонский, король Сицилии 265
 Фридрих Барбаросса, император 79, 123, 261, 263, 290, 309
 Фронтин 227, 228, 229, 316
 Фротхард, епископ Туля 36
 Фруассар, Жан 173-175, 209, 210, 212, 216, 223, 230, 232, 246, 247, 259, 273-275, 310, 318, 327
 Фуаде, граф 95, 99, 118
 Фульберт Шартрский 285
 Фульк V, граф Анжуйский 53
 Фульрад 37

Х

Хадоинд 30
 Ханс I, король Дании 182
 Харботл, Джон 166
 Хариберт 30
 Хармнелен 30
 Харфф, Арнольд фон 167, 224
 Хельгард де Флёри 293
 Хераард 30
 Хильперик, король франков 23, 29, 30
 Хинкмар Реймский 316
 Хлодвиг I, король франков 28, 280, 311
 Хлотарь II, король франков 278
 Ховден, Роджер 110
 Хоквуд, Джон 146, 177, 178, 217
 Христиан, епископ Пруссии 90
 Хуан II, король Арагона 302

Ц

Цезарь, Юлий 205, 227, 230, 232, 255, 272
 Цицерон 268, 269, 282

Ч

Чикко, Симонетта 208

Ш

Шарни, Жоффруа де 232
 Шароле де, граф (см.: Карл Смелый)
 Шартье, Жан 147, 244
 Шатель, Танги дю 223
 Шатлен, Жорж 136, 311
 Шеври П. де 101
 Шиме де, князь 154
 Шмиттхеннер П. 109

Э

Эбль II, граф де Руси 52
 Эввар, герцог Фриульский 227
 Эгберт, король Уэссекса 61
 Эгидий Римский 212, 227-229
 Эгика 29
 Эд, епископ Байе 65
 Эдмунд, св. 93
 Эдуард I, король Англии 80, 83, 86, 94, 104, 107, 108, 112, 114, 120, 124, 126, 128-133, 225, 227, 244, 256, 326

- Эдуард III, король Англии 146, 149, 169, 173, 238, 241, 242, 275, 303, 326
Эдуард IV, король Англии 146
Эдуард Исповедник 62, 63
Эдуард, принц Уэльский, прозванный Черным принцем 242, 243, 275
Эдуард Старший 62
Эгберт, король Уэссекса 61
Элигий, св. 287
Эмон, архиепископ Буржа 289
Энгилез Сен-Реймский 83, 115
Эней Тактик 227
Эненс А. д' 38
Эньян, св. 22
- Эода 284
Эразм Роттердамский 311
Эрвигий, король вестготов 29
Эрих, король вестготов 31
Эркенбальд, епископ Страсбургский 48
Эрменон 30
Эрменфрид 286
Эскуши, Матье д' 153
- Югоне, Гийом 151
Юлиан Пуарьерский, св. 89
Юлиан, император 12, 25
Юстиниан 12, 16, 17, 20

ОГЛАВЛЕНИЕ

Филипп Контарин и его творчество.....	5
Предисловие.....	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Общий взгляд. Характерные черты военной истории Средневековья	9
ГЛАВА I. Варвары (V-IX вв.).....	11
1. Падение западной Римской империи: военная проблема.....	-
2. Война и общество в варварских королевствах (VI—VII вв.).....	23
3. Сила и слабость каролингской армии (VIII—IX вв.).....	32
ГЛАВА II. Эпоха феодализма (начало X - середина XII в.).....	40
1. Общие черты.....	—
2. Священная Римская империя.....	42
3. Французское королевство.....	52
4. Англия.....	61
5. Нормандские королевства в Южной Италии.....	66
6. Иберийский мир и Реконкиста.....	67
7. Первый крестовый поход и латинские государства Востока.....	71
ГЛАВА III. Апогей Средневековья (середина XII - начало XIV в.).....	78
1. Воины и вооружение.....	80
2. Рыцарские ордены.....	87
3. Военские повинности и обязанности.....	91
4. Деньги, платная служба и наемничество.....	105
5. Оборонительные сооружения.....	116
Способы атаки.....	117
Способы обороны.....	121
6. Заключение.....	131
ГЛАВА IV. Наемные отряды, артиллерия, постоянные армии (начало XIV - конец XV в.).....	135
1. Война в жизни общества.....	—
2. Эпоха кавалерии.....	142
3. Метаморфозы пехоты.....	149
4. Артиллерия.....	155
Технические аспекты.....	—
Количественные аспекты.....	165
5. Контракт, наемники, добровольцы.....	168
6. Первые постоянные армии.....	184